

ЖОРЖИ
Амаду

ЖОРЖИ
Амаду

2

ЖОРЖИ АМАДУ • СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЁХ ТОМАХ

ЖОРЖИ
Амаду

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЁХ ТОМАХ

МОСКВА
'ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА'
1987

ЖОРЖИ
Амаду

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЁХ ТОМАХ
ТОМ ВТОРОЙ

СТАРЫЕ МОРЯКИ

ДОНА ФЛОР
И ДВА ЕЁ МУЖА

ПЕРЕВОД С ПОРТУГАЛЬСКОГО

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1987

ББК 84.7Бр
А 61

JORGE AMADO

**OS VELHOS MARINHEIROS
OU
O CAPITÃO DE LONGO CURSO
1961**

**DONA FLOR E SEUS DOIS MARIDOS
1966**

Редакционная коллегия:

*Ю. Дашкевич
О. Игнатъев
В. Кутейщикова
А. Минин*

Составление

И. Тергерян

Художник

В. Пахомов

4

А $\frac{4703000000-186}{028(01)-87}$ подписное

© Состав, оформление.
Издательство
«Художественная литература»,
1987 г.

**СТАРЫЕ МОРЯКИ,
ИЛИ ЧИСТАЯ ПРАВДА
О СОМНИТЕЛЬНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ
КАПИТАНА ДАЛЬНОГО ПЛАВАНИЯ
ВАСКО МОСКОЗО ДЕ АРАГАН**

РОМАН

**Перевод
ЮРИЯ КАЛУГИНА**

*Но такого никто не знает
И никогда не узнает.
Он никогда не жил на свете,
Да, да, просто не было
Того, что мы сочиняем.
Кто может, пусть придумает другого...
.....*

*(Карлос Пена Фильо.
Страшный эпизод)*

Собрались на совет все ветры мира...

*(Жоакин Кардозо.
Совет ветров)*

ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД

О прибытии капитана в предместье Баии — Перипери, рассказ о его необыкновенных приключениях в пяти океанах, в далеких портах и морях, о грубых моряках и страстных женщинах и о влиянии хронографа и телескопа на мирное население предместья

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Каким образом рассказчик, опираясь на свой небольшой, но не лишенный приятности опыт, намерен извлечь истину со дна колодца

Мое намерение, мое единственное намерение — прошу мне повернуть! — восстановить истину. Я хочу докопаться до нее, чтобы не оставалось никаких сомнений относительно всего, что касается капитана Васко Москозо де Араган и его необычайных приключений.

«Истина находится на дне колодца», — прочитал я однажды то ли в какой-то книге, то ли в газете, не могу припомнить. Во всяком случае, эти слова были напечатаны, а разве можно не верить печатному слову?

Я по крайней мере не имею привычки подвергать сомнению и тем более опровергать суждения, высказанные в книгах или газетах. Если сказанное мною мало убедительно, могу прибавить, что многие великие люди не раз повторяли вышеупомянутый афоризм, и думаю, что они не совершали ошибки, когда стремились извлечь ее из колодца и поместить в более подходящее место: например, во дворец («истина — в королевском дворце»), в постель к красавице («на груди у красотки всегда найдешь истину»), на край света («иди за истиной на край света») или в жилище бедняка («бедняку истина известна»).

На мой взгляд, эти изречения звучат изящнее, не столь грубы и не оставляют такого гнетущего впечатления холода и одиночества, каким веет от слова «колодец».

Почтеннейший доктор Сикейра, судья в отставке, весьма порядочный и всеми уважаемый житель нашего предместья с сверкающей лысиной, что говорит о его учености, разъяснил мне, что в данном случае мы имеем дело с идиоматическим выражением, смысл которого настолько ясен и известен, что им пользуются все, так что оно стало поговоркой. Затем, как всегда безапелляционно и весомо, он добавил одну любопытную деталь: истина не только находится на дне колодца, но она совершенно нагая, так сказать, ничем не прикрытая. Да, да, на дне колодца и совершенно нагая...

У нас в предместье Перипери сеньор Алберто Сикейра считается кладезем премудрости и образцом высокой культуры. Это ведь он Второго июля¹ произносит речь на небольшой площади нашего города, а Седьмого сентября² — у школы, не говоря уже о других, менее значительных датах и о тостах на именинах и крестинах. Тем, что я знаю, пусть это и немного, я обязан судье, вечерним беседам с ним перед его домом и преисполнен к нему уважения и признательности. Когда судья разрешает мои сомнения, говоря со мной не допускающим возражений тоном и бурно жестикулируя, все кажется мне простым и ясным и мне нечем крыть. Но стоит мне с ним расстаться и начать размышлять самостоятельно, вся ясность и простота исчезают. Так было, например, с вопросом относительно местонахождения истины. Да, все становится сложным, неразрешимым, я силюсь припомнить объяснения достопочтенного судьи, но тщетно. И окончательно запутываюсь. Можно ли не верить такому ученому человеку? Ведь у него все шкафы набиты книгами, кодексами, трактатами! И все-таки, чем больше он внушает мне, что это всего лишь поговорка, тем чаще я думаю про колодец — какой он, наверно, глубокий и темный, колодец, в котором истина скрывает свою наготу, в то время как люди в великом смятении спорят между собой, сами не зная, о чем они спорят, сея повсюду войны, отчаяние и гибель.

¹ 2 июля 1823 г. бразильцы отвоевали у Португалии город Сан-Салвадор, ставший в дальнейшем столицей штата Баия. (*Здесь и далее прим. переводчика.*)

² 7 сентября 1822 г. была провозглашена независимость Бразилии.

Никакого колодца, в котором на дне находилась бы истина, не существует, и смысл поговорки в том, что ее, то есть истину, трудно обнаружить, она прячет свою натуру, и не каждому смертному дапо ее, истину, увидеть. Но все мы обязаны — это наш долг — искать ее везде, в любом случае и спускаться в мрачный колодец, озаренный ее божественным светом.

«Божественный свет» заимствован мной из речей судьи, как, впрочем, и вся вышеприведенная тирада. Судья так образован, что впадает в пафос и употребляет высокие слова даже дома, в разговорах со своей достойной супругой доной Эрнестиной. Вечерами, когда на небе зажигаются бесчисленные звезды, а в домах — редкие электрические лампы, мы беседуем с судьей обо всех событиях, происходящих в мире и в нашем предместье. «Истина — маяк, освещающий нам жизнь», — всякий раз, подняв палец, провозглашает почтенный судья. Дونا Эрнестина, толстая, лоснящаяся от пота сеньора, не отличающаяся слишком большим умом, кивает в знак согласия большой головой: «Да, истина — мощный маяк, далеко льющий свой свет». Может быть, именно поэтому в места, не столь от нас отдаленные, в разные закоулки, например, в тихий переулок Трех Бабочек, где в маленьком домике, в тени деревьев, живет красивая, веселая мулатка Дондока, родители которой обратились с жалобой к судье, когда Зе Канжикинья скрылся, — говорят, уехал на Юг, — свет маяка не всегда проникает. Зе Канжикинья взял Дондоку врасплох, по образному выражению старого, убитого горем отца — Педро Торресмо, и тут же улизнул, оставив девушку без чести и без гроша.

— В нищете, сеньор судья, в нищете...

Судья разразился речью — ее стоило послушать — о морали и обещал принять меры. Растроганный видом жертвы, улыбавшейся ему сквозь слезы, судья даже дал потерпевшим деньги — этому, может, трудно поверить, но случается, что под крахмальной манишкой чиновника бьется доброе, отзывчивое сердце. Он обещал объявить розыск и задержать «гнусного соблазнителья». Судья так был возмущен оскорблением невинности, что совершенно позабыл о том, что находится на пенсии, — ведь его уже не послушают ни прокурор, ни полицейский инспектор. Он пообещал также заинтересовать этим делом своих друзей в городе. Пусть «гнусный соблазнитель» понесет заслуженное наказание!

Да, сеньор Сиксйра, несмотря на то что был на пенсии, глубоко сознавал свою ответственность. Поэтому, не смущаясь значительным расстоянием, он самолично отправился сообщить о принятых мерах несчастной, оскорбленной семье. Педро Торресмо отсыпался после вчерашней попойки, мать жертвы, тощая Эуфразия, стирала во дворе белье, сама же жертва хлопотала у очага. На пухлых губках Дондоки заиграла робкая, но весьма выразительная улыбка. Судья строго посмотрел на нее и взял ее за локоть.

— Я пришел выбрать тебя хорошенько.

— Я не хотела. Это он...— всхлипнула красотка.

— Ты очень дурно поступила,— судья все еще держал ее упругую руку.

Полная раскаяния, она разразилась слезами. Чтобы как следует пожурить девушку, судье пришлось усадить ее к себе на колени. Он потрепал Дондоку по щечке и посоветовал вести себя скромнее. Восхитительная картина: неподкупная суровость судьи в соединении с терпимостью и добротой христианина. Дондока спрятала разруганное личико на плече утешителя.

Зе Канжикинья так и не был найден, зато Дондока с того достопамятного посещения обрела покровительство Правосудия. Она стала владелицей домика в переулке Трех Бабочек, ходит разряженная, а Педро Торресмо бросил работать. Вот та истина, которую маяк, как говорит судья, не освещает. И мне пришлось нырнуть в колодец, чтобы найти ее. Впрочем, если уж рассказывать всю правду, ничего не скрывая, то придется добавить, что нырять мне очень и очень понравилось, потому что на дне колодца я обнаружил матрас из обезьяньей шерсти, лежа на котором Дондока рассказывает мне — после того как около десяти вечера я бываю вынужден прервать ученый разговор с моим уважаемым другом и его пышной супругой и покинуть их — о некоторых проказах почтенного судьи... Но, к сожалению, это уже не для печати...

Теперь вы сами видите, что у меня действительно есть кое-какой опыт — не первый раз приходится мне нырять в колодец за истиной. Понаторев в этом деле и помня изречение судьи о том, что «наш долг искать истину везде и в любом случае», я решил раз и навсегда внести ясность в спорный и запутанный вопрос о приключениях капитана. Но это не просто запутанный

вопрос — дело обстоит гораздо сложнее, здесь клубок вопросов, который нужно распутать. Внутри клубка есть морские узлы, некоторые нити порваны и концы их висят, встречаются нити другого цвета, подлинные события переплетаются с вымышленными, и, как знать, где ложь, а где истина? Тридцать лет тому назад, в 1929 году, приключения капитана и сама его личность были в центре внимания всего Перипери. То и дело вспыхивали бурные споры, жители предместья разделились на два враждующих лагеря, между которыми едва не началась гражданская война. Вражда разгорелась: на одной стороне были защитники капитана, его горячие поклонники, на другой — противники. Во главе последних стоял старый Шико Пашеко, отставной финансовый инспектор. Об этом человеке вспоминают не иначе как с усмешкой: очень уж он был остер на язык, непочтителен и всегда скептически настроен.

Впрочем, наберемся терпения и не будем забегать вперед — ведь поиски истины требуют не только решимости и твердого характера, но также и спокойствия, и методичности. В данный момент я нахожусь еще у колодца и соображаю, как лучше спуститься в его таинственные глубины. А старый Шико Пашеко уже тут как тут — выкарабкался из своей могилы, затерянной на каком-то далеком кладбище, и пристаёт ко мне, старается сбить с толку, запутать. Отвратительный тип, назойливый, тщеславный, самовлюбленный, вечно он стремился привлечь к себе внимание, выделиться. Он непременно хотел быть первым в нашем цветущем городке, где все так спокойно и тихо, где даже на море не бывает бурь и свирепые волны никогда не бьются о берег, а жизнь обитателей течет мирно и неторопливо.

Мое желание — мое единственное желание — прошу мне верить! — быть беспристрастным и объективным. Я хочу отыскать истину, выкопать ее из глубины далекого прошлого, не беря ни одну, ни другую сторону, сорвать с нее покровы и полностью обнажить ее. Хотя я и имел случай убедиться с помощью Дондоки, что нагота далеко не всегда так соблазнительна, как смугло-золотистое тело, которое выглядывает из-под какого-нибудь покрывала... К тому же мы с таким упорством ищем истину на белом свете совсем не для того, чтобы лечь с ней в постель!

ГЛАВА ВТОРАЯ

О прибытии героя в Перипери и о том, что герой наш был с морем на «ты»

— Вперед, юнги!

Это был голос человека, привыкшего командовать. Он выкинул вперед руку, показывая курс, каким предполагал следовать, и, сойдя с железнодорожной платформы, пустился в плавание, крепко держа штурвал и впевнив глаза в буассоль.

Так образовалось нечто вроде небольшой процессии, которая и двинулась по улице: впереди решительно и спокойно шел капитан, в нескольких метрах позади него брели два носильщика — Како Подре и Мисаэл, тащившие багаж капитана. Како Подре к этому времени уже выпил свою обычную порцию кашасы и шагал не слишком уверенно, звание «юнги», данное новоприбывшим, вряд ли подходило ему. Собрались любопытные, они шептались: их вниманием завладел штурвал, который Мисаэл нес на голове.

В дом капитан не вошел. Он ограничился тем, что указал носильщикам, куда нести вещи, а сам зашагал дальше, к берегу моря. Дойдя до скал, он остановился и окинул их оценивающим взглядом, после чего решил взять их штурмом. Скалы у нас не отличаются ни высотой, ни крутизной. В летние дни по ним лазают ребятишки, а по ночам в них находят приют влюбленные. Но лицо капитана выражало такую решимость, что все разом ощутили какую-то угрозу: казалось, наши скромные скалы превратились в недоступную каменную гряду, на которую еще никогда не ступала нога человека.

Дойдя до верха, капитан остановился, скрестил руки на груди и вперил взор в водную гладь. Он стоял неподвижно, ярко освещаемый солнцем, ветер — наш всегдашний мягкий бриз — развевал его волосы. Капитан напоминал солдата, вытянувшегося на параде по команде «смирно», или, вернее, считывая величественность его позы, бронзовую статую какого-нибудь генерала. На капитане была странная куртка из грубой синей материи с большим воротником, смахивавшая на военный китель. Один лишь Зекинья Курвело, заядлый читатель приключенческих романов, догадался, что перед ними настоящий морской волк во плоти и крови. Он шепнул остальным, что приезжий чрезвычайно похож на капитана —

точь-в-точь такой капитан изображен на обложке одного морского романа, повествующего о приключениях хрупкого парусного судна в открытом море среди ветров и бурь. Капитан на обложке был одет в такой же китель.

Приезжий стоял неподвижно всего лишь мгновение, но это было долгое мгновение, и образ его чуть ли не навеки запечатлелся в памяти тех, кто его видел. Потом он протянул к морю руку и произнес:

— Ну вот, океан, мы снова вместе.

И опять скрестил руки на груди. То была и констатация факта, и вызов. Он окинул взором спокойную поверхность гостеприимной бухты, где смешивались воды реки и моря. Вдали на рейде чернели суда и быстроходные рыбацьи баркасы; их паруса белели то тут, то там на голубом фоне моря. Взгляд капитана, гордая поза — все обнаруживало связывавшие его с океаном родственные узы, было ясно, что этот человек много повидал и у него есть основания относиться к коварной стихии и с любовью, и с ненавистью. Это поняли даже скромные жители Перипери, далекие от мира героических приключений. Справедливо, однако, выделить из их числа Зекинью Курвело, он чувствовал себя в данном случае в знакомой ему стихии, так как был пожирателем дешевой литературы о пиратах и открывателях новых земель, а потому был готов объявить о прибытии героя.

А когда капитан спустился со скалы и очутился среди обступивших его людей, бормоча себе под нос: «Не могу я жить вдали от океана...» — он окончательно привел в восхищение своих будущих сограждан. Между тем казалось, что он их не видит, даже не замечает ни их присутствия, ни их любопытства.

Создавалось впечатление, что каждое движение капитана было точно рассчитано. Сначала он взглядом измерил расстояние, отделявшее его от стоявшего неподалеку, рядом с пляжем, уединенного дома, окна которого выходили прямо на море. Потом взял курс на дверь дома и начал штурм. Окружавшие его люди внимательно следили за всеми его действиями. Все: круглое красное лицо, пышная серебристая шевелюра и куртка с блестящими пуговицами — внушало им уважение. Когда же капитан двинулся к дому, Зекинья Курвело зашагал с ним рядом: он знал — его место здесь.

Носильщики принесли остальной багаж, капитан отдавал приказы, точные и решительные. Чемоданы, тюки,

шкафы, корзины и сундуки были поставлены в гостиной. Только теперь, кончив дела, капитан заметил небольшую толпу, наблюдавшую за ним с улицы. Он улыбнулся, приложил руку к груди, поклонился — чем напомнил о восточной, экзотической церемонности. В ответ послышались приветствия и возгласы «добрый вечер». Набравшись храбрости, Зекинья Курвело сделал шаг к двери дома.

Из большого кармана капитан извлек какой-то странный предмет, похожий на револьвер. Зекинья попятился. Но предмет револьвером не был. Однако что же это могло быть? Капитан сунул предмет в рот... Трубка! Однако в нашем предместье никто трубку не курил. Это считалось экстравагантным. А тут трубка, да еще не простая — а белая, будто из морской пены, и с изображением русалки. «О!» — Зекинья просто остолбенел.

Когда же он пришел в себя, приезжий уже отошел от двери. Зекинья предложил свои услуги, не может ли он быть чем-нибудь полезен?

— Весьма, весьма признателен, — поклонился капитан. Он достал из бумажника визитную карточку и протянул ее Зекинье со словами: — Старый моряк к вашим услугам.

Позже жители предместья могли наблюдать, как капитан, вооружившись молотком и отверткой, открывал с помощью носильщиков привезенные ящики. Из них были извлечены какие-то странные инструменты, огромный бинокль, буссоль. Долго они стояли возле дома, наблюдая за капитаном, а затем отправились разносить новость по предместью. Зекинья показывал всем визитную карточку, украшенную якорем.

Васко МОСКОЗО де АРАГАН,

*капитан
дальнего плавания*

Вот так в необычно ясный голубой день состоялось прибытие капитана в Перипери. С той самой минуты прибывший завоевал авторитет и за ним укрепилась слава героя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

где речь идет об ушедших на пенсию чиновниках и торговцах, о женщинах, о беглых девицах, разорении, самоубийстве, а также о пенковой трубке

Знаменательному дню прибытия капитана предшествовали события, как нельзя более способствовавшие созданию той таинственности и даже трагической атмосферы, которая подготавливала жителей предместья ко всему, что затем должно было последовать...

Как правило, с марта по ноябрь однообразие жизни Перипери довольно редко нарушается каким-либо событием. Зато во время каникул — в декабре, январе и феврале — все тихие курортные поселки «Бразильского Востока», из которых Перипери самый крупный, самый населенный и красивый, оживают. Распахиваются двери прекрасных особняков, владельцы которых живут почти весь год в Бае. Веселая молодежь заполняет пляжи, юноши играют в футбол, девушки в купальных костюмах лежат на песке, по морю снуют лодки. Прогулки, пикники, вечеринки, флирт под деревьями на площади или под сенью скал...

Остальные девять месяцев местные жители проводят в воспоминаниях о курортном сезоне. Они подолгу толкуют о празднествах, романах, ссорах между возлюбленными, о ревнивом юном силаче, грозившем задушить чьего-то ребенка, о бале, данном по случаю чьего-то дня рождения, о многочисленных шумных попойках, нарушавших ночную тишину.

Коренное население Перипери, за исключением рыбаков, нескольких торговцев — хозяев единственной булочной, двух баров, бакалейных магазинов и аптеки — да служащих «Бразильского Востока», живущих рядом со станцией, составляют отставные чиновники и ушедшие на покой торговцы с семьями, вернее с женами или незамужними сестрами. Некоторые из этих почтенных жителей утверждают, будто Перипери им больше нравится с марта по ноябрь, на самом же деле и они не остаются в стороне от бурных событий курортного сезона. Как не взглянуть, пусть украдкой, но опытным взглядом на женщин на пляже — вот это красotka! — как не сказать соленую остроту по адресу влюбленных, прячущихся в темных уголках! Вот, например, сеньор Адриано Мейра, бывший владелец лавки скобяных товаров, каждый вечер

после девяти часов выходил из дому с электрическим фонариком, чтобы, как он говорил, «сделать смотр парочкам, проверить, чем они занимаются». Он по специально разработанному маршруту обходил переулки, скалы, дворы, подворотни, где влюбленные ищут уединения, благоприятствующего любви. А утром следующего дня сеньор Адриано обстоятельно, с пикантными подробностями рассказывал своим приятелям то, что видел. Старики потирали руки, глаза их блестели.

Все это муссировалось не только в летние месяцы. Когда отдыхающие разъезжались, каждый случай обсасывался во всех подробностях, его еще долго обсуждали и пересказывали. Ведь в Перипери снова воцарялись тишина и спокойствие, а потому время тянулось медленно, и фонарику сеньора Адриано ничего не оставалось, как шарить по углам, где шли попойки Како Подре или свидания кухарок с рыбаками.

Случаются исключительно удачные курортные сезоны и не потому, что стоят прекрасные дни или зелень деревьев особенно сочна, а море необыкновенно голубое и вечерами дует свежий бриз и сверкают звезды — этому отставные чиновники и торговцы придают мало значения. Удачным считается такой курортный сезон, во время которого произошел настоящий скандал. Вот это действительно пицца для разговоров на все остальное время! Но скандалы бывают так редко. А жаль!

Итак, курортный сезон, предшествовавший приезду капитана, был на редкость удачным: два скандала, один в начале января, другой (с трагической развязкой) после карнавала, надолго запомнились обитателям предместья.

По правде говоря, невозможно установить прямую связь между случаем в семье подполковника военной полиции Ананиаса Миранды и историей капитана Васко Москозо де Араган. Однако большинство склонно связывать эти два факта, как будто несчастья подполковника были своего рода прологом к приключениям капитана.

Мало ли какие сплетни ходят среди обывателей! Настоящий историк не должен прислушиваться к ним. Может быть, и нам не следовало бы рассказывать здесь об этой трагедии, которая обошлась, впрочем, без кровопролития. Но ведь из каждого происшествия всегда можно извлечь урок — вот и мы из шумных, ураганом пронесшихся событий с участием подполковника, его жены Рут и молодого студента факультета права Арлиндо Пайвы сумеем извлечь по меньшей мере два ценных

урока. Первый: даже самые лучшие и чистые намерения могут быть дурно истолкованы; и второй: не следует чересчур полагаться на служебный распорядок дня, даже у военного человека он может измениться.

То, что мы сказали о намерениях, относится к студенту, о служебном распорядке — к отважному офицеру военной полиции, а с Рут же связаны томительно жаркие долгие дни, одиночество, праздность и жажда духовного утешения. Это была зрелая красавица, с грустными глазами, опущенными длинными ресницами. Рут томилась одна на пляже и чуть не плакала: какой толк иметь мужа, если долгие тихие дни приходится проводить без него? Подполковник завтракал в десять утра и тут же убежал из дому. Он торопился на утренний поезд, распорядок в его части был строгим. В семь часов вечера он возвращался, надевал пижаму, обедал, садился у дверей в шезлонг и клевал носом. «Неужели это называется иметь мужа, единственного мужчину в жизни, которому ты обязана отдавать всю свою нежность и ласку, улаживать его тело и душу?» — размышляла, сидя на пляже, томная и скорбная Рут де Мораис Миранда. Солнце жгло ее тело, а тоска грызла душу.

Юный Пайва, тронутый печалью сеньоры, столь нуждавшейся в моральной поддержке, не колеблясь, решил пожертвовать несколькими часами своей жизни, заполненной разными приятными обязанностями, и нарушить ее тяжкое одиночество. Он отказался от прогулок, от шумных футбольных матчей на пляже, от поучительных бесед с коллегами и даже от одного весьма перспективного романа. Благородный поступок человека с добрым сердцем, достойный всяческих похвал! Ведь здесь, в Перипери, тоскующая сеньора не имела возможности заполнить дневные часы киносеансами, визитами и покупками на улице Чили. И вот Пайва жертвует талантом, молодостью и чуть пробивающимися соблазнительными усиками, чтобы смягчить горе безутешной сеньоры.

А подполковнику в один прекрасный день вдруг удалось нарушить строгость служебного расписания. Он собиравшись сделать сюрприз своей женушке, которая постоянно жаловалась на его долгое отсутствие. Вечерами, когда подполковник, возвратясь домой, пытался заключить ее в объятия, она отталкивала его, полная женской гордости и жажды мщения.

— Оставляешь меня одну целыми днями, будто я для тебя не существую...

Подполковник купил виноград — Рут любила его больше всего; он представлял себе, как она аппетитно будет давить зубами сочные ягоды, — купил сыру, коробку мармелада и, наконец, бутылку португальского вина и сел в поезд. Рут совсем одна, наверно, грустит, бедняжка...

Но она не грустила и была не одна. Едва переступив порог дома, подполковник был поражен: служанка Зефа, которая уже много лет преданно служила супругам, увидев его, с громким криком бросилась во внутренние комнаты. Из спальни слышался веселый шум, смех Рут и, боже, еще чей-то!

Ананиас вышиб дверь ударом ноги: руки его были заняты пакетами, под мышкой торчала бутылка вина. Он не обладал эстетическим восприятием и потому оказался неспособным оценить по достоинству поэтичное зрелище, представшее его глазам. И не восхищение, а ярость овладела подполковником, но свертки мешали ему — трудно сохранить необходимое в такой момент достоинство, если пальцы у тебя обмотаны веревочками от пакетов. Это и спасло молодого Пайву.

В чем мать родила Пайва вскочил с постели, распахнул окно и выпрыгнул на улицу. Со скоростью чемпиона по бегу пронесся он в костюме Адама по заполненной народом площади. Подполковник, которому удалось наконец освободиться от свертков, преследовал его с револьвером в руке, стреляя и выкрикивая ругательства. Между тем самые любопытные заглянули в окно подполковничьего дома и имели удовольствие видеть, как бедная, оставшаяся в одиночестве Рут рыдает и вопит о своей невинности.

Студент исчез, его спрятали родные или друзья. Подполковник долго объяснялся с супругой при закрытых дверях, после чего были уложены чемоданы, и в ту же ночь они уехали из Перипери последним поездом. По свидетельству некоторых счастливцев, которым удалось присутствовать при отъезде, в вагоне они сидели, нежно прижавшись друг к другу.

Казалось бы, связать это происшествие с появлением в Перипери капитана Васко Москозо де Араган не представляется возможным. Тем не менее старый Лемињос, отставной чиновник почтово-телеграфной конторы, единственный оставшийся в живых свидетель, всякий раз, вспоминая историю капитана, говорит: «Это началось, когда майор застал жену со студентом». Почему Лемињос

разжаловал подполковника в майоры и какую связь он видит между рогами Ананиаса и последовавшими включениями капитана, неизвестно. Однако поскольку Леминьос — человек здравомыслящий, у него должны быть веские основания для столь категорического утверждения, и приходится с ними считаться.

Второй же скандал действительно имеет прямое отношение к капитану. Он произошел в доме, где он впоследствии поселился, и, если бы не трагедия в семье Кордейро, капитану, конечно, не удалось бы приобрести этот дом по сходной цене.

Семья Кордейро состояла из отца — Педро Кордейро, владельца предприятия по производству спиртных напитков, матери и четырех дочек на выданье. Дела Педро Кордейро шли превосходно, но надо сказать, что он был расточителен и не отличался предусмотрительностью. Доказательством этого может служить построенный им летний особняк, обширный, комфортабельный, на каменном фундаменте, почти такой же великолепный, как городская резиденция Педро Кордейро. Он истратил кучу денег на постройку, а потом на пышный праздник по случаю новоселья. Он потакал любому капризу своих дочерей, добшел даже до того, что купил им моторный катер.

Мамаша руководила поисками женихов для дочек. В доме с зелеными ставнями устраивались бесчисленные вечеринки. В большой гостиной, окнами выходящей на море (где впоследствии капитан установил свой телескоп), кружились пары. Девушки ездили в Париже на пикники, катались на катере и часто, причалив у скал, оставались там до поздней ночи. Словом, веселились без усталости. Одна из них, Росалва, в прошлом году ухитрилась добиться помолвки с неким агрономом. С тех пор она уже не ходила вечерами на пляж, а сидела с женихом на веранде, и ему позволялось держать ее руки (впрочем, как выяснил сеньор Адриано Мейра — тот, что ходил с фонариком, — жениху позволялось и многое другое).

Во время карнавала в особняке Педро Кордейро танцевали с субботы до вторника. Позже разразился скандал: исчезла Аделия, младшая, непокорная смуглянка. Она увезла свои платья, а также лучшие платья сестер и в придачу еще доктора медицины Аристидеса Мело, женатого человека. Чуть ли не все жители предместья присутствовали на спектакле, устроенном покинутой супругой Аристидеса Мело. Она ворвалась в дом Кордейро,

где все было перевернуто вверх дном, и, рыдая и вопя, требовала вернуть ей мужа, которого «ваша распутная дочь у меня украла». Семейство Кордейро срочно покинуло Перипери. Не успели утихнуть толки об этом происшествии, как в конторе фабрики Педро Кордейро в Баие прогремел выстрел: обанкротившийся владелец покончил с собой. Эхо выстрела докатилось до предместья, эхо и слухи: все имущество самоубийцы заложено, безжалостные кредиторы вьются вокруг тела покойного, агроном разорвал помолвку. У него были серьезные причины: безнравственное семейство и невеста-бесприданница. Другая дочь Кордейро, самая старшая, тоже завела интрижку с женатым человеком — это стало своего рода проклятием или фамильной модой! В Перипери только и было разговоров, что об этих историях, и дамы шепотом передавали друг другу пикантные подробности о романах девиц Кордейро.

И вот как-то на рассвете фонарик сеньора Адриано Мейра обнаружил старшую из сестер Кордейро: она обнималась на пляже с неизвестным мужчиной. Подобных случаев в предместье было много. А поскольку шли сильные дожди и на затопленные улицы невозможно было высунуть носа, сплетни стали единственным развлечением.

Ах! Только обитатели Перипери способны по-настоящему оценить такой скандал: одна дочь убегает из дому с женатым человеком, другая развратничает на пляже, отец кончает жизнь самоубийством, семью ждет разорение, да, это скрашивает дождливые дни, когда курортный сезон кончен и предместье живет воспоминаниями.

Однако праздничный вид сохраняет Перипери и в дождливые дни, может, благодаря яркой окраске домов — они выкрашены в голубой, розовый, зеленый и желтый цвета, — а может, благодаря высоким деревьям на площади, пляже и вокзале. Но скорее всего потому, что большинство жителей Перипери слоняются без дела! Это чиновники, вышедшие на пенсию, торговцы, отошедшие от дел, — в общем, люди праздные. В город они ездят только раз в месяц — за деньгами, постепенно отвыкают от галстука, по утрам ходят в старых брюках и рубашках с открытым воротом или даже в пижамах. Все они знакомы между собой, видятся ежедневно. Женщины болтают о домашних делах, обмениваются цветочной рассадой и рецептами пирогов и варенья. Мужчины играют в

гаман¹ и шашки, одалживают друг у друга газеты, некоторые ловят рыбу на удочку; и все каждый день приходят на станцию, где, усевшись на скамейки, ждут поезда. По вечерам собираются на площади. Выносят качалки, кресла, шезлонги, усаживаются на грубых скамейках под деревьями и спорят о политике, вспоминают события последнего летнего сезона... Так вдаль от городского шума влачат они свою старость, а огни города мерцают, напоминая о часе вечерней трапезы... Тишина, мир, время идет медленно, а в жаркие часы съесты кажется, что оно остановилось навсегда.

Сплетни вокруг трагедии семейства Кордейро не прекращались, и вдруг пришла сногшибательная весть: дом с зелеными ставнями продан. Как могло случиться, что никто из жителей предместья даже не знал о торгах? Ведь здесь ни один дом не продавался и не сдавался втихомолку; все всегда принимают самое активное участие, дают советы, обсуждают цену, указывают покупателю на недостатки и достоинства дома, чем вызывают нередко бессильный гнев маклеров. А тут такой знаменитый дом, обгаренный, можно сказать, кровью Педро Кордейро, и продан без их ведома, они даже не видели покупателя, не познакомились с ним, ничего ему не рассказали! Все сделано тайно. Ходили слухи, будто дом купил господин со средствами, отошедший от дел. Но какие у него были дела, какие средства и кто он вообще? Ведь, в сущности, они ничего не знали ни о его состоянии, ни о положении в обществе, ни о профессии. Все чувствовали себя обманутыми.

Тайна была сохранена благодаря дождливой погоде, иначе никак нельзя объяснить все это. Сестры Магальянс, которые всегда все видят и слышат, жили поблизости от дома Кордейро. Они рассказали, что примерно с месяц назад слышали, как к Кордейро кто-то приходил, и даже видели двух мужчин в плащах и с зонтами. Но шел такой сильный дождь, что пришлось закрыть окна. К тому же Карминья, средняя из трех сестер, болела в то время гриппом, а двум другим пришлось за ней ухаживать, и им было ни до чего. Очевидно, двое в плащах и с зонтами были маклер и покупатель. Больше сестры ничего не могли сказать.

Когда с утренним поездом прибыла служанка — темная мулатка лет сорока, — казалось, представилась воз-

¹ Г а м а н — игра в кости.

возможность удовлетворить разыгравшееся любопытство. Едва она подошла к дому, как сестры Магальяэнс принялись предлагать ей свои услуги и засыпали ее вопросами. Дождь прекратился, перед домом собрались старики. Они вышли погреться на солнце и мало-помалу окружили мулатку, стремясь завести с ней беседу. Но мулатка Балбина оказалась особой неразговорчивой, необщительной и сердитой. Она отказалась от всякой помощи, на вопросы отвечала односложно и тотчас же начала мыть пол. Удалось только узнать, что новый хозяин будет к вечеру.

— С семьей?

— С какой семьей?

Установили дежурство на станции, удвоили бдительность. Уж на этот-то раз они будут внимательны! Снова засияло солнце, мягкое зимнее солнце, ласковый бриз дул с залива, стояли прекрасные дни. Все строили догадки: играет ли он в шашки? Или, может, он специалист по гаману? А вдруг окажется, что он играет в шахматы, и, таким образом, Эмилио Фагундес, отставной заведующий отделом управления земледелия, получит партнера. До сих пор Эмилио приходилось играть лишь по переписке, так как в Перипери, кроме него, никто не умел играть в такую сложную, ученую игру.

Вот почему, когда капитан в половине третьего сошел с поезда и направился к товарному вагону, чтобы присутствовать при выгрузке своего багажа, большинство солидных людей Перипери уже поджидали его на станции. Подняв глаза от утренних газет или от шашечных досок, они внимательно следили за невысоким, коренастым приезжим с красным лицом и крючковатым носом, одетым в странную куртку.

— Это что такое? — спросил Зекинья Курвело, указывая пальцем на штурвал.

Сам Аугусто Рамос, отставной чиновник управления внутренних дел и юстиции, страстный любитель игры в шашки, не устоял перед соблазном увидеть штурвал. Несмотря на то что как раз в этот момент он готовился съесть дамку и три шашки Леминьоса (работника почтово-телеграфной конторы), Аугусто прервал партию и присоединился к остальным. Багаж приезжего выгрузили на платформу, ящики с надписями красными буквами «Осторожно! Морские инструменты!» выглядели загадочно. Огромный глобус, веревочная лестница... Капитан предупредил носильщиков, чтобы они соблюдали осторожность. Затем было совершено восхождение на скалы.

В тот же день, когда солнце уже садилось и вечерние тени легли на площадь, Зекинья Курвело рассказывал тем, кто не присутствовал на встрече капитана, о том, как пробежал у него по спине озноб при виде его величественной фигуры, стоящей там, на вершине, обратив к солнцу лицо и устремив взор на океан. Старики, сидевшие на скамейке и стульях под тамариндами, слушая этот рассказ, одобрительно кивали. Зекинья воодушевился:

— Он даже не вошел в дом, а прежде всего отправился взглянуть на море.

Визитная карточка капитана переходила из рук в руки. Старый Жозе Пауло, бывший торговец медикаментами, по прозвищу Проныра, заметил:

— Сколько же может порассказать такой человек...

— У этих моряков в каждом порту по жене... — произнес Эмилио Фагундес с некоторой завистью...

— Стоит только взглянуть на него, сразу видишь решительного человека, — сказал Руй Пессоа, служивший ранее в налоговой конторе.

Зекинья Курвело, держа в руке книгу с яркой обложкой, на которой был нарисован бравый моряк в кителе, похожем на куртку капитана, подытожил первые впечатления:

— Среди нас, друзья мои, будет жить герой.

Спускался вечер, медленный, неторопливый, как жизнь обитателей Перипери.

— Вот он идет... — объявил кто-то.

Все быстро обернулись. Не спеша, достойно, походкой человека, привыкшего ходить по палубе в часы долгого одиночества в открытом море, шел по улице капитан. Он был одет в свою морскую куртку, во рту трубка, на непокорных волосах фуражка с якорем. Взгляд устремлен вдаль. Без сомнения, он вспоминает погибших друзей, моряков и женщин, покинутых в далеких портах. Проходя мимо, он поднял руку к козырьку, все поспешили ответить на приветствие. И тотчас замолкли, глядя вслед капитану. Взмолванный Зекинья Курвело не удержался:

— Пойду, заговорю с ним...

— Постарайтесь привести его сюда, побеседуем.

— Попробую...

Зекинья быстрыми шагами отправился вслед за капитаном.

— Этот человек должен быть подлинной энциклопедией...— сказал Провыра.

Капитан шел обратно вместе с Зекиньей. Тот указывал на поджидавших их жителей Перипери, называя имя каждого.

— Идет сюда...

В волнении все встали. Зекинья начал представлять друзей, капитан пожимал всем руки:

— Старый моряк к вашим услугам.

Ему предложили вместительное кресло старого Жозе Пауло. Он уселся, выпустил клуб дыма (все смотрели на его необыкновенную трубку) и хриплым голосом доверительно сообщил:

— Я поселился здесь потому, что никогда не видел двух мест, столь похожих друг на друга, как Перипери и Расмат, остров в Тихом океане, где мне довелось прожить несколько месяцев...

— Вы там отдыхали?

Капитан улыбнулся:

— После кораблекрушения... В то время я был еще вторым помощником и плавал на греческом судне...

— Сеньор капитан, минуточку, пожалуйста, минуточку... Подождите чуть-чуть,— прервал Аугусто Рамос.— Разрешите, я позову жену. Она обожает слушать разные истории...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, как соблазнительная танцовщица Сорейя и грубый моряк Джованни участвовали в бдении и похоронах старой Дониньи Бараты

Да, даже смерть Дониньи Бараты (ее смерти ожидали уже несколько месяцев), вдовы Астрожилдо Бараты, бывшего служащего управления водопровода и канализации, никак не повлияла на жителей Перипери, возбужденных прибытием капитана и водворением его в этих местах. Можно было подумать, что у обитателей предместья теперь просто не хватало времени грустить.

Нет, внешне все было, как обычно, по заведенному порядку устроили бдение и погребение Дониньи Бараты, из города приехали дальние родственники, над покойницей читал молитвы отец Жусто, хозяйки сорвали все цветы в своих садах, чтобы положить их на гроб, старики надели ради похорон ботинки и галстуки. И все же

ощущалось нечто новое, какая-то перемена: смерть отошла на второй план, ее визит на сей раз был недолог. Прежде, когда гостя с косою заглядывала в Перипери, она, свершив свое черное дело, уходила не сразу. Даже после похорон призраки смерти еще долго витали над всеми чиновниками, торговцами, их старыми женами, и сердца сжимались, словно в железных тисках. Дуновение ветра не казалось теперь теплым и нежным, в согнутые от страха спины ветер дышал смертью; кого возьмет она в следующий раз?

Иное дело смерть там, в городе: кончина на больничной койке, или та, о которой пишут газеты в рубрике преступлений или банальная мгновенная гибель под колесами машины. Смерть в городе тривиальна и почти незаметна, она не заслуживает более двух строк в газетах, ее не видно в бурном потоке городской жизни. Для нее просто нет места среди суеты и шума, все спешат жить, и тень костлявой не видна при ярком свете огней, а звонкий смех заглушает ее шепот. Женщины, благоухающие духами, не чувствуют ее гнилостного дыхания. Смерть приходит незамеченной и, сцапав свою жертву, тотчас исчезает; никто не хочет тратить на нее время, все страстно спешат жить. «Такой-то умер!» — сообщают в газетах или по радио. «Бедняга!», «Он был уже стар!» — говорят люди. Или: «Жаль, он был так еще молод...» — и все... Ведь надо торопиться: обсуждать дела, смеяться, тешить свое тщеславие, жить...

Совсем не то в Перипери: здесь никто не трудится, никто ни с кем не сражается, здесь не строят планов, не возникает препятствий, нет любви, ненависти, надежды, отчаяния. Время идет медленно, никто не торопится, и любое происшествие — событие, которое длится долго-долго. И дольше всего — смерть. Она не бывает здесь ни банальной, ни скоростижной, она приходит медленно и не отступает, а уничтожает то на своем пути, что решила. Отставные чиновники и удалившиеся на покой торговцы ехали сюда, мечтая пожить подольше вдали от городских волнений и страстей, но очень скоро умирали. Население предместья состояло из одних стариков, у них не было других интересов, кроме заботы о продлении своей жизни, и смерть одного становилась в какой-то степени смертью каждого; и старики принимали ее молча, понурив головы.

Иногда они играли в шашки и в гаман, многие вообще не выходили из дому, у других разыгрывались вся-

кие недомогания, все грустили, мало разговаривали. Дни тянулись тоскливо. Черная туча смерти рассеивалась постепенно, ее разгоняла вспышка жизни. И с новой силой загоралось у обитателей Перипери одно-единственное желание — не умереть. Опять звучал смех, возродилось тщеславное стремление выиграть партию в пашки, воскресал вкус к лакомым блюдам, а беседы на станции, на площади (в последнее время в гостиной капитана) становились опять оживленными.

Так они прятались от смерти, от ее гнетущего присутствия, воздвигали ей стену, но какой хрупкой была эта стена! Старики закрывали глаза, чтобы не видеть призрака смерти.

Капитан тоже пришел на бдение. Он был в своем кителе из синей саржи с блестящими пуговицами, в фуражке и с трубкой в зубах. Он вовсе не выглядел ни подавленным, ни убитым, ему не казалось, будто смерть Донины Бараты была прологом к его собственной... Может быть, это объяснялось тем, что он приехал в Перипери совсем недавно. Он взглянул на высохшее лицо Донины, с которой не успел познакомиться, и заметил чуть ли не с улыбкой:

— Как видно, в молодости она была недурна...

Бдение было спокойным и тихим. Каждый думал о себе, видел себя вытянувшимся в гробу, окруженном чадящими свечами; в ногах — цветы, все кончено навсегда. Время от времени то один, то другой вздрагивал, страх охватывал душу, страх смерти. О Донины все забыли и меньше всего были склонны вспоминать ее далекую молодость и ее красоту (если она когда-нибудь существовала). Слова капитана вывели всех из оцепенения. Пронора, знавший покойную в молодости, пошарил в памяти:

— Верно, она была красоткой.

Капитан уселся, положил ногу на ногу и закурил трубку — не ту, пенковую, не подходящую для бдения; нет, на сей раз у него была черная трубка с изогнутым мундштуком. Потом оглянулся вокруг себя и начал:

— Лицо покойницы, сам не знаю почему, напомнило мне одну арабскую танцовщицу. Я знал ее много лет назад, когда плывал на голландском торговом судне. Мой старший помощник, швед Иоганн, из-за нее чуть с собой не покончил... Мне удалось спасти его...

Кто много жил, с тем всегда так. Случилось ли что-нибудь, мелькнуло ли чье-то лицо или какой-то

пейзаж — и вот он уже вспоминает прошлое, он видит милые лица, берега... Другим морщинистое восковое лицо Донины навевало только мысли о смерти, капитану же вспоминались смуглые щеки, длинные иссиня-черные кудри нежной грешной танцовщицы Сорайи, ее пылающие уста. Из-за нее склонный к трагедиям швед Иоганн влез в долги, продал судовое имущество и хотел закончить жизнь самоубийством. Сорайя была здесь, в компании, она мерно двигалась в танце... капитан изо всех сил старался припомнить пленительную восточную мелодию.

— Я не силен в музыке, но эту мелодию запомнил...

Еще бы, сеньоры, можно ли забыть ее? От такой музыки кровь в жилах закипала! Сорайя соблазнила Иоганна, и он обезумел. А Сорайя была соткана из музыки и танца и, как болезнь, проникала в кровь и отравляла ее. Руки, извивающиеся, как змеи, обнаженные ноги, сверкающие драгоценные камни на груди, цветок у пояса... Как тут не потерять голову?

Все понимали Иоганна и потому были тронуты заботами его капитана, который сумел вырвать товарища из страстных и небезопасных объятий танцовщицы. Ах! Эти руки, эти ноги, эта грудь... Каждый ясно видел перед собой Сорайю. Вот она танцует, и ее розово-изумрудная нагота затмевает смерть, труп Донины, и исчезают страхи.

На следующее утро капитан снова отвлек всех от мыслей о смерти. Он явился на похороны в чудесной парадной форме. Жители предместья еще не видывали такого великолепия — серебряные эполеты, белые перчатки, новая фуражка с золотым якорем. И орден на груди. Капитан сказал:

— На море все это делается гораздо быстрее: заворачивают тело в брезент, покрывают знаменем, матрос играет на рожке похоронный марш, и покойника бросают за борт. Быстрее и красивее, не правда ли?

— Сеньор капитан присутствовал на таких похоронах?

— Еще бы... десятки раз... И присутствовал, и командовал... Десятки раз.

Он прикрыл глаза, и окружающие поняли, что он во власти воспоминаний.

— Помню беднягу Джованни... Он был матросом и много лет служил под моим началом. Я перешел на другое судно, и он тоже: уж очень он привязался ко мне. Но он был итальянец, а ведь итальянцы, вы знаете,

ужасно суеверны. Он часто говорил: «Капитан, если я умру в плавании, то пусть меня бросят в мое родное море». Он считал, что если его тело опустят в другие воды, то душе не будет покоя...

Похоронная процессия еле двигалась, и капитан рассказывал не спеша.

— И вот он умер, мой храбрый Джованни, и задал мне дьявольскую работу...

— Отчего же он умер?..

— Пил много. От чего еще он мог умереть? Пил он отчаянно, у него были семейные неприятности. И вот, когда он умер, мне пришлось отклониться от курса. Отклониться от курса, господа, вы понимаете, что это такое? Только для того, чтобы бросить тело в итальянские воды... Я обещал и сдержал свое обещание. Изменил курс, и мы плыли сорок восемь часов...

— А... а покойник?

— Что?

— Выдержал столько времени без...

— Мы положили тело в судовую холодильную камеру. К моменту похорон он был тверд, как вяленая треска, но зато ничуть не испортился. Из-за того, что я сдержал слово, у меня была куча неприятностей с судовладельцем. Но это вас не может интересовать...

Их интересовало все, и они жадно расспрашивали капитана. Теперь по улицам Перипери за гробом Довиньи шагал загорелый, просоленный морскими ветрами Джованни. Он пил, потому что у него были неприятности в семье... Капитан рассказывал о споре со скупым судовладельцем, о своих остроумных, но твердых ответах, о том, как он защищал право матросов быть брошенными в свое родное море и быть съеденными знакомыми им рыбами. Ведь, погружаясь в последний раз в море, матрос увидит родные берега и протянет к ним свои похолодевшие руки. Но судовладельца Менендеса невозможно было убедить в этом. Грязная скотина, мелкими интригами и подлостями он добрался до поста руководителя фирмой, а прежнего шефа пустил по миру, вот тот был хороший человек, он моряков понимал... Менендес же бандит, капитан и сейчас его ненавидит.

Да можно ли сидеть в домах, валяться в постелях, прятаться под одеяло, хворать и дрожать от страха, когда в этот вечер на площади капитан рассказывает о кораблекрушении, которое он потерпел у берегов Перу во время землетрясения? Волны, как горы, море

ежеминутно разверзается, небо чернее, чем в самую темную ночь.

Полная луна стояла над предместьем, серебристый свет заливал пляж; море искрилось. Если бы не капитан, обыватели Перипери не заметили бы красоты неба, они сидели бы взаперти и тряслись в ожидании своего собственного неизбежного конца. А теперь капитан приглашает их к себе, приглашает выпить по рюмочке и поглядеть на небо в телескоп.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О телескопе и его всевозможном использовании и о Дороти, стоящей на юте при свете луны

Ах, телескоп... С его помощью они забывали о скуке и монотонности своей жизни. Они летали на Луну, на другие планеты, и сколько фантастических приключений их там ожидало! Как бы по мановению волшебной палочки Перипери из тихого предместья «Бразильского Востока», где жили старики, ожидающие смерти, превращался в межпланетную станцию, откуда бесстрашные путешественники отправлялись на завоевание звездных миров.

Большая гостиная с окнами, выходящими на море, — где раньше было столько веселых вечеринок, на которых девицы Кордейро и их подруги кружились в объятиях юношей, — совершенно преобразилась. Исчезли вазы с цветами, рояль, на котором Аделия барабанила фокстроты и вальсы, радиола и претенциозная мебель. Гостиная походила теперь на капитанский мостик, и хилый Леминьос, входя в нее, всякий раз ощущал тошноту. Веревочная лестница, свешивавшаяся из окна, вела прямо на пляж. Зекинья Курвело, кандидат в судовые комиссары, мечтал, что настанет день, когда его немного отпустит ревматизм и он начнет входить к капитану и выходить от него только по этой лестнице.

На стенах в дорогих рамках висели дипломы, полученные двадцать три года назад. В одном было написано и скреплено подписью начальника управления порта, что Васко Москозо де Араган сдал все экзамены и испытания для получения звания капитана дальнего плавания и имеет право командовать любым судном торгового флота на всех морях и океанах. Этот диплом он получил двадцать три года назад, еще сравнительно молодым,

в тридцатисемилетнем возрасте. Но, по словам капитана, он уже тогда был старым моряком, потому что еще десятилетним мальчишкой плавал юнгой на тихоходном грузовом судне и, постепенно поднимаясь по служебной лестнице все выше и выше, дошел наконец до должности старшего офицера и первого помощника. Он хотел видеть новые страны, бороздить чужие моря. На многих судах плавал капитан, под разными флагами, немало испытал, пережил и страдания любви. Но когда ему стукнуло тридцать семь и пришла пора получать звание капитана дальнего плавания, он вернулся в Баию — пусть это произойдет в Баие, у него дома, а родиной вновь испеченного капитана пусть станет бухта Салвадора, откуда он мальчишкой отправился в море на поиски приключений. Он, прибавил капитан с улыбкой, по-своему тоже суеверен. Зекинья возразил: напротив, то был благородный поступок, свидетельствовавший о патриотизме капитана, — специально приехать с Востока, чтобы сдать экзамены именно в Баие. «Притом, без ложной скромности, довольно блестяще», — пояснил капитан дальнего плавания. Так сказал капитан Жорж Диас Надро, тогдашний начальник управления порта, ныне выдающийся адмирал нашего славного военно-морского флота, он, Надро, высоко оценил его знания.

В другой рамке висел диплом кавалера ордена Христа, почетного португальского ордена. Этим орденом капитана наградил сам Дон Карлос I, король Португалии и Алгарве, за выдающиеся заслуги в деле развития морской торговли.

Капитан сидел на складном стуле, обитом клеенкой, — такие бывают в каютах, — рядом с ним стоял штурвал, капитан держал в руке трубку и смотрел в окно. На широком столе — огромный вращающийся глобус, различные судовые инструменты и приборы: буссоль, анемометр, секстант, гигрометр, а также большая черная подзорная труба (город Салвадор был виден в нее совсем близко), параллель — прокладывать курсы — и замечательная коллекция трубок, вызывавшая всеобщее восхищение. И, наконец, судовые часы, именовавшиеся хронометром.

На стенах — мореходные карты, карты океанов, заливов и бухт, затерянных островов. На столике на колесиках, в котором капитан держал бокалы и бутылки с вином, — в стеклянном ящике модель пакетбота, «гиганта морей, моего незабвенного «Бенедикта», — последнего

судна, на котором плавал капитан. Повсюду стояли и висели увеличенные фотографии других кораблей различного размера и разных стран; все в рамках, некоторые цветные. В каждом из этих судов была частичка жизни капитана Васко Москозо де Араган, и он вспоминал связанные с ними истории, случаи, минуты счастья и долгие одинокие ночи.

И наконец — телескоп. Он произвел сенсацию, когда был собран и труба оказалась устремленной прямо в небо. «Увеличивает размер Луны в восемьдесят раз», — объявил Зекинья Курвело, который все больше осваивался с инструментами, с фотографиями кораблей в рамках и с самим капитаном.

В этот лунный вечер они совсем забыли, что утром хоронили Донинью Барату. Всем хотелось посмотреть в телескоп, разгадать тайны мироздания, увидеть Луну и горы на ней, найти звезды, про которые когда-то давно учили в школе. И все старались отыскать Южный Крест.

Мало-помалу жители Перипери привыкли бывать в доме капитана, смотреть в телескоп и слушать рассказы хозяина. Капитан и мулатка Балбина готовили прекрасный грог по рецепту, полученному от одного старого морского волка в Гонконге. То было священнодействие, длившееся не менее получаса. Кипятили в чайнике воду, жгли сахар на маленькой сковородке. Очищали апельсин и мелко крошили цедру. Капитан брал толстые голубые стаканы (тяжелые — чтобы не падали во время качки) и клал в каждый из них немного жженого сахара, затем наливал воды, немного португальского коньяку и добавлял апельсиновую корку. Вначале лишь Адриано Мейра да Эмилио Фагундес — ну и, конечно, Зекинья Курвело — отваживались пробовать этот странный напиток. Они убеждали всех, что он вкусный, не крепкий и, как уверял Зекинья, может даже служить лекарством. Потом решились и остальные, сначала они только пригубивали, потом стали находить в гроге удовольствие, и кончилось тем, что в один прекрасный день старый Жозе Пауло Проньра, известный трезвенник, никогда не притрагивавшийся к вину, пожелал тоже отведать диковинки и с тех пор пил ежедневно.

Усевшись на обитые клеенкой стулья, старики смаковали душистый напиток и только в девять, а иногда и в половине десятого замечали, что прошел еще один день. Продолжение очередного рассказа переносилось на сле-

дующий день — назначалась встреча на станции или на площади.

И вот спустя некоторое время капитан стал значительным и популярным лицом в Перипери. Молва о нем дошла и до других предместий. Все хвалили его воспитанность, его манеры, его сердечность и простоту. Такой выдающийся человек, и так добр — и с богатыми, и с бедняками, — совсем не зазнается.

Однажды, хмурым вечером в тот же день небо было затянуто облаками, Руй Пессоа, бывший чиновник налоговой конторы, не сдержал любопытства и спросил капитана, почему тот оставил службу в сравнительно молодых летах — ведь ему нет еще и шестидесяти, а он уже вышел в отставку. Мог бы еще плавать, по крайней мере, лет десять, почему бы нет?

Капитан поставил стакан на стол и долго сидел, глядя на грозное небо. Лицо его стало серьезным, даже грустным. Заговорил он не сразу. Всматриваясь в лица друзей, он как бы решал, заслуживают ли они доверия. Зекинья Курвело волновался. Пожалуй, Руй Пессоа проявил нескромность. У такого человека, как капитан, конечно, есть тайны, хранимые в глубине души; долг друзей — уважать его сдержанность. Зекинья хотел переменить тему разговора, но тут капитан поднялся, сделал несколько шагов по направлению к окну и сказал:

— Из-за женщины, из-за чего же еще?

Он указал на модель «Бенедикта» под стеклом.

— Я командовал этой «малюткой», мы шли в Австралию. Я уже говорил вам, что не думал жениться. Мимолетная любовь то тут, то там на стоянках... Это мне нравилось...

Француженка в Марселе, турчанка в Стамбуле, в Одессе русская, в Шангае китаянка, индианка в Калькутте. Безумства любви, разбитые сердца и одинокий корабль, уходящий в ночь. Женщин было много, но ни одно имя не хотелось ему вытатуировать на груди или на руке, как принято у моряков. Он записывал имена и адреса в записную книжку, иногда хранил фотографию или локон и изредка вспоминал хрустальный смех или слезу, скатившуюся при расставании. Но вдруг все переменялось: он увидел ее, увидел на борту «Бенедикта», и полюбил, и выбросил за борт свою записную книжку, в которую был занесен почти весь мир, как и все трогательные сувениры.

Ее звали Дороти, она была смуглая, худая, с длинными ногами. Непокорные кудри падали ей на лицо, губы чуть заметно шевелились, а в глазах — тоска. У нее часто менялось настроение: она была то нежной и застенчивой, как ребенок, то мрачнела, пряталась от всех, словно чего-то боялась. Путешествовала с мужем, владельцем каких-то крупных фабрик, безликим существом, занятым только цифрами и делами. Он не замечал красоты жены и грусти в ее глазах. Они совершали кругосветное путешествие, он — чтобы отдохнуть, она — как потом призналась — в надежде найти свою судьбу. Вечером она стояла на палубе и глядела на воду.

С чего все началось? Трудно сказать. Он был капитаном и потому, естественно, общался с пассажирами, он заметил ее красоту и был восхищен. Между ними была большая разница в возрасте — ей едва исполнилось двадцать пять. Они разговорились и потом часто беседовали. Он рассказывал ей о звездах, о море, о штормах и штigliaх. Когда поздно ночью он спускался с капитанского мостика, то находил ее на палубе одну. Они говорили подолгу о том о сем, она пристально всматривалась в него, будто хотела что-то понять. И вот однажды ночью, сама не зная как, очутилась в его объятиях.

Капитан, конечно, не имел права это делать. Когда капитан дальнего плавания высаживается в порту, он может предаваться самым диким оргиям, устраивать самые безумные вакханалии. Но когда он командует судном, он должен вести себя как святой, не поддаваться искушениям...

— А в искушениях недостатка нет...

Да, жителям Перипери казалось, что Дороти прожигается по гостиней капитана. Старики видели ее стройное тело, ее шепчущие губы...

— Ну и как, сеньору капитану удалось ее соблазнить?

Нескромный вопрос не понравился капитану. Ведь это была любовь, и необычная, безумная любовь, она захватила его, лишила рассудка с той самой минуты, как он заключил Дороти в объятия и ощутил прикосновение ее губ. Но он был капитаном, за все сорок лет плавания он ни разу ничем не запялнул себя, и теперь он не смел, не смел... Так он и сказал ей со слезами на глазах, он, который ни разу не плакал за всю свою жизнь.

Пытался ли кто-нибудь из сеньоров хоть раз в жизни убедить в чем-нибудь женщину или заставить ее понять не требующую доказательств истину? Дороти влюбилась

еще сильнее, чем капитан, она готова была броситься в море.

— И здесь вы, капитан, не устояли...

О, они мало знают его — там, где дело касается выполнения долга, он непреклонен. Он устоял. Он накинул свой непромокаемый плащ на ее обнаженные плечи и почти силой увел с палубы. И в ту незабываемую минуту, когда он, раздираемый долгом и любовью, держал в объятиях почти бесчувственную Дороти, он пообещал ей высадиться в первом же порту и навсегда уехать с ней на край света. Они обменялись одним-единственным поцелуем, свидетелем которого было бескрайнее море.

И послал телеграмму с просьбой об отставке. Компания отвечала мольбами, уговорами, предложениями повысить жалованье. Судовладельцы были в панике: ведь капитан пользовался определенным уважением, его знали на всех морях и моряки и судовладельцы. Он не уступал: он — человек слова и, главное, он — влюблен. В первом же заброшенном и грязном порту Макассара он простился с командой. Старые моряки с обветренными лицами плакали, пожимая его честную руку. Он назначил Дороти встречу в доме некой Карол, торговки контрабандным опиумом, которой он когда-то оказал кое-какие услуги. Муж напрасно ждал Дороти, ему пришлось продолжать путешествие в одиночестве.

Две недели они провели в домике в окрестностях города, среди селвы¹. Они предавались любви исступленно, с каким-то отчаянием, будто предчувствуя...

— Появился муж?

При чем тут муж, этот кретин? Его звали Роберто, капитан презирал его, за все время он о нем и не вспомнил! Надутый, самодовольный тип, он думал купить любовь и верность Дороти... Нет, дело не в муже. Лихорадка, вот что! Смертельная лихорадка. Она в два дня прикончила Дороти и карьеру капитана тоже. Как мог он вернуться на судно и снова плавать, когда даже здесь, в порту Макассар, он ни на минуту не мог забыть глаза Дороти, огромные глаза, блестящие от лихорадки, которые смотрят на него, словно умоляя о спасении? Побледневшими губами она шепчет, чтобы он не дал ей умереть сейчас, когда она наконец узнала радость жизни. Но ему даже не дано было умереть вместе с нею, чего он желал и о чем молил небеса, — у него иммунитет

¹ Селва — девственный тропический лес.

к лихорадке: ведь он так давно плавает в этих местах. Первое время после смерти Дороти он сходил с ума, курил опиум; предложения судовладельцев сыпались отовсюду, но он вернулся на родину. Больше он не поднимется на капитанский мостик, для него все кончено — так поклялся он на могиле Дороти. В первый и последний раз в своей жизни велел он вытатуировать у себя на руке имя женщины. Засучив рукав, капитан обнажил татуировку: имя Дороти и сердце.

Он остановился у окна, повернувшись спиной к друзьям. Им показалось, будто они слышат сдавленное рыдание. Растроганно шепнув «спокойной ночи», все удалились. Зекинья Курвело с горячим сочувствием пожал руку капитана. Каждый уносил с собою образ Дороти, ее жажду любви, ее тревогу.

Оставшись один, капитан потушил свет в гостиной. Он предпочел бы не убивать Дороти, не хоронить ее в грязном порту, охваченном лихорадкой. Он отлично мог бы высадить ее в каком-нибудь более цивилизованном городе, но как тогда покончить с такой безумной всепоглощающей страстью? Идя по коридору, освещенному лунным светом, он снова и снова видел перед собою Дороти. О, это была эффектная сцена! Охваченная тревогой и тоской, она, как сейчас, бежала к нему по палубе, и уста ее горели, как раскаленные угли.

И капитан, взяв Дороти за руку, толкнул дверь в комнату служанки. Ворча, мулатка Балбина подвинулась на кровати, давая ему место.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

где наш рассказчик ведет себя не совсем благородно

Кто в этом мире способен уберечься от завистников? Чем выше мнение о человеке, чем важнее и почетнее пост, который он занимает, тем быстрее он становится мишенью для злобной зависти; на него изливают потоки грязи, он купается в океане клеветы. Ничья даже самая идеальная репутация не останется чистой, ничья даже самая блестящая слава не сумеет не поблекнуть.

За примерами далеко ходить не надо. Как известно, достопочтенный судья сеньор Алберто Сикейра в накрахмаленной манишке при всех своих регалиях и состоянии поселился среди нас. Оказал Перипери честь, ведь

ему ничего не стоило бы купить себе дом в каком-нибудь фешенебельном месте, в Питуба или Итапоа, например, где живут и отдыхают самые знатные персоны. А он предпочел наше предместье, где лишь немногие способны понять его взгляды, его заумные рассуждения и речи, избыточные такими словами, какие встретишь разве что в словаре... Нам всем следовало бы гордиться оказанной нам честью, постоянно испытывать чувство благодарности к сеньору судье.

А что вместо этого? О судье болтают черт знает что. На его статьи, опубликованные в журналах, и прочие блестящие заметки никто даже внимания не обращает. Мне довелось видеть номера журналов «Ревиста дос трибунаис» (в кожаном переплете), где юридические исследования, свидетельствующие об эрудиции distinguished судьи, занимают множество страниц. Судить по существу о его взглядах и о высказанных им мнениях я не могу и не смею, я не настолько самонадеян — ведь половина его работ напечатана по-латыни, а половина — крупным шрифтом. Но один из специалистов, комментируя в упомянутом журнале работы нашего судьи, называет его «светилом юридической науки».

Так вот, даже похваляя авторитетных людей, опубликованные в журналах Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло, не остановили людей, подобных Телемако Дореа, жалкому отставному чиновнику муниципальной префектуры, который вообразил о себе бог знает что только оттого, что публикует свои скверные стишки в приложениях к баианским газетам: он осмелился заявить, что distinguished судья — «воплощение непроходимой тупости, чванливой вадорности» (это его подлинные слова) «и величайшее ничтожество, когда-либо встречавшееся среди юристов Баии». Вот до чего могут довести злоба и зависть! И хуже всего то, что такие люди, как Телемако Дореа, находят тех, кто его поддерживает и подливает масла в огонь.

Сплетники лезут в личную жизнь сеньора Сякейры, копаются в его прошлом и настоящем. Мало того что они отрицают его очевидную, всеми признанную компетентность в юриспруденции, они подвергают сомнению неподкупность судьи. «Продажен,— утверждают они,— в высшей степени продажен». И рассказывают туманную историю о двух прямо противоположных решениях по одному и тому же делу: первое якобы отвергало претензии одной нашей крупной экспортной фирмы, второе же,

вынесенное позднее, удовлетворяло требования ее могущественных магнатов. Я не вижу в этом ничего зазорного, ведь приобщение к делу новых данных, как объясняет почтенный судья, изменило в корне его смысл. Но некоторые людишки в Перипери говорят, что эти «новые данные» представляли собой кругленькую сумму в пятьсот конто, то есть в полмиллиона крузейро, которые были приобщены к сбережениям сеньора Сикейры, а не к делу.

Утверждают, будто состояние достопочтенного судьи ведет свое происхождение именно отсюда, а вовсе не унаследовано от родителей. Наследство же якобы получила супруга судьи, дона Эрнестина, на которой он именно по этой причине и женился; уже в молодости она отличалась необычайной полнотой, за что и была прозвана Цеппелином.

Не ограничившись изучением прошлого судьи, наши сплетники стали рыться и в его настоящем и извлекли нежную Дондоку. Разве преступно то, что великий человек нашел того, кому поверяет свои высокие помыслы? В тихие часы съесты, когда его жена дона Эрнестина храпит, почтенный судья предается грезам любви. Он оказал мне честь своим доверием и признался, что питает к Дондоке теплые, почти отеческие чувства. Она хорошая девушка; бедняжку, обманутую и покинутую, ожидала бы страшная участь, если бы не дружеская рука судьи, поддерживавшего и защитившего ее. А кроме того, он вполне заслужил право чуть-чуть отступить от соблюдения правил строгой морали, как бы в возмещение того урона, который он терпит, так тяжело служа супружескому долгу.

Последнему легко поверить, если учесть, что дона Эрнестина весит сто двадцать килограммов... Достопочтенному судье, наверно, действительно тяжело.

Я сдержал улыбку: не следует смеяться над такими вещами, ведь дело касается лиц, достойных всяческого уважения,— сеньора Сикейры и его супруги, тучной, но весьма почтенной особы. А кроме того, я испытываю к судье чувство благодарности: если бы не его щедрость и не его маленький грешок, мне не пришлось бы пользоваться милостями прекрасной, пламенной мулатки Дондоки, носить домашние туфли судьи и поедать купленный им шоколад. Однако в человеческой природе в самом деле много подлости.

Ведь, по совести, я не имею права и ругать тех типов, что постоянно глумятся над мудростью достопочтен-

ного судьи и чернят его имя, раз я сам, стольким ему обязанный, смеюсь и подшучиваю над его маленькими слабостями (и так же ведет себя опекаемая им Дондока). Можно ли требовать от кого-либо уважения и справедливости? И все же самоуверенный и самодовольный Телемако Дореа не идет из моей головы. Я показал ему отрывки из истории капитана — плод моих терпеливых и упорных трудов, а этот рифмоплет принялся критиковать: вялый, туманный стиль, затянутое, рыхлое повествование, много общих мест, персонажи лишены внутренней жизни... А фраза, фигурирующая в начале этой главы, которой я, откровенно говоря, горжусь — «на него изливаются потоки грязи, он купается в океане клеветы», — вызвала у Телемако Дореа сардоническую улыбку. Он не способен ощутить всю силу и красоту написанного.

Между прочим, эта фраза заслужила высокую похвалу судьи, человека просвещенного и почитаемого, который привык к стилю таких авторов, как Руй Барбоза и Александр Дюма. Дондока тоже, когда я больше для себя, чем для нее, прочел один отрывок вслух, захопала в ладоши и воскликнула: «Чудесно!» А у нее нет недостатка в чувствительности, это-то я знаю. Таким образом, поддержанный, с одной стороны, интеллектуальной элитой в лице судьи, а с другой стороны — ободряемый гласом народа, то есть нежным голоском Дондоки, я полностью презрел дурацкий смех Телемако Дореа и решил впредь избегать его неприятного общества. Помимо всего прочего, он еще и вымогатель — до сих пор не отдал сто восемьдесят крузейро, которые взял у меня в долг прошлым летом, чтобы купить рыбы. «Вечером отдам», — сказал он тогда, и так до сего дня...

Но я возвращаюсь к истории капитана. Когда я сочинял строки этой главы о зависти, я вовсе не думал ни о судьбе, ни о его почтенной супруге, ни о Дондоке, ни об этом шуте Дореа. Судья был введен в рассказ как пример, да так на страницах моей рукописи и застрял, как застрявает в прихожей надоедливый гость, потерявший представление о времени. К тому же я, кажется, немного увлекся спором с негодяем Дореа и описанием прелестей Дондоки. И чуть не забыл о своем обещании — выяснить запутанную историю капитана, чтобы истинная правда о его приключениях предстала во всей своей наготе.

Итак, как видите, никто не может спастись от завистников. Мог ли уберечься от них капитан Васко Москозо

де Араган, который, едва прожив в Перипери месяц, стал самым заметным человеком предместья? Имя капитана не сходило с уст, он сделался местной достопримечательностью, его суждениями по самым различным вопросам интересовались все, их ценили, на них ссылались. «Капитан сказал...», «Спросите капитана...», «Капитан мне обещал...» — только и слышалось со всех сторон. Когда разгорался спор, капитан вынимал изо рта пенковую трубку и изрекал свой приговор — его слово всегда было последним, никто не решался ему противоречить.

Капитан и наше предместье как бы праздновали свой медовый месяц, протекавший без единой тучки на лазурном небе ровно тридцать дней. Вероятно, этот медовый месяц мог бы длиться и дольше, если бы из города не вернулся старый Шико Пашеко, бывший финансовый инспектор, живший в Перипери уже более десяти лет и ставший здесь своего рода властителем дум.

Я уже рассказывал о характере этого человека. Желчный, недоверчивый, он постоянно хитрил, сплетничал и говорил всякие колкости. И в отставку он вышел раньше, чем ему полагалось, а все потому, что был замешан в политику и подвергся преследованиям за участие в оппозиции. Шико же утверждал, что пал жертвой могущественных врагов, поскольку уже много лет ведет антиправительственную борьбу. В этой борьбе ему удалось добиться некоторого успеха: он получил значительную прибавку к пенсии. Но Шико Пашеко не успокоился и продолжал упорно бороться против правительства, пытаясь судебным порядком получить изрядный куш.

О судебном процессе, который возбудил Шико Пашеко, толковали в Перипери все время, он, этот судебный процесс, и создал популярность Шико Пашеке. Каждое возвращение Шико из поездки к сыну в Баию, куда он мотался хлопотать по своему иску, было праздником для жителей Перипери. Шико Пашеко рассказывал о каждой подробности дела, которое пошло теперь в верховный суд, и рассказывал со смаком. Он изливал душу, ругая судей, понося бюрократов и политиков, вскрывал тайны частной жизни судей, прокуроров, адвокатов, всех, кто имел какое-нибудь отношение к его делу. К тому же он был кладезем всякого рода анекдотов и смешных грязных историй.

В этой бесконечной тяжбе в общем-то принимало участие все население Перипери. Отставные чиновники и

ушедшие на покой торговцы стояли стеной за Шико Пашеко и приходили в негодование, если вмешательство какого-либо противника тормозило ход дела или кассационная жалоба вызывала отсрочку решения. Жена Аугусто Рамоса, та, что обожала всякие истории, даже дала обет Иисусу заказать за свой счет мессу, если Шико Пашеко выиграет процесс. Жаль, что в то время достопочтенный сеньор Алберто Сикейра еще не поселился в Перипери: своими познаниями и эрудицией он мог бы оказать большую помощь не только Шико, но и всем жителям предместья. Долгими вечерами составлялось меню великолепного праздника, которым будет отмечена победа Шико Пашеко. Он получит кучу денег, он обещает угостить всех шампанским.

Но на этот раз Шико Пашеко из города вернулся расстроенным. Все было вроде бы согласовано, на днях ожидалось решение, но штат неожиданно обратился с каким-то новым ходатайством и слушание дела положили в долгий ящик, как сказал Шико начальнику станции, сходя с поезда.

Шико Пашеко вернулся с целой кучей новостей. Он был набит историями, анекдотами, сплетнями о судьях и адвокатах. Кроме того, он жаждал сочувствия, одобрения, внимания со стороны соседей и друзей. И вдруг оказался на втором плане: в зените славы был капитан дальнего плавания, его имя было у всех на устах, о его подвигах толковали повсюду. Невыносимо! Чего стоят разоблачения козней судейских и бесконечный судебный процесс в сравнении с рассказами о кораблекрушениях, бурях и любовных похождениях? Как сравниться сутяге с моряком, побывавшим в Гонконге и Гонолулу? Да к тому же владеющим телескопом, штурвалом и хронографом!

— Вы знаете, что такое хронограф, сеньор Шико Пашеко?

— И знать не хочу... Я вам расскажу пикантную историю о судье Питанге, у которого жена родила семерых детей от семи разных отцов. Этот король рогоносцев..

— Вам надо обязательно посмотреть коллекцию трубок капитана. Вы сразу забудете о своем деле...

И так все время. Шико Пашеко — о своем процессе, а в ответ ему говорили о морских картах, арабских танцовщицах, пьяных моряках. Он толковал о кассационной жалобе, а ему рассказывали очередное приключение капитана.

Однажды вечером он рассказывал какую-то запутанную историю, связанную с процессом. Слушатели не проявляли особого интереса, вяло слушали. И вдруг оживились: к ним походкой покорителя морей приближался капитан. Шико Пашеко, прищурясь, смотрел на невысокого коренастого человека с пышной шевелюрой и крючковаатым носом. Потом он сплюнул и сказал:

— Капитан дальнего плавания? По-моему, этот тип не способен командовать даже шлюпкой... Он больше похож на владельца мелочной лавки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О том, как плохо не знать географию и о злоупотреблении блефом при игре в покер

— Эх! Если бы я знал географию... — повторял Шико Пашеко сквозь зубы, жалея о безрассудно растроченных днях юности, когда он был знаменитым во всей школе прогульщиком. А сколько времени в течение всей жизни он терял на всякие пустяки, вместо того чтобы отдать упорному изучению географии — науки, в исключительно большой пользе которой он только теперь убедился!

«Где-то сейчас Маркос Вас де Толедо?» — думал он и все надеялся, что сослуживец, с которым он не виделся больше двадцати лет, каким-то чудом сойдет вдруг с поезда на станции Перипери.

Самодовольный южанин Маркос Вас де Толедо был докой по части географии. Он прекрасно знал карту мира: знал столицы, города, заливы, острова, озера, лагуны, горы, вулканы, многоводные реки, океанские течения, речные и морские порты... Он на выбор мог назвать любую гавань Европы, Америки, Африки, Азии или Океании, они так и сыпались из его рта. Умница был этот Маркос Вас де Толедо, но немного надоедлив, помещан на своих знаниях. Приятели от него бегали и старались возможно реже с ним встречаться. Он любил выпить и обладал поразительной памятью. Стоило дать малейший повод, и он начинал перечислять мудреные названия от Гамбурга до Шанхая и от Нью-Йорка до Буэнос-Айреса. Шико Пашеко, который очень любил поговорить, но терпеть не мог слушать, прозвал его Грузовым Судном, потому что эти суда останавливаются решительно во всех портах, даже в самых ничтожных.

Теперь Шико Пашеко понял — жаль только, что поздно! — как он ошибался, недостаточно ценя географические познания приятеля. Он считал Маркоса Вас де Толедо навязчивым, докучливым и обходил его стороной. А сейчас он отдал бы все на свете, только бы увидеть здесь, в Перипери, Маркоса Вас де Толедо, знатока всех морей, рек, меридианов и портов. Ах, как они были нужны Шико, как нужны!.. От всех услышанных от Маркоса названий гаваней в его памяти остались лишь самые известные и легко запоминающиеся. Что от них толку? Они не помогут разоблачить обманщика. А между тем Шико Пашеко был уверен, что Перипери имеет дело с обманщиком, без труда одурачившим простодушных стариков, слабоумных и легковверных, готовых поверить любому шарлатану и проглотить самый невозможный вздор. Он сам не раз подсовывал им совершенно потрясающие небылицы, и беднякам даже в голову не приходило усомниться.

В мире нет более подходящего места для сбыта всякого вранья, чем Перипери. И в уплату получаешь всеобщее признание и уважение. Доказательством тому он сам, Шико Пашеко: к нему проявляли сочувствие вовсе не потому, что он терпит несправедливости, а потому, что всех интересовали его рассказы о судебных жалобах и кляузах и выдуманные истории о судьях и прокурорах. Но его выдумки были заурядны, фантазия бедна, местом действия всегда являлась Баия, до которой можно за полчаса доехать поездом, а действующими лицами — люди, знакомые всем.

Мог ли он соперничать с этим беспардонным вралем, который стоял на палубе корабля и изображал бывалого моряка, овеянного всеми ветрами, пресыщенного женщинами, похожими в его рассказах на влюбленных кошек, болтающего о далеких морях и океанах, о бурях, кораблекрушениях и акулах.

Шико Пашеко шурил близорукие глаза. Невиданная наглость! Даже у Ромео дас Дорес, старого пьяницы и скандалиста, занимающегося лжесвидетельством в судах (с оплатой вперед), и у того больше совести. У этого капитана (как же, капитан он, держи карман!) нет никакого чувства меры. Он безбожно хвастается и рассказывает истории, пересыпая их морскими терминами и звучными сложными названиями портов и городов. Он бойко торгует своими сказками, да еще по самой высокой цене! А эти наивные болваны, сборище дураков,

развесили уши! Идиоты! Им остается только лизать пятки капитану (капитан... размазня несчастная!).

Соперничать с ним невозможно. Но надо сорвать с него маску, разоблачить шарлатана. Эх! Если бы он знал географию, он швырнул бы ему в физиономию всякие морские течения, долготы и широты, сбил бы его с толку масштабами и вычислениями, сбросил бы с капитанского мостика и посадил на мель раз и навсегда. Надо будет выписать учебники из Салвадора.

Досада грызла Шико с первого дня его возвращения в Перипери. Его обычная бледность перешла в желтизну, у Шико явно разлилась желчь. Образ Васко Москозо де Араган, с его трубками, мореходными инструментами, картами и фотографиями кораблей в рамках, с его подзорной трубой, телескопом и высокой фуражкой, завладел Перипери, он царил и на станции и на пляже, никому другому — ни знаменитости, ни герою — не оставляя места. И Шико Пашеко, пуская тонкой струйкой дым изо рта (чего стоит вонючая самокрутка по сравнению с пенковой трубкой, набитой ароматным табаком?), стал вынашивать план мести.

Васко, размышлял он, всячески выпячивает свою персону, этого дурак не заметит, но те, кто его слушает, такие дураки, что и вообразить нельзя, им уже давно пора на покой. Дурень Зекинья Курвело от восторга совсем обезумел — он теперь вроде юнга у этого капитана, ходит за ним по пятам, носит его подзорную трубу... А эта шутовская церемония — наблюдение со скалы за прибывающими судами! Собирается чуть ли не все предместье, можно подумать, будто порт Баия находится в ведении и под охраной обитателей Перипери. Сойдя вниз, Васко объявлял:

— Голландский пакетбот. Превосходная маневренность...

Или сообщал с таинственным видом:

— Грузовое судно из Панамы... Должно быть, везет много контрабанды...

Все многозначительно переглядывались, будто тоже участвовали в рискованном предприятии, каждый чувствовал себя немного контрабандистом, в особенности Зекинья Курвело.

— Цирк, да и только! — ворчал Шико Пашеко, еще больше желтея. Чувствуя горький привкус зависти, он смотрел на улыбающееся, открытое лицо капитана («капитан», черт его дерит!), похожее скорее на физиономию

владельца мелочной лавки, и все больше приходил к убеждению, что если этому типу когда-нибудь и приходилось плавать, то не иначе, как на утлом каботажном суденышке, и, кроме Ильеуса, Аракажу́ и Белмонте, он не видел ни одного порта.

При всяком удобном случае Шико пытался высказать свои подозрения, высказать, используя для этого все (как бы случайно). В ответ же ему твердили про диплом, подписанный и зарегистрированный по всем правилам, — он висел в позолоченной раме в гостиной капитана на самом видном месте. Да, диплом был реальностью, которую трудно отрицать. Но ведь, может быть, этот диплом доказывает всего-навсего, что капитан командовал каким-нибудь крошечным заплыванным пассажирским суденышком Баиянской компании на короткой линии от Каравелас до Салвадора? А может, и еще чище — как знать, не из тех ли он капитанов (ведь он называет себя «капитаном», скотина!), что всю жизнь плавают по реке Сан-Франсиско на какой-нибудь шаланде от Жоазейро до Пирапоры и от Пирапоры до Жоазейро. Этот тип с физиономией лавочника обманул здешних дураков, но Шико Пашеко привык иметь дело с адвокатами, с судейскими крючками, со всякого рода ловкачами. Шико ему не надуть! Все его истории об азиатских портах, об островах Индийского океана, о женщинах Цейлона и греческих морях наверняка вычитаны из книг или где-нибудь подслушаны, а может, просто выдуманы. Капитан шаланды на реке Сан-Франсиско — самое большее, что Шико Пашеко соглашался признать.

Сраженный доводами о дипломе при первой своей попытке поколебать авторитет капитана, Шико не растерялся: десять лет тяжбы закалили его. В ожидании учебников, которые он поручил купить сыну (он готов посвятить весь остаток жизни изучению географии!), Шико Пашеко решил найти у противника слабое место, какую-нибудь мелочь, за которую можно было бы зацепиться, чтобы пробудить сомнения в жителях Перипери, и, таким образом, заполучить союзников.

Вскоре он заметил, что Эмилио Фагундес несколько разочаровался в капитане. Эмилио служил прежде в управлении сельского хозяйства, и его имя не раз попадало в газеты, так как он был шахматистом. Как-то он даже участвовал в турнире в Рио и занял четвертое место. Какое это было событие! Выйдя в отставку, Эмилио поселился в Перипери, и единственное, чего ему здесь не

хватало, это партнера, хорошего партнера; здесь не было ни одного человека, знакомого с какой-либо другой игрой, кроме шашек, гамана и домино. С прибытием капитана (тоже мне капитан — жук навозный!) Эмилио воспылил было надеждой, но вскоре остыл: капитан с трудом отличал ладью от слона и коня от короля. И Эмилио по-прежнему вынужден был довольствоваться игрой по переписке со столичными шахматистами да решением задач, помещаемых в шахматных разделах газет и журналов. Такое разочарование...

— Я думал, что моряк должен уметь играть в шахматы... — сказал он однажды Шико Пашеко.

Впервые в своей жизни бывший финансовый инспектор почувствовал влечение к этой сложной игре (до сих пор он считал ее на редкость скучной и находил, что Эмилио Фагундес просто чудак). Действительно, странно видеть моряка, столь равнодушного к игре, помогающей убивать время. Ведь нет лучшего занятия в долгие часы плавания, если, конечно, море спокойно. И вот, как раз в самый патетический момент рассказа, когда судно капитана («капитан»... мерзавец!) в туманную и холодную ночь в Северном море только что избежало трагического столкновения с огромным айсбергом, Шико Пашеко решил подкинуть на ют шахматную доску. Туман был так плотен, что его можно было резать ножом, как сыр. Черный корабль шел тихим ходом, предупреждая о себе тревожными гудками. Вдруг с левого борта показалась белая громада льда, целая плавающая гора. Паника охватила пассажиров...

— Сеньор Васко, а скажите-ка мне...

— Капитан Васко Москозо де Араган к вашим услугам.

Он не уступал своего звания, поскольку, по его словам, капитанский диплом был его единственным богатством.

Шико Пашеко, с трудом удерживая готовые вырваться ругательства, уступил:

— Так вот, сеньор капитан (жук навозный...), меня поразила одна вещь: как это вы, моряк, имеющий столько свободного времени, не умеете играть в шахматы? Я слышал, что эта игра очень распространена среди моряков...

— Вас ввели в заблуждение, дорогой друг. Моряки любят азартные игры — и в кости, и в карты. Хорошая партия в покер, это да. Я проводил за карточным столом

ночи напролет, до восхода солнца... — Отразив вылазку врага, капитан невозмутимо продолжал: — Однажды мы потерпели кораблекрушение у острова Расмата, он похож на Перипери. У нас в шлюпке было всего несколько галет, немного воды да колода карт. И вот в такую минуту, когда опасность угрожала нам со всех сторон, мы начали чудесную партию в покер. Нас было пятеро — пока один стоял у руля, четверо играли. Мы играли на галеты, на глоток воды... Забавно было. Два дня и две ночи...

Шико Пашеко восторженно воскликнул: он хорошо играл в покер.

— Покер? Прекрасно... Можно сколотить компанию, я уже соскучился по игре. Вот Проньера — заядлый картежник...

— Ну, не заядлый. Так, поигрываю...

— Леминьос тоже играет, не говоря уже об Аугусто Рамосе.

Как знать, может, эта история про кораблекрушение и игру в покер — очередное сочинение Васко? Эх, если бы оказалось, что он не знает правил, не умеет делать ставки, блефовать...

— Мы можем собрать партийку сейчас же...

— Сейчас нет, извините. Надо кончить начатый рассказ, — уклонился Васко и хотел было вернуться к прерванному повествованию.

— Вы доскажете потом, — настаивал Шико Пашеко.

— Он остановился на самом интересном месте, — возразил Руй Пессоа.

— У меня прямо мурашки по спине пошли... — признался Зекинья.

Шико Пашеко с презрением посмотрел на них. Глупцы! Так они, значит, не видят, что их надувают? Ведь обманщик наверняка не знает даже, по сколько карт следует сдавать. Шико улыбался, полный надежды. А голос капитана («капитан» — вонючка грязная!) рокотал и гремел. Капитан кончал свою потрясающую историю. Ледяная гора уже почти столкнулась с судном, пассажиры подняли крик, команда потеряла голову, но в этот момент Васко выхватил у рулевого штурвал...

— Пока ваша милость доскажет, я пойду позову Аугусто Рамоса... Можно собраться в вашем доме, сеньор Проньера, не так ли?

— Только не по крупной... На мелочь... — Проньера жил стесненно, ему приходилось помогать овдовевшей невестке, жившей с детьми в Баие.

Айсберг проплывал мимо, царапая борт судна, а Шико Пашеко отправился за картами и за Аугусто Рамосом. Крепко сжимая штурвал, Васко победоносно смотрел на ледяную гору, которая медленно удалялась, уносимая холодными течениями.

Карты искать не пришлось. Обычно после обеда, прежде чем выйти на площадь побеседовать с друзьями, почти все раскладывали пасьянс. Появились засаленные, грязные карты.

— Пошли, пошли... — торопил Шико Пашеко.

— Наблюдателям места не хватит... — предупредил Леминьос, видя, что все вознамерились присутствовать при игре.

— Я уже слышал эту историю...

— Разве вы не помните гибель «Титаника»? Он налетел на такой айсберг... Это очень опасно...

Васко улыбнулся и взял колоду. При виде засаленных карт капитан («капитан» — хвастунишка!) покачал головой, бросил карты на стол и сказал:

— Играть этой колодой? Нет. Невозможно.

Шико Пашеко сиял.

— Ну что вы, сеньор, не будьте привередливы. Для пустяковой игры на мелочь эти карты вполне годятся. Сядем...

Он пододвинул стул.

Зекинья Курвело все еще видел айсберг:

— Я бы бросился в воду, если бы вдруг заметил один из обломков...

— Нет, такой колодой я не буду играть, она никуда не годится.

— А может быть, ваша милость вообще не знает, что такое покер? — торжествовал Шико Пашеко.

Васко Москозо де Араган посмотрел на него с изумлением.

— Почему же мне не знать?

— Ну мало ли как бывает...

Васко повернулся к нему спиной и быстро вышел. Шико заключил:

— Этот тип понятия не имеет о покере. А еще рассказывает, как он, видите ли, играл на спасательной шляпке, ну слыхано ли что-нибудь подобное? Он, наверное, принимает нас за идиотов. Рассказывает небылицы одну за другой...

— Небылицы?

— Да что вы, сеньор Леминьос, неужели вы не поня-

ли сразу? Чуть прижмешь его, он в кусты... Разве вы не видели сейчас сами? Они, видите ли, играли на галеты, на глоток воды... Я приношу карты, добываю партнеров, и вот, пожалуйста, этот тип скрывается... Колода немного потрепанная! Ерунда! Любой моряк, самый что ни на есть плохой, а уж от покера не откажется!

Зекинья, все еще под впечатлением пережитого, оставил наконец айсберг и выступил в защиту своего идола:

— Кто вам сказал, что он не умеет? Он сказал?

— Ну вот, опять вы пресмыкаетесь перед этим субъектом...

— Насчет «пресмыкаться» это вы бросьте. Просто я не завижду...

— А кто же, интересно, завидует? И чему?

— Спокойно, сеньоры...— вмешался Проныра.— Что это такое? Два старых друга — и спорят без причины.

— Я не позволю, чтобы брали под сомнение слова честного человека...

— Я сомневаюсь только в его знакомстве с покером...

— А ведь правда, он исчез...— подтвердил Руй Песоа.

Но Васко уже возвращался, он нес две колоды и ящик с фишками. Новые, нераспечатанные колоды, красивые, блестящие карты, а на рубашке — океанский пароход в клубах голубого дыма. Да, вот это карты! Колоды переходили из рук в руки.

Однако полный разгром Шико Пашеко в тот вечер был еще впереди. Сам он неплохо играл в покер, но нервозность и раздражительность портили дело. Он был склонен блефовать при каждом удобном случае и никак не мог сравниться с Васко Москозо де Араган, который играл умело, уверенно, сохраняя заразительную веселость и то и дело вставляя всякие морские словечки. Васко знал, когда играть и когда пасовать, умел блефовать в нужную минуту и мгновенно разгадал все уловки партнеров. Шико Пашеко мог говорить все что угодно, но отрицать умение капитана играть в покер было невозможно. Васко играл мастерски.

Зекинья Курвело, сидя рядом, следил за игрой. Айсберг исчез, растаял под лучами южного солнца, и теперь Васко демонстрировал за игорным столом силу своей руки и верность глаза. Время от времени Зекинья бросал презрительный взгляд на оскандалившегося экс-инспектора. А когда Васко с простой парой дам предложил Шико Пашеко показать свои карты и оказалось, что тот

блѣфовал, сделав крупную ставку на ничтожную пару семерок, Зекинья не выдержал:

— Зависть убивает, сеньор Шико Пашеко.

Она действительно убивала. Шико Пашеко почувствовал боль в печени. Он поставил еще пять мильрейсов.

Эта памятная партия в покер положила начало новому обычаю. Теперь в доме Васко собирались каждый четверг — старый Жозе Пауло, Аугусто Рамос и Леминьос, не считая неизбежных болельщиков, — и бурно играли в покер. Зекинья Курвело тоже начал постигать тайны покера: ведь все моряки непременно умеют и любят играть в карты! Шико Пашеко отказался войти в эту компанию. Ноги его не будут в доме капитана («капитан» — сукин сын!).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О празднике святого Жоана, канжике и акулах, или Победенный завистник

Наступил июнь. Дожди затопили песчаные улицы, кухни были завалены кукурузными початками, сложенными для приготовления памонья¹, канжики² и пирогов. Июнь — месяц обжорства, в это время старики забывают о диете, пьют ликер из женипапо³ и объедаются разными вкусными блюдами. Впоследствии они расплачиваются за эти излишества — обостряются всякие недуги: диабет, ревматизм, и приходится отказываться от соли и сахара. Во многих домах совершались тринадцатидневные моления святому Антонио — сначала распевали молитвы перед импровизированным алтарем, потом плясали под звуки аккордеона. На площади устанавливали столб, на полотнище — изображение святого Жоана, готовили костры для святой ночи. В конце месяца вдовы и вдовцы должны были праздновать день своего покровителя, святого Педро. Праздники продолжаются целый месяц; дети бегают с хлопучками и бенгальскими огнями. Во время тринадцатидневных молений завязываются флирты, девушки склоняются над тазами с водой,

¹ Памонья — пирожное из зеленой кукурузы, кокосового молока, сливочного масла, корицы, аниса и сахара; эта масса запекается в трубочках из кукурузных или банановых листьев, завязанных на концах.

² Канжика — каша из кукурузной муки.

³ Женипапо — лекарственное растение.

чтобы разглядеть лицо суженого. А избрание в старейшины праздника святого Педро — честь, которой домогаются все мужчины предместья.

Праздник святого Жоана пришел в каждый дом. Даже в самых бедных семьях откупоривались бутылки ликера из женипапо и гостя угощали куском канжики, пирогом из кукурузной или маниоковой муки, кускусом¹ из тапиоки или нежной памоньей, обернутой в листья. Но главное веселье бурлило на площади, где устраивались развлечения для бедных учеников начальной школы, детей рыбаков и рабочих «Бразильского Востока». Из Платаформы, как правило, приезжал отец Жусто, он служил мессу в маленькой церкви, обедал у кого-нибудь из влиятельных граждан и потом смотрел на народное гулянье. Поздно вечером зажигались костры, с треском летели искры, жарилась кукуруза и сладкий батат, воздушные шары взмывали в небо, усыпанное бесчисленными звездами.

Готовясь к выборам старейшины праздника, отец Жусто вынужден был прибегать к самой тонкой дипломатии. Впрочем, его сутана, наверно, и вправду скрывала фрак дипломата — если судить по тому, как он умел убедить упрямых, успокоить обидчивых, с одним выпить чашечку кофе, с другим позавтракать, с третьим пообедать; он отведывал ликеру и канжики в десятках домов и возвращался в Платаформу, установив полное согласие с прихожанами Перипери, но заполучив сильнейшее расстройство желудка.

Каждый год кандидатов в старейшины праздника святого Педро бывало много. Все считали себя вправе председательствовать на вечернем гулянье, когда дети соревновались в беге в мешках, взбирались на скользкий намыленный столб с пятимильрейсовой бумажкой наверху. Приходилось, правда, идти на некоторые расходы, но ведь это пустяки по сравнению с честью сидеть рядом с преподобным отцом и слушать хвалебную речь ученика, написанную учительницей, но дорого обходившуюся маленькому оратору, которого сильно лупили линейкой, когда он ее заучивал.

Уже с апреля к отцу Жусто в Платаформу начали поступать письма, в которых намекали, кого следует удостоить звания старейшины праздника, потом

¹ Кускус — клецки из рисовой, кукурузной или тапиоковой муки.

начались визиты претендентов и их родственников. Они ставили свечи в церкви, некоторые даже заказывали мессу.

Старожилы Перипери почти все уже были удостоены звания старейшины. Жозе Пауло заслужил его трижды и теперь перестал выставлять свою кандидатуру, стараясь избегать лишних расходов. Адриано Мейру, Аугусто Рамоса, Руя Пессоа тоже уже избирали. Даже Леминьос, вышедший в отставку по болезни в сорок пять лет и сравнительно недавно поселившийся в наших местах, и тот был один раз старейшиной. Четыре года назад Шико Пашеко достойно председательствовал на празднике святого Педро. Так зачем же теперь, когда в Перипери приехал капитан, он снова вздумал претендовать на это уважаемое звание?

Уж если кто и имел на то право, так это Зекинья Курвело: он жил в Перипери больше пяти лет, а священник все еще не вспомнил о нем. Однако как раз Зекинья-то и назвал неподобающему имя Васко Москозо де Араган. По его мнению, никто другой не должен быть старейшиной праздника, и высшим актом справедливости — избрать прославленного моряка, который, проживая в Перипери, оказывает тем честь предместью. Отец Жусто согласился, его всегда привлекали новые прихожане, ему нравилось завоевывать их доверие и дружбу. Выбор, казалось, был сделан мирно: влиятельные лица вроде Проныры, Адриано Мейры и Эмилио Фагундеса не возражали. О простых людях и говорить нечего: они обожали капитана, всегда готового прийти на помощь деньгами или оплатить стакан кашасы. Капитан объяснил, что приобрел эту привычку, общаясь с моряками, решая их споры, участвуя в их попойках. Он любил помогать ближним, давать советы, выслушивать признания. Отец Жусто думал, что на этот раз он никого не обидит своим выбором и не вызовет ничьей ревности, — казалось, все с восторгом встретили кандидатуру капитана.

Но неподобный отец ошибся. Когда новость узнали в предместье, Шико Пашеко пришел в ярость. Больше месяца тому назад он предложил священнику свою кандидатуру и послал ему в подарок кашлуна и бутылку вина из журубобы¹ под названием «Северный лев».

¹ Журубоба — бразильский кустарник; экстракт из корней его применяется как лекарственное средство.

И вдруг он получает удар в спину. Какое предательство! Мало того что рассмотрение его дела в суде отсрочено, мало того что по возвращении в Перипери его постигло горькое разочарование, так теперь еще церковь пренебрегает его кандидатурой, вступает в союз с обманщиком и шарлатаном. Шико Пашеко неожиданно схватил бурный приступ антиклерикализма, он проникся симпатией к маçonству и поносил направо и налево духовенство вообще и отца Жусто в частности, приписывая ему любовниц и незаконных детей.

Если бы был выбран кто-либо другой, у Шико Пашеко достало бы сил снести унижение молча. Пусть выбрали бы Зекинью Курвело, это он стерпел бы, хотя Шико выставил свою кандидатуру именно для того, чтобы помешать юнге капитана Васко добиться запоздалых почестей. Он-то стремился не допустить победы льстеца, а вместо этого дело обернулось еще хуже— он потерпел такое страшное поражение, которое еще не выпадало на его долю. История с покером так его разволновала, что он, казалось, забыл даже о своем судебном процессе. Теперь у него не было в мире более лютого врага, чем Васко Москозо де Араган.

С того самого вечера, когда жители Перипери слушали рассказ об айсберге, а затем играли новыми картами капитана Васко, Шико Пашеко перешел от намеков к действиям. Подходя то к одному, то к другому, он разбирал истории Васко, стараясь обратить всеобщее внимание на нелепые, по его мнению, подробности и поймать капитана на противоречивых фактах.

Нельзя сказать, чтобы его попытки унижить и уничтожить соперника имели успех. Однако все же в конечном счете ему удалось благодаря своей настойчивости посеять сомнения и заронить искру недоверия в умы своих сограждан. И в самом деле, неужто этот капитан такой уж герой и пережил так много приключений, опасностей и любовных историй? Могло ли выпасть на долю одного человека столько волнующих событий? Неужто и в самом деле так богата его жизнь? И почему все они влачат серое, жалкое существование?

Адриано Мейра, старый прожигатель жизни и нахал, однажды решился даже на шутку дурного тона. Капитан рассказывал об одном из своих сенсационных подвигов — историю о девятнадцати матросах, проглоченных акулами в Красном море. Он же, Васко, спасся благодаря божественному провидению и своему умению работать

ножом — вспорол брюхо трем голодным акулам, не меньше чем трем.

— Сбавьте немного, капитан. Одна акула явно лишняя.

Васко взглянул на Мейру своими ясными, как у ребенка, глазами.

— Как вы сказали, друг мой?

Адриано смутился: так спокоен был голос, так чист был взгляд капитана. Но он недавно разговаривал с Шико Пашеко и потому сделал над собой усилие и повторил:

— Не слишком ли много акул, капитан?

— А что вы знаете об акулах, дружище? Разве вы плавали в Красном море? Ваше замечание весьма некстати, могу вас заверить. Нет в мире места, где бы было столько акул...

Нет, он не мог лгать, он даже не заметил в голосе Адриано ни иронии, ни недоверия, ни насмешки. Если бы Васко был действительно шарлатаном, как утверждает Шико Пашеко, он рассердился бы, ответил с раздражением. Адриано Мейра тут же раскаялся:

— Вы правы, капитан. Не следует говорить о том, чего не знаешь...

— Я всегда это утверждал. Ни говорить, чего не знаешь, ни командовать судном, которого не знаешь...

Потому что он, капитан, не знал египетского торгового судна «Эль-Гамиль» и согласился им командовать во время долгого томительного перехода от Суэца до Адена с грузом цемента. Он слишком поздно понял, каким это было безумием: судно оказалось в ужасном состоянии, не работало даже радио, команда состояла из подозрительных типов — такие образины, что смотреть страшно. К счастью, с ним был верный Джованни, тот матрос, из-за которого он рассорился несколько лет спустя с европейскими судовладельцами. И вот когда «Эль-Гамиль» затонул, получив пробоину в корпусе, только им двоим и удалось спастись. После того как акулы покончили с командой, их с Джованни подобрал норвежский корабль. Капитан до сих пор хранит тот счастливый нож; как-нибудь вечером, когда друзья зайдут к нему промочить горло, он им покажет его.

Несмотря на широкую кампанию Шико Пашеко, развернутую против капитана, пока все ограничивалось высказываниями, сомнениями и недоверием. Завидя Шико, Адриано Мейра всякий раз сетовал:

— Ну вот, опять вы со своими разговорами... «Капитан — лжец» да «капитан — лжец», больше вы ничего не можете сказать. Я было поверил и попал в дурацкое положение. Капитан показал мне даже нож, которым он убивал акул...

— Все вы идиоты!

Шико спорил то с одним, то с другим, стал донельзя язвительен и резок и не переставая злословил о капитане. Он испытывал ненависть и презрение к отставным чиновникам, их женам и каждому из доверчивых слушателей капитанских историй — словом, чуть ли не ко всему населению Перипери. Когда же не его, а Васко избрали старейшиной праздника святого Педро, чаша терпения переполнилась. Шико попытался воздействовать на священника, напомнив ему о сделанных ранее подарках, и намекнул на перспективы значительных пожертвований после выигрыша дела в суде. Когда же это не подействовало, принялся создавать общественное мнение против преподобного, твердя, что отец Жусто — развратник и лицемер. Все это было явным преувеличением, так как, с одной стороны, отец Жусто старался лишь сохранить мир среди своей паствы, а с другой — даже самые злые сплетники не могли обвинить его в особом пристрастии к женскому полу, если, конечно, не считать девушки, следившей за порядком в его доме, которая, кстати сказать, отличалась мягкой, неброской красотой, очень напоминавшей красоту святых.

Шико Пашеко, перед которым жители Перипери прежде преклонялись и которого уважали так же, как старого Проныру, всегда встречаемого радостными приветствиями, не в силах был стерпеть такое унижение и такое вероломство. Он просто не в состоянии был видеть эту пару — шарлатана с дурацкой физиономией лавочника и неблагодарного священника (последнему следовало бы по крайней мере вернуть каплуна и вино из журубобы; если у него осталась хоть капля совести) в роли руководителей предстоящего праздника. Шико решил уехать. Однако, чтобы не позволить врагу восторжествовать, он заявил, будто подготовка его дела к слушанию уже закончена и судебное заседание состоится не сегодня завтра. Но даже и эта новость, которая прежде звала бы сенсацией, не нарушила окружавшего его теперь безразличия. И все это по милости презренного обманщика, одетого в дурацкий морской китель, все это его

происки. Шико уезжал под проливным дождем, на станции никто его не провожал. Полный бессильной злобы, Шико Пашеко спасался бегством.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

где Дондока мысленно наставляет
рога рассказчику

Признаюсь, что развернутая Шико Пашеко клеветническая кампания против капитана, вызванная исключительно завистью и злобой, немного поколебала и мое безоговорочное восхищение объявившимся героем. Некоторые из его приключений, рассказанные критически настроенным инспектором, показались и мне несколько преувеличенными. Я это говорю вовсе не затем, чтобы заранее повлиять на ваше мнение. Я выступаю всего лишь в роли беспристрастного историка и высказываюсь только потому, что был до некоторой степени потрясен тем, что оставшиеся верными капитану отставные чиновники и торговцы почти не придавали значения замечаниям и наблюдениям Шико Пашеко.

Поскольку целью исследовательской работы, каковой я предался отчасти, чтобы убить время, а отчасти, чтобы попытаться выиграть литературно-исторический конкурс, объявленный государственным архивом, является восстановление истины, я считал необходимым вынести кое-какие подробности если не на публичное обсуждение, то по крайней мере на суд выдающихся личностей, способных высказать по их поводу свое просвещенное мнение.

Вот почему я посоветовался по этому делу с distinguished сеньором Алберто Сикейрой, чей авторитет в Перипери в настоящее время равен авторитету капитана Васко Москозо де Араган в прошлом. Судья — человек широко эрудированный, ни одна отрасль человеческого знания не укрылась от его любознательности — и право, и философия, и экономика, и спорные половые вопросы. Он ведь даже в медицине разбирается, и неплохо, или, вернее, хорошо: так успешно и самоотверженно лечит Дондоку, у которой часто бывает сильный грипп. Недавно мне довелось увидеть (в качестве еще одного доказательства доверия и уважения ко мне судья как-то вечером открыл передо мною двери своей цитадели, куда я до этого проникал только ночью и тайно), как сеньор Алберто, засучив рукава, купает в горячей воде нежные

ножки Дондоки, а потом вытирает их полотенцем. По его словам, нет лучшего способа для лечения простуды и гриппа. При этом судья нежно шептал: «Моя зверюшка, бедняжка, больная моя девочка...»

Трогательное зрелище: великий человек, слава баиянской юриспруденции, сидит на корточках перед жестяным тазом, растирая ноги простой мулатки, не блещущей ни умом, ни образованностью. Вот доказательство высокой души, и я пользуюсь случаем, чтобы лишний раз заявить об этом.

Он сказал мне, когда я поделился с ним своими сомнениями, что его ничуть не удивляет легкое верие слушателей капитана, поскольку им были предоставлены конкретные доказательства: диплом в рамке, буссоль, телескоп и — что особенно важно — орден Христа. Можно ли было сомневаться, можно ли было верить Шико Пашеко и придавать значение его злобной клевете, если он, в сущности, являлся всего лишь предком тех сплетников, что и поныне сеют смуту в нашем мирном предместье, злословя по адресу ближних и клеветая на честных людей.

Последнее время наш высокоученый судья чувствует себя весьма обиженным: до него дошли слухи о разгоревшейся среди жителей Перипери дискуссии относительно его карьеры.

Не знаю, каким образом стал ему известен наш спор, я не хочу говорить, кто в нем участвовал, — ведь наше крошечное общество поистине состоит из болтунов, сплетников и интриганов. Хотя я, как бы то ни было, признателен им, так как благодаря их бестактности мой авторитет в глазах distinguished судьи значительно возрос. В частности, приглашение сопровождать судью в дом Дондоки представляет собой именно такое, чрезвычайно лестное для меня доказательство его дружеских чувств и более того — его глубокого доверия ко мне. Всем известно, что женатый человек совершенно спокойно приводит к себе в дом какого-нибудь знакомого и представляет его жене; но привести друга к любовнице редко кто решится. Такого доверия заслуживает только самый близкий человек, к которому питают поистине братские чувства.

Я заслужил это доверие потому, что встал на защиту судьи, когда Отонизел Мендонса, прихлебатель Телемако Дореа, принялся везде и всюду кричать, будто сеньор Сикейра вышел в отставку после того, как его имя

было трижды вычеркнуто из списков кандидатов на замещение вакансии судьи верховного кассационного трибунала и будто губернатор штата заявил, что если бы ему пришлось выбирать между крысой из мусорной ямы и почтенным сеньором Сикейрой, то он, представьте себе, предпочел бы крысу: она все-таки меньше ворует и меньше вояет!

Я был возмущен и горячо защищал оскорбленную честь учителя. У меня с Отонизлом Мендонсой старые счеты, и я давно ждал случая расквитаться с ним. Этот типчик еще сравнительно молод и однажды во время казни подложил мне здоровенную свинью, когда мы оба увивались за некой куртизанкой, неизвестно каким ветром занесенной в Перипери. Воспоминание о размалеванной Манон придало мне красноречия, а поскольку негодование переполняло меня, я излил свою досаду, наградив этого кретина несколькими резкими эпитетами, за что удостоился одобрения слушателей. Сам Отонизл, напуганный моей воинственностью, тут же отрекся от своих обвинений, объявил себя поклонником судьи и объяснил, что он, мол, всего-навсего пересказывал слухи, которые ходят в Баие. Как видите, он оказался не только клеветником, но и трусом.

Что же касается истории капитана, который фактически является единственным объектом моего исследования, я изложил все дело поэту-модернисту Телемако Дореа. Наши отношения с поэтом, в последнее время натянутые, теперь улучшились. Как-то он пришел ко мне и, рассыпаясь в любезностях, поздравил с публикацией сонета — не что-нибудь, а настоящий александрийский стих! — который напечатан в газете, принадлежащей одному моему другу, умному и смелому человеку. Некоторые обвиняют его в вымогательстве — якобы он тянет деньги с испанских торговцев, подвергая их уничтожающей критике, если они отказываются давать объявления в его газете. Думаю, что все это интриги и сплетни и не стоит обращать на них внимания. Телемако и вправду понравился мой сонет, он не скупился на похвалы. Сравнил меня с Петлионом де Вилар, с Артуром де Салес и совсем растрогал своим неожиданным признанием моих поэтических способностей. Я расчувствовался и обвинял его — он ведь, в сущности, хороший парень. Немного вспыльчив, конечно, иногда любит позлословить, но, может быть, он просто устал от тяжелой жизни. Ведь Телемако получает ничтожное жалованье, еле сводит

концы с концами, и ему, наверно, очень нелегко. А талант у него есть, этого отрицать нельзя, и если бы он бросил свое увлечение футуризмом, то мог бы писать неплохие стихи.

Я рассказал ему, что меня тревожит позиция жителей Перипери и борьба Шико Пашеко против капитана.

Телемако был не согласен с судьей: «Что этот осел понимает в поведении людей?» По его мнению, обывателей очаровал капитан совсем не конкретными вещественными доказательствами — дипломом, картами, хронографом. Это было бы слишком просто. Обычно люди не придают большого значения вещественным доказательствам. Скромные и робкие отставные чиновники и ушедшие на покой торговцы ощущали потребность переживать какие-то приключения, хотя бы на одну минуту, но чувствовать себя героями. Вот потому-то они стояли за капитана и старались дать отпор сплетнику Шико Пашеко. Даже у самого осмотрительного и благоразумного человека, какую бы умеренную жизнь он ни вел, тлеет надежда стать героем, и подчас достаточно искорки, чтобы эта надежда запылала и разгорелась как пожар. Она-то, эта надежда, и уводит нас от повседневности: мы бежим от посредственности, однообразия и серости будничной жизни, живем услышанной историей или прочитанным в книге. В приключениях капитана, в его жизни, полной отваги и риска, старики узнавали об опасностях, о которых не имели никакого понятия, становились участниками схваток и битв, о которых не могли даже помыслить, и испытывали наслаждения, которых, увы, никогда не знавали.

А что мог им предложить Шико Пашеко? Интриги судебного процесса — и только! Если бы еще это был уголовный процесс — убийство, неверная жена, негодяй-любовник, поножовщина, перестрелка, ревность, ненависть, любовь, растроганные присяжные, — тогда у Шико, возможно, была бы надежда победить капитана. Но тяжба из-за какой-то пенсии... Она ничего не давала окружающим. А они хотели, они жаждали настоящих, подлинных переживаний. Капитан же помогал им понять человеческое величие — вот в чем секрет его успеха.

Признаюсь, сказанное Телемако Дореа казалось мне несколько надуманным и сложным. Но таков уж Телемако Дореа, в сущности, он неплохой человек. Потом он снова похвалил мои стихи, взял у меня двести крузейро, пообещав вернуть дня через два, и ушел.

Я же изложил услышанное Дондоке, когда заменял достопочтенного судью, естественно не имея его высоких интеллектуальных достоинств, но обладая некоторыми физическими преимуществами. Она кокетливо рассмеялась:

— Этот капитан хоть и старик, но по-своему интересен. Мне нравится его голос, красивые глаза и шевелюра. Должно быть, приятно слушать, как он рассказывает о своих похождениях. Нет женщины, которой не нравились бы такие мужчины...

— Только слушать или...

Она закусил губу и опять рассмеялась:

— Как знать, может быть...

Мало ей судьи, развратнице! Она погладила меня по голове и попросила:

— Расскажи мне какую-нибудь из его историй, что-нибудь про женщину и про море, расскажи, милый...

Клянусь, что она, бесстыдница, мечтала в ту минуту, о капитане!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

**О том, как после праздника Второго июля
разразилась буря, или Возвращение негодяя
с обвинениями против капитана**

И вот в один из прекрасных зимних дней, когда небо безоблачно и чисто, море спокойно, а природа в мире с людьми, неожиданно разразилась буря.

Случилась она сразу же после Второго июля, отпразднованного в этом году в Перипери с исключительным блеском. Прежде по случаю национального праздника устраивали торжественный акт в школе, учитель произносил речь, а дети тонкими голосами нестройно пели гимны. В остальном же день был обычным, и проходил он скучно, каждый вспоминал празднование Второго июля в Баие, процессии кабокло, церемонии на Прасада-Сэ и Кампо-Гранде, фейерверки. Но в этом году праздником верховодил капитан, его авторитет был непререкаем. Надо сказать, что революционером он показал себя еще раньше, во время праздника святого Жоана: во-первых, он поместил на верхушку намыленного столба новенький билет в двадцать мильрейсов, а это — большая сумма, во-вторых, увеличил число детских соревнований с призами для победителей и, в-третьих, оплатил вече-

ринку для бедняков в доме сумасбродной портнихи Эсмералдины, мастерицы петь и танцевать, покорительницы сердец рабочих и рыбаков, из-за которой произошло немало драк и даже были покушения на убийство. Кашаса лилась рекою, весь вечер стонал аккордеон и звенели гитары, и праздничный шум достиг апогея, когда около одиннадцати часов в дверях появился капитан в парадной форме в сопровождении Зекиньи Курвело, который теперь тоже курил трубку,— они пришли посмотреть, как идет праздник.

Ранним утром Второго июля капитан, преисполненный патриотического пыла, вышел на площадь в той же парадной форме. Откуда он узнал, что Како Подре служил когда-то ефрейтором в армии, никому не известно. Может быть, благодаря привычке разговаривать со всеми, выслушивать признания и воспоминания, обсуждать различные дела. Как бы то ни было, Второго июля на рассвете население Перипери было разбужено тревожными звуками военного рожка — Како Подре играл на площади зорю с воодушевлением человека, обретшего снова утраченную юность, а капитан с помощью Зекиньи поднимал на намыленный шест флаги Бразилии и Баии. Может быть, мелодия была сыграна не совсем точно — музыкальная память Како Подре слегка притупилась,— но кто обращает внимание на такие ничтожные детали? Разбуженные старики повскакали с постелей — что за дьявольщина, что случилось? Они напрягли слух — звуки рожка резали утреннюю тишину, казалось, это они разбудили солнце Второго июля, ведь оно, как утверждает знаменитый гимн, «в этот день бразильское и сияет ярче, чем в первый день творения». Во всяком случае, что-то произошло и не без военных. Испуганные жители вообразили, будто началась революция, ведь газеты были полны слухов. Конечно, революция! — вслед за звуками рожка чудовищный грохот потряс Перипери. Ракеты взлетели в воздух, они взрывались одна за другой, гремели вроде бы орудийные залпы — и все это происходило под компетентным командованием капитана. Наконец он крикнул Мисаэлу, станционному носильщику:

— Двадцать один! Довольно!

В окнах появлялись испуганные, заспанные дети. Потом дети бежали на площадь, где собрались рыбаки и рабочие «Бразильского Востока». Вот перед ними-то капитан и произнес в тот памятный день свою первую речь.

Через некоторое время появились старый Жозе Пауло, Адриано, Эмилио Фагундес, Руй Пессоа и другие — все в пижамах. Возле флагштока по стойке «смирно» стоял Зекинья Курвело. В петлице у него красовалась желто-зеленая ленточка¹.

В десять часов состоялось торжество у школы, но не совсем обычно была продекламирована «Ода в честь Второго июля» Кастро Алвеса², и второй раз с содержательной речью, изобиловавшей образами героев прошлого страны, выступил капитан. И вместе с этими героями, героями освобождения Баии,— Лабатутом, Марией Китерией и Перикитаном — прибыл с полей Кабрито и Пиражи, с полей сражений у Итапарики и Капозэйры Васко Москозо де Араган, вошел в город Салвадор по дороге, ведущей из Лапиньи и Соледаде, изгнав раз навсегда португальских колонизаторов, и в волнении склонился над телом Жоаны Анжелики, павшей в Лапе у ворот монастыря раскаявшихся грешниц. Капитан преобразился, он горел негодованием, порицал лузитанских угнетателей, прославлял память мужественных баианцев — освободителей родины. Ведь подлинная независимость была достигнута именно в день Второго июля, пролилась кровь баианцев, но лозунг Ипиранги³ восторжествовал.

После исполнения гимнов Васко командовал шествием по главной улице. В нем приняли участие двое носильщиков, учителя и ученики, Зекинья Курвело, а к ним постепенно присоединились все жители предместья. Мужественный голос капитана гремел: «Смирно!», «Правое плечо вперед, шагом марш!» Пуговицы его кителя блестели на солнце, облако пыли, серебристое от мелкого дождика, сопровождало шествие.

На площади дети и учителя, Зекинья и носильщики (Како Подре уже пошатывался, он начал пить еще до утреннего сигнала) выстроились и принесли присягу у знамени. Вечером капитан произнес еще одну краткую речь перед жителями, собравшимися посмотреть на спуск

¹ Желтый и зеленый цвет — цвета национального флага Бразилии.

² Антонио де Кастро Алвес (1847—1871) — великий бразильский поэт, сражавшийся за освобождение негров от рабства и за независимость родины.

³ Ипиранга — река в Сан-Пауло, на ее берегу 7 сентября 1822 г. принц-регент дон Педро провозгласил независимость Бразилии, бросив клич: «Независимость или смерть!» Он был коронован как первый император Бразилии.

флага. Правда, финальная церемония была несколько омрачена случаем, достойным сожаления: Како Подре в бесчувственном состоянии не в силах был взять ни одной ноты на рожке. Пришлось играть на рожке школьнику, но это уже было совсем не то. Впрочем, блеск праздника от этого не потускнел: бенгальские огни, колеса и ракеты, осветившие небо, вполне компенсировали неприятность с Како Подре. Мисаэл же держался на ногах твердо.

— Да, сеньоры,— говорил потом старый Проныра,— стоило капитану поселиться здесь, и праздник Второго июля прошел у нас на высоте... Молодчина наш капитан!

Теперь репутация капитана окончательно укрепилась, и он, подобно монументу, прочно утвердился на высоком пьедестале, на который его вознесли, если можно так сказать, преисполненные уважения и восхищения жители Перипери. Кажется, никто еще в Перипери не был окружен таким единодушным поклонением. Рассказы о необыкновенном праздновании Второго июля дошли до самых дальних окраин «Бразильского Востока». Теперь мудрый совет капитана нужен был везде.

И вот после всего этого в тихий солнечный день, располагающий к мирному веселью, грянула буря: Шико Пашеко с радостным видом сошел с поезда, что-то крича.

«Наверное, выиграл дело»,— подумал Руй Пессоа, увидев его.

Едва ступив на перрон, Шико Пашеко тут же хвастливо сказал Рую, начальнику станции, служащим, смазчикам, Како Подре и Мисаэлу:

— Что я говорил? Не я ли предупреждал? Я вас всех предупреждал! Меня не обманешь... Шарлатан! Он ни разу в жизни не ступал на корабль, ни разу!

Шико Пашеко ходил из дома в дом, обошел всех по очереди, почтив своим визитом даже дом Зекиньи Курвело: радость победителя сделала его великодушным. Время от времени он вынимал из кармана черную тетрадку с какими-то записями и заглядывал в нее. И всюду повторял свой рассказ, посмеиваясь и поругивая капитана:

— Шарлатан, сукин сын...

Одни поверили ему и теперь смотрели на капитана с презрением и даже хихикали у него за спиной; другие, напротив, не слушали рассказней бывшего инспектора и горой стояли за капитана. Некоторые же считали, что

один другого стоит: возможно, и Васко не такой уж герой, но Шико Пашеко гусь известный. Впрочем, таких людей нашлось немного. К первым принадлежал Адриано Мера, ко вторым — Зекинья Курвело, их примирить пытался старый и почтенный Жозе Пауло Проньера.

Примирение было делом трудным, почти невозможным, ведь таких бурных споров еще в Перипери не бывало. Страсти разгорались все сильнее, вражда сделалась непримиримой, некоторые старые друзья перестали даже здороваться, а Шико Пашеко и Зекинья Курвело чуть было не сошлись врукопашную. Предместье раскололось на две партии, и мирной тишине, царившей здесь прежде, о которой писали даже в газетах, навсегда пришел конец. Распря подобно буре потрепала жителей Перипери.

С тетрадкой в руке Шико Пашеко везде и всюду повторял свои разоблачения, рассказывал поразительную историю, которая датировалась началом столетия, когда у власти стоял Жозе Марселино.

ВТОРОЙ ЭПИЗОД

Точное и полное воспроизведение рассказа Шико Пашеко дает широкую картину нравов и жизни города Салвадор в начале столетия, с участием выдающихся государственных деятелей, крупных коммерсантов, занудных девиц и очаровательных женщин

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О пансионе «Монте-Карло» и пяти важных господах

Искрящийся блеск драгоценностей — кольца на пальцах, на шее ожерелье, в волосах диадема, серьги в ушах... Туго затянутая в корсет, волоча за собой шлейф вечернего платья, Карол с улыбкой спешит им на встречу.

— Наконец-то... Я уж думала, что вы сегодня не придете.

Она была вполне изящна, несмотря на свои бурно прожитые пятьдесят шесть лет и вопреки полноте, с ко-

торой тщетно боролась, полнота с годами увеличивалась, а заодно увеличивались и сбережения, которые Карол весьма удачно превращала в акции и недвижимость. Карьера Карол была нелегкой — сколько труда, сколько страданий! Сорок лет в доме терпимости, сначала в качестве пансионной девицы, а впоследствии хозяйки пансиона. А все началось с того дня, когда проезжавший через Гараньюнс коммивояжер увез ее, обольстив столичными манерами и наобещав золотые горы. Недельку спустя он бросил ее в Ресифе. А ей было шестнадцать и ни гроша в кармане... ни знакомого, ни жизненного опыта... Она бродила от моста к мосту, глядела на воду и думала, что утопиться — единственный выход.

Иногда в тихие вечера, сидя в австрийской качалке (качалка стоит посреди столовой подобно трону), Карол любит вспоминать ту страшную ночь, когда маленькая обесчещенная Каролина в отчаянии бродила по улицам большого города; в горле у нее стояли рыдания, ноги подгибались от усталости, а черная вода Капибарибе неудержимо влекла к себе. Поставив на полные колени шкатулку с драгоценностями, Карол перебирает бриллиантовые кольца, брошки, браслеты, изумруды и топазы, и в памяти ее снова и снова встает та ночь, полная тоски и ужаса.

Однако Карол довольно скоро удалось найти выход из положения, и теперь она может с улыбкой вспоминать свои мысли о самоубийстве и любовь к коммивояжеру. Он показался ей тогда сказочным принцем, когда появился в Гараньюнсе со своими чемоданами, набитыми образцами товара. А ведь это был просто бедняк, бедняк и болтун. Ни денег, ни даже обаяния. Молодые люди, что поднимаются сейчас по лестнице пансиона «Монте-Карло», вот это принцы! Пансион занимает просторный бельэтаж на Театральной площади — самый фешенебельный и роскошный пансион для женщин легкого поведения в городе Баия, и он — собственность Каролины да Силва Медейрос, более известной под именем Каролина Золотой Язычок.

Пятеро мужчин в белых костюмах, гетрах и элегантных соломенных шляпах, с изящными тростями и завитыми усами, оживленные, шумные, окружили Каролину, обнимая ее, целуя, рассыпая остроты и комплименты.

— Привет нашей королеве и повелительнице! — раскланялся высокий, пышущий здоровьем человек лет сорока, смуглый, с коротко остриженными волосами.

— Вы оказываете мне честь, полковник. Входите, будьте как дома.

Широкоплечий блондин с лукавыми голубыми глазами низко поклонился Карол:

— Склоняюсь к вашим ногам, владычица моего сердца...

— Не лгите, капитан, я знаю, кто владеет вашим сердцем...

— Вы сегодня прекраснее, чем когда-либо...— сказал третий, целуя ее унизанную кольцами руку.

Но она сама поклонилась ему, а потом обняла.

— Доктор Жеронимо, добро пожаловать, к вашим услугам.— После чего повернулась к красивому безбородому молчаливому юноше и сказала:— Вас, лейтенант, ждут с нетерпением...

Под конец она не без искренности заключила в объятия молодого человека с крючковатым носом, романтической шевелюрой и печальными ласковыми глазами:

— Сеньор Араган! Сеньор Араганзиньо! Рада вас видеть...

Взгляд Араганзиньо еще более затуманился, хотя в голосе Карол явно слышалось дружеское расположение и она горячо его приветствовала. Она заметила его грусть и, догадавшись о ее причине, шепнула ему на ухо:

— Будьте настойчивее и в конце концов вы победите... Я знаю, что говорю...— И громче:— Я ведь постоянно слышу признания и вздохи...

Полковник сказал, смеясь:

— С нашим Араганом никто не сравнится. Однако в данном случае не помогают ни погоны, ни звания...

Гарсон с певучим голосом и женственными манерами подошел к Арагану:

— Я оставил вам столик в углу, сеньор Араган, как всегда.

Мужчины направились к этому столику, Карол шла за ними, сохраняя на лице выражение глубокого почтения. Лейтенант обнял маленькую блондинку, вышедшую им навстречу из-за оркестра.

Араган оглядывал зал. Наконец он увидел Дороти. Вот она сидит там, ее руки держит Роберто, этот жирный боров. Глаза Дороти, тревожные, почти умоляющие, встретились с глазами Васко, на ее губах появилась робкая улыбка.словно теплый весенний ветер наполнил грудь Арагана. Доктор Роберто Вейга Лима, надутый фат, ничтожество, сынок богатых родителей, что он пони-

мает в хрупкой сражающей красоте Дороти? Разве он видит ее испуганные глаза, ее горящие щеки, разве может оценить жажду любви?

Знаки внимания, оказываемые гостям многоопытной Карол, не были ни случайными, ни бескорыстными: пятеро господ, сидевшие за столиком и выбиравшие вина, оказывали честь и покровительство ее заведению, они принадлежали к сливкам баиянского общества. Это были самые известные кутилы, проводившие время в кафе, за игорными столами и в пансионатах. Вокруг них группировались лучшие люди города, отличавшиеся любезностью и щедростью. Пятеро друзей были неразлучны, они встречались ежедневно по вечерам, играли в бильярд, в покер, пили пиво, ужинали в кабаре.

— Эти пятеро — хозяева штата... — говорили жители, видя, как они входят во дворец, в какое-либо заведение, в бар или в пансион «Монте-Карло», и были до известной степени правы.

Карол шепнула что-то полковнику и сделала знак высокой, стройной смуглянке.

— Приехала сегодня из Ресифе... Само изящество.

— Вы заботитесь только о полковнике... А флот, он что же, ничего не заслуживает? — пожаловался голубоглазый с лицом гринго.

— Для вас, капитан, у меня есть одно лакомство...

Все рассмеялись. Смуглянка подошла к ним с видом роковой женщины. Оркестранты старались изо всех сил, теперь они с чувством играли аргентинское танго, Роберто танцевал с Дороти. За десять лет пребывания в университете он так и не смог одолеть медицину (злые языки говорили, что диплом врача ему дали «за выслугу лет»), зато несмотря на свою полноту Роберто научился великолепно танцевать вальс, танго и машише. И вот теперь он демонстрирует свое искусство, скользя с Дороти в сложных па танго. Она же глядит на Васко, глядит проникновенным взглядом и робко улыбается, расстраивая ему душу. Гарсон принес вино. Негритянка Мусу уселась на колени к белокурому капитану. Карол сияла: она гордилась своим пансионатом, своим оркестром, тщательно подобранными женщинами, вышколенными гарсонами, прекрасным вином, дорогими ценами и первоклассными клиентами. А особенно этими пятью.

Полковник Педро де Аленкар, из штата Рио-де-Жанейро, бездетный вдовец, командовал расквартированным в городе 19-м егерским батальоном. Капитан Жорж Диас

Надро, начальник порта, сын француза и уроженки штата Минас-Жераис, очень любил покер, хороших негрятенок и остроумные шутки. Иногда он устраивал с приятелями разные забавные проделки, среди которых бывали и грубоватые, но в случае необходимости на него можно было положиться. Это он заказал вывеску для пансиона «Монте-Карло», на которой написано «Кабаре, или Приют бездомных». Жеронимо де Пайва, молодой человек лет тридцати с небольшим, адвокат без клиентуры и журналист, не добившийся известности в Рио, переселился в Баию вместе с родственником-губернатором, для которого писал речи. Здесь он служил начальником канцелярии губернатора и пользовался уважением. Жеронимо намеревался заняться политической деятельностью и выставить свою кандидатуру на предстоящих выборах федерального депутата. Лейтенант Лидио Мариньо, дворцовый адъютант для особых поручений, сын знаменитого полковника¹ Америко Мариньо, владельца земель по берегам реки Сан-Франсиско и сенатора штата, был завидной партией для всех девиц на выданье. Когда Лидио, одетый в форму, статный, проходил по улице, девушки следили за ним сквозь щели жалюзи и вздыхали, все они мечтали потанцевать с лейтенантом на каком-нибудь балу или вечеринке. Романтическая личность и дуэлянт, Лидио был и кумиром женщин всех пансионеров, где и совершал большинство своих подвигов.

И наконец, сеньор Васко Москово де Араган, Араган-виньо, глава одной из самых крупных в нижней части города фирм «Москово и К°», торговавшей по всей округе, на юге и в сертане вяленым мясом, треской, винами, маслом, португальским сыром, английским картофелем и прочими продуктами. С помощью целого легиона коммивояжеров фирма проникала также в соседние штаты Сержипе и Алагоас. Васко Москово де Араган считался одним из самых крупных коммерсантов в Баие, его фирма принадлежала к числу наиболее солидных и пользовалась хорошей репутацией.

За столом вино лилось рекою, клиенты не скупились. Все это были люди с положением, и недостатка в деньгах не испытывали. В их компании Карол начинало казаться, что и в ее руках власть, что и она управляет

¹ Полковниками в Бразилии и некоторых других странах Латинской Америки называли крупных помещиков, которым формально присваивалось звание полковника национальной гвардии.

жизнью штата: устанавливает законы, ворочает большими деньгами, запросто бывает во дворце. Разве не к ней приходит Жеронимо, которого еще с юных лет влекло к зрелым и пышным женщинам? Жорж подшучивал над ним, и начальник канцелярии отвечал:

— Я не собака, чтобы глотать кости. Недозрелые фрукты я тоже не люблю. В Карол же есть загадочная прелесть.

Да, в ней была «загадочная прелесть», связанная с большой опытностью. И она пользовалась влиянием: разве она не добилась назначения своего племянника, сына младшей сестры, вышедшей замуж в Гараньюнсе, в редакцию вестника «Импrensa Офисиал»? А муж сестры все поносит заблудшую свояченицу! Стоило только попросить Жеронимо — и племянник был пристроен. Карол производила солдат в ефрейторы, устраивала в морское училище своих крестников, детей бедняков.

Если она решала купить еще один дом, она всегда могла взять деньги в банке, получив от Араганзиньо поручительство по векселю. Карол сочиняла меню и поставляла вина во дворец всякий раз, когда там устраивали бал и собиралось высшее общество Баии. Гарсоны из пансиона «Монте-Карло» обслуживали приглашенных солидных сеньоров и добродетельных сеньор. Карол незаметно распоряжалась всем, и политические деятели из провинции специально приезжали в город, чтобы поухаживать за ней и попросить протекции. Маленькая Каролина из Гараньюнса, чуть не покончившая с собою под мостами Ресифе, сегодня сидит, вся увешанная драгоценностями за столом в пансионе на Театральной площади в городе Салвадор-да-Баия, и улыбается пятерым отцам города.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О фирме «Москозо и К°» — торговая глава с грустным концом

Эта фирма была основана старым Москозо, дедом Васко по материнской линии. Вскоре она стала процветать и получила широкий кредит. Португалец Жозе Москозо отличался коммерческими способностями и твердыми принципами. Слово его было вернее подписанного векселя. Пятьдесят лет своей жизни он отдал фирме: не бывал нигде, кроме дома и конторы, трудился день и ночь, как

самый мелкий служащий, «чтобы подавать пример», был совершенно равнодушен к комфорту и развлечениям, воздержан в еде, одежде и любви. С женою Жозе Москозо прижил лишь одну дочь, а затем овдовел и все его хозяйство перешло в руки кухарки-негритянки.

Васко сменил деда на посту управляющего предприятием, которое за полвека из скромной конторы превратилось в трехэтажное здание близ Ладейры-да-Монтанья. Наверху спали служащие, а в больших комнатах обычно останавливались приезжающие в столицу солидные клиенты из провинции. Служащие и питались здесь же, и работали, подчиняясь жесткому режиму, — отдыха по воскресеньям и праздникам не полагалось.

Потеряв в трехлетнем возрасте отца, а позднее и мать, которая оказалась не в силах вынести разлуку с неверным влюбчивым мужем, Васко остался на попечении деда. Едва мальчику исполнилось десять лет и он окончил начальную школу, дед привел его в контору. Здесь он сначала подметал служебные помещения и склад, потом таскал товары, как простой грузчик. Спал вместе с другими служащими наверху и с ними же садился утром и вечером за общий стол, во главе которого восседал сам старый Москозо. Первой женщиной Васко стала кухарка Роза, и ночи в ее комнате без окон, где можно задохнуться от жары, были его единственной радостью в те годы. Дед никак не выделял Васко из среды других служащих, только по утрам он благословлял его и давал целовать руку.

Наблюдая за внуком, старый Москозо печально качал головой. Мальчик не проявлял ни ловкости, ни вкуса к делу, он был беспечен, рассеян и лишен чувства ответственности. Когда Васко подрос, дед послал его коммивояжером в Жекиэ и Сержипе. Однако первый опыт кончился весьма плачевно — подтвердились самые худшие опасения деда и Рафаэля Менендеса, старшего служащего фирмы, образца деловитости.

Вступление Васко в славную корпорацию коммивояжеров было молниеносным и блистательным. Этой должности в те времена усиленно домогались многие. Васко продавал товары в зависимости от своих симпатий, он предоставлял кредит разорившимся торговцам, чьи магазины и лавки другие коммивояжеры старались обходить. Если ему не могли уплатить за товары немедленно, он соглашался на любую отсрочку. В одном из городов штата Сержипе, где все дела можно было кончить в один

день, он проторчал целую неделю, очарованный тенистыми улицами, веселыми домиками, купанием в реке Тау-тинга, красивыми девушками, выглядывавшими из окон или сидевшими за роялем, и, наконец, любовью Оталии, хозяйки пансиона, которая была без ума от нового коммерсанта. Ни один агент Жозе Москозо еще не совершал столь долгой поездки и с такими ужасными результатами. Пришлось отправить по тому же маршруту, считавшемуся раньше самым легким, опытного коммивояжера, чтобы тот восстановил репутацию фирмы, серьезно поколебленную юным наследником, очевидно, вознамерившимся совершить переворот в торговом деле. Зато Васко оставил долгую и добрую память о фирме и о себе лично во всех веселых домах тех городов, где побывал. Как видно, он отыгрался за годы заточения в здании на Ладейре-да-Монтанья, где старик Москозо установил суровый режим и Васко вынужден был довольствоваться прелестями негритянки Розы, да и то тайно.

С грустью покачав головой, старый Москозо посадил внука снова в контору, где тот и продолжал пребывать, долгое время ничего не делая: его использовали лишь когда надо было сопровождать на прогулках по городу провинциальных клиентов, останавливавшихся в здании фирмы. Для этого он вполне подходил: хорошо воспитанный, приятный, разговорчивый юноша, прекрасный компаньон для вечерних прогулок. Правда, время этих прогулок было ограничено: клиентов старый Москозо не мог заставить лечь в постель ровно в восемь вечера и ни минутой позже, а вот внука мог и требовал того неукоснительно, несмотря на то что пушок над верхней губой юноши давно превратился в пышные усы. О деньгах же, в которых Васко так нуждался, речи просто не было.

Впрочем, старый Москозо оказывал заметное давление и на клиентов, заставляя их менять образ жизни и сокращать расходы на попойки. Старик то и дело твердил, что не доверяет людям, ведущим рассеянную жизнь, посещающим бары и дома терпимости. «Можно ли положиться на пьяницу и распутника?» — спрашивал он и этим вопросом разрушал все мечты о порочных наслаждениях, взлелеянные за долгие месяцы ожидания поездки в столицу. Впрочем, многие из клиентов, несмотря на это предупреждение, все же посещали злачные места, а Васко пользовался каждой возможностью, чтобы, пренебрегая советами деда, показывать приезжавшим вместо

живописных достопримечательностей столицы гостеприимные притоны, где уже успел приобрести прочные связи.

Старый Москозо в черном альпаковом пиджаке, водрузив на нос очки, сидел, склонившись над книгами фирмы с записями входящей и исходящей корреспонденции, и наблюдал за внуком — а тот мечтал, устремив взор в окно: перед ним лежало недописанное письмо. Старик растерянно взглянул на Рафаэля Менендеса и кивнул в сторону внука. Старший служащий посмотрел на юношу строго, с осуждением, а затем, повернувшись к деду, изобразил на лице глубочайшее сожаление. Ну, если и внук ни на что не годен, тогда для Жозе Москозо фирма дороже семьи, да и от семьи-то остался этот самый внук, такой же, как видно, бродяга и фантазер, как его отец Араган, — болтун, тунеядец, прославленный лгун, который отнял у Жозе единственную дочь и, пять лет ни о чем не думая, жил за его счет. Даже после смерти он стоил тестю немалых денег: дура дочь потребовала для своего обожаемого супруга похорон по первому разряду и мраморный склеп. Тесть же после смерти Арагана вздохнул свободно, по его мнению, и трех аршин земли жалко для ненавистного зятя, прозванного приятелями Хвастунишкой: столько он им рассказывал всякой всячины. Такого циничного и наглого субъекта еще свет не видывал! Он не хотел понимать намеков тестя, а когда старик наконец сказал ему прямо, что пора кончать медовый месяц и приступать к работе в конторе фирмы, Араган рассмеялся ему в лицо: «За кого тесть его принимает?» — спросил он не то насмешливо, не то обиженно. Что он, бездарность какая-нибудь, жалкая конторская крыса? Ему ли сидеть целые дни среди трески и картошки и заниматься продажей бакалейных товаров? Неужели сеньор Москозо не понимает, за кого он выдал свою дочь, неужели ничего не знает о его талантах, способностях, связях, планах? Пусть уважаемый тесть не заботится о том, чтобы подыскать ему дело. Его будущее обеспечено, и если он еще не приступил к работе, то только потому, что затрудняется в выборе: пять или шесть предложений, одно другого заманчивее, сделали ему друзья, люди, занимающие самое высокое положение; сеньор Москозо еще получит большие барыши благодаря дружеским связям зятя: Араган может устроить фирме контракты на поставки товаров государству, различным корпорациям, так что легко можно заработать кучу денег. Что скажет, например, сеньор

Москозо о годичном контракте на поставку солонины и трески для военной полиции? Ему, Арагану, стоит лишь шепнуть словечко капитану — начальнику интендантства, — и дело в шляпе. Сеньор Москозо может считать этот контракт решенным делом и прятать деньги в сейф. Причем ему достанется все, так как его зять и друг не возьмет с него комиссионных.

Все пять лет брачной жизни Араган пребывал все в том же неопределенном положении, так и не решившись занять ни одно из пяти или шести замечательных мест или согласиться на новые предложения именитых друзей. Не раздобыл он и контракта для фирмы, хотя ежедневно обещал поговорить об этом деле завтра. Однако от места служащего у тестя он по-прежнему решительно отказывался, рассматривая повторные предложения чуть ли не как оскорбление или провокацию. У него был твердый характер, и он ни разу не вошел в трехэтажное здание фирмы, и, зная его только по наружному виду, обходил его стороной, когда ему приходилось бывать на Ладейреда-Монтанья.

Когда же Араган неожиданно умер, — никто и не подозревал, что у него большое сердце, — явились ростовщики с просроченными векселями, обнаружили различные долги, расписки, написанные наспех карандашом, — все это составило в целом огромную сумму, от оплаты которой старый Москозо, тоже обладавший твердым характером, отказался наотрез. Надо сказать, что смерть Арагана Хвастунишки была горько оплакана не только его женой, но и многочисленными друзьями в барах, а также кредиторами, пришедшими в ужас от неслыханной бессердечности тестя шоккойного.

Вдова не выдержала удара, не смогла пережить потерю любимого супруга и несколько месяцев спустя была погребена в том же мраморном склепе. За всю жизнь она ни на минуту не усомнилась в своем муже, в его благородстве, верности и преданной любви. В некотором роде Араган действительно был отличным мужем — он посвящал жене почти все послеобеденное время, нежно любил ее, баловал как ребенка. Зато вечером его отпускали на свободу. Он имел обыкновение объяснять жене, что занят каким-нибудь важным политическим или коммерческим делом. Возвращался он на рассвете, от него пахло кашасой и духами, в зубах торчала сигара, а на лице неизменно играла довольная улыбка. Даже рождение сына, после которого он еще больше привязался к жене, не

изменило его недостойных (по мнению старого Москозо) привычек. Он вставал в полдень, ел и пил в свое удовольствие, после обеда проводил время с женой и сыном, вечера в барах и домах терпимости, рассказывая приятелям всякие истории. Тесть признавал за ним только одно достоинство: его никогда не видали пьяным, винные пары не действовали на Арагана, и это было поистине удивительно.

Облокотясь на стол, старый Москозо смотрел на внука, и в памяти его оживал ненавистный образ зятя. Какой смысл в том, что он привел Васко в контору еще десятилетним мальчишкой и изо всех сил старался приучить к делу? У парня те же мечтательные глаза, та же жизнерадостная улыбка, что у отца, и то же полное безразличие к фирме. Вот несчастье!

Необходимо заранее принять серьезные меры предосторожности, если он не хочет, чтобы мощная, пользующаяся широким кредитом фирма — дело всей его жизни — развалилась у всех на глазах, попав в руки внука.

Чувствуя приближение смерти, старик решил превратить фирму в акционерное предприятие, приняв в компаньоны несколько самых старых и способных своих служащих. Испанец Рафаэль Менендес тоже вступил в дело, вложив крупный пай, в его руки, согласно завещанию старого Москозо, перешло управление всеми делами фирмы. Васко унаследовал от деда пакет акций, который обеспечивал ему контроль над фирмой и большую часть прибылей. Таким образом, он получил значительное состояние и избавился от всякой ответственности.

Теперь Васко был совершенно свободен — ни работы в конторе, ни установленного дедом режима дня... Никаких обязанностей и куча денег! Он предоставил Менендесу решать все дела. Один только раз он не согласился с испанцем и настоял на своем: когда испанец хотел уволить старого Джованни, грузчика, работавшего в фирме почти со дня ее основания. Больше сорока лет Джованни без устали таскал на голове мешки — от склада к повозкам, от повозок к складам, без единого дня отдыха и без единой жалобы. По ночам он ложился на те же мешки, сторожил здание фирмы и отпирал дверь запоздавшим клиентам, осмелившимся нарушить расписание старого Москозо. Негр Джованни принял Васко под свое покровительство с того самого дня, когда тот десятилетним мальчуганом впервые вошел в здание фирмы. Как тяжело ему было тогда! И Васко хранил чувство благодарности

к Джованни. По вечерам Джованни рассказывал Васко о морях, о портах: в молодости он был моряком. Настоящее имя его было Жоан, он родился невольником и еще мальчиком бежал от хозяев. Ему удалось поступить на итальянское судно и уйти в море. Так с легкой руки матросов-итальянцев он навсегда превратился в Джованни. В мрачном здании фирмы, где от запаха приностей кружилась голова, Джованни был единственным, кто проявлял симпатию к одинокому ребенку. И вот когда Джованни стукнуло семьдесят и силы стали ему изменять, Менендес решил, что держать его больше невыгодно, и приказал уволить Джованни и нанять другого грузчика.

Даже после смерти деда, несмотря на свое новое положение главы фирмы, Васко по-прежнему немного побаивался Менендеса. Испанец был человек вежливый, с высшими вел себя подобострастно, с низшими же по должности и положению и вообще с теми, кто от него зависел, был высокомерен и груб. Он крепко держал в руках бразды правления, и дела фирмы шли отлично. Но служащие жаловались, что при нем стало еще хуже, чем во времена старого Москозо. Васко боялся холодного осуждающего взгляда испанца, его манеры говорить — негромко, сдержанно, непреклонно. Когда мальчиком и юношей Васко служил в конторе, Менендес не бранил его, как остальных. Он только доносил деду — и Васко это знал — о каждой его ошибке, о каждом нарушении распорядка дня фирмы. А потом, когда Васко стал уже взрослым, усатым мужчиной, Менендес доносил старику о его ночных похождениях, которым потворствовал негр Джованни. Теперь Менендес низко склонился перед Васко, он оказывал ему те же знаки почтения и уважения, какие прежде оказывал старому Москозо. Тем не менее, когда Васко, взволнованный и возмущенный, явился к нему в контору, чтобы поговорить о Джованни, тот пытался настаивать на увольнении негра. Накануне вечером Джованни пришел к Васко и рассказал о случившемся. Менендес уволил его без всякого объяснения причин, заплатив ничтожное выходное пособие. Джованни семьдесят лет, ноги его уже не так твердо ступают по земле, в руках нет больше прежней силы. Он напел Васко в баре в обществе друзей и рассказал ему все. Старик зажмурился, чтобы удержать слезы, голос его дрожал:

— Фирма съела меня, теперь остается только выбросить кости.

— Этого не будет... — обещал Васко.

В благодарность старый негр дал ему совет:

— Гринго — негодяй, сеньор Араганзиньо. Смотрите, как бы он не надул вас.

На другой день чуть свет Васко появился в конторе — это был редкий случай. Вид у него был рассерженный и серьезный, он вызвал к себе Менендеса. Служащие начали перешептываться. Из кабинета старого Москозо, который теперь занял Васко, доносился громкий голос главы фирмы. Голоса Менендеса не было слышно, еще ни разу с его жестких губ не сорвался крик, он всегда говорил тихо, даже когда жестоко оскорблял какого-нибудь провинившегося служащего.

Нелегко было Васко сломить испанца. Он кричал, что увольнять старого Джованни бесчеловечно, что Менендес не имеет права выбрасывать на улицу человека, всю жизнь трудившегося на благо фирмы. Менендес холодно улыбался и кивал, но оставался по-прежнему при своем мнении: если служащий не способен больше работать так, чтобы его труд приносил прибыль фирме, не остается ничего другого, как уволить этого служащего и взять на его место нового. Таковы правила игры, и он выполняет их. Если бы он сделал исключение для Джованни и продолжал бы платить ему жалованье, остальные бы потребовали того же. В состоянии ли сеньор Васко (теперь Менендес почтительно величал нового шефа сеньором, хотя более двадцати лет звал его просто Араганзиньо) представить себе губительные последствия такой политики? Нет, Менендес не может поступить иначе.

Но Васко и знать ничего не хотел ни о правилах игры, ни о политике, он считал, что увольнять Джованни жестоко, просто подло. Менендес заявил, что, если так, он умывает руки: в конце концов сеньор Васко — глава фирмы, и любое его решение будет выполнено. Однако ему следует хорошенько подумать, прежде чем нарушить незыблемый закон, лежащий в основе всякой коммерческой деятельности. Он рискует поставить под удар самое существование фирмы. И кроме того, ущерб потерпит не только Васко, но и все остальные компаньоны. Он говорит не о себе, он лично отстаивает только принцип, твердый принцип, а вовсе не стремится сэкономить несколько жалких милрейсов.

Васко вышел из себя и поднял крик. В конце концов более пятидесяти процентов акций принадлежит ему, он

мог бы решить вопрос и один. Испанец подтвердил это. И, видя, что хозяин пришел в ярость, предложил решение, которое удовлетворит всех. Джованни уже уволен, пусть так оно и останется. Но они двое, сеньор Васко и Менендес, берутся обеспечить его, назначат старику месячное содержание, на которое он сможет прожить — оплатить комнату и пропитание. На том и порешили. Начались длительные переговоры со старым негром — он ни за что не соглашался покинуть склад и переехать куда-нибудь, хотя бы в дом Васко. В конце концов договорились так: Джованни будет продолжать работать ночным сторожем за половину прежнего жалованья, вторую же половину будет выплачивать ему Васко из своего кармана. Негр пришел благодарить Васко и еще раз предупредил его:

— Осторожнее с этим испанцем, молодой хозяин. Это такая низкая тварь... совсем дрянь человек.

Для Васко же присутствие Менендеса означало возможность жить спокойно, без всяких забот. Он заходил в контору лишь для очистки совести, перекидывался с испанцем несколькими словами, рассеянно выслушивал его объяснения о ходе дел, забегал на склад к Джованни и вскоре исчезал: необходимо было встретиться с одним из многочисленных друзей (у него была теперь своя компания) или с новой подругой, сердце которой он недавно покорил и она его ждала.

Васко был холост и легко влюблялся, он не знал счета деньгам и отличался щедростью, даже расточительностью. Часто затевал скандалы в барах и кабаре, неизменно оплачивал все счета и пользовался большой популярностью у женщин. Если какая-либо из них казалась ему привлекательной, он немедленно и безумно влюблялся, осыпал ее подарками, снимал для нее домик. В последнее время он влюбился в Дороти, девушку, которую поместил в пансион Карол доктор Роберто Вейга Лима. Роберто был богат и потому не занимался медицинской практикой. Он прославился среди женщин своей дикой ревностью и грубостью и был в этом отношении полной противоположностью Васко. Несмотря на богатство Роберто, женщины его избегали: из-за какого-нибудь пустяка он способен был избить любовницу. Дороти он привез из провинции, из города Фейра-де-Сант-Ана. Он держал ее взаперти, как пленницу, и постоянно угрожал ей. Карол жалела, что приютила девушку в пансионе

«Монте-Карло», но она не могла отказать постоянному щедрому посетителю, да к тому же еще из хорошей семьи. Бедняжка Дороти жила в более строгом заключении, чем монахиня в монастыре, Роберто появлялся в самые неожиданные часы, угрожал несчастной побоями. В танцевальном салоне каждый вечер разыгрывался один и тот же спектакль — Роберто не отходил от Дороти, он показывал свое мастерство в танго и машише и ждал случая, чтобы придаться к Дороти и устроить скандал, чуть только кто-нибудь взглянет на бедную девушку или улыбнется ей. Карол, которой все доверяли свои тайны, знала, что Дороти и Васко нравятся друг другу. За несколько месяцев пребывания в пансионе «Монте-Карло» девушка многому научилась, теперь она была уже не та неопытная деревенская дурочка, которую Роберто нашел в Фейре, и она изо всех сил стремилась освободиться от своего вспылчивого покровителя и оказаться в объятиях симпатичного и щедрого коммерсанта.

Вот эта-то бурная, мучительная страсть и придавала, по мнению Карол и Жеронимо, глазам Васко грустное выражение. Капитан Жорж Диас Надро же был иного мнения: Васко, должно быть, мечтал о какой-нибудь невинной девушке, ухаживание, потом женитьба — безумие, и Дороти была бы от этого безумия хорошим лекарством, верным средством исцеления. Полковник не соглашался ни с тем, ни с другим, он считал, что Васко уже очень давно, задолго до начала всех этих любовных историй, постоянно страдал неизлечимой меланхолией. Лейтенант Лидио Мариньо не имел на этот счет определенного мнения, он мог только констатировать, что этот дуралей Васко, имея все возможности жить весело, предается почему-то ипохондрии. Может быть, у него печень не в порядке? Человеку с такими средствами грустить — да это идиотизм! Во всяком случае, в одном все были согласны — надо разгадать причину печали, снедающей душу Васко Москозо де Араган.

Молодость, богатство, железное здоровье, хорошая компания, приятная беседа... и все-таки создавалось впечатление, что Васко тайно страдает и рана его неизлечима. Приятели были озабочены, особенно Жорж Диас Надро, человек настолько веселый по натуре, что, если кто-либо из его друзей казался грустным или огорченным, он воспринимал это как личное оскорбление.

О начальнике порта с его негритянками и мулатками и об отвратительной девице Мадалене Понтес Мендес

Начальнику порта Жоржу Диасу Надро нравилось видеть веселые улыбающиеся лица. Он не выносил угрюмых людей, чем, возможно, объяснялось и отсутствие привязанности к домашнему очагу: жена его представляла собой олицетворение печали и набожности. Она целиком посвятила себя церкви и благотворительности, обожала больных, страждущих, вдов и сирот. Во время святой недели, когда устраивались процессии и омовения ног беднякам, когда в церквях ставили огромные свечи и все вокруг были в черных покрывалах, а мрачные звуки трещотки заменяли веселый перезвон колоколов, эта женщина чувствовала себя совершенно счастливой.

Каким же образом веселый моряк женился на девушке со столь чуждым ему темпераментом? Дело в том, что, когда они познакомились в салоне Клуба моряков в Рио и Жорж влюбился в Грасинью, она отнюдь не страдала склонностью к меланхолии. Наоборот, непринужденно, с молодым задором смеялась шуткам юного лейтенанта и находила их весьма остроумными, несмотря на то что старые адмиралы не всегда одобряли его юмор. Ее разочарование в преходящих радостях мира сего было вызвано смертью десятилетнего сына. Она обожала мальчика, а он умер внезапно, от лихорадки. В тот час Грасинья с мужем были на празднике на одном военном корабле. Когда пришло известие о смерти ребенка, она танцевала в объятиях Жоржа. Сочтя себя виновной в смерти сына, она оделась в траур и навсегда распрощалась с балами и развлечениями. Все свои помыслы Грасинья теперь обратила к небесам, где, без сомнения, находилось невинное дитя, и к церкви, — может, ей удастся заслужить прощение и будет дарована возможность снова увидеть сына после смерти, о которой теперь она ежедневно молила бога. Отвращение к мирским радостям распространилось и на мужа. Жорж остро переживал смерть ребенка, он ведь мечтал о его будущей карьере, успехах и уже звал мальчика Морячком. Однако не согнулся под тяжестью удара и пытался убедить жену в том, что им следует иметь других детей, которые заполняли бы их опустевшее после смерти Морячка сердце. Но Грасинья с отвращением оттолкнула его и, заливаясь

слезами, умоляла никогда больше не подходить к ней с подобными намерениями. Она пожелала даже иметь отдельную спальню и посоветовала Жоржу тоже забыть пустые мирские удовольствия и обратиться к богу, который в своем милосердии простит и его грехи. Жорж в изумлении разинул рот. Сначала он сочувствовал ее отчаянию, но надеялся, что через два-три месяца она придет в себя. Однако за этот короткий срок ничего не изменилось. Напротив, Грасинья еще больше погрузилась в свое горе. Она бродила по дому, как призрак, постоянно плакала, бормоча бескровными губами молитвы, черные одежды скрывали ее едва расплывшую красоту. Теперь она спала в комнате покойного ребенка. Выполняя обет, она превратила ее в своего рода часовню. Первое время Жорж пытался побороть скорбь и страдания жены, но это ему не удалось. Он перевелся в другой город, однако Грасинья по-прежнему оставалась равнодушной ко всему на свете, кроме памяти сына и будущей жизни на небесах. Тогда Жорж отступился и зажил своей жизнью.

Он старался как можно меньше бывать дома. Управлял портом и руководил морским училищем, работал в саду, окружавшем его дом, выходящий на море. Вечером он снимал свою форму, облачался в штатское платье и отправлялся к Жеронимо, во дворец, в штаб 19-го батальона к полковнику или прямо на Баррис, где жил Васко Москозо де Араган в унаследованном от деда доме, в котором прошли первые годы его детства. Они играли на бильярде и в кости — на рюмку аперитива, вместе ужинали, потом наступало время идти к женщинам или начинать партию в покер.

Именно капитан Жорж ввел Васко в круг людей, занимающих столь высокое положение. Одетый в штатское, голубоглазый и белокурый Жорж походил на путешественника-иностранца, никто и не догадывался, что имеет дело с бразильским капитаном. Как-то Васко сидел за столиком возле эстрады, где выступала танцовщица Сорайя, недавно приехавшая в город. Васко слышал о ней и ее танцах от одного приятеля шведа, у которого была в нижней части города контора по импорту табака, пинасабы¹ и какао. Шведа звали Иоганн. За соседним столиком сидел начальник порта. Васко, приняв его за европейца, некоторое время развлекался тем, что пытался

¹ П и а с а б а — бразильская пальма, волокно которой идет на изготовление веников.

отгадать, какой он национальности: итальянец, француз, немец или голландец? Пшеничные волосы, небесно-голубые глаза и то, что он был в обществе соблазнительной темной мулатки, говорило, что он гринго. Васко задумался. Любопытно, почему иностранцев так привлекают негритянки и мулатки? Иностранцы просто не могут видеть их равнодушно, их так к ним и тянет. А вот он, бразилец смешанной крови, отдал бы жизнь за блондинку с белой розоватой кожей. Чем объяснить такое? Не успел он найти ответа, как в кабаре появились три типа с угрюмыми физиономиями и, проходя мимо, с силой толкнули стул гринго. Они пришли с недобрым намерением, это видно было по их вызывающему поведению, и Васко тотчас же догадался, что они собираются избить гринго и отобрать у него мулатку. Чертов иностранец, соблазнитель... Вскоре ссора превратилась в жестокое побоище, полетели бутылки, стулья, но европеец оказался крепким орешком. Васко возмутило, что трое напали на одного, и он не смог удержаться и вмешался в драку, приняв сторону незнакомца. Мулатка кричала, один из субъектов дал ей несколько затрещин. Васко был сильным, он с детства привык таскать тяжести, кроме того, Джованни научил его приемам бокса.

Битва была жестокой и закончилась поражением и изгнанием пришельцев. Хозяин кабаре, знавший Жоржа, также принял участие в потасовке. Он и его гарсоны наконец укротили трех парней. Позже стало известно, что один из парней был возлюбленный мулатки, вот он с приятелями решил отомстить ей за измену и избавиться таким образом от невыносимых страданий, которые, как видно, причиняли ему рога. Выйдя победителем из схватки, Жорж не согласился на предложение Васко вызвать полицию. Растроганная благородным порывом бывшего возлюбленного и силой его чувства, проявившейся в бесстрашном нападении на начальника порта, мулатка с рассеченной губой покинула победителя и с воплем кинулась вслед за побежденным героем.

Васко принял предложение Жоржа пересечь за его столки, они обменялись визитными карточками. Узнав, с кем он имеет дело и кому помог в трудную минуту, коммерсант оживился.

— Как я рад, капитан! Представьте, я принял вас за иностранца..

— Мой отец француз, но я родился в штате Минас-Жераис, в городе Вила-Рика.

— Такое знакомство для меня честь. Сеньор может всецело располагать мною...

— Давайте бросим все эти разговоры насчет сеньора. Ведь мы друзья.

К концу вечера они оба уже были в дружеских отношениях с Сорайей. К ним присоединился Иоганн, они стали аплодировать танцовщице — дочери араба из Сан-Пауло, потом угостили ее шампанским и увезли вместе с двумя другими женщинами. На следующий день Васко был представлен полковнику, лейтенанту и доктору Жеронимо. Последний не замедлил попросить у него займы денег, что окончательно скрепило их союз и ознаменовало вступление Васко в избранный круг.

А также — в высшее общество. Его стали приглашать на праздники во дворец, на приемы, балы. Теперь на парадах Второго июля и Седьмого сентября он стоял на трибуне рядом с губернатором, представителями высшей власти и офицерства. С Жеронимо они были неразлучны. Впрочем, все четверо, а также и прочие: майоры, капитаны, судьи, депутаты, правительственные чиновники — все, кто случайно оказывался в их компании и принимал участие в беседе, партии покера или в кутеже, уважали Васко. Поскольку он сделался теперь близким другом начальника канцелярии губернатора, приятелем адъютанта для особых поручений, командира батальона и начальника порта, перед ним гостеприимно распахнулись двери всех городских салонов. Васко расстался со своими прежними друзьями, коммерсантами из нижней части города, — эти люди не отличались ни остроумием, ни широкой образованностью. Только с Иоганном — так как ему симпатизировал Жорж — Васко сохранял дружеские отношения. Швед появлялся время от времени, все еще влюбленный в Сорайю, и говорил, что вытащит ее из кабаре. Великолепная женщина, но танцовщица самая жалкая из всех, каких ему когда-либо приходилось видеть. А ведь он объездил полмира, до того как поселился в Баие.

Васко Москозо де Араган имел, таким образом, все, чтобы чувствовать себя счастливым. Деньги, общественное положение, здоровье, хороших друзей, успех у женщин. В карты ему везло, особенно в покер, забот у него не было никаких. Тогда почему же, черт возьми, грусть туманит его чистые глаза, почему так внезапно обрывается его искренний смех?

Капитан Жорж Диас Надро любил видеть вокруг себя веселые лица. Он решил дознаться, в чем секрет этой необъяснимой печали, и найти подходящее лекарство, чтобы как можно скорее разогнать ее. Одно время он предполагал, что Васко страдает от безответной любви и ревности, и надеялся, что рана зарубцуется со временем, когда вспыхнет новая страсть, как сейчас, например, к Дороти. Не так давно Васко проявил интерес к одной сеньорите из общества, которой был представлен на празднестве во дворце. Это была жеманная девица по имени Мадалена Понтес Мендес, дочь судьи. Жорж встревожился: неужели эта отвратительная манерная особа, плоская как доска и с таким выражением лица, будто ей всюду чудится дурной запах, могла пленить сдержанного Васко Москозо де Араган, который так разбирается в женщинах? Нелепо! Впрочем, Жорж с каждым днем все больше убеждался, что мир соткан из нелепостей.

— От этой самой Мадалены меня тошнит...— сказал начальник порта полковнику, командиру 19-го батальона.— Кривляка!

Он надеялся исцелить Васко при помощи Дороти, ее жгучих глаз, ее губ, жаждущих поцелуев, Дороти создана для любви (достаточно взглянуть ей в лицо, все сразу понятно!). Ей нужен настоящий мужчина!

— Ради этой действительно стоит поломать голову... А он страдает из-за какой-то раздувающейся лягушки, просто глупо!

По мнению озабоченного Жоржа, Васко нужно было скорее покорить Дороти. На эту тему капитан имел длительную беседу с Карол.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О реальности и о мечте в связи с титулами и званиями

Да, воротящая от всех нос Мадалена Понтес Мендес имела некоторое отношение к неясной печали Васко Москозо де Араган. Дело было, однако, не в любовных муках, не в ревности и не в страсти без взаимности, как воображал капитан Надро. Может быть, коммерсант и питал матримониальные намерения в отношении гордой девицы, но сердце его никогда не билось учащенно при

встрече с этой спесивой, тощей особой. Гораздо больше времени и внимания он уделял ее задыхающемуся от астмы отцу — судье верховного трибунала — и матери, происходившей от баронов.

И если он когда-нибудь и подумывал на ней жениться, то лишь из-за того, чтобы войти в круг людей высокого происхождения, рода с гербами, титулованных особ, добраться, так сказать, до недоступной ему вершины. Однако даже если в его голове, кружившейся от внезапной перемены жизни, от дворцовых огней, близости губернатора, элегантности всех этих «их превосходительств», и мелькнула такая мысль, она все же не воплотилась в конкретное намерение, а продолжала оставаться туманным горьким желанием.

Вступив в брак со знатной особой, Васко присоединил бы к своему честному плебейскому имени, благоухающему треской и вяленым мясом, звучную дворянскую фамилию, еще папахивающую кровью невольников. Впрочем, местное дворянство несколько обеднело после отмены рабства. И вот наш незадачливый комбинатор остановил свой выбор на Мадалене Понтес Мөндес, у которой в роду по материнской линии был барон, а в архиве деда по отцовской линии хранились письма императора Педро II. Дед этот был ученый юрист и держался весьма надменно, хотя поместье его уже пришло в упадок. И вот Васко изо всех сил старается понравиться родителям Мадалены и ухаживает за ней.

Но однажды во время вальса его постигло горькое разочарование. Танцуя с Мадаленой, он говорил о том о сем... Разговор коснулся помолвки и свадьбы какой-то ее приятельницы... И тут Мадалена — этот мешок костей — заявила, что единственное, чего она потребует от человека, который пожелает повести ее к алтарю, это, чтоб у него был титул или звание. Не обязательно дворянство, хотя, конечно, ее идеал — граф, маркиз или барон. Но теперь при республике, после низкого предательства, совершенного по отношению к бедному императору, другу ее деда, с которым дед даже переписывался, это так трудно, так что она имеет в виду свидетельство об окончании университета, докторский диплом, звание офицера армии или флота. Она, внучка барона, дочь судьи верховного трибунала, не выйдет замуж за кого попало, чтобы стать скромной супругой неизвестного «сеньора такого-то» — «сеньора» Белтрано или «сеньора» Сикрано. Она хочет быть сеньорой докторшей или сень-

рой капитаншей. Деньги для нее ничего не значат, имя, положение в обществе — это да. Это для нее все.

Васко сбился с такта, побледнел, сник. Он завел разговор, рассчитывая намекнуть на сватовство, но тощая гордячка тут же бросила ему в лицо, что он и есть «такой-то», один из тех «сеньоров», о которых она говорила с таким презрением. Он не решился предложить ей себя, сконфузился, растерялся и молчал до тех пор, пока не прозвучали заключительные аккорды вальса. После этого Васко стал еще грустнее.

Ибо единственной причиной его печали было то, что он не имеет ни титула, ни звания, ни диплома. Почему, например, вы думаете, он не бросался на завоевание Дороти, ведь Дороти около Роберто держали деньги? Васко мог бы дать ей гораздо лучшее содержание, снять домик и вести с ней веселую жизнь, наполненную празднествами, прогулками, вечеринками и шампанским. Не говоря уже о том, что мог освободить ее от ужасной необходимости терпеть возле себя такого барана, как Роберто. А Васко вздыхал по Дороти, и сердце его тревожно билось. Что же мешало ему вырвать ее из рук Роберто? Страх? Да, он боялся Роберто. Но это был не физический страх, можно ли бояться этой жирной туши? И потом известно, что мужчина, который бьет женщину, всегда трус и не способен оказать сопротивление другому мужчине. Да и кто осмелился бы выступить против Васко Москозо де Араган, друга Жеронимо, своего человека в полиции, который, если бы захотел, мог бы получить в полное распоряжение отряд солдат или матросов? Стоило только сказать слово полковнику или капитану...

Однако Васко все же ощущал страх, но страх совсем иной, страх коммерсанта перед человеком, получившим университетское образование, имеющим звание доктора, ученую степень, перед человеком, защитившим диссертацию. Никогда Васко не сможет стать на одну доску с теми, у кого диплом. Он не смел с ними равняться, он знал, что они выше.

Вот она, причина грусти и печального выражения лица Васко Москозо де Араган, вот то, что постоянно его мучило, отнимало радость жизни, а теперь еще беспокоило друзей. Васко казалось, что люди с титулами и званиями представляют собой особую касту, это высшие существа, не равные простым смертным.

То, что он был простым смертным, Васко Москозо де Араган ощущал на каждом шагу. Когда он входил в

папсион «Монте-Карло», Карол его нежно приветствовала — «сеньор Араганзиньо», а четырех его друзей называла полковник, доктор, капитан, лейтенант. Если новая женщина присоединялась к их компании за столиком кабаре, она непременно интересовалась их званиями и, когда доходила очередь до него, нередко пыталась угадать:

— Дайте-ка я отгадаю... Вы майор, я готова поклясться.

Когда на правительственной трибуне губернатор штата представлял их всех одной важной персоне, то о Васко, после того как были представлены капитан, доктор и прочие, было сказано:

— Сеньор Васко Москозо де Араган, крупный оптовый коммерсант.

Сеньор Васко... Целый день он слышал это раздражающее его слово и страдал, как от пощечины, как от оскорбления. Он был унижен до глубины души, все время краснел, опускал голову. Праздник больше не радовал его. День был испорчен. Что значат деньги, симпатия и дружба влиятельных людей, если на самом деле он им не ровня, если что-то их разделяло, что-то, а именно звание, вставало между ними? Многие завидовали Васко, считая, что ему повезло в жизни и у него есть все для счастья. Но это было не так. Васко мечтал о звании, которое заменило бы столь унижительное словечко «сеньор», такое безликое, вульгарное, смешивающее его с толпой, чернью, сбродом.

Сколько раз он размышлял об этом после веселых пирушек в тишине своего холостяцкого дома, и его добродушное лицо мрачнело. Он отдал бы все на свете за диплом зубного врача или хотя бы фармацевта, ведь тогда он имел бы право носить особое кольцо — символ высшего образования — и писать перед своим именем «д-р»...

Он стал подумывать о покупке звания полковника национальной гвардии. В первые годы существования республики многие помещики из глубинных районов покупали такое звание за несколько conto. В те времена в сертане было столько полковников, что это слово стало синонимом богатого помещика. Оно утратило военную окраску, перестало связываться с представлением о чести мундира. Этим полковникам давно уже не оказывали воинских почестей, даже не козыряли. Носить форму им тоже не разрешалось. Какой же смысл покупать звание полковника? Просто смешно...

Он мечтал — мечтать ведь никому не запрещено — о папском дворянстве, но это было бы слабым утешением, всего лишь фантазией, улетучивающейся перед лицом суровой действительности. Титул ватиканского графа стоял огромных денег, на него не хватило бы всего состояния Васко. В Салвадоре был всего один папский дворянин — Магальяэнс, компаньон крупной фирмы, по сравнению с которой торговый дом «Москозо и К°» казался жалкой лавочкой. Этот Магальяэнс построил церковь и послал папе золотое изображение Христа, ссужал деньги священникам и братствам, заплатил двести конто за дворянство, совершил паломничество в Рим и при всем этом с трудом добился титула командора. Одних денег мало, необходимо оказывать церкви важные услуги, отличаться религиозным пылом и быть своим человеком в монастырях. Беспутный Васко Москозо де Араган редко бывал в церкви, совершенно не имел связи в церковных кругах, и имя его никогда не произносилось в епископском дворце.

Иногда, лежа в постели, погруженный в размышления, Васко проклинал своего покойного деда, этого грязного тупицу, который думал только о деньгах. Вместо того чтобы заставить несчастного ребенка подметать пол в доме на Ладейра-да-Монтанья, бегать по поручениям и таскать грузы, лучше бы отдал его в школу, а потом на медицинский или юридический факультет. Вот тогда Васко поднялся бы на вершину социальной лестницы! Но где там! Старый Москозо думал только о фирме, о том, чтобы внук смог когда-нибудь заменить его.

Васко старался отвлечься от этих воспоминаний, забыть о деде и обо всем на свете и давал волю своему воображению: с удовольствием мысленно ставил перед своим именем желанный, недостижимый титул или звание. В эти минуты он был совершенно счастлив.

«Васко Москозо де Араган, адвокат», — и он видел себя на судейской трибуне, в мантии и парике; он направляет на прокурора указующий перст и блестящей речью уничтожает прокурора; дрожащим от волнения голосом он рассказывает историю своего подзащитного, который оказался жертвой, бессильной жертвой рока. Добрый, работающий человек, нежный отец семейства и преданный муж, обожающий свою жену, она же — легкомысленная женщина — наставляет ему рога... Нет, это неподходящее выражение для суда... И вот легкомысленная женщина, презрев любовь мужа и любовь невинных

детей, оскверняет святость семейного очага, забывает клятву верности, данную перед священником, и на ложе измены втаптывает в грязь честное имя мужа... Вот так, это хорошо... Фраза понравилась ему самому, он растрогался... Его имя гремит по всему штату наравне с именами крупнейших адвокатов, о нем говорят, со всех сторон слышатся похвалы: «Какой талант! Какое красноречие! Он заставляет плакать даже людей с каменными сердцами! Нет такого суда присяжных, который не согласился бы с ним!»

Итак, Васко добился оправдания убийцы. Теперь он видел себя в халате с засученными рукавами, в очках, в резиновых перчатках, лицо его закрыто марлевой повязкой — он доктор Васко Москозо де Араган, знаменитый хирург (другой специальности он не признавал), работавший в больницах Парижа и Вены. Уверенными, но осторожными движениями он вскрывает брюшину губернатора под пристальными, полными надежды взглядами родственников Жеронимо, политических деятелей, студентов и медицинских сестер. Внезапная болезнь губернатора вызвала тревогу в обществе, губернатору грозит смерть. Необходима немедленная операция. Такую операцию никто в Баие еще не осмеливался делать (Васко не знал в точности, что именно он оперировал, какое место губернаторского живота приходится ему вскрывать и зашивать, но это были второстепенные детали). Испуганные врачи колеблются, боясь страшной ответственности. Знаменитый профессор отказывается от операции. А между тем жизнь губернатора в опасности, дела штата заброшены, политическая жизнь бурлит, и оппозиция потирает руки в радостном ожидании. Жеронимо горячо взывает к дружеским чувствам Васко, они нуждаются в его знаниях, в его таланте. Напряженная обстановка в операционной, на устах Васко улыбка... Он собирает все свое мастерство, хладнокровие, опыт и знания. Извлекает из сиятельного живота... что бы вы думали? — огромный камень! (Ему приходилось слышать о камнях в почках как о смертельной, неизлечимой болезни.) Студенты не выдерживают и раздражаются аплодисментами и криками «ура», профессора приходят поздравить Васко.

Вслед за спасением человека от тюрьмы и спасением жизни губернатора Васко переносится в другую область: инженер Васко Москозо де Араган, прошедший практику в Германии, сумел проложить железнодорожные пути по

суровому сертану и принес прогресс всему краю. Он идет по дикой каатинге во главе отряда рабочих, обливаясь потом под палящими лучами солнца. Он преодолевает все препятствия, борется с унынием и усталостью. Но он озабочен. И вот неожиданно на фоне тоскливого равнинного пейзажа вырастает огромная гора. Она мешает проложить рельсы, преграждает путь цивилизации. Туннель, один из самых крупных в мире, бессмертное творение Васко, о котором пишут в учебниках географии. Открытие туннеля... Машинист уступает Васко свое место... Первый паровоз, украшенный цветами, поведет великий инженер, человек, победивший пустыню, горы и реку. Появляется Дороти, оказывается, она жена секретаря управления путей сообщения ограниченного и пренеприятнейшего субъекта, который всегда пренебрежительно относился к коммерсанту Араганзиньо, другу Жеронимо и лейтенанта Лидио Мариньо и, здороваясь, холодно подавал ему два пальца; Дороти, волнуяще прекрасная, разбивает о переднюю решетку паровоза бутылку шампанского в честь открытия туннеля и ищет глазами славного инженера. Робкая любовь зарождается между ним и женой секретаря.

Майор Васко Москозо де Араган, кавалерийский офицер — конь ведь выглядит так благородно и романтично, — гарцует перед строем. Громовой голос, аристократизм, выправка, ордена на груди. Войны избежать не удалось. Аргентинские войска вероломно нарушили границу штата Рио-Гранде-до-Сул, и парад Седьмого сентября превратился в отправку войск на юг, по пути долга, славы и смерти. Жители города высыпали на улицы, женщины с плачем обнимают солдат, девушки бросают им под ноги лепестки роз. На сером в яблоках коне Васко Москозо де Араган — само воплощение боя и победы: в руке сверкающая сабля, взоры мечут молнии. Его карьера была баснословно быстрой — от подвига к подвигу, от повышения к повышению и через несколько месяцев — он генерал. Он участник множества великих битв, и вот, в самом конце войны, когда его войска под грохот канонады вступили в Буэнос-Айрес, он погиб смертью храбрых — шальная пуля пробила грудь. Но и тут Васко Москозо де Араган не упал с коня. С простреленной грудью он поник в седле и небывалым усилием воли доскакал до дворца. О нем слагаются легенды, о его подвигах рассказывают детям в школах.

Но ведь война велась не только на суше, а также и на море, и преимущественно на море... Корабль под командованием адмирала Васко Москозо де Араган, самого молодого в военно-морском флоте (он начал с капитана в первые дни войны), прорвал заграждение аргентинского флота и в одиночку бомбардировал Буэнос-Айрес, заставив умолкнуть вражеские форты. Адмиральский крейсер вошел в порт с развевающимся на корме флагом молодой Бразильской республики. На капитанском мостике, опираясь на орудие, стоял сам адмирал. Он сказал: «Пусть каждый на своем посту умрет за Бразилию!» Фраза немного пессимистична. Лучше изменить ее: «Пусть каждый на своем посту будет готов отдать жизнь за победу Бразилии!» Так лучше и больше волнует. Адмирал осматривает в бинокль позицию врага. Звучит его твердый голос: «Огоны!» — и орудия изливают смерть на неприступный город. Быстрыми, невиданно смелыми маневрами он топит одно за другим все аргентинские суда, разрушает форты, прорывает оборону, и, наконец, среди дыма и полыхающих пожаров адмирал Васко Москозо де Араган, стоя на капитанском мостике своего крейсера, вступает в завоеванный порт. Война окончена...

Очередная возлюбленная Васко открыла сонные глаза, узнала комнату и подумала, как ей повезло, что накануне вечером он выбрал именно ее. Надо постараться ему понравиться, может быть, он даже влюбится... Она протянула руки и сказала кокетливо и томно:

— Сеньор Араганзиньо...

Мечта разбилась вдребезги. А ведь только мечтая человек свободен и только такую свободу нельзя ни подавить, ни отнять, ни украсть. Она — последнее и единственное счастье человека. Женщина разрушила это счастье, она сбросила Васко Москозо де Араган с капитанского мостика...

ГЛАВА ПЯТАЯ,

где снова появляется скотина-рассказчик и пытается всучить нам книгу

Разрешите мне прервать рассказ о приключениях капитана в том виде, в каком излагал их Шико Пашеко (а рассказ этот, как известно, повлек за собой весьма важные для Перипери последствия), и торжественно заявить, основываясь на собственном опыте, что вышеупо-

мянутый вопрос о титулах и званиях вовсе не пустяк. И хотя времена переменились, еще и сейчас доктор или офицер — одно дело, и совсем другое — неудачник без диплома. Первым — все привилегии и льготы, на вторых закон обрушивается со всей неумолимой суровостью. Людей с дипломами, не говоря уже об офицерах, если и задержат в казино, так сажают в особую тюрьму и только для острастки.

Нынче над докторами, адвокатами и прочими кое-кто посмеивается и говорит, что кольцо — символ высшего образования — отнюдь не всегда свидетельствует о знаниях его владельца в той или иной области. Как-то я даже читал в газете весьма аргументированную статью, в которой как дважды два четыре доказывалось, что все беды Бразилии проистекают от бакалавров. Вполне возможно, что это правда, я и сам так думаю, но я ни с кем не вступаю в спор, я уважаю свободу мнений. Тем не менее я готов поклясться, что автор статьи непременно доктор каких-нибудь наук или офицер, иначе он никогда не решился бы на подобные заявления. Спорить же с доктором — верх идиотизма, совершенное безумие, и я не спору.

Вот почему я хорошо понимаю капитана (хотя версия Шико Пашеко не доказана и я не меняю ничего в заголовке эпизода — историк не должен проявлять поспешности); причина меланхолии Васко Москозо де Араган представляется мне весьма обоснованной. Даже имея деньги и хорошее положение в обществе, он терпел унижения и неприятности из-за того, что не получил высшего образования и у него не было звания доктора или майора. Впрочем, звания дают зачастую вовсе не за усердные занятия, их дают всяким бездельникам, которые даже и не заглядывали в аудитории. Вот, например, Отонизл Мендонса — приятель Телемако Дореа, от нападок которого я защищал в свое время сеньора Алберто Сикейру. Этот неуч — бакалавр права. Годы учения в университете он провел, посещая дешевые дома терпимости или болтая с приятелями у входа в книжный магазин «Ливрария Сивилизасан» на улице Чили. Из преподавателей никто не знал его в лицо, — впрочем, уважаемые мэтры мало что потеряли. Тем не менее, откладывая экзамены, получая переэкзаменовки, всячески изворачиваясь, он добился в конце концов диплома и, снабженный таковым, ухитрился раздобыть себе место: одну из тех чудесных должностей, где не требуется никакой

работы, и продолжал слоняться по улице Чили и злословить обо всех на свете. На выполнение служебных обязанностей у него уходило не больше часа в день. Однако и часа показалось ему много, он придумал, будто у него поражена верхушка левого легкого. Начальство, не моргнув глазом, дало отпуск для лечения. Толстый, краснощекий, он и поныне пребывает в отпуске и отравляет своим дыханием воздух Перипери.

Вот так-то, а я, чтобы добиться отпуска, сбился с ног, как собака, потерявшая хозяина. А все потому, что у меня нет диплома. Как-то один приятель уверял меня, что жалоба больного на глаза трогает врачей, и они дают справку об освобождении от работы без всяких разговоров и осмотров. Чепуха! Врачи были непреклонны, они всячески расхваливали мои глаза; никогда не приходилось им видеть более совершенного зрительного аппарата. Это моего приятеля не осматривали: он имеет диплом дантиста, то есть сам доктор, хоть и не врач. Мне же удалось добиться справки от врача, только когда выяснилось, что один из врачей — племянник моего друга. Я напустил на него дядюшку, и шарлатан тотчас же обнаружил у меня опаснейшую катаракту и объявил, что мне грозит слепота. Он дал мне отпуск на шесть месяцев и потом еще продлил. Таким образом, я получил возможность посвятить себя за счет государства написанию труда «Вице-президенты республики». Не знаю, знакомы ли вы с этим моим произведением, если нет, я советую прочесть, ибо — скажу без ложной скромности — книга была принята хорошо и получила высокую оценку.

С другой стороны, история с этой книгой показала еще раз, как важно быть доктором. Я написал ее, чтобы заполнить пробел в знаниях людей и указать на несправедливость: всегда много пишут о президентах республики, в особенности когда они находятся у власти, восхвалениям и хвалам нет числа. А о вице-президентах забывают, если не считать тех, которым почему-либо удастся впоследствии занять вновь пост президента. Кто может перечислить всех вице-президентов республики? Кто, например, помнит имя вице-президента в период пребывания у власти Пруденте де Мораис или Гермеса де Фонсека? Сомневаюсь, чтобы помнили, и то, что не помнят, доказывает своевременность издания моей книги.

Кроме того, меня воодушевил на эту трудную работу объявленный историко-географическим институтом конкурс написание исторической монографии, суливший

победителю скромную денежную премию и опубликование его труда за счет института. Вот премия-то меня и соблазнила; а благодаря содействию моего друга, обеспечившего мне катаракту, я получил необходимое время и принялся за монографию о вице-президентах. Я написал ценный труд — простите меня за хвастовство, — из него всякий интересующийся может узнать полное имя, происхождение, даты жизни, место рождения и смерти любого вице-президента, название колледжа и факультета, где он учился, посты, которые занимал, а также выдающиеся дела и подвиги, им свершенные. Я не забыл при этом ни их жен, ни их детей, упомянул даже о внуках. Это был тяжкий, неблагодарный труд, и к тому же от пыли, которой я наглотался в публичной библиотеке, у меня теперь хронический бронхит.

Итак, я принял участие в конкурсе, уверенный, что получу премию, но меня постигло разочарование — ее присудили другому, моему единственному конкуренту Эпаминондасу Торресу за труд о Сабинаде¹. Даже по числу машинописных страниц его работа не могла сравниться с моей: сорок широко исписанных страничек — ровно половина моей книги. Почему же все-таки премию дали ему, чем объяснить такую вопиющую несправедливость? Сейчас узнаете. Оскорбленный в самых лучших своих чувствах, я кинулся в институт и вступил в горячий спор с сеньором секретарем. Он посмотрел на меня поверх очков и сказал:

— Кто вы такой, сеньор? Вы позволили себе прийти сюда и говорить о несправедливости. Может быть, вы не знаете сеньора Эпаминондаса Торреса, не знаете, что он один из самых знаменитых наших адвокатов? А какое звание у вас?

Видите? Моя ошибка состояла в том, что я вступил в соревнование с бакалавром, с адвокатом. Какое звание у меня? Никакого. Все, чем я могу похвалиться, это несколько советов, опубликованных где-то внизу последних газетных полос и журналов. Я молча проглотил оскорбление и попытался добиться от института хотя бы издания книги, раз уж у меня украли премию. Со стороны

¹ Сабинада — восстание, происходившее в Баяне с 7 ноября 1837 г. по 15 марта 1838 г., во время которого из города был изгнан губернатор и Баян провозглашена независимой республикой. Движение не распространилось на провинцию, и имперское правительство, послав карательную экспедицию, подавило восстание.

историков я встретил доброжелательное отношение, это были порядочные люди, и их, очевидно, мучила совесть. Но директор «Импренсы Офисиал», где должны были печататься обе книги, моя и премированная, ловко надул старичков из института — он и не думал отсылать рукописи в типографию. Несколько месяцев спустя он ушел со своего поста, а новый директор даже и слышать не хотел об этом деле. В результате работа сеньора Эпаминондаса так и не была опубликована, и поэтому провести сравнение с моей книгой оказалось невозможным. Думаю, что присуждение ей премии было делом не совсем чистым.

Что же касается «Вице-президентов республики», то я издал книгу за свой счет, отпечатав ее в типографии Зителмана Оливы, который содрал с меня баснословную цену, хотя и в рассрочку. Мне пришлось изрядно попотеть, чтобы выплатить всю сумму, однако в итоге получилась хорошенькая книжечка в девяносто две страницы, полная «полезных сведений», как написал о ней эрудированный автор «Истории Баии» Луис Энрике Диас Таварес: «Дорогой собрат, с благодарностью подтверждаю получение вашей книги «Вице-президенты республики», представляющей собой кладезь полезных сведений. Искренне Ваш. *Луис Энрике*».

Я привожу здесь полный текст письма, которым почтил меня знаменитый баиянец, только для того, чтобы его прочел злобный пасквилянт Вилсон Линс. Укрывшись под псевдонимом Рубиана Браза, этот жалкий писака в своей заметке в газете «Тарде» пытался унижить меня и поднять на смех. А если бы у меня было какое-либо звание, он держал бы себя любезнее. Он и другие критики тоже. Вместо того чтобы поносить меня, они хором пели бы мне дифирамбы.

Этим скорым на решения критикам следовало бы сначала познакомиться с отзывом о моей работе выдающегося сан-пауловского историка Сержио Буарке де Оланда, которому я даже не посылал своей книги, потому что, честно говоря, не знал о его существовании и славе, его окружающей. В газете «Эстадо де Сан-Пауло» в статье о некоем достойном и высокоотитом ордене Синего Гиппопотама он коснулся «Вице-президентов республики», упомянув об этом труде как об одной из настоящих книг членов ордена, чтение которой, по его словам, «приносит радость и подлинное наслаждение». Восхищенный моим трудом, он предложил даже избрать

меня в члены высокочтимого ордена; по его мнению, в списке последних недоставало моего скромного имени. Об ордене я знаю только из статьи сеньора Оланды, написанной слишком заумным языком, каким, впрочем, и должен быть язык настоящего историка. Тем не менее я уловил, что речь идет об отличавшейся высокими заслугами и целями организации, основанной в Ресифе, при церкви Сан-Педро-дос-Клеригос видными представителями местной интеллигенции. К сожалению, больше я не получал никаких известий ни об ордене, ни о судьбе своей кандидатуры в его члены, столь великодушно предложенной сеньором Сержио де Оланда. Без сомнения, они стали наводить обо мне справки, выяснили, что я не имею звания, и отклонили мою кандидатуру.

Весьма похвально отозвался о книге и наш знаменитый судья в отставке Алберто Сикейра. Он указал мне на две-три небольшие грамматические ошибки, но прибавил, что в столь солидном патриотическом труде подобные опiski — не более как досадные мелочи, не имеющие никакого значения. Во втором издании я их устранил. Оно скоро выйдет, поскольку пятьсот экземпляров первого издания разошлись, несмотря на недоброжелательное отношение книжных магазинов — ведь я не имею престижа из-за того, что не имею звания; магазины не выставляли мою книгу в витринах, ее не было и на прилавках, она валялась где-то на полках. Мне пришлось самому продавать ее друзьям и знакомым, одну здесь, другую там, меняя цену в зависимости от толщины кошелька покупателя.

Все это убедительно доказывает, что у капитана Васко Москозо де Араган были вполне основательные причины для меланхолии. Диплом служит рекомендацией, он придает вес и значение. Человека с дипломом уважают, перед ним распахивают двери, ему раскрывают объятия. Да, это так, и даже совсем простые люди чувствуют всю остроту проблемы. Несколько дней назад Дондока, милая болтушка Дондока, которая своим щебетаньем скрашивает монотонную жизнь почтенного судьи, а также и вашего покорного слуги, даже она сообщила мне между поцелуями, что в скором времени ей в торжественной обстановке вручат настоящий диплом. Она хранила в секрете свои занятия, чтобы сделать мне сюрприз. Я был действительно поражен, потому что наша милая Дондока (наша, то есть, само собой разумеется, моя и

судьи) едва умеет нацарапать свое имя, а считает на своих длинных, красивых пальцах.

— Ты получаешь диплом, звезда моей жизни? Что же ты кончила? На каком факультете училась?

— В школе кройки и шитья доны Эрмелинды в Платформе, сеньор дурачина. И извольте-ка относиться ко мне с почтением, я теперь образованная дама.

«С почтением, я теперь образованная дама», видали? Прав я или не прав? Доктор швейных наук! Нашей нежной Дондоке, как видно, мало того, что она доктор, заслуженный профессор, магистр любовной науки.

В наше время капитану нечего было бы волноваться. За четыре — шесть месяцев и за небольшую сумму он мог бы стать доктором общественных наук, специалистом по прическе и стрижке волос или по администрированию и рекламе.

Не так давно я был представлен в столице одному разговорчивому и необыкновенно самодовольному молодому человеку. «Доктор по рекламе», — пояснил он мне снисходительно; и он зарабатывает сто двадцать тысяч крузейро в месяц — бог ты мой! — и имеет дипломы, полученные в Сан-Пауло и Нью-Йорке. Он убеждал меня, что именно он руководит моей жизнью и, в частности, моими покупками, моим вкусом — при помощи рекламы, чуда двадцатого века, соединяющего в себе науку и искусство.

«Реклама — самая благородная из современных профессий», — утверждал он. — На рекламе зиждется производство и потребление страны, ее прогресс».

Реклама, коммерческая реклама — есть высшая форма литературы и искусства, вершина поэзии: Гомер и Гете, Данте и Байрон, Кастро Алвес и Друммонд де Андраде¹ ничего не стоят по сравнению с юным бардом рекламы, специализировавшимся на поэмах о туалетном мыле, зубной пасте, холодильниках, кухонной утвари и нейлоновых скатертях. По твердому убеждению доктора по рекламе, величайшим произведением эпохи, шедевром и вершиной поэтической гениальности была поэма, написанная им с целью увеличить сбыт гемморoidalных свечей «Радость жизни». Прекрасная поэма, вдохновенная, совершенная по форме, глубоко волнующая, после ее выхода в свет потребление этих замечательных свечей

¹ Друммонд де Андраде (1881—1936) — известный бразильский поэт.

возросло на сто семьдесят восемь процентов! Вот что такое современное искусство!

Итак, в наше время капитан мог бы сделаться доктором по рекламе даже заочно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О похищении Дороти

Похищение Дороти было запланировано представителями вооруженных сил полковником Педро де Аленкар и капитаном Жоржем Диасом Надро при активном участии служащих государственного аппарата — начальника канцелярии и адъютанта для особых поручений. Верховное командование этой сложной операцией осуществляла Карол, и ни один из великих стратегов истории не превзошел бы ее в отличной организации, в точном знании места, в продуманности всех деталей, в умении выбрать способных людей для выполнения каждого маневра этого трудного секретного дела. Хотя идея принадлежала капитану Жоржу, однако полный успех дела, без сомнения, обеспечила Карол. Победа была отпразднована, и в честь Карол поднимали бокалы с шампанским. Этот праздник вошел впоследствии в анналы кабаре и домов терпимости Салвадора; капитан Жорж, воодушевленный удачным похищением Дороти, задумал расширить сферу действий и, используя опыт и энтузиазм участников операции, повторить похищение, но уже «похищение сабинянок». Дело в том, что в доме № 96 на Ладейре-да-Монтанья существовал женский пансион «Замок Сабинь», где содержались француженки, польки, немки, загадочные русские, даже одна египтянка. Некоторые из них родились на просторах Бразилии, другие нашли приют у Сабинь после долгих странствий по Европе, Аргентине и Уругваю. Среди них выделялась — не красотой, пот, а высоким мастерством любви — знаменитая мадам Лулу, несравненная француженка с тридцатилетним стажем. Рассказывали про одного иелковника из провинции, фазендейро из района Амаргёзы, что он специально приезжал в Баию, чтобы познакомиться со столь известной и опытной куртизанкой. Полковник рассчитывал провести в столице штата всего два дня. Однако ему пришлось задержаться на неделю, так как время прославленной парижанки было расписано по минутам. Конечно, она более чем кто бы то ни было способствовала

распространению влияния культуры и цивилизации Франции на бразильские нравы. Фазендейро потерял целую неделю, а на проезд, гостиницу и питание истратил почти тысячу рейсов — целое состояние по тем временам, но, как он сам сказал по возвращении, «это вовсе недорого, еще неделю и еще тысячу рейсов — и то не жаль!». После такого заявления любая похвала достоинствам мадам Лулу и «Замку Сабины» становится излишней.

Начальник порта предложил похитителям Дороти, столь достойно справившимся со своей задачей, не более не менее, как вторгнуться в «Замок Сабины», крепость, защищенную от любопытных взглядов наглухо закрытыми окнами (двери здесь открывались только для старых клиентов, друзей и знакомых или рекомендованных лиц). Капитан задумал взять «Замок Сабины» штурмом, а после победы все иностранное население замка, включая мадам Лулу, перетащить в пансион «Монте-Карло» и передать Карол в качестве пленных рабынь. Карол заслужила это и даже больше, заявив капитану Жорж, поднимая тост за прекрасный характер и бесстрашное сердце щедрой хозяйки; она добродушно и снисходительно улыбалась, сидя в своей австрийской качалке.

Друзьям с трудом удалось уговорить капитана Жоржа отказаться от этих захватнических планов. Однако они не смогли помешать ему сделать омовение ног Карол шампанским в знак выражения высшей признательности.

В то время как приятели праздновали таким образом успех, далеко в окрестностях Амаралины в арендованном несколько дней назад домике, овеваемом ветрами с океана и освещаемом полной луной, Васко Москозо де Араган под шум волн, бьющих о скалы, вдыхая терпкий запах прибоя, сжимал в объятиях хрупкое тело Дороти. Васко Москозо де Араган и Дороти оставили нетронутыми молодого петушка, английскую ветчину, холодное филе, яблоки, груши и испанский виноград, едва пригубив шампанское. Голод и жажда давно сседали их, но это были не тот голод и не та жажда, которые можно утолить хлебом и вином...

В то же самое время доктор Роберто Вейга Лима, дрожа, сидел, запершись на семь замков, в отцовском доме в Назаре и пытался найти объяснение ужасным событиям: вооруженные до зубов люди в черных масках,

выкрикивая угрозы и проклятия, вторглись среди бела дня в пансион «Монте-Карло» и отняли у него Дороти. В тот день он увидел смерть и ощущал ее холод в сердце до сих пор.

Все это случилось в тихий послеобеденный час. В пансионе царил мир и спокойствие. Женщины разошлись кто на прогулку, кто в магазины, кто в кино, — был четверг, когда устраиваются дневные сеансы. Гарсоны приходили только к пяти. Карол обычно использовала этот перерыв, чтобы побывать в банке или собрать квартирную плату со своих жильцов. Только Дороти никогда не выходила: прогулки или какие-либо развлечения разрешались ей лишь в компании Роберто. Последний считал себя обязанным приходить ежедневно в этот час, чтобы Дороти вознаградила его за все то, что он на нее тратил. Иногда они ходили куда-нибудь ужинать, а поздно вечером танцевали и пили в пансионе. Роберто возвращался в родительский дом на рассвете: уж если он содержал женщину, она всегда должна быть на привязи и нечего оставлять ей свободное время.

В этот день Карол не ушла из пансиона, она отдыхала в зале в своей качалке. Внезапно послышался топот, затем отчаянный крик, и через несколько секунд Карол сидела с кляпом во рту, а какой-то неизвестный в маске целился в нее из револьвера. Из комнаты Дороти неслись странные звуки.

Потом раздался умоляющий голос Роберто:

— Не убивайте меня... У меня с ней ничего нет... Я был не первым, она сама может сказать... Она сама подтвердит...

Роберто принял похитителей за оскорбленных родственников Дороти, мстительных провинциалов, прибывших из Фейра-де-Сант-Ана, чтобы кровью оболстителя смыть позор с имени девушки. Они, конечно, решили, что это он совратил Дороти и толкнул ее на путь порока. Роберто пытался объяснить, что нашел ее в полной растерянности и к тому же на улице полумертвую от голода. Но бандиты, пригрозив оружием, заставили его замолчать. Один из них принес веревку и мастерски связал Роберто. Другой гнусавым голосом приказал Дороти уложить вещи. И ушли вместе с ней. Роберто сидел, вытаращив глаза, на лбу у него выступил пот. На прощание похитители предупредили:

— Если тебе дорога жизнь, не пытайся разыскивать ее.

В то же время другой бандит, оставшийся в зале, что сидел на стуле против Карол и продолжал держать направленный на нее револьвер, приказал маленькой Мими:

— Подойди сюда... Ближе, не бойся.

Мими этот голос запомнил другой, хорошо знакомый. Она почти узнала его. Чепуха! Не может же одетый в маску разбойник быть лейтенантом Лидио? Она послушалась и подошла. Свободной рукой бандит привлек ее к себе, усадил на колени.

Остальные вышли из комнаты Дороти, один нес ее чемодан. Мими была тут же снята с колен симпатичного грабителя (от него пахло теми же духами, что от Лидио Мариньо, надо же!), налетчики выбрались на лестницу и пустились наутек.

Карол, освободившись от кляпа, развязала Роберто и долго говорила с ним. Было бы лучше для общего спокойствия, чтобы он не посещал больше пансион «Монте-Карло» и отказался навсегда от Дороти. В противном случае эти неизвестно откуда появившиеся злодеи («это ее родственники...») — Роберто настаивал на своей версии) могут вернуться и убить его, а это разорит Карол, навсегда испортив ее репутацию: ведь в пансионе «Монте-Карло» никогда еще не бывало скандалов, драк и преступлений.

— Я уеду в Рио с первым пароходом...

— А пока вам лучше не выходить из дому...

Роберто отдал ей все деньги, которые были при нем, — не очень много, но все же... Ведь в конце концов он виноват, из-за него пансион «Монте-Карло» подвергся налету и рискует понести убытки, потому что слух о нападении может разнестись по городу и тогда вряд ли кто решится посещать такое опасное место. Роберто пообещал Карол прислать до своего отъезда еще денег. Он попросил ее спуститься и внимательно посмотреть, не подстерегают ли его бандиты возле дома. Вернувшись, она заверила его, что все вокруг спокойно, и он поспешно удалился.

Победа была шумно отпразднована, четверо друзей и еще пять-шесть человек, участие которых придало инсценировке дополнительную эффектность (о чем особенно заботился капитан), пировали до самого рассвета. С большим трудом удалось отговорить Жоржа от «похищения сабинянок», в результате которого мадам Лулу, скованная цепями, была бы водворена на Театральную

площадь и отдана в рабство Карол. Начальник порта был доволен: теперь с честного лица Васко Москозо де Араган, думал он, навсегда исчезнет печальное выражение. Он сможет спокойно пользоваться благами, предоставленными ему провидением и дедом: состоянием, холостяцким положением, везением в игре, успехом у женщин и своим врожденным обаянием.

— Я отдал бы свое звание за везение в покер...— завил капитан.

— А я бы за успех у женщин...— вздохнул полковник.

— Ну, а я с закрытыми глазами обменял бы свой адвокатский диплом на пятую часть доходов Васко...— рассмеялся Жеронимо и добавил: — И в придачу отдал бы ему свое будущее депутатское кресло.

— Даже депутатское кресло? Неужели? — удивилась Карол, зная о тщеславных мечтах журналиста.

— Чего стоят титулы и звания, Каролита, по сравнению с деньгами? За деньги можно получить все, что угодно: любое свидетельство, любой диплом, пост депутата и сенатора, самую красивую женщину. За деньги все можно купить, моя милая.

А в это время Васко Москозо де Араган обнимал Дороти. Сияла луна, дышало море, и пели волны. Овеваемая ветром, Дороти то, казалось, умирала с чуть слышным вздохом, то вновь с тихим возгласом воскресала к жизни. Лицо ее горело, а жадные уста пламенели, как лепестки розы в темной синеве ночи. Она заснула, а Васко, усталый и благодарный, долго лежал с открытыми глазами, с улыбкой прислушиваясь к далеким гудкам парашоудов. Он грезил: в бурную ночь он спасает судно, находящееся в опасности, и под проливным дождем приводит его в порт, где оцепеневшая от страха Дороти с тревогой ждет своего возлюбленного, капитана Васко Москозо де Араган.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О том, как во время небывалой попойки Васко рыдал на плече Жоржа и какое признание последовало за этим рыданием

Прошли месяцы. Роберто вернулся в Рио и привез в качестве багажа перуанскую индианку, молчаливую и покорную, Лидио Маринью завед еще четыре-пять новых

любовных интрижек, не считая интрижки с Мими, которой он открыл тайну похищения Дороти.

Много чего случилось за это время. Кончилась наконец и любовь Васко к Дороти, такая сильная и страстная, такая бурная и глубокая на первых порах... Он вытатуировал на своей правой руке ее имя, ее горячо любимое имя и сердце. Эту работу искусно выполнил китаец с бородкой, появившийся в Баие бог весть откуда. В ходе совместной жизни безумная страсть, естественно, стала понемногу утихать. Васко начал заглядываться на других женщин, нет-нет да и ночевал то у одной, то у другой новой подружки, хотя Дороти оставалась все лето на его содержании, жила в домике в окрестностях Амаралины и ходила с Васко танцевать в пансион «Монте-Карло». Когда же наступила зима, она вернулась в пансион, и Карол, хорошо знавшая человеческую природу и непостоянство страсти, посоветовала ей улыбаться другим клиентам и поощрять их. Васко по-прежнему оказывалось некоторое предпочтение, по-прежнему он принимал участие в ее расходах, но любви пришел конец.

А печаль, туманившая взор Васко и придававшая его улыбке грустное выражение, не исчезала. Она даже усилилась. Друзья начали всерьез подумывать, не болен ли он: может быть, он приговорен к смерти, и эту тайну знают только он сам и врач? Сердце не в порядке... Ведь его отец умер совсем молодым. Это очень многое объясняет, уверял полковник Аленкар, энергично защищавший свою гипотезу: Васко не женился, он тратил деньги, спешил жить, как будто хотел изведать как можно больше наслаждений за тот короткий срок, что ему оставалось ходить по земле. Без сомнения, тут-то и кроется загадка!

Однако доктор Менандро Гимараэнс, знаменитый врач-кардиолог, на прием к которому Васко не раз водил хрупкую Дороти, разочаровал их.

— Здоров как бык, — сообщил доктор Менандро делегации друзей, — сердце, как у мула. Умрет от старости, как его дед. Ваша догадка не имеет под собой почвы.

— Черт возьми! — воскликнул капитан Жорж Диас Надро. — Нет, я должен докопаться до истинной причины его страданий. И держу пари, что докопаюсь.

— Таково, должно быть, свойство его природы, и нечего беспокоиться, — философствовал врач, для которого существовали только телесные недуги.

— Я не могу видеть, когда человеку грустно. А тем более моему другу.

И тут начался «период большого допроса», как выражался Жеронимо. Встретившись с Васко, капитан Жорж начинал зондировать почву, он заговаривал с ним о самых различных делах, пытаясь добиться признания. Он расспрашивал друга о его детстве и юности, о работе в конторе, о поездке в качестве коммивояжера, о первых увлечениях, о его планах. Начальник порта не удовлетворился тем, что удалось вытянуть из Васко. Он встретился с Менендесом, со шведом Иоганном, по-прежнему влюбленным в Сорайю, добрался даже до старого негра Джованни, с которым имел длинный разговор. Но все расследования оказались напрасными и не дали желаемого результата. Никогда Жорж не встречал человека, у которого было бы больше причин чувствовать себя веселым и совершенно счастливым. Так какого же черта он грустит?

Но все тайное в мире становится в конце концов явным, и любой, даже самый строгий секрет рано или поздно оказывается раскрытым. Так и случилось. Тайна была раскрыта во время грандиозной попойки по случаю дня рождения лейтенанта Лидио Мариньо, а также его помолвки. Днем, на семейном празднике, лейтенант был помолвлен с дочерью одного фазендейро, проживавшего на юге штата, свадьба была назначена на декабрь.

Пить начали рано, еще до церемонии сватовства. За ужином, устроенным тестем в особняке на Кампо-Гранде, пили португальское вино и французское шампанское. Потом большой компанией отправились в пансион «Монте-Карло». Там салон был украшен вымпелами из шелковой бумаги, женщины разряжены, гарсоны и оркестр на местах. Не было только посетителей. Карол — какое трогательное доказательство дружбы! — отказала в этот вечер всем другим клиентам и предоставила свой пансион лейтенанту и его друзьям.

В связи со столь важным событием компания значительно расширилась. Пришли офицеры 19-го батальона, из управления порта, военной полиции, коллеги Лидио по службе во дворце. Капитан Надро обошел все пансионы и собрал знакомых девиц лейтенанта, желая сделать ему сюрприз. Всем этим женщинам он назначил встречу в пансионе «Монте-Карло», а также пригласил туда и некоторых других, в том числе мадам Лулу, которая была уполномочена произнести в честь Лидио речь на самом чистом французском языке. Жорж и Васко руководили приготовлениями к пиру, они хотели устроить не-

что невиданное, превзойти любое прежнее празднество, Когда они пришли на ужин по случаю помолвки, то были уже сильно навеселе, капитан смеялся без конца, коммерсант хмурился, как обычно, когда много пил.

Это был действительно праздник, памятная оргия, попойка, которая должна быть записана в анналы города, ибо на рассвете мужчины и женщины в весьма нескромных одеяниях устроили на потеху запоздалым прохожим шествие по Театральной площади на глазах у сторожей и полицейских, которые не смели ничего предпринять. Только сумасшедший решится запретить оригинальную манифестацию, если во главе процессии, распевая гнусавым голосом, шагает с бутылкой шампанского в руке сам доктор Жеронимо Пайва, племянник губернатора!

В разгар праздника, после того как мадам Жулу продемонстрировала канкан и все были особенно оживлены, Жорж шепнул полковнику Педро де Аленкару, указывая на Васко, грусть которого усиливалась после каждого бокала:

— Сейчас я возьму быка за рога, этот негодяй скажет мне наконец, что с ним такое...

Он отстранил мулатку Кларисе, устроившуюся было у него на коленях, взял Васко под руку и отвел в угол.

— Сеньор Араганзиньо, сегодня ты мне все-таки скажешь, что грызет твою душу. А ну, открывай рот, и выкладывай все.

— Что?

— Все! Что бы это ни было — женщина, или болезнь, или угрызения совести! Я хочу знать, какого черта ты все время грустишь!..

Васко смотрел на друга и видел в его глазах верность, сочувствие, живое участие: начальник порта был хороший человек.

— Да, в сущности, ерунда, но меня это угнетает, не дает покоя и я не могу забыть...

— Что?

Наступал кульминационный момент. Жорж совершенно протрезвел.

— Я не такой, как вы, я не...

— Что, что?

— Я вам не ровня, понимаетесь?

— Нет...

— Видишь ли, ты — начальник порта, офицер, капитан... Педро — полковник; Жеронимо — доктор; Лидио — лейтенант... Ну, а я? Я никто, пустое место, сеньор Вас-

ко, сеньор Араганзиньо, и только. У меня нет звания. Васко посмотрел на капитана и расстегнул ворот; он задышался.— Сеньор Васко... Сеньор Араганзиньо... Каждый раз, когда я слышу, как меня называют, что-то словно давит на сердце, я ощущаю боль...

— Что за глупости, мой милый! Я никак этого не ожидал. Можно было предположить все что угодно, вплоть до того, что ты совершил преступление, мало ли что случается... Но только не это! Страдать от того, что у тебя нет звания, нет, этого я никак не думал...

— Ты не знаешь, что это значит...

— Вот так штука... А мы как-то раз говорили, что каждый из нас согласен был бы с тобой поменяться, отдать свое звание и свое положение за... Вот ведь как бывает на свете...

— Вы не знаете, что значит проводить время в компании полковников, капитанов, докторов, а самому быть никем...

Капитан вдруг принялся хохотать, казалось, он снова ошьянел.

Он смеялся не умолкая, будто Васко рассказал ему невообразимо смешную историю. Коммерсант обиделся:

— Значит, ты спрашивал, только чтобы посмеяться?..

Он хотел уйти, но капитан удержал его за рукав.

— Сядь, сеньор дурачина.— Он с трудом сдерживал смех.— Так, значит, если ты получишь звание, кончится вся эта меланхолия и ты перестанешь постоянно ходить с угрюмой физиономией?

— Ну какое звание я могу получить в моем возрасте?

— Я тебе добуду звание.

— Ты? — спросил Араган с недоверием: он вспомнил, что Жорж — любитель мистификаций.

— Именно я. Можешь быть спокоен.

— Ради бога, Жорж, прошу тебя об одном: смейся надо мной, издевайся как хочешь, только не шути с этим. Прощу тебя...

Он был серьезен и взволнован. Начальник порта покачал головой и взглянул на Васко голубыми глазами.

— Не будь глупым! Неужели я стану смеяться над страданиями друга? Я сказал, что достану тебе звание, — и достану. Я говорю серьезно. Сегодня праздник, будем пить. А завтра поговорим. Я устрою твое дело.

Назавтра в полдень капитан прислал к Васко матроса с запиской, приглашая его зайти в управление порта. Коммерсант еще спал, разбитый после вчерашней по-

пойки. Только Жорж обладал такой потрясающей силой и был в состоянии, легши спать на заре, явиться в управление к началу работы, выбритым, улыбающимся, словно он проспал двенадцать часов подряд.

Васко быстро поднялся — он вспомнил вчерашний разговор. Какое же именно звание столь торжественно обещал ему Жорж? Он все еще опасался, что это обман, однако Жорж говорил серьезно, такими вещами капитан не стал бы шутить. Тем не менее Васко не представлял себе, каким образом Жорж думает помочь ему: в конце концов ведь титулы и звания не валяются на улицах под ногами.

В управлении порта он застал полковника Педро де Аленкар. Полковник обратился к Васко:

— Что за чепуха, сеньор Васко...

Васко смутился.

— Я не виноват. Я не хочу думать об этом и все-таки думаю, не хочу огорчаться, а сам огорчаюсь...

— Я тебе добуду звание, — подтвердил еще раз Жорж. — Что скажешь о звании капитана дальнего плавания? Знаешь, что такое капитан дальнего плавания?

Васко слушал с недоверием.

— Капитан торгового судна, не так ли?

— Именно... Как тебе нравится: Васко Москозо де Араган, капитан дальнего плавания?

— Но как это сделать? — повернулся Васко к полковнику. — Как?

— Очень просто. Жорж тебе все объяснит...

Начальник порта закрыл глаза и откинулся на спинку вращающегося кресла, лицо его приняло добродушное выражение. Он начал объяснять. Звание капитана дальнего плавания и пост капитана торгового флота давали не тем, кто окончил школу и сдал экзамен, а первым помощникам капитанов и старшим офицерам с большим стажем, лоцманам и судовым офицерам, сдавшим экзамены, которые проводились в управлениях портов специальными комиссиями, составленными из офицеров военно-морского флота. Испытания были довольно трудные... Экзаменующий представлял в комиссии работу, где должен был показать свои знания, описав морское путешествие вдоль какого-либо участка побережья, со всеми географическими и техническими деталями, начиная с выхода из одного порта и кончая прибытием в другой. В этой работе кандидат на звание капитана рассказывал, как следует себя вести в данном рейсе капи-

тану, если море спокойно, что надо делать во время бури, при повреждении судна или угрозе кораблекрушения. Если работа получала одобрение, кандидат допускался к устным экзаменам по различным дисциплинам — навигации, метеорологии, правилам, установленным морской и речной судоходной полицией, морскому коммерческому праву, международному морскому праву, устройству судовых машин и котлов. Сдавший экзамены получал диплом и право командовать морским судном.

— Просто, не правда ли? — спросил Жорж, протягивая ему лист бумаги, на который Васко устремил хмурый взгляд.

Коммерсант поглядел на листок, исписанный мелким, но четким почерком, и выяснил, что в экзамен по навигации входят: применение и выверка секстанта; пользование картами и вычерчивание их; вождение судна в строгом соответствии с заданным курсом, пользование хронометром; практическое и теоретическое знакомство с компасом, выверка его...

Васко не стал читать дальше и положил бумагу на стол. Сомнений больше нет, Жорж снова потешается над ним.

— Ты же мне обещал...

— И выполняю обещание.

— ...что не будешь шутить над...

— А разве я шучу, черт побери? — рассердился Жорж.

— Ну как же не шутишь? Такой экзамен... Не говоря уже о том, что я не штурман, не помощник капитана, не лоцман, вообще никто. До сего дня мне приходилось плавать лишь на пароходе по реке Парагуасу. Один раз я, впрочем, путешествовал в Ильеус на «Марау» Баианской компании, поехал за одной бабенкой. Меня всего вывернуло наизнанку, никогда не думал, что из человека может вылиться столько зловонной гадости.

— Ах, вот в чем дело! Но я забыл тебе сказать, что сдавать экзамены имеет право всякий, не обязательно быть для этого штурманом, лоцманом или судовым офицером. Ясно, что в первую очередь идут на экзамены моряки и большей частью — опытные. Однако недавно я внимательно просмотрел положение об экзаменах и убедился, что их может сдавать кто хочет. Надо написать прошение. У меня уже заготовлен черновик, тебе остается только потрудиться переписать его и поставить свою подпись.

Он опять протянул Васко бумагу. Держа ее в руке, Васко отвечал:

— Очень хорошо. Я могу написать прошение. Но как я буду сдавать экзамены, если я ничего не смыслю в этой абракадабре? Трудно отыскать что-нибудь тяжелее для меня! Не говоря уже о письменной работе. Откуда у меня знания, чтобы написать ее? Я даже писем не люблю писать, дед не раз драл меня за это...

— Я обо всем позаботился, старина. Описание путешествия из Порто-Алегре в Рио с заходом в Паранагуа и Флорианополис уже начато.

— Кто же пишет? Ты сам?

— Нет, до этого я не дошел, я уже стар для такой штуки. Это тебе оказывает услугу лейтенант Марио... Потом, если захочешь, можешь сделать ему подарок... Какой-нибудь пустяк...

— Что только он пожелает и в придачу — дружбу навек. Да, но как быть с устными экзаменами? Ведь не знаю той премудрости, перечисленной в твоей бумаге.

— Пустяки, дружище, я обо всем подумал. По каждой теме мы подготовим два-три вопроса и ответы на них. Вопросы и ответы ты получишь заранее. Вызубришь ответы, сдашь экзамены, заслужишь одобрение комиссии и получишь свой желанный диплом.

Васко, казалось, все еще не верил в возможность осуществить это неожиданное предложение. Жорж продолжал:

— Не забудь, что экзаменационную комиссию назначаю я, и я же ее председатель. Я назначу в комиссию лейтенанта Марио и лейтенанта Гарсиа, хороших ребят и твоих друзей. И ты станешь капитаном по всем правилам и без угрозы для человечества, поскольку ты ведь никогда не полезешь командовать судном.

← Упаси меня боже!

Жорж поднялся и хлопнул Васко по спине.

— И если после этого ты опять будешь вешать нос, то я позову матросов и прикажу задать тебе трепку.

Полковник прибавил, потирая руки:

— А в день получения диплома мы устроим зверскую попойку. Страшнее вчерашней... Смоем всю грязь с души.

← Через месяц я соберу экзаменационную комиссию, — объявил Жорж.

— Почему так долго? — испугался Васко.

— Ха, ты уже торопишься? Надо ведь дать Марио время сочинить письменную работу, потом тебе придется переписать ее и заучить все устные ответы, со всеми подробностями. Ты должен все знать наизубок. Эту жерт-

ву придется принести, если хочешь получить звание, господин горе-капитан.

— А вдруг я растеряюсь на экзамене и собьюсь?

— Не растеряешься и не собьешься. А теперь переписывай прошение и уходи — у меня много работы.

— А мы будем начинать приготовления к празднеству, — сказал полковник.

Теперь, согнувшись над столом, Васко переписывал бумагу. Он был совершенно ошеломлен, все происходящее казалось ему нереальным, словно в каком-то нелепом сне. Слезы выступили у него на глазах, он едва различал буквы. Нет ничего на свете дороже друзей, дружба — свет и радость жизни! Ему хотелось сказать об этом капитану, но он не находил слов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О навигации и международном морском праве, глава на редкость ученая

Капитан Жорж Диас Надро был сполна вознагражден за оказанную Васко услугу. Целый месяц он хохотал, глядя, как тот волнуется, как трудится изо всех сил, словно прилежный ученик.

Полковник, Жеронимо, Лидио, лейтенант Марио и лейтенант Гарсиа тоже от души забавлялись. Васко начал даже худеть — до того рьяно он зубрил сложные ответы на три вопроса по каждой теме. Голова Васко была забита секстантами, ветрами, морскими течениями, фрахтами, территориальными и внутренними морями, гигрометрами, магнитными приборами.

По распоряжению капитана каждый вечер взволнованный кандидат должен был рассказывать, что он выучил за день. Вначале Васко путался в непонятных словах, мудреные термины испарялись из головы, и лейтенант Гарсиа грозился провалить его. С трудом удавалось заставить Васко поиграть на бильярде или в покер: все вечера он проводил за занятиями.

Марио и Гарсиа жили эти тридцать дней по-королевски. Васко каждый день кормил их обедом, угощал аперитивами и самыми лучшими португальскими винами, ужинал с ними в пансионе «Монте-Карло». Мало-помалу он стал запоминать ответы и постепенно привык к странным названиям судовых приборов. Лейтенант Марио показал ему однажды в управлении порта некоторые из

этих приборов, и Васко пришел в восторг. Он нашел их прекрасными и очень интересными, Васко начинал любить свою новую профессию.

Хуже всего было переписывать работу, сочиненную лейтенантом Марио, «мою дипломную работу», как Васко обычно выражался. Работа была большая — тридцать две страницы неразборчивого текста, почерк у лейтенанта походил больше на почерк врача, чем морского офицера, к тому же рукопись в изобилии украшали кляксы. Каждое утро Васко, запершись в кабинете, занимался перепиской, категорически запретив служанке пускать в дом кого бы то ни было.

Наконец работа была сдана и одобрена; назначили день устного экзамена. Церемония проходила в присутствии полковника, облаченного в форму, доктора Жеронимо и лейтенанта Лидио Мариньо. У дверей залы, где заседала экзаменационная комиссия, стояли, вытянувшись по стойке «мирно», два матроса. Капитан Надро и веселые лейтенанты с важным видом восседали за большим столом, заваленным приборами и картами. Матрос ввел бледного, взволнованного Васко, который до последней минуты все потырял вопросы и ответы. Услышав свое имя, торжественно провозглашенное Жоржем, он подошел и прямо сел за стол. Сердце его учащенно билось, однако отвечал он бойко и правильно, без единой ошибки, даже совершенно точно и правильно выговаривал все сложные термины.

Как капитан дальнего плавания он был утвержден по всем правилам, ему выдали диплом и в книге управления порта записали его имя и адрес. При переезде он обязан будет сообщить управлению об изменении адреса. На каждой странице толстой книги в зеленом переплете с гербом республики записывалось имя, дата прохождения испытаний, возраст, гражданское состояние и адрес получившего звание. Записей было немного, до Васко всего несколько имен; кроме того, почти все эти люди получили так называемые «дохлые грамоты», то есть дипломы капитанов речных судов. Для их получения не требовалось письменной работы, дело ограничивалось устным экзаменом. Такие дипломы давали право командовать небольшими пароходами на реке Сан-Франциско; но морскими судами на океанских линиях обладателям «дохлых грамот» командовать запрещалось. Звание, полученное Васко, было не такое — Васко имел теперь право плавать по всем рекам, озерам и морям, командовать су-

дами всех флагов, на всех морских линиях, во всех океанах. Еще бы! Ведь он сдал экзамен по морскому международному праву и по навигации! Когда все кончилось и Васко любовно прижал к груди диплом, полковник сказал ему:

— Теперь отпразднуем это событие. А ну-ка, капитан Васко Москозо де Араган, старый морской волк, берись за штурвал, курс на пансион!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О том, как человек, ни разу не командовавший судном и никогда не бывавший в море, может сделаться старым моряком

За всю историю мореплавания звание капитана дальнего плавания не было окружено таким почетом и никто так нежно не относился к своему титулу, как Васко Москозо де Араган. Он повесил диплом в золоченой рамке в гостиной и держал себя, как подобает человеку, закаленному плаваниями в далеких морях, старому морскому волку.

Срочно заказав визитные карточки со своим новым званием, он обошел дома всех знакомых в городе, а также лиц, которым был представлен на балах во дворце или на приемах, и всем оставил визитные карточки

Васко МОСКОЗО де АРАГАН,

*капитан
дальнего плавания*

И неукоснительно требовал, чтобы все к нему обращались именно так: Васко Москозо де Араган, капитан дальнего плавания: он не терпел позорного, на его взгляд, обращения «сеньор».

— Как поживаете, сеньор Васко?

— Простите, друг мой. Капитан Васко, капитан дальнего плавания.

— Извините, я не знал.

— Ну так теперь вы знаете и, сделайте милость, не забывайте, — и он вручал свою визитную карточку, которые раздавал направо и налево, особенно в первое время.

Если какая-нибудь влюбленная девчонка, обняв его за шею, шептала: «Сеньор Араганзиньо...» — он спокойно и

твердо поправлял: «Милочка, я не «сеньор Араганзиньо», я капитан Араган, капитан торгового флота».

Даже Карол вынуждена была изменить свое обращение с ним и теперь приветствовала его на площадке лестницы очаровательной мелодичной фразой:

— Капитан Араганзиньо, мой милый капитан...

Полковник и начальник порта подавали пример; играли ли в бильярд или в покер, пили ли диво или откупоривали бутылки с шампанским, они постоянно приговаривали:

— Капитан... капитан...

Даже губернатор, узнавший о счастье, наполняющем душу щедрого друга его племянника, встретив Васко, раскрыл объятия:

— Как вы решились на такой подвиг, капитан?

Васко поклонился, растроганный:

— К услугам вашего превосходительства, мой губернатор.

В конторе фирмы «Москосо и К^о», где он показывался теперь только два раза в неделю — вульгарный запах трески и вяленого мяса был противен моряку, привыкшему к ароматам моря, — всем служащим от Менендеса до Джованни был отдан строгий приказ: категорически запрещается произносить имя хозяина, не прибавляя слова капитан. Рафаэль Менендес, получив приказ, покорно склонил голову, скрывая ироническую улыбку. Потирая свои вечно влажные руки, он заявил, что звание, полученное шефом, — большая честь для всей фирмы.

Джованни был удивлен — он не понимал, откуда взялось это неожиданное морское звание, — однако считал, что молодой хозяин вполне его заслуживает, и стал вспоминать те времена, когда сам плавал матросом. Теперь, заходя в контору, Васко больше всего времени проводил с Джованни, заставляя негра рассказывать о своих морских приключениях.

Вслед за визитными карточками появилась новая работа — ферма. Портной Васко, считавшийся одним из лучших в городе, был не в силах выполнить заказа, но подал совет: на Байша-до-Сапатеyro есть мастерская, специализировавшаяся на шитье форменной одежды, там капитаны пароходов Байанской компании и армейские офицеры заказывают себе кители и брюки, а молодежь шьет маскарадные костюмы — русского князя, итальянского графа, французского мушкетера или пирата.

Мастерской никогда не приходилось получать такой большой заказ от одного человека. Поднялся переполох. Васко пожелал иметь несколько форменных костюмов — два летних, два зимних, два будничных, два парадных и, наконец, два самых парадных. Все из синего и белого материала с соответствующими фуражками, отделанными золотыми шнурами. Целое приданое... Васко спешил, парадная форма понадобится совсем скоро, через две недели — Второго июля. Портной вошел в раж — он будет работать в нерабочее время, будет шить ночи напролет, но белую форму для утреннего парада и синюю для вечернего приема во дворце сдаст вовремя! Васко пообещал щедро вознаградить самоотверженного представителя швейного цеха.

Утром Второго июля на площади Ларго-да-Соледаде все было готово к началу парада — повозки с символическими персонажами кабокло и кабоклой, носилки с портретами Марии Китерии, Лабатута и Жоаны Анжелики, ораторы на трибуне, полковник Педро де Аленкар перед выстроенными войсками, капитан Жорж Диас Надро во главе моряков управления порта, военные оркестры, играющие марши. И вдруг капитан Васко Москодо де Араган в белой форме с золотыми нашивками присоединился к группе представителей гражданской власти, ожидающих губернатора. Эффект был потрясающий.

Васко с суровым, серьезным лицом слушал речи, и сердце его билось, полное патриотизма и гордости. Потом он шел рядом с Жеронимо вслед за губернатором, полковником и начальником порта по наводненной народом Соборной площади. В соборе служил молебен сам архиепископ. Вечером на прием Васко надел синюю форму, еще более пышную и великолепную, хотя в ней было жарко, как в аду. Во всем зале не найти было человека, выглядевшего эффектнее и элегантнее! А какая достойная и благородная осанка!

К Васко подошел Жорж.

— Ты отлично выглядишь, сам Васко да Гама позавидовал бы тебе. Во всей этой роскоши не хватает только одного.

— Чего? — встревожился Васко.

— Ордена, дружище. Красивого ордена.

— Я же не военный и не политический деятель, откуда мне его взять?

— Достанем... Достанем... Придется, правда, немного заплатить... Но дело того стоит...

Переговоры с португальским консулом взял на себя Жеронимо. Консулу дали почувствовать, что правительство заинтересовано в награждении капитана Васко Москозо де Араган.

— Уж не тот ли это Араганзиньо из фирмы «Москово и К°» старого Жозе Москозо, что на Ладейре-да-Монтанья?

— Именно тот, сеньор. Но теперь он капитан торгового флота.

— Я не знал, что он плавает.

— Не плавает, но прошел испытания, которые требуются по закону.

— Я прекрасно знал его деда, добропорядочный португалец, хороший человек. Но за что его королевское величество может наградить его внука, не понимаю.

Жеронимо стряхнул пепел с сигары и цинично прищурил глаз:

— За выдающиеся морские подвиги...

— Морские? Не знаю... Если он никогда не плавал...

— Слушайте, сеньор Фернандес, он хорошо заплатит, пусть ваше нищее королевское величество наградит нашего милого Араганзиньо орденом, за что и получит несколько добрых конто. А если нет другого предложения, то вспомните, ведь Арагана зовут Васко, он капитан и внук португальца, может быть, он родня Васко да Гама... Какого черта вы упрямитесь? Придумайте сами основания и устройте награждение, да поскорее...

Слава капитана Васко Москозо де Араган окончательно упрочилась, когда через несколько месяцев в возмещение за уплаченные вперед пять конто его величество Дон Карлос I, король Португалии и Алгарви, пожаловал ему «за значительный вклад в дело открытия новых морских путей» звание кавалера ордена Христа, учрежденного семьсот лет тому назад, еще во времена крестовых походов. Медаль и цепь, есть на что посмотреть! Церемония вручения была простой и скромной, тем не менее газеты сообщили об этом событии, которое и было позже отпраздновано по-королевски — с португальским вином, как и полагается по протоколу.

Васко Москозо де Араган, капитан дальнего плавания, в форме, с орденом, больше не вешал носа, и начальник порта совершенно успокоился. Радость Васко была полной, беспредельной, по улицам древнего города Баия, наверно, никогда не ходил человек счастливее его!

Значительную часть своего времени он теперь проводил в лавках старьевщиков (впрочем, их было всего два в городе) в поисках мореходных приборов и судовых инструментов.

Он платил за них любую цену. Так было положено начало коллекции морских карт, гравюр с изображением кораблей, а также секстантов, буссолей, старинных часов. Капитан Жорж привез ему в подарок из Рио несколько навигационных приборов.

Морской музей Васко сильно обогатился, когда у берегов Баии, недалеко от города, потерпело кораблекрушение английское судно. Вещи с корабля были распроданы с аукциона, и основным покупателем оказался капитан Васко Москозо де Араган. Он купил штурвал, сильный бинокль, хронометры, компасы, анемометры, гигрометры, бортовой хронограф, веревочную лестницу и к тому же два ящика виски — угощать приятелей.

С годами его пристрастие к покупке мореходных инструментов ничуть не ослабело, много лет спустя он приобрел у одного немца, авантюриста, остановившегося в городе проездом, телескоп. Немец, установив телескоп на городской площади, пытался брать по милрейсу со всякого, кто проявит к нему интерес и пожелает рассмотреть поближе небо, луну и звезды. Затея провалилась, и немцу нечем было оплатить счет в гостинице, в результате чего телескоп перекочевал в дом на улице Баррис, откуда, впрочем, капитан собирался теперь переехать.

Любимой вещью Васко из его все растущей коллекции была полуметровая модель корабля, до мельчайших деталей воспроизводившая пассажирское судно «Бенедикт». Модель была подарена капитану Жеронимо в день его рождения. Журналист обнаружил ее в подвале дворца, в покрытом пылью ящике, среди хлама. Васко был в восторге, он не находил слов, чтобы выразить свою благодарность.

Из разговоров с Джованни он узнал, что моряки, и в особенности капитаны, имеют обыкновение курить трубку. Капитан, не курящий трубку, — не капитан, таково было твердое убеждение старого негра. На следующий день после разговора с Джованни, к вящему изумлению всей компании, Васко появился с английской трубкой во рту. Курить ее оказалось чертовски трудно: она все время гасла. Со временем он все же научился и

накупил множество трубок разной формы, из самых различных материалов — деревянных, фарфоровых, пенковых.

Иногда после обеда Васко заходил в управление порта навестить капитана Жоржа Диаса Надро. При этом он надевал будничную форму и фуражку, в зубах неизменно торчала трубка. Из окна управления порта он глядел на море, наблюдая, как причаливают суда.

В один прекрасный день в баре, где он ожидал полковника, его представили некоему сеньору из Пилана-Аркадо. Они разговорились, провинциал был в восторге от своего нового столичного знакомца.

— Значит, вы, сеньор, капитан судна?.. Но, надеюсь, настоящего судна, а не этих речных посудин, которые то и дело садятся на мель... Вы, должно быть, много чего могли бы порассказать. Скажите, например, вы бывали в Китае или в Японии?

Капитан чистыми глазами посмотрел в лицо загорелого жителя Пилана-Аркадо.

— В Китае, в Японии? Да, сеньор, много раз... Я хорошо знаю эти места...

— Тогда скажите мне одну вещь, которую я очень хочу знать.— Он наклонился через стол, стгоя от любопытства.— Правда ли, что у тамошних женщин совсем нет волос? Мне так рассказывали...

— Ерунда! Над вами кто-то посмеялся. Ничего подобного. Женщины там такие же, как и везде, разве что стройнее, прелесть просто...

— Правда? Ну, а какие же они все-таки? Вы со многими имели дело?

— Однажды в Шанхае я шел по улице без всякой цели... Вдруг в извилистом переулке я столкнулся с плачущей китайкой. Ее звали Лиу...

Глаза невежественного провинциала загорелись: следуя по пятам изящной, словно выточенной из слоновой кости, китайкой Лиу, с блестящими, как лак, черными волосами, капитан Васко Москозо де Араган окунулся в тайны Шанхая, в головокружительные тайны курильщиков опиума.

Вечер спускался на Соборную площадь, кровавые отблески заката горели на черных камнях старой церкви. Взяв Лиу за руку, Васко начал свое путешествие.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О том, как идет время, происходят перемены в правительстве и фирме, о мошенничестве и о человеке, который не вешал носа

Капитан Васко Москозо де Араган сдержал свое слово: Жорж Диас Надро никогда больше не видел, чтоб он вешал нос. Васко теперь имел звание и был счастлив, никакие неприятности, никакие трудности не могли больше затуманить его сияющих глаз, омрачить радостное выражение его лица. Иногда, правда, он раздражался или делался грустным, но всего лишь на минуту и тут же к нему возвращалось столь естественное для него состояние радости и счастья.

Теперь ничто не могло его огорчить, никакие невзгоды его не страшили.

Между тем неприятностей и печальных происшествий было вполне достаточно. Но ведь капитан, который командует судном, капитан дальнего плавания, дни и ночи качаясь на волнах, привыкает к коварному непостоянству моря, мужает, закаляется и способен встречать с улыбкой любые разочарования и огорчения.

Самой большой и первой по счету бедой был перевод Жоржа Диаса Надро: он получил повышение — его назначили командиром миноносца. Как представить себе ночи в пансионах, всю их веселую компанию, их подружек, их увлечения без белокурого моряка с небесно-голубыми глазами, всегда ухаживающего за какой-нибудь негритяжкой или мулаткой, без его остроумных выдумок, шуток и насмешек? Когда новость распространилась среди женщин и ночных гуляк, их охватило уныние, ахи и охи слышались со всех сторон. Стали готовить прощальный вечер, достойный Жоржа.

— Выше голову, капитан, — сказал Жорж на вечере хмурому, молчаливому Васко. — Моряк не склоняется перед несчастьем.

На следующий день все пошли проводить Жоржа на пакетбот, который отправлялся в Рио, и тут впервые увидели его жену Грасинью — она была в глубоком трауре, иссушенное лицо закрыто черной вуалью, губы плотно сжаты. Жорж представил своих друзей, и Грасинья чуть коснулась руки Васко кончиками пальцев. И тут Васко понял, что слова, сказанные ему накануне бывшим начальником порта, имели глубокий смысл: «Моряк

не должен склоняться перед несчастьем» — эти слова приобрели теперь совершенно иное значение: да, Жорж не склонился перед несчастьем, не сдался.

Проводив Жоржа, вернулись в город, зашли в бильярдную, но все было уже не то. Днем в баре еще толпились провожавшие Жоржа друзья, а вечером в пансионе «Монте-Карло» никого не было.

За год до этого лейтенант Лидио Мариньо женился и на время исчез. Однако все были уверены, что он вернется, как только его семейная жизнь войдет в колею. Так и случилось. Жена рожала ему детей, вела хозяйство и принимала гостей. А Лидио, кончив дела во дворце, появлялся в бильярдной и снова проводил вечера в компании приятелей, ходил танцевать в пансион, по-прежнему имел возлюбленных. Что же касается Жоржа, то он уехал навсегда, на его возвращение не было никакой надежды. Там, в Рио, у него будет другая компания, моряки, новые друзья. То были тяжелые дни — из головы Васко не шла мрачная фигура Грасиньи, но он вспоминал слова Жоржа: «Моряк не склоняется перед несчастьем» — и подбадривал остальных.

Друзья надеялись, что преемник Жоржа заменит его, однако прибытие нового начальника порта через несколько месяцев принесло полное разочарование: он оказался нелюдимым, неразговорчивым субъектом, осторожным, благоразумным, приходившим в ужас от всяких ночных сборищ. Васко перестал бывать в управлении порта.

Однако он по-прежнему ходил в гавань, смотрел на приходящие судна, любовался их красотой, узнавал флаги; по-прежнему покупал, если попадались, всевозможные морские снасти и гравюры, изображающие корабли. По вечерам играл в покер с Жеронимо и полковником. Ему перевалило за сорок, и все давно привыкли называть его капитаном.

Между тем кончился срок правления губернатора, и кончился печально: президент, поддавшись влиянию противников губернатора, наложил вето на кандидатуру его предполагаемого преемника и навязал штату другого, самого же экс-губернатора вознамерился лишить сенаторского кресла, которое по традиции предоставлялось губернаторам, выходящим в отставку. В конце концов бывшему губернатору все же удалось добиться должности сенатора, но депутатство и политическая карьера его племянника Жеронимо лопнули. Молодого человека устроили в министерство юстиции в Рио прокурором или кем-то

еще в этом роде. Неплохо, но мечты о политической карьере провалились...

После смены губернатора уехал и Педро Аленкар; командовать 19-м стрелковым батальоном назначили другого полковника, приятеля нового губернатора штата. Васко не стал ему представляться, он хранил верность своим друзьям и воспоминаниям о знаменитой широкой компании. Во дворце больше он не бывал, ни на приемах, ни на балах. Правда, Второго июля и Седьмого сентября он, как и прежде, появлялся в парадной форме, но сторонился людей из общества и скромно стоял в толпе.

Он не искал новых знакомств, не пытался войти в другую компанию. Ведь прежде он общался с людьми из самого высшего круга, и вернуться теперь в общество коммерсантов, торговых служащих или даже врачей и начинающих адвокатов было выше его сил. В пансионах и кабаре он садился за столик в одиночестве, с тоской пил шампанское, и оно отдавало горечью, терпкой горечью воспоминаний о лучших днях.

Потом настал день, когда Карол продала пансион «Монте-Карло» какому-то аргентинцу — пренеприятному субъекту, нудному и жадному, и возвратилась в Гараньюнс. Зять Карол умер, сестра осталась одна и нуждалась в помощи. Васко проводил Карол на пароход. Расставаясь, они вспомнили веселые попойки, друзей: ее любименного Жеронимо, красивого лейтенанта Лидио Мариньо, который был теперь капитаном и служил в Порто-Алегре, храброго пьяницу-полковника Педро де Аленкар и незабвенного капитана Жоржа Диаса Надро, обаятельного моряка с наружностью иностранца, который вечно влюблялся в негритянок и умел веселиться как никто. Со всем этим Карол покончила навсегда. Теперь почтенная сеньора, богатая вдова ехала в тихий родной городок помогать сестре воспитывать племянников и племянниц. Она расцеловала Васко в обе щеки, и глаза ее увлажнились:

— Ты помнишь похищение Дороти?

Где-то она теперь? Какой-то полковник из провинции, вдовец, влюбился в ее всегда тревожные глаза и увез к себе на фазенду. Накануне отъезда Васко был у нее, они провели безумную ночь, безудержная страсть возродилась с прежней силой. С тех пор о Дороти никто ничего не слышал, осталась она у фазендейро или нет — неизвестно... Но на правой руке Васко навеки вытатуированы сердце и имя Дороти.

— А помнишь китайца-татуировщика?

О чем только не говорили они по дороге в порт. Сколько воспоминаний! Вот и якорь поднят, судно взяло курс на Ресифе, толстая Карол, заливаясь слезами, машет платком. «Моряк не склоняется перед несчастьем», даже когда он совсем одинокий и всеми покинутый бредет по пустынному порту.

Годы шли. Капитан Васко Москозо де Араган больше не появлялся в пансионах и танцевальных залах. Он не был теперь главою, хозяином фирмы «Москозо и К°». Негр Джованни, умирая, вновь повторил свое предостережение: Васко не должен доверять Менендесу, гринго — негодный человек. Тогда Васко решил последовать совету старика и взять в свои руки руководство делами, но оказалось, что хозяином фирмы уже давно стал Менендес. За десять лет пьянства Васко истратил все, что имел и чего не имел, и был весь в долгах. Начались длительные сложные переговоры, возня с хитрыми адвокатами, с алчными судейскими... В конце концов Васко оставил фирму; он получил несколько доходных домов и небольшое число государственных бумаг, этого было достаточно, чтобы жить прилично. Васко продал особняк на Баррис, купил домик поменьше на площади Второго июля, перевез туда свои морские инструменты, повесил на стене гостиной диплом капитана дальнего плавания и свидетельство кавалера ордена Христа, а посередине на столе поставил стеклянный ящик с моделью «Бенедикта».

«Моряк не склоняется перед несчастьем», даже когда из миллионера становится человеком среднего достатка, когда нет больше ни друзей, ни новых увлечений, не тянет к вину и сон одолевает еще до полудня. Переехав в новый дом, капитан Васко Москозо де Араган завел знакомства с соседями и вскоре приобрел популярность и всеобщее уважение. Он выносил стул, усаживался перед домом; соседи собирались послушать его рассказы о морских приключениях. У него всегда были хорошенькие кухарки — он умел выбирать прислугу.

Прошло несколько лет, волосы капитана стали серебриться, его кухарки уже не были такими хорошенькими, жизнь дорожала, а рента не увеличивалась. Соседи перестали привнимать его всерьез, многие утверждали, что он никогда не бывал ни на одном корабле, а звание капитана получил в шутку, во времена правления Жозе Марселино. За орден же Христа заплотил звонкою монетой, когда купался в деньгах и когда португальским консулом в Баие был некий коммерсант.

Лет двадцать спустя после церемонии в управлении порта Васко, всегда готовый завязать знакомство и дружбу, подошел в один прекрасный день к владельцу бензоколонки и начал рассказ о том, как однажды ночью во время шторма им пришлось плыть через Персидский залив... И вдруг этот тип громким смехом прерывает героическое повествование:

— Теперь и до меня дошла очередь слушать ваши рассказы!.. Бросьте вы врать, морочьте кого-нибудь поглупее... Вы думаете, я не знаю вашей истории со званием капитана? Все о ней знают и смеются у вас за спиной... Я очень занят, сеньор капитан, у меня нет времени слушать вашу болтовню...

«Моряк не склоняется...» Трудно, очень трудно, не вешать носа. Где-то теперь Жорж Диас Надро, наверняка он уже адмирал, где Жеронимо и полковник Аленкар, лейтенант Лидио и лейтенант Марио? И Дороти?.. О Дороти, если бы снова увидеть твой тонкий стан, твои тревожные глаза и лихорадочно горящее лицо... А Карол, оставшись вдовой, поселилась у себя в Гарамьонсе в Пернамбуно и воссоздает племянников. Жива ли она еще? Капитан все так же ходил в порт в любую погоду — светило ли солнце или лил дождь — и наблюдал за приходящими и уходящими судами, ведь он знал все флаги.

Здесь в Салвадоре у него нет больше сил не вешать носа — ни на площади Второго июля, ни на какой-либо другой улице. Васко продал свой дом за хорошую цену, купил домик в Перивери, куда не доходят породские сплетни, и, взяв с собой мулатку Балбиу, морские снасти, штурвал, веревочную лестницу, подозрную трубу и телескоп, коллекцию трубок и диплом в рамке, переселился в предместье. Здесь никто не помешает ему вспомнить молодость, проведенную в далеких морях на палубах кораблей, среди бурь и опасностей.

И вот старый моряк с гордо поднятой головой и развевающейся на ветру шевелурой стоит на вершине скалы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

где растерявшийся рассказчик, готовый на любые промахи, сдается на милость судьбы

Только подумайте, сеньоры, отважный историк, решившийся добыть истину со дна колодца, вода которого замутилась, нападает вдруг на две совершенно противополо-

ложные версии, причем как одна, так и другая кажутся вполне заслуживающими доверия. Как же быть? Одна из версий принадлежит самому капитану, человеку неоспоримых достоинств, вторая — Шико Пашеко, но в ней столько убедительных подробностей... Какую же предпочесть и предложить благосклонному читателю? Колодец завален рулевыми колесами и прочим старым морским хламом, и я не знаю, как добраться до дна, чтобы вытянуть оттуда нагую истину и прославить имя одного из противников, а другого выставить на всеобщее поругание. Но кого же прославить, кого разоблачить? Если быть искренним, следует признаться, что на данной стадии развития событий я пребываю в полном смятении и растерянности.

Я посоветовался с сеньором Алберто Сикейрой, нашим выдающимся, хоть и спорным светилом юридической науки. Он столько лет прослужил судьей в провинции и в столице штата, что, казалось, должен бы был научиться различать свет истины в любом темном, запутанном деле. Однако почтенный сеньор уклонился от ответа, сказав, что не в состоянии вынести приговор и даже составить себе какое-либо мнение без анализа всех документов. Как будто его попросили быть судьей на знаменитом процессе Шико Пашеко, а не сказать свое мнение об историческом исследовании, претендующем на премию государственного архива! Такое отношение к моей работе меня оскорбило, и я высказал судье свое недовольство. На это самоуверенный юрист сухо отвечал, что у меня будто бы нет самого элементарного представления о том, что такое вообще историческое исследование: в работе не указаны точные даты, и поэтому нет никакой возможности разобраться толком, в какое время происходят описываемые события, какой срок протекает между одним и другим происшествием, когда именно родились и умерли главные действующие лица. «Где это видано — историческое произведение без хронологии? Что такое история, если не последовательный перечень дат, к которым приурочены определенные события и подвиги?»

Я молча проглотил замечание, ибо не придаю значения таким пустякам. Кстати, пользуясь случаем, можно разъяснить кое-что насчет дат. Сведений о том, когда родились и когда умерли персонажи моей истории, у меня нет. Даже неизвестна дата смерти старого Москозо, мало того — самого губернатора. Капитан же умер в Перипе-

ри в 1950 году в возрасте восьмидесяти двух лет, и таким образом мы можем подсчитать, что он родился в 1868 году, а когда он сдружился с упомянутыми выше влиятельными лицами, ему было тридцать с лишним. Факты, рассказанные Шико Пашеко, подлинные или вымышленные, имели место, как известно, в начале века, в период правления Жозе Марселино, которое началось в 1904 году, а переезд капитана в Перипери датируется 1929 годом. Какие еще даты надо уточнять? Откровенно говоря, я не знаю. Я никогда не мог запомнить ни одной даты из учебника истории и ни одного названия рек или вулканов из учебника географии.

Впрочем, почтеннейший судья отнюдь не беспристрастен, его критика рождена недоброжелательством, которое он испытывает ко мне в последнее время. Уже несколько дней он не проявляет ко мне прежней симпатии, не приглашает сопровождать его по вечерам к Дондоке, и чем больше я льщу ему и превозношу его таланты и добродетели, тем холоднее он держится и глядит на меня укоризненно. Не могу понять причины такой резкой перемены, тут, должно быть, какая-то интрига: ведь сплетников в Перипери хватает, и многие из этих негодяев завидуют моей близости с известным юристом, работы которого публикуются в журналах.

Я даже заподозрил самое худшее — не догадывается ли почтенный судья о моих отношениях с Дондокой. Это было бы просто катастрофой. Я поговорил с нашей нежной красоткой и встревожился еще больше, потому что, оказывается, она тоже заметила, что судья как-то изменился, без конца расспрашивает ее и то и дело заставляет клясться в верности.

Только этого еще не хватало, у меня и так довольно забот! Ведь я поставил перед собой труднейшую задачу восстановить всю правду относительно приключений капитана. Вот здесь передо мною лежит целая куча бумаг, результат моих исследований. И что же получается? Я беру одну тетрадь и попадаю в открытое море, судно плывет в Океанию вдоль азиатских берегов, и Дороти, печальная жена грубого миллионера, влюбившись в капитана, покидает мужа и умирает от страсти и лихорадки в грязном порту Макаassar в объятиях любимого. Я беру другую тетрадь, и Дороти оказывается продажной женщиной из пансиона «Монте-Карло» (пансион, как я выяснил, действительно существовал, он помещался в том здании, где теперь находится редакция газеты «Диарио

да Баия»), она переходит от одного к другому, отдается тому, кто платит, и кончает сожительством с провинциальным полковником. Швед Иоганн, судя по одной тетради, — старший офицер на судне, по другой — коммерсант, Менендес по одной — судовладелец, по другой — компаньон торговой фирмы... Впрочем, характер у него отвратительный в обеих версиях. Дьявольская неразбериха!

Говорят, будто истина со временем всегда обнаруживается, но я не верю и этому. Чем больше проходит времени, тем труднее проверить факты, найти конкретные доказательства, выяснить подробности. Если даже в былые времена жители Перипери не могли разобрать, кто говорит правду, а кто лжет, то, представьте, как трудно это сейчас, через тридцать два года, в январе 1961 года. Я пришел к заключению, что только вмешательство судьбы, одна из случайностей, которым мы еще не нашли объяснения, может действительно привести к выяснению истины. Иначе сомнениям век вековать: была ли, например, Мария-Антуанетта легкомысленной и продажной, как утверждают приверженцы французской революции, или цветком целомудрия и добродетели, как ее рисуют сторонники роялистов? Кто может выяснить правду, когда прошло столько лет?

Если бы судьба не вмешалась в нужный момент, не знаю, что было бы в Перипери в начале зимы 1929 года. Все население предместья, взволнованное историей Шико Пашеко, разделилось на два лагеря. Сторонники капитана потрясали дипломом и орденом Христа, противники поносили Васко и повторяли всюду рассказ бывшего инспектора. Образовались две группы, две партии, две секты, полные ненависти одна к другой. Между ними то и дело возникали перебранки, немногие, сохранившие ясную голову (например, старый Проньера), каждую минуту опасались, что начнется драка. Отставные чиновники и торговцы, старики, больные ревматизмом, еле живые осыпали друг друга угрозами и оскорблениями, а в один прекрасный день Зекинья Курвело бросился на Шико Пашеко, крича во весь голос о своем намерении вырвать его поганый язык. Как сказал начальник станции, «в старикашек вселился бес».

За расколом последовал раздел территории — на станции сторонники капитана занимали скамейки, обращенные к морю, сторонники Шико Пашеко — те, что обращены к улице, первые собирались теперь на набережной, вторые — на площади. Узнав обо всем этом, отец Жусто

схватился за голову: как он будет избирать в будущем году старейшину праздника святого Жоана?

Среди общего смятения только один человек оставался безмятежным и спокойным и по-прежнему добродушно улыбался; он все так же лазил на скалы и наблюдал в подзорную трубу за прибытием кораблей, готовил по вечерам горячий грог, выигрывал в покер и рассказывал чудесные истории. Этот человек был капитан Васко Москозо де Араган.

Когда до него дошли первые слухи о суматохе, поднятой в Перипери Шико Пашеко, он снисходительно сказал друзьям:

— Это он просто со зла...

Пожал плечами и решил не обращать внимания. Однако это оказалось невозможно — некоторые из прежних слушателей теперь поворачивались к нему спиной, а многие смеялись над его рассказами. Даже сторонники капитана требовали от него каких-то действий, которые решительно доказали бы, что в рассказе бывшего инспектора все ложь — от начала до конца. Зекинья Курвело, после того как он чуть не подрался с Шико Пашеко, открыл капитану свое сердце:

— Простите меня, капитан, но надо что-то делать, надо заставить клеветников умолкнуть.

— Вы правы. Я хотел было не обращать внимания на все эти мерзости. Но раз нашлись люди, которые им верят, мне остается лишь один выход...

Как он был хорош в эту минуту! Рука опирается на подоконник, взгляд устремлен на море, волосы развеваются легкий бриз.

— Дорогой друг, вас и Руя Пессоа я прошу быть моими секундантами и сообщить клеветнику о моем вызове. Как оскорбленный, я имею право на выбор оружия. Я требую, чтобы это был шестизарядный револьвер, с правом использовать всю обойму. Дистанция — двадцать шагов, место дуэли — обрыв. Убитый упадет в море.

Зекинья Курвело, охваченный воодушевлением, поспешно отправился выполнять свою миссию. Однако его постигла неудача. Шико Пашеко не захотел даже назначить секундантов. Он не создан для дуэлей, это была бы недопустимая глупость, в наше время дуэли вышли из моды, просто смешно. Он, Шико Пашеко, питает отвращение к огнестрельному оружию, ему неприятно даже смотреть на него. А этот шарлатан состоял в свое время в дружбе с офицерами и моряками, наверно, он умеет

хорошо стрелять. В подобные истории он, Шико, впутываться не намерен. Если шарлатану угодно, пусть прибегнет к правосудию, подаст на него в суд за клевету; и он, Шико Пашеко, докажет все, что рассказывал. У Васко, как видно, не хватает мужества обратиться к правосудию. Дуэль ничего не доказывает, она дает преимущество тому, кто лучше стреляет. Нет, он и знать ничего не хочет ни о каких дуэлях.

Зекинья Курвело произнес всего лишь одно слово:

— Трус!

Вызов был сделан на площади, где собрались противники капитана. После этого Шико Пашеко несколько потерял в глазах своих поклонников. Идея дуэли пришлась по вкусу обеим партиям, и те и другие были взволнованы. Однако победа капитана оказалась недолговечной. Сомнение проникло в души, и рассказы Васко уже не находили в них отзвука, не вызывали бывшего восторга.

Даже Зекинья Курвело заметил однажды:

— Но ведь выдумки этой жалкой козавки, в сущности, не опровергнуты.

Капитан взглянул на него своими чистыми глазами:

— Если я еще должен искать доказательства, чтобы защитить себя от клеветы труса, бежавшего с поля чести, если находятся люди, которые колеблются и не знают, кому верить, ему или мне, то я предпочитаю уехать. Я видел в газете объявление о продаже дома на острове Итапарика. Там, среди моря, вдали от клеветы и злобы, я буду чувствовать себя, как на судне.

Капитан поднял голову, он больше не вешал носа:

— Настанет день, когда почувствуют мое отсутствие и воздадут мне должное. Но я не унижусь до того, чтобы опровергать труса и клеветника.

Вот в каком положении были дела, и мы никогда не выбрали бы из тупика, если бы не произошло новое событие, в результате которого истина все-таки вышла наружу. Ни капитан, ни Шико Пашеко, ни Зекинья Курвело, ни Адриано Мейра или старый Жозе Пауло Проньера, единственный, кто был спокоен и сохранял благоразумие в разгар бури, тут ни при чем. Все решил слепой случай, судьба, рок — назовите, как хотите.

Вот и я тоже хотел бы, чтобы судьба вмешалась и развеяла все растущую подозрительность достопочтенного

судьи Алберто Сикейры, доказала бы ему чистоту моего отношения к Дондоке, в котором отражаются лишь мои дружеские чувства к великому, гонимому светилу юриспруденции. Вы скажете, что это невозможно, потому что я на самом деле помогаю Дондоке украшать лоб distinguished почтенного судьи и поедаю его шоколад? И только-то! Вы не знаете, как капризна судьба! Как она вмешивается в нашу жизнь и обнажает истину, как руководствуется только своими симпатиями и антипатиями и совершенно равнодушна к доказательствам и документам. Почему бы и мне не доказать судье свою полную невинность, принимая во внимание, в частности, и услуги, которые я ему оказывал, заменяя его на ложе Дондоки? Ведь благодаря мне она весела и довольна и добродушно терпит бесконечные нудные рассуждения знаменитого юриста.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

повествующая о том, как капитан уезжает на поиски неведомой судьбы или, вернее, по ее велению, потому что никому в мире от судьбы не уйти

В тот день лил непрерывный дождь, резкий холодный ветер с моря продувал предместье насквозь, небо заволочли свинцовые тучи, не оставив ни единого просвета, улицы тонули в грязи. Капитан в этот день был в трауре. Черная ленточка на фуражке, черная повязка на рукаве куртки. Он растроганно объяснил близким друзьям, что сегодня день смерти дона Карлоса I, короля Португалии и Алгарве, умерщвленного какое-то время спустя после того, как король признал заслуги капитана и наградил его орденом Христа. Каждый год в этот день капитан надевал траур в память благородного монарха, который с высоты своего трона сумел увидеть и оценить подвиг человека, открывшего новые пути для морской торговли.

На станции было мало народа. На скамейке, обращенной к заливу, ораторствовал Зекинья Курвело. Он бросил в лицо Шико Пашеко, сидевшему на другой стороне платформы на скамейке, обращенной в сторону улицы, неоспоримый аргумент — королевскую награду, орден Христа, медаль с цепью. Только человек, не отвечающий за свои слова, способен на такие необоснованные, смешные ут-

верждения, будто король Португалии станет торговать, словно какой-нибудь лавочник, и чем? Высочайшей наградой! Получается, что орден, существующий со времен крестовых походов и тамплиеров, орден Христа, которого домогались правители, дипломаты, ученые и генералы и который сохранился даже при республике, можно продавать как сушеную треску или зубочистки! Подобные нелепости стыдно не только говорить, но даже и слушать! В сущности, Перипери, это жалкое предместье, не заслуживает чести покоить славную старость человека, столь знаменитого, пользующегося таким почетом, награжденного орденом, который во всей Баие есть только у Ж.-Ж. Сеабры. Зависть и неблагодарность жителей Перипери довели капитана до того, что он решил уехать и оказать другому, более цивилизованному городу честь включить его в число своих граждан.

— Его разоблачили, он и бежит, — отвечал Шико Пашеко, — ищет новых слушателей для своих небылиц. Вот бессовестный старик...

Он умолк, так как подошел десятичасовой поезд, и из вагона вышел таинственный путешественник, никому здесь не знакомый. Закутавшись в непромокаемый плащ и раскрыв зонт, он спросил, не знает ли кто-либо из сеньоров, где живет некий капитан дальнего плавания Васко Масково де Араган. Ему срочно необходимо видеть капитана по одному весьма важному делу. Друзья и враги капитана выразили единодушную готовность проводить приезжего в дом с окнами, выходящими на море, несмотря на то что дождь снова полил как из ведра. Оба вожака, Шико и Зекинья, во что бы то ни стало стремились выяснить, о каком важном деле собирается незнакомец говорить с капитаном.

Незнакомец не заставил себя долго просить; шагая по лужам и увязая в грязи, он рассказывал: судно Национальной компании каботажного судоходства «Ита» прибыло в это дождливое утро в Баию с приспущенным флагом. По пути из Рио в Салвадор скончался капитан и командование принял первый помощник. Однако по закону полагается до прибытия капитана компании пригласить в первом же порту любого капитана дальнего плавания, который окажется почему-либо свободным, в отпуске или уже в отставке. Нелепый закон — как будто первый помощник не может довести судно до Белена, где находитесь сейчас один из капитанов компании, уро-

женец штата Пара, проводящий отпуск на родине,— ему уже послана телеграмма.

И вот он — его зовут сеньор Америко Антунес, представитель компании в Бае,— должен обеспечить замену капитана. Мало ему хлопот с похоронами того, умершего!..

— А разве тело не бросили в море?..— осведомился Зекинья.

В прежнее время бросили бы, и меньше бы было работы и всяких неприятностей. Где искать нового капитана? Естественно, он отправился в управление порта, там в книгах записаны имена и адреса капитанов дальнего плавания, получивших дипломы. Почти все оказались капитаны с «дохлыми грамотами», которые плавают по реке Сан-Франсиско на небольших пароходиках и не имеют права командовать морскими судами. Настоящий капитан, прошедший полный экзамен и представивший работу, которая была одобрена, нашелся только один — некий Васко Москозо де Араган. В управлении порта не знали, где он теперь живет, по старому адресу — на площади Второго июля — его не нашли. В конце концов ему удалось раздобыть адрес капитана Васко Москозо де Араган, и он приехал просить его принять командование пароходом «Ита», чтобы отвести его в Белен, конечный порт рейса, где уже ждет другой капитан, который поведет судно обратно. Капитан Васко окажет большую услугу компании и пассажирам, среди которых есть высокопоставленные лица, даже сенатор из Рио-Гранде-до-Норте; ведь если бы не ниспосланный провидением капитан Васко Москозо де Араган, пароход простоял бы три-четыре дня в ожидании другого капитана, выписанного из Рио-де-Жанейро. Неприятная задержка для пассажиров, огромные убытки для компании...

Шико Пашеко иронически рассмеялся:

— Ну, так им придется подождать: этот капитан не поведет судно... Судно с места не тронется...

— Не верьте,— прервал его Зекинья Курвело.— Капитан будет счастлив такой возможности.

— Счастлив или нет,— ответил сеньор Антунес,— но ему придется согласиться. Он обязан по закону. Даже если он в отпуске или отставке...

Они подошли к дому капитана. Васко сидел перед большим окном и смотрел на бурное море. Зекинья Курвело окликнул его, представив ему приезжего, и, потирая руки, стал объяснять, в чем дело,

— Теперь, капитан, вы раздавите этих гадин.

Противники остались снаружи, под дождем, Зекинья Курвело и Эмилио Фагундес вошли в дом вместе с Антунесом. Капитан молча переводил взгляд с одного на другого. Представитель компании прибавил к словам Зекинья, что компания будет весьма благодарна и, без сомнения, хорошо вознаградит за оказанную ей услугу.

— Я поклялся, когда вышел в отставку, никогда больше не ступить на капитанский мостик. Это грустная история, мои друзья знают ее подробности.

Зекинья Курвело был недоволен таким началом:

— Но, учитывая обстоятельства...

— Клятва есть клятва, моряк не нарушает слова...

Сеньор Америко Антунес вмешался:

— Простите, капитан, но вы обязаны принять командование судном. Впрочем, вы, сеньор, знаете это лучше меня. Таков закон моря.

— И закон чести,— прибавил Зекинья,— надо смыть пятно и уничтожить завистников.

Капитан заметил, что оставшиеся на улице противники убегают, прогнанные все усиливающимся дождем; однако самые упрямые укрылись у сестер Магальяэс — на крыльце дома старых дев виднелся силуэт Шико Пашеко. Капитан повернулся к друзьям:

— Разрешите мне потолковать наедине с сеньором Америко. Нам надо обсудить некоторые детали.

Он отвел приезжего в гостиную, оставив Зекинию и Эмилио в прихожей. Беседа длилась немногим более десяти минут, вскоре капитан вернулся вместе с представителем компании, который повторял:

— Итак, будьте спокойны, все будет хорошо.

Поспешное рукопожатие, и приезжий, слышав гудок паровоза, выбежал под дождь. Ему надо было спешить, чтобы не пропустить поезд. Шико Пашеко помчался вслед за сеньором Антунесом, желая узнать новости, но не смог соперничать с ним в быстроте; когда Шико появился на станции, поезд уже уходил.

Капитан между тем объяснял Зекинье и Эмилио:

— Я потребовал от компании приказ за подписью президента, чтобы получить возможность нарушить клятву...

— Вы хотите сказать, что принимаете командование? — возликовал Зекинья.

— А почему бы мне не отправиться, если так велит долг и мне дадут бумагу, освобождающую от клятвы? Дороти прости...

Поедет — не поедет, обманщик — великий человек... Споры разгорались, новость разнеслась по предместью, все старики, несмотря на непрерывный дождь, который все усиливался, явились на станцию. Ни споры, ни дождь не прекратились и после отъезда капитана на двухчасовом поезде в сопровождении Балбины. Како Подре тащил чемоданы, капитан был в парадной форме и нес свою замечательную подзорную трубу. Он пожал на прощание руки всем — и друзьям и врагам; наверное, он пожал бы даже руку Шико Пашеко, если бы бывший инспектор не отошел на край платформы. Подошел поезд, капитан Васко Москозо де Араган обнял Зекиньо Курвело и надолго прижал его к груди. Он не сказал ни слова. Стоя в дверях вагона, он приложил руку к козырьку.

— Сбежал... — объявил Шико Пашеко. — Больше он никогда не вернется.

— Он поведет судно в Белен, — твердил Зекинья Курвело.

— Только ослы могут этому верить. Если не добудут другого капитана, «Ита» пустит корни в порту. Шарлатан скрылся, мы больше о нем ничего не узнаем.

— Клевета!

— А зачем же тогда он увез с собой служанку? Увидите, в один прекрасный день кто-нибудь явится забрать его барахло и скажет, что дом продан. Он уже раньше подготовился к бегству, ему только пришлось немного поспешить.

— Поживем — увидим. Правда всегда побеждает, — сказал Зекинья, любивший громкие фразы.

В пять часов многие, несмотря на дождь, все еще стояли на берегу и смотрели на бухту Баии, где в неясном свете пасмурного дня едва вырисовывался величественный черный силуэт «Иты». Пароход снимался с якоря, из трубы его повалил дым, очевидно, он дал гудок. Он вышел из гавани и скрылся за молом.

Споры, ожесточенные, бурные, продолжались до тех пор, пока в газетах не появились первые телеграфные сообщения.

ТРЕТИЙ ЭПИЗОД

Подробное описание незабываемого плавания парохода «Ита» под командованием капитана, с многочисленными приключениями, романтическими дискуссиями на борту, с присовокуплением бесплатного осмотра городов на стоянках, а также знаменитой теории о «бакеанах» и с бурей, разыгравшейся под конец

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Капитан на мостике

Васко поднялся по трапу в сопровождении Америко Антунеса, представителя компании. Матрос нес два его чемодана. Глубокое волнение охватило Васко, когда он впервые в жизни ступил на борт парохода. Он почти не слышал Антунеса, знакомившего его с хорошо одетым человеком:

— Сеньор Омеро Кавалканти, сенатор штата Рио-Гранде-до-Норте, капитан Васко Москозо де Араган...

— Нам повезло, капитан, что вы оказались в Баие. Иначе мы застряли бы здесь, для меня это было бы ужасно. У меня в Натале важные дела...

— Капитан оказал нам большую любезность,— пояснил Антунес.

— Я всего лишь выполняю свой долг.

Он был представлен судовому комиссару. Пассажиры с любопытством окружили его: путешествие оказалось с приключениями — смерть на борту, тело капитана, в течение суток пребывавшее в салоне для танцев, превращенном в покойницкую, угроза задержки в Баие, обнадеживающее известие о капитане в отставке...

Он прошел вслед за Америко Антунесом сквозь суетливую толпу — пассажиры прощались с провожающими, матросы разносили багаж по каютам, под ногами путались дети, испуганная собачонка на руках разряженной зрелой сеньоры громко лаяла. Она угрожающе зарычала на капитана, стараясь вырваться из рук пассажирки. Та улыбнулась капитану и извинилась:

— Простите, капитан, мой песик не знает, как мы вам обязаны...

Значит, и пассажиры слышали о его поступке и высоко оценили его. Васко чувствовал себя польщенным:

— Мой долг, сеньора...

Красивая женщина, капитан долго еще чувствовал аромат ее духов... Он спросил Америко шепотом:

— Значит, надо только сказать...

— Только сказать...

Они поднялись по маленькой лесенке на офицерскую палубу. Матрос опередил их, чемоданы капитана уже стояли в каюте. Васко указал на койку:

— Тот капитан умер здесь?

— Нет. На мостике — у бедняги сделался разрыв сердца.

Они встретили судового комиссара, он был представлен капитану и проводил их до мостика, где выстроились ожидавшие капитана офицеры.

— Капитан Васко Москозо де Араган оказал нам честь и любезно принял на себя командование судном до Белена.

— Жеир Матос, первый помощник.

Улыбающийся молодой блондин выступил вперед. Васко показалось, что он взглянул на представителя компании и они перемигнулись. Но первый помощник уже протягивал руку:

— Большая честь служить под командой человека, заслужившего такую высокую награду. — Он указал на блестящую на кителе Васко ленточку ордена Христа.

За ним были представлены другие офицеры, старший механик, второй механик. После чего первый помощник поклонился:

— Ждем ваших приказаний, капитан.

Васко бросил взгляд на Америко Антунеса, тот чуть заметно ободряюще кивнул. Капитан сказал:

— Сеньоры знают, что мое присутствие здесь — лишь формальность, требуемая законом. Я не хочу менять чего бы то ни было в те немногие дни, пока буду с вами. Судно находится в хороших руках, сеньоры. Продолжайте командовать, сеньор первый помощник, я не хочу ни во что вмешиваться.

— Ясно видно, капитан, что вы старый морской волк, знакомы с морскими обычаями. Мы прибегнем к вашей помощи, только если неожиданно возникнут какие-нибудь серьезные неполадки и потребуются ваши знания, но я надеюсь, что этого не случится.

Америко Антунес заключил церемонию:

— Судно в вашем распоряжении, капитан. Желаю вам от имени компании приятного путешествия.

Он распростился. Приближалась минута отправления. Васко остался на капитанском мостике и стал слушать, как первый помощник командует. Подняли трап, раздался гудок, тоскливый звук медленно растаял где-то вверху, у колоколен, в последний раз взлетели в воздух платки, женщины плакали под дождем. Пароход медленно отвалил от пристани. Васко смотрел в сторону Перипери. Там, на берегу, конечно, собрались его друзья и Зекинья Курвело машет рукой, желает ему успеха и счастливого пути. Капитан хотел было посмотреть в подзорную трубу — так он сможет увидеть их, несмотря на дождь и большое расстояние, но он не смел шелохнуться в эту торжественную минуту отплытия.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О том, как капитан председательствовал за столом, море волновалось, а в желудке капитана поднималась буря

В этот первый вечер в салон-ресторане было не очень много народа. Шел дождь, дул сильный ветер, море бушевало и швыряло судно во все стороны, приводя в уныние пассажиров, большинство которых укрылось в каютах.

Васко тоже предпочел бы отдохнуть в каюте от всех волнений этого дня. Оно и безопаснее: время от времени он ощущал угрожающие приступы тошноты. Однако капитану полагалось сидеть во время обеда во главе большого стола.

Другие столы поочередно возглавляли первый помощник, судовой комиссар и прочие офицеры. Надо было идти. Васко собрался с духом, проглотил пилюли, купленные в аптеке,— приказчик гарантировал их эффективность. Как знать, может, в ресторане он встретит сенюру с собачкой, перекинется с ней несколькими словами, обменяется улыбкой. Сенатор из Рио-Гранде-до-Норте Омеро Кавалканти уже ждал его, изнывая от голода и нетерпения.

Усевшись за стол между сенатором и депутатом из штата Параиба — крупным предпринимателем и банкиром. Отном Рибейро, капитан отдал свой первый при-

каз — подавать обед. Он оглядел салон: много пустых мест, сеньора с собачкой не отважилась выйти на палубу в такую бурную погоду. Жаль!

Сенатор и депутат говорили о политике, подготовка к президентским выборам шла полным ходом. В 1929 году она носила очень оживленный характер, были выставлены кандидатуры Жулио Престеса и Жетулио Варгаса, губернаторы штатов Рио-Гранде-до-Сул, Минас-Жерайс и Парайба основали либеральный альянс. Депутат из Парайбы грозил правительству неизбежной и роковой революцией, он шепотом рассказывал, что Сикейра Кампос, Карлос Престес, Жоан Алберто и Жуарес Тавора разъезжают инкогнито по стране и готовят вооруженное восстание.

Сенатор смеялся над этими слухами: в Бразилии все спокойно и все довольны, народ поддерживает программу, выдвинутую великим Вашингтоном Луисом, которую его преемник, не менее известный Жулио Престес, и будет по-прежнему проводить в жизнь. Все эти волнения — буря в стакане воды, дело ограничится горячими речами ораторов гаушо — Жоана Невеса, Батисты Лузардо, Освалдо Араньи. Что же касается военных, даже если эти грошовые революционеры решатся вернуться из изгнания, то, как только они перейдут границу, полиция мгновенно выловит их и засадит за решетку. Капитан наклонился к сенатору, с почтением прислушиваясь к его словам. Депутат возражал:

— Полиция... Решетка... Послушайте, дорогой сеньор, не увлекайтесь! Ваша полиция ничего не стоит. Неужели, уважаемый друг, вы не слышали, что Сикейру Кампоса совсем недавно видели в Сан-Пауло? Полиция переполошилась, оцепила целый квартал. А он в это время, переодетый священником, вышел из редакции «Эстадо де Сан-Пауло» вместе с Жулио де Мескита и преспокойно прошел мимо полицейских... Об этом все знают.

— Болтовня... Я не верю ни одному слову. Эти бездельники сидят в Буэнос-Айресе и грызутся между собой. Они не смеют ступить на бразильскую землю и живут в изгнании, то и дело посылая ходатайства об амнистии. Это безрассудные юнцы, которые совсем потеряли голову. Впрочем, тут нет ничего удивительного, если даже Артур Бернардес рядится в революционера... Они не осмелятся...

— Не осмелятся? А разве граница не в Рио-Гранде-до-Сул?

— Жетулио Варгас не сумасшедший, он не станет связываться с этими одержимыми. По-вашему, они поднимут восстание и посадят Жетулио в Катете¹. Если бы у них была какая-либо возможность добиться успеха, то, во всяком случае, не Жетулио пришел бы к власти. Это мог бы быть Изидоро или Престес. Как вы думаете, капитан?

Васко предпочитал не думать и в особенности не смотреть на суп со сметаной — отвратительная штука, совершенно противопоказанная во время волнения на море. Надо будет обратить на это внимание судового комиссара. Какая небрежность! Меню на корабле следует составлять с учетом прогноза погоды. Он отодвинул тарелку и сделал неопределенный жест в ответ на обращение сенатора. Нечего и надеяться на приход сеньоры с собачкой! Депутат съел целую тарелку супа — безумец! — и снова кинулся в бой:

— Ну что ж, можете не верить и по-прежнему плестись в упряжке этого упряма Вашингтона Луиса, но когда спохватитесь, будет поздно, костер разгорится у вас под ногами. Когда я недавно ездил на Север, на такой же вот «Ите», знаете, кто ехал со мной и высадился в Ресифе? Жоан Алберто, да, да, сеньор. Я могу говорить об этом, потому что сейчас его уже нет там, я уверен. Он путешествовал в качестве коммивояжера одной фирмы в Рио-де-Жанейро, но я-то сразу узнал его. Моряки, — и он указал на капитана, — за революцию, все это знают! Они возят заговорщиков, прячут их в своих каютах. Впрочем, весь народ с ними. Не правда ли, капитан?

На второе — кусок рыбы в соусе из томатов и рачков, с гарниром из картофельного пюре, с желтеющими глазками сливочного масла — настоящая провокация, просто возмутительно! Стоит только взглянуть на этот ужас — и все в желудке переворачивается. Избегая пристального взора депутата, который ждал ответа на свой опасный вопрос, капитан сделал отчаянное усилие и поднес вилку с кусочком рыбы к искривленному рту. «Этот депутат из Параибы просто легкомысленный человек: рассказывать о революционерах и заговорах, жадно глотая при этом куски рыбы, рачков и пюре с маслом! Редко приходится наблюдать такое отвратительное зрелище! Какое падение, до чего может дойти человек!» — размышлял капитан. Депутат прищелкнул языком, желая показать, что рыба недурна, и упорно продолжал плести нити своего заговора:

¹ Катете — президентский дворец в Рио-де-Жанейро.

— Вот увидите, тут же, на нашем судне, наверно, спрятан Престес либо Сикейра. В каюте врача или механика. Или у нашего храброго капитана, почему бы нет?

Сенатор вздрогнул: хоть он и казался спокойным и выражал уверенность в том, что у правительства достаточно сил, такие разговоры явно тревожили его. Ведь полиция сама подтвердила, что Жуарес Тавора недавно проезжал через Натал и что с ним в заговоре молодые лейтенанты вроде Жураси Магальяэнса и всякие смутьяны вроде Кафе Филью? Разве не известно, что они собирались совсем близко от дворца? Полиция обнаружила след революционера лишь после его отъезда в Параибу, где дом Жозе Америко является центром конспирации — о чем всем известно. Уж этот Жозе Америко, писал бы себе романы, как прежде! Может быть, депутат прав и на судне действительно находится один из этих фанатиков — нарушителей общественного порядка? Он бросил недоверчивый взгляд на капитана, лицо его показалось сенатору странным. Депутат настаивал с угрожающим видом:

— В один прекрасный день такая «Ита» причалит как ни в чем не бывало в Натале и, вместо того чтобы высадить пассажиров, выпустит на улицы отряд революционеров. Они нападут на дворец, начнут палить — пум-пум, пум-пум... Не обманывайтесь, все моряки, служащие компании, заодно с революционерами. Не правда ли, капитан?

— Я не принадлежу к кадрам компании. Мне пришлось совершать дальние плавания, покуда я не вышел в отставку. Здесь же я очутился из-за несчастного случая...

— Да, правда, я и забыл. Вы нас выручили, сеньор... Иначе нам пришлось бы ждать капитана из Рио. Да, сеньор, это очень хорошо! Для меня, впрочем, не имело бы большого значения, если бы мы задержались на несколько дней в Баие. Я не тороплюсь, как сенатор, которому срочно нужно в Натал. Время у меня есть, и Баия мне нравится. Хороший край, только вот либеральный альянс тут очень слаб, и Витал Соарес — кандидат в вице-президенты... Зато женщины здесь шикарные...

Капитан в знак согласия попытался улыбнуться. Сенатор, довольный тем, что разговор принял другое направление — революционеры отошли на второй план и обед не будет испорчен, подхватил:

— Дальние плавания, чужие моря... Вы видели много разных стран, капитан?

— Практически весь свет, я плавал под разными флагами.

— Увлекательная профессия, но немного однообразная, не так ли? День за днем, все море да море, особенно если рейс продолжительный...— философствовал сенатор.

— Ну, а как насчет женщин, у вас, наверно, было немало побед, а, капитан? — Увлеченный этой темой, депутат забыл о заговорщиках.

Жареный каплун выглядел соблазнительно, Васко еще ничего не ел, кроме хлеба. Орудовать ножом и вилкой оказалось очень трудно из-за качки. Взять же просто рукой было неприлично.

— Во время плавания капитан — монах.

— Бросьте, капитан, не рассказывайте сказок...

— В порту — другое дело, там моряки берут свое...

— А скажите-ка, вот вы были во многих странах, какие женщины, по-вашему, самые темпераментные?

Момент был весьма неподходящим для ответа на такой вопрос, каплун грозил соскользнуть с тарелки, и, чтобы совладать с ним, требовалось напряженное внимание и максимум осторожности. Васко уклонился от прямого ответа:

— Трудно сказать. Когда как...

— Ну что вы, кто же не знает таких вещей! Англичанки, например, холодные, француженки алчные, испанки пылкие. Даже я, хотя никогда не выезжал из Бразилии...

— Конечно, это правда, различия есть. На мой взгляд, самые пылкие из всех...— он сделал паузу, сенатор и депутат наклонились, чтобы лучше слышать. Капитан понизил голос: — Лучше всех арабские женщины.

— Горячие? — прошептал сенатор.

— Огонь!

— Когда я был мальчишкой, — депутат погрузился в воспоминания, — в Кампина-Гранде славилась одна турчанка. Красавица. Но брала страшно дорого, ребятам было не по карману — только богатым фазендейро.

Компот чуть не привел к катастрофе. Едва капитан проглотил первую (и последнюю) ложку сладкого сиропа, как началось такое, что понадобилось напряжение всех духовных и телесных сил для избежания катастрофы. В желудке разыгралась страшная буря, и капитан ощутил глубокое разочарование в жизни, отвращение к ней. Какое счастье, что нежная, красивая дама бальзаковского возраста не пришла в столовую! Он не смог бы

говорить с ней, все на свете было ему безразлично, и единственное, чего он желал, это чтобы злополучный обед скорее кончился.

— Вы почти ничего не ели, капитан.

Депутат пожирал все.

— Я себя неважно чувствую, поел зеленых кажаран¹ и получил расстройство желудка. Так что мне нельзя много есть.

— Представьте, мне даже показалось, что вам дурно. Капитан, страдающий морской болезнью,— какой абсурд!

Все трое расхохотались, услышав такое смешное и нелепое предположение. Васко решил больше не рисковать и отказался от кофе. Он еле дождался, пока все кончат есть, и поспешно встал, давая понять, что обед завершен. На палубе депутат попытался удержать его:

— А если бы вы, капитан, обнаружили одного из революционеров в своей каюте? Как бы вы поступили? Выдали бы его полиции или сохранили все в тайне?

Как бы он поступил? Откуда он знает, как действовать в подобных случаях? Он не интересовался политикой с тех пор, как кончилось правление Жозе Марселино и убили дона Карлоса I, короля Португалии и Алгарве. Он не желает ничего знать обо всех этих революционерах и революциях, будь прокляты и Вашингтон Луис, и Жулио Престес, и Жетулио Варгас, ничто не помешает ему немедленно отправиться в свою каюту! Даже если бы сейчас появилась улыбающаяся сеньора с собачкой. Он хочет только одного — лечь, уткнуться головой в подушку и чтобы никто его не видел!

— Извините, сеньор. Мне необходимо занять свой пост на мостике. Взглянуть, как идут дела.

— Ну что ж, идите, а потом возвращайтесь — поговорим. Я буду в салоне.

Васко кинулся вверх по лестнице, дождь хлестал по офицерской палубе. Вдруг какая-то фигура преградила ему путь.

— Добрый вечер, капитан.

Это был судовой врач, он курил баиянскую сигару.

— Идете на мостик выкурить трубочку? Не предпочтете ли сигару?

Он вытащил из кармана кителя — черную, дурно пахнущую...

¹ Кажарана (или кажаманга) — бразильский фрукт.

- Премного благодарен, я курю только трубку...
- Вы родились здесь, в Баие?
- Да, здесь...
- И не любите сигары? Это преступление... — врач рассмеялся.
- Дело привычки. Извините, хочу немного вздремнуть.
- Так рано?
- День был тяжелый...
- Тогда спокойной ночи.

Ветер донес до него зловонный дым сигары, набежавшая волна сильно качнула судно. Васко ринулся к своей каюте, врач, к счастью, уже спустился вниз. К счастью, потому что Васко не успел добраться до желанной двери. Он перегнулся через борт и... казалось, он лишается не только чести, но и жизни, настал его последний час... Завачканный, униженный, жалкий, капитан в страхе огляделся — никого. Тогда он быстро вошел в каюту, запер дверь, свалился на койку, не в силах даже раздеться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Об «Ите», плывущей под солнцем, — почти фольклорная глава, которую надо читать под аккомпанемент песни Доривала Каймми «Сел на «Иту» на севере я»

В день Второго июля небо прояснилось. Солнце сияло, гладкая поверхность моря, разрезаемая высоким носом гордой «Иты», сверкала, как стальное полотнище. Капитан вышел из ванной и обнаружил на столе своей каюты кофе, который принес вежливый, постоянно улыбающийся слуга. Капитан решил, что вешать нос нет никаких причин, и всей грудью вдохнул морской воздух, как во времена своих плаваний в Азию и Австралию. Напевая одну из песенок танцовщицы Сорайи, где говорилось о море и моряках, он надел белую форму.

В салонах, на палубах, в коридорах толпились пассажиры. Пароходы «Ита» много лет подряд ходили вдоль бразильского побережья от Порто-Алегре до Белен-до-Пара и обратно. В ту пору еще не было самолетов, сокращающих время и расстояние и отнимающих у путешественников все очарование и поэтичность. Время тогда текло медленно, его меньше тратили понапрасну; никого не мучило бессмысленное нетерпение, никто не стре-

мился приехать как можно скорее, люди не так жадно спешили жить, ведь эта спешка делает наше существование убогим, бесцветным, наполняет его беготней, суматохой, усталостью...

Пароходы «Ита» были трех типов — большие, средние и малые; они несколько различались между собой по комфортабельности и скорости, но все выглядели одинаково веселыми, чистенькими, приятными. Путешествие на «Ите» — одно удовольствие: завязываются знакомства, дружеские отношения, возникают флирты, даже совершаются помолвки. Не найти лучшего места, где провести медовый месяц, жизнь на корабле — непрерывный праздник.

Большие пароходы «Ита» останавливались только в крупных портах — на линии от Рио на север они заходили в Салвадор, Ресифе, Натал, Форталезу и Белен. Средние включали в свой маршрут Викторину, Масейб, Сан-Луис. Маленькие шли долго, они заходили в Ильеус, и в Аракажу, и в Кабедело, и в Параибу. Пароход, которым командовал капитан дальнего плавания Васко Моско де Араган, был одним из самых больших.

На «Ите», как обычно, кипела жизнь, сновали пассажиры. Тут были политические деятели, едущие в свои избирательные округа или возвращающиеся из короткой поездки в Рио. (В связи с избирательной кампанией они пребывали в этом году в чрезвычайно возбужденном состоянии и были полны надежд и честолюбивых замыслов.) Коммерсанты и промышленники возвращались с семьями из путешествия в столицу, из увеселительной или деловой поездки. Девушки и дамы, гостившие у родственников в Рио или Сан-Пауло, ехали теперь домой. Возвращались из традиционной каникулярной поездки на юг компании студентов — юноши с хохотом вспоминали попойки, кабаре, прогулки, веселых женщин и в отдельных редких случаях красоты природы. Немало было и тяжелобольных или перенесших операцию людей, которые отправлялись на какую-нибудь прославленную больницу, рассчитывая на помощь науки и на заботы какого-нибудь врача с мировым именем, берущего за визит баснословные деньги. Ехали старые девы, мечтающие о женихе, который вынырнет вдруг из глубин моря; священники в отпуске; монахи, посланные в селву как миссионеры; столичные литераторы, ищущие поле деятельности, с чемоданами, набитыми сонетами и лекциями; чиновники «Банко до Бразил», переведенные в другой город, сгорающие желанием выведать все подробности о но-

вом месте службы. Были среди пассажиров и профессиональные игроки в покер, которые каждый раз садятся на другой пароход — то на «Иту», то на «Ару», то на «Ллойд Бразилейро». Здесь они обыгрывают владельцев плантаций какао, хлопка, пальм бабассу, скотопромышленников и сахарозаводчиков, впервые побывавших на незабываемых Пан-де-Асукар и Корковадо¹, в Копакабана и Ботафого², посетивших также Манге³ и «Ассирио» — кабаре в подвале муниципального театра. Коммивояжеры крупных фирм захватили в дорогу целый запас анекдотов и теперь выкладывали их, вдохновленные присутствием дам легкого поведения, изгоняемых, как правило, во второй класс. И, наконец, на «Ите» плыли фавендейро и коммерсанты, имеющие обыкновение чуть ли не с рассвета занимать места на палубах первого класса.

Это был один из тех пароходов «Ита», на которых спускались с Севера и с Северо-Востока политические и административные деятели, поэты и романисты, нищие и бесстрашные «кабеса-шата»⁴, прямодушные, гордо борющиеся с жизненными трудностями, полные огня, мечтаний и сил. Рожденные на бесплодных, засушливых землях или на высоких берегах великих рек с их буйными разливами, жители штатов Пара, Баия, Пернамбуко, Сеарá, Алагоас, Мараньян, Сержише, Пиауи, Рио-Гранде-до-Норте обладают даром импровизации и поразительной творческой фантазией. Именно они приспособили мелодию народной песенки к стихам известного поэта — певца красот Бразилии, а заодно и пароходов «Ита»:

Сел на «Иту» на Севере я,
Белен мой родимый, прощай,
Прощай, милая мама моя,
Еду в Рио, в далекий край!

Много лет назад они ехали на Юг, наверно, на такой же «Ите» в поисках счастья, богатства, успеха, власти или хотя бы возможности заработать на жизнь.

Теперь они возвращались домой под командованием и на попечении Васко.

¹ Пан-де-Асукар и Корковадо — горы в Рио-де-Жанейро.

² Копакабана и Ботафого — фешенебельные районы Рио-де-Жанейро.

³ Манге — район публичных домов в Рио-де-Жанейро.

⁴ «Кабеса-шата» — шутовское прозвище уроженцев Севера Бразилии.

Среди этих-то людей и расхаживал капитан Васко Москозо де Араган в своей девственно белой форме. Он побывал на капитанском мостике, где первый помощник сообщил ему, что все в порядке, новостей никаких, плавание идет нормально, в Ресифе они будут на следующее утро и, если капитан не возражает, отправятся дальше в 17 часов.

— Я уже сказал, что не желаю вносить никаких изменений и отдавать какие бы то ни было приказания, поскольку судно в надежных руках. Пойду пройдусь.

— Отлично, капитан. Ваше присутствие вызовет восторг пассажиров, они обожают разговаривать с капитаном и задавать ему вопросы.

Васко шел по судну, улыбаясь и любезно раскланиваясь направо и налево. Закурил трубку; если море не разбушует, это путешествие будет самым приятным воспоминанием в его жизни. Пассажиры сидели в пезлонгах, молодежь играла на палубе в пинг-понг и в гольф.

В салоне собрались игроки в покер. Капитан обвел взором столы, но увидел только одного знакомого — сенатора. Он направился к нему.

— А! Добрый день, капитан. Ну, как идет плавание? Уже известно, когда мы будем в Ресифе?

— Если богу будет угодно, утром станем на якорь. А в пять часов дня отправимся дальше.

— Мне как раз хватит времени, чтобы позавтракать с губернатором и обсудить с ним кое-какие политические проблемы. Он меня охотно слушает. Впрочем, все губернаторы северо-восточных штатов считаются с моим мнением и просят у меня советов. Это потому, что они знают, что Вашингтон Луис весьма расположен ко мне.

— Для меня честь иметь вас на борту, сенатор.— Капитан уселся на свободный стул рядом с парламентарием.— Честь и удовольствие.

— Спасибо. Отон остается в Ресифе...

— Кто?

— Депутат, который сидел слева от вас. Способный человек, но совсем сбился с толку. Связался с либеральным альянсом. Ведь это же безумие! И теперь он и ему подобные втягивают в это безумие Парамбу, а ведь штат маленький, подумайте только, он целиком зависит от президента республики. Поняли, что выборы проиграли, и выдумывают всякие перевороты и революции.

— Признаюсь, меня вчера немного встревожило пред-

положение, что на борту могут оказаться заговорщики...

— Молодой человек с будущим, но сам себе все портит. К тому же пьет, да и ни одной юбки видеть не может равнодушно. С самого утра крутится около актрис...

— Каких актрис?

— Они сели в Рио. Маленькая плохонькая труппа, едут давать спектакли в Ресифе. Четыре женщины и четверо мужчин. Женщины вчера не были в столовой. Поэтому вы их не видели.— Сенатор поджал губы.— Вот они, и Отон опять с ними. Посмотрите, разве прилично федеральному депутату так себя вести? Путается с актрисами... У всех на виду...

Капитан увидел трех смеющихся девушек, две из них были в длинных брюках, что считалось в те времена неслыханной смелостью, третья в легком прозрачном платье.

— А где же четвертая?

— Четвертая — старуха, она играет служанок... Должно быть, сидит и вяжет... Она целыми днями не выпускает спиц из рук.

Отон заметил сенатора и капитана, помахал рукой и подошел в сопровождении актрис.

— Познакомьтесь с нашим новым капитаном.

Сенатор кивнул, не вставая с места. Он не хотел, чтобы его видели с девицами из театра. Васко встал, поклонился и пожал девушкам руки.

— Очень приятно, капитан...— улыбнулась полногрудая шатенка, стоявшая рядом с Отоном.

— Скажите, сеньор капитан,— спросила белокурая хрупкая девушка с большими глазами,— неужели это страшное море будет опять так бесноваться, как вчера? Я первый раз путешествую по морю и в жизни никогда так плохо себя не чувствовала...

— Гарантирую вам отличную погоду до конца путешествия. Я закажу для сеньориты море из роз.

Не зря бывал капитан на балах во дворце и в пансионе «Монте-Карло», не зря скитался по морям, командуя большими пакетботами, возя пассажиров из Неаполя и Генуи на Восток. Он умел разговаривать с красивыми и изящными женщинами.

— Капитан просто прелесть...— сказала третья, с завитыми волосами и ямочками на щеках.

— Отон... Сеньор Отон нам рассказал, что вы объехали весь свет... И что у вас даже есть орден, это правда?

— Да, поплавал немало за сорок лет.

— Вы были в Голландии? — поинтересовалась та, что в ямочках, ее звали Режина.

— Да, сеньора...

— А вы не знали там одну семью — Ван Фриес? Они живут... подождите-ка, я вспомню... В Сасвангенте, кажется, так называется этот город.

— Ван Фриес? Что-то припоминаю... Я знал там главным образом судовладельцев и моряков. Ваши знакомые не имеют отношения к морю?

— Думаю, что нет... Теун говорил, что они разводят тюльпаны...

— А кто этот Теун, который разводит тюльпаны? — заинтересовался депутат, фамильярно взяв шатенку под руку.

— Это был ее возлюбленный... — объяснила хрупкая девушка.

Полногрудая шатенка бросила томный взгляд на Отона:

— Люди влюбляются, а потом страдают...

Сенатор поднялся: палуба начала заполняться пассажирами, и ему вовсе не хотелось у всех на глазах принимать участие в разговоре.

— Это самый интересный мужчина, какого я знала в жизни, — призналась Режина. — Я любила его безумно... Он был немного похож на вас, сеньор капитан, только он выше ростом...

— Видите, капитан? — рассмеялся депутат. — Вы одержали победу...

— И моложе, конечно...

— Стоит ли говорить о таком старике, как я...

— Ах! Оставьте, капитан, я не хотела вас обидеть. Вы совсем не стары, сеньор. Вы очень даже стройный и красивый.

— Капитан еще вполне может погубить женщину, испортить ей жизнь... — заметила худенькая девушка, провожая глазами сенатора, который скрылся в салоне.

— Я же говорю, капитан! Вы разбиваете сердца, — сказал Отон.

Девушки смеялись, радуясь солнечному утру и спокойствию на море.

— Когда у вас начинаются спектакли в Ресифе? — поинтересовался Васко.

— Завтра вечером, в Санта-Изабел.

— Жаль, что я не смогу увидеть вас на сцене. По-

бываю на обратном пути, если судно будет почевать в порту... Я хочу поаплодировать вам...

Громкий лай прервал его слова. Он обернулся и увидел красивую сеньору в коротком до колен платье, с обнаженными плечами, волосы ее были стянуты косынкой. Она ласково бранила собачку.

— Одевается так, будто ей пятнадцать лет,— заметила шатенка.

— И не расстается с собачонкой. Никогда не видела такой любви. Как будто это ее ребенок...

— Это больше, чем ребенок...— сказал депутат.

— А что это такое? — заинтересовалась та, что с ямочками.

— Я вам скажу на ушко...

— Мне...— попросила шатенка.

Отон прошептал что-то, прижимаясь ртом к уху шатенки, она закрыла рот рукой и, сдерживая смех, сказала с негодованием:

— Что за ужас, вы невозможный человек...

— Что он говорит? Скажи мне...

Васко поклонился даме, о которой судачили актрисы и депутат. Она улыбнулась в ответ, но тотчас же, заметив собеседников капитана, резко повернулась к ним спиной. Васко встревожился, он хотел подойти и помочь даме разложить шезлонг. Хрупкая девушка спросила:

— Вы тоже так думаете, капитан?

— Что, сеньорита?

— А вот что говорит сеньор Отон...

— Я не знаю, о чем речь... Простите...

Он поспешно подошел к даме и взял шезлонг, который она тщетно пыталась установить одной рукой: другая была занята собачкой.

— Разрешите мне, сеньора...

— Благодарю вас, я причинила вам беспокойство...

— Для меня это удовольствие, поверьте... Садитесь, пожалуйста.

Она села, положила собачку на колени, та скалила зубы и рычала на капитана, Васко прислонился к борту.

— Тише, Жасмин, надо относиться к капитану с почтением...

— Я не нравлюсь вашей собачке...

— Она так со всеми вначале. Ревнует меня. Потом привыкнет.— И прибавила насмешливо, с легким раздражением: — Ваши приятельницы соскучились, капитан. Видите, они на нас смотрят и, конечно, сплетничают...

Капитан посмотрел — актрисы и депутат смеялись, хрупкая девушка подмигнула ему.

— Они мне вовсе не приятельницы. Меня только что с ними познакомили.

— Называют себя актрисами, а похожи больше на женщин легкого поведения. Да и актрисы-то они жалкие! С самого Рио ведут себя просто скандально, все мужчины вертятся вокруг них. Вот этот сеньор Отон не отходит ни на минуту. Как будто, кроме них, здесь никого нет.

— Сеньора, несомненно, преувеличивает. Разве может кто-либо смотреть на другую женщину, если вы на корабле?

— Капитан, бога ради... Вы меня даже смутили.

— Вы тоже сойдете в Ресифе?

— Нет, я до Белена. Я там живу...— и она вздохнула.

Капитан уже успел взглянуть на ее руку, обручального кольца не было.

— Вы ездили прогуляться в Рио?

— В гости к сестре. Ее муж — инженер министерства путей сообщения.

— Вы не пожелали жить с ней вместе?

— Это невозможно. У сестры очень большая семья, у нее пятеро детей. Я живу с братом в Белене. Он тоже женат, но у него только двое детей.

— А вы?

— Я? — Она отвернулась и стала смотреть вдаль. — Я не хочу выходить замуж...

Наступило короткое молчание, Васко почувствовал, что сделал бестактность, может быть, даже был груб... Она сидела грустная, задумчивая...

— А вы? — спросила она в свою очередь. — Ваша семья живет в Баие?

— У меня нет семьи.

— Вы вдовец?

— Холостяк. У меня не было времени жениться. Морская жизнь, все время в плавании...

— Вы никогда и не думали о женитьбе? Никогда?

Капитан стиснул трубку в руке и поднял взор к бескрайнему небу:

— У меня не было времени...

— Только поэтому? Не больше?

Дама вздохнула еще раз, как бы желая дать понять, что причины ее одиночества гораздо более серьезны и печальны.

Вздохнул и капитан:

— Зачем вспоминать?

— Так и вы тоже? — и она снова вздохнула. — Очень грустно жить на свете.

— Да, грустно тому, кто одинок.

Вокруг актрис собралась большая группа мужчин, слышались смех, шутки. Палуба была полна, все шеэлонги заняты. Чета новобрачных прохаживалась, держась за руки. Собачка залаяла. Дама объявила:

— Я не верю мужчинам. Все они лицемеры.

Она была преподавательницей музыки, и звали ее Клотилде.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Капитан командует, дама вздыхает, метиска танцует, судно плывет, розы цветут, и девицы поют

Девицы легкого поведения разлеглись на нижней палубе, греясь на солнце, как ящерицы. Одни делали себе маникюр, другие расчесывали волосы или читали «Немую сцену» и «Искусство кино». Студенты спустились с палубы первого класса и ходили вокруг них, затевали разговоры. Один заиграл на гитаре, аккомпанируя девушке, которая запела популярную в то время песенку о выборах:

Сентор Тонико строил баррикаду
Из протокваши, из протокваши.
Ведь с паулистами бороться надо,
Ах, протокваша, ах, протокваша!
А паулист по улицам шагает
Ах, с пистолетом, ах, с пистолетом,
По протокваше бешено стреляет
Из пистолета, из пистолета.
Какой же результат, какой же результат?
Тянушка получилась, говорят.

Капитан с мостика поглядывал на палубу второго класса. Надо будет пойти туда, поговорить с этими людьми, ведь они тоже его пассажиры. Он не признавался себе, что в глубине души ему просто хотелось посидеть в приятной компании девиц легкого поведения: с юных лет, со времен веселых попок в пансионатах Салвадора и воображаемых приключений в безвестных портах, затерявшихся в Тихом океане, он хранил благодарное и теплое воспоминание об этих женщинах. Он умел с ними

разговаривать, и беседа шла легко: здесь не нужно было взвешивать каждое слово, как с пассажирками первого класса — девицами и дамами с положением, которые часто очень уж задирают нос. Он подумал, что, в сущности, пароход — то же общество, только в миниатюре, здесь представлены все его слои, начиная с верхов — богатых и могущественных людей, политических деятелей и банкиров и кончая дном — бедными женщинами, торгующими своей красотой. И он был всемогущим королем этого маленького государства, ведь капитан, бесспорно, самая высшая власть на корабле, его могущество безгранично.

В то же утро капитан в беседе с судовым комиссаром отважился на критическое замечание по поводу вчерашнего обеда. Этот суп, эта рыба — пусть комиссар простит его вмешательство, — они не годятся для обеда во время качки. На иностранных судах на подобные мелочи обращают должное внимание. Первый помощник, присутствовавший при разговоре, горячо поддержал капитана. Его пыл казался даже несколько чрезмерным для такого второстепенного вопроса.

— Вы совершенно правы, капитан. Эта ужасная ошибка ни в коем случае не должна повториться. Я всегда говорю: самое главное на судне, чтобы капитан имел опыт.

— Я не хотел бы вмешиваться... Но сенатор, например, почти ничего не попробовал, бедняга.

Комиссар слушал, нахмурившись, но, увидев решительность первого помощника, принял смиренный вид и извинился:

— В самом деле, капитан, я забыл справиться о прогнозе погоды, прежде чем утверждать меню. Больше этого не повторится. К тому же впредь я буду представлять меню вам на утверждение.

— Да, так лучше... — поддержал первый помощник.

— Нет, сеньоры, не нужно. Ни в коем случае. Повторяю, я не хочу ни во что вмешиваться, я здесь лишь...

— Вы капитан, сеньор.

Это ему понравилось, а также твердость первого помощника, — славный парень этот Жеир Матос, он даст о нем хороший отзыв в отчете о плавании.

За несколько часов плавания капитан стал популярен. Он беседовал то с одним, то с другим, сообщал данные о скорости судна — тринадцать миль в час (морских, конечно), — время прибытия в Ресифе, время отправления, а когда напоминали ему о его морских подвигах,

капитан отвечал скромно, однако не заставляя себя долго упрашивать.

И вот во второй половине дня в кают-компании вокруг него собралась целая группа, с увлечением слушающая его живописные рассказы о пережитых приключениях. Сначала капитан рассказал о буре в Бенгальском заливе, когда он вел английский торговое судно; команда почти сплошь состояла из индийцев. Корабль шел из Калькутты в Акьяб, что на бирманском побережье. Этот рейс вообще опасен из-за муссонов и волнений, вызываемых морскими течениями. Однако такой бешеной бури он еще никогда не видел, хотя ему не раз приходилось плавать в тех местах. Пожилые дамы отложили крючки и спицы, с тревогой слушая повествование. Можно ли считать петли, если в эту минуту капитан, рискуя жизнью, подвергаясь опасности быть смытым огромными высокими волнами, ползет по палубе, чтобы вытащить из-под обломков разбитой молнией мачты худого как скелет индийца с переломанными ногами и ребрами.

Старший офицер, проходивший мимо, остановился в дверях, закурил сигарету и стал слушать в почтительном молчании. Капитан, увлеченный рассказом, не заметил его... Появился механик, старший офицер позвал его, и оба стали слушать.

К вечеру Васко поднялся на капитанский мостик, там старший офицер, первый помощник, врач и другие оживленно обсуждали его приключения. Он услышал обрывок фразы:

— Полз по юту, как змея...

Увидев капитана, старший офицер замолчал, а первый помощник сказал:

— Чудесно, капитан. Мы здесь слушаем рассказы о ваших подвигах. Как-нибудь вечерком мы откупорим бутылку вина и вы нам расскажете о себе. Мы всю жизнь ходим только вдоль этого побережья, — он указал пальцем, — а тут ничего не случается. Вы, сеньор, расскажете нам о своих плаваниях со всеми подробностями...

— Все это такие пустяки, право, не стоит. Чтобы развлечь пассажиров, куда ни шло. Но вам, морякам...

— Мы не отстанем от вас, капитан. Мы настаиваем. Васко смотрел на девиц на нижней палубе. Оттуда доносился мягкий голос мулатки, она пела популярную песенку, полную политических намеков:

Сеньор Жулио придет.
К власти Жулио придет,

Если главный в Минасе
Проворонит...
Сеньор Жулио придет,
К власти Жулио придет,
Горько плакать мы будем тогда.

Он прошелся по палубам второго класса и спустился в третий. Там все кричало о потрясающей нищете — беженцы, эмигрировавшие в годы засухи в пресловутые южные края, где их якобы ждала работа и деньги, возвращались обратно на Северо-Восток. Надежда на перемену судьбы вела этих людей по дорогам каатинги, через сертан, через порожистые реки и степные равнины — к Сан-Пауло. Теперь у них осталось только одно желание — вернуться на ту бесплодную землю, где они родились, чтобы умереть в родном краю. Это было тяжкое зрелище, и капитан вернулся во второй класс, где звенели песенки и самбы.

Женщины, завидев капитана, принялись приводить себя в порядок, уселись прилично, одергивая платья на коленях, отталкивая студентов. Мулатка умолкла, только гитара все так же жалобно стонала. Капитан не хотел мешать веселью, у девушки был красивый голос. Он сказал: — Не стесняйтесь... Почему она перестала петь? Продолжайте, пожалуйста, я с удовольствием слушаю.

— Капитан — добрый человек, — рассмеялась одна из женщин, уже стареющая.

— И хороший товарищ, — заявил студент. — Накануне прибытия в Форталезу мы вам споем серенаду.

— Весьма благодарен, друг мой.

Однако женщины по-прежнему держались натянуто, а мулатка молчала. «Жаль», — подумал Васко, удаляясь.

Пассажиры первого класса, сменив после вечерней ванны рубашки с короткими рукавами и полотняные брюки на тонкие шерстяные костюмы, а легкие дневные платья на вечерние туалеты, появились на палубе. Ему тоже необходимо переодеться — облачиться в синюю форму.

Однако капитан не сразу ушел с палубы — навстречу ему легко двигалась Клотилде, надушенная, с великолепными локонами, завивка которых заняла, вероятно, немало времени, в пышном платье и с шелковой палью через руку. В глазах ее светилась печаль, но собачки (обнадеживающая деталь!) на этот раз с ней не было. Сердце капитана учащенно забилось. Клотилде заметила его

и помахала ручкой, что могло означать и приветствие и призыв. Капитан подошел:

— Вы прямо морская богиня...

— Капитан...— она прикрыла глаза шалью, но тут же опустила ее и сказала томно:

— Не хотите ли пройти для улучшения аппетита?

— Ничего иного и не желал бы. Но мне необходимо переодеться, чтобы на обеде быть достойным вашей красоты... Впрочем, если бы вы немного подождали, я зашел бы за вами в салон через несколько минут.

— Я буду ждать, а вы поспешите, сеньор льстец.

Когда он вернулся, в салоне надрывался расстроенный рояль — кто-то играл мелодию из «Богемы». Васко относился к серьезной музыке с почтением, не больше, и не отличался большими познаниями в этой области. Как-то раз полковник Педро де Аленкар затащил его в театр Сан-Жоан на оперу. Прогорающая итальянская труппа после неудачных гастролей по Латинской Америке забрела в Баию. Полковник обожал оперу, у него был патефон и множество пластинок с ариями в исполнении Карузо. Он убедил Васко, что судьба посылает ему единственную возможность послушать баритонов и теноров, известного баса, нежное сопрано и не менее нежное контральто и увидеть «Богему», во всей ее красоте. Васко согласился, хотя Жорж и Жеронимо всячески его отговаривали. Но для Васко это был лишний повод показаться в парадной форме и с орденом Христа. Они отправились. Скука была невыносимая и жара тоже; пот лил с них градом. Сопрано весило, наверно, не меньше ста двадцати кило, зато тенор был худ, как щепка. Васко с трудом удержал смех, когда грузная матрона закудаhtала:

Зовут меня Мими,
Но имя мое — Лючия.

Полковник Педро де Аленкар наслаждался, он знал почти всю оперу наизусть. Задыхавшись от жары, Васко ругал себя за тщеславие — ведь он согласился на приглашение только ради того, чтобы надеть форму и орден. Когда пышущее здоровьем дородное сопрано, избирая хрупкую чахоточную Мими, упало в объятия хилого тенора, который был явно не в состоянии удержать такую тяжесть, Васко не выдержал и расхохотался. Полковник пришел в негодование и обозвал его невеждой и ослом. С тех пор Васко держался на почтительном расстоянии от так называемой серьезной музыки, несомненно заслу-

живающей всяческого восхищения, но слишком возвышенной и недоступной его пониманию.

Он тотчас же узнал недоброй памяти арию из «Богемы» и не сбежал только потому, что Клотилде, в платье из тафты и с локонами, томный голос которой дарил целый мир надежд, ожидала его для предобеденной прогулки по палубе. Может быть, удастся не заходить в салон: ведь он капитан, и ему полагается задерживаться по делам, и таким образом можно не выражать восторга игрой пианиста. Он заглянул в салон через иллюминатор, стараясь не смотреть в тот угол, где стоял рояль, чтобы не встретиться глазами с пианистом. Однако Клотилде в салоне видно не было. Куда она могла уйти? Виртуоза, казалось, охватил порыв вдохновения, рояль звучал все громче. Куда же делась прекрасная дама? Капитан решил наконец взглянуть в сторону рояля и увидел Клотилде, не отнимая рук от клавиш, она улыбнулась ему, голова ее томно склонилась, локоны подскакивали в такт музыке. Ах, да, ведь она учительница музыки — это она рассказала ему утром, — но скромность, как известно, мать всех добродетелей, и, конечно, именно скромность заставила ее умолчать о своем мастерстве, о своем артистическом даре, о том, что она умеет исполнять даже классическую музыку. Он думал, что она из тех провинциальных учительниц, которые обучают девиц на выданье кое-как тренькать на колченогом рояле марши, самбы, какие-нибудь фокстроты и в самом лучшем случае — вальс. Он не ожидал, что она способна на большее, чем мило что-нибудь сыграть на семейной вечеринке. А между тем она, склонив голову набок и закатив глаза, встряхивает развившимися локонами и справляется с оперой. Она, оказывается, артистка! Капитан ощутил даже гордость и вошел в салон как раз вовремя, чтобы присоединиться к слушателям, которые наградили исполнительницу бурными аплодисментами (может быть, в благодарность за то, что она наконец захлопнула крышку рояля).

Капитан, подойдя к заслужившей овации пианистке, скромно прятывая лицо в шаль, протянул руки:

— Боже, какая красота! Какая звучность, какое совершенство! Незабываемые минуты!

— Вы любите классическую музыку?

— Люблю ли я?.. У меня целая коллекция пластинок, без хвастовства, одна из крупнейших в Баие, может быть, даже во всей Бразилии.

— А оперу?

— Обожаю. Когда я еще не был в отставке, в любом порту моей первой заботой было узнать, есть ли там оперный театр...

В продолжение всего разговора капитан держал руки Клотилде в своих. Вдруг она слегка вздрогнула и, спохватившись, отняла руки с нервным отрывистым смешком. Капитан невольно смутился, не зная, куда теперь девать свои руки.

Она возобновила прерванный разговор:

— Ну и рояль на вашем пароходе, никогда не встречала такого расстроенного.

— Неужели настолько скверный?

— Никуда не годится, просто неприятно играть.

— Я приму меры в Ресифе, велю позвать настройщика. А теперь пройдемся, как собирались?

Но было уже поздно, раздался гонг к обеду. Оба направились в ресторан, беседуя о «Богеме». Клотилде была без ума от Пуччини. Он заверил, что и его Пуччини восхищает и восторгает никак не меньше.

Прогулку по палубе совершили после обеда, до лото в салоне. Они шли не спеша, она — играя шалью, он — покуривая трубку, и разговаривали о Рио, которым она восхищалась, о Баие, которая, по его мнению, была неплохим городом, где славно живет, о Белене-до-Пара, где дождь идет каждый день в одно и то же время. Иногда беседу прерывал какой-нибудь пассажир, который здоровался с капитаном или спрашивал о чем-либо. Они поговорили о Ресифе, чьи пляжи очаровали ее. К сожалению, она плохо рассмотрела столицу Пернамбуку: шел проливной дождь, и к тому же с ней не было никого, кто показал бы ей достопримечательности города. Завтра будет иначе, сказала она, улыбаясь, теперь к ее услугам капитан, который покажет ей мосты и набережные, проспекты и парки.

— Но я тоже не знаю Ресифе.

— Как не знаете? Ведь вы же, капитан, вы, наверно, плавали в этих местах десятки раз.

— Конечно. Мне приходилось бывать здесь... Но у меня никогда не хватало времени как следует ознакомиться с городом. Я вряд ли способен служить вам чичероне. Я сказал, что не знаю Ресифе, это значит, что я знаю его мало. И прошло уже много лет с тех пор, как я был здесь в последний раз. Многое изменилось.

— Вы просто не желаете меня сопровождать. Может быть, у вас есть в Ресифе возлюбленная и вы не хотите,

чтобы вас увидели со мной?— И она снова рассмеялась своим волнующим, отрывистым смехом.

Капитан остановился и взял ее руку.

— Пожалуйста, не говорите так. Те времена давно миновали. С тех пор как я вышел в отставку, я никогда больше не взглянул ни на одну женщину и примирился с этим. Но теперь...

— Что?

К ним подошел один из пассажиров:

— Начинается лото. Мы ждем только вас, сеньор капитан.

Дама вздохнула. Васко тихонько сжал ее руку, и вместе с навязчивым пассажиром они направились в салон. Клотилде шла, машинально помахивая шалью и глядя на звездное небо, на зеленую воду... Капитан слушал бестактного пассажира, но мысли его были далеко, он ловил запах ее духов и все еще ощущал в своей руке ее дрожащую руку. Не дойдя до дверей салона, Клотилде споткнулась о трубу, пересекавшую палубу, и упала в объятия капитана. Он подхватил ее и на какую-то долю минуты очутился на вершине блаженства — ее грудь дышала у груди Васко, локоны щекотали его щеку, и он даже ощутил ее тепло.

За стол они сели рядом. Сенатор уже был тут. Положив перед собою две карты лото, он с упреком поглядывал на соседний стол. Там депутат Отон и актрисы шумели и громко требовали начала игры. Все пассажиры собрались в салоне. Полные дамы изо всех сил старались выразить свое возмущение, отворачиваясь с презрением от веселой компании. Дети хныкали, выпрашивая конфеты. Капитан тут же купил у слуги две карты — для себя и для Клотилде.

— Капитан, помогите мне отыскивать номера.

Комиссар стоял около рояля и, держа мешочек с фишками, объявлял призы — их всего было пять. Первым разыгрывался флакон одеколона. По знаку комиссара слуга показал его публике. Затем был продемонстрирован второй приз, на этот раз красивый серебряный чайник. Комиссар делал юмористические замечания, вызывавшие смех и реплики присутствующих, а слуга высоко поднимал чайник, чтобы все его видели. Далее следовала пепельница с гербом компании судоходства и изображением «Иты». Это был третий приз. Четвертый, на превосходное качество которого комиссар обратил внимание играющих; присуждался тому, кто первым заполнит всю карту. Приз

представлял собой вазу для печени, на которой были изображены дама и кавалер, они сидели, держась за руки, на софе в стиле Людовика XV. Этот шедевр в меццанском вкусе вызвал восторженные восклицания у сеньоров и сеньор, у девиц и молодых людей, у сенатора и Клотилде. Каждый горел желанием выиграть вазу, и слуга вынужден был переходить от стола к столу, так как все, начиная с актрис, хотели рассмотреть ее поближе. Клотилде вздохнула:

— Ах, мне бы ее выиграть...

Последняя премия оставалась тайной, было известно лишь, что это вещь еще более ценная и красивая, чем предыдущая. Она стояла на рояле — что-то квадратное, большое, похожее на ящик, завернутое в шелковую бумагу. Полные любопытства, пассажиры высказывали различные догадки. Комиссар попросил внимания — начинается розыгрыш первой премии. Потом он обратился к детишкам, к «этим ангелочкам», умоляя их немного помолчать и наконец начал выкликать номера. Фазендейро с эспаньолкой, выиграв одеколон, заявил под аплодисменты:

— Отвезу своей хозяйке в Крато...

Серебряный чайник достался тринадцатилетней девочке — после переигрывания: двое других игроков заполнили свои карты одновременно с ней. Пепельницу получила актриса-шатенка и тут же под осуждающими взорами добродетельных матерей семейств и сенатора подарила ее депутату. Наконец настал волнующий момент — розыгрыш приза за набор всей карты; тому, кто окажется здесь победителем, должна была достаться ваза, «эта прелесть, что совершенство, это произведение искусства, этот непревзойденный шедевр», как выразился комиссар.

Он начал выкликать номера среди напряженного молчания.

Клотилде, вздохи которой при каждом розыгрыше волновали капитана, разнервничалась до предела, она путала номера, и Васко позволялось то и дело дотрагиваться до ее руки, обращая ее внимание на объявленный номер, который она забыла отметить. Вдруг она заявила:

— Мне осталось закрыть всего один номер...

Но тут какой-то субъект, сидевший около рояля, воскликнул:

— Кончил!

Это был элегантно одетый, весьма разговорчивый тип, представившийся как капиталист, совершающий путешествие по столицам штатов, чтобы полюбоваться северными

ми пейзажами,— старая его мечта, которую ему наконец-то удалось осуществить. Однако морскими пейзажами он что-то не слишком интересовался, а проводил дни и ночи за покером, обыгрывая фазендейро и коммерсантов. Днем капитан зашел на несколько минут в салон и остановился посмотреть на игру. Он заметил, что элегантный капиталист начал волноваться; казалось, в присутствии Васко ему перестало везти, он начал проигрывать. Капитан был специалистом по покеру и, зная, что у игроков бывают всякие приметы, скромно удалился.

Клотилде так огорчилась, что готова была расплакаться.

— Из-за одного номера... А мне так хотелось выиграть эту вещь...

Васко утешал ее: если ей суждено владеть вазой, то она еще попадет в ее руки, не стоит печалиться.

— Но как же, ведь тот сеньор выиграл... Противный...— она топала ножкой и не смотрела на капитана.

У Васко возникла одна идея, но он решил пока ничего не говорить. Комиссар снова стал выкликать номера. Последний приз достался новобрачной, которая все время обнимала своего молодого мужа и целовалась с ним во всех уголках. Они без конца говорили друг другу — «моя малышка», «мой зверек», «мой обожаемый котеночек», что вызывало улыбки и лукавые замечания пассажиров. Все столпились вокруг и смотрели, как новобрачная развязывала пакет. В пакете оказался ящик, в ящике еще один пакет, а в нем снова ящик, снова пакет, еще ящик, и, наконец, в последнем маленьком пакетике — детская соска. Аплодисменты, смех и шутки обрушились на смущенно улыбавшуюся молодую женщину и растерявшегося супруга. Отон громко заявил:

— Судьба умеет выбирать...

Полногрудая шатенка тихонько добавила:

— Судя по тому, как у них идут дела, у нее родится по меньшей мере двойня...

Продолжая играть, капитан все время думал о том, как бы снова выйти с Клотилде на палубу погулять и побеседовать. Он был настроен лирически. Но только он собрался под предлогом жары предложить ей покинуть салон и выйти подышать бризом и полюбоваться звездами, как к их столу подошла целая компания молодежи.

— С вашего разрешения, капитан.— Они обратились к Клотилде: — Вы не согласились бы сыграть нам что-нибудь? Очень хочется танцевать...

Клотилде приняла важный, неприступный вид:

— Я не люблю играть танцевальную музыку. Я исполняю лишь свои любимые...

— Ах! Мы последний день на корабле, по крайней мере я,— умоляюще сказала очаровательная восемнадцатилетняя смуглянка из Пернамбуку.— Нам так хочется потанцевать.

Стоявший рядом с ней юноша просительно улыбался.

— Сыграйте же, будьте добренькой...— умоляла другая девушка, смуглая красивая метиска с распущенными черными волосами и блестящими глазами.

Они просили так настойчиво и казались такими юными, нежными, нетерпеливыми, что капитан растрогался. Он решил пожертвовать прогулкой и тоже обратился к Клотилде:

— Сыграйте, пожалуйста. Мне так нравится слушать вас...

— Ну хорошо... Раз вы хотите...

Она пошла к роялю, сопровождаемая радостно оживленной молодежью, и, усаживаясь, предупредила:

— Но только недолго... Меня ждет Жасмин...

Едва слышались первые звуки, как пернамбукская смуглянка закружилась в объятиях атлетически сложенного возлюбленного — они познакомились здесь, на пароходе, это была любовь с первого взгляда. Он ехал домой в Форталезу, где работал в банке, и обещал в конце года, когда его пошлют в Натал, заехать за ней в Ресифе.

Метиска с глубокими горящими глазами подошла к капитану и шутливо присела:

— Окажите мне честь, капитан, и разрешите пригласить вас на кадрили?

Васко поднялся и взял ее за руку, он был отменным танцором и славился своим мастерством еще в пансионе «Монте-Карло». Да что «Монте-Карло»! О его искусстве до сего дня вспоминают старые моряки по всему побережью Среднего и Дальнего Востока, Средиземного и Северного морей. Были в ходу две манеры танцевать: «страстно», тесно прижавшись друг к другу, щекоча к щеке (как танцевали в пансионе «Монте-Карло» и, конечно, в кабаре «Желтый дракон» в Гонконге и в таинственном подвале «Голубой Нил» в Александрии), или «чопорно» — едва касаясь пальцами спины дамы, держась очень прямо, на расстоянии от дамы не меньше, чем в ладонь, и ведя во время танца беседу. Так танцевали на празднествах во дворце, на великосветских приемах в

Бабе и еще на балах, устраивавшихся на больших накетботах, плававших между Европой и Австралией. И именно так начал капитан свой танец с блиставшей манящей порочной красотой девушкой, в жилах которой текла индейская кровь. Почему эта метиска напоминала ему Дороти, ведь они совсем не похожи! И все-таки было что-то общее между женщиной легкого поведения из Фейраде-Сант-Ана и сеньоритой из Белена: беспокойные, с золотистым отливом глаза, страстность, прорывающаяся в каждом, даже самом простом жесте, неуемная жажда любви.

Вдруг метиска, закрыв глаза и закусив нижнюю губу, прижалась к Васко, ее грудь касалась его груди, распущенные волосы щекотали его лицо. Васко испугался. Клотилде, сидя за роялем, нахмурившись, наблюдала за ними. Капитан хотел отстранить это страстное тело, но напрасно. Он испытывал то же чувство унижения, что в свое время с Дороти. Ведь он понимал, что не ему, седому шестидесятилетнему старику, она отдается в танце. Ей нужен мужчина, просто мужчина, ни возраст, ни цвет кожи, ни красота не имеют никакого значения...

К счастью, музыка длилась недолго. Клотилде оборвала игру, пары разъединились. Васко поблагодарил свою даму:

— Большое спасибо, сеньорита.

— Вы хорошо танцуете, капитан. Это я должна вас благодарить.

Он подошел к роялю. Клотилде сказала:

— Вы ради этого просили меня играть, не так ли?

Совершить прогулку так и не удалось. Когда Клотилде наконец дали подняться из-за рояля, была уже полночь, и она беспокоилась о собачке, которая оставалась в каюте одна. Договорились завтра пойти вместе осматривать Ресифе. Клотилде немного дулась и назвала метиску бесстыдницей.

Васко отправился в игорный зал. Молодые люди играли в кинг, за тремя покерными столами также царил оживление. Там блистал капиталист, совершающий увеселительную прогулку, возле него на стуле стояла знаменитая ваза для печенья. Коммерсанты и фазендейро проигрывали. Васко взял стул и сел рядом с удачливым игроком.

— Разрешите?

— Конечно, капитан, пожалуйста...— ответил один из фазендейро.

— Вы играете, капитан? — спросил выигравший капиталист.

— Нет, я ничего не понимаю в покере. Но смотреть люблю... Кто же выигрывает?

— Разве вы не видите? — сказал другой фазендейро. — Сеньор Стенио. Никогда не встречал такого удачливого игрока! Берет ставку за ставкой.

Упомянутый сеньор Стенио засмеялся, может быть, довольный тем, что капитан ничего не смыслит в покере. Васко сидел рядом и время от времени задавал какой-либо idiotский вопрос. А сам между тем внимательно следил, как Стенио сдает карты.

— Вы в каком порту сходите, сеньор Стенио?

— В Белене. Я пробуду там несколько дней, а оттуда, возможно, поеду в Манаус на «Ватикане». Вернусь же, вероятно, на «Адмирале Жасегуай» Ллойда. Ваши тридцать два, и еще шестьдесят четыре, — прибавил он, обращаясь к фазендейро.

Около половины второго ночи один из партнеров, проигрыш которого достиг несколько конто, предложил разгонный круг.

Васко присутствовал при расчетах и прощании. Один из фазендейро сходил в Ресифе, он жалел, что не может продолжать путешествие, чтобы отыграть. Сеньор Стенио положил выигранные деньги в карман и хотел взять вазу, чтобы отнести ее к себе в каюту. Но капитан, подождав, пока остальные партнеры уйдут, остановил его:

— Еще рано. Давайте поговорим, сеньор...

— Мне до смерти хочется спать, капитан. Лучше завтра.

— Сегодня и немедленно. Слушайте, вы, бродячий шулер, до Белена вам не доехать, ваше путешествие кончится в Ресифе...

— Но, капитан, что это значит?

— То, что я вам говорю. Я играю в покер чуть ли не с рождения, мой дорогой. Я сорок лет плаваю по морям, командовал двадцатью пароходами в Азии и знаю всерьез профессиональных игроков на всех судах... А вы незаметно сойдете в Ресифе, если не хотите очутиться за решеткой...

— Но я заплатил за билет...

— Хорошо поместили капитал, он уже дал вам сверхприбыль. Итак?

— Если вы, сеньор, приказываете... — он не спорил, таковы правила игры, он подождет другого судна, чтобы добраться до Белена.

Васко поднялся и взял фарфоровую вазу:

— Спокойной ночи...

— Но, капитан, извините, эта штука... она же моя...

— Какая штука?

— Вот эта красивая вещьца... Я ее выиграл в лото, мне просто везло. Честно.

— Честно? Может быть... Но она приносит страшные неудачи в покере. Вы сами могли в этом убедиться... Пусть лучше она останется у меня.

Ловкий профессионал был вне себя от досады: ведь принес же черт вместо умершего капитана такого вот старого моряка, который знает до тонкостей все уловки шулеров! Он пожал плечами и смирился. Что ж, придется попробовать в Ресифе, там, наверно, найдутся сахарозаводчики, которые купаются в деньгах и помешаны на покере. Он жалел только о фарфоровой вазе с влюбленными на софе, такая красивая вещь, он собирался подарить ее Даниале, жене... Шулер был женат, имел четырех очаровательных детей — двух мальчиков и двух девочек, — обожал свою семью и был самым лучшим на свете отцом и мужем.

Капитан вздохнул, взял вазу для печенья и вышел на темную палубу, где гулял ветер.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О том, как капитан погрузился в глубокое раздумье, и о том, что ему довелось увидеть под сенью спасательной шлюпки

В это раннее утро капитан осторожно поставил рядом с собой на палубу вазу для печенья и погрузился в глубокое раздумье. Время от времени он отрывал взгляд от бледных звезд, которые всегда располагают человека к задумчивости, и смотрел на влюбленных, изображенных на вазе. Всю жизнь прожил он в одиночестве, в долгом ожидании. Вот так, среди бесконечной водной пустыни, среди ветров и блуждающих огней, плывя из порта в порт, покурявая трубку. Он переходил с одного судна на другое, от одной женщины к другой. Его единственное пристанище — узкая койка моряка. В его жизни не было такого дня, когда он приплыл бы в гавань, где ждет такнывающая от тоски жена и детишки бросаются ему на шею, ожидая подарков, привезенных из далеких стран, полных чудес. Ни в одном порту у него не было дома, и негде ему преклонить усталую голову. Он одинок в этом мире, у него нет никого, только корабль да море.

А разве может человек всегда жить один? Дом на

Баррис никогда не был для него домашним очагом с того самого времени, как умерли отец и мать. Их образы изгладились из его памяти. Он вырос в конторе и на складе, среди тюков и накладных, среди вяленого мяса и писем клиентов. Первые ростки чувства, пугливый взгляд, робкая улыбка, взмах руки или торопливое пожатие, поцелуй, сорванный в темноте у порога,— ничего этого у него не было... ни в конторе, ни в море, когда бедный юнга издали любовался прекрасными гордыми пассажирками. После смерти деда Васко получил свободу, но ему было тогда уже около тридцати лет. Время романтики, вздохов, сладких мук и цветущих девушек прошло навсегда. Он был одинок даже в компании приятелей, а когда наконец почувствовал себя им равным, они исчезли с его горизонта. Женщины уходили так же, как друзья. Некоторые задерживались на более долгий срок. Дороти оставила свое имя и сердце на его руке, и все же они были всего только пассажирками на трансатлантическом пароходе, который все плыл и плыл, продолжая свой вечный путь по бескрайним морским просторам. Чего стоят все приключения, все связи и интрижки в пансионатах, страстные увлечения и иступленные ночи в таинственных туманах порта? Любовь, верная любовь, на основе которой создается семейный очаг, любовь, которая продолжается в детях и увековечивает имя человека... Нежная привязанность жены, звонкий голос сынишки, кудрявая головка, прильнувшая к его широкой груди... Да, он никогда не знал такой любви, не хватало времени, ведь он всегда в плавании, на торговых судах и пакетботах... то в своем доме на Баррис, то в пансионатах. Один на судне, в вечной борьбе с морем, с кораблекрушениями, бурями, морскими течениями, циклонами и ветрами.

И вот сейчас, в последнем плавании он потерпел кораблекрушение. Потому что он знает — это его последнее плавание, он не вернется больше на качающуюся палубу и лишь с высоких скал Перипери будет смотреть в подворную трубу, как приходят и уходят корабли. И чувствовал себя все более одиоком, согбенным под бременем воспоминаний о жизни, полной опасностей и приключений. И около него нет никого, кто согласился бы разделить его ношу, ему некуда преклонить голову и не на кого надеяться, кроме старой угрюмой кухарки. Он одинок и беспомощен, как в те далекие времена юности, когда он искал утешения на плече негритянки Розы в комнате без окон в доме на Ладейра-да-Монтања.

Да, жизнь капитана прекрасна и достойна зависти: когда он командует судном, как Васко сейчас командует «Итой», сколько людей зависит от него, одни беззаботно смеются, другие полны безумных надежд... Сколько судеб держит он в своей сильной руке! Важные политические деятели, богатые землевладельцы и промышленники, скромные замужние женщины, смирившиеся с повседневной скукой существования, и погибшие создания, которым закрыты все пути, которые живут только сегодняшним днем, юноши и девушки, только начинающие жить, и шулера, каждую минуту рискующие своей свободой,— все они зависят от него, от его приказаний.

Капитан не имеет даже права проявлять свои симпатии, он неуклонно выполняет свой долг. Ему, например, всегда нравились профессиональные игроки, их трудная жизнь полна риска: крапленые карты, плутовство, передержки — все зависит от ловкости рук и изворотливости ума. В годы своей разгульной молодости Васко был знаком со многими шулерами, с некоторыми ему приходилось иметь дело, и он убедился, что они щедрьы, по-своему честны и умеют терпеливо переносить поражение; ведь достаточно незначительного просчета, и постоянно висящая над головою угроза превращается в реальность — оскорбления, побои, тюрьма. В часы веселых попок Васко учился у шулеров разным махинациям. Не будь он сейчас капитаном, командующим судном и выполняющим свой долг, Стенио спокойно продолжал бы очищать карманы фазендейро, промышленников, коммерсантов и сахарозаводчиков — какое ему, Васко, было бы до этого дело? Он только улыбнулся бы, может быть, даже подмигнул бы: как сообщник, ловкому шулеру. Но капитан не может поступать, как ему заблагорассудится, и руководиться своими симпатиями. Он обязан защищать пассажиров не только от опасностей, которые сулит море, но и от превратностей жизни.

Правда, Васко отнял у Стенио фарфоровую вазу с розовыми влюбленными, держащимися за руки, хотя тот выиграл ее честно, без обмана — просто ему повезло. Но зачем Стенио этот шедевр? Наверно, и у него, как у капитана, нет ни дома, ни семьи, и он скитается по жизни, гонимый ветрами, и не может найти тихой пристани, где можно было бы отдохнуть. Он оставил бы это чудо в руках первой попавшейся женщины. А Клотилде так хотелось получить вазу...

Есть ли еще время? Не поздно ли? Разорвать оковы одиночества, покончить с долгим ожиданием... Ему шестьдесят, у него седая голова, нет уже прежней силы, он не мог бы теперь таскать тюки с вяленным мясом и треской и бочонки сливочного масла, не удержал бы в руках штурвала во время бури, а ведь он был несравненным рулевым. Но он удивительно крепок для своего возраста, а сердце его — все то же, сердце юноши, не знавшего юности, верное сердце, жаждущее последней, большой любви. Да, время еще есть, есть дом с зелеными ставнями, с окнами, выходящими на море, и в этом доме не хватает хозяйки; есть холостяк, перед которым еще целая жизнь и которому надо обдумать прошлое, и некому ему в этом помочь. Нет руки, на которую можно было бы опереться, когда дорога станет тяжелее. Надолго ли еще у него хватит сил не вешать носа, не склоняться перед несчастьем, не сдаваться в плен гнетущей тоске? Ах! Если бы Клотилде с ее благородной осанкой и любовью к музыке, с ее зрелой и томной грацией, локонами и отрывистым смехом согласилась переселиться в предместье Перипери, перевезти туда свой рояль и оживить его усталое сердце цветением новой любви! Да! Есть еще время разбить стены тюрьмы и посадить цветущий сад в тихой гавани, куда он пристанет, окончив свое последнее плавание. Разница в возрасте не так уж велика,— по его расчетам, Клотилде около сорока пяти...

Только сейчас, встретив ее, он понял, как пуста его одинокая жизнь — сплошное бесконечное ожидание.

На другом конце палубы, в тени спасательной шлюпки послышался приглушенный шепот, потом как будто бы стоны. Капитан не спит, он всегда на посту — Васко напряг слух, привыкший к тишине и голосам моря, и тихонько приблизился. Под сенью шлюпки он увидел хрупкую артистку и целомудренного сенатора в весьма фривольных позах и полураздетых.

Капитан отошел, продолжая размышлять. Во имя торжества справедливости он должен действовать непреклонно и строго — так же, как по отношению к профессиональному игроку в покер. Следует вырвать их из объятий друг друга и потребовать, чтобы один из отцов государства вел себя прилично на борту его судна. Но капитану полагается быть гибким, уметь избежать скандала, чтобы не уронить престиж своего корабля. И потом, может ли он, человек, переживший столько любовных приключений, сердиться на влюбленных, даже если эта лю-

бовь мимолетна и продлится ровно столько, сколько длится священное празднество плоти? Он снова прислонился к борту и вспомнил другого капитана — военного моряка Жоржа Диаса Надро. Однажды Жоржу донесли, что одного из матросов застигли в порту «на месте преступления» с какой-то мулаткой. Капитан Надро рассмеялся и сказал: «Идите, жалуйтесть епископу, я не могу сажать людей под замок за такие вещи». А он сам, капитан Васко Москово де Араган, разве не на юте собственного судна держал в объятиях в ту безумную ночь трепещущее тело Дороты, которую страстно любил?

И разве не мечтал он только что здесь же, на палубе корабля, взять руки Клотилде в свои, погладить ее волосы, шепнуть ей на ухо слова любви, прижаться устами к ее устам при свете этой затерянной звезды?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О том, как наши «юные» влюбленные бродили по мостам и улицам Ресифе, и об одной неожиданной мимолетной встрече

Он купил ей мангабы и сапоти на Новой улице, желтые кажа, зеленые умбу на улице Авроры, красные питанги на улице Покоя, угостил кокосовым молоком на набережной Счастливого Путешествия. Клотилде оказалась большой любительницей фруктов, распространенных на Северо-Востоке — манги и кажа, разных сортов абакаши, абиу кажаран, гуйявы, араса. Она шла чуть ли не вприпрыжку, забыв о своей полной достоинства осанке, капитан нес за ней ненужный зонтик. Они бродили по мостам, площадям и улицам, как юные влюбленные, смеялись, сами не зная чему, «пара старых шутов», по выражению встречной женщины, которая очень спешила и была почти оскорблена веселым расположением духа капитана и его спутницы.

Актрисы и депутат из Параибы сошли с корабля этим утром. Сеньор Стенио был очарован видом Ресифе. Он решил прервать путешествие, чтобы задержаться здесь на несколько дней и получше ознакомиться с городом, о чем и сообщил пассажирам. Ступив на трап, он отыскал глазами капитана и посмотрел на него с упреком. Не потому, что капитан разоблачил его, — нет, здесь он как раз проявил великодушие — не сдал его полиции, ничего не сказал обманутым фазендейро. Упрек относился к поведению капитана в истории с вазой для печенья. Попробуй

достань где-нибудь теперь такую красивую вещь, а он хотел подарить ее жене. Сошли в Ресифе и многие другие, «Ита» принимала и высаживала пассажиров в каждом порту. Покинула пароход и смуглая девушка, родные встретили ее в гавани. Ей путешествие показалось слишком коротким, тут же, на пристани, она представила атлетически сложенного банковского чиновника родителям, теткам и дядьям. К концу дня, перед отправлением парохода, она придет попрощаться с возлюбленным и ее глаза с тоской будут смотреть вслед судну.

Капитан подписал бумаги, принесенные первым помощником, и стал искать Клотилде. Она была уже на пристани вместе с другими пассажирами. Пошли в город все вместе. Васко не скрывал своего разочарования. Он надеялся всю первую половину дня пробыть наедине с Клотилде, ведь ему надо вернуться на корабль сравнительно рано и подписать еще кое-какие бумаги. А теперь они оказались окруженными крикливыми пассажирами с целой кучей вопящих ребятишек, все они задавали капитану глупейшие, нелепейшие вопросы, как будто он какая-то ходячая энциклопедия и обязан знать не только улицы, рестораны и бары Ресифе, но даже цены на все товары, включая пеленки для новорожденных.

Не могли же они с Клотилде вести себя, как новобрачные, те чувствовали себя как в раю и держались так, будто вокруг них не было ни души — бесконечные поцелуи, объятия, ласки; впрочем, все это с дозволения государства и церкви, ведь они прошли через судью и священника.

В начале прогулки по городу Васко проклинал все на свете. Вдобавок еще Жасмин, существование которого он считал единственным недостатком Клотилде, вырвался из рук хозяйки, чтобы участвовать, явно без всякой надежды на успех, в развернувшейся на тенистой центральной площади борьбе за любовь дамы из породы фокстерьеров довольно крупного размера и далеко не чистых кровей. Как видно, Жасмин рассчитывал пленить красавицу, которая была втрое больше его, своим восточным происхождением и экзотической красотой. Иначе как бы он мог соперничать с боксером, скалившим клыки, с фоксом, намеренным, как видно, защищать свои права супруга, и с еще двумя претендентами? Один из них, огромный, помесь дворняги с датским догом, яростно рычал на боксера, другой, чистейший дворняга с циничным взглядом и симпатичной мордой, выглядел самым отъявленным мо-

шенником в мире. Этот пес и фокс-супруг стояли в стороне, ожидая результата битвы, развернувшейся между двумя отважными бойцами — боксером и огромным дворнягой. Наиболее вероятным казался ничейный исход при взаимном уничтожении обоих соперников, тогда их имена были бы вычеркнуты из списка претендентов. Фокс и меньший дворняга уже готовились ко второй схватке, которая решила бы исход дела. Сама же красавица была, похоже, в восторге от этой борьбы за ее благосклонность. Она легкомысленно воодушевляла всех, в том числе и супруга.

Положение резко изменилось, когда Жасмин выставил свою кандидатуру, эффектным прыжком врезавшись в самую гущу драки. Все четверо с рычанием бросились на нового соперника. Тщеславная красотка улыбнулась и ему. На минуту Васко с радостью уверовал в то, что пес Клотилде будет тотчас же разорван на куски боксером и метисом при энергичной помощи фокса и маленького дворняги. Но, к сожалению, этого не случилось. Влюбленным всегда свойственна медлительность, они не решились вступить в драку и только рычали, скалили зубы и время от времени лаiali. Впрочем, громче всех тьявкали отважный Жасмин.

Увидев Жасмина в окружении целой своры, одного против четырех сильных бойцов, Клотилде чуть не упала в обморок. Она протянула руки и истерически закричала: «Жасмин, Жасмин!» — после чего, задыхаясь, почти без чувств, упала на скамью.

— Ради бога, спасите бедняжку! — простонала она, обращаясь к капитану. Отчаяние в ее голосе и взгляд, полный мольбы, заставили Васко решиться на безумный подвиг — вырвать из клубка, где царят ненависть и любовь, бесстрашного песика, чья храбрость граничит с дерзостью. Васко поднял с земли обломанный сук и под душераздирающие вопли Клотилде двинулся на собак, словно средневековый рыцарь, по велению дамы поражающий копьём семиголового огнедышащего дракона.

Неожиданное вторжение Васко вызвало смятение и переполох. Боксер отвлекся на миг от противника и отступил на шаг, чем большой дворняга тут же воспользовался — атаковал его сзади. Жасмин, поняв, что капитан явился к нему на помощь, бросился на фокса, и оба упали на клумбу. Пронырливый маленький дворняга, улучив минуту, утащил даму, из-за которой шел бой, в тихий ближайший переулок, вполне подходящий для любви. Капитану удалось схватить конец кожаного по-

водка и вырвать Жасмина из зубов фокса. Последний с растерянным видом кинулся на поиски супруги. Наконец он учуял ее след и ворвался в переулок, но поздно: появление на свет метисов было уже обеспечено.

Клотилде даже не поблагодарила капитана. Она прижимала своего песика к груди и к лицу, целовала его исцарапанную мордочку, ощупывала, все ли кости у него целы. Ее больше не интересовала страшная битва между боксером и бывшим дворнягой. Они продолжали борьбу с прежним пылом, хотя надежда на то, что нежная возлюбленная будет зализывать раны победителя, исчезла.

Однако все, что ни случается в мире, даже самое скверное, имеет свои положительные стороны. После собачьего чемпионата, доставившего немало веселых минут пассажирам и коварным уличным мальчишкам, Клотилде решила отнести Жасмина обратно на судно — в городе слишком много соблазнов и опасностей для бедного невинного песика. Так они и сделали, в результате чего Васко освободился от стесняющей и неприятной компании пассажиров.

Так как полдень был уже близок, они решили дожидаться звонка к завтраку. Клотилде смазала йодом следы от зубов фокса на лапке Жасмина.

После завтрака, несмотря на жару, отправились гулять по городу, подобно двум юным влюбленным. Клотилде уже оправилась от утренних тревожений из-за собаки, и теперь капитан поднялся в ее мнению, так как проявил мужество и тотчас же откликнулся на ее мольбу.

Побродив по улицам и площадям, они завершили прогулку в кафе, где Клотилде, отчаянная лакомка, вздумала перепробовать все сорта мороженого, чтобы сравнить их с мороженым Белена, лучшим в мире, по ее мнению. Васко был в восторге от ее аппетита. И вдруг сердце у него замерло: недалеко от Императорского мостика (кафе находилось на улице Зари, и старый благородный мост был оттуда хорошо виден) Васко заметил в толпе полную сеньору, одетую в черное и в черной шали на седых волосах; она вела за руку ребенка. Он видел ее лицо всего какое-то мгновение, но все равно, сомнений нет — эта старая, нежная бабушка, улыбающаяся внуку, была Карол. Васко забыл о сидевшей рядом спутнице, о том, что он капитан на действительной службе, о мороженом, за которое еще не заплачено... Он бросился к дверям и побежал по направлению к улице Императрицы, где исчезло мимолетное видение. Он не догнал Карол, хотя и

звал ее так громко, что прохожие оборачивались. Тут Васко спохватился, что покинул Клотилде одну в кафе, и поспешил вернуться.

Она была рассержена и не хотела даже разговаривать с ним. Васко пытался объяснить ей, что произошло, но у нее была своя версия. Почему он сразу не сказал, что разыскивает здесь свою старую любовь, адрес которой, конечно, изменился? Когда они ходили по улицам и мостам, мысли его были далеко, он все заглядывал встречным в лица...

— Не думайте так. Мне действительно показалось, что я увидел человека, от которого не имею вестей почти двадцать лет. Когда-нибудь я, может быть, расскажу вам все. Сейчас не стоит.

— Это женщина?

— Какая там женщина... Приятель, штурман, десять лет мы служили вместе. Мы были так близки, почти как братья... Ему пришлось покинуть службу в связи со смертью родственника в Гараньюнсе, провинциальном городе. Тот оставил ему наследство, и я никогда больше о нем ничего не слышал...

Клотилде должна простить его волнение, ему почувдилось в толпе на мосту лицо потерянного друга. Они были как братья и так привязаны друг к другу, что когда один увольнялся с судна, то и другой уходил тоже..

Чем сильнее размолвка влюбленных, тем нежнее примирение. Они вышли из кафе и, держась за руки, направились к порту. Клотилде всплакнула, пролила пару слезинок, которые он вытер шелковым платком с вышитым на уголке якорем. Когда в дверях он взял ее за руку, чтобы помочь спуститься на одну ступеньку, она не отняла ее, и в молчании, которое выразительнее всяких слов, они пошли к порту, где «Ита» принимала груз и пассажиров.

С капитанского мостика первый помощник и старший офицер видели, как они, взявшись за руки, идут подпрыгивающей танцующей походкой и их лица, освещенные солнцем, сияют счастьем.

— Твой капитан трудится, не щадя сил...— смеясь, сказал старший офицер.

Жеир Матос, первый помощник, отвечал:

— А где еще найдешь такого дотошного капитана, который бы так здорово всем распоряжался? Только Америко мог откопать такую жемчужину...

— И при том морскую жемчужину... Жемчужину

Японского моря. Китайского и всех прочих восточных морей.

Мощные краны поднимали мешки с сахаром, докеры-негры укладывали грузы в трюм.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

где рассказчик прерывает историю без всякого предлога, но в сильнейшем волнении

Простите меня, сеньоры, за то, что я прерываю на время свой рассказ, а также за ошибки, случайно допущенные в предыдущих главах. Если я еще пишу, несмотря на все, так это только потому, что срок, назначенный для сдачи рукописей, перепечатанных на машинке, истекает через несколько дней. Но я сам не знаю, о чем пишу,— как тут думать о стиле и о грамматике, если в эту минуту мир грозит обрушиться на меня?

Но я не имею в виду атомную или водородную бомбу, не говорю о холодной войне, о проблемах Берлина, Лаоса, Конго и Кубы или о базе на Луне, с которой можно разбомбить весь мир. Если такое случится, то мы погибнем все сразу, а чужая беда, как известно, утешает и заставляет забыть о своей. Я только хотел бы точно знать час, когда все это будет, чтобы улечься с Дондокой в постель и умереть около нее.

Но в данный момент я имею в виду то, что произошло здесь, в Перипери, совсем недавно, сразу же после встречи Нового года, в первые праздничные дни 1961 года, на который я возлагал столько надежд. Я рассчитывал получить славу и деньги благодаря этой моей работе, я наслаждался тихой радостью, покоем и миром, которые царили в доме в переулке Трех Бабочек, где по вечерам Дондока принимала почтенного судью, а ночами — вашего покорного слугу.

Но он узнал все — и теперь конец моей сладкой, даровой жизни. Великое смятение воцарилось в трех душах, истерзанных страстью и ревностью, поднялся вихрь взаимных обвинений, лихорадочно составлялись планы мести. Чего только не было... Крики, ругательства, оскорбления, упреки, разоблачения, оправдания, мольбы о прощении, разрыв отношений, угрозы отменить месячное содержание и лишить подарков, слезы, взгляды, полные то мольбы, то смертельной ненависти, клятвы отомстить и даже побои.

Как историк, ревностно относящийся к своим обязанностям, я должен рассказать все по порядку, но не знаю смогу ли, так как сердце у меня разбито и голова адски болит. Впрочем, головной болью полагается страдать сеньору Сикейре, ведь в конце концов развесистые рога растут на его лбу, а не на моем. Это должно бы, казалось, утешать меня. Однако не утешает. Как утешиться, если надо мною нависла угроза лишиться моей Дондоки, никогда не встречаться с ней, не слышать ее пленительного хрустального смеха, ее нежного голоса, которым она просит рассказать еще какую-нибудь историю про сеньора капитана.

Это случилось внезапно, хотя недоверие уже давно носилось в воздухе, чувствовалось во взглядах юриста, в его поведении. Я упоминал ранее о том, что судья изменил свое отношение ко мне и Дондоке. Бедная раненая птичка! Со мной он стал особенно суров и холоден, глядел пристально и строго, не смягчаясь от моих многочисленных дифирамбов, а ведь раньше он иногда даже хвалил меня за сделанный мной вклад в литературу. Хотя я дошел до самой беспардонной лести и даже, сделав над собой невероятное усилие, восхитился ужасной полосатой пижамой — рождественский подарок Цеппелина, — которую почтенный судья обновил на днях, он все равно не переставал дуться. Мы с Дондокой обеспокоились и стали крайне осторожны. Я старался не сопровождать сеньора Сикейру во время его вечерних посещений нашей возлюбленной. Прежде я заходил к ней вместе с ним или сразу же после его прихода выпить чашечку кофе и перекинуться несколькими словами. Затем я скромно удалялся, так как он жаловался на большие расходы, и я все-таки признавал за ним известные права — не мог же я сидеть целый вечер и мешать им. И, кроме того, мне надо было заниматься своим историческим исследованием, редактировать рукопись. Потом я вообще перестал появляться у Дондоки, когда там бывал судья. Я ушел в подполье и виделся с почтенным юристом только по вечерам, возле его дома, куда приходил побеседовать с ним, также проверить, не отправился ли он к Дондоке. Впрочем, за каждым шагом благородного жреца правосудия неусыпно следила его достойная супруга, дона Эрнестина, которую шутники прозвали Цеппелином.

Однако все это не помогло. Четыре дня назад, жарким вечером, именно в ту минуту, когда я, растянувшись на постели, лакомился грушами, привезенными судьей на

Баби, а Дондока, склонясь надо мной, целовала меня то в глаз, то в ухо, дверь распахнулась, и на пороге появился уважаемый сеньор Алберто Сякейра, в фетровой шляпе, с опущенными полями и в темных очках. С сатанинским смехом он мрачно возгласил:

— Так, значит, это правда!

Действительно, многое говорило за то, что «это правда». Впрочем, если бы судья дал мне время, я не отказался бы обсудить с ним этот вопрос, ибо я большой специалист по выяснению правды. Редактируя историю о капитане дальнего плавания, я убедился, что говорить правду во всеуслышание — предприятие довольно рискованное, даже если у вас имеются конкретные улики или свидетель, весьма уважаемый человек, видевший все своими глазами. Вот, например, недавно дона Касула и дона Пекена, жена и свояченица Тиноко Педрейры, хвастались, будто бы видели в небе над Перипери летающее блюдо. Они утверждали, что видели его собственными глазами, провалиться им сквозь землю... Поднялся страшный шум, понаехали репортеры из столицы интервьюировать их, портреты двух старух, указывающих на небо, появились во всех газетах. А потом выяснилось, что быстро летевший серебряный круглый предмет с двумя огненными прожекторами — вовсе не блюдо. Прилив выбросил на берег огромного воздушного змея из пергамента с двумя красными кружками. На солнце он казался серебряным. Простой воздушный змей с обрывками бечевки и оторванным хвостом, его принесло ветром, старушки смотрели на него против солнца, и вот он превратился в летающее блюдо — марсианское или советское, в зависимости от ориентации газеты.

Но мне было не до рассуждений. В первое мгновение я, признаюсь, не уяснил полностью всего значения появления судьи: настолько сильное впечатление произвели на меня темные очки и шляпа с опущенными полями. Очки и шляпа имели целью укрыть лицо судьи от какого-нибудь позднего прохожего. Вот видите, сеньоры, как предусмотрителен почтеннейший судья! Я же окончательно очнулся и осознал весь трагизм положения, лишь когда услышал крик отскочившей от меня Дондоки. Я подавился куском груши и не находил слов.

Судья стоял на пороге, придерживая левой рукой дверь, и, вытянув вперед правую, негодующим жестом указывал на нас; его голос срывался и дрожал. В эту минуту, почтенный юрист являл собою воплощение ос-

корбленной добродетели — его доверие обманули, ему изменили, в общем, он напоминал классического роконосца, бессмертного Отелло. Я не мог не залюбоваться им.

Однако нельзя же было, в самом деле, лежать и, разинув рот, глядеть на почтенного роконосца. Я сел и сунул ноги в домашние туфли... И тут послышался крик, вырвавшийся со дна истерзанной души, мучительный вопль раненого сердца:

— Оставь мои туфли, развратник!

Я оставил и стоял босиком на холодном каменном полу. Такая мелочность со стороны великого человека стоила мне ужасного насморка, который мучает меня по сей день. Сцена, в которой я участвовал и как зритель, и как действующее лицо, выглядела так: в дверях с трагическим выражением лица, в позе обвинителя — отставной судья; у окна, прикрывая руками наготу, что бесспорно, хотя и с некоторым онезданием, доказывало ее стыдливость и скромность, — рыдающая Дондока; и, наконец, я, с идиотской физиономией рассматривающий свой пупок. Наверно, мы находились бы в этом положении очень долго, если бы Дондока не подняла вдруг прекрасные глаза на судью и не сказала нежно:

— Мой мальчик! Дорогой мой малыш...

Эти слова произвели эффект неописуемый; я думал, что достопочтенного судью сию же минуточку хватит удар и он упадет как молнией сраженный или — вот был бы скандал! — тут же выхватит револьвер и пустит одну пулю в Дондоку, другую в меня. Он покраснел, потом побледнел, затрясся так, будто его бичевали, попытался сделать шаг к Дондоке... и не мог, хотел что-то сказать, но из горла его вырвался лишь странный гортанный звук, нечто среднее между рыданием и икотой. Он взглянул на наивную мулатку глазами раненого, умирающего животного, потом бросил взгляд на меня — уничтожающий, полный ненависти, и наконец выговорил:

— Собака! Поэтишка!

Я склонил голову, предпочитая не отвечать.

— Змея!

Последнее относилось к Дондоке, но она не молчала, как я.

— Малыш, милый, прости свою зверюшку...

— Никогда! — и, нагнув шляпу на лоб, судья плюнул в мою сторону, повернулся и вышел. У дверей на улицу он остановился и швырнул на пол ключи от дома.

Дондока была безутешна. Она привыкла к обеспечен-

ности и подаркам. Судья давал ей все: дом, еду, платья, шоколад. Я тоже привык к его домашним туфлям и к Дондоке. Мы не сомкнули глаз всю ночь. Мнение общества нас не слишком волновало, мы думали только о несчастье, свалившемся на наши головы. Что теперь будет с Дондокой? Вернуться к родителям в жалкую лачугу, к вечно пьяному отцу? Зачем? Чтобы целыми днями стирать и гладить с матерью белье? Невозможно! Она уже привыкла ничего не делать, кокетничать, одеваться в шелка, душиться и красить ногти. Я не могу содержать ее и давать ей столько, сколько она получала от судьи. Моих скудных заработков хватает только на самое необходимое, я вынужден жить в этом предместье с родителями. Если же я получу премию архива — тот факт, что во главе его стоит знаменитый Луис Энрике, мнение которого о моей предыдущей работе как о «кладезе полезных сведений», понятно, окрыляет меня, — то смогу сделать Дондоке подарок — отрез, пару туфель, серьги или кольцо. Но это возможно лишь в том случае, если какой-нибудь тип с ученым званием не утащит у меня из-под носа лавры и чек. Как бы то ни было, этих двадцати тысяч крузейро хватит ненадолго.

Дондока всю ночь проплакала в моих объятиях и наконец уснула у меня на груди.

На другой день положение еще больше усложнилось. Педро Торресмо отправился по своей привычке к судье, чтобы выклянчить у него денег на кашасу, и был выставлен из кабинета, где судья размышлял в тиши и писал свои научные исследования. Обычно почтенный судья принимал отца Дондоки именно в кабинете, так как дона Эрнестина не беспокоила супруга в часы его занятий. Ничего не подозревавший Педро Торресмо явился приветствовать сеньора судью и справиться о здоровье его многоуважаемой супруги. Сеньор Сикейра, нахмурился, объявил, что отныне Педро Торресмо запрещается бывать в этом доме, так как его дочь — презренная тварь самого худшего сорта, злоупотребившая оказанным ей доверием. Что касается денег, то пусть Педро просит их у меня, потому что, если уж кто обязан оплачивать ему кашасу и содержать дочь, так это именно я.

— Но ведь он беден, как церковная крыса... — возразил Педро Торресмо, довольно точно определив мое финансовое положение.

Но на судью этот аргумент не произвел ни малейшего впечатления, он захлопнул дверь перед носом оскорблен-

ного отца. От судьи Педро отправился прямехонько к Дондоке и в порыве негодования, отстаивая фамильную честь и право на кашасу, задал бедной девочке такую отчаянную трепку, что обломал об ее бока ручку новой щетки. Дурная примета, а дела ведь и без того плохи.

Я пришел к Дондоке после обеда, предварительно удостоверившись издали, что судья сидит в своем кабинете и лечит сердечные раны изучением статей о наказаниях за разврат. Дондока лежала в слезах, ее спина и руки были покрыты синяками. Растроганный страданиями милой, я покрывал ее поцелуями и старался утешить бедняжку, как только мог. Но проблема оставалась нерешенной. Как оплатить счета? Приближается конец месяца, надо вносить за аренду дома, скоро ярмарка, а судья отказался давать ей деньги.

Однако в конце концов дело, кажется, уладилось. По прошествии нескольких дней обеспокоенная мать Дондоки добилась аудиенции у судьи. Она поведала ему о раскаянии дочери, несчастной жертвы, которую этот тип, корчащий из себя поэта, соблазнил. Он посылал ей стихи, без конца надоедал — кстати, ведь судья сам его привел.

— Вы же сами ввели его в дом...

В действительности дело было не так, но об этом судья не знал. Бедная Дондока оставалась по ночам одна, говорила мать, она ни в чем не виновата. Она только и думала о любимом сеньоре Алберто, о своем неблагоприятном «малыше».

Если бы сеньор видел, как она страдает, бедняжка, плачет целые дни, проклинает свою судьбу, ничего не ест, худеет, чахнет... и все из-за того, что перестала видеться с сеньором... Ему следовало бы побывать у нее, хотя бы просто из жалости, ничего дурного она не имеет в виду, ведь несчастная может совершить какое-нибудь безумство. Она, мать, теперь даже ночует у Дондоки, по тому что опасается самого худшего: вдруг девочка обольет свое платье керосином, подожжет и погибнет в языках пламени.

Великий юрист был растроган и вместе с тем обеспокоен. Что, если эта идиотка действительно выкинет такую глупость — попытается покончить с собой? Тогда скандала не избежать, начнутся сплетни, вмешается полиция, и вся история дойдет до ушей доны Эрнестины, а он боялся даже думать о том, как станет реагировать Цеппелин...

— Разве только из милосердия, — сказал он и вернулся в переулочек Трех Бабочек.

Мир был заключен, однако я был принесен в жертву. Мне разрешили повидаться с Дондой в последний раз, но не наедине: в кухне на страже чести дочери и частной собственности судьи стоял Педро Торресмо с обломком щетки в руках. Дондока рассказала мне: «малыш» простил ее на этот раз, но при условии, что она никогда больше даже не вспомнит обо мне, никогда! Что она могла поделать, бедняжка? Хуже всего было принятое судьей решение, чтобы мать и отец переехали к ней; они будут жить в одной из задних комнат и, как собаки, стеречь девушку, дабы обеспечить на будущее ее чистоту и верность судьбе. Слезы катились по щекам Дондоки.

— Пройдет несколько дней, и мы найдем выход из положения, моя радость.

Легко сказать — «найдем выход»! Педро Торресмо при встрече на улице пронзает меня злобным взглядом. Мать объявила всем соседям, что исколотит меня щеткой, если я только осмелюсь появиться в переулочке Трех Бабочек. Как же нам встретиться с Дондой?

И я провожу долгие ночи в одиночестве... Никогда никого я так не любил и не желал, как эту золотистую мулатку с жадным ртом. Кроме того, у меня никогда не было столько свободного времени, я располагаю теперь и теми часами, которые прежде посвящались беседам с судьей. Ибо почтеннейший юрист теперь едва достаивает меня кивка, меня, его горячего поклонника! Между тем работа моя подвигается медленно, с трудом, фразы получаются неуклюжие, события путаются в голове, я не могу сосредоточиться на капитане и его перезрелой возлюбленной, старой деве Клотилде.

Можно ли заниматься расследованиями относительно капитана и его походов, если в данный момент мне больше всего хочется узнать, раскрыть, докопаться, каким образом почтенному судье стало известно о моих посещениях переулочка Трех Бабочек? Не думаю, чтобы здесь было анонимное письмо. Скорее всего, это работа кого-нибудь из наших сплетников, Телемако Дореа или Отониаэла Мендонсы — они завидуют моим успехам в литературе и моему месту в сердце Дондоки. Люди типа Шико Пашеко не перевелись еще в Перипери. Эх, если бы только узнать правду! Я не стал бы, как капитан, вызывать каналью на дуэль. Я просто набил бы ему морду!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Научная теория о бакеанах

— Вон идет капитан, тащит свою бакеану¹...— сказал адвокат из Параны Фирмино Мораис.

Адвокат слыл литератором и пользовался немалым авторитетом в обществе. Он возвращался из поездки в Рио, где отстаивал в федеральном верховном суде кассационную жалобу фирмы по экспорту каучука. Эта прогулка принесла ему более ста conto.

В салоне собралось много народа. Центр группы составляли сенатор, преподобный Климако и обаятельная седая дама с завитыми волосами, судя по всему, отличавшаяся в прошлом необыкновенной красотой и сумевшая в старости сохранить благородную, полную достоинства внешность. К ней то и дело подбегали внуки; дама нежно ласкала и целовала их. Тут же сидели на мягких стульях новобрачные, два студента из Форталезы и метиска (она устроилась рядом с милой старушкой, которая время от времени улыбалась девушке, восхищаясь ее суровой красотой), а также другие дамы и господа, довольные возможностью поговорить с такими выдающимися личностями, как сенатор, известный адвокат, священник и эта пожилая сеньора, сыновья и зятя которой занимали высокие должности и были известны по всей стране. Все они смотрели, как капитан прогуливался с Клотилде по палубе.

— Женщину бальзаковского возраста, хотите вы сказать...— поправил студент со свойственным молодости апломбом.

— Бальзаковскую женщину...— прибавил сенатор, обладавший кое-какими познаниями в области литературы (разумеется, классической).

— Нет. Я хочу сказать, именно бакеану. Бальзаковская женщина — это одно, а бакеана — совершенно другое. Клотилде Мария да Ассунсан Фогейра именно бакеана.

— Какое длинное у нее имя, она, верно, благородного происхождения...— сказала новобрачная.

— Отец ее был торговым агентом, а потом разбога-

¹ Бакеана — непереводимое слово, придуманное автором для обозначения женщин старше сорока лет.

тел. Брат расширил фирму, и сейчас его дела в очень хорошем состоянии.

Седа дама подняла руку — великолепное кольцо подчеркивало изящество пальцев — и с улыбкой обратилась к адвокату:

— Объясните мне, сеньор Морайс, в чем разница между женщиной бальзаковского возраста и бакеаной, как вы выражаетесь?

— А вы, дона Домингас, разве не знаете теорию о бакеанах? Это знаменитая теория, она основана на исследованиях психологов и психиатров, есть масса книг на эту тему. По-моему, даже у Фрейда есть кое-что об этом... — адвокат улыбнулся, довольный возможностью блеснуть своими познаниями.

— Бакеана? — прервал преподобный Климако, закрывая молитвенник. — Вы говорите о музыке Баха?

В далеком приходе в глубине штата Амазонас патефон и пластинки были единственным утешением отца Климако, а музыка — единственной его земной страстью.

Судно плыло по спокойным зеленым водам вдоль белой линии песчаного побережья. Отважные жангады¹ выходили в открытое море, пассажиры смотрели, как исчезали вдали их крошечные паруса. Капитан указал пальцем на одну из жангад и передал Клотилде подозрную трубу.

— Нет, святой отец. Бакеаны, о которых я говорю, не имеют ничего общего с Бахом. Есть большая разница, дона Домингас, между бакеаной и женщиной бальзаковского возраста. Маленькие детали определяют большие различия.

Адвокат был известен в Белене как любитель парадоксов. Не так давно он опубликовал небольшой томик «Мысли и изречения», получивший весьма высокую оценку в местной печати за «оригинальность концепций и чистоту стиля, напоминающего Эркулано, Гарретта и Камилло»², по мнению критика. Адвокатское кольцо с рубином, обрамленное бриллиантами, бросало отблески на черный переплет молитвенника.

¹ Жангада — парусный рыбацкий плот.

² Алешандре Эркулано де Карвальо и Араужо (1810—1877), Жоан Батиста да Силва Лейтан де Алмейда Гарретт (1799—1854), Камилло Кастело Бранко (1825—1890) — португальские писатели.

— Ну, так расскажите нам об этой теории, сеньор. Не заставляйте себя упрашивать, — потребовала донна Домингас, поудобнее устраиваясь на стуле и готовясь насладиться остроумием адвоката, с которым познакомилась в предыдущем путешествии.

— Теория в высшей степени научная; как я уже говорил, она относится к женщинам, достигшим определенного возраста.

— Моего возраста...

— Ваша красота не имеет возраста, сеньора. Многие девушки желали бы обладать вашей грацией, хотя вы уже бабушка... Итак, женщина бальзаковского возраста — это женщина тридцати лет. В наше время прогресса вообще и искусства грима в частности женщина тридцати лет совсем еще молода. Вспомните, например, супругу сеньора Элио, врача из Натала. Ей тридцать пять лет, сказал мне муж. Между тем она выглядит совсем юной девушкой.

— Красивая женщина, — поддержал сеньор. — И какая изящная...

— А пропадет ни за грош, муж у нее старый хрыч, — заметил один из студентов.

Священник прервал его:

— Подумайте о христианском милосердии, друг мой...

— И вспомните заповедь «Не пожелай жены ближнего своего», — прибавил адвокат.

— Глубоко порядочная женщина! — Сенатор посмотрел на смутившегося студента. — Муж ее очень болен. Врачи в Рио потеряли надежду. И он сам, будучи медиком, не питает надежд на выздоровление.

— Оставим в покое бедную сеньору, столь достойную сожаления. Изложите лучше вашу теорию, сеньор Морайс, я сгораю от любопытства, — вмешалась донна Домингас.

— Ну так вот, в наше время женщины бальзаковского возраста — это сеньора лет сорока, не так ли, донна Домингас? Когда она преисполнена... — он, казалось, подыскивал точное слово, помогая себе движением руки, — преисполнена требовательности.

— Это приятно... — сказал студент явно некстати.

— В сорок лет? — У сенатора был такой важный и серьезный вид, будто он голосовал против всех правительственных законопроектов сразу.

— Так вот, когда наступает бальзаковский возраст, у женщин есть два пути, два способа, две манеры выйти

из этого положения. Первый путь — сделаться бабушкой, — у вас это восхитительно получается, донна Домингас. Благодаря вашей красоте, достоинству, которое придает вам седина...

— Грустный комплимент...

— Другие, таких, кстати, подавляющее большинство, переходят из бальзаковского возраста в положение бакеаны. Теперь мы вплотную перешли к классическому определению, данному одним венским ученым. Иными словами, у женщины за сорок, которая приближается к пятидесяти годам, форма уже не соответствует содержанию.

— То есть как это? — заинтересовалась метиска, сидевшая все время не шевелясь и молча слушающая адвоката, не сводя с него глаз.

С палубы донеслись голоса пассажиров, играющих в гольф. Новобрачная, чтобы лучше слышать адвоката, положила голову на плечо мужа.

— Когда мы смотрим на женщину, то не видим ее души, мы любуемся ее ножками... Однако я продолжаю теорию о бакеанах. Бразильские девушки с того самого момента, как им исполняется двадцать девять лет и они теряют надежду выйти замуж, сразу попадают в ряды бакеан. Вот тогда, падре, они начинают ходить в церковь, убирать алтари, ежедневно исповедоваться. Вы это знаете лучше меня. Девушка становится злой, сварливой, начинает сплетничать. Это особый вид — так называемые великие бакеаны. Есть еще один вид — чувствительные бакеаны. Это замужние женщины и вдовы. Чувствительные бакеаны в большинстве случаев относятся терпимо к чужим грехам, шалостям и ошибкам. Они покровительствуют влюбленным, устраивают помолвки и свадьбы. Только нельзя им слишком доверять, ибо, если представится случай... Великие бакеаны, напротив, ненавидят красивых женщин, влюбленных, новобрачных, таких вот, как вы, донна Мария Амелия. Беременная женщина на их взгляд просто безнравственна.

— Какой ужас... — новобрачная с улыбкой прижалась к мужу и взяла его за руку.

— Клотилда — великая бакеана. Но есть еще одна черта, характерная в особенности для старых дев, — они не теряют надежды. И иногда, правда крайне редко, случается, что великая бакеана выходит замуж и становится чувствительной. Именно это и пытается сделать Клотилда, прозванная своими ученицами «Обморочной штучкой».

— Капитан холост, мне говорили,— заметил священник.— Если две одинокие души встретятся и подадут друг другу руки на закате жизни...

— Вы поэт, падре. Вам никогда не приходилось писать стихи?

— Жалкие вирши во славу пресвятой девы и ее сына.

— Вот видите, я угадал. Итак, Клотилде Мария да Ассунсан Фогейра — великая бакеана с разбитым сердцем — весьма типичный случай. Речь идет о разновидности, дона Домингас. Одна из самых интересных разновидностей. Бакеана, которая собиралась выйти замуж, была невестой.

— Какая ересь, боже мой! — Священник воздел руки к небу.

Метиска весело рассмеялась, дона Домингас улыбнулась, сенатор сделал парламентский жест, который мог означать и одобрение и неодобрение.

— И вот в один прекрасный день жених скрывается, помолвке конец. Так случилось с Клотилде. Об этом происшествии много говорят в Белене. Мне было тогда лет двадцать. Она, должно быть, года на два старше меня. Мне же исполнилось сорок три.

— Никак не скажешь!..— воскликнула метиска.

— А что у них произошло?

— Расскажите нам, сеньор, эту историю.

— Семья Фогейра состояла из отца и трех детей — юноши и двух девушек. Клотилде самая старшая. Сын теперь богат, он начал работать с отцом, а после его кончины значительно расширил дело. Младшая сестра вышла замуж за инженера и живет в Рио. Клотилде, одаренная и хорошо воспитанная, пользовалась успехом у молодых людей. Она училась играть на рояле у одной польки, жены англичанина — экспортера каучука. У Клотилде были способности, и родители восхищались, когда дочка извлекала из рояля разные звуки. В то время она могла выйти замуж и даже составить хорошую партию, если бы захотела, так как была недурна и преисполнена всяческих дарований.

— Почему же она не вышла?

— Слишком долго выбирала. Излишняя требовательность — вот ее недостаток. Она хотела заполучить волшебного принца. Когда же спохватилась, то младшая сестра была уже замужем и ожидала ребенка. В это время в Белен приехал из Сан-Пауло один молодой врач, весьма заботившийся о своей наружности. Он оборудовал

кабинет для приема больных и стал дожидаться пациентов, а тем временем волочился за Клотилде. Этот врач покорила Клотилде с помощью музыки, он знал в ней толк. Впрочем, она стала менее разборчива...

— А теперь и вовсе... Капитан — старичок...

— Ну, он не так уж плох. Мужчина представительный...

— Клотилде тогда было двадцать один — двадцать два года, но в те времена женщины выходили замуж в пятнадцать — шестнадцать лет, и ее уже считали старой девой. Через месяц или два они были помолвлены. Коль любовь была легка, значит, свадьба далека.

В музыке врач, может быть, действительно разбирался, но в медицине был круглый нуль. А пациенты платили мало, ему не хватало на жизнь. Жених завтракал и обедал в доме невесты, жил в пансионе. Это продолжалось около пяти лет.

— Затянувшаяся помолвка никогда не приводит ни к чему хорошему...

— И наконец в один прекрасный день приятель врача, какой-то политический деятель из Мараньяна, устроил его в Рио врачом префектуры или чем-то в этом роде.

— В один прекрасный день он уехал и больше не вернулся...

— Спокойно, сенатор. Дайте мне досказать. Был назначен день бракосочетания, врач собирался ехать на новую службу уже с женой. Готовилась пышная свадьба, ведь семья пользовалась известностью. Через несколько дней после свадьбы новобрачные должны были ехать в Рио. Теперь прошу обратить внимание на одну очень важную деталь: в день свадьбы из Белена на юг отправлялся один из пароходов «Ита».

Пассажиры снова посмотрели в окно. Васко и Клотилде медленно прогуливались по палубе — капитан со своей неизменной трубкой, она с собачкой; наверно, он рассказывал какую-то волнующую историю, так как Клотилде слушала очень внимательно. Все молчали, пока они не скрылись из виду.

— Свадьбу, как гражданскую, так и церковную, предполагалось устроить в доме невесты — в те времена у людей с положением было модно венчаться дома. Богатое угощение и вина заготовили в изобилии. Врач позавтракал с семьей Клотилде, потом пошел переодеться и отправить чемоданы в гостиницу, где молодые предполагали провести первую брачную ночь. Гражданскую свадьбу

назначили на пять часов, затем должна была последовать церемония венчания. К четырем часам дом наполнился приглашенными. В половине пятого пришел священник, старый друг семьи. Через десять минут появились судья и писарь.

— А жених?

— Наберитесь терпения. Жених опаздывал. В десять минут пятого невеста в элегантном подвенечном платье вышла в гостиную. Жениха все не было. Приглашенные окружили Клотилде, расхваливая ее фату и платье. Жених опаздывал уже больше чем на полчаса, это было недопустимо. Послали в пансион, где он жил, хозяйка сообщила, что доктор взял чемодан и отправился на свадьбу. Посланный вернулся без десяти шесть. В шесть судья пригрозил уйти, гости были встревожены, растеряны, строили всякие предположения. В десять минут седьмого...

— Я начинаю волноваться...

— ...брат невесты отправился в полицию, а потом обошел все больницы. Он вернулся около семи, не узнав ничего. Рассерженный судья ушел еще до его возвращения, в половине седьмого. Когда судья удалился, уведя с собою писаря, с Клотилде сделался первый обморок, предвестник того, что она станет великой бакеаной. После семи гости начали расходиться. Все были заинтригованы и разочарованы, угощение и вина так и не подавались. В половине девятого ушел и падре, безуспешно пытавшийся утешить невесту и всю семью. В восемь часов брат невесты снова вышел из дому и в девять вернулся с невероятным известием: негодяй отплыл в Рио на «Ите», он купил билет уже на борту судна, куда ступил ровно в пять часов, когда начали поднимать трап.

— Подумать только!..

— Вот так Клотилде Мария да Ассунсан Фогейра стала «Обморочной штучкой» с разбитым сердцем и перешла прямо в разряд великих бакеан...

— И с тех пор у нее никогда не было жениха?

— Никогда, сеньорита Мозма. Во-первых, потому что ее гордость была жестоко уязвлена, она долгое время никуда не выходила и, запершись, играла на рояле. А когда спохватилась, то уже трудно было найти человека, которому бы она понравилась... Она живет с братом, иногда гостит у сестры в Рио, дает уроки музыки, ухаживает за своей собачкой — у великих бакеан всегда бывает собачка или кошка, страдает обмороками, но, как вы мо-

жете убедиться, еще не теряет надежды. Типичная бакеана!

— Грустная история...— сказала дона Домингас.— Мне ее жалко.

— Этот врач не из тех, кто отличается, как говорится, нравственной чистотой,— заметил священник.

— Если бы такое случилось в Натале, ему бы это так не прошло. По крайней мере надавали бы по щекам.

— Ну, а все-таки, что же произошло с женихом? — улыбаясь, спросила любопытная метиска.

— Он женился в Рио на дочери одного богатого и влиятельного человека. По-прежнему служит в префектуре и благодаря деньгам тестя и красоте жены втерся в высшее общество. Его часто видят в Жокей-клубе, у него скаковые лошади... Жена его стала чувствительной бакеаной. Чрезвычайно чувствительной, поскольку у нее самой весьма бурное прошлое. Как мне рассказывали, среди кобылок мужа она — самая знаменитая.

— О! — воскликнул священник, а дона Домингас рассмеялась от души.

— «Кобылице моей в колеснице фараоновой я уподобил тебя, возлюбленная моя...» — продекламировал адвокат.— Это из Библии, падре...

Преподобный Климако снова открыл молитвенник:

— А я вам скажу, сеньор, что пути господни неисповедимы. Может быть, бог нарочно хранил ее для капитана,

— Только он вручает ее немного поздно, падре. Уж очень перезрелый плод...— Адвокат замолк на мгновение и покачал головой: — Впрочем, нет, ничего подобного. Перезрелый плод — образ, применимый к чувствительным бакеанам. Великая бакеана — плод, увядший еще до созревания.

— Увядший плод, как грустно...— сказала метиска.

Все стали расходиться, приближалось время обеда. Снова показался капитан и Клотилде, они шли, смеясь и не обращая внимания на взгляды любопытных. Над морем загоралась вечерняя заря. Сенатор и адвокат остались сидеть, провожая взглядом красивую метиску. Вот эта, размышлял адвокат, действительно опасна, просто соблазн для мужчины. Из-за нее можно пойти на любое безумство, бросить семью, жену и детей, пожертвовать карьерой, забыть о долге, о респектабельности... Сенатор же ничего не думал, но глаза его потемнели от страсти...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

где рассказывается о мелких происшествиях, с виду не имеющих большого значения, но оказавших влияние на драматические заключительные события

Комиссар почесал в затылке, он был слегка раздражен. — Не знаю, найдется ли в Натале настройщик роялей. Известно, есть ли там вообще хоть один рояль...

Жеир Матос рассмеялся:

— Вы наносите оскорбление населению штата, столь пренебрежительно отзываясь о его столице, славящейся своей культурой. Если бы сенатор услышал...

— Вы видели что-либо подобное, Жеир? Настроить рояль! Ваш врач-пианист не предъявлял такого требования. Он плавает с нами уже три года, каждый день играет на этом несчастном рояле и всегда считал его отличным. И вдруг появляется этот капитан из бакалейной лавки и требует настройщика. Разозлился, почему я не принял меры в Ресифе... Прочел мне нотацию.

— А почему вы не позвали настройщика в Ресифе? Приказ есть приказ... Теперь ищите в Натале.

— Приказ этого опереточного капитана, который взял на буксир старушку и флиртует с ней всем на смех? Ведь пианист говорит, что не надо...

— Послушайте, старина: капитан может быть всем, чем угодно, но все-таки он — наш капитан, он был единственным, кого удалось найти в Баие, и теперь он командует нашим судном. С другой стороны, можно твердо сказать одно: старушка, которая, кстати, преподавательница музыки и знает свое дело, я, вон тот падре, что расхаживает по палубе, любой кочегар или матрос из команды — все мы смыслим в музыке больше, чем наш пианист. Я думаю, этот тип, до того как явился на судно, ни разу в жизни ни на чем не играл, даже на патефоне. Когда он начинает брэнчать, это настоящий кошмар, старина. Вдобавок он такой же врач, как и пианист!.. Вы посмотрите, ведь если бы не фельдшер, он бы не сумел прописать даже клизму.

— Да, вы правы. С этим капитаном кончился беспорядок на нашем идиотском судне. Таким образом, даже Ллойд...

— Что наш капитан обладает дьявольским достоинством, этого вы не можете отрицать... Орден на груди,

не выпускает из рук подозрительной трубы... У вас, старина, плохое настроение. Поступайте, как я,— развлекайтесь. Я, например, веселюсь вовсю и намерен позабавиться еще больше...— он рассмеялся, как бы предвкушая удовольствие.

— Что вы там затеваете?

— Занимайтесь делом, а в остальном положитесь на меня. И добудьте настройщика, самого лучшего в Натале.

Этот диалог явился следствием строгого внушения комиссару, сделанного ему капитаном из-за рояля. Разве он не приказал, когда пароход пристанет в Ресифе, вызвать настройщика, чтобы привести в порядок рояль на судне? Он сошел на берег, будучи уверен, что его распоряжения выполняются. И тем не менее сеньорита Клотилде, первоклассная пианистка, дипломированная преподавательница, специалистка по Шопену, оперным ариям и другим сложным произведениям, сказала ему, что рояль в прежнем состоянии и гремит, как ржавая железная банка. Чтобы барабанить самбы и прочие дурацкие танцевальные мотивчики, он, может быть, и годится. Молодежь не замечает, расстроен рояль или нет, ей лишь бы можно было топтаться по салону, прижавшись друг к другу, да шаркать ногами. Ну, а настоящие мастера, вроде донья Клотилде? Разве у них нет прав, разве пароходная компания не гарантирует им пользование роялем?

— Эта вредная старушка, капитан, очень уж требовательна. В прошлом рейсе среди пассажиров оказался один пианист из Сан-Пауло, так он даже дал концерт у нас на борту. И не жаловался на рояль.

Капитан вспыхнул от возмущения.

— Потрудитесь, сеньор комиссар, относиться к пассажирам корректно и не употреблять грубых выражений. Что касается вашего пианиста из Сан-Пауло, то это был, как видно, просто шарлатан... Извольте добыть в Натале настройщика. Непременно.

«Вредная старушка...» Какая непочтительность, вот грубиян! Конечно, Клотилде не девочка, но какая же она старуха, она призналась, что ей тридцать семь лет, немного меньше, чем думал капитан. Он полагал, что ей около сорока пяти и между ними пятнадцать лет разницы (он уже отпраздновал свое шестидесятилетие) — не так уж много. Но Клотилде в разговоре упомянула мимоходом, что встречает уже тридцать седьмую весну, и

капитану пришлось скинуть себе несколько лет и сказать, что ему пятьдесят пять. Впрочем, все эти мелочи не имели никакого значения. На пять — семь лет больше или меньше — не важно! Важно родство двух одиноких душ, жаждущих нежности и понимания, двух существ, готовых подать друг другу руки, чтобы залечить раны, нанесенные жестоким прошлым, и пойти навеки вместе по дороге любви. Капитан был влюблен, и это делало его сильным и храбрым. Он не допустит пренебрежительного отношения к своим приказаниям!

Плавание продолжалось без происшествий, если не считать бурного политического спора, завязавшегося накануне прибытия в Натал, — в него оказались втянутыми и пассажиры, и офицеры. Спор между сторонниками либерального альянса и приверженцами правительства начался во время обеда за столом второго помощника. Одни превозносили достоинства и преимущества Жетулио Варгаса, другие — Жулио Престеса, перечисляли шансы того и другого на победу на президентских выборах, говорили о войсках, которыми располагают оба претендента. Второй помощник был гаушо и потому яростный сторонник Жетулио. Он восхвалял Флореса да Кунья и твердил, что гаушо из Рио-Гранде-до-Сул непременно вступят в Рио-де-Жанейро на конях со шпагами в руке (шпага ведь классическое оружие обитателей пампы) и снесут головы этим мошенникам, насквозь прогнившим политикам.

Шум донесся до стола капитана, где Клотилде занимала теперь место, принадлежащее прежде депутату Отону, высадившемуся в Ресифе. Сенатор беспокойно заерзал на стуле, как будто шпаги гаушо, предводимых Жоаном Франсиско, — как предсказал второй помощник, — уже нависли над его головой. Спор перекинулся на другие столы. Дона Домингас, мать министра и федерального депутата, также сидевшая за столом капитана, противопоставляла копыям и шпагам кавалерии Рио-Гранде-до-Сул карабины и пистолеты северо-восточных жагунсо¹. — Достаточно двух-трех отрядов кангасейро², и мы покончим со всем этим фанфаронством. А на вашего генерала Жоана Франсиско у нас есть Лампиан... Не требуется даже ни одного офицера регулярной армии в фор-

¹ Жагунсо — крестьяне, участники восстания против властей в Канудосе. Это прозвище стало также синонимом наемника-головореза.

² Кангасейро — разбойник, бандит; зачастую наряду с ограблением богатых кангасейро помогали беднякам.

ме с погонами. Этих гринго — немцев и итальянцев с Юга — давно пора проучить...

Громкий энергичный голос доны Домингас заглушил остальные, и спорщики умолкли. Эта дама привыкла повелевать. Когда обычное спокойствие покидало ее и она поднимала голос, даже сын-министр не смел ей противоречить и подчинялся ее решениям.

— Мы ведь такие же бразильцы, — возразил второй помощник.

Студенты все были за альянс, они цитировали речи ораторов — сторонников Жетулио, говорили об обновлении страны, о перевороте в мышлении людей, о необходимости реформ.

Сенатор, не очень склонный ввязываться в полемику, улыбался с видом превосходства, но был бледен. Он нагнулся к капитану, который держался нейтрально, занятый обслуживанием Клотилде, и спросил тихонько:

— С каких пор компания, подведомственная правительству, берет на суда агитаторов?

— Не знаю, сенатор. Как я уже имел честь вам сообщить, я не принадлежу к персоналу компании. Я лишь оказал им услугу, взявшись довести судно до Белена...

— Ах да, я забыл... Как бы то ни было, но, по-моему, это никуда не годится, если офицер, сидя за столом с пассажирами, устраивает митинг и сеет смуту, угрожающую общественному порядку. В конце концов, я сенатор, член правительства, а этот юнец проповедует революцию, рассуждает о закрытии сената и палаты депутатов, об убийстве представителей власти...

— Вы совершенно правы, сенатор...

После обеда дискуссия продолжалась в салоне, где молодые люди намеревались устроить танцы по случаю расставания с теми, кто на следующий день собирался сойти в Натале. В одном углу уселась группа пассажиров, настроенных против президента республики, они критиковали положение в стране, кричали о низком уровне жизни, о том, что выборы всегда подтасовываются и необходимо полное обновление всего государственного аппарата. Возмущенный сенатор удалился.

Второй помощник был настроен весьма воинственно:

— Мы еще покажем этим канальям. Они, конечно, опять надеются смошенничать на выборах и с помощью разных махинаций не допустить победы кандидата либерального альянса, в результате чего пострадает народ. Но бразильцы не намерены больше терпеть тиранию и

держат в конгрессе мошенников. Скоро загремят трубы в Рио-Гранде-до-Сул, сзывая всех бразильцев на бой...

Слуга прервал блестящую тираду:

— Капитан просит вас к себе, сеньор...

— Сейчас иду...

Второй помощник поспешно пересек Санта-Катарину и Парану, а тем временем и Исидоро и Мигел Коста уже подняли восстание в Сан-Пауло, и вот он вместе с Флоресом да Кунья и Жоаном Франсиско вступает в Рио-де-Жанейро... Но, к сожалению, пришлось остановиться и идти к капитану, — «какого черта нужно этому дуралею?». Именно сейчас, когда метиска не сводит с него глаз...

— Мой юный друг, я ничего не имею против ваших идей... Каждый думает, что угодно. Я, признаться, давно уже не вмешиваюсь в политику. В былое время я принимал участие в политической жизни и здесь, и за границей. Здесь — когда в Бане губернаторствовал блаженной памяти Жозе Марселино, другом которого я имел честь быть. В Португалии — в связи с убийством короля дона Карлоса, когда, возмущенный этим преступлением, я отдал себя в распоряжение королевского двора. Но потом уже больше никогда не занимался политикой, не хотел даже ничего знать о ней. Вы по-своему правы, и я не собираюсь спорить с вами...

— Это правительство ведет страну к пропасти...

— Не спорю... Может быть... Однако не обижайтесь, если я вам скажу, что, по-моему, офицеру не полагается сеять смуту среди пассажиров. Я не упрекаю вас, я далек от этой мысли. Но смотрите — сенатор пожаловался мне. Он даже хочет писать в компанию... По-моему, вам, мой юный друг, лучше избегать подобных разговоров.

— Этот сенатор хуже всех. Я знаю за ним множество поистине довольно скандальных дел. Одной истории в порту Натал довольно, чтобы засадить его в тюрьму на всю жизнь. А девица, которую он устроил на работу в сенат? Марио Родригес даже статью написал об этом года два назад. Вы не читали?

— Он пассажир, находящийся на нашем судне, мы должны считаться только с этим. Прошу вас не участвовать больше в подобных разговорах.

— Я бразильский гражданин и имею право говорить, о чем мне угодно и где угодно.

Васко Москозо де Араган взглянул на раскинувшееся впереди море, он твердо стоял на палубе своего корабля.

— А я капитан. И я вам приказываю. («Этот тип начал заноситься».) — Помощник не знал, как поступить. Сначала он хотел было вернуться в салон, но гнев сенатора и угроза пожаловаться компании заставили его призадуматься. В конце концов, помощник решил, что следует немного проветриться, и отправился на капитанский мостик.

Васко вернулся в салон, где Клотилде озабоченно искала его. Он подошел к ней:

— Подождите меня минутку, я сейчас вернусь...

Сенатора нигде не было видно, и капитан направился в игорный зал. Парламентарий сидел там, мрачно уткнувшись в журнал.

— Сенатор, приходите в салон составить нам компанию. Ваше отсутствие очень заметно.

— Я не расположен выслушивать оскорбления и угрозы. Я сенатор республики.

— Не беспокойтесь. Я уже принял необходимые меры.

— Тогда прекрасно. Вы меня не знаете, я очень вспыльчив. Если бы я стал слушать дальше варварские рассуждения этого юноши, то не смог бы сдержаться и дал бы ему по физиономии.

— Забудьте об этом. На судне, где я команду, экипаж хорошо вышколен. В Индии меня прозвали Железной Рукой...

Он танцевал с Клотилде до полуночи. Рассказал ей этот инцидент со всеми подробностями, потом — одно тянет за собой другое — о своем участии в борьбе монархистов против республиканцев в Португалии из благородного чувства признательности к королю дону Карлосу I. Он плывал из Португалии в Индию, и матросы прозвали его Золотым Сердцем и Железной Рукой, так как обычно он был мягок, как бриз, и держался с командой дружелюбно, но в случае неповиновения бриз превращался в жестокий неумолимый ураган, вот почему ему дали такое прозвище.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

**О помолвке и клятвах в вечной любви, или
О том, как капитан при свете луны бросил
якорь в сердце Клотилде**

В Натале капитан трепетно произнес первые слова о помолвке и свадьбе. Они шли вдвоем вдоль пляжа Черного Песка, и красота пейзажа, очарование города были

столь велики, что они не могли не ощутить их и не прийти в восхищение. «Ита» задержалась в порту ненадолго и рано утром должна была выйти к Форталезу. Капитан и Клотилде спешили увидеть все. Клотилде всякий раз взвизгивала от восторга при виде изгибов пляжа, белых домиков, крепости Трех Волхвов и серебряной реки, сверкающей под лучами солнца.

— Вы столько всего видели, столько красивых мест, что, должно быть, уже устали и вас больше ничто не удивляет, не правда ли? — сказала Клотилде, когда они остановились полюбоваться кокосовыми пальмами на фоне песчаных дюн.

— Да, повидал я немало, весь свет. Но когда ты один, многого не замечаешь. Просто не хочется смотреть...

— Ах! — вздохнула Клотилде. — Это правда... Просто не хочется.

— Тяжко тому, кто одинок.

— Ах!

— Скажите мне, вы не думаете, что если бы когда-нибудь...

— Что?

— Если бы вы когда-нибудь встретили человека, умудренного жизнью и одинокого... С любящим сердцем... Вы не согласились бы связать с ним свою жизнь, иметь свой дом, быть счастливой?

— Я боюсь. Мне кажется, я никогда не буду счастливой...

Она наклонила голову и погрузилась в воспоминания. Капитан мучительно подыскивал слова. Ни разу в жизни он не просил руки ни одной женщины, его единственным опытом подобного рода был вальс, который он танцевал с Мадаленой Понтес Мендес, но тогда дело не дошло до предложения. Что ей сказать и как?

— А я, если бы встретил девушку, которая мне понравилась бы и которая смогла бы понять старика, я...

— Это вы-то старик? Что вы!

— Так вот, которая могла бы...

— Капитан! Капитан!

К ним приближался сенатор с двумя приятелями.

— Несносный! — сказала Клотилде.

— Кто?

— Да этот сенатор... А почему он не сходит, чего он еще хочет?

Сенатор хотел всего-навсего проявить любезность по отношению к капитану, авторитет и морские познания

которого произвели на него впечатление. Он представил его своим друзьям и соратникам, пользаующимся большим уважением, политическим руководителям края, депутату штата и полковнику из провинции.

— Капитан Васко Москозо де Араган, много путешествовавший и переживший немало приключений. Он плавал по всему свету... Герой.

Оба политических деятеля были того же мнения о Васко, они с восхищением смотрели на героя, представленного его превосходительством сенатором.

— Пойдемте со мной, я хочу показать вам одно интересное заведение. Такое есть только здесь, в Натале, единственное в Бразилии. Замечательная штука! Вам надо обязательно посмотреть, капитан. Ручаюсь, во всех своих странствиях вы никогда ничего подобного не видели.

Сенатор уговорил их посетить прекрасно оборудованную школу домоводства, которая готовила девушек из богатых семей к замужеству, вооружая их всеми необходимыми знаниями.

Пришлось согласиться. Капитан проклинал благожелательно настроенного сенатора, который прервал их разговор с Клотилде как раз в ту минуту, когда ему удалось наконец отыскать нужные слова и приступить к делу. Клотилде шла с отсутствующим видом, все еще витая в облаках и сохраняя на лице мечтательное выражение.

В школе домоводства они пробыли дольше, чем ожидали. Директриса не упустила ни одной детали; она давала пояснения и, гордясь своей школой, показывала все, что только можно показать: здание, оборудование, учениц. На корабль пришлось возвращаться чуть ли не бегом.

— Теперь скажите мне, капитан: видели вы когда-нибудь что-либо лучшее или хотя бы похожее, с чем можно было бы это сравнить? — И, не ожидая ответа, сенатор продолжал: — Во всем мире нет ничего подобного. Между прочим, даже швейцарцы — да-да, сеньор, швейцарцы! — и те признают это. Мы получили много писем с просьбами сообщить сведения о школе. Да, сеньор, из Швейцарии!

— Выдающееся учреждение, просто замечательное! — согласился капитан. Он был расстроен: самый подходящий момент, когда Клотилде была взволнована красотой пляжа, упущен.

Вечером после обеда капитан и Клотилде посидели немного в салоне, она попробовала рояль, настроенный

опытным мастером из Натала, и вдруг спросила, не хочет ли капитан немного прогуляться.

— Сегодня полнолуние.— И она рассмеялась своим отрывистым смехом.

Сердце Васко забилося — снова предоставлялась желанная возможность. Они поднялись на верхнюю палубу, пустынную в этот час.

Большая, полная, кроваво-золотая луна поднималась из моря.

— Смотрите...— сказала она, подходя к борту.

Луна вставала из вод, где отдыхала днем, сейчас она начнет свой обход — навестит всех влюбленных на пляжах и улицах, в гавани Баии, в затерянных портах и на палубах судов. Густой как масло лунный свет разливался по зеленым волнам, ветры — террал и аракати, прилетевшие с юга и с севера, мягкими дуновениями приветствовали луну. «Ита» тихо плыла в лунном свете. В эту волшебную ночь капитан взял Клотилде за руки, голос его дрожал от волнения и любви:

— Клотилде! Ах! Жестокая Клотилде...

— Жестокая, я?

Она вздрогнула и чуть слышно спросила:

— Почему вы так говорите, капитан?

— Неужели вы не видите, не понимаете, не чувствуете?

— Я не верю мужчинам...

— Я тоже не верил женщинам... Но теперь верю себе, я сгораю от любви...

— Не верю и боюсь...

Она не отнимала своих рук и прижалась к Васко, он ощутил ее дыхание. Как это случилось, не знал никто, только море да полная луна,— головка в локонах опустилась на широкое плечо капитана, украшенное эполетом и якорем. Он обнял ее за талию, она вздрогнула и вздохнула. Капитан повернул ее к себе, уста их встретились. Последовал долгий поцелуй, утоливший давнюю жажду любви, которой горели их все еще юные сердца.

— О! — вздохнула она, едва переводя дыхание.— Что я сделала, боже мой? Какой стыд... И что теперь будет?

Он все еще держал ее в объятиях.

— Мы поженимся, если вы принимаете мое предложение...

Тогда она рассказала о своем скорбном прошлом, о причине своей грусти и одиночества. Когда-то она любила одного человека, безгранично поверила ему и отда-

ла свое девичье сердце. Он был очень богатый, известный врач, приехавший в Белен из Рио. Пациентов у него была масса, он едва справлялся с работой. Этот человек считался лучшей партией во всем Белене и был от нее без ума. Он хорошо разбирался в музыке и сам немного музицировал. Они играли в четыре руки, и души их сливались в волнах звуков. Клотилде перемежала рассказ вздохами. Устроили помолвку, они поклялись друг другу в вечной любви и назначили день свадьбы. Ей тогда было семнадцать лет, скромная невинная провинциальная девочка отдала свое сердце любимому, уверенная в его благородстве, в его любви...

«Что с ней произошло?» — с тревогой думал Васко. Может быть, как-то вечером, когда они играли в четыре руки и родителей не было дома, негодяй воспользовался доверием девушки, лишил ее чести, а потом бежал.. И она осталась одна, убитая и опозоренная. Но все равно! Его уважение к ней не уменьшится. Напротив, теперь он еще сильнее любит ее, и решение сделать ее своей супругой стало еще тверже...

Она верила в благородство жениха, в его любовь... Но мужчинам нельзя верить, почти никому из них... И вот что произошло накануне свадьбы!.. Ей тяжело рассказывать об этом, растревая едва зарубцевавшуюся рану, ее сердце все еще болит. Она узнала, что ее жених соблазнил в Рио одну девушку, бедную швею. У несчастной родился ребенок, и врач посылал ей ежемесячно деньги. Услышав о помолвке и предстоящей свадьбе, швея написала Клотилде, рассказала обо всем и отдала в ее руки судьбу — свою и ребенка. Что оставалось делать Клотилде? Пожертвовав любовью, она порвала с врачом и потребовала, чтобы он вернулся в Рио и женился на матери своего ребенка. Он так и сделал; теперь он знаменитый врач, богатый, с положением, все вечера проводит в Жокей-клубе, а швея превратилась в великосветскую даму... Клотилде же поклялась никогда не выходить замуж. Никогда больше она не отдаст свое сердце ни одному мужчине... Никогда не взглянет ни на одно мужское лицо. Но в этом путешествии...

Капитан был растроган благородством души ее, ее самоотречением. Он недостойн ее, недостойн даже поцеловать край ее платья. Но любовь, как известно, возвышает человека, наш капитан тоже возвысился и при свете луны осыпал поцелуями ее глаза, лицо, ее ненасытные уста.

Он тоже рассказал ей о причине своего одиночества, о том, почему не женился. Ее звали Дороти, капитан носил ее имя и сердце вытатуированными на руке.

— Они вытатуированы? Значит, это не исчезает?

— Никогда. Имя и сердце наколол один китаец в Сингапуре, мастер своего дела.

— Вы хотите сказать, что не забыли и до сих пор еще любите ее...

— Она умерла... — в эту минуту трагического молчания он ясно увидел в лунном свете Дороти, ее стройное тело...

Она умерла до свадьбы, накануне ее. Ей только что удалось добиться развода, муж наконец согласился дать ей свободу...

— Ах! Она была замужем...

Да, она была замужем, когда он с ней познакомился и полюбил ее на борту «Бенедикта», большого судна, совершавшего рейсы между Европой и Австралией. Это была почти такая же глубокая всепоглощающая страсть, как та, которую он переживает сейчас на борту «Иты». Дороти путешествовала с мужем, но разве светские условия и даже законы могут устоять перед любовью? Он покинул судно, а она — мужа, и они высадились в заброшенном азиатском порту в ожидании развода...

— Бесстыдница... Замужняя женщина...

Нет, Клотилде к ней несправедлива, не надо судить ее строго. Между ними ничего не было, ничего! Дороти все рассказала мужу и сбежала только потому, что этот эгоист не захотел давать ей развод. Они не пошли дальше целомудренных поцелуев. В ожидании решения своей судьбы Дороти жила у миссионерки, сестры Карол. Только после вступления в брак они будут принадлежать друг другу, сама Дороти так решила. Наконец она получила развод, все бумаги были уже подготовлены, и вдруг лихорадка, ужасная азиатская лихорадка, к которой он невосприимчив, покончила с Дороти в три дня. С Дороти и с его карьерой. Он обезумел и поклялся никогда больше не ступать ни на одно судно. И если он командует сейчас «Итой» и ведет ее в Белен, то только потому, что к этому обязывает закон; он не может нарушить клятвы, данной им себе в торжественной обстановке после блестящей сдачи экзамена на диплом капитана. Вот почему он никогда не женился и навеки замкнул свое сердце. Но в этом путешествии...

Клотилде попросила разрешения подумать. Она даст

ответ до прибытия в Белен, сейчас она смущена и напугана. Кроме того, ей надо спросить согласия брата в Парá. А также Жасмина, прибавила она с улыбкой...

Судно плыло под луною, по небу и морю разливались золото и серебро. А на палубе капитан и Клотилде клялись в любви, смеялись без причины, вздыхали, говорили бессвязные слова, целовались и жали друг другу руки. Внезапно на лестнице послышались шаги, и наши влюбленные поспешили укрыться под сенью спасательной шлюпки. На палубе появилась другая пара. Сначала капитан и Клотилде увидели силуэт Фирмино Мораиса, адвоката из Парá. Он огляделся и подал призывный сигнал. По лестнице взбежала метиска Моэма и кинулась к нему с протянутыми руками. Они обнялись и стали бешено целоваться.

— Бесстыдница...— прошептала Клотилде.— Он же женат...

— Любовь не считается с условностями,— отвечал капитан,— любовь как буря.

Он взял ее под руку, и они направились в салон, чтобы присоединиться к другим пассажирам. Клотилде попросила его держать пока в секрете помолвку, состоявшуюся при свете луны. Она хотела, чтобы свадьба была скромной, без приглашенных, без празднества; только она, Васко, ее брат и невестка. И если уж так случилось, то лучше устроить свадьбу поскорее, не откладывать надолго...

— Только подготовку бумаги...

Он вернется в Перипери с женой, найденной в море, с той, которую он ждал столько времени в дальних рейсах, на капитанских мостиках кораблей, ярко освещенных пакетботов, черных грузовых судов... Она явилась в луче лунного света, и вот навсегда пришел конец одиночеству и долгому ожиданию.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

немного глупая и очень счастливая, с предоставлением права посетить машинное отделение и трюм, а также при желании послать сигнал SOS

Счастлив капитан. Счастлива его Клотилде. Они встречаются то в одном, то в другом уголке судна, смеются, обмениваются нежными взглядами и робкими улыбка-

ками, незаметно пожимают друг другу руки, шепчут ласковые словечки, их души возрождаются в мимолетных поцелуях. Они строят планы.

Она романтична и много страдала. Страдание сделало ее требовательной и недоверчивой, а романтичность заставляет стремиться к тайне. И поэтому она не сказала капитану ни своего полного имени, оставаясь для него пока просто Клотилде, ни подробностей о своей семье, за исключением туманного сообщения о женатом брате, имеющем двух детей и живущем в Белене, и о сестре с пятью детьми и мужем инженером в Рио. Кроме того, она запретила ему расспрашивать пассажиров из Парá, его любовь должна выдержать это маленькое испытание.

— Я представлю вас своему брату в порту, в Белене. Он будет меня встречать.

— Но, Кло...

Больше двадцати лет назад он знал одну Кло, блондинку с молочно-белой кожей, он уже не помнил, то ли это было в Исландии, среди айсбергов и фиордов, то ли в Баие, в пансионе Карол или Сабины. Девственная Клотилде чем-то напоминала ему ту Кло из страны льдов и гейзеров; может быть, пышным бюстом или детской манерой разговаривать. И когда он называл Клотилде Кло, он не мог отделаться от воспоминаний о прошлом, о белом теле исландки.

— Вы забыли, что я не могу сойти вместе с вами, моя дорогая. Мне придется задержаться, подписать бумаги. Это ведь последний порт, плавание кончается.

Она обожала тайну.

— В момент высадки я вручу вам записку со своим полным именем и адресом. Я уже приготовила, вот она здесь...— Клотилде указала на свое декольте, на жаркой груди хранила она бумажку, которая откроет капитану доступ в ее семью. Эта записка — ключ к его новой, семейной жизни.— Я буду ждать вас дома, вы можете пообедать у нас и познакомиться с моим братом и невесткой... Я велю приготовить крабов. Так даже лучше, у меня будет время поговорить с братом.

— Но к чему вся эта тайна, этот секрет?

— Я хочу иметь доказательства ваших чувств. Знать, что я вам нравлюсь сама по себе, а не из-за моей семьи...

— Неужели вы еще сомневаетесь во мне?

— Я должна вас проверить...

Что ж, пусть, раз она так хочет. Наберемся терпения.

Для него все это не имеет значения, ведь не на родственниках же он собирается жениться. Она права. Однако вся эта таинственность невольно заставила его призадуматься. Наверно, Кло из известной дворянской семьи, богатой и чванной, вроде семейства Мадалены Понтес Мендес. Они, конечно, принадлежат к высшему обществу Парá. К тому же в начале путешествия, когда он только что заметил ее, он слышал, как один пассажир говорил, что ее брат очень богат. Должно быть, они миллионеры, размышлял капитан, владельцы обширных поместий, каждое размером в небольшую страну, с огромными лесами каучуковых деревьев, с островами на Амазонке, индейцами, ягуарами и двадцатиметровыми змеями. Может быть, Клотилде боится, что братец воспротивится браку богатой наследницы с простым капитаном дальнего плавания, отсюда и вся таинственность? Ее семья может принять его за авантюриста, подумать, что он хочет наложить лапу на состояние невесты.

Но если она так богата, зачем она дает уроки на рояле? Наверно, просто от скуки, чтобы убить время, или из любви к музыке. При первом же удобном случае капитан сообщил Клотилде, что его средства и состояние не ограничиваются пенсией. У него есть собственный превосходный домик в Перипери, на одном из самых фешенебельных пляжей Салвадора, и значительное количество акций, дающих ренту, которой более чем достаточно, чтобы обеспечить ему и ей спокойную и комфортабельную жизнь. Кло протянула ему руки.

— Даже если бы вы были бедны, как Иов...

В Форталеze в те времена не было гавани и пароходы не причаливали к берегу. Пассажиры прыгали с опущенного над водой трапа на маленькие парусные баркасы, что представляло собой весьма любопытное зрелище. Взволнованные крики, смех, бронзовокожие гребцы с мускулистой грудью, удерживающие свои суденышки около лестницы. Адвокат из Парá стоял, расставив ноги, на корме одного из баркасов; он продемонстрировал свою силу — взял стоявшую на последней ступеньке лестницы дрожавшую от страха метиску Моэму за талию, поднял ее в воздух и поставил рядом с собой. В течение минуты оба твердо стояли на корме, которую поднимали и опускали красивые высокие волны. Капитан не мог совершить подобного подвига; конечно, силы у него хватило бы и желания тоже, несмотря на то что Клотилде весила порядочно и дело представлялось несколько рискован-

ванным, но от качки он чувствовал себя так скверно, что об этом нечего было и мечтать.

Еще раньше донна Домингас пришла к нему на капитанский мостик проститься и поблагодарить.

— Вы, сеньор, отличный капитан, с вами приятно путешествовать.

Она протянула ему руку с поблескивающим кольцом.

Затем она попрощалась с первым помощником и другими офицерами, сказав им:

— Вам, сеньоры, повезло, что у вас такой способный командир, как капитан Васко.

— Придет день, и он получит свое...— ответил первый помощник.

Эта несколько странная фраза объяснялась, несомненно, его напряженным состоянием в тот момент, так как судно маневрировало, высаживая пассажиров.

Пришел также проститься атлетически сложенный банковский чиновник. Он провел весь остаток путешествия за писанием писем пернамбукской девушке, в Натале он заполнил ими почтовый ящик.

— Весьма достойная сеньорита...— похвалил капитан, обнимая влюбленного юношу.

К берегу плыли весело. Брызги летели с весел на пассажиров; укрываясь от них, Клотилде прижалась к груди капитана. Они отправились осматривать город, побывали на пляже Ирасемы, где Клотилде купила кружев для «новых ночных рубашек», как она объяснила, стыдливо пряча лицо в шаль. Васко, неожиданно вспыхнув страстью — он вспомнил другую Кло, ее грудь, выглядывающую из кружевной рубашки,— принялся безумно целовать ее, к изумлению рыбаков и кружевниц. Когда они вернулись в центр, Кло захотела пойти в церковь. Склонив головку, она сосредоточенно молилась. Капитан воспользовался этим, чтобы исчезнуть. Молитва кончилась, Клотилде оглянулась по сторонам — капитана не было. Ей показалось, что сердце у нее останавливается. На глаза ее навернулись слезы, беспокойство все росло, она опять огляделась и наконец увидела торопливо подходившего к ней капитана. Она сурово спросила:

— Где вы были? Покинули меня здесь одну...

Но он взял ее за руку и заставил вернуться в опустевшую церковь. Они остановились под витражем, через который падал луч света, и капитан достал из кармана коробочку с царей только что купленных обручальных колец. В этот час безмолвия в церкви они скрепили свою

помолвку. Но поцеловать ее он смог только на улице: в храме она ему этого не позволила, назвав его атеистом и еретиком. А капитан был попросту счастлив.

В предпоследний день путешествия — на следующий день в три часа «Ита» прибыла в Белен, где ей полагалось простоять ночь и отправиться в обратный путь к вечеру следующего дня, — каприз Клотилде вызвал переполох и смятение на корабле. Она объявила о своем желании увидеть внутренность парохода: спуститься в машинное отделение, в трюмы, осмотреть все служебные помещения. Ведь корабль был домом Васко в течение сорока лет! Это романтическое желание вполне понятно и естественно для невесты, которая интересуется всем, что связано с жизнью ее будущего мужа.

Капитан поцеловал ее и обещал показать судно.

Было ясно: капитан одержим страстью и совершенно не помнит о трудностях, связанных с подобной затеей. Не потому ли на всех дверях висели надписи — «вход запрещен»? К капитану и его гостье это, конечно, не относится. Но как он, старый моряк, не подумал об опасных лестницах, о том, что на кочегарах одни набедренные повязки? Однако как бы то ни было, но за сутки до конца плавания капитан взял свою возлюбленную за руку, и они отправились во чрево корабля. Капитан открыл маленькую запретную дверку, за ней разверзлась пропасть, в которую спускался узенький отвесный железный трап. Кло испустила легкое «ай», капитан начал спускаться и подал ей руку. Как они оба не свалились, до сих пор остается тайной и лишний раз подтверждает, что бог покровительствует влюбленным.

Начальник машинного отделения при виде их разинул рот, затем вынужден был дать краткие объяснения. У котлов поднялся переполох: кочегары и их подручные, почти совершенно голые, пришли в крайнее замешательство, внезапно увидев перед собой даму. Второй машинист схватился за голову. Клотилде в крайнем волнении пожелала собственноручно бросить кусок угля в раскаленную топку. Она задыхалась от жары. Капитан помог ей, сказав, что это напоминает ему то время, когда он служил юнгой и иногда работал в машинном отделении вместе с кочегарами.

Они побывали в трюмах, заполненных товарами. Срочно вызванный комиссар спустился туда же. Он хмурился. Представьте, что будет, если в голову этого сумасшедшего капитана придет идея организовать экскурсию

пассажиров по внутренним помещениям корабля... От него всего можно ожидать... Но капитан, едва поздоровавшись, больше не обращал на него никакого внимания. Комиссар поднялся на капитанский мостик и сказал первому помощнику:

— Твой капитан водит старушку по внутренним помещениям корабля. Они уже побывали в машинном отделении и в котельной. Я снимаю с себя ответственность.

— С каких пор капитан не имеет права показать судно пассажиру? Тем более своей возлюбленной? Пускай себе ходит...

— Они упадут с лестницы и разобьются насмерть...

— Похороним в этом рейсе второго капитана. Рекорд своего рода...

Едва кончился этот диалог, как на мостике появились Васко и Клотилде. Первый помощник и комиссар не могли сдержать смеха. Клотилде выпачкала в угле и лицо, и руки, белая форма капитана тоже пришла в жалкое состояние.

— Я вожу сеньориту Клотилде по судну. Сейчас мы пойдем в радиорубку.

— Не хотите ли показать также приборы?

— Может быть, потом.

Комиссар махнул рукой и спустился по ступенькам. Васко направился в радиорубку. Отдыхавший на койке радист, увидев капитана, вскочил.

— Это отсюда передают SOS, когда судно в опасности?

— Именно отсюда, сеньора.

«А что, если она попросит послать сигнал SOS?» — подумал Васко. Но даже эта мысль показалась ему смешной и нисколько его не пугала. Вот была бы комедия!

По пути он показал ей свою каюту, жилище капитана. Она заглянула, просунув голову в дверь, но не вошла. На столе стояла фотография — красивая, улыбающаяся дама с посеребренными сединой волосами и с нею два мальчика, один лет пятнадцати, другой постарше.

— Кто это? — заинтересовалась недоверчивая Клотилде.

— Жена и дети покойного капитана.

Когда они спускались с лестницы, она сказала:

— Я действительно хотела бы выйти замуж за капитана...

— А я, я кто такой по-вашему?

— Да, я знаю... Но я хотела бы выйти замуж за капитана и жить на судне. Плавать с ним на его корабле и увидеть весь свет и все города.

— Брать женщину на борт запрещено. Вы не подумали об опасностях? Дни за днями в море, на судне, среди грубых матросов — вы ведь видели сейчас кочегаров? Жена капитана на борту? Как можно!

— Был такой фильм о капитане, который возил с собой на судне жену. Очень хорошая картина, я забыла название.

Капитан улыбнулся. Они поселятся в Перипери, в домике с зелеными ставнями и окнами, выходящими на море; как-нибудь вечером в уютной тихой комнате она будет сидеть за вязанием, а Васко, покуривая трубку, расскажет ей, как однажды в Турции безумно влюбившаяся в него магометанка спряталась в его каюте и он обнаружил ее, лишь когда судно уже плыло в открытом море. О многом расскажет он ей, о сигналах SOS, о страшных опасностях, о портах, набитых опиумом и контрабандой, о своей жизни, полной приключений, которую он отныне вручает ей, слагает к ее ногам. Завтра он познакомится с ее родными, будет обедать в ее доме и официально попросит ее руки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Об идеальном и абсолютном владении наукой кораблевождения

На следующее утро, когда показались льющиеся в море глинистые воды Амазонки и вдалеке послышался шум поророки¹, капитан Васко Москозо де Араган впервые за всю свою долгую бурную жизнь совершил кражу; впрочем, тотчас же после этого он проявил исключительную щепетильность и, поборов сильнейшее любопытство, твердо сдержал свое слово быть скромным.

Кража была совершена в салоне, еще пустом в ранний утренний час, когда капитан начал свой последний обход судна. «Ита» полюбила его. Нельзя сказать, чтобы этот рейс изобиловал какими-либо из ряда вон выходящими происшествиями; ни кораблекрушения, ни мятежа команды, ни серьезных осложнений с приборами, ко-

¹ Поророка — громадная волна, поднимающаяся от устья вверх по реке.

гда пришлось бы тут же на месте принимать ответственное решение, например, внезапно обезумевшая буссоль или рехнувшийся секстант. На борту не оказалось даже революционеров, как угрожал депутат из Парайбы. Зато капитан поддерживал дисциплину, уверенно и спокойно вел судно и нашел здесь подругу жизни. Он вернется с нею в Перипери и будет там жить, окруженный друзьями. Ему нечего больше вешать нос, потому что теперь уж никто не усомнится в подлинности того, что он капитан, и в том, что он действительно совершил множество подвигов. Вот тут-то капитану и пришла в голову мысль о краже. Он полюбил «Иту», и ему захотелось иметь у себя в гостиной на большом столе сувенир, напоминающий о последнем рейсе, который он проделал в качестве капитана. На обратном пути он будет уже на положении пассажира, конечно, почетного, к нему будут относиться с должным уважением, как к капитану дальнего плавания, сделавшему компании большое одолжение, но все же судьба судна, команды, пассажиров уже не будет в его руках. И Васко захотелось иметь какой-нибудь пустяк, безделушку, которая бы напоминала ему счастливые дни на борту «Иты». Например, пепельницу с эмблемой компании и изображением «Иты». Одна такая пепельница была разыграна в качестве приза накануне, другие стояли на столах для курильщиков. Васко огляделся, вокруг никого не было. И пепельница тотчас исчезла в правом кармане его кителя. А поскольку трудно только начало, другая пепельница тут же оказалась в левом кармане. Это не было внезапным припадком kleптомании, просто он вспомнил о своем добром верном друге Зекинье Курвело. Мог ли он привезти ему лучший подарок в доказательство дружбы?

Совершив кражу столь ловко и удачно, капитан не чувствовал угрызений совести. Национальная компания каботажного судоходства богата, две пепельницы не имеют для ее бюджета никакого значения. Конечно, он не украл бы их, если бы на судне продавались такие пепельницы. Но он узнал от самого комиссара, что для премии выделили последний экземпляр из полученной партии. Вот из-за вазы для печенья, не совсем добровольно поднесенной сензором Стенио, его действительно мучила совесть. А ведь ее-то он как раз и не украл. И к тому же этот подарок доставил Клотилде большое удовольствие. Накануне вечером, когда они в последний раз любовались луной и морем, она сказала, что догадалась о его

любви именно в тот момент, когда он преподнес ей этот шедевр, украшенный барельефом влюбленных.

Капитан шел по палубе, погруженный в размышления. Вдруг он увидел Фирмино Мораиса, адвоката из Парá. Юрист, охваченный глубоким раздумьем, стоял, прислонясь к перилам, и глядел на море невидящим взором. Услышав шаги капитана, он обернулся, они поздоровались и разговорились. Любезный адвокат был встревожен и озабочен. Казалось, он нуждался в чем-то присутствии и ухватился за капитана, лишь бы не думать, не оставаться наедине со своими мучениями и тревогами. Он пошел вместе с Васко.

— Итак, капитан, сегодня мы будем в Белене-до-Гран-Пара...

— В три часа дня, сеньор Мораис.— Он взглянул на часы, было семь утра.— Через восемь часов...

— Хорошее было плавание, приятное...

— Спокойное, самое спокойное из всех, которые я когда-либо совершал.

— Спокойное? — спросил адвокат.— Так ли?

— А разве нет? Ведь не было ни шторма, ни урагана.

— Но, кажется, шторм все же поднялся... В сердцах пассажиров, капитан.

Не намек ли это на его любовь к Клотилде? Адвокат шутит, предполагая, что у капитана и Кло такие же отношения, как у него самого с этой девушкой-метиской.

— Что касается меня, сеньор, то я вел себя исключительно корректно. И если меня захватило некое чувство, то это чувство благородное, чистое, и намерения у меня самые честные.

Может быть, капитан намекает на его флирт с Мозмой, на их прогулки по палубе при свете луны, их беседы наедине, на то, что они покинули остальных пассажиров на улицах Форталезы? Адвокат не мог надеяться, что его близость с этой девушкой останется незамеченной. Он знал, что их запретное счастье вызовет злобные пересуды. А что будет теперь, в Белене? Видеться с ней невозможно. Это он понимал. Но что делать? Эта безумная, бесстыдная девственница околдовала его. Он не мог думать ни о чем другом, ничего не видел вокруг себя, кроме ее лица, и желал только одного — обладать ею. Пусть один лишь раз, пусть после этого он покончит с собою и убьет ее: ведь ему не вынести позора, угрызений совести, рыданий жены и ужаса взрослой дочери. Почему этот капитан не возьмется за штурвал и не

повернет корабль далеко-далеко в море — океан? Плыть бы и плыть по волнам... и никогда не возвращаться...

Он был в таком отчаянии, что чувствовал потребность совершить зло, отомстить кому-то за свои страдания. Наверняка Клотилде ничего не сказала влюбленному капитану про смешную историю с ее свадьбой. Сейчас адвокат ему все выложит, может быть, станет легче на сердце.

— А какие же другие чувства, как не благородные, могут скрываться в вашей груди, капитан? Вы женитесь, я полагаю. И женитесь очень удачно, входите в семью, заслуживающую самого большого уважения. Я друг брата Клотилде, он...

Капитан резко оборвал его:

— Пожалуйста, не продолжайте.— Ему очень хотелось узнать все подробности, которые Кло так ревниво скрывала. Но ведь он обещал, а его обещание свято.— Я не хочу слышать ни одного слова о семье Кло, Клотилде. Ни о ней самой...

— Но почему? Я собирался рассказать вам вещи, всячески ее возвышающие.

— Благодарю вас. Но я дал клятву и не хочу ее нарушать.

И чтобы избежать еще какой-либо нескромности со стороны адвоката, капитан, сославшись на дела, оставил юриста наедине с его горестями и печальями.

Палуба стала оживляться: появилась Клотилде, ведя Жасмина. Даже бриз не спасал от экваториальной жары. Капитан подошел к невесте, довольный своим благородным поступком. Он не унизил себя нескромным любопытством, он достоин своего славного прошлого!

Это был день волнений. Волновались пассажиры, укладывая чемоданы и поглядывая на часы,— они стремились поскорее прибыть на место. Последние минуты тянулись особенно долго. Волновалась Клотилде, размышляя о том, как она расскажет брату о помолвке, как объяснит появление на пальце обручального кольца. Волновался капитан, не зная, как вести себя с самым влиятельным семейством в Парá, с этими дворянами, достойными самого большого уважения, как он только что слышал от адвоката. Время тянулось, было жарко, нестерпимо жарко.

За столом во время завтрака сеньор Фирмино Мораис по просьбе других пассажиров произнес краткий тост в честь капитана, поздравив его с успешно закончившимся

плаванием и поблагодарив за внимание к пассажирам. Васко был растроган и в свою очередь пожелал всем — юношам и девушкам, дамам и господам — много счастья и чокнулся с Клотилде. Тут красивая метиска встала из-за своего столика, подошла к капитану и поцеловала его.

Теперь земля была уже близко, вддали виднелись дома Белена. Васко пожал Кло руку и поднялся на капитанский мостик.

Он смотрел в подзорную трубу на город, на дома, облицованные португальскими изразцами, на живописный базар Вер-о-Пезо, на причал Порт-оф-Пара, где должна была пришвартоваться «Ита». Все судовые офицеры собрались на мостике, даже комиссар. Старший помощник подал команду. Судно подходило к пристани...

Васко посмотрел на флаги стоявших на якоре грузовых судов и пакетботов: «Ита», по всей видимости, стоит рядом с английским грузовым пароходом, дальше находилось небольшое судно компании «Ллойд Бразилейро», яхта из французской Гвианы и множество речных пароходиков. С английского судна махали белокурые матросы. Капитан решил, что его миссия окончена — машины почти затихли, судно сбавило ход. Они прибывали к месту назначения. Теперь остается лишь подписать документы, и он сможет спуститься по трапу, догнать Клотилде и получить записку с ее полным именем и адресом, благоухающую от соприкосновения с ее девственной страстной грудью. Представитель компании стоит на пристани и держит в руках документы. Где же брат Клотилде? Васко пытался угадать его в толпе встречающих. Они перекликались с пассажирами и нетерпеливо махали руками. Носильщики предлагали свои услуги, показывая номера на груди. Все идет хорошо, думал капитан. И именно в эту минуту, когда на его устах появилась улыбка полного удовлетворения, над ним прозвучал голос первого помощника, окруженного судовыми офицерами:

— Капитан!

— Что?

— Капитан, наше путешествие кончается.

— К счастью, все прошло хорошо.

— К счастью. Вам остается только отдать последние приказания.— Он вытянулся перед Васко и громко спросил: — На сколько канатов прикажете швартовать судно в гавани?

— Как?

— На сколько швартовов будем зачаливать судно в

гавани Белена? — повторил первый помощник еще более торжественно и серьезно.

— Но я же уже сказал, друг мой, что не желаю ни во что вмешиваться, не хочу давать никаких приказаний. Я прибыл сюда по необходимости, а судно находится в хороших руках.

— Извините, капитан, но вы, старый моряк, так хорошо знающий законы мореплавания, как видно, просто забыли, что мы в конечном порту и тут только капитану и никому больше полагается распорядиться, на сколько швартовов зачаливать судно в гавани.

— Конечный порт! Вы правы, я забыл... швартовы...

В Салвадоре перед отплытием судна ему показалось, что старший помощник и этот Америко Антунес, представитель компании, переглянулись, а ведь Америко поклялся ему...

— Капитан, мы ждем. И мы, и пассажиры. Машины почти остановлены, на сколько швартовов зачаливать судно?

Васко устремил на него взгляд своих ясных глаз.

— На сколько швартовов? — и тут дивный дар, присущий поэту, вновь осенил его. — На сколько?

Он сделал паузу и голосом капитана, привыкшего отдавать команду, крикнул:

— На все!

Офицеры переглянулись, они были ошеломлены. Такого ответа никто не ожидал. По правде сказать, они ожидали не ответа, а замешательства, смущения, саморазоблачения. Однако после краткого мига растерянности первый помощник улыбнулся — теперь шутка будет полной, — он поднял рупор и передал небывалую команду:

— Приказ капитана: зачалить судно на все швартовы.

Офицеры поняли, они с трудом удерживались от смеха. Комиссар сбежал вниз: надо объяснить пассажирам в чем дело, пусть наберутся терпения.

Команда забегала, начался спектакль, который вскоре собрал в порту уйму народа, офицеры и матросы всех судов, включая и речные пароходики, не сводили глаз с «Иты».

Вытянувшись перед капитаном, первый помощник снова спросил:

— Сколько якорей, капитан?

— Все.

Первый помощник в рупор:

— Приказ капитана: все якоря!

— На сколько колец травить якорные цепи, капитан?

— На все!

— Приказ капитана: все цепи до конца!

Матросы тащили канаты и бросали их грузчиком в гавани, те закрепляли их на больших причальных тумбах. Концы раскачивались в воздухе.

— Сколько тросов, капитан?

— Все!

— Приказ капитана: все тросы!

Стальные тросы и растяжки намертво зачалили судно. А ведь оно и без того уже прочно стояло в гавани, словно пустило корни; якоря, цепи и канаты с избытком обеспечивали безопасность в случае любого самого сильного шторма, любой самой сокрушительной бури. Между тем ни одна метеорологическая станция не предсказывала ничего подобного, ни один опытный моряк ни слова не говорил о буре. Все в один голос предвещали хорошую погоду с легким бризом.

Гомерический хохот поднялся в порту, он доносился до кают первого класса. Первый помощник продолжал:

— Малый якорь тоже, капитан?

— Тоже.

Васко слышал, как гремит смех, понял, в какую ловушку попал, но его уже понесло, и он не мог остановиться.

Хохот был слышен даже на мостике.

— Крепить канатом или стальным тросом?

— И тем и другим.

— Приказ капитана: бросить малый якорь и закрепить канатом и стальным тросом!

Первый помощник склонился перед Васко:

— Благодарю вас, капитан, швартовка закончена.

Васко Москозо де Араган наклонил голову и повесил нос. Он стал всеобщим посмешищем. Весь порт содрогался от хохота, люди сбегались отовсюду посмотреть на «Иту», пришвартованную в гавани Белена так, будто настал день Страшного суда и миру предстоит погибнуть в реве бурь и ураганов.

Нахмурившись, капитан прошел мимо судовых офицеров, обессиленных от смеха, и направился в свою каюту. Он заранее уложил вещи, чтобы быстрее нагнать Клотилде. Взял чемодан. Кому бы дать телеграмму в Салвадор с просьбой продать дом в Перипери и купить взамен на Итапарике? У него не было друзей в столице штата, прошло то незабвенное время, а Зекинья Курвело нельзя просить о таком деле, он не может показаться

ему на глаза, взглянуть в лицо. Раскаты смеха сливались в единый ровный гром, слышный даже в каюте.

Он спустился на ют первого класса — трап был только что спущен. Когда Васко подходил к ним, комиссар с хохотом объяснял Клотилде:

— Это именно так, я же вам говорю, сеньора...

В руке у нее был листок бумаги. Их глаза встретились, она взглянула на капитана с презрением и разорвала записку в клочки, записку с именем и адресом, еще хранившую тепло ее груди... Пассажиры искоса поглядывали на Васко, смеясь, указывали на него друг другу. Клотилде отвернулась и пошла к трапу. Встав на первую ступеньку, она оглянулась, еще раз пронзила Васко презрительным взглядом и бросила ему обручальное кольцо. Кольцо со звоном покатило по палубе, в глазах у Васко помутилось, он схватился за поручни и, шатаясь, направился к трапу. Вдруг кто-то заботливо взял его под руку.

— Вам плохо, капитан?

Это была метиска Моэма. Из всей толпы, заполнявшей палубу и гавань, только она не смеялась. Моэма сказала:

— Не обращайтесь внимания...

Он даже не поблагодарил ее — перехватило горло — и, потеряв всю свою жизнерадостность, повеся нос, пошел к трапу. Здесь его остановил представитель компании с бумагами. Капитан кое-как нацарапал свое имя — чувство долга еще сохранилось в его душе.

— Для вас забронирован номер в Гранд-отеле. Судно отойдет завтра в семнадцать часов, вам отведена отдельная каюта первого класса.

Представитель компании с трудом сдерживал смех.

Васко не ответил и стал спускаться по трапу вместе с последними пассажирами. Матросы и офицеры, служащие таможи, портовых складов и целая толпа горожан любовались «Итой», зачальной в гавани на все швартовы. Она останется так до завтрашнего дня, до самого часа отправления. Весь город успеет побывать в порту и вдоволь насладиться невиданным зрелищем.

На Васко со всех сторон указывали пальцами, толпа хохотала. Он подошел к грузчику:

— Не можете ли вы сказать, где тут есть какой-нибудь недорогой пансион?

— Разве только пансион доны Ампаро, но он довольно далеко...

— Можете вы показать мне дорогу?
— Если хотите, я провожу вас и снесу ваш чемодан... Заплатите по своему усмотрению...

С капитанского мостика первый помощник и остальные офицеры смотрели, как уходит капитан. Он шел согнувшись, спотыкаясь, словно сразу состарился. Он потерпел кораблекрушение, Смех в гавани не прекращался...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

**в которой истина поднята со дна колодца
разыгравшимися бурными ветрами**

Около пяти часов Васко добрался до пансиона доны Ампаро, приветливой беззубой метиски. Он получил комнату с гамаком, завоевав симпатию доны Ампаро тем, что напомнил ей какого-то приятеля из Акри. Она спросила, не болен ли он. Жара становилась все невыносимее. Васко сел в гамак и принялся размышлять. Болен? Нет, он просто опустошен, ему трудно собраться с мыслями, обдумать, как вернуться в Салвадор, продать дом в Перипери и купить другой на острове Итапарика. На улице, оцепеневшей от жары, была мертвая тишина, но он все еще слышал раскаты смеха, теперь они всю жизнь будут греметь у него в ушах. И боль в груди, острая, непрекращающаяся... На этот раз выхода нет, капитан Жорж Диас Надро, старый моряк сломлен, он навсегда повесил нос.

Не несчастье заставило его склониться, а смех; смех всего города уничтожил его.

Когда дона Ампаро пришла звать Васко к обеду, он сидел в гамаке все в том же положении. Он даже не снял кителя.

Нет, он не хочет есть. Дона Ампаро обладала большим жизненным опытом, как утверждали ее жильцы и соседи. Она уверенно поставила диагноз: на болезнь это не похоже, тут какая-то неприятность, и, видимо, очень серьезная. Может быть, смерть единственного сына? Еще вероятнее, впрочем, что от сеньора сбежала жена. Женится на молоденькой, и вот, приходит домой, а ему сообщают новость: жена уехала, куда — неизвестно, всю мебель увезла с собой, и теперь бедняга муж страдает. Дона Ампаро знала много случаев подобного рода.

Не хочет ли постоялец по крайней мере выпить глоток вина, чтобы подкрепиться и справиться с жарой? Чтобы справиться с жарой и забыть жену-беглянку, нет

ничего лучше глотка кашасы. Всего один глоток! Он кивнул в знак согласия. Дона Ампаро тотчас же принесла целую бутылку: одного глотка мало в его положении.

В свое время Васко мог сколько угодно пить. В последние же годы ограничивался горячим грогом, который с таким искусством приготовлял в своем домике в Перипери. На этот раз он без колебания выпил всю бутылку целиком, как в дни своей молодости. У него еще сохранился остаток прежней выносливости, он крепко держался на ногах и уверенно прошел в столовую попросить еще кашасы. Жильцы пансиона — собиратели каучука из провинции — смотрели на него с любопытством. Когда, получив еще бутылку, он вышел, дона Ампаро объяснила:

— Бедняга... Жалко мне его. Такой человек, пожилой, в форме и всякое такое, а жена — негодяйка, убежала с каким-то никуда не годным капралом. Несчастный остался совсем один... Мир полон горестей и обмана.

Под влиянием жары и кашасы Васко заснул глубоким сном без сновидений... Он с трудом стащил с себя ботинки и китель. Брюки и рубашку так и не удалось снять. Последний глоток он выпил уже в полусне.

Таким образом, Васко оказался единственным человеком в городе Белен-до-Гран-Пара, не пережившим в эту ночь величайшего ужаса, не ощутившим в сердце холода смерти, неумолимой близости конца... Потому что когда дона Ампаро и ее жильцы, внезапно разбуженные, выскочили из дома, вопя и призывая бога, они, конечно, не вспомнили о Васко. Впрочем, в эту роковую минуту мало кто помнил о родной матери, об отце, о жене и детях.

Дело в том, что в эту ночь, совершенно непредвиденно, вопреки всем прогнозам погоды и к вящему изумлению деятелей метеорологической службы, над портом и городом Беленом разразилась буря невиданной силы, испугавшая даже старых моряков. Такого урагана, такого страшного шторма не бывало ни разу в наших южных морях.

Из других частей света прилетели бешеные неистовые ветры. Воя от ненависти, они яростно накинулись на весь город. Быстрые, неумолимые, они рвались разрушить все ради спасения мечты. Огнедышащий самум стеной гнал перед собой пески из пустыни. Муссоны из Индийского океана, где не раз плавал капитан Васко, шли сомкнутым строем; они сметали дома и переворачивали их в воздухе, словно сухие листья. Крутя смерчи, насвистывая песню смерти, принесли из Африки черный харматан. Он обрушился на пакетботы, швыряя их о причалы, ло-

мая мачты и трубы. Пассаты потопили баркасы, парусники и жангады. Мрачный мистраль вздумал позабавиться: он захватил прибывшую из французской Гвианы яхту, порвал паруса, сломал руль и погнал ее снова в море, к острову Маражб, где страшные черепахи заполонили деревни. Из Сибири подул ледяной ветер, принеся на своих белых крыльях смертельный холод. Он пригнулся издалека и потому с опозданием, но с его прибытием наступил конец света. Северо-восточные ветры — террал и аракати — занялись английским судном и парходом Ллойда; они оборвали прочные швартовы и бросили суда одно на другое, забавляясь треском переломленных корпусов. Аракати швырнул корабль Ллойда без мачт, без палуб в открытое море. Террал — страстный националист — медленно расправлялся с английским судном; он провел по горлу белокурых матросов своим острым как нож языком, и это означало гибель. Потом он закружил судно в смерче и наконец потопил около причала; там оно и осталось лежать, как грозное напоминание о буре.

С экватора, где они спали в сырых лесах, пришли вместе с ветрами дожди. Они обрушили на Белен гнилые воды, зараженные лихорадкой, тифом, черной оспой. Ливни мгновенно превратили город в тысячи рек, ручьев, ручьев и водоемов. Амазонка вздулась, алчно пожирая землю, намывая острова и губя людей. Рев поднимающейся по реке громадной волны — поророки — разносился на километры, его слышали даже на берегах Африки, в городе Дакар и в глухих селениях, где дрожащие от страха люди принимали его за воинственный клич бога Шапго.

Жители Белена покинули свои дома, гром беспрерывно гремел, электрическое освещение заменили молнии. Они вспыхивали одна за другой, и в их свете видно было все: рушащиеся здания, повозки и автомобили, уносимые водой, пароходы, плывущие по воле волн и сажающиеся на мель на внезапно возникших островах. Люди в отчаянии бродили по улицам, из тюрем вышли на свободу воры и убийцы, мужчины и женщины падали на колени, взывая к небесам. Какой-то священник пытался организовать процессию, церкви заполнились молящимися, началось столпотворение вавилонское.

Все суда, стоящие в гавани, оказались во власти ветров, принесшихся из разных стран света, и стали жертвами бури. Ливень заставил бедняков плакать, а богачей скрежетать зубами. Через два часа все кончилось. Если бы буря продлилась еще хоть час, весь Белен со своими

португальскими изразцами и старинным изяществом был бы сметен с лица земли.

Да, город Белен, проглоченный тайфуном, исчез бы навсегда, но «Ита», прикрепленная к причалу всеми своими швартовыми, уцелела бы. Она прочно стояла в гавани, неподвижная, как бы навеки застывшая, зачальная по приказанию капитана дальнего плавания Васко Москозо де Араган, единственного из всех старых моряков, сумевшего предвидеть бурю и предохранить от нее свое судно.

Буря кончилась внезапно, как и началась. Воздух стал чистым, прозрачным, и истина засияла на небосклоне.

Когда прошел страх, бедняки принялись считать погибших и пропавших, богачи — подсчитывать убытки. Людей в общем погибло немного, зато многие пропали без вести, убытки же исчислялись миллионами. Городу грозили эпидемии, так как он остался без водопровода. Гавань Порт-оф-Пара превратилась в гору развалин. И среди этих развалин гордо высилась корма «Иты», спасенной своим капитаном.

Наконец представитель компании и судовые офицеры явились в найденный с огромным трудом пансион донья Ампаро. Васко все еще спал, ни о чем не подозревая. В этот солнечный день люди, которые накануне хохотали до слез при виде капитана, кричали в его честь «ура». Дона Ампаро, оправившаяся от ночного ужаса, постучалась к Васко.

Он проснулся, но, услышав крики, решил, что злые и жестокосердные насмешники отыскиали его здесь, чтобы подвергнуть новым оскорблениям.

Они так колотили в дверь и так настойчиво звали его по имени, что он вынужден был наконец выйти к ним — небритый, в одних носках, в измятых брюках, еле ворочая языком после выпитой накануне кашасы. В дверях комнаты стоял первый помощник, а за его спиной в коридоре теснилась толпа.

Телеграф и трансокеанский кабель уже разнесли по всей стране и по всем пяти континентам весть о страшном потопе и о гении капитана Васко Москозо де Араган, который один сумел предвидеть бурю и спасти свое судно. В Перипери жадно читали телеграммы, опубликованные под крупными заголовками в газетах Баии. Зекинья Курвело даже заучивал их наизусть. И не только телеграммы. А сообщения о чествовании компанией непобедимого капитана дальнего плавания, о чудесном

празднике на борту «Иты», которую он спас и на которой возвращался в Салвадор! Ему была вручена золотая медаль и соответствующая грамота. Он смотрел на море с капитанского мостика, скромный, улыбающийся капитан, который никогда не вешает носа...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О морали исторической и морали житейской

Я подхожу к концу своего труда — расследования столь сложной и запутанной истории. Что я могу прибавить? Рассказать о прибытии капитана в гавань Баии, где его ожидал оркестр, представитель губернатора, начальник управления порта и Америко Антунес, обезумевший от счастья? Или о его портретах, помещенных в газетах, и о выступлении по радио еще с борта парохода? О его триумфальном возвращении двухчасовым поездом в Перипери, где он был встречен фейерверком и криками «ура» и отнесен на плечах друзей к дому с зелеными ставнями и окнами, выходящими на море? Вчерашние противники стали теперь самыми восторженными поклонниками капитана, за исключением Шико Пашеко, который предпочел уехать из Перипери; или он со своим процессом, или капитан со своей славой, вместе им тут не ужиться! Сказать о чувствах, обуревавших Зекинью Курвело, когда он получал в подарок пепельницу с изображением «Иты»? О вопросах, сыпавшихся наперебой? О требованиях, чтобы капитан рассказал все до мельчайших подробностей, не пропуская ничего? И, наконец, о вечерней беседе с друзьями в большой гостиной, где стоит телескоп, когда капитан вспомнил о Клотилде? Это была трогательная минута.

— Такая красивая... На судне было много молодых людей, но она, захваченная страстью, смотрела только на меня. Ей было не больше двадцати лет, я называл ее Кло. Мы стояли на юте при свете луны. Я смотрел на ее распущенные волосы, на ее смуглое лицо. Метиска с Амазонки... Представьте, она пригласила меня танцевать, а потом, когда пароход отправлялся, пришла в порт, чтобы попрощаться со мной.

Как видите, истина опять скрывалась из глаз, найти ее, снять с нее покровы фантазии — вот что снова было необходимо. В конце концов, кого же полюбил капитан, кому он объяснялся в любви ночью на палубе при свете

полной луны? Клотилде, перезрелой деве, подверженной обморокам, или дикой, бесстыдной Моэме, чья рука поддерживала его в трудный час, смуглой метиске, спешившей навстречу своей неразгаданной судьбе? Что до меня — я этого не знаю и знать не хочу. Я отступаю.

Впрочем, одно обстоятельство кажется мне бесспорным и достойным упоминания: если считать, что судьба благоприятствовала капитану, то разрыв с Клотилде — первое тому доказательство. Представьте себе эту даму в Перипери — она отравляет жизнь всему предместью, играет на рояле отрывки из опер и сонаты и превращает славную старость капитана дальнего плавания в жалкие будни, заполненные мелкими ссорами, придирками, обмороками и скандалами. Пожалуй, если бы эта свадьба состоялась и осуществилась злосчастная идея капитана притащить Клотилде в домик с зелеными ставнями, капитан не дожил бы до восьмидесяти двух лет.

Итак, мне нечего больше сказать, моя задача выполнена. Я пошлю этот труд — стоявший мне немалых усилий и страданий — на рассмотрение жюри, назначенного директором государственного архива. И если получу премию, то куплю Дондоке платье и вазу для цветов; в светлой гостиной домика в переулке Трех Бабочек как раз не хватает такой вазы.

Не удивляйтесь и разрешите мне рассказать вам о последних событиях на этом фронте моей борьбы за существование. Мы с судьей помирились и живем теперь все трое в полном согласии. Случилось так, что дона Эрнестина, достойная дородная супруга выдающегося светила юриспруденции, узнала (наверняка с помощью анонимного письма) о вечерних посещениях сеньором Сикейрой дома Дондоки. Не спасли его ни темные очки, ни опущенные поля шляпы. Сеньора Цеппелли пришла в ярость и бушевала не хуже, чем шторм в Белене. У судьи не было выхода, и он солгал. Да, он заходил в этот дом, пользующийся сомнительной репутацией, это правда. Но он выполнял свой долг и помогал другу. Его долг — сохранять Перипери от скандалов, а друг, которому он помогал, — ваш покорный слуга, скромный провинциальный историк. Разве дона Эрнестина не слышала? Отец этой девицы, Педро Торресмо, поклялся ворваться в дом, где жили дочь и ее возлюбленный. Узнав об этих угрозах, судья, полный тревоги за жизнь и репутацию молодого человека, зашел, вопреки своим привычкам и принципам, в дом Дондоки, чтобы предупре-

дять друга об опасности. Ему нечего стыдиться своего благородного поступка.

Но Цепелин потребовала доказательства, и почтенный судья ползал у меня в ногах и просил прощения. Он умолял вернуться и разделить с ним прелести Дондоки, а также принять на себя перед взбешенной матроной всю ответственность за мулатку. Я заявил, что соглашаюсь, желая оказать ему услугу; радость и счастье переполняли мою грудь, но об этом я умолчал.

С тех пор все идет как по маслу: почтеннейший судья, Дондока и я — три родственные души. Мы беседуем, смеемся — живем спокойно, покуда государственные деятели, угрожающие друг другу ракетами и водородными бомбами, дают нам такую возможность. В один отнюдь не прекрасный день какая-нибудь бомба возьмет да и взорвется, и тогда нам крышка.

Возвращаюсь, однако, к капитану и его приключениям. Повторяю, эти бледные строки писались с одной-единственной целью — рассказать всю правду о капитане Васко Москозо де Араган. Но тут приходится признаться, что я подошел к концу своей истории полный смятения и сомнений.

Скажите мне, сеньоры, вы, обладающие знаниями и опытом, где же все-таки в конце концов истина, чистая истина? Какую мораль извлечь из всей этой истории, которая иной раз выглядела неприличной и даже грубой? Где искать истину? В серых монотонных буднях, в тусклом безрадостном существовании, которое влачит огромное большинство людей, или в мечте, спасающей нас от грустной действительности? Долог и труден путь, пройденный человечеством, но что заставляет людей взбираться к сияющим вершинам? Повседневные заботы и мелкие интриги или не знающая оков безгранично свободная мечта? Что привело Васко да Гама и Колумба на палубы их каравелл? Что движет рукой ученого, когда он нажимает на рычаг, отправляя спутник в бескрайнюю даль, — и в небе — в этом предместье Вселенной — возникают новые звезды и новая Луна? Ответьте мне, пожалуйста, где истина — в неприглядной действительности, окружающей каждого из нас, или в великой мечте всего человечества?

Истина идет по земле, освещая людям дорогу. Кто возглавляет ее триумфальное шествие? Почтенный судья или нищий поэт? Правильный дотошный Шико Пашеко или капитан дальнего плавания Васко Москозо де Араган?

ДОНА ФЛОР И ДВА ЕЁ МУЖА

РОМАН

**Перевод
ЮРИЯ КАЛУГИНА**

*Тайная, волнующая история,
пережитая доной Флор,
почетной преподавательницей
кулинарного искусства,
и ее двумя мужьями:
первым, по прозвищу Гуляка,
вторым — аптекарем по имени
доктор Теодоро Мадуреира,
или
Страшная борьба
между духом и плотью.*

*История эта рассказана Жоржи Амаду,
народным сочинителем,
обосновавшимся в городе Салвадор,
в бухте Всех Святых,
в квартале Рио-Вермельо,
по соседству с площадью Сант-Ана,
где обитает Иеманжа,
повелительница вод.*

MCMLXVI

«Бог — толстый»
(откровение Гуляки, сделанное им
по возвращении из загробного мира)

«Земля — голубая»
(заявил Гагарин после первого
полета в космос)

«Каждой вещи свое место, и каждая
вещь на своем месте»
(надпись на стене в аптеке доктора
Теодоро Мадурейры)

«Ах!»
(вдохнула дона Флор)

Дорогой друг Жоржи Амаду!

Если говорить откровенно, то мой пирог из маниоки не имеет определенного рецепта. О том, как его готовить, мне рассказала дона Алда, жена Ренато, который работает в музее. Однако, прежде чем я научилась выпекать его как следует, мне пришлось немало повозиться. (Впрочем, кто же научится любить, не любя, или жить, не прожив жизни?)

Можно испечь два десятка пирожков из маниокового теста, а если пожелаете, то и больше, но посоветуйте доне Зелии¹ испечь сразу один большой пирог. Он всегда приходится всем по вкусу. Даже оба моих мужа, столь не похожие друг на друга, только в этом сошлись и обожали пирог из маниокового или кукурузного теста. Только ли пирог. Ах, сеу² Жоржи, не бередите моей раны. Сахар, соль, тертый сыр, сливочное масло, кокосовое молоко и мякоть кокосового ореха — необходимо и то и другое (как говорил мне один сеньор, пишущий в газетах: почему сердцу человеческому мало одной любви и оно всегда ищет вторую?) — и класть следует все по вкусу. Ведь у каждого свой вкус: один любит посолонее, другой — послаще, не правда ли? Все это хорошенько размешать и сунуть в раскаленную печь.

¹ Дона Зелия — жена Жоржи Амаду. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

² Сеу — сокращенная форма от «сеньор». Употребляется обычно в простонародье.

Думаю, что Вы меня поймете, сеу Жоржи, поэтому шлю Вам не рецепт, а только записку. И пирог. Если он Вам понравится, скажите. Как поживают ваши? У нас все в порядке. Купили еще один пай в аптеке, сняли на летний сезон дом в Итапарике, очень комфортабельный. Что касается остального — Вы знаете, что я имею в виду, — то тут, как говорится, ничего не поделаешь. О своих бессонных ночах я Вам не рассказываю, это было бы бестактно с моей стороны. Но зарю над морем все еще зажигает Ваша покорная слуга

*Флорипедес Пайва Мадурейра
дона Флор дос Гимараэс*

(Записка, недавно полученная автором от донь Флор),

1

**О смерти Гуляки,
первого мужа доны Флор,
о бдении у его гроба
и его похоронах**

(Под аккомпанемент кавакиньо несравненного
Карлиньоса Маскареньяса)

КУЛИНАРНАЯ ШКОЛА «ВКУС И ИСКУССТВО»

**Когда и что следует подавать во время бдения
у гроба покойника**

(Ответ доны Флор на вопрос одной из учениц)

Несмотря на смятение, которое обычно царит в доме покойника в первый день после его смерти, полный горя и слез, нельзя допускать, чтобы бдение у гроба проходило кое-как. Если хозяйка дома рыдает или лежит без чувств, если она в отчаянии и ее нельзя оторвать от гроба, одним словом, если ей не до тех, кто пришел почтить память усопшего, хлопоты должен взять на себя кто-либо из родственников или друзей, поскольку никто из присутствующих не ложится спать и всю ночь бедняги проводят без еды и питья, а зимой иногда и в холоде.

Чтобы люди по-настоящему могли отдать дань уважения покойнику и облегчить ему первую, еще неопределенную ночь после смерти, их надо принять радушно, позаботиться о том, чтобы сохранить им силы, накормить и напоить.

Когда и что следует в таких случаях подавать?

Вот вам распорядок на всю ночь. Кофе следует предлагать все время, разумеется, черный. Полный завтрак

кофе с молоком, хлеб, масло, сыр, бисквиты, пирожки из сладкой маниоки или кукурузы, рисовые или кукурузные оладьи с яичницей-глазуньей — утром и только для тех, кто не уходил до рассвета.

Лучше всего постоянно иметь в чайнике горячую воду, тогда не будет недостатка в кофе; ведь люди приходят непрерывно. К черному кофе подают галеты и бисквиты; время от времени гостям следует предлагать бутерброды с сыром, ветчиной, колбасой или же просто легкую закуску; обычно этого вполне достаточно.

Если бдение у гроба устраивается более пышно и на затраты не скупаются, в полночь можно предложить по чашке горячего шоколада или жирного куриного бульона. А затем, если кто пожелает, биточки из трески, жареное мясо, пирожки и всевозможные сласти и засахаренные фрукты.

Помимо кофе, в богатых домах может быть подано пиво или вино — по стакану, не больше, — только чтобы запить бульон или жареное мясо. Шампанское ни в коем случае подавать не следует, это считается признаком дурного тона.

Как в богатых, так и в бедных семьях бдение не обходится без водки: может не быть чего угодно, даже кофе, только не кашасы. Бдение без кашасы свидетельствует о неуважении к покойнику, о равнодушии и не любви к нему.

1

Гулика, первый муж донь Флор, скончался в воскресенье утром во время карнавала, когда в костюме баиянки вдохновенно отплясывал самбу в одной из групп карнавальнoй процессии на площади Второго июля, неподалеку от своего дома. Он не принадлежал к этой группе, а только что присоединился к ней в компании четырех своих приятелей, тоже одетых баиянками, которые вместе с Гуликой возвращались из бара на площади Кабеса, где виски лилось рекой за счет некоего Мойзеса Алвеса, богатого и расточительного владельца какаоовых плантаций.

Во главе этой карнавальнoй группы шествовал небольшой оркестр гитаристов и флейтистов, среди которых был тощий Карлиньос Маскареньяс, хорошо известный в местных публичных домах. Он играл — и как божествен-

но играл! — на своей маленькой гитаре-кавакиньо. Юноши были одеты в цыганские костюмы, девушки — в костюмы венгерских и румынских крестьянок. Но ни одна венгерка, румынка, болгарка или югославка не могла бы извиваться в танце так, как извивались эти веселые девушки в расцвете молодости.

Гуляка, завидев появившуюся из-за угла процессию и услышав божественную музыку тощего Маскареньяса, быстро направился ей навстречу и очутился перед пышной, смуглой румынкой, величественной, как церковь. Она и впрямь походила на церковь святого Франсиска, так сверкало ее покрытое золотыми блестками платье. Гуляка обратился к ней со словами:

— Вот и я, моя русская красавица...

Маскареньяс в цыганском камзоле, расшитом стеклян-русом и бисером, с нарядными серьгами-кольцами в ушах, изощрялся на своем каваккиньо. Стонали флейты и гитары. Гуляка танцевал самбу самозабвенно, как делал все, кроме работы. Он вертелся вокруг мулатки, притопывал каблуками и наступал на нее, словно петух. И вдруг совершенно неожиданно издал глухой хрип, покачнулся и плашмя рухнул на землю. Из рта показалась желтая пена. Однако гримаса смерти не смогла стереть с его лица улыбку заправского весельчака, каким он был при жизни.

Друзья единодушно решили, что во всем виновата кашаса, но не виски плантатора. Какие-то четыре или пять стопок виски не могли свалить такого человека, как Гуляка. А вот кашаса, которую он пил в баре «Триумфо» на Муниципальной площади со вчерашнего полудня, то есть с самого открытия карнавала, словно восстала вдруг, свалила его, и он заснул. Впрочем, величественную мулатку не так-то легко было обмануть. Медицинская сестра по профессии, она привыкла к смерти, ежедневно сталкиваясь с ней в больнице. И все же она не позволила себе фамильярничать со смертью, подмигивать ей и танцевать с ней самбу. Она склонилась над Гулякой, приложила руку к его груди и, почувствовав, как по спине поползли мурашки, воскликнула:

— Боже, он мертв!

К телу молодого человека потянулись руки, стали щупать пульс, приподнимать кудрявую белокурую голову, искать уже не бившееся сердце. Все было напрасно, Гуляка не подавал никаких признаков жизни; он навсегда расстался с байанским карнавалом,

Среди участников карнавальнoй процессии и в уличнoй толпе поднялся переполох, началась суматоха. Этим воспользовалась Анете, взбалмошная романтичная учительница, чтобы изобразить истерический припадок с громкими всхлипываниями и угрозами упасть в обморок. Представление было затеяно для жеманного Карлиньоса Маскареньяса, по которому вздыхала эта слабонервная особа. Анете считала себя необычайно чувствительной и изгибалась, как кошка, когда он играл на своем кавакиньо. Теперь кавакиньо безмолвствовало, никчемно свисая с руки артиста, будто Гуляка унес с собой в иной мир последние аккорды.

Отовсюду сбегались люди: весть быстро донеслась до Сан-Педро, до Седьмой авениды, до площади Кампо Гранде, собирая любопытных. Вокруг покойника столпился народ, толкая друг друга и обсуждая случившееся. Вызвали врача, проживающего на Содре, полицейский вытащил свисток и непрерывно свистел, как бы оповещающая весь город и всех участников карнавала о смерти Гуляки.

«Так это же Гуляка, бедняжка!» — с сожалением воскликнул кто-то из ряженных. Покойника все хорошо знали: он пользовался славой неумного весельчака и гордого, вольнолюбивого бродяги. Его любили те, кто с ним выпивал и кутил; и здесь, вблизи от его дома, не было человека, который бы его не знал.

Другой ряженный, в мешковине и с большой медвежьей мордой на голове, пробравшись сквозь толпу, подошел к Гуляке и склонился над ним. Он сорвал с себя маску, обнажив лысину и встревоженное лицо с обвисшими усами, и пробормотал:

— Гуляка, приятель, как же это тебя угораздило?

«Что с ним, отчего он умер?» — спрашивали друг друга собравшиеся. Кто-то ответил: «Во всем виновата кашаса». И пожалуй, нельзя было найти более простого объяснения столь внезапной смерти. Какая-то согбенная старушонка, взглянув на покойника, пробормотала:

— Он же совсем молодой, отчего он умер?

Вопросы и ответы раздавались до тех пор, пока не появился врач. Он приложил ухо к груди Гуляки и, удостоверившись в том, что сердце действительно перестало биться, констатировал смерть.

— Он танцевал самбу и вдруг ни с того ни с сего повалился наземь,— пояснил доктору один из четырех приятелей Гуляки, который сразу вдруг протрезвел и стал мрачным, хотя выпил немало кашасы: он был взволнован и испытывал неловкость оттого, что на нем костюм байянки, что щеки его накрашены кармином, а глаза подведены жженой пробкой.

То обстоятельство, что приятели нарядились байянками, не должно было вызывать насмешек, ибо все пятеро не раз доказывали свою мужественность. Они оделись байянками ради шутки, из обыкновенного мальчишества, а отнюдь не потому, что стремились походить на женщин или имели порочные наклонности. Среди них, слава богу, не было гомосексуалистов. Да и покойник выглядел сейчас очень порядочным и скромным: он мирно скончался во время карнавала, и на груди его не было раны от пули или ножа, которая заставила бы забыть о том, что он ряженый.

Дону Флор вела ее подруга дона Норма, энергично прокладывая дорогу в толпе, и подошли они почти одновременно с полицейским. Как только дона Флор появилась на углу в окружении сердобольных кумушек, все сразу догадались, что это жена Гуляки, ибо шла она с громким плачем и причитаниями и даже не пыталась сдерживать слез. Была она не причесана, в домашнем, довольно поношенном платье и шлепанцах. Однако это ничуть не портило ее, и она выглядела очень хорошенькой: невысокая, в меру полная, с бронзовой кожей, говорившей о негритянской и индейской крови, с прямыми, иссиня-черными волосами, томными глазами и пухлыми губками, приоткрытыми над белоснежными зубами. Аппетитненькая, как обычно называл ее Гуляка в минуты особой нежности — редкие и, быть может, именно поэтому незабываемые. Наверное, кулинарное искусство жены вдохновляло его, когда в подобные минуты он шептал: «Мой медовый пряник, мое пахучее акараже, моя толстенная курочка». Эти сравнения довольно точно отражали чувственную натуру донь Флор и вместе с тем ее скромное очарование, таившееся под обличьем спокойствия и податливости. Гуляка хорошо знал ее слабости и умел пробудить в своей скромнице стыдливое желание, иногда сменяющееся бурными порывами и даже страстью... Стоило Гуляке захотеть, и не было человека обаятельнее его. Перед ним не могла устоять ни одна женщина. Сколько раз дона Флор, преисполненная негодова-

ния и обиды, пыталась не поддаваться его чарам, случилось даже, она ненавидела его и проклинала тот день, когда соединила свою судьбу с этим легкомысленным человеком.

Но сейчас, узнав о внезапной смерти мужа, дона Флор шла ошеломленная, без единой мысли в голове, без единого воспоминания: ни о минутах глубокой нежности, ни тем более о печальных днях тоски и одиночества, словно, скончавшись, Гуляка лишился всех своих недостатков или же вовсе их не имел, пока совершал «свой недолгий путь в этой юдоли слез».

«Недолгим был его путь в этой юдоли слез», — произнес досточтимый профессор Эпаминондас Соуза Пинто, пораженный случившимся. Он поспешил поздороваться с вдовой и принести ей свои соболезнования, прежде чем она подойдет к покойнику. Дона Гиза, учительница, не менее уважаемая, чем профессор, не торопилась с выводами, как ее коллега. Думая о Гуляке, она сдержанно улыбалась: если и вправду недолгим оказался его жизненный путь — ему едва исполнился тридцать один, — мир для него, как хорошо знала дона Гиза, не был юдолью слез, скорее театром, где разыгрывался веселый фарс греховных соблазнов и надувательства. Правда, многое приносило ему огорчения и заботы, доставляло тяжкие страдания: невыплаченные долги, учтенные и опротестованные векселя, поручительства, продление срока займов, нотариусы, банки, ростовщики, хмурые лица друзей, не говоря уже о физических и моральных муках доны Флор. «И все же, — думала про себя дона Гиза на своем ломаном португальском языке (по происхождению она была американкой, но осела в Бразилии и чувствовала себя бразильянской, хотя ей так и не удалось постичь этот дьявольский язык), — если и были слезы на недолгом жизненном пути Гуляки, то не его, а доны Флор, и было их более чем достаточно и хватало на обоих: на жену и на мужа».

Узнав о внезапной смерти Гуляки, дона Гиза огорчилась: он был ей симпатичен, несмотря на свои недостатки, к тому же у него была на редкость привлекательная внешность. Но даже сейчас, когда он лежит на мостовой мертвый, в платье баиянки, она не станет изобразить его святым и искажать истину, придумывая много Гуляку. Так заявила она доне Норме, своей соседке и близкой подруге, от которой, впрочем, не получила

желаемой поддержки. Дона Норма не раз ругала Гуляку последними словами, ссорилась с ним, пыталась наставить на путь истинный и однажды даже пригрозила ему полицией. Однако в этот печальный час она не желала вспоминать о недостатках покойного и оживляла в памяти лишь хорошее: его природное благородство, сострадание, которое он всегда готов был проявить, его преданность друзьям и непомерную щедрость (особенно на чужой счет), его не знающую границ жизнерадостность. К тому же доне Норме, озабоченной тем, чтобы проводить дону Флор и оказать ей посильную помощь, было сейчас не до суровой правды доны Гизы. Но ничего не поделаешь: истина для доны Гизы была дороже всего, даже если делала ее в глазах людей слишком жестокой и непримиримой. Впрочем, не исключено, что этим правдолюбием она оборонялась от собственной излишней доверчивости и чрезмерного легковерия. Дона Гиза вспоминала сейчас дурные поступки Гуляки не для того, чтобы осуждать его; он ей нравился, и часто они вели долгие беседы: дона Гиза интересовалась психологией мирка, в котором жил Гуляка, он же рассказывал ей забавные случаи, поглядывая на ее декольте, обнажавшее пышную веснушчатую грудь. Возможно, дона Гиза понимала Гуляку лучше, чем дона Норма, но в отличие от последней не намеревалась оправдывать ни один из его недостатков и лгать только потому, что он умер. Дона Гиза не лгала даже себе самой, разве только когда это было очень необходимо. Но данный случай был не таким.

Дона Флор шла вслед за доной Нормой, которая, пользуясь своей известностью, локтями прокладывала дорогу в толпе.

— Посторонитесь, люди добрые, дайте бедняжке пройти...

Вот он, Гуляка, лежит на брусчатке мостовой с застывшей улыбкой, бледный, белокурый. Вид у него такой мирный и невинный. Дона Флор остановилась, глядя на него так, словно сомневалась, он ли это, или же — и это более вероятно — отказываясь признать ставший теперь уже неоспоримым факт смерти. Но это длилось лишь мгновение. С криком, исторгнутым из самой глубины души, она бросилась на труп Гуляки и, вцепившись в неподвижное тело, стала целовать волосы мужа, лицо, накрашенное кармином, открытые глаза, задорные усики и навсегда охладевшие уста.

Хотя в этот воскресный день продолжался карнавал и каждому хотелось принять участие в параде автомобилей и веселиться до утра, бдение у гроба Гуляки имело успех. «Настоящий успех», — с гордостью заявила дона Норма.

Служащие бюро похоронных процессий доставили тело покойного и положили на кровать в спальне. Липь позднее соседи перенесли его в гостиную. Служащие похоронного бюро очень спешили, поскольку работы у них с карнавалом прибавилось. И пока остальные развлекались, они возились с покойниками — жертвами несчастных случаев и драк. Доставив Гуляку домой, они сняли грязную простыню, в которую он был завернут, и вручили вдове свидетельство о смерти.

И обнаженный Гуляка остался лежать на своей супружеской железной кровати с украшениями в голове и в ногах, которую перед самым замужеством купила дона Флор на распродаже подержанных вещей. Оставшись в комнате наедине с покойником, дона Флор вынула из конверта свидетельство о смерти, прочла его и покачала головой, как бы не веря своим глазам. Кто бы мог подумать?! С виду такой сильный и здоровый, такой молодой!

Гуляка часто похвалялся, что ни разу в жизни не болел и может несколько ночей подряд провести без сна, за игорным столом, за выпивкой или же кутя с женщинами. А разве не пропадал он иногда из дому на целую неделю, оставляя дону Флор в отчаянии и в слезах? И вот медицинское заключение: он был обречен на смерть, неизлечимая болезнь печени и почек, изношенное сердце. Он мог умереть в любую минуту. Так же внезапно, как умер Кашаса: ночи напролет в казино, оргии, погоня за деньгами подорвали этот молодой, сильный организм, осталась лишь видимость силы и молодости. Именно видимость, поскольку, глядя на Гуляку со стороны, никто бы не сказал, что он так безнадежно болен...

Дона Флор долго смотрела на тело мужа, прежде чем позвать нетерпеливых соседей, любезно вызвавшихся выполнить столь деликатную миссию — одеть покойника, прежде чем положить его в гроб. Вот он лежит перед ней на постели, обнаженный, с золотистым пушком на руках и ногах, с пучком белокурых волос на груди, со шрамом от ножевой раны на левом плече. Такой краси-

вый и мужественный, такой искусный в любви! Слезы снова навернулись на глаза молодой вдовы. Она попыталась отогнать от себя грешные мысли — о таком не пристало думать в день бдения у гроба усопшего.

Однако, глядя на обнаженное тело мужа, брошенное на постель, дона Флор не могла, как ни старалась, не вспомнить, каким он бывал в часы безудержной страсти. Гуляка не терпел никаких покровов, даже легкой простыни, которой стыдливо прикрывалась дона Флор. Стыдливость вообще была ему не свойственна. Он умел любить. И любовь для него была гимном безграничной радости и свободы, он отдавался ей безраздельно и самоотдаваясь, с умением, которое могли засвидетельствовать женщины самых различных сословий и классов. Первое время после замужества дона Флор стеснялась и робела, когда Гуляка настаивал, чтобы, прежде чем лечь в постель, она снимала с себя все.

— Ну зачем эта ночная рубашка? К чему тебе прятаться? Любовь — дело святое, ее сам бог придумал в раю, разве ты не знаешь?

Он сам раздевал дону Флор, ласкал ее упругую грудь, гладкий живот, широкие бедра, любовался таинственной игрой света и тени на ее нежной коже. Дона Флор пыталась прикрыться, но Гуляка со смехом срывал с нее простыню. Она была для него игрушкой или нераспустившейся розой, которую он заставлял расцветать в каждую ночь наслаждений. Дона Флор постепенно освобождалась от своей застенчивости и, подчиняясь торжествующему сладострастию, становилась смелой и пылкой любовницей. И все же не могла она до конца отделаться от собственной робости. Каждый раз Гуляке приходилось вновь завоевывать ее, ибо, очнувшись после безумных и дерзких объятий, она опять становилась скромной и стыдливой супругой.

Только оставшись наедине с покойником, дона Флор окончательно поняла, что теперь она вдова, что никогда больше не увидит Гуляку, не задохнется от наслаждения в его объятиях. До сих пор, с той минуты, как трагическое известие о смерти ее мужа, передаваясь из уст в уста, достигло ее ушей, и до прибытия катафалка, дона Флор будто видела дурной и в то же время тревожный сон: страшная новость, путь в слезах до площади Второго июля, мертвое тело мужа, толпа сочувствующих, которые пытались утешить ее, возвращение домой чуть ли не на руках у доны Нормы, доны Гизы, профессора

Эпаминондаса и Мендеса, испанца из кафе. Все это произошло столь стремительно и внезапно, что у доны Флор, по существу, не было времени осознать смерть Гуляки.

С площади тело отвезли в морг, но дону Флор ни на секунду не оставляли в покое. В этот воскресный день карнавала она вдруг стала центром внимания не только своей улицы, но и всех ближайших кварталов! И пока не привезли домой Гуляку, завернутого в грязную простыню, и маленький пестрый узелок с костюмом баиянки, к доне Флор не прекращалось паломничество соседей, знакомых, друзей, выражавших ей свои соболезнования, дружеское участие и сочувствие. Дона Норма и дона Гиза совершенно забросили свои домашние дела, и без того запущенные из-за карнавала; приготовление завтраков и обедов было поручено прислуге. Обе не отходили от доны Флор, и, утешая ее, каждая старалась переце-голять другую в проявлении преданности.

А на улице продолжалось шествие ряженных в ярких забавных костюмах, с танцами и представлениями. Играли оркестры, звенели тамбурины, ухали барабаны. Время от времени дона Норма, не в силах больше бороться с собой, подбегала к окну и, выглянув наружу, перебрасывалась шуткой с кем-нибудь из ряженных; сообщив о смерти Гуляки, она аплодировала оригинальному костюму или другой изобретательной выдумке. Иногда, если ей что-нибудь особенно нравилось, она звала дону Гизу. А к вечеру, когда на улицу вышли «сыновья моря» в сопровождении толпы, танцующей самбу, даже заплаканная дона Флор подошла к окну, чтобы взглянуть на них; газеты писали о «сыновьях моря» как о самой интересной группе баиянского карнавала. Дона Флор выглядывала из-за широких плеч доны Гизы. А дона Норма, забыв о покойнике и всяких приличиях, громко зааплодировала.

Так продолжалось весь день. Даже дона Нанси, заносчивая аргентинка, поселившаяся на этой улице после того, как вышла замуж за мрачного Бернабо, владельца фабрики керамических изделий, спустилась с бельэтажа своего богатого особняка и, отбросив надменность, выразила соболезнование доне Флор, а также предложила помощь, тем самым показав себя приятной и воспитанной особой. При этом она обменялась с доной Гизой кое-какими философскими соображениями насчет того, что жизнь наша коротка и недолговечна.

Теперь понятно, почему у доны Флор не было времени подумать о своем вдовстве и о переменах в своей жизни. И только когда Гуляку привезли из морга и голого положили на супружескую постель, где они не раз предавались любви, дона Флор почувствовала себя вдовой, оставшись наедине с мертвым мужем. Никогда больше не ляжет он с ней на эту постель, не снимет с нее платья, не сбросит простыню на туалетный столик и не овладеет каждой клеточкой ее тела, пока иступление не охватит ее.

«Никогда больше!» — подумала она и почувствовала, как к горлу подступил комок и подогнулись колени. Только теперь она поняла, что все кончено. Она стояла молча, без слез, словно остолбенев, забыв обо всем на свете, кроме обнаженного трупа Гуляки, навсегда отошедшего в мир иной. Не придется ей больше ждать его до рассвета, прятать от него деньги, полученные от учениц, ревновать к самым хорошеньким из них, терпеть побои в те дни, когда он напивался пьяным и был в плохом настроении, и выслушивать ехидные замечания соседей. Не придется больше покоряться его страстному желанию, забыв о стыдливости ради торжества любви. Комок в горле душил ее; дона Флор ощутила вдруг боль в груди, будто ее пронзил острый кинжал.

— Флор, не пора ли его одевать, — услышала она настойчивый голос доны Нормы, доносившийся из гостиной. — Скоро начнут приходить люди...

Дона Флор открыла дверь. Она была серьезна и молчалива, холодна и сдержанна, она не плакала и не стонала, отныне одна во всем мире. Вошли соседи, чтобы помочь ей. Сеу Вивалдо из похоронного бюро «Цветущий рай» самолично привез гроб — он уступил его вдове задешево, поскольку был партнером Гуляки по рулетке и баккара. Со знанием дела помог он одеть покойника, превратив молодого и беспутного кутилу в солидного человека. Дона Флор присутствовала при этом и не проронила ни единого слова, ни единой слезинки. Она была одна во всем мире.

4

Тело Гуляки положили в гроб и перенесли в гостиную, где из стульев соорудили импровизированный постамент. Сеу Вивалдо доставил еще цветы — бесплатное подношение от похоронного бюро, и дона Гиза вложила

красивую скабиозу в скрещенные пальцы Гуляки. Сеу Вивалдо это показалось по меньшей мере нелепым: умершему следовало бы вложить в руки игральную фишку... Фишку, а не красный цветок... И если бы вместо карнавальной музыки и смеха с улицы донесся вдруг шум у столов с рулеткой, хриплый голос крупье, стук фишек, нервные восклицания игроков, возможно, Гуляка встал бы из гроба и, забыв о смерти, как он умел забывать обо всех преследовавших его неприятностях, пошел бы и поставил на свое любимое число 17. А на что ему эта красная скабиоза? Она быстро завянет и высохнет, и никакой крупье ее не примет.

Сеу Вивалдо задержался в доме Гуляки; заядлый любитель карнавалов, он отпер похоронное бюро в это праздничное воскресенье только ради того, чтобы обслужить своего лучшего друга Гуляку. Будь на его месте другой покойник, Вивалдо не стал бы портить себе праздник, пусть бы тот устраивался как угодно.

Впрочем, не один Вивалдо нарушил из-за смерти Гуляки свою карнавальную программу. Всю ночь у гроба Гуляки проходили люди. Одни являлись потому, что Гуляка происходил от обедневшей побочной ветви знатного рода Гимараэнс. Какой-то из его предков был сенатором штата и довольно видным политиком. Другой его дядя, по прозвищу Шимбо, занимал в течение нескольких месяцев пост помощника полицейского инспектора. Этот дядя был одним из немногих Гимараэнсов, который признавал Гуляку своим родственником и устроил его в префектуру смотрителем садов; должность была довольно скромная, с грошовым жалованьем, не хватавшим даже на то, чтобы провести вечер в «Табарисе». Вряд ли стоит говорить, как относился к своим обязанностям молодой муниципальный чиновник: он никогда не инспектировал никаких садов и являлся на службу только затем, чтобы получить свое скудное месячное жалованье. Или же выманить у шефа поручительство по векселю, или выпросить у коллег займы двадцать либо пятьдесят мильрейсов. Сады его не интересовали, он не собирался терять время на какие-то там деревья и цветы, даже если б они все пропали, он и глазом бы не моргнул. Гуляка был ночной пташкой, его клумбами были игорные столы, а цветами, как верно заметил сеу Вивалдо, — фишки и колоды карт.

Гимараэнсов, которые явились, можно было сосчитать по пальцам; впрочем, принадлежность их к этой фами-

ли представлялась сомнительной, и все спешили поскорее уйти. Остальные же — а таких было великое множество — пришли еще раз взглянуть на Гуляку, улыбнуться приятным воспоминаниям, сказать ему последнее «прости». Ибо Гуляку любили, несмотря на его безумные выходки, и ценили его доброе сердце.

Одним из первых в этот вечер пришел парадно одетый (так как позднее должен был отвести своих хорошеньких дочерей на бал в роскошный клуб) командор Селестино, португалец по происхождению, банкир и экспортер. Он не прошел торопливо мимо гроба, как человек, выполняющий неприятную обязанность, а задержался в гостиной, вспомнил добрым словом Гуляку, обнял дону Флор и предложил ей свою помощь. Не правда ли, странно такое отношение важной персоны к мелкому чиновнику префектуры, завсегдатаю второразрядных кабаков, игроку, никогда не вылезавшему из долгов?

Но Гуляка умел обвести вокруг пальца кого угодно. И еще как умел! Однажды ему удалось заполучить от этого преусневающего португальца подпись на поручительство в несколько конторейсов. Гуляка никогда не забывал о долгах, как и о сроках погашения векселей, банковских или выданных ростовщиками. Другое дело, что ему нечем было платить. Поэтому он и не платил. И все же количество его векселей с каждым днем увеличивалось, росло и число поручителей. Как ему это удавалось?

Во второй раз Селестино не попался на удочку и не дал Гуляке поручительства. Однако продолжал иногда осуждать небольшие суммы, когда Гуляка вдруг являлся к нему без тостана в кармане и уверял, что сегодня непременно сорвет банк. Однако находились такие, что ручались за Гуляку по нескольку раз, словно он не просрочил ни одного векселя или имел солидный банковский счет. Гуляка покорял их своими манерами, своим драматическим, проникновенным голосом.

Например, Зе Сампайо, муж доны Нормы, владелец обувного магазина в Нижнем городе, в отличие от своей жены очень замкнутый, молчаливый и необщительный, не раз давал Гуляке провести себя и все же не лишил его своего уважения и кредита в магазине. Даже после того, как Гуляка однажды утром взял в его магазине в долг несколько пар самых изящных и дорогих туфель, а затем тут же, на глазах у изумленных приказчиков Сампайо, перепродал их по дешевке в недавно открыв-

шийся поблизости магазин конкурента; Гуляке срочно понадобилась небольшая сумма наличными для игры в подпольной лотерее.

Тем не менее коммерсант нашел для мошенника некоторое оправдание, объяснявшее его некрасивый поступок, и простил Гуляку.

Всегда веселый и беззаботный, Гуляка в тот же вечер рассказал Зе Сампайо, что всю ночь его преследовала во сне дона Гиза, принявшая обличье страуса. Она гонялась за ним по бескрайней степи, а он никак не мог понять, то ли она добивается его ласк в зеленой густой траве, то ли собирается заклевать его, так как огромный клюв ее был угрожающе раскрыт, хотя в глазах сверкал плутовской огонек. Он в страхе просыпался, гнал от себя кошмарный сон, потом снова засыпал, заставляя себя думать о приятном, но упрямая учительница опять неслась за ним, сверкая распутными глазами и раскрыв свой алчный клюв. Если бы дона Гиза была в своем обычном виде, Гуляка не стал бы бегать от нее и уступил бы домогательствам чертовой гринги¹ с ее акцентом и любовью к психологии. Но поскольку на ней были страусовые перья, Гуляке оставалось только пуститься в постыдное бегство. Кошмар преследовал его всю ночь, и утром он встал совсем разбитый, устав от этой беготни, весь в поту. Потом, через какое-то время, он пришел в себя и тут обнаружил, что карманы его пусты. Он обшарил весь дом, но тщетно, накануне он забрал у доньи Флор даже мелочь. Тогда он вышел в надежде выпросить займы у кого-нибудь из знакомых, однако из этого ничего не получилось. Последнее время Гуляка слишком злоупотреблял доверием кредиторов. И вот, когда он шел мимо «Казы Стелы», магазина с богатейшим ассортиментом обуви, принадлежащего Зе Сампайо, его осенило: можно произвести торговый оборот с несколькими парами туфель и таким образом быстро заполучить кое-какую сумму.

Не проделай он эту, может быть, и нечестную, но хитроумную и прибыльную коммерческую операцию, пришлось бы ему раскаяться. В тот же день он поставил в лотерее на страуса — дона Гиза не лгала даже во сне, — и ему достался крупный выигрыш. Преисполненный благодарности, он с важным видом зашел вечером в

¹ Гринго (гринга) — прозвище иностранцев, главным образом американцев, в Латинской Америке.

магазин Зе Сампайо и в присутствии пораженных приказчиков уплатил стоимость приобретенного утром товара, затем со смехом рассказал о своей изящной проделке и пригласил Зе Сампайо выпить по этому случаю. Тот отклонил приглашение, но не рассердился на Гуляку и продолжал поддерживать с ним дружеские отношения и продавать ему обувь с десятипроцентной скидкой и в кредит. В кредит отпускаясь только одна пара и только после того, как Гуляка погасит предыдущую задолженность.

Еще более веским доказательством хорошего отношения Зе Сампайо к Гуляке был его визит, правда, очень короткий. Но за последние десять лет он впервые являлся на подобную церемонию, ибо испытывал отвращение к похоронам, бдениям, поминкам и панихидам.

Дона Норма не раз кричала на него, когда Зе Сампайо отказывался сопровождать ее на эти печальные празднества.

— Стыдись, Сампайо, когда ты умрешь, некому будет нести твой гроб...

Муж бросал на нее свирепый взгляд и не отвечал, кусая большой палец правой руки, — так он обычно поступал, когда не хотел перечить разъяренной супруге.

Итак, проститься с Гулякой пришли такие важные особы, как Селестино, Зе Сампайо, Шимбо, архитектор Шавес, доктор Баррейрос — видная фигура в правосудии, поэт Годофредо Фильо. Пришли его коллеги по службе — всем им Гуляка остался должен небольшие суммы — во главе с досточтимым директором парков и садов, одетым в черное, велеречивым и торжественным. Собрались соседи, богатые, бедные и среднего достатка. А также завсегдатаи казино, кабаре, игорных притонов и веселых публичных домов. Это были друзья Гуляки — Мирандон, Курвело, Пе де Жегэ, Валдомир Линс и его молодой брат Вилсон, Анакреон, Кардозо Переба, Аригоф и Пьер Верже с птичьим профилем... Некоторых же, например, доктора Джованни Гимараэса — врача и журналиста, трудно было отнести к той или иной категории. Он был близок людям большим и малым, всеми уважаемым и безвестным.

Важные особы с улыбкой вспоминали о Гуляке, о его хитрых проделках, дерзких махинациях, его затруднениях и неудачах, его добром сердце и общительности, его любви к неприличным анекдотам. Таким он остался в памяти соседей: жизнерадостным, легкомысленным,

взбалмошным. Впрочем, те и другие приукрашивали то, что было в действительности, выдумывали несуществующие подробности, приписывали Гуляке разные подвиги. Тут же, у гроба с телом Гуляки, родилась легенда о его похождениях. Доктор Джованни Гимараэнс выдумывал целые истории и так рассказывал их, что трудно было отличить ложь от правды.

— Однажды, четыре года тому назад, в марте, я видел, как в «Трех герцогах» Гуляка ставил на семнадцать. На нем был непромокаемый плащ, одетый прямо на голое тело. Оказывается, он заложил все свои вещи, чтобы сыграть. Рамиро, этот скупердяй-испанец из «Семидесяти семи», хотел взять у него только брюки и пиджак — на кой черт ему рубашка с рваным воротничком, старые трусы и дешевый галстук? Но Гуляка всучил ему даже носки, оставив себе только туфли. Он уговаривал его таким елейным голоском, что Рамиро — вы же знаете этого зверя — одолжил ему почти совсем новый дождевик: не голому же было идти Гуляке в «Три герцога»...

— И что же, он выиграл? — поинтересовался Артур, сын Сампайо и доны Нормы. Этот юный гимназист был почитателем Гуляки и слушал рассказ журналиста с разинутым ртом.

Доктор Джованни, взглянув на юношу, сделал паузу и широко улыбнулся:

— Куда там... На рассвете он проиграл, ставя на семнадцать, даже плащ испанца, а сам отправился домой, завернувшись в газету.— Доктор громко и заразительно расхохотался; никто лучше его не умел оживить беседу.

Как раз в эту минуту в комнату вошел журналист Робато, мастер на все руки. Все еще смеясь, Джованни обратился к нему за подтверждением.

— Вот человек, который не даст мне соврать... Помнишь, Робато, ту ночь, когда Гуляка отправился домой голый, завернувшись в газету?

Робато был не из тех, кто взвешивает свои ответы; он внимательно оглядел собравшихся в углу столовой и, удостоверившись, что его не слышит скромная и безутешная вдова, не долго думая, откликнулся:

— Нагишом, завернувшись в газету? Ну, конечно, помню.— Он откашлялся, чтобы прочистить глотку, и дал волю воображению.— Так ведь и газета была моя... Это произошло в публичном доме Однозубой Эунисы. Кроме нас с тобой и Гуляки, там, помнится, были еще Кар-

линьос Маскареньяс, Женнер и Вирнато Танажура... Мы пили весь вечер и, кажется, здорово набрались...

В отличие от Гуляки Робато не соблазняла игра, а работа не пугала. Напротив, он знал самые разные профессии и слыл мастером на все руки: делал зубные протезы, ремонтировал радиоприемники и радиолы, фотографировал для удостоверения личности. Любознательный от природы, он умело пользовался любыми приборами. Но истинной его страстью была поэзия с хорошим размером и четкой рифмой. Постоянным пристанищем Робато были бары и кабаре, где он ночи напролет проводил в приятном обществе других одержимых литераторов и окололитературных девиц — поклонниц муз и талантов, декламируя оды, вольнолюбивые стихи, лирические поэмы и любовные сонеты — всё свои собственные творения. Он сам провозгласил себя «всемирным королем сонета», побив все известные рекорды. Робато сочинил двадцать тысяч восемьсот шестьдесят пять сонетов, десятистопных и александрийских стихов. Пробивающаяся лысина угрожала его темной романтической шевелюре, но не уменьшала его симпатии.

Стоило ему заговорить, и все увидели перед собой Гуляку как живого. Таким он и запомнится юному Артуру, для которого Гуляка, завернутый в страницы «А тарде», навсегда останется героем запретного и чарующего мира.

Одна история следовала за другой. Дона Норма, дона Гиза, Режина — девица на выданье — и другие женщины подавали гостям кофе с пирожками, кашасу и фруктовый ликер. Соседи позаботились о том, чтобы в день поминовения ни в чем не было недостатка.

Важные особы, рассевшись в столовой, в коридоре, у входной двери, с веселым смехом вспоминали Гуляку. Партнеры Гуляки по играм и собутыльники вспоминали о нем молча, потрясенные случившимся. Они стояли возле гроба покойника хмурые. Но сначала подходили к доне Флор и смущенно пожимали ей руку, будто чувствовали себя виноватыми за проделки Гуляки. Многие из них даже не были с ней знакомы и никогда ее не видели. Только слышали о ней, знали, что Гуляка частенько забирал у нее все деньги, даже предназначенные на домашние расходы, чтобы сыграть в «Паласе», «Табарисе», «Абайшадиньо», в притонах Зезе Менингита, Абилио Мокеки и в многочисленных подпольных игорных домах, в том числе в игорном доме негра Паранагуа Вентуры,

пользовавшемся дурной славой, ибо там обычно выигрывал только крупье.

Зловещей, темной личностью был этот негр Паранагуа Вентура. За ним числилось немало приводов в полицию и длинный список обвинений, правда, полностью не доказанных. Он пользовался славой грабителя, насильника и убийцы, был судим за убийство, но оправдан скорее из-за недостатка мужества присяжных, чем из-за отсутствия улик. Негру приписывали еще два убийства, если не считать женщины, которую среди бела дня он пытался заколоть на Ладейре-де-Сан-Мигел, но которая выжила, хотя и была на волосок от смерти. Притон Паранагуа посещали лишь профессиональные шулера, жулики, воры и мошенники, в общем, люди, которым уже нечего было терять. Всегда беззаботный, Гуляка тоже бывал там со своими жалкими грошами. Он принадлежал, возможно, к тем немногочисленным игрокам, которые могли похвастать, что иногда выигрывали у Паранагуа. Очевидно, время от времени негр все же позволял обыгрывать себя партнеру, пользующемуся его особым расположением.

Пришли также почти все ученицы доны Флор, в том числе и окончившие школу. Они горели желанием утешить всеми уважаемую преподавательницу, такую сведущую, добрую и несчастную. Каждые три месяца набирались новые группы на курсы общей кулинарии (занятия по утрам) и баиянской кулинарии (по вечерам). В витрине магазина на Седьмой авениде был выставлен диплом доны Флор со списком всех выпускниц. Среди них была выпускница самой первой группы дона Оскарлинда — медицинская сестра высшей категории из Португальской больницы, стройная, порывистая особа, обожавшая сплетни. Именно она потребовала вывесить диплом и список выпускниц, собрала на это деньги и вообще наделала переполох. Она же разыскала где-то художника, который согласился работать бесплатно, поругалась с доной Флор, но своего добилась. Дона Флор уступила. Пригласили художника, знакомого доны Оскарлинды, хотя дона Флор не преминула предложить своего брата Эйтора, который написал вывеску для школы, когда та еще стояла на Ладейре-до-Алво, и который, к сожалению, жил теперь в Назарете-дас-Фариньяс. Как бы там ни было, но доне Флор льстило читать вывеску, где крупными буквами было написано:

КУЛИНАРНАЯ ШКОЛА «ВКУС И ИСКУССТВО»

И ниже, затейливо:

Директор — Флорипедес Пайва Гимараэс

В те редкие дни, когда Гуляка просыпался раньше обычного и оставался дома, он вертелся среди учениц, мешая занятиям по кулинарии. Стоя вокруг доны Флор, шаловливые и грациозные девушки записывали рецепты, где точно указывалось количество креветок, пальмового масла, мякоти кокосового ореха, королевского перца, учились чистить рыбу, готовить мясо, сбивать яйца. Гуляка прерывал объяснения двусмысленными, а часто и непристойными шутками, дерзкие ученицы смеялись.

Все они были бесстыдницы. К доне Флор относились очень дружелюбно, даже подобострастно, но это не мешало им глазеть на Гуляку. Он торчал на кухне, развалившись на стуле или же присев на ступеньке у порога, и нахально и в то же время высокомерно разглядывал девушек. Взгляд его скользил от ног к коленям, к бедрам и останавливался на груди. Девушки опускали глаза, но Гуляку это не смущало.

На практических занятиях дона Флор готовила соленья, пироги, торты и всевозможные сласти. Гуляка лез со своими советами, отпускал шуточки, поедая все самое вкусное и заигрывал с самыми хорошенькими девушками, давая волю рукам, если какая-нибудь посмелее приближалась к нему.

Дона Флор отвлекалась, нервничала, клала не в той пропорции сливочное масло, растопленное для кукурузного пирога с медом, и молила бога, чтобы Гуляка убрался из дому, пусть даже ради своих мошеннических проделок или злосчастной игры — лишь бы оставил учениц в покое.

Сейчас девушки, окружив дону Флор, утешали ее, и только маленькая Иеда с мордочкой, как у дикой кошки, едва удерживалась от слез и не могла отвести глаз от лица покойного. Дона Флор сразу же заметила ее чрезмерную печаль, и сердце ее болезненно сжалось. Неужели между Гулякой и Иедой что-то было? Она, правда, никогда не замечала ничего подозрительного, но кто может поручиться, что они не встречались вне стен школы и не завершили свой флирт в каком-нибудь доме свиданий? После скандала с кокеткой Нозмией Гуляка вроде бы перестал волочиться за ученицами. Но он был

слишком хитер и, вполне возможно, поджидая эту нахалку на углу, заводил с ней игривые разговоры. А какая женщина могла устоять против него? Дона Флор, внимательно последив за Иедой, увидела, как дрожат ее губы. Не оставалось сомнений, что это еще одна любовница Гуляки...

Самой большой неприятностью, которую причинил муж доне Флор, была его связь с невинной блудницей Ноэмией, происходившей из благородного семейства и к тому же помолвленной. Какой позор! Дона Флор не хотела вспоминать эту грустную историю сейчас, когда в последний раз вглядывалась в лицо Гуляки. Теперь все это стало далеким прошлым. Ноэмия вышла замуж и уехала со своим Алберто, который любил называть себя талантливым журналистом и, несмотря на свою молодость, уже успел обзавестись рогами. К тому же сразу после замужества обманщица очень подурнела и растолстела.

Когда вся эта история каким-то чудом кончилась благополучно, Гуляка примирительно сказал жене, лежа в теплой постели: «Только ты никогда мне не надоешь. Все остальные женщины просто так, для развлечения». Сейчас, окруженная множеством людей, которые выражали ей свое соболезнование, дона Флор не желала вспоминать эту давно забытую историю, точно так же как не желала больше следить за маленькой Иедой, которая с трудом сдерживала слезы и все же не выдала своей тайны. Но разве теперь, когда Гуляка умер, это имело значение? К чему что-то выяснять, выводить кого-то на чистую воду, кого-то обвинять, на кого-то жаловаться? Он умер, заплатив за все слишком дорогую цену, в самом расцвете молодости! И дона Флор все простила своему мужу и не желала сводить с ним счеты.

Опустив голову, она перестала наблюдать за девушкой. И представила себе, как Гуляка, лежа на железной кровати, ласкает ее, дону Флор, говорит ей на ухо: «Все остальные женщины просто для развлечения. Только ты никогда мне не надоешь, мой цветок базилика, только ты». «Что он имел в виду под «развлечением»? — подумала вдруг дона Флор. Жалко, что она ни разу его об этом не спросила, хотя вряд ли это могло означать что-нибудь хорошее. Она улыбнулась. Все остальные просто для развлечения, только она цветок в его руке, цветок, с которого он обрывал лепестки.

В понедельник в десять утра состоялся вынос тела. Похоронная процессия была очень многолюдной. Даже в этот карнавалыный день похороны Гуляки оказались самым значительным, ярким и своеобразным зрелищем.

— Ты только посмотри... Ну хоть в окно...— сказала дона Норма мужу, отчаявшись уговорить его пойти на кладбище,— посмотри, как хоронят человека, который умел поддерживать со всеми добрые отношения и никого не дичился, как ты... Пускай Гуляка был легкомысленным, игроком, имел свои недостатки, пускай у него не было ни кола ни двора, и тем не менее... Видишь, сколько народу пришло, сколько хороших людей... И это в день карнавала!.. А когда ты умрешь, Зе Сампайо, некому будет нести твой гроб...

Зе Сампайо ничего не ответил и не посмотрел в окно. Лежа на кровати в старой пижаме, он лишь испустил слабый стон и сунул в рот большой палец. Он был очень мнителен и страшно боялся смерти, а потому не любил бывать в больницах, на поминках и похоронах; теперь ему казалось, что вот-вот его хватит сердечный удар. Это чувство появилось у него, едва жена сообщила о том, что Гуляка умер от разрыва сердца. Зе Сампайо всю ночь промучился в ожидании удара, обливаясь холодным потом, ворочаясь в постели и сжимая рукой левую сторону груди.

Дона Норма, накинув на свою красивую копну каштановых волос черную шаль по случаю траура, безжалостно заключила:

— Что касается меня, то, если на моих похоронах не будет по меньшей мере пятисот человек, я сочту, что прожила жизнь напрасно. По меньшей мере пятисот...

Исходя из этого, можно было заключить, что Гуляка прожил жизнь не напрасно, ибо половина Баии пришла проводить его в последний путь; даже негр Паранагуа Вентура покинул свое мрачное логово и явился на похороны в белом накрахмаленном костюме, при черном галстуке, с траурной повязкой на левой руке и с букетом красных роз. Он приготовился нести гроб и, посочувствовав доне Флор, высказал то, что думали все, в самой короткой и самой прекрасной надгробной речи, произнесенной над телом Гуляки:

— Он был молодчина!

Небольшое сообщение (кажущееся ненужным) о полемике, развернувшейся вокруг автора анонимной поэмы, переходящей из бара в бар, в которой поэт оплакивает смерть Гуляки и в которой наконец выявляется на основании конкретных данных истинное лицо неизвестного барда

(Декламация Робато Фильо — мастера на все руки)

Нет, эта литературная тайна не останется неразгаданной и не явится еще одной неразрешенной проблемой всемирной культуры, над которой по прошествии веков будут ломать головы университетские ученые, научные сотрудники и биографы, философы и критики; она не станет предметом исследований и изысканий, темой для соискания ученых степеней на институтских кафедрах, услугой и развлечением для ученых старцев. Не будет ничего похожего на загадку Шекспира, если не считать маленькой тайны — смерти Гуляки, подсказавшей поэту сюжет и ставшей для него источником вдохновения.

Однако в литературных кругах Салвадора вопрос о том, кто из поэтов города сложил «Элегию на смерть Валдомиро дос Сантос Гимараэса, или Гуляки, как его звали близкие и друзья», вызвал бурную полемику. Спор быстро разгорелся и вскоре принял скандальный характер, послужив поводом для ссор, перебранок, эпиграмм и даже пощечин. Однако споры эти и злопыхательства, сомнительные и достоверные факты, утверждения и отрицания можно было услышать только за столиками баров, где за кружкой холодного пива собирались по вечерам непризнанные молодые таланты, поносившие литературу и искусство, которые существовали до этого нового решительного поколения, призванного осчастливить человечество, а также скучные низкопробные писакки, ожесточенно противящиеся всяким нововведениям и расточающие свои каламбуры, эпиграммы и возвышенные глупости. И те и другие — безбородые гении и небритые беллетристы — были одержимы одной страстью: читать вслух собственные творения — будь то проза или поэзия, — которым, по их мнению, суждено было совершить переворот в бразильской литературе, если бог того пожелает. И хотя дебаты эти не вышли за пределы штата Баия (заметьте, всего штата, а не только его столицы, ибо они

нашли отклик и во всех крупных городах: например, в анналах Академии литературы Ильеуса имеется заслуживающее внимания сообщение о вечере, посвященном данной проблеме) и не были упомянуты в газетных приложениях и журналах, а велись лишь устно, дискуссия не могла не вызвать всеобщего интереса, если речь шла о доне Флор и ее двух мужьях, а Гуляка стал главным персонажем, героем первого плана.

Герой ли он на самом деле или подлец, развратник, причинявший страдания молодой женщине, то есть доне Флор, преданной и верной супруге? Это уже другой вопрос, не связанный с литературной дискуссией, занимавшей поэтов и прозаиков, и, наверное, еще более сложный и серьезный. На него-то вы и должны дать ответ, если терпеливо дочитаете эту книгу до конца.

Из элегии же, в которой он превозносился до небес, явствовало, что Гуляка, несомненно, был героем, «как никто близким к звездам, игральным фишкам и шлюхам, шутом и волшебником». И если для элегии, ставшей предметом полемики, не нашлось места на страницах литературных журналов, то отнюдь не потому, что она этого не заслуживала. Некий Одорико Таварес, крупный поэт, на голову выше всех других поэтов (которые, кстати, кормились из его рук и были у него под башмаком, так как он контролировал две газеты и радио), прочитав машинописный экземпляр элегии, сокрушенно покачал головой: «Жаль, что ее нельзя опубликовать...» — «К тому же она анонимная...» — заметил другой поэт.

Это был Карлос Эдуардо, смазливый молодой человек, знаток старины, вместе с Таваресом он занимался какими-то темными делишками, скупая старинные изображения святых. Литераторы-неудачники и самые пылкие юнцы из числа гениев, которые не питали никакой надежды опубликоваться в воскресном приложении Одорико, обвиняли его и Карлоса Эдуардо в том, что они будто бы прячут у себя распятия и церковную утварь. А их будто бы крадет из церкви шайка бандитов, специализирующаяся на этом и возглавляемая Марио Краво, субъектом с сомнительной репутацией; об этом Краво ходили самые невероятные слухи, и, между прочим, он был приятелем и собутыльником Гуляки. Худой и усатый Краво славился чрезвычайной изобретательностью. Он собирал автомобильные части, листы железа, всякие поломанные машины и, расположив этот хлам особым образом, создавал современную скульптуру. По едино-

душному мнению многих знатоков искусства и двух поэтов, этот негодяй был выдающимся революционным художником. Но это особая тема, и мы не станем ее касаться, оценивать мастерство Краво и анализировать его творчество. Сообщим только в порядке информации, что критика впоследствии превознесла его творения, его работами заинтересовались иностранные журналисты. Но в те времена Краво еще не снискал признания и если и пользовался некоторой известностью, то только благодаря своим сомнительным подвигам в ризницах и алтарях.

Говорят, Гуляка тоже участвовал (ему позарез нужны были деньги) в тайном ночном паломничестве в старинную церковь Реконкаво, которое возглавлял еретик Марио. Ограбление церкви вызвало тогда переполох, так как одна из украденных вещей приписывалась самому Агостиньо да Пьедаде, и монахи не стали молчать о краже. Сейчас это ценное полотно находится в одном из музеев на юге страны, куда оно попало, если верить сплетням литераторов, с помощью этих двух компаньонов по части муз и благодетивой торговли.

В то утро еще до завтрака они сидели в редакции и беседовали о святых и их изображениях, когда Карлос Эдуардо, вытащив из кармана экземпляр элегии, дал ее прочесть Одорико.

Сетую на то, что ее нельзя опубликовать, и не потому, что неизвестно имя автора — можно было бы поставить любой псевдоним, — но по цензурным соображениям, Таварес еще раз повторил: «Жаль...» — и вслух прочел:

— «В трауре все игроки и негритянки Баии». — Затем поинтересовался: — Ты сразу узнал автора?

— Думаешь, это он? Похоже, но...

— Это совершенно очевидно... Послушай: «Во всех казино воцарилась минута молчания, приспущены флаги в публичных домах, в отчаянье девки рыдают».

— Пожалуй, он...

— Разумеется... Я несколько не сомневаюсь. — И, рассмеявшись, добавил: — Старый бесстыдник...

Однако литературные круги не разделяли этой уверенности. Элегия приписывалась различным поэтам, известным и еще совсем молодым. Назывались имена Сосиженеса Косты, Карвальо Фильо, Алвеса Рибейро, Элио Симоэнса, Эурико Алвеса. Многие считали, что стихи принадлежат Робато. Иначе разве стал бы он декламировать с таким вдохновением и так проникновенно: «С ним унесся рассвет верхом на луне»? Разве стал бы

он вообще читать чужие стихи? В их кругу это не было принято. Но они забыли о щедрой натуре «короля сонета», о его умении восхищаться творением другого и аплодировать ему.

Успех элегии и возникший вокруг нее спор родились в доме свиданий Карлы, толстой Карлы, опытной профессионалки, привезенной из Италии, чья культура была чрезмерно высокой для ее ремесла, в котором, впрочем, она превзошла всех своих товарок, что подтверждал Нестор Дуарте, который славился своим умом, объездил много стран и слыл человеком знающим. Начитавшись Д'Аннунцио, Карла с ума сходила по стихам. «Романтична, как корова», — так охарактеризовал ее усатый Краво, с которым она в свое время была близка. Карла не могла жить без драм и страстей: ее любовниками были обитатели мира богемы, и она переходила от одного к другому, вздыхая, стелая и терзаясь ревностью. У нее были огромные голубые глаза, бюст примадонны и изумительные бедра. Гуляка тоже когда-то добился ее расположения, и ему перепало кое-что от щедрот толстой Карлы, но она предпочитала поэтов и сама слагала стихи «на нежном языке Данте и с большим вдохновением», как лжстил ей Робато.

По вечерам каждый четверг в своих просторных апартаментах Карла устраивала нечто вроде литературного салона. У нее собирались поэты и художники, представители богемы и некоторые важные особы, такие, например, как судейский чиновник Айроза. А также девицы из дома терпимости, любившие стихи и нескромные анекдоты. Подавались вина и сласти.

Карла председательствовала, возлежала на заваленном подушками диване, в греческой тунике или вся в драгоценностях, наподобие афинянки из журнала мод либо голливудской египтянки, только что сошедшей с экрана. Поэты декламировали свои стихи, перебрасывались остротами, эпиграммами, каламбурами; судейский чиновник изрекал какую-нибудь прописную истину, над которой размышлял целую неделю. Кульминационный момент вечеринки наступал, когда хозяйка дома, приподняв на подушках свое необъятное белоснежное тело, сверкающее фальшивыми драгоценностями, тонким голоском, который так не гармонировал с фигурой этой монументальной женщины, декламировала на итальянском языке свои слащавые стихи, воспевающие любовь к последнему избраннику. Тем временем художник Краво

и другие грубые материалисты, пользуясь полумраком, который создавался для лучшего восприятия поэзии, и невзирая на царивший здесь возвышенный дух, самым наглым образом липли к девкам, стремясь, в ущерб кассе дома терпимости, удовлетворить свою страсть.

Под конец от поэзии обычно переходили к неприличным анекдотам. И тут настаивала очередь Гуляки, Джованни, Мирандона, Карлиньоса Маскареньяса и в особенности Льва, начинающего архитектора, сына иммигрантов, огромного, ростом с жирафу детины, знавшего неистислимое множество анекдотов и отлично умевшего их рассказывать. У него была русская фамилия, которую никто не мог выговорить, и девицы звали его просто Лев Серебряный Язык, возможно, за его анекдоты. Возможно.

На одном из таких изысканных празднеств «ума и чувственности» своим выразительным голосом Робато продекламировал элегию на смерть Гуляки, предварительно сказав несколько взволнованных слов о покойном друге всех посетителей этого «прелестного уголка любви и поэзии». Робато заявил, между прочим, что автор элегии предпочел «мрак неизвестности солдцу популярности и славы», он же, Робато, получил экземпляр элегии из рук офицера военной полиции, капитана Кризостомо, который тоже был близким другом Гуляки. Однако и офицер не мог сказать точно, кто автор элегии.

Многие приписывали стихи самому Робато, но, так как тот упорно отказывался признать их своими, стали называть различных поэтов, подвизавшихся в городе, особенно связанных с богемой. Нашлись, однако, и такие, кто не верил Робато, считая, что он отказывается от авторства из скромности, и упорно настаивали на своем. Некоторые и по сей день полагают, что элегия принадлежит его перу.

Спор принял настолько острый характер, что однажды, выйдя за границы литературы и учтивости, вылился в ссору, кончившуюся дракой. Это случилось, когда поэт Кловис Аморин, который всех подряд разил ядовитым жалом своих ашиграмм, посасывая вонючую сигару, заявил, что бард Эрмес Климако никак не может быть автором пресловутых стихов, поскольку у него не хватило бы для этого ни таланта, ни элементарной грамотности.

— Климако? Не говорите глупостей... Он едва-едва сочиняет семистопный стишок. Дрянной поэтишке...

Как нарочно, в эту минуту Климако появился в дверях бара в своем неизменном черном костюме, непромокаемом плаще и с зонтиком, с которым никогда не расставался. Он поднял зонтик и с яростью бросился на обидчика:

— Дрянной была та сука, что тебя родила...

Они схватились, награждая друг друга тумаками и оплеухами, при явном преимуществе Аморина, более одаренного и более могучего, чем его соперник.

Забавная история произошла с одним поэтом, автором нескольких тощих тетрадок стихов, которому менее осведомленные лица тоже приписывали элегию. Сначала он категорически отказывался, но, по мере того как его почитатели становились настойчивей, упорствовал все меньше и меньше и наконец отпирался так смущенно и робко, что это весьма походило на застенчивое подтверждение.

— Сомнений нет, он автор элегии, — говорили те, кто видел, как он, потупив глаза, неуверенно потирает руки и бормочет:

— Конечно, это очень похоже на мои стихи, конечно. И все же не я это писал...

Он отрицал свое авторство и в то же время спорил с каждым, кто приписывал стихи кому-нибудь другому. Услышав это, он из кожи вон лез, доказывая несостоятельность подобных предположений. А если все-таки какой-нибудь упрямец продолжал настаивать, приводя те или иные аргументы, он решительно и таинственно намекал:

— И это вы говорите мне?.. Уж кто-кто, а я-то знаю...

Всякий раз, слушая, как декламируют элегию, он внимательно следил за текстом и поправлял, если какое-нибудь слово оказывалось неточным, ревниво оберегая каждый стих, словно это было его собственное творение. Только позднее, когда настоящий автор стал известен, ему пришлось расстаться с незаслуженной славой. Тогда он начал поносить элегию, не признавая никаких достоинств за этой «навозной поэзией для проституток», как он выражался.

Горячая полемика, развернувшаяся вокруг элегии, сделала ее чрезвычайно популярной, ее читали и заучивали наизусть, декламировали в барах на рассвете, когда кашаса пробуждала самые благородные чувства. Читцы меняли прилагательные и глаголы, иногда путали и

проглатывали целые строфы. Но, даже искаженная, залитая кашасой или валяющаяся на полу в кабаре, элегия перевозносила Гуляку до небес.

Кто бы ни был автор этих строк, он выразил общее настроение того мирка, где Гуляка обитал с юношеских лет, став со временем его своеобразным символом. Элегия была самой большой похвалой молодому игроку: если бы Гуляка услышал столько лестных и печальных слов в свой адрес, он не поверил бы своим ушам. При жизни он ни разу не заслужил таких похвал. Напротив, ему постоянно приходилось выслушивать упреки, советы и проповеди по поводу его непутевой жизни и бесчисленных пороков.

Впрочем, забвение дурных поступков Гуляки и прославление его мнимых достоинств, благодаря чему он превратился в героя, личность почти легендарную, оказалось недолгим. Спустя неделю после его смерти все постепенно стало на свои места. Мнение консервативных кругов, пекущихся о морали и благопристойности, выразили кумушки и соседки, вступившие в единоборство с проникнутым духом анархии и безнравственности панегриком Гуляке, который исходил от вольнолюбивого сброда, завсегда таея публичных домов и казино, пытавшихся подорвать устои общества.

Так возникла еще одна волнующая проблема, словно недостаточно было волнений с элегией. Впрочем, имя автора, теперь навечно вошедшее в золотой фонд отечественной литературы, было наконец установлено.

Через несколько лет после смерти Гуляки Одорико получил в подарок от поэта «Нескромные элегии» — кроме него, еще двое удостоились этой чести, — замечательно изданные, тиражом сто экземпляров, с автографом автора и гравюрами Салазанса Нето. Обернувшись к Карлосу Эдуардо, Одорико протянул ему эту не имеющую цены книгу.

Оба друга сидели в редакции в той же комнате, где когда-то вместе читали элегию. Только теперь они стали почтенными и уважаемыми господами, владельцами огромной коллекции дорогих картин.

— Значит, я был прав? — напомнил Одорико. — Я же говорил, что это он. — И заключил с той же улыбкой и в тех же словах, что и тогда: — Старый бесстыдник...

Карлос Эдуардо весело, но с достоинством рассмеялся и залюбовался изящным изданием. На обложке вырезанными по дереву буквами было напечатано имя автора:

Годофредо Фильо. Медленно перелистывая страницы, Карлос Эдуардо не без зависти думал: «По каким тайным улицам и закоулкам, каким невидимым во мраке дорожкам и горным пахучим тропам бродили вместе знаменитый поэт и нищий Гуляка, если между ними родилась эта странная дружба?» Размышляя так, Карлос Эдуардо гладил бумагу, словно ласкал нежную кожу женщины — как знать, может быть, черную, словно ночь? Четвертая элегия из пяти вошедших в сборник была посвящена смерти Гуляки: «Синяя фишка, позабытая на ковре».

Итак, как и было обещано, эта загадка разрешилась. Но возникла новая, и кто знает, удастся ли когда-нибудь с ней справиться... Мы предоставляем пронизательному читателю отгадать тайну Гуляки.

Кто он? Каков его истинный портрет? И что это за фигура? Загар ли покрывал его лицо или тень? Шут из элегии, молодчина, как сказал про него Паранагуа Вентура, или же просто презренный мошенник, несправильный вымогатель и плохой муж, как считают соседки и знакомые доны Флор? Кто прав: набожные прихожанки церкви святой Терезы или завсегдатаи «Табариса», где вертится шарик рулетки, трещат колоды карт, кидают кости и делают последнюю ставку?

II

О первом периоде вдовства, периоде печали, строгого траура и воспоминаний, о мечтах и заблуждениях, о флирте и браке, о супружеской жизни Гуляки и донь Флор, с фишками, игральными костями и горестным ожиданием, теперь уже безнадежным (при докучливом участии донь Розилды)

(Под аккомпанемент скрипки Эдгаро Коко, гитары Каимми и чарующей флейты доктора Валтера да Силвейра)

кулинарная школа «вкус и искусство»

Рецепт донь Флоры: мокека из крабов

Теоретическое занятие:

Ингредиенты (на 8 персон): чашка кокосового молока, не разбавленного водой, чашка пальмового масла, килограмм крабов.

Для соуса: три дольки чеснока, соль по вкусу, сок лимона, кориандр, петрушка, головка зеленого лука и две репчатого, полчашки сладкого уксуса, перец, полкило помидоров, потом еще четыре помидора, луковица, перец.

Практическое занятие:

Натрите на терке пару луковок, разотрите чеснок в ступке; лук и чеснок вовсе не распространяют зловония, это самые душистые овощи.

Нарежьте мелко кориандр, петрушку, несколько помидоров, головку зеленого лука и положите половину перца. Смешайте все с оливковым маслом и пока оставьте этот ароматный соус. (Эти дуры считают лук зловонным, но что понимают они в запахах? Гуляка любил сырой лук, поэтому его поцелуи обжигали.)

Промойте крабов целиком в лимонной воде, промойте хорошенько: так, чтобы удалить грязь, но не лишить их запаха моря. Теперь опускайте их в соус, потом кладите на сковороду. Остатки соуса осторожно вылейте на крабов, потому что блюдо очень деликатное. (Самое любимое блюдо Гуляки!)

Выберите четыре лучших помидора, возьмите перец, луковицу, нарежьте все это кружочками и красиво уложите на блюде. Крабы должны пролежать часа два на сковороде и как следует пропитаться соусом. Затем поставьте сковороду на огонь. (Гуляка сам ходил покупать крабов, на рынке у него был постоянный поставщик...)

Когда крабы будут почти готовы, добавьте кокосового молока и, уже перед тем как снять их с огня, полейте пальмовым маслом. (Он ежеминутно пробовал соус, ни у кого не было такого тонкого вкуса.)

Это самое изысканное, самое сложное блюдо; та, что сумеет его приготовить, может по праву считать себя отличной кухаркой.

Но если нет сноровки, лучше не браться, ведь не каждый рожден для кулинарного искусства. (Это было самое любимое блюдо Гуляки, никогда больше не подам его к своему столу.)

Никогда больше не вопьются в крабов его зубы, а губы не станут желтыми от масла.

Никогда больше он не поцелует меня!

Никогда больше не вопьются в меня его обжигающие уста, пахнувшие луком!

1

На седьмой день после смерти Гуляки в церкви св. Терезы шла заупокойная служба, которую отправлял дон Клементе Нигра. Неф был залит голубоватым и прозрачным утренним светом, лившимся со стороны моря, рядом с которым возвышался храм. Храм был похож на корабль, готовый отчалить от берега. К алтарю, где стояла на коленях донна Флор, неся сочувственный шепот. Вдо-

ва была вся в черном, в кружевной мантилье, одолженной на время доной Нормой, и с четками в руках. Мантилья скрывала волосы доны Флор и глаза, полные слез, которые она не в силах была сдержать. Однако те, кто перешептывался, сочувствовали ей не потому, что она потеряла мужа, а потому, что приобрела его в свое время. Склонившись перед алтарем, дон Флор ничего не слышала, будто в церкви не было никого, кроме нее, священника и покойного Гуляки.

Шепот старых ризничных крыс, этих богомолок, ненавидевших смех и веселье, поднимался вверх вместе с дымом ладана.

— Этот отступник не заслужил молитвы.

— Не будь она святой, стоило бы вместо мессы устроить вечеринку. С танцами и прочим...

— Его смерть для нее освобождение...

Это злобное ворчание, ворчание — Люцифера или Эшу¹, скорее всего Эшу, который свободно разгуливал по нефу, — ощущал даже дон Клементе, молясь за душу усопшего Гуляки, ощущал умерщвленной долгими бедствиями над древними книгами плотью в чудесной атмосфере едва пробудившегося утра. Почему они не оставляют Гуляку в покое, не дадут ему почтить в мире? Дон Клементе хорошо знал Гуляку. Тот любил прийти во двор монастыря побеседовать; садился на каменную ограду и рассказывал разные истории, не всегда подходящие для святых стен. Но священник внимательно выслушал его, так как интересовался жизнью каждого человека.

В коридоре между нефом и ризницей было устроено нечто вроде алтаря. И вырезанный из дерева неизвестным скульптором примерно XVII века ангел очень напоминал Гуляку. Гуляка, казалось, послужил художнику моделью: та же невинная и в то же время бесстыдная физиономия, то же нежное и наглое выражение лица. Ангел, стоя на коленях перед статуей святой Клары — гораздо более поздней работы, в стиле барокко, — протягивал к ней руки. Как-то дон Клементе повел Гуляку взглянуть на ангела: интересно, заметит ли он сходство? Увидев ангела, Гуляка рассмеялся.

— Чему ты смеешься? — спросил священник.

— Прости меня, господи... Но вам не кажется, падре, что ангел щупает святую?

¹ Эшу — негритянское языческое божество, олицетворяющее враждебные человеку силы.

— Бог мой! Что за выражения!

— Извините, дон Клементе, но у этого ангела физиономия альфонса... Он совсем не похож на святого... Вы только взгляните на его блудливые глаза...

Подняв руку для благословения, священник услышал, что богомолки продолжают перешептываться: демон зла все еще тут. Ах, эти нечестивые уста! Ворчливые, всем недовольные девственницы! Жалкие и алчные вдовицы во главе с Розилдой, да простит их бог, ибо бесконечна его доброта!

— Бедняжка натерпелась от него. Она ела хлеб, замешанный дьяволом...

— Сама во всем виновата. Разве я не давала ей советов?! Не будь она так строптивая, она бы послушалась меня... Я сделала все, что было в моих силах...

Так разглагольствовала донна Розилда, мать донны Флор, скорее походившая на мачеху, чем на мать, готовую до конца выполнить свой долг.

— Она же взбунтовалась. О господи! Ничего не хотела слушать, делала все по-своему. И в ком нашла поддержку, в чьем доме укрылась...

Привнеся эти слова, она посмотрела в ту сторону, где, преклонив колена, молилась ее сестра донна Лита, и заключила:

— Заказывать панихиду для этого подлеца — все равно что бросать деньги на ветер или набивать брюхо священнику...

Дон Клементе взял кадило и, махнув им, пустил клубы ладана против вловонного дьявольского дыхания, которое исходило из уст богомолки. Он сошел с алтаря, остановился перед доной Флор, ласково положил ей руку на плечо и сказал так, чтобы его слышали эти злобные, ядовитые старухи:

— Даже падшие ангелы находят себе место рядом с богом, приобщаясь к его благодати.

— Ангелы... Будь он проклят!.. Он был исчадием ада...— прорычала донна Розилда.

Дон Клементе, немного ссутулившись, пересек неф, направляясь в ризницу. В коридоре он остановился перед ангелом, созерцая эту странную скульптуру, где неизвестный художник запечатлел одновременно и грацию и цинизм. Какими чувствами он руководствовался, что хотел выразить? Охваченный земными страстями, ангел похотливым взором пожирал бедную святую. «Блудливые глаза,— сказал тогда Гуляка,— наглая улыбка, бесстыд-

ное выражение». Совсем как у Гуляки. Никогда еще священник не встречал подобного сходства! И не ошибся ли он, дон Клементе, поснешив приобщить Гуляку к благодати господней?

Он подошел к окну, вырубленному в каменной стене, и посмотрел во двор монастыря. Здесь обычно Гуляка усаживался на ограду. У ног его плескалось море, по которому сновали парусники. Гуляка говорил:

— Если бог всемогущ, падре, пусть он сделает так, чтобы на семнадцать выпал выигрыш двенадцать раз подряд. Тогда бы он действительно совершил чудо! А я пришел бы сюда и засыпал всю церковь цветами...

— Бог не вмешивается в игру, сын мой...

— Тогда, падре, он не знает, что хорошо, а что плохо. Ему неведомы переживания, которые испытывает человек, когда видит, как крутится шарик рулетки, когда он рискует последней фишкой и сердце его готово вот-вот разорваться...

И доверительно, словно о тайне, известной только ему и священнику, Гуляка спрашивал:

— Неужели бог не знает этого, падре?

А между тем дона Розилда, стоя на паперти, продолжала разглагольствовать:

— Выброшенные на ветер деньги... Никакая панихида не спасет этого пройдоху. Бог справедлив!

Дона Флор в мантилье, скрывающей ее скорбное лицо, появилась из глубины церкви, опираясь на дону Гизу и дону Норму. В голубом и прозрачном утреннем воздухе храм плыл, точно каменный корабль.

2

Только во вторник к вечеру известие о смерти Гуляки достигло Назарете-дас-Фариньяс, где дона Розилда жила у своего женатого сына — служащего железной дороги, отравляя существование невестке, которую превратила в свою рабыню. Не теряя времени, она отправилась в Баию в послекарнавальную среду — такую же скучную, как и сама дона Розилда, если верить ее зятю, Антонио Мораису. «Это не женщина, а послекарнавальная среда, она убивает любое веселье», — говаривал он. Желание держаться как можно дальше от тещи, несомненно, было одной из причин, почему Мораис уже несколько лет жил в пригороде Рио-де-Жанейро. Хороший механик, он

принял приглашение своего друга и отправился попытать счастья на юге, где добился довольно прилично-го положения. Теперь он не желал появляться в Баие даже во время отпуска, «пока эта мегера отравляет там воздух».

Дона Розилда, однако, не испытывала ненависти ни к Антонио Мораису, ни к невестке. Она ненавидела Гуляку и никогда не могла простить доне Флор ее замужества, удавшегося в результате подлого заговора против ее авторитета и ее воли. Что касается брака ее старшей дочери Розалии, то хоть дона Розилда и не была от него в восторге, все же не стала мешать молодым и возражать против их обручения. Просто она не ладила с зятем и с невесткой, поскольку не могла не досаждать ближнему, и если не ссорилась с кем-нибудь, то чувствовала себя несчастной.

Гуляку она возненавидела, еще когда он ухаживал за ее дочерью, раскидывая сеть обманов и обольщений, в которую и запутал дону Флор этот ненавистный претендент на ее руку. Мать не могла даже слышать его имя. «Была бы у нас настоящая полиция, этот негодяй давно бы сидел в тюрьме», — говорила она всякий раз, если ей напоминали о зяте, справлялись о нем или же посылали ему поклон.

И хоть она лишь изредка навещала дону Флор, она не переставала терзать ее целыми днями разговорами о мошенничествах Гуляки, о его распутстве и постоянных скандалах.

Еще стоя на борту парохода, она разверзла свои мерзкие уста и прокричала доне Норме, которая ту встречала по просьбе донь Флор:

— Наконец-то подох проклятый!

Пакебот причаливал, набитый нетерпеливыми пассажирами с узлами, корзинами, мешками, всевозможными свертками и сумками с фруктами, маниковой мукой, бататом, сладким маниоком, сушеным мясом, капустой и тыквами. Сходя по трапу, дона Розилда продолжала кричать:

— Этому бесовскому отродью давно пора было отправиться на тот свет!

Дона Норма растерялась. Дона Розилда всегда ее обескураживала. Сердобольная соседка пришла спозаранку в маленькую гавань, чтобы поддержать и ободрить тещу, которую ожидала увидеть в трауре и в слезах, посоветовать вместе на превратность судьбы: сегодня че-

ловек жив и полон энергии, а завтра уже лежит в гробу... Выслушать ее жалобы, утешить, посоветовать покориться воле господ, который ведает, что творит. А потом мать и близкая подруга доны Флор обсудили бы, как теперь жить вдове, которая осталась совсем одна на белом свете и такая молодая. Вот к чему приготовилась дона Норма. Все ее слова, жесты, позы выражали лишь искренность и сочувствие: в ее поведении не было ни малейшей фальши. Дона Норма привыкла себя чувствовать ответственной за всех, кто ее окружал; она была провидением, своеобразной скорой помощью для соседей, которые приходили в ее дом, лучший на улице (если не считать дом аргентинца Бернабо, владельца керамической фабрики, кстати сказать, чересчур роскошный), чтобы одолжить денег или посуду для гостей, соль, перец и даже кое-что из ее личных вещей, чтобы пощеголять на празднике.

— Дона Норма, мама прислала меня за чашкой пшеничной муки для пирога. Она потом отдаст...— просила Анинья, младшая дочь доктора Ивеса, жившего поблизости. Его жена, дона Эмина, пела арабские песни под аккомпанемент рояля.

— Ведь твоя мать вчера была на рынке! До чего она рассеянна!.. Одной чашки хватит? Если понадобится еще, пусть присылает...

Или же негритенок из дома доны Амелии кричал своим пронзительным голосом:

— Дона Норма, хозяйка велела попросить у вас черный галстук сеу Сампайо, тот, что завязывается бабочкой, а то галстук сеу Руаса съела моль...

Иногда появлялась дона Ризолета и своим драматическим меццо-сопрано томно говорила:

— Норминья, помоги ради бога...

— Что случилось?

— Какой-то пьяный уселся у моего дома, и я не могу войти!

Дона Норма шла туда и, узнав нарушителя спокойствия, улыбалась:

— Да ведь это Бастион Кашаса... А ну-ка, Бастион, уходи отсюда, проспись-ка лучше в гараже...

И так весь день: кто-то просит одолжить денег, кто-то присмотреть или поухаживать за больным. Дона Норма бесплатно делала уколы, конкурируя с врачами и аптекарями (не говоря уже о ветеринарах, поскольку все окрестные кошки приходили к ней котиться и всегда

находили помощь и пропитание), снабжала нуждающихся рецептами доктора Ивеса, кроила платья — у нее был диплом портнихи, — строчила письма служанкам, давала советы и выслушивала жалобы, помогала в сватовстве, наблюдала за влюбленными и разрешала самые различные вопросы. Целый день она хлопотала, и Зе Сампайо не раз раздраженно говорил ей:

— Ну что за непоседа, тебе некогда даже телевизор посмотреть... — И с безнадежным видом совал в рот большой палец.

Добрячка дона Норма готовилась прижать к груди скорбящую дону Розилду, ободрить и утешить ее. А та шла себя так, будто смерть зятя была для нее радостным событием. Вот она спускается по трапу, держа в одной руке пакет с мукой из Назарете, хорошо поджаренной и ароматной, и корзинку, где шевелятся строптивые крабы, которых она купила на борту парохода; в другой руке — зонтик и чемодан, хорошо еще, подумала дона Норма, что чемодан небольшой, иначе она задержалась бы здесь надолго. А этот маленький чемоданчик она берет в короткие поездки, на несколько дней. Дона Норма поспешила ей навстречу, чтобы помочь и торжественно обнять, выразив сочувствие: она ни за что на свете не отказалась бы от выполнения своего печального долга.

— Примите мои соболезнования...

— Соболезнования? Мне? Ну нет, дорогая, не тратьте времени на вежливые излияния! По мне, он мог бы отправиться к праотцам уже давно, я о его смерти ничуть не жалею. Теперь могу хоть вздохнуть свободно и снова сказать, что в моей семье нет подонков. И надо же, какой позор, а? Нашел где умереть — посреди карнавала, ряженым... Это он нарочно...

Она остановилась перед доной Нормой, опустила на землю чемодан, корзину и сверток и, смерив ее взглядом с головы до ног, не преминула сказать завуалированную гадость:

— Не хотела бы вам льстить, но вы очень пополнили... Настоящая современная красotka, такая толстенькая, прямо приятно смотреть, тьфу, тьфу, не сглазить бы... — Дона Розилда поправила корзинку, откуда пытались убежать крабы, и продолжала: — Вот это по мне: женщина не должна обращать внимания на превратности моды... Те, что моят себя голодом ради того, чтобы похудеть, кончают чахоткой... Вы же...

— Ну что вы, донна Розилда?! А я-то думала, что похудела. Ведь сижу на самой строгой диете... Не обедаю и уже целый месяц не притрагиваюсь к фасоли...

Донна Розилда оглядела ее критически:

— Что-то не похоже...

Взяв вещи, они направились к подъемнику Ласерды. Донна Розилда не переставала тараторить:

— А как поживает сеу Сампайо? По-прежнему валяется в постели? Никогда не встречала такого лежебоку. Будто старый пес...

— Что поделать, такой уж он уродился...— возразила донна Норма, которой не очень понравилось это сравнение.

Однако донна Розилда не склонна была прощать людям их слабости:

— Черт побери!.. Такой высокомерный муж, как у вас, должно быть, сущее наказание. Вот мой... покойный Жиль... Я не стану, конечно, утверждать, что он был особенный, он вовсе не был святым... Но по сравнению с вашим... Ах, дорогая моя, послушайте, что я вам скажу: будь я на вашем месте, я бы не вытерпела... Муж, который никуда не выходит, нигде не бывает, упрямится и всегда торчит дома...

Донна Норма попыталась вернуть разговор к главной теме: в конце концов донна Розилда потеряла зятя и только поэтому приехала в Баию. Об этом трагическом событии и следовало говорить.

— Флор очень печальна и подавлена. Она слишком много пережила...

— Потому что она размазня и дура и всегда была такой. Не похоже даже, что она моя дочь. Наверное, в отца. Вы не знали покойного Жилия? Я это говорю не для того, чтобы набить себе цену, но хозяйкой в доме всегда была я. Он был ни рыба ни мясо, и все дела решала ваша покорная слуга. Флор пошла в него, такая же рохля, иначе разве стала бы она столько времени терпеть своего мужа?

Донна Норма подумала, что если бы покойный Жиль не был таким рохлей, он бы наверняка не смог выносить так долго такую жену, и пожалела о судьбе отца донны Флор. А самой доне Флор теперь угрожали постоянные визиты матери, как знать, вдруг решит переехать к овдовевшей дочери и тем самым нарушит сердечную обстановку, царившую в их квартале.

Еще когда был жив Гуляка, доне Розилда являлась к доне Флор, чтобы наговорить всяких пакостей про зятя и пуститься в обратный путь, пока этот дьявол не явился со своими пошлостями, ибо доне Розилде никогда не удавалось справиться с Гулякой. Не удавалось даже вывести его из себя. Гуляке достаточно было увидеть тещу, как он раздражался веселым смехом и принимал такой вид, будто она была для него самой дорогой и желанной гостьей.

— Ба, смотрите, кто приехал! Моя дорогая теща! Моя вторая мать! Это золотое сердце, эта незлобивая голубка! А как поживает ваш хорошо отточенный язычок? Садитесь сюда, моя святая, рядышком со своим любимым зятком, давайте вместе покопаемся в мусоре Баии...

И он хохотал звучно и задорно, как человек, довольный жизнью. Уж если Гуляку не могли привести в отчаяние просроченные векселя, бесконечные долги, постоянная нужда и вечные поиски денег на игру, то неужели теща надеялась испортить ему настроение? Она ненавидела его за неизменно хорошее расположение духа и за то, что он неподобающе вел себя по отношению к ней, пока ухаживал за Флор. Охваченная злобой, она покидала поле сражения, преследуемая смехом Гуляки, и отыгрывалась на доне Флор, всячески понося ее на оживленных сборищах кумушек.

— Ноги моей больше не будет в твоём проклятом доме, непутевая! Оставайся со своим муженьком, пусть эта грязная собака оскорбляет твою мать, которая вскормила тебя своим молоком... Я ухажу, чтобы он меня не избил... В отличие от тебя мне не нравится ходить с сныками...

От смеха Гуляки, который преследовал ее даже на улице, от его насмешек доне Розилда теряла голову. Однажды она пришла в такую ярость, что, забыв о своем положении скромной вдовы, прямо на улице, полной народа, повернулась к окну, где зять покатывался со смеху, и запустила в него чуть ли не целую гроздь бананов. При этом срывающимся от бешенства голосом она выкрикивала проклятия и оскорбления:

— Вот тебе, грязная скотина, мерзавец, засунь себе в...

Прохожие, в том числе досточтимый профессор Эпаминондас и красавица доне Гиза, возмущались.

— Какая непристойность...— осуждающе изрек профессор.

— Истеричка...— поддержала его учительница.

И хотя донна Норма хорошо знала дону Розилду и не раз была свидетельницей ее злобных выходов, хотя она привыкла к ехидству донны Розилды, все же, стоя в очереди у подъемника, она не переставала удивляться. Она не представляла себе, что неприязнь тещи к зятю окажется столь велика; даже после его смерти донна Розилда не сказала ни слова сожаления о покойном, хотя бы и неискреннего, ради приличия. Наоборот.

— Даже воздух вроде стал чище после того, как сдох этот проходимец...

Донна Норма больше не могла сдерживаться:

— Как можно так говорить! Вы, наверное, очень злы на Гуляку?

— А как же мне на него не злиться? Бездельник, всегда без гроша в кармане, пьяница, игрок. И такой человек влез в нашу семью, вскружил голову моей дочери и увел несчастную из родительского дома, чтобы жить на ее деньги...

Конечно, он был пьяницей, игроком, бездельником и плохим мужем, размышляла про себя донна Норма, но как можно ненавидеть человека после его смерти? Разве не следует из уважения к мертвым забывать все их грехи? Однако донна Розилда была совсем иного мнения.

— Он обзывал меня старой каргой, никогда не относился ко мне с почтением, смеялся надо мной... Он меня обманул, одурачил, причинил мне кучу неприятностей... И я должна забыть все это только потому, что он мертв и лежит на кладбище? Ну, нет!

3

Уходя из этого мира в лучший, эта рохля Жиль — будь благословенна его память! — оставил семью в очень затруднительном положении. В данном случае избитое выражение насчет «лучшего мира» имеет отнюдь не переносный, а самый прямой смысл. Что бы ни ожидало его в таинственном потустороннем существовании: рай ли, полный лучезарного света, сладостной музыки и ангелов, или мрачный ад с бурлящими котлами, влажный лимб или вечное странствие в небесах, а может, и просто небытие,— любой из этих вариантов был лучше его супружеской жизни,

Худой и безропотный, сеу Жиль содержал семью, зарабатывая продажей неходовых товаров, что приносило скудный доход, которого едва хватало на ежедневное пропитание, оплату квартиры во втором этаже на Ладейредо-Алво, покупку одежды для детей, а также удовлетворение мещанского тщеславия доны Розилды с ее претензиями на роскошь, не уступающую роскоши самых зажиточных семей, с ее заветной мечтой проникнуть в светское общество. Дона Розилда питала отвращение к большинству своих соседей, которым, по ее мнению, не повезло, — приказчикам, конторским служащим, кассирам и портнякам. Она презирала этих простолюдинов, не умеющих скрыть свою бедность, чуралась их, держалась с ними надменно, считая, что нужно выказывать уважение лишь «респектабельным семьям», о чем не раз говорила покойному Жилу, когда заставляла его на месте преступления — потягивающим пиво в компании Казузы Воронки, лотерейного маклера и вымогателя, мнившего себя философом и, пожалуй, самого непутевого человека в квартале. Прозвище было дано ему не случайно. Казуза любил выпить, и его ненасытную глотку можно было сравнить лишь с воронкой.

Почему Жиль не желал знаясь с доктором Карлосом Пассосом, врачом с обширной клиентурой, с инженером Вале, занимавшим крупный пост в секретариате путей сообщения, с телеграфистом Пейшото, пожилым господином, собравшимся на пенсию и сделавшим приличную карьеру в почтовом ведомстве, с журналистом Насифе, еще молодым, но получавшим немалую прибыль от «Современного торговца», который, если верить рекламе, «неколебимо защищал интересы баиянской коммерции»? Все эти люди были их соседями и принадлежали к кругу «респектабельных семей»... Глупый Жиль не умел скрывать свои дружеские привязанности; если он не сидел с Воронкой в баре «Чудесное местечко», то играл розле дома Атенора Лимы в триктрак или в шашки, что было, пожалуй, единственной радостью в его жизни. Этого Атенора Лиму, торговца, обосновавшегося в Табоне, и одного из неизменных покупателей Жилия, можно было бы занести в список «респектабельных» соседей, если бы не его всем известная связь с негритяжкой Жузентиной, служившей у него поначалу кухаркой. Теперь она постоянно восседала у окна, у нее была прислуга, словом, держалась нагло и дерзко, и ее перебранки с доной Розилдой славились на всю Ладейру-до-Алво.

А Жиль усаживался прямо на тротуаре грязной улицы и любезно приветствовал эту простолюдинку, будто она была женой священника или судьи.

Впрочем, тщетными оказались усилия доны Розилды установить дружеские связи с влиятельными людьми: семейством Коста — потомками видного политического деятеля и владельцами огромной плантации в Матату (имя этого старого политика носила одна из улиц, а его внук Нелсон стал крупным банкиром и промышленником) семейством Мариньо Фалкона из Фейры-де-Сант-Ана, в магазине которого Жиль в молодые годы проходил обучение (сеу Жоан Мариньо одолжил ему денег, чтобы он мог обосноваться в столице штата), доктором Луисом Энрике Диасом Таваресом, директором отдела, слывшим умницей и публиковавшим свои статьи в газетах (его имя она произносила с особой гордостью и всякий раз подчеркивала свое с ним родство: «Он мой кум, крестил нашего Эйтора».).

Перечисляя эти громкие имена и сурово осуждая приятелей Жюля, она драматически вопрошала себя: седников, соседей, улицу, город, весь мир: чем она провинилась перед богом, за что он наказал ее мужем, который не способен обеспечить ей приличное существование, подобающее ее происхождению и кругу ее друзей? У одних коммерсантов дело процветало, и клиентура росла, их конторы все увеличивали месячный оборот и получали новые солидные куртажи. Они приобретали дома или же земельные участки, чтобы потом строить особняки. Другие позволяли себе роскошь купить автомобиль, как, например, Розалво Медейрос, уроженец штата Алагоас, прибывший всего несколько лет назад из Масейо с пустыми руками, а теперь ездивший на собственном «студебеккере»! Этот Розалво так заважничал, что в один прекрасный день, проезжая по улице Чили, не узнал дону Розилду и чуть не задавил ее — та шла пешком и с любезной улыбкой бросилась навстречу машине приветствовать преуспевающего коллегу мужа. Однако тот не только перепугал ее, резко загудев, но еще и обругал:

— Тебе что, жить надоело, каракатица?

Этот грубиян за три-четыре года сумел отлично заработать на фармацевтических товарах, пустив в ход хитрость и все свое обаяние, приобрел автомобиль, вступил в члены Баиянского теннисного клуба, сблизился со многими политиками и богачами, словом, стал важной

персоной и задрал нос! Дона Розилда скрежетала зубами и ну что ей делать с этим болваном Жилем?!

А Жиль таскался пешком или ехал трамваем с образцами своих товаров: тесемками, подтяжками, крахмальными воротничками и манжетами; он специализировался на товарах, вышедших из моды, ограничиваясь узким кругом клиентов из предместий и старыми мелочными лавчонками. Он решительно не умел выдвинуться и всю жизнь топтался на месте. Никто не верил в его способности, даже он сам.

И вот настал день, когда он понял, что не может больше слышать упреки и жалобы жены, осознал всю тщетность своих усилий. Порто, его свояк, муж Литы — сестры Розилды, тоже выбивался из сил, чтобы заработать на жизнь уроками черчения и математики в государственном ремесленном училище Парише. Порто ездил туда на поезде ежедневно, вставая на рассвете и возвращаясь поздно вечером. Но по воскресеньям он выходил на улицы с красками и кистями и писал яркие городские пейзажи, которые приносили ему столько радости; поэтому никто никогда не видел, чтобы он был в плохом настроении или скучал. И женился он не на Розилде, а на Лите, а та в противоположность сестре была святой женщиной, от нее никто не слышал дурного слова.

Жилю не везло даже в игре. Атенор Лима садился с ним играть, только если не было партнера посильнее; что же касается сеу Зеки Серры, чемпиона Ладейры, то он, даже чтобы убить время, ни за что не соглашался на такого неинтересного и рассеянного партнера. К тому же дона Розилда потребовала, чтобы Жиль раз и навсегда порвал с Казузой Воронкой, который недавно вышел из тюрьмы и все еще находился под следствием, а значит, очень нуждался в сочувствии и поддержке. И Жиль, как последний подлец, обходил стороной те места, где мог встретиться с Воронкой, покорно выполняя приказание супруги.

Так и не преуспев на своем поприще, он поздней осенью заболел пневмонией в легкой форме — «даже не двусторонним воспалением легких», как иронически заметил доктор Карлос Пассос, — и покинул подлунную. Тихо и мирно, смиренно покашливая. На его месте любой другой справился бы с недугом, который был ненамного опаснее гриппа. Но Жиль устал, так устал, что ему не хотелось дожидаться более серьезного и опасного заболевания. Он и мечтать не смел о тяжелой, модной и

дорогой болезни, о которой писали в газетах. Ему вполне достаточно было обычной пневмонии. А посему, ни с кем не простившись, он расстался со своей телесной оболочкой и отправился на вечный покой.

4

Уже давно дона Розилда вела самую строгую экономию, выдавая мужу еженедельно из тех скудных сумм, которые он выручал в виде комиссионных, несколько монет на трамвай и на сигареты «Ароматичные» — из расчета пачка на два дня. И все же сэкономленных денег едва хватило на похороны, траурные платья и расходы в первые траурные дни. Комиссионных от последних торговых операций почти не оказалось, это были жалкие гроши, и дона Розилда осталась с сыном, мальчиком-гимназистом, и двумя дочерьми, молоденькими девушками, без всяких средств к существованию.

И хотя была она особой суровой, резкой, своенравной и малопривлекательной, нельзя не признать за ней и положительные качества. Решительная и волевая, дона Розилда сделала все, чтобы ее дети получили образование, и сумела сохранить положение, в котором ее застала смерть мужа, не докатилась до лачуги на Ладейре-до-Алво или же грязной комнатухи на Пелоуриньо.

Дона Розилда упрямо держалась за свою квартиру. Переехать отсюда в более дешевое жилье означало бы для нее конец всем надеждам на преуспевание в обществе. Она должна была заставить Эйтора окончить среднюю школу, устроить его на работу, а также выдать замуж дочерей, и выдать хорошо. А чтобы достичь этого, нельзя было опускаться, поддаваться нужде или выставлять ее напоказ, потеряв стыд и совесть. Дона Розилда стыдилась бедности пуще всего на свете, стыдилась, как преступления, достойного суровой кары.

Съезжать с квартиры на Ладейре-до-Алво нельзя ни в коем случае. Так она заявила зятю, когда тот принес ей деньги от доны Литы; надо отдать должное допе Розилде — деньги эти через какое-то время она вернула сполна. Ее не устраивал ни дом, который можно было снять по сходной цене, правда, у черта на куличках, ни подвал на Лапинье, ни квартирка из двух комнат в Портас-до-Кармо. Она оставалась на Ладейре-до-Алво, хотя за эту квартиру и приходилось сравнительно дорого

платить, особенно для вдовы, не располагающей никакими средствами, ни большими, ни малыми.

Отсюда, с широких балконов второго этажа, она могла взирать на будущее с уверенностью: не все еще было для нее потеряно. Она изменила свои прежние планы, не отказавшись, однако, от своих претензий. Если бы она сразу отступила, покинув благоустроенную, хорошо меблированную квартиру с коврами и шторами и переехала в дом, битком набитый беднотой, ей пришлось бы навсегда распрощаться со всеми своими надеждами и мечтами. Тогда бы Эйтор встал за прилавок бакалейной лавки, в лучшем случае — магазина, и всю жизнь оставался бы приказчиком, как, впрочем, и девочки, если только не пошли бы в официантки, а из баров и кафе, где девушкам приходится терпеть вольное обхождение хозяев и посетителей, прямая дорога в публичный дом и на панель. Оставаясь в своей квартире, дона Розилда еще могла противостоять этим угрозам. Покинуть ее — значило сдать без борьбы.

Вот почему она не согласилась на предложение Атенора Лимы устроить Эйтора. И не сочла нужным долго объясняться с Розалией, когда та заявила, что хочет устроиться кем-то вроде приемщицы-секретаря в процветающей фотоателье на Байше-дос-Сапатеирос, где Андрес Гутьеррес, смуглый испанец с подстриженными усиками, изощрялся в фотоискусстве в самых различных его формах: от моментальных фотокарточек три на четыре сантиметра для удостоверений личности и обычных снимков («исполнение в двадцать четыре часа») до цветных, крупным планом фотографий — подлинных «шедевров», в том числе портретов всевозможных размеров и групповых снимков во время крещения, свадьбы, первого причастия и других праздничных событий, заслуживающих места в пожелтевших семейных альбомах. Что бы вы ни пожелали запечатлеть, тут же появлялся Андрес Гутьеррес со своим аппаратом и с помощником-китайцем весьма подозрительного вида, настолько старым и сморщенным, что возраст его невозможно было определить. Ходили слухи — дошли они и до ушей доны Розилды, всегда охочей до подобных разговоров, будто Андрес и его помощник печатают открытки, исполненные в высшей степени натуралистической манере и пользующиеся неизменным успехом, которые китаец продавал в запечатанных конвертах. По утверждению кумушек, им позировали бедные и легкодоступные молоденькие девушки, по-

лучавшие за это грошовой вознаграждение. Заодно они, должно быть, ублажали Андреса, а возможно, и китайца. Святоши рассказывали про фотоателье всякие ужасы. Не удивительно поэтому, что донна Розилда набросилась на дочь, как только та с самым невинным видом сообщила ей о предложении испанца:

— Если ты еще раз говоришь со мною об этом, я с тебя шкуру спущу... отлуплю так, что на всю жизнь запомнишь...

Она пригрозила Андресу тюрьмой, не забыв перечислить всех своих «респектабельных» знакомых; если он будет приставать к ее дочери, сам увидит, чем это кончится,— она не станет молчать о его грязных делах и заявит в полицию на этого испанского борова...

Андрес, не уступавший доне Розилде в дерзости и вспыльчивый, как все испанцы, отвечал ей в том же духе. Он начал с того, что боров не кто иной, как отец донны Розилды, рога носец, он же, Андрес, сочувствуя положению семьи после смерти сеу Жилия, человека воспитанного и доброго, который, без сомнения, заслуживал лучшей жены, пришел предложить работу девушке, едва зная ее в лицо и с единственным намерением помочь, а в благодарность эта истеричная корова орет теперь у дверей его заведения и еще угрожает, выдумывая всякие небылицы и возводя на него напраслину! Если она не закроет сейчас же свой рот, эту помойную яму, то пусть лучше катится ко всем чертям, да побыстрее, ибо он — уважаемый гражданин, почитающий законы, аккуратный налогоплательщик и выходец из старинного андалузского рода, никому не позволит называть себя боровом... Безразличный к этому спору китаец чистил спичкой свои длинные загибающиеся ногти, о которых сплетники выдумывали бог знает что...

Правду говорили про ателье или нет, но донна Розилда не для того растила дочерей, воспитала их и дала им образование, чтобы они попали в лапы какого-то Андреса Гутьерреса, андалузца, галисийца или китайца, ей плевать, кто он... Дочери были теперь ее надеждой, с их помощью она хотела изменить свою судьбу и свое положение в обществе. Она отвергала все предложения пристроить Розалию и Флор, которые делались с самыми лучшими намерениями. Донна Розилда не желала выставлять напоказ своих дочерей и подвергать их хоть малейшей опасности. Место порядочной девицы — в семье; ее цель — замужество, так считала донна Розилда. Разрешить

дочерям встать за прилавок мелочной лавки, пойти работать в кассу кинотеатра или зал ожидания зубо-врачебного кабинета означало бы капитуляцию, признание в собственной бедности; это было бы все равно что обнажить для всеобщего обозрения отвратительную зловонную язву! Пускай девочки работают, но дома, приобретая навыки, необходимые для замужней женщины. И если раньше эти навыки занимали немалое место в планах доны Розилды, то теперь заняли основное.

Пока муж был жив, дона Розилда мечтала дать сыну высшее образование, сделать его врачом, адвокатом или инженером. Докторское звание и университетский диплом помогли бы ему приобщиться к элите, блистать среди сильных мира сего. Докторское кольцо на пальце Эйтора стало бы ключом, который отворил бы перед нею двери высшего общества, этих недоступных сфер, таких далеких от Витории, Канелы, Грасы. Вместе с тем положение брата помогло бы девочкам найти выгодных женихов среди его товарищей из приличных семей и с блестящим будущим.

Смерть Жилия сделала этот план невыполнимым. Эйтор еще учился в гимназии, ему осталось два года до окончания, но он не успевал и проваливался на экзаменах. А на какие средства будет она содержать его долгие пять или шесть лет учебы в университете? С большим трудом она еще могла подождать, пока он кончит курс в государственной гимназии, где обучение было бесплатным. После колледжа ему не угрожала жалкая участь приказчика, он надеялся даже получить место в банке или — почему бы нет? — государственную должность, гарантирующую премии, повышение жалованья и повышения по службе, пособия и другие блага. Этой цели дона Розилда рассчитывала достичь с помощью своих влиятельных знакомых.

Больше она не делала ставки на докторское звание, на кольцо, свидетельствующее об окончании университета, — с изумрудом, рубином или сапфиром, — чтобы достигнуть высот, о которых она мечтала. Жаль, но ничего не поделаешь. Ее муж, этот рохля, еще раз нарушил ее планы своей идиотской смертью.

Зато теперь он не сможет разрушить ее планы, запозво составленные в дни траура. На сей раз она делала ставку на замужество Розалии и Флор. Теперь брак стал тем ключом, который отопрет двери комфорта и благополучия. Надо выдать их замуж, «пристроить», как гово-

рила дона Розилда, и как можно лучше. Выдать за именитых молодых людей, отпрысков богатых родителей, сыновей полковников-плантаторов, или же за коммерсантов, желательно оптовых, с положением, деньгами и большим кредитом в банках. А раз уж она поставила перед собой такую цель, не могла она пристраивать девочек в сомнительные места и выставлять напоказ их бедность. Когда девушка хороша собой и бедна, богачи и важные особы могут питать к ней лишь низменные, греховные чувства. Она наверняка получит предложение, но отнюдь не руки и сердца!

Дона Розилда хотела, чтобы дочери сидели дома, были скромными, помогали ей по хозяйству и поддерживали хотя бы видимость богатства, словом, чтобы могли сойти за обеспеченных и благовоспитанных невест. В приличные семейные дома, на воскресные утренники или вечеринки к друзьям девушки являлись нарядными, ни дать ни взять благородные барышни. Бережливая дона Розилда считала каждый грош и едва сводила концы с концами, но не терпела неряшливости в одежде дочерей, даже домашней. Им всегда надлежало быть безупречно одетыми и готовыми в любой момент принять сказочного принца, если тот вдруг появится. И тут дона Розилда не жалела усилий.

Как-то Розалию пригласили на танцы по случаю дня рождения старшей дочери доктора Жоана Фалкона, человека состоятельного, в его особняк с хрустальными люстрами, столовым серебром и официантами во фраках. Там собралось общество поистине изысканное, все сплошь богачи и знать из высшего общества. И Розалия произвела настоящий фурор: ее туалет оказался самым роскошным. Дона Дентинья, хозяйка дома, женщина весьма добродушная, не удержалась от похвалы:

— Вы здесь самая хорошенькая, Розалия... Ну прямо куколка, прелесть...

Она и впрямь выглядела самой богатой и аристократичной. А между тем на балу присутствовали состоятельные и благородные девицы из местной знати, с голубой кровью бакалавров, врачей, чиновников, банкиров, лавочников и коммерсантов. Матовая кожа метиски, нежная и бледная, казалась самой светлой в этом собрании прелестных бабьянок, поражавших всеми оттенками смуглости, — пока никто не слышит, могу вам сказать: собрании самых изящных метисок и прекрасных «белых» мулаток!

Глядя на Розалию, столь элегантно одетую, никто бы не подумал, что платье, которое так расхваливали на празднике, было шито самой Розалией и доной Розилдой, да и не только платье, но и все остальное, в том числе и туфли, этот шедевр из атласа, переделанные из старых. Самым выдающимся достоинством Розалии было ее умение кроить и шить, вышивать и вязать.

Девушки сами, без посторонней помощи, лишь благодаря своим способностям и твердому руководству доны Розилды чудом преодолели все трудности. Эйтор продолжал учиться в колледже, заканчивая курс, за квартиру платили в срок, так же как и за радиоприемник и новую плиту, и еще откладывали кое-что на приданое, подвенечные платья, вуали, гирлянды, поскольку постельное и всякое прочее белье уже давно лежало в сундуках. Все это девушки приготовили своими руками. Розалия на ножной швейной машинке шила на заказ, вышивала изящные блузки. Флор же сначала готовила подносы с закусками и сладостями для семейных праздников и небольших торжественных сборищ: дней рождений, первых причастий. Если Розалия великолепно шила, то призванием младшей сестры была кухня. Флор будто родилась с талантом кухарки. С малых лет она научилась печь пироги и готовить лакомые блюда, все время вертелась у плиты, обучаясь тайнам кулинарии у тети Литы, на редкость искусной поварихи. Дядя Порто, кроме живописи, любил еще хорошо поесть. Он обожал каруру и сарапател, фейжоаду и козидо¹. Научившись готовить пирожки с мясом и рыбой, а также завтраки, она занялась составлением рецептов и стала давать уроки. А потом открыла кулинарную школу.

Так они и жили — Розалия за швейной машинкой, Флор — на кухне у плиты, донна Розилда — у кормила правления. Жили скромно, в ожидании, когда на каком-нибудь празднике или прогулке появятся вдруг странствующие рыцари с тугой мошной и пышными титулами. Один пленит Розалию, другой уведет Флор, и обе под звуки свадебного марша направятся к алтарю и приоб-

¹ Каруру — пюре из зелени каруру, к которому добавляются креветки, рыба, пальмовое масло и много перца; сарапател — блюдо из свиной крови и ливера; фейжоада — бразильское национальное блюдо, приготовленное из черной фасоли с салом, солониной, свиной колбасой; козидо — блюдо из мяса, картофеля, риса и зелени.

щатся к сонму сильных мира сего. Первой — Розалия, поскольку она старшая.

Дона Розилда пристально вглядывалась в каждого, кто появлялся на горизонте, ожидая принца, всего в золоте, серебре и алмазах. Временами ею овладевало уныние, а что, если волшебный принц так и не объявится? Пора бы уже, нельзя же всю жизнь ждать. Девушки в том возрасте, когда начинают мечтать о женихах. Розалия, которой уже минуло двадцать, вздыхая у окна, без устали крутит швейную машинку, так когда же за ней придет герцог, или граф, или барон? Это томительное ожидание настолько затянулось, что Розалия уже стала рисовать себе страшные картины, как она останется старой девой, озлобится, а потом превратится в брюзгливую старуху, на что шутливо намекал добрый дядя Порто, издеваясь над аристократическими притязаниями доны Розилды.

Но иногда Розалия мечтала, как встретит суженого на вечеринке, по дороге к тетке в Рио-Вермельо, на утреннем сеансе в кино, за рулем малолитражки или на воскресной регате, в белом с головы до ног; он рисовался ей то веселым студентом, то серьезным ученым с толстыми фолиантами под мышкой, то танцором, выделяющимся замысловатые па аргентинского танго, то романтиком, вздыхающим под звуки ночной серенады.

Дона Розилда тоже ждала, и ее нетерпение все росло: где же он, этот долгожданный зять, этот миллионер, лорд, дворянин, этот доктор в черной шапочке, этот оптовый торговец из Нижнего города, этот какаовый или табачный плантатор, этот владелец магазина или хотя бы мелочной лавки или на худой конец этот потный гринго из бакалейного магазина? Где он?

5

Они ждали недели, месяцы, годы, всегда хорошо одетые, в уютной квартире, но дворянин так и не появился; не появился и молодой аристократ из Барры или Грасы, ни сын какаового плантатора-полковника, ни крупный коммерсант, ни даже португалец, разбогатевший на тяжелой работе в складах и пекарнях. Зато появился Антонио Мораис, владелец механической мастерской, всего достигший самоучкой, в своем выдавшем виды комбине-

воне, черном от масла. Он появился вовремя и поэтому был хорошо принят. Розалия уже проливала слезы, смирившись с участью одинокой старой ханжи, а доне Розилда была не в силах сопротивляться. Это, конечно, не тот зять, о котором она мечтала, не спуская глаз с дочерей, пока одна сидела за швейной машинкой, а другая стояла у раскаленной плиты. Однако по разным соображениям она уже не могла противостоять устрашающему гневу и резким выходкам пышущей здоровьем Розалии, которая в свои двадцать (с лишним) лет рвалась поскорее выйти замуж.

И хотя Антонио Мораис не был ни богатым, ни важным, он все же не служил у хозяина, а имел собственную, хоть и небольшую, мастерскую с постоянной клиентурой и зарабатывал достаточно, чтобы прокормить жену и детей. Доне Розилде пришлось смириться с судьбой. А что еще оставалось?

Эйтор при содействии своего крестного доктора Луиса Энрике уже получил место на Назаретской железной дороге и жил в Реконкаво, изредка навещая своих в Баие. Служба открывала перед ним заманчивые перспективы, и доне Розилде не приходилось за него беспокоиться. Флор, уже успевшая приобрести славу хорошей преподавательницы, давала уроки кулинарии девушкам и дамам. Теперь деньги на домашние расходы в основном добывала она, потому что Розалия тратила все, что зарабатывала, на платья, туфли и кружева — ей надо было заботиться о своей внешности.

Антонио Мораис впервые заметил Розалию на утреннике в кинотеатре «Олимпия». Кроме двух фильмов и киножурнала, владелец театра сеу Мота включил в тот день в программу выступление оказавшихся в Баие нескольких померкших звезд из трупп, которые распались во время гастрольных поездок по провинциям. Пока Мирабел, «чувственная греза Варшавы», уже немолодая полька, уставшая от войны, сцены и публичных домов, вертела своим тощим задом, к восторгу мальчишек, проходивших там школу жизни, Антонио Мораис заметил сидевших неподалеку дону Розилду и двух ее дочерей: Розалию, охваченную тревожным ожиданием, и Флор с ее пленительными грудью и бедрами.

Механик сразу же отвернулся от изощрявшейся перед публикой потрепанной «грезы Варшавы». Взволнованный взгляд Розалии скрестился с его смиренным взором. Выйдя из кинотеатра, молодой человек на почти-

тельном расстоянии последовал за матерью и дочерьми до их вполне приличной квартиры на Ладейре-до-Алво. На мгновение Розалия появилась на балконе, и ее уста дрогнули в улыбке.

На другой день после обеда Антонио Мораис в любовном томлении бродил по Ладейре-до-Алво, подолгу задерживаясь напротив дома доны Розилды. Розалия ободряюще поглядывала на него из окна. Бредя вверх или вниз по улочке, механик не отрывал глаз от балкона и насвистывал песенки. Спустя некоторое время Розалия в сопровождении Флор вышла из дому. Мораис осторожно приблизился к ним.

Дона Розилда, которая всегда была пачеку, заметила зарождавшийся флирт еще на утреннике в кинотеатре. Поняв, что загоревшаяся страстью Розалия не станет ее слушать, она отправилась разузнать, что представляет из себя этот парень. Атенор Лима хорошо знал его, и сведения оказались самыми благоприятными: Антонио Мораис был хорошим механиком, мастером на все руки, очень трудолюбивым и имел собственную мастерскую в Галесе. Девятилетним мальчиком, лишившись отца и матери во время автобусной катастрофы, он остался совсем один, однако ни бродяжничество, ни разгульная жизнь его не соблазнили. Он поступил в мастерскую негра Пе де Пилан, отличного парня, который ростом был повыше собора. В мастерской мальчишка делал все, что ему поручали, не брезговал никакой работой и показал себя на редкость смышленным. Твердого жалованья он не получал, но ему разрешалось ночевать в мастерской и брать чаевые, часто довольно щедрые. Он самостоятельно осилил грамоту и научился ремеслу у Пе де Пилан. Уже юношей на свой страх и риск Антонио попробовал взяться за мелкий ремонт. У него были ловкие руки и светлая голова: моторы автомобилей не таили от него секретов. Разумеется, у Антонио нет образования, равно как и больших средств, но ни один механик не может с ним сравниться. У него верный заработок, и вряд ли доне Розилде удастся найти лучшего мужа для Розалии, раз она не принцесса и не владелица какаовой плантации, без околичностей заявил Лима своей тщеславной и ворчливой соседке.

Приблизительно так же отозвались об Антонио и другие знакомые. Тогда доне Розилда, посоветовавшись со своим кумом доктором Луисом Энрике, который слыл мудрецом и всегда давал дельные советы, тщательно

завесила все «за» и «против» и вынесла решение в пользу механика.

Конечно, это не тот зять, о котором она мечтала, не принц голубой крови с сундуками, набитыми золотом. Правда, в жилах Мораиса текла благородная кровь — его дальним предком был принц африканского племени Обитико, привезенный в свое время в Баию работорговцем; но потом эта кровь смешалась с плебейской кровью португальского отребья и голландских купцов. Результатом такого смешения и явился этот мулат — симпатичный смуглый парень с приятной улыбкой. Не оказалось и сундуков, набитых золотом; накопленных механиком денег не хватило даже на постройку маленького домика. Но Розалия, пылавшая в огне любовной страсти, и слышать не желала о темном происхождении и скудных средствах Антонио. Розалия взбунтовалась, дерзко отвечала матери, раздражалась из-за любого пустяка, и доне Розилде пришлось покориться. Это случилось, когда Мораис в пятый или шестой раз зашел к ним вечером; в накрахмаленном белом костюме, надвинутой на глаза шляпе и щегольских ботинках он выглядел совершенно неотразимым.

Влюбленные сидели, тесно прижавшись и нежно глядя в глаза друг другу; держась за руки, они шептали всякие глупости, как вдруг из мрака с видом инквизитора возникла дона Розилда.

— Розалия, дочь моя, не хочешь ли ты познакомить меня со своим кавалером? — раздался ее грозный голос.

После того как, заикаясь от страха, Розалия представила друг другу совершенно растерявшегося Мораиса и дону Розилду, та сразу же набросилась на него:

— Моя дочь не любезничает с мужчинами в парадных и на улицах и не ходит гулять с поклонниками, я воспитывала дочь не для потехи какого-то проходимца...

— Но я...

— Кто хочет разговаривать с моей дочерью, должен заявить прежде всего о своих намерениях.

Антонио Мораис заверил, что мечтает лишь о женитьбе на Розалии, он уже не мальчишка и не собирает-ся никого обманывать. Он с готовностью ответил на подробные расспросы доны Розилды, которая получила полное подтверждение добытым ранее сведениям, главным образом насчет доходов мастерской.

Механик заручился благосклонностью доны Розилды, и ему было разрешено приходить по вечерам к парадной

двери, где теперь Розалия поджидала его, сидя на стуле. Дона Розилда из окна следила за соблюдением семейной чести; она растила дочь не для того, чтобы над ней надсмехался какой-нибудь бродяга. А поэтому, когда Мораис, трепеща, протягивал руку к нежной ручке девушки, сверху слышалось строгое покашливание доны Розилды:

— Розалия!

Естественно, что Мораис поторопился с помолвкой, желая скорее получить полную свободу действий и отделаться от этого несносного контроля. Теперь жених стал чаще бывать в доме, ходить с Розалией на воскресные утренники, куда их неизменно сопровождала Флор, которой было велено следить, чтобы влюбленные не целовались и не нежничали. Дона Розилда требовала максимального уважения к дочери. Но Флор не родилась шпионкой. Она сочувствовала влюбленным и, отвернувшись от сестры и будущего зятя, вшивалась глазами в экран; Флор жевала конфеты и не обращала никакого внимания на влюбленную парочку, занятую поцелуями.

До и после помолвки дона Розилда старалась держаться, насколько это было в ее силах, любезно и не проявлять наиболее неприятных черт своего характера. Она горела желанием во что бы то ни стало выдать дочерей замуж, а Розалия уже достигла критического возраста. Девушек, ищущих мужей, было хоть отбавляй, молодых же людей, решивших жениться, явно не хватало. И дона Розилда отлично знала, что найти дочерям женихов не так-то просто. Почти все ее знакомые дамы считали, что механик — хорошая партия. Некая дона Элвира, мать трех надутых, пышнотелых девиц, обреченных на вечное безбрачие, даже подсылала их к Мораису. Жеманные кривляки откровенно и многообещающе улыбались ему, но затащить Мораиса в постель им не удалось. К тому же, рассуждала дона Розилда, Мораис человек работающий и воспитанный, его нетрудно будет после женитьбы подчинить себе. Тут она, впрочем, обманулась: зять впоследствии немало удивил ее.

Что же из себя представляла дона Розилда, механик узнал лишь после свадьбы. Было решено всем вместе занять второй этаж дома на Ладейре-до-Алво — это было экономно и вместе с тем трогательно: меньше расходов и не надо расставаться, поскольку Мораис и дона Розилда и думать не желали о жизни порознь. Розалия воспротивилась этим безрассудным планам. «Всегда луч-

ше жить отдельно», — напомнила она золотое правило, но как пойти против воли матери и жениха?

Не прошло и шести медовых месяцев, как все планы тещи расстроились... Ибо, как сообщил зять знакомым: «Только Христос мог бы выдержать жизнь бок о бок с доной Розилдой, и то прежде надо было бы попробовать, возможно, и Иисусу не удалось бы поладить с ней, терпения не хватило бы».

Молодожены уехали к черту на рога, в Кабулу, почти за город. Мораис предпочитал ездить на ползущем как черепаха трамвае, который во время своего нескончаемого путешествия то и дело сходил с рельс и постоянно опаздывал, предпочитал выходить чуть свет, чтобы к открытию добираться до мастерской, расположенной вблизи Ладейры-дос-Галес; он предпочел бы даже жить в дремучем лесу, где шипели ядовитые гремучие змеи и где Эшу, эти злые духи, свободно бродили по дорогам, причиняя всякие несчастья, только не под одной крышей с тещей. Лучше уж гремучие змеи и Эшу!

Во втором этаже дома на Ладейре-до-Алво остались лишь юная Флор — теперь красивая девушка с нежным лицом, высокой грудью и пышными бедрами, и дона Розилда, ставшая еще более желчной. Свои надежды после отъезда Розалии она связывала только с младшей дочерью, ее последним козырем в борьбе за высокое положение в обществе, в которой она столько раз терпела неудачу.

И все же дона Розилда не утратила твердой веры в успех и непоколебимого желания подняться вверх по ступеням социальной лестницы, ведущей в мир богачей. В бессонные ночи (она не могла уснуть, обдумывая различные планы) дона Розилда решила, что ее младшая дочь не станет добычей никакого другого Мораиса. В мужья Флор она прочила достойного молодого человека, настоящего белого аристократа: дипломированного доктора или богатого коммерсанта. И приготовилась зубами и когтями держаться за этот последний бастион. То, что случилось с Розалией, не повторится. Флор не в пример старшей сестре была послушна и благообразна, не боялась остаться старой девой, не заговаривала поминутно о замужестве и не противилась, когда мать запретила ей любезничать с конторскими служащими, приказчиками из мелочной лавки и португальцами, торговавшими в булочной. Она безропотно подчинялась, не поднимала крика, не запиралась в спальне и не угрожала само-

убийством, на что часто пускалась Розалия, когда дона Розилда, заботясь о ее будущем, запрещала ей даже самое невинное кокетство. И вот результат — Розалия замужем за этим ничтожеством, даже не приказчиком, а простым механиком, рабочим! Какой ужас! Какое падение! Пускай он хороший мастер, много зарабатывает и добрый человек, все равно ее дочь не только не поднялась вверх по общественной лестнице, но спустилась еще ниже, причинив тем самым немалое огорчение доне Розилде, рассчитывавшей совсем на другое. Нет, с Флор будет иначе, ошибка не повторится.

А пока дона Розилда вынашивала свои планы, Флор приобрела славу лучшей преподавательницы кулинарного искусства. Она слыла специалисткой по баиянской кухне. Прирожденный талант Флор развивала с детства, уже тогда она научилась готовить приправы, составлять рецепты, угадывать нужное количество соли и сахара для лакомых соусов. Заказы на баиянские блюда поступали постоянно, Флор помогала готовить ватацú и эфó, мокеку и шиншин¹ для самых больших праздников, а также семейных торжеств у тети Литы и Дороти Алвес, где собиралось много приглашенных, а еды готовили вдвое больше. Со временем Флор приобрела широкую популярность, к ней приходили за рецептами, приглашали в богатые дома с просьбой научить готовить особо сложные блюда и приправы. Дона Детинья Фалкон, дона Лижиа Олива, дона Лаурита Таварес, дона Ивани Силвейра и другие «респектабельные» сеньоры, дружбой с которыми очень гордилась дона Розилда, рекомендовали ее своим подругам, так что Флор не сидела без дела. Именно одна из этих высокочтимых дам подала мысль открыть школу, где будут вестись теоретические и практические занятия. Дама эта предложила оплату, заверив Флор, что вознаграждает отличную преподавательницу и подругу, а не повариху. На эти льстивые ухищрения пускалась Луиза Силвейра, знатная уроженка Сержипе, необыкновенно изобретательная и лицемерная особа.

Однако по-настоящему давать уроки Флор начала только после отъезда Розалии и Мораиса в Рио-де-Жа-

¹ Ватацá — блюдо из маниковой муки с кусочками мяса и рыбы; эфó — жаркое из креветок с травами, приправленное пальмовым маслом и перцем; мокека — жаркое из рыбы, крабов или моллюсков с оливковым маслом; шиншин — жаркое из курицы с тертым луком и чесноком, пальмовым маслом, сушеными креветками и семечками тыквы или арбуза.

нейро. Расстояние между Кабулой и Ладейрой-до-Алво показалось механику недостаточным, он хотел бы, чтобы его и тещу разделял океан, до того возненавидел дону Розилду, эту мегеру, как он выражался, «эту чуму».

Школа процветала. Даже дамы из Канелы, Гракве и Барры приходили узнать секреты оливкового и пальмового масла. Одной из первых явилась дона Мага Патерностро, очень богатая и с большими связями, убежденная пропагандистка кулинарных талантов Флор.

Время шло, бежали годы, а Флор не торопилась обзавестись семьей. Это начинало беспокоить дону Розилду, ведь Флор уже давно не девочка. Флор пожимала плечами и помышляла только о школе. В один из своих приездов Эйтор, способности которого к рисованию всегда все хвалили, написал цветной тушью вывеску и поместил ее на балконе:

КУЛИНАРНАЯ ШКОЛА «ВКУС И ИСКУССТВО»

Как-то в газете Эйтор прочел пространное сообщение о школе «Знание и искусство», открытой неким Анизео Тейшейрой, прибывшим из Соединенных Штатов. Заменив слово «знание» словом «вкус», он переделал это название для сестры. Рядом с затейливыми буквами Эйтор изобразил изящно скрещенные ложку, вилку и нож. Если бы это произведение искусства было создано в наши дни, Эйтор вполне мог бы устроить выставку своих полотен и продать некоторые из них по хорошей цене. Но в те далекие времена железнодорожный служащий мог рассчитывать только на похвалу матери, сестры да одной из учениц Флор, девушки с влажно блестящими глазами, по имени Селесте.

Денег, которые получала Флор за уроки, вполне хватало на содержание дома, скромные расходы маленькой семьи да еще на то, чтобы отложить на приданое и на будущую свадьбу. Но главное, занятия эти заполняли время Флор и освобождали хоть немного от необходимости выслушивать постоянные напоминания доны Розилды о том, чего ей стоило вырастить и воспитать двух дочерей, и о том, что Флор нужно поскорее найти такого мужа, который вытащил бы их отсюда, с Ладейры-до-Алво, увел бы от этой плиты в богатые кварталы.

Однако Флор, казалось, совсем не интересовали любовь и замужество. На вечеринках она танцевала то с одним, то с другим юношей, выслушивала комплименты, благосклонно улыбалась, но дальше этого не шла. Не

тронули ее и страстные мольбы студента-медика, веселого уроженца штата Парá, любителя развлечься и пофрантить. Флор осталась равнодушной к его ухаживаниям, хотя дона Розилда так и загорелась: наконец-то студент, почти доктор, домогается руки ее дочери.

— Он мне не нравится... — решительно заявила Флор. — Шелудив как пес...

Ни увещевания, ни брань разгневанной доны Розилды не смогли заставить ее переменить мнение. Мать охватила паника: неужели повторится история с Розалией, неужели Флор окажется такой же упрямой, как сестра, и сама выберет себе жениха? Дона Розилда привыкла считать, что у младшей дочери характер покойного Жилия, что она целиком подчинится воле матери, а Флор, видите ли, и знать не хочет этого студента, скоро кончающего университет, сына латифундиста из Парá, владельца пароходов и островов, каучуковых лесов и какаоовых плантаций, диких индейцев и огромных рек. Да это же мешок, набитый золотом! Дона Розилда отправилась разузнать о нем поподробнее и, выслушав отзывы нескольких знакомых, вообразила себя владелицей необъятных просторов Амазонии, крестьян-метисов и индейцев. Наконец-то явился сказочный принц, не напрасными оказались ее ожидания и жертвы, бесполезные до сих пор. Она станет приезжать в Баию на пароходе, и хозяева великолепных домов Барры и особняков Грасы будут ухаживать за ней, льстить и заискивать.

Флор же со своим нежным округлым личиком, матовой кожей, своими красивыми ямочками на щеках делала удивленные глаза и повторяла устало и кокетливо:

— Он мне не нравится... Он противен, как и нищета...

«Черт возьми, что она о себе думает? — сердилась дона Розилда. — Неужели эта девчонка всерьез считает, что главное в браке — любовь и красота, что такие женихи, как Педро Боржес, толпой разгуливают по Ладейре-до-Алво?»

— Дорогая моя графиня, любовь приходит, когда люди начинают жить вместе, когда у них появляются общие интересы, дети. А поначалу — лишь бы не было неприяни. Может, он тебя рассердил чем-нибудь?

— Нет, упаси боже. Он, видимо, хороший человек. Но я выйду замуж только за того, кого полюблю... А Педро очень некрасив... — Флор запоем читала романы из «Библиотеки для девушек» и мечтала о бедном белокуром юноше, отважном и красивом.

С пеной у рта дона Розилда так пронзительно заверещала, что ее голос разнесся далеко по улице:

— Некрасивый! Да какое это имеет значение? Красота мужчины, дура ты этакая, не в лице, а в характере, в общественном положении, в богатстве. Видела ты когда-нибудь, чтобы богатый человек был некрасивым?

Что до нее, уж она ни за что не променяла бы этого увальня Боржеса (впрочем, не такой уж он безобразный: высокий, крепкий, лицо, правда, немного грубое) на целую свору дерзких юнцов из Рио-Вермельо, без кола без двора. Доктор Боржес — она заранее наградила его этим титулом — приличный молодой человек, это сразу видно по его манерам, из знаменитого семейства и очень богат. Дона Розилда выяснила, что живет он в Белене — у них настоящий дворец, одних слуг больше дюжины. Дюжины, слышишь ты, непутевая, взбалмошная дура, сумасбродка! Там мраморные полы и лестницы! И, вытянув вперед руки, дона Розилда с пафосом повторила:

— Ты видела когда-нибудь, чтобы богатый человек был некрасивым?

На щеках Флор снова появились прелестные ямочки; замуж она не торопилась и решительно возразила матери:

— Вы, мама, говорите так, будто я продаюсь мужчинам за деньги... Он мне не нравится, вот и все!..

Борьба за Педро Боржеса между разъяренной и все более распалывшейся доной Розилдой и Флор, которая была спокойна, точно ничего не случилось, достигла своего апогея во время выпускного бала, куда их пригласил Педро.

Для такого торжественного случая дона Розилда разоделась в пух и прах: в блестящей тафте, надутая, как распутивший хвост индюк, с оборками на рукавах и испанским гребнем в пучке, она вызывала смех. Зато Флор была восхитительна в своих кружевах и ни минуты не сидела. Она не пропустила ни одной кадрили. И все же не подала никакой надежды новоиспеченному доктору.

Не подала и позже, когда он накануне отъезда в далекую Амазонию пришел с визитом, взяв с собой отца, чтобы произвести большее впечатление. Отца звали Рикардо. Это был величественный старик с громоподобным голосом. Пальцы его были унизаны кольцами, и дона Розилда чуть не упала в обморок, когда увидела столько драгоценных камней. Один из них, огромный черный алмаз, стоил по меньшей мере пятьдесят конторейсов!

Старик рассказывал о своих владениях, о рабочих-индейцах, о каучуке, словом, всякие истории про Амазонию. Потом заявил, что рад, видя наконец своего сына врачом. Теперь ему остается только жениться на порядочной, скромной и простой девушке, деньги их не интересуют, накоплено уже достаточно; при этом старик зашевелил пальцами, и бриллианты засверкали, озарив всю гостиную. Он мечтал о невестке, которая народит ему внучат, а те заполнят веселым криком и согреют их сумрачный роскошный дом в Белене, где старый Рикардо одиноко жил, пока Педро учился. Старик не спускал глаз с Флор, словно ожидал от нее ответа или хотя бы жеста, улыбки (если это не было сватовством, значит, дона Розилда ничего не понимала в таких вещах). Дона Розилда дрожала от волнения, наконец-то наступил долгожданный час, никогда еще она не была так близка к своей цели... Она смотрела на дуреху дочь — сейчас Флор скромно, но решительно даст согласие. Однако та равнодушно сказала:

— Я не сомневаюсь, что не будет недостатка в красивых и порядочных девушках, которые согласятся выйти замуж за Педро. Мне бы только хотелось, чтобы свадьба состоялась в Баие, я бы тогда приготовила все для банкета.

Педро Боржес, несколько не обидевшись, спрятал купленное заранее обручальное кольцо, а старый Рикардо, кашлянув, переменял тему разговора. Дона Розилда почувствовала, что ей дурно и она задыхается, сердце ее готово было вот-вот разорваться. В бешенстве она вышла из гостиной, боясь упасть в обморок. Если б сейчас эта неблагодарная дура, эта идиотка, подлая тварь умерла, она и глазом бы не моргнула. Отказать доктору — теперь уже настоящему доктору, — богатому молодому человеку, будущему владельцу острова, рек, индейцев, мраморных особняков, драгоценных колец? Несчастливая дура!

Непреодолимая стена ненависти и вражды, рокового непонимания, глухой злобы встала между матерью и дочерью, навсегда соединив их и навсегда отделив друг от друга, если бы вскоре после отъезда отвергнутого Педро Боржеса не появился Гуляка. Ах, по сравнению с титулами, положением и богатством Гуляки — о чем дона Розилда узнала от него самого и некоторых его друзей — Педро со всем его мрамором, дюжиной слуг, реками и обширными землями был просто нищим.

С коротким, вежливым поклоном Мирандон, лицо которого было на редкость обаятельным, попросил у доны Розилды разрешения и сел с ней рядом на один из стульев с соломенными сиденьями, расставленных вдоль стен зала. Вечный студент («постоянный», поправлял он, когда ему напоминали о том, что уже семь лет он учится в Агрономической школе) вытянул ноги и аккуратно расправил складку на брюках. Глядя на пары, выделяющие почти акробатические па в замысловатом аргентинском танго, он одобрительно улыбнулся: ни один танцор не мог сравниться с Гулякой, никто не танцевал так, как он. Благослови его, боже, и сохрани от дурного глаза! Мирандон был человеком суеверным, однако это не мешало светлому мулату в свои двадцать восемь лет слыть бездельником и самой популярной личностью в публичных домах и игорных заведениях Баии.

Почувствовав, что дона Розилда смотрит на него, он повернулся к ней, расплылся в еще более чарующей улыбке и, окинув ее критическим взглядом, с сожалением заключил: «Окончательно вышла в тираж, использовать невозможно». Дело было не в возрасте: уже давно Мирандон записал в свои правила обращения с женщинами параграф, гласящий, что зрелый возраст никак не может быть препятствием, иначе неизбежны самые роковые ошибки. Женщины, которым уже перевалило за пятьдесят, нередко сохраняют молодость и способны на удивительные превращения. Он это знал по собственному опыту и сейчас, взирая на руины, уцелевшие от доны Розилды, вспомнил мрачное величие Зелии Марии Пии дос Уандерлей и Прата. Эта крошечная женщина была из самого высшего общества, однако обладала поистине бешеным темпераментом и не знала никаких запретов. В свои шестьдесят с лишним лет, на которые она соглашалась, она без устали наставляла рога, целые заросли рогов, своему мужу и любовникам. Имея внучек бальзаковского возраста и правнучек на выданье, она оставалась пылкой и щедрой любовницей, проявляя сострадание (и какое сострадание!) к нуждающимся молодым студентам. Мирандон, полузакрыв глаза, чтобы не видеть соседку — этот скелет, к которому страшно прикоснуться и от которого никуда не денешься, — вспомнил небывалый темперамент Зелии Марии Пии дос Уандерлей и Прата и банкноты в пятьдесят и сто мильрейсов,

которые она в знак благодарности, не считая, засовывала ему потихоньку в карман пиджака. Да, хорошие были времена! Мирандон, первокурсник Агрономической школы, только начинавший познавать науку и жизнь, и Мария Пия дос Уандерлей, прыскавшаяся настоящими французскими духами.

Он снова открыл глаза и оглядел залу, услышал незабываемый аромат духов прапрабабушки, но рядом сидела отвратительная старуха, настоящая ведьма с испорченными зубами, дряблой кожей и пучком на затылке, которая продолжала изучать его своими близорукими глазами. Старое пугало, от нее исходит запах тления; Мирандон мысленно вдохнул аромат духов, все еще хранившийся в его памяти. О, благородная Уандерлей, где ты сейчас, моя шестидесятилетняя красотка? Ты была совсем не такая, как эта старуха рядом, явно чуждая тому состраданию, на которое ты была так щедра.

Однако, как человек воспитанный и гордящийся своим воспитанием, вечный студент не преминул улыбнуться доне Розилде. Ну и страшилище, старая карга, высохшая жаба, даже подумать противно... И все же Мирандон оставался учтивым и внимательным к этой изуренной матери семейства, почтенной вдове. В глубине души он был порядочным человеком, просто сбился с пути в игорных домах. К тому же сейчас у Мирандона было хорошее настроение.

— Веселая вечеринка, не правда ли? — обратился он к доне Розилде, начиная свой исторический диалог.

Во время частых пирушек с ним всякий раз бывало одно и то же. Сначала прилив бурной радости, Мирандон видел окружающее в розовом свете, жизнь казалась ему легкой и беззаботной. В такие минуты он мог все понять, всему радоваться, легко завязывал дружбу даже с таким пугалом, как его соседка. Он становился очень любезным, общительным, давал волю своей необузданной фантазии. Забывал о том, что он бедный студент, «вечный студент, томимый вечной жаждой», как он сам себя называл, и казался себе подающим надежды, важным молодым человеком или же преуспевающим агрономом и завзятым сердцеедом. Он любил рассказывать всякие истории и делал это превосходно, мастерски создавая колоритные типажи и острые ситуации; Мирандон вполне мог бы стать знаменитым писателем.

Если, однако, попойка затягивалась, то к ночи весь его оптимизм и хорошее настроение улетучивались, и к

концу оргии Мирандон начинал сетовать на свою судьбу, безжалостно бичевать себя и поносить, вспоминая жену — невинную жертву его падения, четырех детей, оставшихся без еды, и всю семью, которой угрожает выселение, пока он прожигает жизнь в игорных притонах и публичных домах. «Я презренный развратник, подлец». Таким был этот бесхитростный и порядочный человек, когда его мучила совесть. Впрочем, эта вторая сущность Мирандона проступала сравнительно редко, только после слишком обильных возлияний.

Но сейчас, в половине одиннадцатого, на вечеринке у майора Пержентино Пиментела, отставного офицера военной полиции штата, Мирандон был всем доволен и расположен к сердечной беседе с доной Розилдой. Он только что наелся до отвала, отведав все блюда, а некоторые даже по нескольку раз. Стол был уставлен всевозможными баиянскими яствами. Ватапá и эфó, абарá¹ и каруру́, мокека из креветок и рыбы, акаражé, шиншín, рис с вяленным мясом и перцем, а кроме того, горы жареных цыплят и индеек, свиные окорока и жареная рыба для невежд, которые все еще не оценили пальмового масла (ибо, как рассуждал с полным ртом Мирандон, не перевелись на этом свете презренные личности, способные на любую низость). Это опасное количество еды обильно орошалось алуá, кашасой, пивом и португальским вином. Уже более десяти лет майор ежегодно устраивал этот праздник, выполняя строгий обет кандомбле, с тех пор, как божества Оришá спасли ему жену, которой угрожала смерть из-за камней в почках. Он не жалел денег, копил весь год и с радостью тратил за один вечер. Итак, Мирандон наелся до отвала — он любил поесть, но еще больше выпить — и сейчас, сытый, отяжелевший от еды и выпивки, жаждал лишь интересной беседы, способствующей пищеварению.

В зале танцевали аргентинское танго под чудесную музыку Жоанзиньо Наварро, который слыл самым известным пианистом в Баие. Тонкие знатоки музыки, как, например, судья Кокейко, включали радио только для того, чтобы послушать его песни. А разве уже на расвете в «Табарисе» не его игра заставила всех забыть об усталости? В частные дома Наварро нелегко было започинать: у него не оставалось времени для вечеринок.

¹ Абарá — блюдо из мятой вареной фасоли, приправленное перцем и пальмовым маслом.

Однако он не мог отказать и всегда принимал его приглашение, поскольку когда-то давно майор оказывал ему немалые услуги.

Мирандон снисходительно поглядывал на танцующих, с одобрением отзывался об игре Жоанзиньо, улыбался соседке и уверял, что самые щеголеватые молодые люди здесь — он и Гуляка. Проникнуть на праздник майора Тиририки (как прозвали бравого Пержегитино мальчишки Рио-Вермелью) считалось делом невероятно сложным, по этому поводу даже заключались пари. Мирандон был наверху блаженства: наконец-то им с Гулякой удалось преодолеть барьер, воздвигнутый майором, наконец-то тяжелая, запертая на ключ дубовая дверь, открывающаяся только перед приглашенными, близкими и давними друзьями дома, распахнулась перед ними. Мало того, оба были приняты с распростертыми объятиями майором и доной Ауророй, его женой, которая еще более ревниво, чем муж, следила за тем, чтобы в доме бывали лишь достойные и уважаемые люди. А на улице, в оживленной толпе зевак, неудачливые спорщики с горечью признали свое поражение, когда Гуляка и Мирандон, обменявшись короткими приветствиями с майором, под громкие восклицания доны Ауроры вошли в дом. И как только им это удалось?

Мирандон вздохнул, поглаживая свое туго набитое брюхо, и блаженно улыбнулся. Мимо скользил в танце Гуляка, держа в объятиях хорошенькую, пухленькую смуглянку — кости ведь любят только собаки, — с блестящими глазками, нежной кожей и прекрасными бедрами и грудью.

— На редкость привлекательная девушка, просто красotka. — Мирандон показал на девушку, танцевавшую с его другом.

Старое чучело насторожилось, распрямило свою сухую грудь и воинственно взвизгнуло:

— Это моя дочь!

Мирандон не смутился.

— Тогда примите мои поздравления, сеньора. Сразу видно, порядочная девушка и из хорошей семьи. Мой друг...

— Молодой человек, который с ней танцует, ваш друг?

— Друг? Да, самый что ни на есть близкий, сеньора. Мы с ним как родные братья...

— И кто же он, позвольте узнать?

Мирандон выпрямился на стуле, вытащил из кармана надушенный платок, вытер пот с широкого лба и, расплывшись в довольной улыбке, ибо больше всего на свете любил сочинять забавные истории, сказал:

— Разрешите мне сначала представиться: доктор Жозе Родригес де Миранда, инженер-агроном, прикомандированный к канцелярии помощника инспектора полиции...— И с самым сердечным видом протянул руку.

Борясь с последним приступом подозрительности, дона Розилда окинула собеседника враждебным взглядом. Но бесхитростная физиономия и открытая улыбка Мирандона умели побеждать любую недружелюбность, любое недоверие, обезоруживали и завоевывали любого противника, даже такого злобного и ворчливого, как дона Розилда.

7

Интермедия, посвященная Шимбо и Рите де Шимбо

Однажды к вечеру, когда жара стала совершенно невыносимой, а воздух накалился до предела, Гуляка и Мирандон сидели в баре «Аламеда» на Сан-Педро за первой в тот день рюмкой кашасы. Они обсуждали, как лучше провести праздничный вечер в Рио-Вермельо, когда в дверях показалась румяная физиономия Шимбо, именитого родственника Гуляки, недавно назначенного помощником инспектора, то есть вторым по значению лицом в полиции.

Секретарь по регистрации браков и сын влиятельного политического деятеля консервативного толка, Гимараэс нисколько не уважал традиционный аскетизм отца, равно как и правила приличия. Этот отпрыск знатного и богатого семейства был легкомысленным шалопаем, любителем кутежей, азартных игр и дам легкого поведения, короче говоря, беспшашным повесой. Правда, последнее время он вел себя несколько скромнее, подавляя свою неумную натуру ввиду занимаемого поста. Но ему долго было суждено там продержаться, ибо он предпочитал свободу солидному положению и ради нее готов был пожертвовать самым высоким доверием и самым звонким титулом.

Он уже пожертвовал постом в Белмонте, городе, где родился и вырос и где стал главой муниципалитета с по-

мощью отца — сенатора и крупного землевладельца — после проведения так называемых выборов. Он покинул этот завидный пост, отказавшись от почетных обязанностей и немалых выгод, так как слишком дорого приходилось за них платить. Жителям Белмонте мало было его административных талантов, они потребовали от своего правителя еще и нравственности, а это он считал чрезмерным.

Эти крикуны подняли грандиозный скандал только из-за того, что Шимбо, человек смелых, прогрессивных взглядов, выписал из Баии несколько веселых девиц, желая нарушить монотонную жизнь маленького провинциального городка, в том числе Риту де Шимбо, очаровательную вдохновительницу бурных ночей в «Табарисе». Своей фамилией она была обязана старой и длительной связи с Гимаразсом, воспетой поэтами богемы в прозе и стихах. Они ссорились, ругались, расходились навсегда, а через несколько дней мирились, чтобы насладиться безмятежной идиллией и страстью. Поэтому Рита и называла себя де Шимбо, подобно тому как жена берет себе фамилию мужа. Узнав, что он стал главой муниципалитета, неограниченным властелином города, вершителем судеб беззащитного населения, она отправила ему телеграмму, в которой выразила желание разделить эту власть со своим возлюбленным. Самое высокое наслаждение в мире — это наслаждение властью, и сладострастная Рита захотела испытать его. Шимбо, чувствовавший себя в Белмонте очень одиноким, внял горячей мольбе Риты и вызвал ее к себе.

Рита де Шимбо не могла явиться к главе муниципалитета, правителю, наконец, королю Белмонте, как простая смертная — ведь она была его фавориткой, наложницей. Поэтому ее сопровождала свита из трех красоток; все они были совершенно не похожи друг на друга, но каждая в своем роде великолепна. Зулейка Маррон, капризная, взбалмошная мулатка, умела так покачивать бедрами, что на улице, по которой она шла, создавались пробки; Амалия Фуэнтес, загадочная перуанка с мелодичным голосом, имела склонность к мистике, а Зизи Кульюдинья, обворожительная кокетка, была хрупкой девушкой с золотистой, как пшеничный колос, копной волос. Однако это немногочисленное и прелестное общество — стыдно признаться — не встретило в Белмонте должного приема, больше того, стало мишенью враждебных выпадов со стороны дам и даже кавалеров. Если не

считать безусых студентов, очень немногих бездельников, пьяниц и еще нескольких человек, жители городка отнеслись к красоткам с подозрением и держались от них подальше.

Риту де Шимбо видели в полночь на балконе муниципалитета; она еле держалась на ногах и выкрикивала на весь город ругательства, запас которых у нее, наверное, был неистощимый. Поползли слухи, будто старый коммерсант Абраам, имевший внуков, бросился всем на потеху к ногам Зулейки, проматывая деньги наследников в кутежах с любовницей; почтовый чиновник Береко, чистый и целомудренный юноша, влюбился в Амалию Фувентес и, обнаружив в ней религиозную натуру, предложил руку и сердце, повергнув в отчаяние свою родню, полную предрассудков. Скандал достиг кульминации, когда Кульюдинья стала мечтой всех гимназистов, их королевой, их знаменем, их чистым идеалом. Дело дошло до того, что прелестная блондинка без всякого стыда рассказывала вечерами по Белмонте, окруженная мальчишками, а поэт Сосиженес Коста посвящал ей сонеты. Такого позора город еще никогда не переживал!

Даже высокомерный викарий своим пронзительным голосом произнес против Шимбо горячую проповедь, обвинив его в распутстве. Он назвал этих милых девиц «самыми низкопробными столичными проститутками», «исчадием ада»... Бедняжки! С этой проповедью священник обратился к толпе прихожан, заполнивших церковь во время воскресной мессы, обвинив Шимбо в том, что он превращает тихий Белмонте в Содом и Гоморру, разоряет домашние очаги, рушит семьи. Вообще несчастному городу не повезло, потому что во главе муниципалитета стоит развратник, «Нерон в кальсонах». Не лишенный чувства юмора Шимбо посмеялся над злопыхательством падре. Девушки расплакались. Рита де Шимбо призывала к мести, а секретарь муниципалитета Мигел Турко, экзальтированный сириец, беззаветно преданный Гимараэнсам и всем известный льстец, предложил посчитаться с викарием, посадив двух ответных бандитов отлупить его, чтобы он научился хорошим манерам.

Шимбо утер слезы Рите, поблагодарил сирийца за преданность и, дав денег двум наемным убийцам, бежавшим из Ильеуса, отпустил их. Шимбо только казался беспечным, на самом же деле был осторожным, ловким человеком, с незаурядным политическим чутьем. Он хорошо представлял себе, как реагировал бы старый сена-

тор, если б он, Шимбо, объявил войну церкви и избил священника, мстя за публичных девок. К тому же у падре были причины для ненависти к Шимбо. Обозвав Шимбо «Нероном в кальсонах», он намекал на ту ночь, когда уважаемый глава муниципалитета в одних трусах бежал по всему городу, поскольку викарий застал его на месте преступления, в объятиях простодушной Марикоты, усердной служанки, любимой овечки викария, которая служила ему не только за столом, но и в постели.

У Шимбо был один-единственный выход: собрать свои пожитки, оскорбленных гостей и под руку с Ритой де Шимбо уехать на ближайшем пароходе в Баию, отказавшись, таким образом, от высокого поста, почестей и отчислений с подпольной лотереи. Белмонте осиротел, лишившись способного администратора и столичных красоток. Шимбо оставил отремонтированный причал, надстроенную школу и подправленную кладбищенскую ограду, девицы же — приятные воспоминания.

В Баие Шимбо получил доходное место служителя правосудия, никто за ним больше не следил и не контролировал каждый его шаг. Он вновь окупился в ночную жизнь города, а в «Табарисе» вновь воцарилась Рита де Шимбо. Отец-сенатор время от времени отрывал его от бурных походов и исполнения скромных обязанностей секретаря по регистрации браков, чтобы использовать в политических маневрах, суливших положение и почести, которых добивались другие, только не Шимбо. Он хотел оставаться свободным и жить, как ему заблагорассудится.

Причиной уважения Шимбо к Гуляке было не столько их далекое и, кстати сказать, весьма сомнительное родство, сколько общая любовь к рулетке и кабаре. Услышав однажды, как кто-то обозвал Гуляку пищим и тунейдцем, он тут же устроил его в префектуру на должность инспектора садов. «Человек, носящий фамилию Гимараэс, должен занимать положение в обществе».

— Среди Гимараэсов никогда не было тунейдцев...

В этом противоречии и заключалось обаяние Шимбо: с одной стороны, он презирал условности и законы, с другой — обладал глубокими родственными чувствами и ревностно заботился о могущественном клане Гимараэсов.

Итак, однажды на Сан-Педро Шимбо встретил Гуляку и Мирандона, встретил, когда направлялся в управление полиции. Утомленный жизнью, Шимбо был одет так,

как одеваются на похороны и на свадьбу: воротничок с загнутыми уголками, манишка, жилет, гамаши, палка с золотым набалдашником. Облаченный в темный вечерний костюм в этот знойный февральский день, Шимбо больше всего на свете жаждал хорошо охлажденного пива...

— Только полярная буря может спасти нас! — воскликнул Гуляка, обнимая своего родственника и покровителя.

Шимбо проклинал судьбу, не скупясь на выражения:

— Вот ведь сволочная жизнь и служба дерьмовая — таскайся за губернатором на все церемонии, на эти воюющие сборища... Вы не видели его в форме португальского комендатора? Сегодня вечером явится на медицинский факультет по случаю торжественного открытия национального конгресса акушеров. Черт бы побрал все эти речи, тезисы, дебаты и заключения о родах и абортах!

Шимбо залпом выпил пиво в надежде умерить жажду и злость на отца, у которого просто мания использовать его для своих политических махинаций.

К тому же по иронии судьбы конгресс открывается как раз в тот вечер, когда майор Пержентино Тиририка из Рио-Вермельо, о котором они наверняка слышали, устраивает праздник. Он, Шимбо, как-то оказал услугу майору, освободив по его просьбе одного дебошира, и вот теперь майор во что бы то ни стало хочет его отблагодарить. Говорят, балы у Тиририки потрясающие: весело, еды и выпивки вволю. И его, Шимбо, ждут как почетного гостя, подумать только!

— А вместо этого я должен слушать научные споры о родах. Отец все старается поручить мне какое-нибудь выгодное дело...

И почему сенатору не оставить его в покое, если перед этим старым сатрапом трепещет сам губернатор. Глаза Гуляки заблестели, Мирандон улыбнулся. Шимбо открыл перед ними врата славы и двери дома майора Пержентино.

Вечером перед домом майора оба бездельника держали пари со своими приятелями, такими же бездельниками, что проникнут на бал и будут приняты хозяевами как самые желанные гости. Они действительно проник-

ли туда и были встречены с распростертыми объятиями, поскольку Гуляка представился майору и доне Ауроре как племянник помощника инспектора, заявив, что тот не смог приехать; Мирандон же, по его словам, занимал несуществующий пост личного секретаря Шимбо.

— Доктор Айртон Гимараэс, мой дядя, был вынужден сопровождать губернатора на конгресс акушеров. Но так как он ни в коем случае не хотел пренебречь вашим приглашением, то попросил присутствовать меня и своего секретаря доктора Миранду. Разрешите представиться — доктор Валдомиро Гимараэс...

Майор признался, что тронут любезностью инспектора, который послал свои извинения с племянником, выразил сожаление, что тот не придет на бал, поскольку собирался поднять тост за его здоровье, и заверил, что они с женой рады видеть в своем доме друзей инспектора. Он уже протянул руку Гуляке, когда Мирандон, вдохновленный вежливостью хозяина, решил пойти еще дальше:

— Простите, майор, что я вмешиваюсь. Собственно, высокой чести представлять помощника инспектора удостоен я, доктор Жозе Родригес де Миранда, доцент Агрономического института, прикомандированный к доктору Айртону... Мой же друг Валдомиро, хотя он и племянник инспектора, представляет не его, а сеньора губернатора...

— Губернатора? — воскликнул майор, остолбенев.

— Да, это верно, — поддержал Гуляка приятеля, — когда губернатор услышал, что помощник инспектора просит своего секретаря и своего племянника представлять его на вашем празднестве, он попросил меня, поскольку я служу в канцелярии его превосходительства, обнять «его лучшего друга Пержентино и передать привет его достойной супруге».

Майор и дона Аурора, которых так и распирало тщеславие, ввели столь почетных гостей в дом, представили их собравшимся, велели наполнить их бокалы вином и подать самые лучшие блюда. Дружки Гуляки и Мирандона отказывались верить своим глазам. Что придумали эти два нахала? Почему их так принимают? Еще ни разу никому из их круга не удалось переступить порог дома майора, который приглашал только избранных друзей. Для майора это было вопросом чести. Он не раз похвалялся, клянясь своими галунами: «Ни один пройдоха не попадет на мой праздник, разве только через мой

труп!» И в самом деле, даже ловкачи, проникавшие, несмотря на полицейскую охрану, и на приемы в правительственный дворец и к доктору Клементе Мариани, каждый год терпели поражение у майора, а ведь по сравнению с этими приемами праздник в доме майора был обычной вечеринкой. И все же никому из них не удалось переступить порог этой бдительно охраняемой крепости.

Правда, Эдио Гантоису, студенту-проньре, и Льву Серебряному Языку, о котором мы уже упоминали, тоже хитрецу под стать Эдио, однажды удалось переступить порог дома майора и продержаться около получаса; однако по прошествии этого времени они были изгнаны пинками и оплеухами, причем мускулистый Эдио пытался драться с гостями, а верзила Лев вступил в единоборство с майором. У Эдио была старая плачущая пила, у Льва — русского по происхождению — смешное имя. Оба были любителями приключений, и, завернув в бумагу пилу и выпив для смелости несколько рюмок кашасы, они явились в дом майора, представившись как русский музыкант и его импрессарио.

Майор Тиририка со своим тонким чутьем на всякого рода проходимцев сразу же понял, что дело нечисто. Едва он бросил взгляд на Льва и Эдио, как внутренний голос шепнул ему, что надо быть настороже. Но гости, услышав о прибытии «русского с волшебной пилой», пришли в восторг. Обуреваемый сомнениями, майор молча открыл дверь и разрешил мошенникам войти, однако не спускал с них глаз. Самозванцы поставили пилу на вешалку, майор же заметил, с какой поспешностью они направились в столовую. Переглянувшись с доной Ауророй, которой вся эта история тоже показалась подозрительной, майор при полной поддержке нетерпеливых гостей потребовал, чтобы концерт начался немедленно. Угощение будет потом. Как ни пытался Эдио выкрутиться и оттянуть неминуемый провал, ему не удалось найти выход из создавшегося положения, получив необходимую отсрочку.

К тому же, почувствовав прилив какого-то странного вдохновения, Лев вошел в роль русского музыканта: он не заставил себя долго просить и взялся за пилу под бурные аплодисменты и крики присутствующих. Его аристократический вид — согнутое над пилой худое, длинное тело, растрепанная шевелюра, устремленные вдаль глаза, ни дать ни взять настоящий маэстро — на

какую-то минуту поколебал даже майора и дону Аурору. Но едва он коснулся кофейной ложечкой пилы, как всем без исключения стало ясно, что их разыгрывают,— об этом потом рассказывал сам Эдио. Тем не менее Лев, все более и более распаляясь, изображал из себя артиста и упорно ударял ложкой по пиле. Однако хозяин дома, его жена и гости не оценили должным образом его рвения и мастерства.

Майор и несколько его друзей, не выносивших подобных неостроумных шуток, решили проучить нахалов. Их путь до дверей был долгим и поистине легендарным. Эдио и Лев сохранят его в своей памяти навечно. Они шли под градом пинков и оплеух, спотыкаясь и падая. Дона Аурора рвалась выцарапать им глаза, но майор вышвырнул их на улицу прямо в притихшую толпу, а вслед им полетела пила, которая, упав на мостовую, жалобно задрезбуждала и смолкла.

С Гулякой и Мирандоном ничего подобного не случилось: ни у майора, ни у доны Ауроры не возникло и тени подозрения. Приятели поели и выпили на славу— их угощали самым лучшим, что было на столе. Теперь Гуляка кружился в вальсе, а Мирандон размышлял, не следует ли ему от имени Шимбо поднять тост за майора и дону Аурору. С рассеянной улыбкой отвечал он на вопросы доны Розилды об этом молодом человеке, кавалере ее дочери. Желая произвести впечатление, Мирандон на вопрос ответил вопросом:

- Разве майор вам его не представил?
- Нет, я была в зале и не видела, когда он вошел.
- Тогда, уважаемая сеньора, разрешите сообщить вам, что это доктор Валдомиро Гимараэнс, племянник доктора Айртона Гимараэнса, помощника полицейского инспектора, внук сенатора...
- Не хотите ли вы сказать, что он внук того самого сенатора Гимараэнса, о котором столько говорят?..
- Именно, уважаемая сеньора. Племянник всемогущего влиятельнейшего политика, моего крестного отца...
- Он вас крестил?
- Разумеется. Это дед Гуляки.
- Гуляки?
- Это его прозвище с детских лет. Он любимый внук сенатора.
- Он что, студент?
- Разве я вам не сказал? У него уже диплом. Закончил университет, адвокат. Сотрудник канцелярии

губернатора, крупный муниципальный чиновник, инспектор...

— Налоговый? — Эти сведения превосходили самые дерзкие мечты доны Розилды.

— Нет, наблюдает за игорными домами, моя дражайшая сеньора.— И приглушенным голосом Мирандон добавил: — А это приносит самый большой доход, целое состояние ежемесячно, не говоря уже о подношениях... В данное время он, помимо всего прочего, прикомандирован к канцелярии губернатора...

Охваченный порывом великодушия, Мирандон поинтересовался:

— У вас, сеньора, нет бедного родственника, который хотел бы поступить на службу. Если есть, вам достаточно назвать имя...— И с гордостью продолжал: — Сейчас он танцует, не правда ли? Но не удивляйтесь, если на будущих выборах он станет депутатом...

— Но он еще совсем молодой...

— Ну и что, сеньора?.. Он родился в сорочке, удача ему сопутствует с детства, путь его усыпан розами.— В эту ночь Мирандон чувствовал себя поэтом и мог растрогать до слез дону Аурору, эту тигрицу из Рио-Вермельо.

Дона Розилда сощурила близорукие глаза, словно ослепленная тщеславием. Свое танго Жоанзиньо Наварро кончил причудливыми аккордами. Гуляка и Флор улыбались друг другу, и дона Розилда вздрогнула: никогда еще она не видела дочь такой, а уж она-то знала свою Флор. «Неужели,— спрашивала она себя,— парень тоже попался?» Гуляка казался таким простодушным и бесхитростным. Дона Розилда почувствовала волнение. О святой чудотворец, неужели это он, богатый и знатный зять, ниспосланный ей небесами? Богаче и знатнее Педро Боржеса с его необозримыми землями и толпами слуг, внук сенатора, близкий к правительству, да и сам все равно что правительство. «О пресвятая богородица из Капистолы, помоги мне! Яви свою милость, господь, соверши чудо, и я босая пойду в процессии с цветами и кувшином чистой воды».

Когда в зале появился майор, дона Розилда поблагодарила собеседника и, подойдя к хозяину дома, показала пальцем на стоявших в углу Гуляку и Флор, дону Литу и Порто. А Мирандон, проследив за действиями старого пугала, отправился выпить пива.

— Майор, представьте мне, пожалуйста, этого молодого человека... — попросила дона Розилда.

— Разве вы с ним не знакомы? Это же родственник доктора Айртона Гимараэнса, помощника полицейского инспектора, самого близкого моего друга... — И с самоодвольной улыбкой майор добавил: — Для близких друзей он Шимбо... Он сам мне сказал: «Пержентино, зови меня просто Шимбо, мы ведь друзья!» На редкость приятный и очень порядочный человек... Он оказал мне большую услугу... — Майор говорил громко, явно хвастаясь своей дружбой с инспектором.

Дона Розилда пожала руку молодому человеку, и Флор представила их друг другу:

— Моя мать, доктор Валдомиро...

— Для друзей — Гуляка.

— Доктор Валдомиро пользуется покровительством нашего выдающегося губернатора. Он работает в его канцелярии...

— Губернатор очень ценит вас, майор. Только сегодня он говорил мне: «Обними Пержентино, самого сердечного моего друга...»

Майор таял от удовольствия.

— Спасибо, доктор...

Порто, который явно робел перед такой важной персоной, заметил:

— Очень ответственный, но и высокий пост...

— Ну что вы... К тому же я еще не знаю, останусь ли я в канцелярии, — скромно отозвался Гуляка.

— А почему? — заинтересовалась дона Лита.

— Мой дед, — доверительно сообщил Гуляка, — сенатор...

— Сенатор Гимараэнс... — тихо вставила дона Розилда.

Гуляка улыбнулся ей с самым простодушным видом, а потом печально посмотрел на Флор, свою очаровательную партнершу.

— Дед хочет, чтобы я переехал в Рио, предлагает мне там место...

— И вы согласитесь? — Блестящие глазки Флор затуманились.

— Ничто меня не привязывает к нашим местам... Вернее, никто... Я так одиноко...

Флор подавила вздох.

— Я тоже...

Из столовой позвали майора; он не знал ни минуты покоя и все время занимал гостей, ибо был поистине

гостеприимным хозяином. Вскоре оттуда донеслись аплодисменты и чей-то голос потребовал тишины — доктор Мирандон собирался чествовать майора и его супругу. Выстрелила пробка, взлетев к потолку из бутылки с шампанским.

Гуляка и Флор тоже пошли послушать здравицу... «Речью Мирандона,— сказал Гуляка,— нельзя пренебрегать». Дона Розилда, не в силах сдержать свою радость, заявила, глядя вслед удаляющимся под руку молодым людям:

— Чем не пара? Разве не созданы они друг для друга? Если будет на то воля божья...

— Что ты говоришь?! Одумайся! Ведь они только познакомились, а ты уже мечтаешь о свадьбе! — Лита покачала головой: сестра совсем спятила в погоне за богатым женихом для дочери.

Дона Розилда выпятила свою высохшую грудь и бросила высокомерный взгляд на недоверчивую Литу, а затем направилась в столовую, откуда доносился чей-то бархатистый голос. Удачное начало было встречено аплодисментами, а Мирандон отважно продолжал:

— На нетленных страницах истории, дамы и господа, сверкающими золотыми буквами будет запечатлено славное имя майора Пержентино, человека экстраординарных заслуг, — оратор слегка запнулся на этом длинном слове, — а также имя его благороднейшей супруги, украшающей наше общество, — доны Ауроры, ангела во плоти... Да, дорогие дамы и господа, ангела чистого и невинного, преданной супруги, добродетельной, как бронзовая дева...

Прейдоха Мирандон стоял среди гостей с бокалом шампанского в поднятой руке и пленял всех, в том числе и хозяев дома, своим красноречием. Майор блаженно улыбался; его преданная супруга, «добродетельная, как бронзовая дева», смиренно потупилась: еще никогда праздники в ее доме не бывали такими торжественными.

...дона Аурора, это неземное существо, поистине святая, божье создание...

Глаза божьего создания наполнились слезами.

Роман Флор с Гулякой кончился тем, что они поженились, но, как выяснится впоследствии, без помолвки, а значит, нарушив общепринятый порядок и обычаи, кото-

рые свято соблюдаются во всех уважаемых семьях. Роман этот как бы пережил два этапа, резко отличных друг от друга. Первый — спокойный и лучезарный — можно было бы назвать голубым или розовым, он характеризовался ясностью, всеобщим согласием, какой-то праздничностью. Второй этап — тревожный, с преследованиями и встречами украдкой — характеризовался ненавистью и враждой, перешедшей в открытую войну. Сначала донна Розилда превзошла самое себя; проявив редкую любезность и понимание, она во всем потакала молодым. А потом ее словно подменили, она преисполнилась отвращением и мстительной злобой; наблюдать это, возможно, было и любопытно, но не очень приятно. Теперь она пошла бы на все, только бы не допустить брака дочери с этим негодяем — «подонком, язвой, чумой». Эти мерзкие определения относились к Гуляке, которого еще совсем недавно она считала лучшим юношей в Баие, самым выгодным женихом, самым красивым, самым великодушным, самым чистым и мужественным.

После того как Мирандон на празднике у майора ввел дону Розилду в приятное заблуждение своим путаным рассказом, который совершенно неожиданно подтвердился, она чувствовала себя счастливой около двух месяцев. За эти незабываемые дни она обошла всю Ладейру-до-Алво и все соседние с ней улочки, не преминув посетить и негритянку Жувентину, изображавшую из себя знатную сеньору, и доктора Карлоса Пассоса, имевшего обширную клиентуру. Донна Розилда не считала нужным умалчивать о своем влиянии в обществе, своей близости к правительству, а также самым высшим кругам, к которым принадлежал Гуляка, ухаживающий за ее дочерью. Но особенно она гордилась его элегантностью, его обаянием, его красноречием и осанкой. Гуляка был для нее божеством, кумиром, и донна Розилда из кожи лезла вон, чтобы понравиться парню, покорить его и привязать к себе.

Одно курьезное недоразумение лишь способствовало ослеплению донны Розилды. Среди школьных подруг Флор была девушка по имени Зелия, из бедной семьи, некрасивая и к тому же хромая. С большим трудом ей удалось закончить педагогическое училище и получить диплом учительницы с правом преподавать в государственной начальной школе. Несколько месяцев она добивалась этого места, но не смогла даже попасть на прием к директору департамента просвещения, Дона Розилда сочув-

ствовала ей и, чем могла, старалась помочь. Возможно, потому, что в сравнении с этой несчастной девушкой она и Флор казались богачками, она внимательно выслушивала жалобы Зелии на тяжелую жизнь, на всемогущее начальство, разные сплетни про чиновников и подробности интимной жизни этих «вампиров». Ощерив свои почерневшие, гнилые зубы, Зелия шипела, будто назначение получают лишь те, кто соглашается провести вечерок в доме свиданий. Порядочные же девушки обречены протирать кожаные кресла в приемной. И Зелия столько там насиделась, что стала своего рода хранилищем злых сплетен о чиновниках, заведующих отделами, не говоря уже о директоре департамента просвещения — мифическом персонаже, о котором, впрочем, неудачливая просительница знала все: каковы его привычки, велико ли состояние, привязан ли он к жене и детям, кто его любовница. Ничто от нее не ускользнуло, хотя еще ни разу ей не удалось попасть к нему на прием.

И вот однажды вечером, в самом начале романа Флор и Гуляки, Зелия, охваченная отчаянием, поскольку срок назначения преподавательниц на вакантные места вскоре истекал, была представлена Гуляке. Дона Розилда хотела, чтобы девушку приняли на службу, но еще больше она хотела утвердить в глазах соседей могущество и авторитет ее будущего зятя, который распоряжался всеми вакансиями и заправлял в администрации штата. И вот этим-то могуществом, этим-то влиянием она, дона Розилда, будет пользоваться по своему усмотрению.

И если опутанная сетями лжи вдова заблуждалась относительно положения обманщика, который ухаживал за ее дочерью, то, расхваливая знакомым его легкий характер и доброе сердце, она не ошиблась: всякое страдание для Гуляки было несправедливым и противоестественным. Вот почему, едва дона Розилда рассказала ему историю Зелии, сгустив краски и преувеличив ее увечье («даже если б она захотела, все равно не могла бы принять приглашение этих развратников из департамента»), а потом описала бедность девушки, ее пятерых братьев, мать, больную ревматизмом, и отца — ночного сторожа. Гуляка проникнув сочувствием и взялся помочь делу. Он решил поговорить со своими знакомыми — партнерами по карточной игре, которые пользовались известным влиянием, а доне Розилде и Флор поклялся на другое же утро явиться на прием к губернатору и потребовать, чтобы директор департамента просвещения немедленно предо-

ставил место Зелии. Зелия же должна днем пойти к директору — к этому времени ее назначение будет оформлено.

— Можете на меня рассчитывать...

— Можешь на него рассчитывать...— повторила донна Розилда.

Флор только улыбулась: для нее высокие связи Гуляка не имели значения, она бы даже предпочла, чтобы он не был столь влиятельным, зато менее занятым. Им не всегда удавалось видеться. Порой Гуляка не приходил поболтать с ней у крыльца, а когда наконец появлялся, то выглядел утомленным от бессонных ночей, проведенных за работой.

Гуляка осведомился о фамилии девушки и прочих обычных в таких случаях данных. В какой уже раз без всякой надежды написала Зелия на клочке бумаги эти сведения. За нее уже и просили и хлопотали, но пока это не дало никакого результата. Чего же ради этот развязный, плутоватый тип взялся устраивать ее судьбу? Сам падре Барбоза давал ей свою визитную карточку, чтобы произвести впечатление на директора. И если уж это не помогло, чем ей поможет возлюбленный Флор? Кто он, собственно, такой? Забулдыга и только, это сразу видно по его помятому лицу. От бесконечного хождения по холодным кабинетам департамента Зелия прониклась неверием и горечью. Чужое счастье не трогало ее, даже если были счастливы люди, которые сочувствовали ей и стремились помочь. Сердце девушки очерствело. И когда она записывала имена отца и матери, год рождения и номер диплома, она нисколько не сомневалась, что зря теряет время, что все равно этот негодяй ничего для нее не сделает. Ей уже надоели эти надменные ничтожества и их пустые обещания. Но что делать? Донна Розилда словно спятила, до небес превознося этого фанфарона,— доктор Валдомиро может то, доктор Валдомиро может это, но что ей оставалось, если иной раз приходится напрашиваться на обед к этой взбалмошной старухе? Что же до хвастуна Валдомиро, то достаточно взглянуть на него, и сразу станет ясно, что он обманет Флор, а потом смоется, даже не попрощавшись.

Зелия была несправедлива к Гуляке. Чтобы помочь ей, он обошел в тот вечер все игорные дома, но ему не повезло вдвойне: он проиграл все до последнего гроша и не встретил ни одного влиятельного друга, которому мог бы рассказать о несчастной Зелии и у которого мог бы попросить покровительства. Ни Джованни Гимараэнс, ни

Мирабо Сампайо, ни его тезка Валдомиро Линс так и не появились, будто провалились сквозь землю, оставив на произвол судьбы рулетку, баккара, ронду и двадцать одно. Гуляка бродил до позднего вечера, и самой значительной фигурой из тех, кого он повстречал, был Мирандон. С ним он и отправился поужинать великолепным сарапателом к Андресе — дочери Ошума и крестной студента-агронома.

— Не девка, а настоящая кайпора!¹...— заключил Гуляка, рассказав историю Зелии, пока они шли к негритянке Андресе.— Кривоногая, высохшая и к тому же еще невезучая.

Мирандон посоветовал Гуляке не огорчаться: есть люди, которым всегда не везет, и, как ни бейся, им ничем не поможешь. Сейчас расстраиваться тем более не стоит — может пропасть аппетит, а сарапател Андресы известен всей Баие, его хвалит даже доктор Годофредо Фильо, а он понимает толк в еде. Делом же можно заняться и завтра. В конце концов, эта неудачница столько ждала, что из-за одного дня проволоочки не станет копчатым самоубийством. Что же касается сарапатела крестной, то разве не воспел его в стихах маэстро Годофредо?

Каково же было их изумление, когда за столом негритянки они встретили самого Годофредо. Вкусная яства Андресы, он не скупился на похвалы и кушаньям и поварихе — этой «красотке, королевской пальме, утреннему бризу, статуе на носу корабля». Андреса, гордо и величественно улыбаясь, толкла перец для соуса.

— Ба, кого я вижу! — приветствовал поэта Мирандон.— Мой бессмертный учитель, преклоняю колена перед вашей гениальностью.

— Колена следует преклонить перед этим несравненным сарапателом, — рассмеялся поэт, пожимая руки приятелям.

Они уселись за стол, и Андреса сразу заметила озабоченное лицо Гуляки. Обычно этот шутник и задир был таким веселым. Что же с ним случилось, отчего он помрачнел, чем опечален?

— Расскажи, в чем дело, Гуляка, облегчи душу, забудь об огорчениях.— Андреса в желтом платье, в браслетах и ожерельях очень напоминала прелестную и ко-

¹ Кайпора — фантастическое существо, которое представляют или одноногой женщиной, или ребенком с огромной головой, или великаном верхом на кабане.

кетливую негритянскую богиню.— Расскажи, мой белый, не печалься, твоя негритянка тут, она готова выслушать тебя и утешить.

Скатерть, посланная на столе, пахла пачулями, а пол был усыпан ароматными листьями питанги. Угощаясь сарапателом и неразбавленной кашасой, Гуляка подробно рассказывал о злоключениях несчастной Зелии. Негритянка растрогалась и, положив руку на вздымающуюся грудь, искренне пожалела девушку, которая, наверное, очень страдает из-за своей хромоты и от голода. Бедняжка так хочет работать, а устроиться не может. Неужели Годофредо, который так часто печатается в газетах, да к тому же и крупный чиновник, не замолвит за нее словечка и ничего для нее не сделает? Губы Андресы задрожали, Гуляка прав — разве станешь веселиться, когда твой ближний страдает и жизнь так тяжела? И зачем ей только рассказали эту печальную историю? Теперь она не улыбнется, пока не узнает, что девушка получила место. Поэт Годофредо обещал похлопотать — как знать, может быть, ему что-нибудь и удастся сделать для Зелии. Завтра... Вернее, сегодня во второй половине дня, потому что уже начинает светать, Годофредо постарается выяснить, чем можно ей помочь... Он не сказал, что директор департамента просвещения — его близкий родственник и задушевный друг и что его просьба обязательно будет удовлетворена. Поэт вообще не любил хвастать и даже свои поэмы публиковал лишь изредка. Просто он хотел, чтобы Андреса снова улыбнулась: ведь без ее улыбки ночь грустна, а мир пуст и холоден.

Итак, когда на следующий день Зелия без всякой надежды на успех проковыляла вверх по лестнице и вошла в приемную кабинета директора, ее поразила приветливость секретаря его превосходительства, который прежде держался с нею сухо и надменно.

— Я ожидал вас, донна Зелия. Примите мои поздравления, ваше назначение уже подписано...

— Да что вы? — удивилась Зелия.— Неужели?!

Секретарь с заискивающим видом доверительно объяснил ей:

— Вот именно... Директор подписал его, едва был... Наверняка по распоряжению лица, занимающего очень высокий пост... Это была одна из последних вакансий, остальные уже все заняты... Хотите совет? Немедленно отправляйтесь к директору школы и представьтесь ему.

Зелия так и поступила, после чего, собрав всю свою семью, отправилась в домик на Ладейру-до-Алво поблагодарить хозяйку. Она передала слова секретаря насчет лица, занимающего высокий пост, и дону Розилда повторила их, наслаждаясь каждым звуком, словно ощущала во рту сладкий вкус власти. От удовольствия дону Розилду пробрала дрожь: откровенно говоря, она не ожидала столь быстрого и столь эффектного решения вопроса. Так быстро исполняются только распоряжения губернатора. Да, губернатора, ни больше ни меньше, а значит, Гуляка пользуется влиянием в правительстве.

О назначении Зелии узнал весь квартал, и, когда Гуляка пришел вечером в надежде побыть наедине с Флор, его горячо приветствовали соседи, устроившие в его честь чуть ли не манифестацию. Он очень удивился всем этим благодарностям, объятиям, похвалам и восторженным крикам доньи Розилды, визгливо превозносившей его заслуги. После бессонной ночи Гуляка весь день проспал и начисто забыл о невзгодах учительницы.

— О,— воскликнул он,— какие пустяки, тут и благодарить не за что!

Поэт выполнил свое обещание, которое он дал скорее Андреze, чем ему, Гуляке. Но как сказать правду, как рассеять заблуждение? Разве донья Розилда и ее соседи, разве горемыка-учительница и ее истощенные, мрачные и неопрятные родственники, пришедшие выразить ему свою признательность, поймут запутанные пути, по которым следует мир и люди? Разве поверят они, что Зелия обязана своим назначением не ему, а негритянке Андреze, поварихе, намного беднее ее, но всегда веселой в своей деревянной лачуге, стоящей на морском побережье Агуа-дос-Менинос, где завтракают матросы и грузчики?

Об этой истории быстро узнали в городе, и на Гуляку со всех сторон посыпались просьбы: менее чем за неделю их поступило восемь. Кандидаты на самые различные места — от трамвайного вагоновожатого до финансового инспектора — заискивали перед доной Розилдой и являлись прежде всего на Ладейру-до-Алво. Просили даже о месте ризничего в церкви Консейсан да Прайа, которое якобы должно было скоро освободиться, хотя наверняка этого никто не знал. Будь Гуляка одновременно губернатором и архиепископом, и то вряд ли ему удалось бы справиться со всеми этими просьбами.

Дона Розилда наслаждалась своим могуществом и ни с чем не сравнимым вкусом славы, а Гуляка — прикосновением к упругой груди Флор на темной лестнице и ее робкими и в то же время жадными поцелуями. Он откровенно перед ней мир запретных наслаждений, о котором она едва догадывалась, каждый день понемногу завоевая ее тело, побеждая ее стыдливость, ее опасения. Флор сгорала от страсти и желания, но старалась не терять головы. Однако чувствовала, что уже близка к этому, что не в силах больше сопротивляться, постепенно подчиняясь отчаянному парню, который завладел ею, готовой сгореть в этом адском огне.

Дерзкий Гуляка! Он не объяснялся в любви, не говорил о своих чувствах и не просил разрешения ухаживать. Вместо возвышенных речей и громких фраз Флор выслушивала двусмысленные намеки. Через несколько дней после их знакомства на празднике у Пержентино они, возвращаясь от тети Литы, поднимались по Ладейре-до-Алво. Гуляка, который шел вслед за девушкой, прочитал вывеску на их доме и склонился к уху Флор так, словно собирался сделать самый невинный комплимент.

— Кулинарная школа «Вкус и искусство»... «Вкус и искусство»... — повторил он, понизив голос, и его усики защекотали щеку девушки. — До чего же мне хочется тебя попробовать... — Эта двусмысленная и плоская острота откровенно говорила о намерениях Гуляки.

Никто еще и никогда не шептал Флор подобных вещей, и она не представляла себе, что можно ухаживать подобным образом. Почему же она сразу не прогнала Гуляку прочь?

Флор не относилась к числу тех девиц, которые часами просиживают у окна или бесстыдно кокетничают в парадных и подворотнях. Даже самые смелые ее поклонники отваживались лишь на робкий поцелуй. Педро Бержес едва коснулся губами ее щеки. Флор не допускала вольностей. Если мужчина протягивал руку, чтобы обнять ее, Флор вспыхивала от негодования и прогоняла наглеца, словно хотела сберечь себя для того, кого действительно полюбит. А вот избраннику она ни в чем не откажет, и таким избранником оказался Гуляка. Поэтому девушка и не прогнала его, как прогоняла других: вежливо, без скандала, но решительно и непреклонно.

Флор не отвергла его и после второй встречи, хотя они накануне провели вместе лишь несколько часов. Это произошло в воскресенье, на другой день после бала в доме майора Тиририки. Флор с подругами отправилась посмотреть карнавальное шествие, а Гуляка подошел и встал сзади. Усмехаясь, подружки отошли в сторону, считая, что сейчас состоится признание (робкое или пылкое, в зависимости от темперамента поклонника; самые застенчивые предпочитали признаваться в письмах, прибегая, если требовалось, к советам из книги «В помощь влюбленным»). Девушки принялись обсуждать поведение парня: он ни на минуту не оставлял Флор и был на карнавале ее постоянным кавалером. Конечно, он сделает ей признание, а это было очень важным моментом: девушке полагалось либо сразу дать согласие, либо попросить дать отсрочки хотя бы на сутки, чтобы подумать. Флор объявила подругам, что заставит Гуляку помучиться несколько дней, но те усомнились, хватит ли у нее на это мужества.

Однако Гуляка и не думал делать никакого признания, оживленный разговор вертелся вокруг самых различных тем. Гуляка был на редкость легкомысленным. И вот, когда две карнавальные группы, соперничавшие между собой, встретились возле церкви святой Анны, Гуляка, воспользовавшись давкой, прижал к себе Флор и, обхватив руками ее грудь, жадно поцеловал в затылок. Флор лишь вздрогнула, прикрыв глаза и предоставив ему полную свободу действий, замерев от страха и наслаждения.

Эти первые встречи, хотя между влюбленными и не произошло никакого объяснения, были поистине незабываемы. Каждое лето во время местных праздников Флор гостила у тети Литы и дяди Порто, которых очень любила. В феврале кулинарная школа обычно была закрыта.

И на этот раз второго февраля Флор отправилась полюбоваться на процессию в честь Иеманжи. По волнам неслись парусники с цветами и подарками для повелительницы вод и бурь, от которой зависела удача в рыбной ловле и жизнь моряка. Флор подарила Иеманже гребень, флакон духов, дешевый перстень. Живет Иеманжа в Рио-Вермельо, в молельне, что возвышается над океаном.

Вместе с другими девушками из этого квартала Флор веселилась, принимая участие во всех праздничных раз-

влечениях: утром — морское купание, после обеда — прогулки к маяку Барры и в Армаралину (иногда даже в Питубу), потом оживленные и утомительные репетиции карнавальнoй процессии, пикники в Итапоёе у доктора Натала, друга дяди Порто, или же на озере Абаэтэ, где пели под гитару и устраивали бои конфетти. Вечером прогуливались по Ларго-де-Сант-Ана или на Мариките, среди пестрых киосков, если не было танцев у кого-нибудь из знакомых, а иногда и без приглашения вторгались в дом, пугая хозяев, и захватывали гостиную.

Дом Порто, увитый цветущими растениями, стоял на Ладейре-де-Папагайо, и по воскресеньям дядя неизменно отправлялся на прогулку с другим любителем живописи — Жозе де Домэ, уроженцем штата Сержи́пе и очень застенчивым человеком. Они писали дома и пейзажи. Лет пять назад, когда Розалия и Антонио Мораис уехали в Рио, Флор, которой было одиноко и грустно, почувствовала смутное влечение к этому крепкому и сухощавому кабокло, выглядевшему гораздо моложе своих сорока шести лет. Поборов природную робость, Жозе предложил Флор написать ее портрет; фон портрета был ярко-желтых и оранжевых тонов, отчего матовое лицо Флор совершенно преобразилось. «Идиотская затея! Впрочем, что взять с этого полоумного», — заявила дoна Розилда при виде ослепительных красок. В изобразительном искусстве она признавала только хромогравюры из календарей. Однако Жозе де Домэ так и не удалось закончить портрет. Флор пора было возвращаться на Ладейру-до-Алво и, хотя она обещала позировать по воскресеньям, так ни разу и не приехала: она тоже не могла оценить живопись сержи́пца. Гораздо больше ей нравились его улыбки и его одиночество, но чувство это не стало влюбленностью, ибо не назовешь же влюбленностью долгое молчание и мимолетные взгляды, пока Флор позировала. Скорее это было увлечение, которое длилось несколько летних дней и оказалось неспособным победить робость художника. В следующий свой приезд в Рио-Вермелье Флор встретилаcь с другом дяди очень сердечно, однако очарование прошедшего лета не вернулось, словно между ними и не было ничего. Неоконченный же портрет Флор и поныне висит в ателье художника на четвертом этаже старого дома на Ларго-де-Сант-Ана; но, если вы хотите на него взглянуть, наберитесь мужества, чтобы подняться по ветхим ступенькам.

С Гулякой все было иначе... Он увлек ее, подобно неуправляемой лавине, подчинил своей воле и решил ее судьбу. К концу праздника в Рио-Вермелье, этих так быстро промелькнувших прекрасных дней, Флор поняла, что не сможет жить без Гуляки, остроумного, веселого и шального. Она подчинялась ему во всем: на вечеринках не танцевала ни с кем другим, подолгу бродила, держа его за руку, между праздничных балаганов на Ларго, а поздним вечером шла на берег моря — Гуляка был уверен, что там удобнее целоваться, — и с трепетом ощущала его ласковые ладони на своих бедрах. Думала ли дона Розилда, что ее дочь окажется столь снисходительной? Да и она сама закрывала глаза на эти смелые ухаживания, так что даже тетя Лита, которую никак нельзя было обвинить в ханжестве, выразила ей свое удивление:

— Ты не находишь, Розилда, что Флор слишком много позволяет этому юноше? Они всюду бывают вместе, словно уже обручены, невозможно поверить, что они познакомились всего несколько дней назад...

На что дона Розилда возмущенно возразила:

— Не понимаю, почему это ты со своим муженьком взъелась на парня... Он богат, занимает высокое положение, вот про него и сочиняют всякие сплетни. Но вы-то чего суетесь? Наслушались этого прощелыгу, что изображает из себя художника? А сами только и мечтаете женить его на Флор. Но не надейтесь, за этого рохлю я свою дочь не отдам. И что Гуляка вам сделал? Не вижу ничего дурного в том, что он ухаживает за Флор, ей уже давно пора замуж. И теперь, когда сам господь, услышав мои молитвы, посылает такого выгодного жениха, ты и Порто поднимаешь шум, обвиняете его во всех смертных грехах... Оставь меня в покое, все это твои домыслы...

— Зачем кипятиться? Ничего плохого я не сказала... Это ты всегда была не в меру требовательна и считала, что все девушки должны быть недотрогами. Стоило тебе увидеть, как девчонка прогуливается с парнем, и ты уже называла ее пропащей... А сейчас тебя словно подменили, ты совсем не следишь за Флор.

— Так, по-твоему, она пропащая? Да? Говори, не стесняйся.

— Зачем сочинять? Ты же знаешь, что я этого не думаю!

— Я знаю, что делаю, дочь — моя, и если, бог даст,

они поженятся в этом году...— сказала дона Розилда, кончая спор.

— Дай-то бог, дай-то бог...

— Так и будет, вот увидишь... И нечего ехидничать, просто вы невзлюбили за что-то Гуляку...

Но это было не так. Напротив, Гуляка своей приятной речью и богатой фантазией очаровал сначала всех на Рио-Вермельо, а затем и на Ладейре-до-Алво. Дона Лита и Порто подружались с ним и очень хотели, чтобы он стал мужем Флор. Что же касается доны Розилды, то она, казалось, думала только о том, как бы угодить ему и выполнить малейшее его желание.

А желание Гуляки было одно: быть наедине с Флор, обнимать ее и, преодолев ее сопротивление и стыдливость, овладеть ею. Однако желание это не мешало ему с каждой встречей все больше и больше привязываться к девушке: к ее блестящим, будто удивленным глазам, к ее трепетному робкому телу, горящему от страсти и все же целомудренному. Его пленили мягкость и женственность Флор. В уютной домашней обстановке от девушки исходило особое очарование, которое поразило Гуляку в самое сердце.

С детства он рос без семьи: мать умерла родами, а отец слишком быстро исчез с его горизонта. Явившись на этот свет в результате случайной связи сына мелких буржуа и горничной, он жил у отца, дальнего родственника знатных Гимараэнсов, покуда тот оставался холостым. Однако, едва женившись, отец поторопился избавиться от внебрачного ребенка, которого его супруга, ханжа и невежда, со священным негодованием называла «дитя греха». Гуляку поместили в интернат, где он с трудом добрался до последнего класса, но так его и не закончил, влюбившись в мать своего товарища — видную сорокалетнюю женщину, жену коммерсанта, слывшую самой доступной шлюхой в высшем обществе. Любовь Гуляки не осталась безответной.

Это была очень романтическая история. В родительские дни красавица бросала на юношу томные взгляды и вздыхала, пока Гуляка бродил вокруг нее по двору интерната, мрачному и тоскливому, как тюремный. Она угощала его шоколадом и бисквитами, привезенными для сына. А Гуляка тайком преподнес ей орхидею, украденную из оранжереи священника. В день посещения родителей (первое воскресенье каждого месяца), которым

Гуляка, впрочем, никогда не пользовался, поскольку за ним никто не приезжал, она увезла его завтракать в свой особняк на Ларго-да-Граса и представила мужу:

— Однокашник Зезито, сирота...

Немного придурковатый Зезито разводил каких-то грызунов и те воскресенья, когда его привозили из интерната, просиживал в подвале дома со своими питомцами. Воспользовавшись тем, что коммерсант лег спать во время сиесты, сеньора увела Гуляку в швейную комнату, стала целовать, ласкать и наконец овладела им. «Мой мальчик, мой гимназист, мой ученик, теперь я твоя учительница, мой девственник», — шептала она и действительно взялась его обучать, пробудив в нем ненасытную и грубую страсть. Она клялась, что никогда никого так не любила, цинично уверяя, будто Гуляка ее первый любовник и она только мечтает о том, как бы уехать с ним и наслаждаться их безбрежной любовью в каком-нибудь укромном уголке. Жаль, что он учится в интернате.

— А если бы я ушел из интерната, ты стала бы жить со мной?

К вечеру он сбежал из интерната, чтобы освободить свою возлюбленную от этого «скота», который заставлял ее так страдать и унижал своей близостью. Сняв жалкую комнатку в третьеразрядном пансионе, он купил хлеба, болонской колбасы — своей любимой, — дешевого вина и цветов. После этого оставалось еще несколько мильрейсов: Гуляка был всеобщим любимцем, и друзья, которых он ввел в курс дела, собрали ему денег, сколько могли.

Почтенная дама чуть не умерла от страха, когда он ворвался к ней в дом, муж в это время в соседней комнате ковырял в зубах и читал газеты. Возмущенная до глубины души, она заявила, что Гуляка спятил, что она не какая-нибудь авантюристка и никогда не оставит свой дом, мужа и сына, чтобы стать любовницей мальчишки, никогда не променяет комфорт и положение в обществе на нищету и бесчестье. Она просила Гуляку быть благоумным, вернуться в интернат, где, возможно, его еще не хватились, а в следующее воскресенье она обещает...

Но Гуляка не стал больше ее слушать, его охватили гнев и обида от этого подлого обмана. Нисколько не заботясь о муже в соседней комнате, он схватил даму своего сердца за длинные, крашенные перекисью волосы, надавал ей пощечин, громко обозвал всякими нелестными именами, словом, поднял такой шум, что сбежались не

только муж и слуги, но и жители всей фешенебельной Ларго-да-Граса. В тот день, как уверял Гуляка впоследствии, он стал настоящим мужчиной, навсегда приобретя горький опыт.

После этой скандальной истории Гуляка вскоре повзникнулся с ночной жизнью города, к нему, семнадцатилетнему мальчишке, привязался Анакреон, шулер, прославившийся своей изящной игрой. Неопытный юноша не мог найти лучшего наставника в тонкостях карточной игры, рулетки и костей. Ибо Анакреон был не только знатоком своего дела, он еще обладал добрым сердцем, чем-то смахивая на Дон-Кихота. Во время короткой встречи с отцом Гуляка отказался вернуться в интернат, а подлец Гимараэнс под этим предлогом отказал ему в отцовском благословении и денежной поддержке: у него, мол, нет средств содержать хулиганов. Разбогатевав после женитьбы, он стал скупцом и моралистом. К тому же, с тех пор как его имя замелькало в отделе хроники, его начали одолевать сомнения: действительно ли он отец Гуляки? Покойная Валдета упрекала его в том, что он ее обесчестил и она забеременела. Но можно ли верить какой-то служанке? Она никогда не знала другого мужчины, говорили ее подруги, олакивая покойницу. Но разве можно верить тем, у кого нет ни кола ни двора? Разве могут их слова быть доказательством? Все это случилось в дни далекой молодости, а молодость безрассудна и легкомысленна. Возможно, Гуляка и его сын, но, может быть, и не его. Кто взялся бы это утверждать с уверенностью? А пока ясно одно: Гуляка — сукин сын и подлец! Ведь он пытался изнасиловать порядочную женщину, мать своего однокашника, которая приняла его в своем доме как родного... Видно, отец Гуляки и вправду был «гнилой ветвью Гимараэнсов», как уверял Шимбо, и не унаследовал благородных традиций этого рода.

С тех пор Гуляка, лишенный родителей, не испытывал ни к кому ни родственных чувств, ни глубокой привязанности. Его жизнь была бурной: многочисленные любовницы самого различного возраста, общественного положения и цвета кожи сменяли одна другую. Он стал завсегдатаем публичных домов и кабаре, где заводил интрижки с женщинами легкого поведения, бывали у него мимолетные связи с замужними. Но ни одну из них он не любил по-настоящему, и ни одна из них не заставила его почувствовать полноту и прелесть жизни. Никогда еще ссора или разрыв с женщиной не омрачали его

души, не привели к мысли о самоубийстве. Он переходил от одной женщины к другой, как ходил от стола к столу в игорном зале, если его любимое число — семнадцать — подводило его.

И только встреча с Флор на празднике у майора вдруг пробудила в нем мечты о семейном очаге, домашнем уюте, красиво накрытом столе и чистой постели. До сих пор у Гуляки, по существу, не было даже постоянного адреса, поскольку каждый месяц он переезжал из одного дешевого пансиона в другой, не имея денег, чтобы заплатить хозяйке. Да и мог ли он тратить на эти пустяки, когда у него почти не оставалось на игру?

Флор внесла в его жизнь нечто новое: спокойствие, тепло и нежность. Он стал ценить семейный уют.

— Ты мне нравишься, милая, ты покорна, как домашний зверек.

Гуляка настолько увлекся Флор, что терпел даже ее мать, на редкость противную, надоедливую и нелепую старуху. Простота и бесхитростность жизнерадостной и скромной девушки очаровали Гуляку. Мечтая побороть ее сопротивление, он в то же время гордился стыдливостью и целомудрием Флор. Ибо именно он со временем преодолевает эту стыдливость и наслаждается этим целомудрием. Друзья Гуляки стали замечать, что глаза его как-то странно блестят, и он сам иногда стоит с отсутствующим видом у рулетки, забыв сделать ставку.

Вот почему они несколько не удивились, увидев его на карнавале танцующим в группе «Веселые газетчики», которая была организована уважаемыми семьями Рио-Вермелье и оформлена дядей Порто. Девушки и парни, одетые продавцами газет, размахивали «Диарио да Баия», «А тарде», «Диарио де нотисиас» и «О импарсиал». В воздухе кружились конфетти, летели нити серпантина, пульверизаторы опрыскивали духами влюбленные парочки, и не было кашасы. Словом, все это совсем не походило на те карнавалы, в которых Гуляка участвовал прежде и которые продолжались с субботы до вторника. Там он присоединялся к любителям выпить, вертелся среди девчонок, танцевал самбу на мостовой, а к вечеру, пьяный, валился с ног где попало. И так все четыре дня.

— Посмотрите только, кто идет в той группе с бубном в руках! Это же Гуляка, кто бы мог подумать! — удивлялись прохожие, привыкшие его видеть в развеселой компании. Гуляка шел рядом с Флор, осыпая ее конфетти и нежными словами.

Однако после того как он около полуночи расставался с Флор, он по-прежнему кутил в компании самого низкого пошиба и напивался кашасы. От Флор он отправлялся прямо в «Табарис», или «Мейя-Луз», или «Флозо». А в понедельник, заявив, что у него срочная работа в губернаторском дворце, удирал в десять вечера — не мог же он опоздать на бал, где Андреа и другие мулатки блистали в костюмах придворных дам эпохи Марии-Антуанетты из сатина и бархата и в белоснежных париках из ваты.

Какой бы сильной ни была страсть Гуляки к Флор, как бы он ни мечтал о семейной идиллии и домашнем очаге, он не собирался менять свою жизнь, свои привычки не в пример Мирандону, который иногда вдруг говорил:

— А знаешь, приятель, я, пожалуй, начну новую жизнь... С завтрашнего же дня...

Гуляка никогда не делал подобных заявлений. Да, он был влюблен, он собирался жениться, но отказываться от своих привычек, игры, плутовства, от выпивок и уличных потасовок, от казино и публичных домов не думал.

11

Море роз, необозримые горизонты, лазурное небо, мир и согласие, Флор и Гуляка, влюбленные друг в друга. И вдруг внезапно налетает шквал, небо закрывают свинцовые тучи, объявляется беспощадная война, любовь Флор и Гуляки под запретом.

Несколько смущенный сознанием собственной вины, поскольку именно он воздвиг этот карточный домик, который не смог выдержать даже малейшего дыхания опасности, Мирандон, почитавший себя философом, заметил наставительно:

— Вот так... Есть у нас гарантия? Никакой... Мотор грузовика после ремонта и тот получает гарантию на полгода... А люди? Стоит нам подумать, что у нас все в порядке и дела в конце концов пошли на лад, как все летит кувырком, самое дорогое рушится, превращается в груды пепла...

Это и случилось, по мнению Мирандона, с Гулякой, и теперь не было никакой возможности восстановить в глазах доны Розилды репутацию отставного чиновника канцелярии губернатора. Впрочем, в равной степени и в

глазах доны Флор... А какого еще отношения заслуживал обманщик, одурачивший ее? Мирандон знал этих ласковых и покорных девушек: узнав о том, что их доверие обмануто, они становятся гордыми и неприступными.

— Уж если они разозлятся, пощады от них не жди...— пессимистически заключил он.

Ничтожество, мошенник, подлец, мерзавец! Нет, язык человеческий не мог передать негодование доны Розилды, ее возмущение этим негодяем, этим подонком. Еще вчера он был для нее идеальным женихом, едва ли не святым, которого она превозносила до небес. А сегодня она скорее согласится увидеть дочь за полицейским, за преступником, за убийцей, приговоренным к тюрьме, только не за этим канальей. Узнав от соседей о преисполненных решимости словах доны Розилды, Мирандон, мучимый угрызениями совести и все же трезво смотревший на вещи, покачал головой: если Гуляка и после этого намерен ухаживать за Флор, значит, он ничего не смыслит в женщинах. Обычно благоразумный, сейчас он ослеплен любовью и не хочет понять, что все провалилось и ничего с этим не поделаешь. Чтобы утешиться, Мирандон закавал себе вина в баре «Триунфо».

А Гуляка и не собирался восстанавливать свое доброе имя в глазах доны Розилды, утихомиривать ярость этой чертовой старухи, настоящей ведьмы и несносной ханжи. Не собирался он и рвать с Флор, лишать себя ее приятного смеха, спокойной нежности, томных вздохов. Напротив, он решил на ней жениться. В конце концов, главным было то, что они любили и понимали друг друга, а все остальное лишь глупая шутка. Ведь Флор полюбила Гуляку не за выдуманную должность и положение, которого он не занимал, и не за деньги, которых у него не было.

Больше всего в этой истории Гуляку поразило то, что разоблачила его Зелия, его протезе, эта колченогая уродка, которая благодаря ему получила место учительницы. Именно она подняла шум, докопалась до истины и донесла на Гуляку доне Розилде. Она приковыляла на второй этаж в таком волнении, что не сразу смогла говорить, но вид у нее был очень довольный.

Лицо, занимающее очень высокий пост? Да он никогда не поднимался даже на ступеньки дворца; единственный дворец, который Гуляка посещает,— это «Палас», пристанище шулеров, развратников и девиц лег-

кого поведения... Уважение? Он пользовался им только среди самых дешевых проституток, хозяек публичных домов и мошенников. Чиновник канцелярии губернатора? Да если бы он осмелился войти к губернатору в кабинет, его бы немедленно арестовали и посадили в кутузку. Как же ее назначили преподавательницей? Лучше не думать об этом, кто знает, на какие махинации пустился этот жулик.

Как Зелия, этой невзрачной учительнице начальной школы, удалось раскрыть обман Гуляки, разоблачить во всех подробностях комедию, которую он разыгрывал перед доной Розилдой, не вызвав у нее и тени сомнения, ни желания ухватиться хоть за какую-то соломинку в этом море лжи? Чем объяснить ее рвение в разоблачении обманщика и нищего соблазнителя?

Огорченный Гуляка не переставал удивляться:

— Подумать только! Ведь я не сделал ничего плохого этой девушке, напротив...

А может, услуга Гуляки заставила Зелию почувствовать себя не столько благодарной, сколько оскорбленной? Она не могла простить ему, что обманулась в своих подозрениях, что он оказался совсем не таким, каким его видело это желчное и завистливое существо: жалкая жизнь, которую влачила Зелия, озлобила и ожесточила ее, и с каждым днем чувство обиды все больше брало верх над признательностью, она не верила, что Гуляка мог помочь ей... Зелия случайно нашла на след и стала доискиваться, пока не распутала до конца всю паутину лжи, которую начал плести Мирандон на празднике у майора и которая с каждым днем все увеличивалась, хотя виноват в этом был не столько Гуляка, сколько стечение обстоятельств. И только после того как Зелия акт за актом восстановила этот фарс, она почувствовала удовлетворение: значит, ее не так-то легко провести, значит, есть у нее чутье и ее не обманешь никакими сказками про губернатора. Довольная и счастливая, забыв о своей хромоте, она взлетела на второй этаж, где донна Розилда и Флор шили приданое. «Он просто пизюн и жалкий мошенник, я всегда это знала». Ее обычно хмурое лицо сияло. Чужие слезы и проклятия доставляли ей ни с чем не сравнимую радость. Разве есть в мире более великолепное и волнующее зрелище, чем зрелище чужого страдания? Для Зелии не было. Ни один мужчина не взглянул на нее с вожделением, никто не улыбнулся ей с любовью, а дети в школе боялись ее и убегали прочь.

Дона Розилда в ярости грозилась убить обманщика, покончить с собой, истерически рыдала, умоляла дать ей воды. Но Флор не обращала на мать внимания, она смотрела на Зелию.

— Убирайся отсюда, гадина, и чтобы ноги твоей здесь больше не было...

— Это ты мне, Флор? Но в чем дело?

— Даже если он такой, как ты говоришь, как ты могла так поступить? Он ведь устроил тебя на работу... И ты должна была скрыть то, что узнала, потому что, когда ты подыхала с голоду, он помог получить тебе место...

— А почему ты так решила? Это еще неизвестно! Я уверена, что сыграло роль письмо падре Барбозы...

Флор говорила тихо, но голос ее был полон презрения:

— Убирайся отсюда, пока я не отучила тебя совать нос в чужую жизнь...

— Ну и оставайся с ним, он еще опозорит тебя и выставит на всеобщее посмешище...

Возмущенная человеческой неблагодарностью, Зелия заковыляла вниз по лестнице.

С той же минуты между доной Розилдой и Флор началась беспощадная война. Именно война, по-другому и не скажешь. Едва за Зелией захлопнулась дверь, как дона Розилда, забыв об обмороке и хороших манерах, закричала, чтоб учительница вернулась. Ей надо было продолжить разговор, еще раз повернуть нож в открытой ране.

— Зелия! Зелия! Подождите...

— Я ее выгнала... — мрачно сказала Флор.

— Она пришла к нам с добрыми намерениями, а ты ее выгнала, вместо того чтобы поблагодарить?

— Нога этой гадины больше не ступит через наш порог...

— С каких это пор ты стала здесь командовать?

— Если она еще когда-нибудь войдет в наш дом, я уйду...

Мирандон не ошибся, утверждая, что разоблачение Гуляки вызовет бурю негодования со стороны доны Розилды. Однако он целиком ошибся в отношении Флор. Разумеется, Флор была им недовольна: зачем Гуляке понадобилось так глупо врать. Но она и минуты не думала с ним расстаться. Она любила Гуляку, и для

нее было безразлично, какой пост он занимает, пользуется ли влиянием в общественной и политической жизни.

Так она и заявила ему в тот же вечер, когда вопреки запрету доны Розилды вышла повидаться с возлюбленным на ближайший угол. Она выслушала его и простила, немного поплавав и назвав «глупеньким сумасбродом и красавчиком». Гуляка впервые заговорил о своих чувствах, о том, как страстно любит ее и как хочет на ней жениться. И этого было вполне достаточно, чтобы Флор забыла обо всех огорчениях, обманах и никому не нужных измышлениях.

А потому Флор сказала, что придется им набраться терпения и подождать еще десять месяцев, пока ей не исполнится двадцать один год, и тогда она достигнет совершеннолетия и сможет уже не считаться с матерью, ибо на согласие ее надеяться не следует. Никогда еще Флор не видела ее такой разъяренной, поэтому надо обдумать, как они теперь будут встречаться тайком от матери. Их любовь, которой дона Розилда поначалу покровительствовала, может существовать только в подполье: мать запретила ей видиться с Гулякой. Престиж его на Ладейре-до-Алво лопнул, как мыльный пузырь. Гуляка осушал слезы возлюбленной поцелуями, не обращая внимания на прохожих.

Взбешенная дона Розилда поджидала дочь с плеткой из сыромятной кожи, когда-то сделанной для того, чтобы наказывать животных и детей за непослушание. Плетка давно висела в бездействии, хотя в свое время изрядно погуляла по спине Эйтора, неисправимого лентяя; Розалия тоже получила свою долю, да и Флор драли несколько раз, когда она была маленькой. Сейчас же плетка стала лишь символом материнской власти, красовавшимся на стене в столовой. Но едва Флор переступила порог, как плеть обрушилась на ее грудь и шею, оставив на коже багровые рубцы — красноречивый след войны, длившейся более недели.

Флор приняла удары, не проронив ни звука, только защищала руками лицо; она не предала своей любви. «Пока я жива, он на тебе не женится», — в бешенстве рычала дона Розилда. На другой день Флор поднялась с трудом, избитое лицо болело, на шее ател подтек. Прошедшее обсуждала вся улица: негритянка Жувентина, как обычно восседавшая у окна, делилась с соседками подробностями, доктор Карлос Пассос осуждал систему,

воспитания доны Розилды, хотя и признавал, что причины для неудовольствия и гнева у нее были.

Когда в обычный час Гуляка появился перед домом, окна второго этажа были закрыты, балкон пуст, застав на входной двери задвинут. Сквозь жалюзи в комнате Флор, выходящей на боковую улицу, пробивался свет. Кто-то рассказал ему о вчерашнем побоище, кумушки утверждали, что опечаленную Флор мать заперла на ключ.

Гуляка согласился с негритянкой Жувентиной, любовницей Атенора Лимы, когда та заявила: «Гиена, вот кто она, эта дона Розилда»,—молча выслушал все, что ему рассказали, и ушел...

Ушел, чтобы вернуться после полуночи и разбудить всю Ладейру и примыкавшие к ней улицы серенадой, самой нежной и страстной, какую редко услышишь в нашем, да и любом другом городе. Те, кто слышал эту серенаду, навсегда ее запомнят и сохранят в своем сердце.

Еще бы! Гуляка собрал для Флор самых лучших музыкантов: несравненное кавакиньо тощего Карлиньоса Маскареньяса, которого он разыскал в постели гостеприимной Марианильи Пентельюды, скрипка знаменитого Эдгара Коко, с которым могут сравниться музыканты разве только в Рио-де-Жанейро или за границей, флейта виртуоза Валтера да Силвейра, бакалавра. Гуляка оторвал его от книг: недавний выпускник готовился к конкурсу на судебскую должность, рассчитывая в скором времени получить этот почетный пост. Тогда уже не послушаешь его прославленную флейту, доставляющую поистине неземное наслаждение. На гитаре играл молодой человек, которого все любили за галантность, веселый нрав, скромные и вместе с тем благородные манеры, за его остроумие, утонченность, редкие музыкальные способности и чарующий голос. С недавних пор он стал выступать по радио и уже пользовался заслуженной славой. Его имя раздавалось повсюду. Доривал Каимми и другие близкие друзья гитариста превозносили его еще не изданные произведения, утверждая, что, едва они будут опубликованы, мунлат станет знаменитостью. Все это были загадочные дружки Гуляки, с которыми он пил и кутил ночи напролет. Еще он привел с собой бледного певца из кабаре и пьяного Мирандона.

В начале Ладейры они остановились, и скрипка Эдгара Коко издала первые душераздирающие крики. Ее подержали кавакиньо, флейта и гитара, а затем вступили

голоса Каимми и Гуляки. Гуляка не был отличным певцом, но его вдохновляли страсть, желание отомстить за возлюбленную, утолить ее печаль, утешить, доказать ей свою любовь:

Ночь. Улыбка уснувших небес.
Звезд любовная дрожь.
Лунный свет, наполняющий лес,
как серебряный дождь,
как роскошный, сверкающий дождь...
Я пою. Я тебя умоляю: «Услышь!»
Ты не слышишь. Ты спишь...¹

Серенада плыла вдоль по улице, и из окон стали высовываться головы любопытных, плененных музыкой и пением Доривала Каимми. Негритянка Жувертина захлопала в ладоши от радости, она была на стороне Флор и Гуляки и к тому же очень любила серенады. Некоторые рассердились оттого, что их разбудили, и хотели было выразить свое недовольство, но чарующая мелодия покорила их, и они заснули, убаюканные серенадой. Доктор Карлос Пассос принадлежал к числу этих недовольных; он вскочил с постели в страшной ярости, ибо работал в больнице с шести утра, а домой возвращался только в девять вечера. Но пока доктор шел от кровати к окну, гнев его утих, и он стал мурлыкать себе под нос, облокотившись на подоконник, чтобы лучше слышать музыкантов.

О луна! Свой серебряный лявель пролей
в изголовье любимой моей...

Освещенные уличным фонарем певцы стояли как раз на углу, против дома Флор; а Гуляка подошел поближе к свету, чтобы Флор могла лучше его разглядеть. Звуки флейты доктора Силвейры словно ползали вверх по стене; скрипка же Эдгара Коко, проникнув сквозь закрытые жалюзи в комнату девушки, заставила ее, трепеща, вскочить с постели. «Владыка небесный, да это же Гуляка!» Флор подбежала к окну: вот он, светловолосый и красивый, стоит под фонарем, протянув к ней руки:

Я в объятьях тебя задушу! Отвори!
Мою страсть утоля...

Несколько человек вышли послушать серенаду. Привлеченный музыкой и в надежде, что кто-нибудь из певцов прихватил с собой бутылку, в старой пижаме появился Казуза Воронка.

¹ Стихи в переводе Г. Плисецкого.

На балконе второго этажа показалась донна Розилда и яростно набросилась на музыкантов, пытаясь прервать серенаду:

— Бродяги! Бездельники!

Я пою...

Я тебя умоляю: «Услышь!»

Ты не слышишь. Ты спишь...

Откуда взяла Флор такую красную, почти черную розу? Гуляка поймал ее на лету... Прекрасная волшебная ночь, в небе светит золотая луна, воздух напоен ароматом розмарина, вся улица поет серенаду для Флор, запертой в комнате:

Там, вверху, молодая луна
так задумчива, так холодна,
так высокие звезды чисты...

Распахнув дверь, донна Розилда выскочила на улицу в грязном халате, растрепанная и с ненавистью накинулась на товарищев Гуляки:

— Убирайтесь отсюда! — пронзительно кричала она. — Я вызову полицию, заявлю в полицейский участок, псы паршивые!

Ее появление было столь внезапным, что на какое-то мгновение музыканты смешались и прекратили петь. Торжествующая донна Розилда выпрямилась с видом победителя, встав посреди умолкнувшей улицы.

— Псы паршивые, убирайтесь прочь!

Однако смятение, охватившее певцов, длилось недолго. Тотчас зазвучала флейта доктора Силвейры, подражая смеху и улюлюканью мальчишек и явно издеваясь над доной Розилдой.

Будь ко мне благосклонна! На склон
мне подняться, Иайя, позволь...

Гуляка направился к своей будущей теще и с подлинным изяществом и мастерством изобразил знаменитое па из сирибосета. Лишившись от негодования голоса, донна Розилда в панике отступила и из последних сил вскарабкалась к себе на второй этаж.

Серенада снова разлилась в ночи, заполнив всю улицу, и продолжалась до рассвета. Ей подпевали подгулявшие прохожие, аплодировал ночной сторож, потом появилась бутылка, которую так ждал Казуза Воронка. Пели Гуляка и Каимми, пел Женнер Аугусто, пел своим густым басом доктор Валтер, пел ночной сторож, всю

жизнь мечтавший выступать по радио. Вся улица пела серенаду в честь Флор, которая в пеньюаре с оборками и кружевами выглядывала из своего окна. А внизу галантный кавалер Гуляка с красной, почти черной розой в руке пел ей о своей любви.

12

Бежав от преследований матери из дому, чтобы соединиться с Гулякой, Флор нашла приют в Рио-Вермелье, у тети Литы и ее мужа Талеса Порто.

Сначала Порто колебался: ему не хотелось осложнять отношения с доной Розилдой — женщиной взбалмошной и грубой. Порто же был человеком добродушным и любил покой. Этот скромный служащий мирно жил в своем тихом уголке, все свободное время отдавая живописи. Дона Розилда не раз набрасывалась на него и дону Литу, когда еще во время карнавала они высказывались против романа племянницы с Гулякой. Дона Розилда тогда, наоборот, считала его завидным женихом, которого посылает сам бог и которому, по ее словам, не хватало только нимба, чтобы стать святым. В глазах Порто дона Розилда была упрямой и злобной дурой, корчившей из себя всезнайку, а поэтому он не хотел с ней связываться. Но что будешь делать, если к тебе в дом является вся в слезах племянница, а с ней серьезный и торжественный юноша, сознающий всю ответственность за совершенный поступок? Случилось непоправимое: Гуляка лишил ее невинности, а значит, им надо срочно обвенчаться — хочет того или нет дона Розилда, исполнился Флор двадцать один год или нет. Теперь только брак может спасти честь девушки.

Флор с плачем умоляла дядю и тетю простить ее, обвиняя во всем дону Розилду, и уверяла, что забыла о строгих семейных традициях и стыде и уступила настойчивому возлюбленному только потому, что мать требовала порвать с Гулякой и категорически запретила с ним видеться. Она запирала ее в доме, как маленькую, а между тем ей через несколько месяцев исполняется двадцать один. Мать даже избила ее, ну кто станет терпеть такое? В конце концов, Гуляка не преступник, не злодей, укрывающийся от правосудия, и не бандит какой-нибудь, да и она, Флор, уже не девочка, которая ничего не смыслит в жизни. Разве она не зарабатывает на хлеб, не

оплачивает квартиру? После отъезда Розалии их ателье получало не более одного-двух заказов, меж тем как кули-нарная школа процветала; на доходы от нее и существова-ли они с матерью. Почему же тогда доня Розилда считает себя вправе решать все одна? Почему она пренебрегает мнением таких разумных людей, как тетя Лита, сеу Ате-нор Лима и доктор Луис Энрике, крестный отец Эйтора, которого она прежде так почитала, а теперь не желает слушать? Талес Порто сочувственно кивал, понимая, что Флор совсем потеряла голову от любви.

Флор и Гуляка не желали мириться с таким положением. Гуляка поставил на карту все, словно делал решающую ставку, когда ему не везло. Страсть к Флор захватила его без остатка, помutila разум: для него не существовало в мире другой женщины, будто пухленькая, с ямочками на щеках Флор была самой красивой, самой привлекательной во всей Баие, единственной, кто мог утолить голод и жажду Гуляки, избавить его от одиночества. «Никогда и ни за что, пока я жива», — твердила доня Розилда, не желая даже слушать предложения Гуляки, передаваемые через родственников и друзей.

Тетя Лита как-то попробовала вступить за Гуляку, но доня Розилда набросилась на нее с проклятиями:

— Пока, слава богу, я жива, этот каналья не женит-ся на моей дочери. И не потому, что она заслуживает материнской заботы, нет! Но пока я отвечаю за эту не-благодарную притворщицу, за это ничтожество, я ни за что не дам своего согласия. Лучше пусть умрет, чем ста-нет женой этого проходимца.

Лита приводила разные доводы, пыталась убедить се-стру, сломить эту стену ненависти: любовь творит чуде-са, вполне вероятно, что Гуляка станет совсем другим че-ловеком, но доня Розилда рычала от бешенства:

— Достаточно с нас и того, что ты вышла замуж за Порто. Потом он, правда, исправился, ну а если бы это-го не случилось? Если бы он так и погряз в грехе? — Она подчеркнула последнее слово, будто обвиняла Порто в самых тяжких пороках.

Доня Розилда намекала на прошлое Порто, молодость которого прошла в театральных кругах Рио-де-Жанейро, в гастролях по другим городам и провинциям. Он был одновременно сценаристом и хореографом, а если возни-кала необходимость, заменял актеров, суфлера, директо-ра и костюмера. После женитьбы Порто остепенился и устроился на работу в Баие. От жизни на подмостках у

чего сохранился лишь альбом с вырезками да смешные анекдоты, и он никогда не упускал случая показать альбом и вспомнить кстати анекдот.

— Но в конечном счете все образовалось, не так ли? — возразила донна Литта, в глубине души гордившаяся театральным прошлым мужа. — Разве мы не счастливы? И потом, я нисколько не стыжусь его работы на сцене. Он никого не обворовал, никого не обманул, девушек не соблазнял...

— О чем ты говоришь? Какие там девушки, если он знался только со шлюхами? Откуда бы он их взял? А уж наверное, был не прочь, вон какой здоровенный...

Мягкая и добрая от природы, донна Литта не выносила, когда оскорбляли ее мужа. И уж если кто-нибудь задевал его, в обиду не давала:

— Ну, знаешь ли, попридержи-ка лучше свой язык и не смей больше трогать моего мужа, я сюда пришла не затем, чтобы выслушивать твои гадости...

Донна Розилда покорно умолкла, бормоча извинения. Сестра была единственной, к кому она питала хоть какое-то уважение и с кем боялась поссориться.

— Я пришла потому, что Флор для меня как дочь... Какого черта ты не даешь девочке выйти замуж? Только потому, что он оказался не таким всемогущим, как ты это вбила себе в голову? Ведь они любят друг друга.

— Сколько раз тебе повторять, что ничего я себе в голову не вбивала, это они обманули меня, негодники! — Вспомнив об этом чудовищном надувательстве, донна Розилда снова пришла в ярость: — Лучше нам никогда больше не возвращаться к этому разговору. Я не допущу, чтобы она вышла замуж за этого подонка, пока я за нее отвечаю. Когда ей исполнится двадцать один год, если хочет, может катиться ко всем чертям и губить себя сколько угодно. А до этих пор я не даю своего согласия, вот и все.

— Ты сама ищешь для себя огорчений... Смотри, как бы беды не случилось...

Так и вышло. После неудачного визита тети Литты — последней посланницы Флор — девушка решила внять голосу разума. То есть покориться Гуляке, который, вооружившись самыми вескими доводами, убеждал ее, что есть только одна возможность разрешить эту проблему и в то же время доказать ему свою любовь и доверие. Как только Гуляка ее убедил, она не стала тянуть и вскоре позволила ему то, чего он так давно добивался. Однако,

чтобы быть откровенными до конца (даже при всем нашем хорошем отношении к Флор и стремлении защитить перед читателями целомудрие и скромность нашей героини, ставшей жертвой неотразимого Дон-Жуана), следует сказать, что Флор сама безумно желала того же, ибо в ней пылал огонь, на котором сгорела ее стыдливость.

Один из состоятельных приятелей Гуляки — Марио Португал, в те времена ветренный холостяк, предоставил ему свой скромный домик в окрестностях Итапоа. Легкий ветерок шевелил гладкие черные волосы Флор, солнечные блики трепетали на ее коже. Под рокот моря, овеваемый легким ласковым ветерком, Гуляка целовал Флор и, крепко прижимая к себе, с улыбкой говорил, пока его пальцы расстегивали пуговицы на ее платье:

— Я не умею любить ни под простыней, ни тем более одетым. Чего ты стыдишься, дурочка? Разве мы поженимся не для того же самого? Да и без женитьбы все равно это дело божье. Это он повелел, чтобы люди любили друг друга. «Возлюбите друг друга, дети мои, и у вас родится потомство», — сказал он, и это была одна из самых справедливых его заповедей.

— Умоляю тебя, Гуляка, не кощунствуй... — Флор закуталась в красное одеяло. Все в этой комнате действовало на нее возбуждающе: обнаженные женщины на стенах, репродукции рисунков, изображающих фавнов, которые преследуют нимф, огромное зеркало напротив кровати... Марио Португал был аристократом и создал в своей спальне утонченно эротическую атмосферу. На туалетном столике стояли духи, прохладительные напитки. У Флор похолодело в животе.

— Если бы он не хотел, чтобы мы любили друг друга, он оскопил бы всех, и у детей не было бы ни отца, ни матери... Ну, не будь дурочкой, отбрось одеяло...

Он сдернул с Флор красное одеяло и увидел ее обнаженное смуглое тело, которое красиво выделялось на белой простыне. Гуляка с радостным удивлением воскликнул:

— Боже, да ты вся словно пушком покрыта... Как это забавно и как прекрасно...

— Гуляка...

Чтобы она не стыдилась, он закрыл ее своим телом. Флор зажмурилась. Над морем грянула аллилуйя, ветер донес стон любви, и он проник в морскую тишь, где обитают рыбы и сирены. Голос Флор вступил в аллилуйю,

которая теперь звучала в море и на земле, на небесах и в аду.

В то утро Флор пошла помочь доне Маге Патерностро, своей бывшей ученице, происходившей из очень богатой семьи, приготовить по случаю дня рождения завтрак на пятьдесят с лишним персон и столы со сладостями и закусками на вечер. А оттуда она отправилась на свидание с Гулякой, где и случилось неизбежное. Дона Розилда думала, что Флор трудится у плиты доны Маги, а она лежала в объятиях Гуляки в Итапоа.

С того дня Флор была занята только одним: искала предлога поудобней, чтобы улизнуть на свидание с Гулякой. Она часто просила своих подруг и учениц: «Если мать тебя спросит, говори, что я была с тобой». Девушки не отказывались, они любили Флор, а многие откровенно покровительствовали ее роману. Обычно после уроков кто-нибудь из девушек говорил:

— Я возьму с собой Флор на утренник, бедняжке нужно развлечься...

Могло показаться, будто Флор и впрямь начинает забывать Гуляку. Дона Розилда торжествовала: последнее время Флор уже не была так мрачна, больше не сидела в своей комнате, ожидая, когда Гуляка появится на улице, чтобы высунуться в окно назло матери, когда этот негодяй остановится поболтать с негритянской Жувентиной. Эта нахалка да и кое-кто еще всячески помогали влюбленным. Злобные интриганки! Дона Розилда насквозь видела их козни, ничего, придет день, когда она отплатит им с лихвой. Флор бросала Гуляке записки, посылала воздушные поцелуи. Тогда дона Розилда не выдерживала и начинала на чем свет стоит ругать дочь и этого пройдоху. А он только посмеивался, стоя на углу.

Потом, однако, дона Розилда заметила кое-какие перемены: Флор перестала петь грустные песни и без конца упоминать имя своего возлюбленного, да и он больше не показывался на их улице. Флор снова улыбалась, говорила «доброе утро» и «добрый вечер», отвечала на вопросы доны Розилды.

Однажды на Байше-дос-Сапатејрос случайная подруга предупредила Флор:

— Смотри, будь благоразумна! — и загадочно улыбнулась.

Флор и Гуляка тоже улыбались, когда садились в такси — всегда одно и то же, принадлежавшее Цыгану, старому другу Гуляки, и мчались по направлению к

Итапоа, крепко держась за руки и украдкой целуясь. Цыган приезжал за ними в сумерки. Возвращались они не торопясь: голова Флор на плече Гуляки. Ее черные волосы треплет ветер, любовники утомлены и полны нежности друг к другу; им совсем не хочется расставаться. С каждым разом Гуляка становился все настойчивее, требовал, чтобы Флор осталась с ним на всю ночь; ему уже недостаточно было просто обладать ею, хотелось, засыпая, чувствовать рядом ее дыхание, видеть те же сны. Флор тоже хотела более полной близости, и ее пылкую натуру не удовлетворяли короткие свидания.

— Но если я не явлюсь домой ночевать,— сказала она однажды вечером, когда он снова попросил ее остаться,— я не смогу вернуться к матери...

— А зачем тебе возвращаться? Поженемся — и делу конец. Не понимаю, почему ты не хочешь ей во всем сознаться...

— А куда я денусь до свадьбы?

Они решили, что лучше всего Флор будет у тети Литы и дяди Порто, у них она чувствовала себя как дома. На следующий же день, сразу после занятий с ученицами, Флор уложила свои вещи в два чемодана и баул, заперла дверь своей комнаты на ключ, положила его в сумочку и сказала матери, что идет на рынок в Байше-дос-Сапатеiros. Там Гуляка ожидал ее в такси Цыгана, который снова увез их в Итапоа, но вернулся с ними только на следующее утро.

Знакомой, которая пришла узнать новости и получить готовое питье, дона Розилда сказала:

— Флор ушла на рынок, скоро вернется. Слава богу, она больше даже не заикается об этом негодяе и стала гораздо спокойнее...

— Скоро совсем его забудет... Так всегда бывает...

— Придется забыть, хочет она того или нет...

Они поболтали довольно долго, дона Розилда подробно рассказала об одной семье, недавно приехавшей из Амаргозы и поселившейся по соседству.

— Ну, мне пора. Раз Флор задерживается, я пойду. Кланяйтесь ей.

Оставшись одна, дона Розилда стала поджидать дочь. Сначала она просто беспокоилась, потом ее охватила тревога. А к ночи дона Розилда знала наверняка: безумная Флор сбежала из дому. Открыв перочинным ножом замок на дверях ее комнаты, дона Розилда увидела набитые вещами чемоданы и баул. Итак, притворщица обманывала

ее, делая вид, будто порвала с этим каналей, а сама продолжала встречаться с ним. Дона Розилда всю ночь просидела с плеткой в руках. О, если б Флор набралась мужества вернуться...

Когда на следующий день перед обедом сестра и зять, явно чувствовавший себя не в своей тарелке, зашли к доне Розилде, та закатила одну из своих обычных сцен — рвала на себе волосы и кричала:

— Я ее знать не желаю... Я эту потаскуху больше сюда не пушу, ее место в публичном доме...

Дона Лита тоже вскипела:

— Я попрошу относиться ко мне с уважением. Флор у меня, а у меня не публичный дом. Если тебе безразлично счастье твоей дочери — это твое дело. Но нам с Талесом оно не безразлично. Я пришла сказать тебе, что Флор выходит замуж. Хочешь, свадьба будет здесь, как положено. А нет, мы устроим ее у себя, и с большим удовольствием.

— Шлюхе незачем выходить замуж, она может и так путаться...

— Послушай, сестра...

Но красноречие тети Литы и укоризненное молчание дяди Порто ни к чему не привели. Дона Розилда отказалась присутствовать на свадьбе и дать согласие на брак, пусть неблагодарная сама получает разрешение судьи, чтобы весь город узнал о ее позоре и бесчестье. Пусть эта бесстыдница не рассчитывает на нее, она не станет покрывать ее грех и спасать ее репутацию.

На другой же день дона Розилда уехала в Назарет к своему сыну, который принял ее без особого восторга. Эйтор сам подумывал жениться, и если до сих пор не женился, то только потому, что пока мало зарабатывал.

Однако, как только он сэкономит несколько конторейсов, он обязательно это сделает. У него уже и невеста была на примете — бывшая ученица Флор, с влажными блестящими глазами, по имени Селесте.

По дороге в Содре, куда Флор направилась, чтобы посмотреть сдающийся по объявлению дом, ей повстречалась ее бывшая ученица, дона Норма Сампайо, довольно состоятельная дама, жена коммерсанта из Нижнего города. Это была обаятельная, жизнерадостная женщина,

любезная и добрая, в чем мы уже имели возможность убедиться. Она жила как раз поблизости от дома, который сдавался внаем.

Дом оказался вполне подходящим. Он годился и для жилья и для занятий Флор с ученицами, к тому же плата была очень умеренной. Дона Норма сказала, что Флор может считать дело решенным, потому что владелец дома ее хороший знакомый и наверняка отдаст Флор предпочтение перед другими претендентами. Уж об этом она позаботится, пусть Флор не волнуется.

Дона Норма утешала и подбадривала Флор в течение всего этого беспокойного периода. Она помогала решать все проблемы, вставшие перед девушкой, и во всем ее поддерживала.

Прежде всего дона Норма не давала ей упасть духом. Флор подробно рассказала ей обо всем, что произошло, а дона Норма с удовольствием задавала вопросы — ей хотелось знать всю историю в подробностях, по порядку. Флор страдала, ей казалось, что всему миру известен ее дурной поступок, как деликатно выражалась тетя Лита, что на лице у нее словно выжгли клеймо легкомысленной распутницы.

— Послушай, девочка, перестань дурить... Кто знает, что ты отдалась? Четыре-пять человек, от силы полдюжины, не больше... Если ты хочешь, можешь венчаться в фате и с флердоранжем. Кому какое дело! Твоя мать уехала, а вот она действительно могла явиться в церковь и устроить скандал...

Флор стыдилась своего позора, своего дурного поступка, но ведь другого выхода у нее не было. А дона Норма считала все ее страхи пустяками.

— Да каждая третья девушка отдается до свадьбы, в том числе и из самых приличных семей, моя милая...— Она привела несколько примеров, очень утешительных для Флор. Разве дочь доктора такого-то не отдалась другу своего жениха перед самой свадьбой и, нарушив обещание, не убежала с ним, наспех обвенчавшись? А между тем сейчас она принадлежит к дамам самого высшего общества, о которых пишут в газетах: «Дона такая-то приняла друзей... и так далее, и тому подобное...» А разве ночной сторож не застал за маяком дочь судьи и ее жениха — хорошо хоть, что жених был не чужой! Сторож, поймавший их на месте преступления, не отвел парочку в полицию только потому, что проворный кавалер сунул ему крупную сумму. Правда, это не помешало по-

том сторожу показывать всем трусики девушки, кстати сказать, роскошные, с черными кружевами. И все же дочь судьи не постеснялась венчаться в фате, флердоранже и белоснежном платье: у нее были деньги и вкус. А та красотка, у которой отец еще почище доны Розиды следил за своими дочерьми, постоянно пилил их и держал взаперти, разве не застали ее в кустах с женатым мужчиной, да еще кумом ее родителей? Потом она вышла замуж за бедняка и теперь изменяет ему направо и налево. Чем больше, тем лучше — таков ее девиз; она путается и с холостыми, и с женатыми, знакомыми и незнакомыми, богатыми и бедными.

Многие, моя милая, только потому и не грешат до свадьбы, что не знают, как это приятно, или же потому, что жених не настаивает. В конце концов, до или после, какая разница, скажи мне?

Дона Норма не только вернула Флор мужество, убедив ее в том, что не такой уж большой грех она совершила, но и помогла приобрести все необходимое для дома, в том числе и железную кровать с украшениями в головах и ногах, перекупленную у Жорже Тарраппы, владельца антикварного магазина на улице Руя Барбозы и друга — иначе и быть не могло — доны Нормы. Жорже Тарраппа оказался очень симпатичным сирийцем, высоким и краснощеким, несколько апоплексического вида. Узнав о предстоящей свадьбе Флор, он подарил ей полдюжины ликерных рюмок. Дона Норма со своей стороны подарила пару личных и пару банных алагоанских полотенец самого высокого качества. Кроме того, она почти за бесценок продала Флор великолепное одеяло из голубого сатина с узором в виде лиловых веток глицинии. Это дорогое одеяло подарили на свадьбу донь Норме ее дядя и тетка, проживающие в Рио. Однако мнительный Зе Сампайо с первого взгляда возненавидел этот подарок; по его мнению, красивое одеяло слишком напоминало погребальный покров своими лиловыми ветками. Из-за этого проклятого одеяла они чуть было не поссорились в первую же брачную ночь. Если бы дона Норма не сгорала от любопытства узнать, что будет дальше, она бы достойно ответила на воркотню и ругань Зе Сампайо, который не успокоился до тех пор, пока одеяло не было убрано. С тех пор его больше не доставали, и оно осталось совершенно новым. На улице Чили такое одеяло стоило больших денег.

Кстати говоря, раз уж речь зашла об одеялах, единственным вкладом Гуляки в семейный очаг было лоскутное одеяло — коллективное произведение девиц из дома Инасии. Все они были почитательницами жениха, включая и благородную Инасию, мулатку с лицом, изрытым оспинами, самую молодую, однако едва ли не самую опытную из всех хозяек подобных заведений Баии. Время от времени она приводила Гуляку к себе в постель, и он иногда неделями хранил ей верность.

Гуляка не был повинен в том, что его вклад оказался столь мизерным и что деньги Флор, накопленные годами, быстро улетучились. Он очень хотел бы взять на себя все расходы, во всяком случае большую их часть, и ради этого не пожалел бы сил. Никогда еще приятели не видели его таким напряженным и упрямым за столом казино, однако семнадцать — его любимая цифра — выпадала крайне редко, будто ее вообще изъяли из употребления. Гуляка пытал счастья и в рулетке, и в ронде, и в баккара. Но ему удивительно не везло, судьба была против него. Как он ни старался, у него ничего не выходило. Ему уже не у кого было брать займы, кроме собственной невесты, у нее он и попросил сто милрейсов.

— Не может быть, чтобы мне не повезло и сегодня, моя дорогая. К утру я привезу тачку денег, а ты купишь пол-Баии, в том числе и дюжину шампанского для свадебного пира.

Но Гуляка не принес ни денег, ни шампанского. Ему действительно не везло.

В результате шампанское было только на гражданской свадьбе, состоявшейся в доме дяди Порто и тети Литы. Талес Порто торжественно откупорил бутылку, а судья произнес тост за здоровье новобрачных. Венчанье тоже было скромным и кратким, на нем присутствовали лишь самые близкие подруги Флор и сеу Атенор Лима, не считая тети Литы, дяди Порто и, разумеется, доны Нормы. Миллионерша дона Мага Патерностро прийти не смогла, но наутро она прислала целую батарею кухонной посуды — очень практичный и нужный подарок. Со стороны жениха присутствовали директор департамента парков и садов, у которого неисправимый Гуляка под предлогом свадьбы выклянчил денег, как, впрочем, и у других своих коллег, затем Мирандон со своей худощавой и свежей, но уже стареющей белокурой женой и Шимбо. Увидев в церкви помощника полицейского ин-

спектора, Талес Порто заметил потом доне Лите: «Значит, не все было ложью в шутке, которую они затеяли, чтобы поиздеваться над доной Розилдой. Гуляка действительно в родстве с важным Гимараэнсом».

Венчал их по просьбе доны Нормы дон Клементе — приходский священник церкви святой Терезы. Гуляка выглядел на редкость элегантно и завсегдаем кабаре, Флор, вся в голубом, тихо улыбалась, потупив взгляд. Доне Норме так и не удалось убедить ее быть в белом, с фатой и флердоранжем — у Флор не хватило мужества. Обручальные кольца одолжили у Мирандона перед самой свадьбой. Накануне в «Табарисе» собрали денег для того, чтобы Гуляка оплатил уже выбранные в ювелирном магазине Рено кольца, но через полчаса он проиграл все до последнего тостана. И все же если бы Гуляка сходил за кольцами, ему бы удалось их выпросить. Ювелир, хотя и славился своей скупостью, но не всегда мог устоять перед настойчивостью Гуляки и не раз одалживал ему денег. Но после бессонной ночи жених проспал допоздна и в последнюю минуту примчался за невестой на такси Цыгана.

Все уже выходили из церкви, когда появился банкир Селестино с букетиком фиалок в руке. Он был представлен Флор, вернее доне Флор, как и полагается звать замужнюю женщину, поцеловал ей руку, извинился за опоздание: он только что узнал о свадьбе и не имел времени купить подарок, — и незаметно сунул кредитку Гуляке. Гости поспешили поздороваться с важным португальцем, и раньше остальных — Шимбо и дон Клементе.

Во дворе монастыря все распрощались с новобрачными, только дона Норма проводила их до их нового дома, на фасаде которого уже красовалась вывеска «Кулинарная школа «Вкус и искусство». Дона Флор пригласила соседку:

— Зайдите к нам, посидим немножко...

Но дона Норма лукаво рассмеялась.

— Неужели я кажусь такой глупой? — И, показав на потемневшие облака над морем, заключила: — Скоро ночь, пора спать.

Гуляка согласился с ней.

— В ваших словах суцая правда, соседка. Впрочем, этим делом я могу заниматься в любое время. — Обняв дону Флор за талию, он пошел с нею по коридору, на ходу нетерпеливо расстегивая платье жены.

В спальне Гуляка положил ее на голубое одеяло, обнаженное тело Флор окутали первые сумерки.

— Умоляю тебя, убери это покрывало, оно похоже на саван,— сказал Гуляка.— Принеси лучше то, лоскутное, на нем ты будешь еще привлекательнее, моя пушистенная. А это мы сохраним, чтобы заложить в ломбарде, за него дадут немало...

И вот на пестром лоскутном одеяле, немая от стыда, лежит наконец-то замужняя дона Флор, одетая лишь прозрачной тенью сумерек. Лежит рядом со своим мужем Гулякой, которого сама избрала, не послушав советов старших, невзирая на запрет матери. Она отдалась ему до свадьбы, поступив, может быть, неразумно, но она не могла жить без Гуляки. Она горела на огне, которым пылали уста Гуляки, его пальцы жгли ее тело. Теперь, когда они женаты, он по праву супруга раздел ее и, лежа рядом на железной кровати, смотрел на нее с улыбкой. Ее муж красив, золотой пушок покрывает его руки и ноги, на груди густые белокурые волосы, на левом плече шрам от удара ножом. Подле него дона Флор казалась негротянкой, такая она была темная. Их обнаженные тела, полные желания, слились. Гуляка шептал на ухо Флор нежные, глупые слова.

Они предавались любви, пока не обессилели. Тогда дона Флор, натянув на себя одеяло, заснула. Гуляка улыбался и, ласково глядя на жену, гладил ее по волосам. Гуляка — ее муж, красивый, мужественный, нежный и добрый.

Когда дона Флор проснулась, будильник на ночном столике показывал два часа. Гуляки в постели не было. Дона Флор встала и пошла его искать, но Гуляка исчез из дому — наверняка отправился попытать счастья на деньги, подаренные банкиром. И это в первую брачную ночь! Дона Флор ворочалась в кровати и впервые лила горькие слезы замужней женщины.

Семь лет прошло с этой далекой ночи до того тревожного воскресного утра, когда Гуляка упал бездыханным, танцуя с ряжеными самбу на карнавале. И как тогда справедливо заметила дона Гиза — а слов эта женщина на ветер не бросала, — хоть все эти семь лет дона Флор оплакивала свои маленькие грехи и большие грехи

мужа, у нее еще остались слезы. Слезы стыда и страдания, боли и унижения.

Она проливала их ночами, когда Гуляки не было дома. Бессонными ночами, полными нескончаемого ожидания, будто заря отступила к границам ада. Дождливыми ночами, когда струи воды заводили свою протяжную заунывную песню, монотонно барабани по крышам. Ей не хватало теплой груди Гуляки, его сильных рук. Дона Флор вслушивалась в каждый шорох и не могла заснуть, словно ее мучила открытая рана. Охваченная тоской, она дрожала в ледящем ознобе, одна в супружеской кровати.

Зато когда Гуляка был рядом, холод и грусть отступали. От него исходило радостное тепло, которое охватывало дону Флор, и начиналась упительная ночь. Доне Флор было уютно, она чувствовала себя счастливой и немного возбужденной, словно выпила стакан вина или рюмку ликера. Близость Гуляки пьянила ее, как крепкий напиток, и она не могла устоять перед его поцелуями и ласками. То были ночи безудержной, феерической страсти.

Таких вечеров, когда Гуляка оставался с женой после обеда и, растянувшись на софе и положив ей голову на грудь, слушал радио и рассказывал разные истории, было слишком мало. Его смелая рука гладила ее, ласкала, а потом они пораньше укладывались на свою железную кровать. Но таких вечеров было слишком мало, они выпадали, когда Гуляку вдруг охватывало отвращение к беспорядочной жизни и он оставлял приятелей, кашасу, рулетку на три-четыре дня, а то и на неделю и сидел дома. Тогда он обычно спал, рылся в шкафах, заигрывал с ученицами, приставал к доне Флор, чтобы она ложилась с ним в постель в самое неподходящее время. Эти дни пролетали быстро. Легкомысленный Гуляка ставил все вверх дном, его задорный смех раздавался в коридоре, он переговаривался из окна с соседями, слушал, как ругаются между собой дона Норма и дона Гиза, и наполнял весь дом и улицу своим весельем. Да, эти ночи можно было сосчитать по пальцам — полные безумного восторга, смеха и страстных ласк. «Моя кокосовая конфетка, мой цветочек базилика, соль моей жизни, мой пушистый зверек, твой поцелуй для меня слаще меда». Чего только он не шептал ей! Зато других ночей было бесконечно много. Дона Флор спала тревожно, просыпаясь от малейшего шороха, а то и вовсе не смыкала глаз, охваченная

гневом, пока не угадывала его шагов вдалеке и не слышала, как поворачивается в замке ключ. По тому, как открывается дверь, она уже узнала, насколько Гуляка пьян и была ли удачной игра. Смежив веки, дона Флор притворялась спящей.

Иногда он приходил на рассвете, и она ласково встречала его, оберегая его поздний сон. На усталом лице Гуляки блуждала виноватая улыбка, свернувшись клубком, он прижимался к жене. Дона Флор молча глотала слезы, чтобы Гуляка не заметил, что она плачет,— у него ведь и без того было достаточно причин для раздражения: нервы его сдавали от превратностей борьбы с фортуной. Он приходил почти всегда навеселе, а иногда и пьяный и сразу засыпал, однако прежде приласкав жену и шепнув: «Сегодня я продулся, моя пушистенская, но завтра обязательно отыграюсь...» Дона Флор не спала, охваченная нежностью, чувствуя, как муж, прижавшись к ней, вздрагивает; он и во сне продолжал играть, все так же несчастливо, повторяя: «Семнадцать, восемнадцать, двадцать, двадцать три»,— четыре роковые для него цифры... Флор наблюдала за мужем и представляла себе, как он ставит на одно из этих чисел и выигрывает. Она уже имела представление, что такое рулетка с ее соблазнами и собственными математическими законами. Сейчас на рассвете, она охраняла его от всего мира, от фишек и костей, от крупье и невезения. Она прикрывала его своим телом и согревала; спящий Гуляка казался большим белокурым ребенком.

Случалось, он не приходил ночевать; дона Флор ждала его весь день и следующую ночь, страдая от унижения. Видя ее такой молчаливой и печальной, ученицы избегали задавать щекотливые вопросы, опасаясь, как бы бедняжка не расплакалась от стыда. Между собой они осуждали легкомысленного обманщика и жизнь, которую он вел, и как только ему не совестно мучить свою милую жену? Но стоило им увидеть Гуляку, стоило услышать его вкрадчивый голос, его веселые шутки, как все они, за очень редким исключением, начинали таять и млеть.

Все дни Гуляка проводил в беготне, разыскивая кредиторов, зачастую безуспешно: в залах, где идет игра, в долг не дают, фишки можно получить только за наличные. Он обходил банки, убеждал управляющих и их заместителей учесть векселя; применял всю свою хитрость, вырывая у поручителей гарантии, или выклянчи-

вал под чудовищные проценты несколько сот милльрейсов у жадного ростовщика. Все послеобеденное время он мог потратить на скрягу, которого уговорить было почти невозможно, и ликовал, если ему удавалось одержать победу, когда скупец брал наконец ручку и ставил свою подпись на поручительстве, больше не в силах сопротивляться. Впрочем, некоторые наиболее практичные предпочитали действовать так: едва Гуляка появлялся с векселем на тысячу крузейро, жертва швыряла ему купюру в сто или двести крузейро, только бы от него отделаться. Через месяц или два вексель обязательно оказался бы просроченным.

Гуляка редко уходил с пустыми руками. Чтоб не поддаться его уговорам, недостаточно было простой жадности, нужно было обладать железной волей, не испытывать никакого сочувствия к чужому горю, словом, быть человеком бессердечным, как итальянец Гильермо Риччи с Ладейры-до-Табоан. Он прославился тем, что мужественно сопротивлялся Гуляке в течение нескольких лет.

Еще можно назвать книжного торговца Дмевала Шавеса, в те времена этот богач был еще директором магазина. Он долго сдерживал натиск Гуляки, но однажды тот осаждал Дмевала целый день. Они вместе пообедали, приближался вечер. Гуляка терзал торговца шесть часов подряд — Мирандон специально засек время на своих швейцарских часах. Кончилось тем, что хитрец Дмевал, одурев от усталости и рассказней Гуляки, сдался:

— Клянусь, вы первый, кому я даю поручительство.

— Что ж, дружище, неплохое начало, лучше и не придумать. Дальше пойдет как по-писаному: кто хоть раз дает мне поручительство, уже не может остановиться, входит во вкус...

Гуляка помчался в банк, оставив толстого директора с открытым ртом: он печально склонился над бухгалтерскими книгами, не понимая, как его угораздило уступить Гуляке и поставить свою подпись на векселе.

Когда по вечерам в «Табарисе» шла игра, Гуляка не приходил обедать. Он съедал только сандвич или еще что-нибудь и ужинал уже поздней ночью, когда закрывались двери во всех игорных заведениях... Самые упорные — он, Джованни, Анакреон, Мирабо Сампайо, Мейя Порсан, негр Аригоф, элегантный, словно русский князь, — направлялись всей компанией на площадь Семи

Ворот, к Андреэе, или в какую-нибудь таверну, где подавали карурú в листьях, рыбу, холодное пиво и кашасу.

Если случалось, что он забегал домой пообедать, то сразу же после еды исчезал, всегда торопясь. Дона Флор навеки рассталась с надеждой, что муж ее, как все другие мужья, будет возвращаться с работы, располагаться по-домашнему, в пижаме, читать газеты, обсуждать новости, ходить в гости, в кино. Она уже забыла, когда в последний раз была там! Разве что дона Норма затащит ее на утренний сеанс.

Они месяцами нигде не бывали. И все же всякий раз, когда он снимал пиджак и ослаблял узел галстука, она неизменно спрашивала:

— Больше никуда не пойдешь?

Гуляка с улыбкой отвечал:

— Ненадолго, дорогая. Меня ждут, но я не задержусь...

Иногда он заходил домой до обеда, но только с одной целью. Это означало, что Гуляка проигрался в пух и прах и нигде не добыл ни гроша: его подвела интуиция, а управляющие банками оказались бесчувственными, и поручители куда-то исчезли. Словом, не у кого было перехватить займы. В такие дни он был раздражен. Гурман Гуляка, обычно смакующий изысканные блюда доны Флор, ел молча, без аппетита, даже не замечая, что ему подают. Он украдкой поглядывал на жену, пытаясь определить, какое у нее настроение, и найдет ли он у нее сочувствие. Ибо он приходил лишь за одним: выпросить у жены денег. Он всегда просил займы, но, разумеется, долгов никогда не возвращал. И все же дона Флор каждый раз уступала ему и давала кое-какую мелочь, хотя частенько и сама испытывала денежные затруднения. В такие дни Гуляка становился грубым и жестоким, его обаяние и галантность исчезали без следа.

Едва завидев его, дона Флор сразу же догадывалась о его намерениях. За прошедшие годы она хорошо изучила своего мужа: его походку, плутовской блеск его глаз, когда он поглядывал на какую-нибудь красотку, на ее болтливых учениц, на декольте доны Гизы или вообще на всех встречаемых женщин, когда супруги шли по улице. Гуляка ни одной не оставлял без внимания, разве только совсем уродливых.

Итак, после полудня Гуляка был в поисках денег и в зависимости от результатов являлся или не являлся до-

мой обедать, был ласков или груб. А к вечеру снова шел навстречу своей мрачной судьбе.

Мрачной? Вряд ли это торжественное слово подходит к характеру Гуляки и его беспечной жизни. Ее можно было назвать ночной, но не мрачной. Гуляке никак не шли темные, зловещие краски, какими любят рисовать игроки те, кто затевает против них кампании. У Гуляки не дрожали руки, когда он делал ставку, и его не мучила нечистая совесть после бессонной ночи.

Правда, его охватывало тревожное волнение, когда он следил за шариком рулетки, но это было приятное волнение. Ни разу ему не приходила в голову мысль о самоубийстве, ни разу его грудь не терзало раскаяние, а в ушах не раздавался требовательный голос разума. Все эти ужасы, от которых погибают азартные игроки, были неведомы Гуляке. Жаль, конечно! Но что поделаешь, если это так? Невозможно представить себе Гуляку таким романтическим героем, который не в силах бороться со своим роком, презирает себя, хочет пустить себе пулю в висок у дверей казино, но не может набраться смелости.

Жизнь Гуляки, напряженная и суровая, была по плечу лишь настоящему мужчине, слабый не выдержал бы этой битвы, которая велась каждый вечер, каждое мгновение этого вечера. Для Гуляки удары коварной судьбы никогда не становились катастрофой, непоправимым несчастьем. Жизнь его была переменчивой, но веселой, и всегда находился кто-нибудь, кто соглашался одолжить ему денег. Невероятно, что столько людей шло на это. Впрочем, может быть, таким образом они наслаждались риском, не посещая казино, пользующиеся дурной славой? Глубокие переживания дарила судьба Гуляке.

Например, в тот августовский вечер, начавшийся так неудачно — он пытался выпросить денег у доны Флор, но та не дала, поскольку у нее оставалось лишь немного на домашние расходы, — они поссорились, наговорили друг другу бог знает чего. В конце концов дона Флор бросила ему тридцать жалких мильрейсов, и с ними Гуляка начал свой славный поход в «Абайшадиньо», где играли в рулетку. Он поставил десять мильрейсов на свое любимое число, и вдруг... Вдруг его число выиграло — хотите верьте, хотите нет! — четырнадцать раз подряд. Гуляка продолжал играть, окруженный взбудораженной толпой, и не собирався ставить на другое число. Узнав об этом,

Мирандон как сумасшедший примчался из другого зала, где играли в ронду, и крикнул Гуляке:

— Остановись ради своих детей, везение не вечно.

У Гуляки не было детей, и он не остановился, но Мирандон, у которого дети были, прикрыл руками фишки и, оттолкнув Гуляку, увел его от стола. И правильно сделал: хотя Гуляка и вышел из игры против воли, зато в выигрыше.

В тот вечер он покинул казино с карманами, полными денег. Вспомнил, как кричал рыдающей доне Флор: «Ты просто никуда не годишься, ничего не стоишь и ни капельки меня не любишь»,— и решил явиться домой пораньше и с подарком. Да не с каким-нибудь, а с дорогим ожерельем, кольцом, браслетом, драгоценным камнем. Но где его взять, если магазины уже закрыты? Мирандон предложил поискать что-нибудь подходящее в публичных домах. Девицы иногда получали дорогие подарки от какаовых плантаторов или помещиков. Некоторым даже удавалось кое-что скопить, и, оставив свое ремесло, они открывали салоны красоты или мелочные лавки. Мирандон знал двоих, которые даже вышли замуж и стали вполне порядочными дамами.

Приятели отправились на поиски. Они ходили по кабаке, веселым заведениям, гостиницам и всюду угощали всех, кто хотел выпить, пивом, вермутом и коньяком. Платил Гуляка. Пересмотрели десятки украшений, но все это были жалкие, дешевые побрякушки из хромированного металла и латуни с разноцветными стекляшками. Ночь между тем приближалась.

А ведь он хотел прийти домой пораньше— сюрприз так сюрприз. Гуляка торопился, представляя, как обрадуется дона Флор, когда он явится до полуночи да еще с подарком. Но подарок должен быть дорогой, не из тех, что покупают у бродячих торговцев. Наконец на Ладейре-де-Сан-Мигел, в будуаре— как манерно выразился Мирандон— мадам Клодетты, стареющей куртизанки, существовавшей за счет скудной клиентуры, привлеченной ее французским происхождением, они нашли то, что было надо.

Бирюза необыкновенной голубизны поразила Гуляку и Мирандона. Исключительно красивая оправка была из настоящего золота. Мадам Клодетта крепко зажала кольцо в руке, словно защищая фамильную драгоценность, и сообщила по секрету, что привезла кольцо из Европы, его носили мать мадам Клодетты и бабка, и потому оно для

нее особенно дорого. Только за большие деньги она согласится расстаться с этой не имеющей цены вещью, которая напоминает ей о покинутой Лотарингии и детстве. Да, за большие, очень большие деньги. У *le petit Vadinho*, *le pauvre*¹, никогда не будет такой суммы, а если и будет, вряд ли он ее истратит на женские украшения. Но что значит деньги для Гуляки, мадам? Даже проигравшись в пух и прах, он ищет их только для того, чтобы снова попытаться счастья в рулетке. Гуляка швырял кредитки полными горстями, пока в карманах почти ничего не осталось; глазки мадам Клодетты загорелись алчным огнем. Покрытая слоем пудры и крема, эта мумия задрожала при виде банкнот в сто и двести мильрейсов.

Без четверти двенадцать, то есть раньше полуночи, как и собирался, Гуляка приехал домой на такси Цыгана. Дона Флор едва задремала, когда он ворвался в спальню и, положив ей на грудь кольцо с бирюзой, сказал, улыбаясь:

— А ты не хотела одолжить мне денег, дурочка... — Оставшиеся деньги, около двух конторейсов, он разбросал по постели.

Так можно ли назвать «мрачной» судьбу человека, который был таким жизнерадостным и улыбался, даже если ему не везло?

Возможно, доне Флор с ее позиций судьба эта и казалась мрачной. Особенно с позиций, которые она занимала сейчас, поджидая своего мужа в спальне.

Как, впрочем, и все семь лет, то есть целую вечность. За эти годы дона Флор пролила немало слез, но и пережила немало приятных минут на супружеском ложе. Нежностью и лаской старался Гуляка вознаградить ее за томительные часы ожидания, за горечь унижений. Как-то раз дона Гиза, хваставшаяся своими познаниями в области психологии, психоанализа, психологии и прочих американских штучек, объяснила доне Флор, что она замужем за исключительной личностью — исключительной, правда, не в том смысле, в каком привыкла употреблять это слово дона Флор, то есть великий, лучший, — отнюдь! Дона Гиза имела в виду совсем другое: натуру из ряда вон выходящую, не укладывающуюся в рамки скучной обывательской жизни. Способна ли дона Флор понять его и быть с ним счастливой? — спрашивала дона

¹ У малыша Гуляка, бедняжки (*фр.*).

Гиза, без сомнения хорошая подруга, но чересчур уж ученая и злая на язык.

Дона Флор хотела, чтобы у нее было все как у людей и чтобы муж ее был как все мужья. Разве не служил он в муниципалитете, куда его устроил богатый родственник, доктор Айртон Гимараэс, он же Шимбо? Ей хотелось, чтобы Гуляка приходил с работы с газетами под мышкой, с пакетом бисквитов или сладостей из кокоса. Обедал в положенное время, перед сном прогуливался с нею под руку, наслаждаясь легким ветерком и луной. А потом ласкал ее, но не поздней ночью и не тогда, когда ему вздумается.

У них же все было не так. Гуляка приходил домой, когда ему хотелось, а то и вовсе не приходил, ночуя у потаскух, с которыми возобновил прежние связи. Супружеской любви он отводил самое неподходящее время, не считаясь ни с часами, ни с календарем. Между ними не было ни молчаливого согласия, ни привычки, которая обычно существует у супругов. В доме царил беспорядок, по вечерам Гуляка пропадал неизвестно где, а она томилась в ожидании на своей железной кровати, страдая от ревности и тоски. Почему все мужья считаются со своими женами и только Гуляка не считается с ней? Почему он не такой, как другие? Почему нельзя жить спокойно, размеренно, без тревог, без сплетен и без этого бесконечного ожидания? Почему?

Постепенно это ожидание, рулетка, кашаса, ночевки мужа вне дома, грубая ругань стали для доны Флор привычными, и все же она не хотела с этим мириться, да так, наверное, и умерла бы, не смирившись.

Но первым умер Гуляка. И теперь — увы! — ей некого больше ждать, но и не на что надеяться, некого любить. Гуляка ушел из дому навсегда, и дона Флор вдруг обнаружила, что бремя ее страданий непереносимо. Теперь ей незачем с бьющимся сердцем прислушиваться к каждому шороху, к шагам пьяных на улице, к тихому скрежету ключа в замке, к звукам далекой серенады.

Далекой и страстной. Иногда Гуляка будил ее песней под аккомпанемент скрипки и кавакиньо, гитары и флейты, трубы и мандолины, совсем как тогда на Ладейредо-Алво, когда она впервые узнала все о своем возлюбленном: о том, что он бедняк без гроша в кармане, мелкий чиновник, плут, вымогатель, пьяница, развратник и игрок.

Сейчас, лежа на железной кровати, дона Флор старалась не слушать трескотню доны Розилды, которая, стоя у дверей, оживленно беседовала с доной Нормой. Она вспоминала забытые голоса певцов и мелодию прелестной серенады, которую услышала на Ладейре-до-Алво. Так дона Флор пыталась заполнить пустые часы и успокоить сердце, ведь ей уже некого было ждать. Теперь ей остался только мир воспоминаний, и в него она стремилась уйти, засыпать теплом былого огонь неумиряющего желания. Перед нею вдруг возникала толстая стена, через которую не проникали шушуканье соседок и сплетни, вдову не трогали все эти пересуды. В первые дни траура дона Флор страдала оттого, что ее желание видеть мужа рядом с собой было невыполнимо, и она понимала это. Понимала, что уже никогда больше его не увидит.

Под ругань доны Розилды и звуки далекой песни, раздававшейся в ее душе, дона Флор погружалась в воспоминания: в ту ночь она подошла к окну, как только услышала первые аккорды. Тело ее белело от побоев, на щеке алел кровавый рубец, сердце ныло от незаслуженной обиды и унижения. И вдруг она увидела Гуляку под фонарем с простертыми к ней руками. Узнала она и остальных: Каимми, голос которого нельзя было спутать ни с каким другим, Женнера Аугусто, выглядевшего при свете луны еще бледнее обычного, Карлиньо Маскареньяса, Эдгара Коко, доктора Валтера да Силвейра и Мирандона. А потом побежала за этой почти черной розой, которую сорвала накануне в саду тети Литы. Вся ее жизнь перевернулась, хотя она по-прежнему подчинялась железной воле доны Розилды. Словно эта музыка влила в нее новые силы, вселила мужество. Флор вдруг даже обрадовалась тому, что Гуляка оказался всего лишь мелким муниципальным служащим на жалкой должности, а то, что он неисправимый игрок, ее вовсе не трогало.

Мучимая бессонницей, дона Флор вспоминала эти лунные ночи, напоенные нежностью, пытаясь заглушить отчаяние, которое охватывало ее всякий раз, когда она вспоминала, что Гуляка никогда больше не споет для нее и ее не приласкает, не будет больше долгого ожидания по ночам, нарушаемого вдруг чудесной серенадой.

Бывало, он переходил всякие границы: несколько ночей не ночевал дома или же ставил ее в глупое положение

ние, как это случилось, когда они еще были новобрачными и он проиграл деньги, которые надо было внести за аренду дома, а ей ничего не сказал, и она получилась обманщицей в глазах хозяина. В таких случаях он искал примирения, поскольку доня Флор с ним не разговаривала, не замечала его, будто у нее вообще не было мужа. Гуляка вертелся вокруг нее, всячески заискивал и делал заманчивые предложения пойти куда-нибудь, приставал с ласками. Но, окопавшись в траншеях обиды, доня Флор стойко сопротивлялась.

Гуляка готов был на самые крупные жертвы: отправиться в кино, сопровождать дону Флор в гости к доне Маге или крестному отцу Эйтора — доктору Луису Энрике, которых уже давно надо было навестить. Или же приводил музыкантов под ее окно и пел серенаду, убаюкивая свою жену и будоража всю улицу. Правда, Доривала Каимми и доктора Валтера да Силвейра уже не было. Каимми переехал в Рио, где выступал на радио и записывался на пластинки, известные певцы исполняли его самбы и морские песенки. А доктор Валтер стал судьей в провинции и своей волшебной флейтой убаюкивал теперь собственных детишек — мальчишек и девочек, которых жена каждый год рожала ему по одному, а то и по двое. В наш легкомысленный век необдуманных поступков и сумасбродств редко встретишь человека, столь ревностно относящегося к своим обязанностям, как просвещенный судья.

Теперь же не стало и Гуляки. Увы! Не стало его голоса, его насмешливой улыбки, его ласковых рук, белокурых волос, его дерзких усов, никто уже не бредит рулеткой рядом с ней в постели. Даже мучительного ожидания не стало у доня Флор; чего бы она сейчас не отдала за то, чтобы снова страдать, ожидая мужа, с тревогой прислушиваться в ночной тишине к его нетвердым, пьяным шагам!

Уговоры доня Нормы, пытавшейся по дороге образумить дону Розилду, ни к чему не привели.

— Чем меньше напоминать ей о Гуляке, тем скорее она его забудет. Она очень страдает, не стоит говорить в ее присутствии о его недостатках и пороках! Зачем досаждать бедняжке?!

Все оказалось напрасным. У доня Розилды были свои планы: она считала, что слезы, которых покойный не заслужил, можно остановить, если поносить его последними словами. Она и раньше твердила, что смерть

Гуляки может только обрадовать, но не огорчить. И по приезде еще раз высказала свое мнение чуть не на всю улицу: ей плевать было, что кто-нибудь ее услышит.

Утешения доны Нормы, впрочем, тоже не очень помогли: дона Флор не могла забыть дурных поступков и пороков своего мужа, но тем более блаженных часов, проведенных с ним, его ласки и безумные слова, его выносливость в любви и его слабость, когда он искал забвения у нее на груди и находил его в нежности доны Флор.

Дона Флор испытывала мучительное, почти физическое страдание и полное безразличие ко всему на свете. Повседневными заботами пыталась она заполнить внутреннюю пустоту, сдерживать горькие слезы, чтобы как-то жить дальше. На седьмой день после панихиды занятия в кулинарной школе возобновились. Поначалу ученицы набегали, как это было у них принято, шутить, дружески посмеиваясь друг над другом у горячей плиты. Но выдержали не более двух-трех дней, а потом вернулась обычная веселая атмосфера, против чего не возражала и сама дона Флор; это помогало ей отвлечься от печальных мыслей.

Не пришла на занятия только маленькая Иеда с кошачьим личиком, подтвердив тем самым подозрения доны Флор. Боялась ли она встречи с доной Флор или дома, опустевшего без Гуляки, его веселого смеха и дерзких проделок?

Напрасно, потому что дона Флор теперь ничего не имела против Иеды: ей ни к чему было что-то выяснять, ссориться и тем более кого-то в чем-то обвинять. Она хотела бы знать только одно: не беременна ли обманщица и не носит ли она под сердцем ребенка Гуляки?

У самой доны Флор, и она знала об этом, детей быть не могло. Доктор Лоурдес Бургес объяснил ей, в чем дело, а доктор Жаир, подтвердив диагноз, предложил сделать несложную операцию. Однако дона Флор отклонила это предложение, поскольку доктор Жаир не мог гарантировать полный успех операции. Вот почему в изменах мужа ее больше всего беспокоила опасность появления внебрачного ребенка.

Доне Флор так и не удалось выяснить, хотел ли ребенка Гуляка. Может быть, страх, что ей придется делать операцию, помешал более откровенному разговору? Кто знает... Правда, дона Флор не раз спрашивала мужа:

— Ты не очень страдаешь оттого, что у нас нет детей?

Но Гуляка, может быть, знал, что она бесплодна и боится операции, а поэтому скрывал свое желание иметь белокурую кудрявую девочку, похожую на него, или черноволосого, с бронзовой кожей мальчика, похожего на дону Флор. Как-то раз, когда он стал восхищаться толстым, розовощекиим бутузом на календаре, победителем конкурса на самого здорового ребенка, дона Флор снова коснулась волновавшего ее вопроса:

— Если тебе очень хочется ребенка, я сделаю операцию. Доктор Жаир говорит, что возможен благоприятный исход. Но гарантировать он не может...

Гуляка слушал ее рассеянно, занятый своими мыслями, и ответил не сразу. Доне Флор пришлось повысить голос, чтобы вывести его из задумчивости.

— Не получится так не получится... По крайней мере тогда никто не посмеет сказать, что ты хотел ребенка, а я не сделала все от меня зависящее... Я справлюсь со своим страхом, стоит только тебе сказать...— Она вдруг варыдала.

Гуляка не выносил, когда она плакала, и, нежно проведя ладонью по ее расстроенному личику, улыбнулся.

— Какая же ты у меня дурочка... Неужели тебе хочется, чтобы тебя искромсали? Оставь эту затею, я не позволю, чтобы ты себя уродовала. И не смей больше говорить ни о каком ребенке.

Желая покончить с этим разговором, он обнял ее, но так и не сказал, хочет ли ребенка, которого она не могла ему родить и которого он так легко мог подарить любовью другой женщине. Гуляка ласками заставил забыть то, что ее так волновало.

Но он любил детей... Очень любил!.. Дети, завидев его, бросали игрушки и мчались ему навстречу. Когда он играл с детьми, сам словно становился их ровесником и никогда не раздражался. Мирандон пригласил Гуляку и дону Флор быть крестными родителями младшего из четырех своих сыновей, и тот, едва подрос, без памяти полюбил своего крестного: при виде его малыш разевал свой большой, как у лягушки, рот, махал ручонками и, вырываясь от матери, тянулся к Гуляке. Они играли часами: Гуляка подражал крикам диких зверей, прыгал, как кенгуру, смеялся. Как мог не хотеть ребенка тот, кто так любил детей? Однако Гуляка никогда не признавался в этом жене, очевидно боясь рокового исхода операции.

Сейчас дона Флор, лежа на своей вдовой постели, чувствует угрызение совести. В конце концов можно было рискнуть, невзирая на пессимизм обоих врачей. Но она, наверное, поддалась влиянию доньи Гизы, мнение которой разделяли многие соседи и даже дядька с теткой. Дона Гиза авторитетным тоном изложила теорию наследственности, чтобы утешить бесплодную женщину. Даже тетя Лита, всегда такая добрая, не раз говорила ей:

— Нет худа без добра, доченька. Ты могла бы родить мальчика, такого же безобразника, как Гуляка. Подумай об этом! Господь ведаёт, что творит...

Талес Порто поддакнул жене:

— Лита права. Чтобы жить счастливо, совсем не обязательно заводить детей. Посмотри на нас, а ведь у нас никогда не было детей...

Они и в самом деле любили друг друга и были счастливы: Порто со своими пейзажами, а донья Лита со своими цветами и старым, толстым котом, которого она баловала, как единственного ребенка.

Многие думали так же и старались утешить донью Флор теми же доводами. А донья Флор находила в этих утешениях оправдание своему страху перед операцией и, если уж говорить откровенно, своему эгоизму.

И вот сейчас, слушая ехидный голос доньи Розилды и вспоминая ту нежную, далекую серенаду, она призналась себе, что не в страхе перед операцией было дело. Если бы она так же, как Гуляка, хотела ребенка, который наполнит дом шумом и смехом, она, наверное, нашла бы в себе силы лечь в больницу. Но она жила только мужем, только его хотела видеть в доме: для нее он был большим ребенком, заменял ей сына.

Дона Норма возражала донье Розилде:

— Ей надо забыться, это для нее сейчас самое лучшее. Она молода, еще сможет заново устроить свою жизнь...

— Она по собственной воле вышла замуж за этого негодяя... — раздавался голос доньи Розилды.

— Пусть он никуда не годится, но к чему все время поносить его, тревожить покойника? Мы должны подумать о Флор, отвлечь бедняжку от ее печальных воспоминаний. Правда, она возобновила занятия в школе, но этого мало, нужно, чтобы она чаще выходила, развлекалась... — Ворчание доньи Розилды снова заглушил голос доброй доньи Нормы:

— Если б у нее хоть был ребенок...

Дона Флор услышала это. Да, тогда ей было бы намного легче... Не так одиноко и пусто и хоть какой-то интерес в жизни. Дона Розилда между тем не скупилась на проклятия зятю: он и такой, и сякой, и негодяй, и проходимец. И дона Флор заткнула уши, чтобы не слышать ничего, кроме той серенады, одна на железной кровати, без мужа и без ребенка, который мог бы утешить ее.

За семь лет, прожитые с Гулякой, больше всего ее испугал слух о том, что мулатка Дионизия, жившая недалеко от Террейро, якобы родила Гуляке сына. Дона Флор всегда боялась женщин, которые, родив от ее мужа, уведут его с собой. Стоило ей услышать об очередном походе Гуляки, узнать, что роман слишком затянулся, сердце ее сжималось от страха, она уже видела, как ребенок соперницы тянет ручки к ее мужу.

Женщин она не боялась, хотя и ревновала. «Это просто так, для развлечения», — Гуляка не оправдывался, просто давал понять, что бояться ей нечего. А если все же появится ребенок? С ним бороться будет невозможно, и никакой надежды у нее не останется. Дона Флор прямо обезумела, когда дона Динора — и откуда только она обо всем узнавала? — с извинениями сообщила имя любовницы Гуляки и подробности их связи, вплоть до самых интимных. Какой ужас! Неужели на свет появится ребенок, которого она не могла, а возможно, и не хотела родить?

Представьте же себе состояние доны Флор, когда в один прекрасный день дона Динора рассказала ей, что Дионизия уже родила. Мулатка, слывшая красавицей, была натурщицей (один художник назвал общественному мнению изобразил ее в костюме королевы) и в то же время лучшим украшением чрезвычайно демократического и широко известного заведения Лусианы Паки в самом многолюдном районе.

Дона Динора руководствовалась лишь добрыми чувствами и отнюдь не намеревалась строить козни, она была не из таких. Ей этого совсем не хотелось, но она считала себя обязанной выполнить свой долг перед подругой, чтобы дона Флор, такая добрая и порядочная, не оставалась в неведении, пока другие смеются у нее за спиной.

— Эта шлюха родила от него...

Она не стала употреблять более сильное выражение. Дона Динора была очень деликатна и ужасно боялась

оскорбить кого бы то ни было, даже пропащую, беспутную женщину, родившую от чужого мужа. «Я не интриганка и зла никому не желаю», — уверяла дона Динора, и находились такие, что ей верили.

Замолкли последние аккорды серенады и голоса певцов, исчезла черная роза. Дона Флор вздрагивает, лежа на своей вдовой кровати и вспоминая те тревожные дни, когда она приняла твердое решение: ни за что не упускать Гуляку, сохранить его для себя, такого, какой он есть — игрока и бабника. И она ему доказала, что способна на это.

16

Ясным и прохладным июньским утром две женщины вышли из церкви святого Франсиска после мессы и, решительным шагом перейдя через площадь Террейроде-Жезус, направились к лабиринту старинных узких улочек Пелоуриньо. Мальчишки напевали рискованную самбу, отбивая ритм по пустым консервным банкам.

Дона Норма, обращаясь к спутнице, проворчала:

— Почему эти молокососы не обратят внимания на зады своих матерей?

Возможно, это было простое совпадение и мальчишек вдохновили вовсе не ее пышные телеса, однако дона Норма на всякий случай бросила на нахалов строгий взгляд, который тут же смягчился, унавав на чумазого малыша лет трех, одетого в лохмотья: он танцевал самбу в центре хоровода.

— Посмотри, Флор, какая прелесть, до чего ж хорош этот дьяволенок...

Дона Флор взглянула на ватагу оборванных детей. Некоторые из них толклись на оживленной площади среди бродячих фотографов или торговцев фруктами, норовя украсть из их корзины апельсины, лимоны, мандарины. Другие аплодировали человеку, продававшему чудодейственные лекарства, который расхаживал со змеёй на шее, обвинявшей наподобие отвратительного галстука. Третьи кланчили милостыню у церквей, налетая на богатых прихожан, либо перебрасывались шуточками с сонными девицами, еще совсем молоденькими, бродившими по скверу в ожидании утренних клиентов. Все эти пострелята появились на свет от случайных связей, у

них не было ни отца, ни крыши над головой. Они жили беспризорными, носились по переулкам и в будущем, вероятно став карманными воришками, познакомятся с коридорами полицейских участков.

Дона Флор вздрогнула. Она пришла сюда взять малыща, только что родившегося, который ничего не будет знать о своем происхождении. При виде ребятишек, бегающих по площади Террейро, сердце ее преисполнилось жалости: сейчас она усыновила бы их всех, а не только ребенка Гуляки. Впрочем, Гуляка и без нее позаботился бы о своем сыне, никогда бы его не бросил на произвол судьбы, не такой он был человек, чтобы оставить ребенка без помощи, тем более своего родного, плоть от плоти. Он не стал бы отказываться от отцовства, а с гордостью, во всеуслышание объявил бы о нем.

Дона Флор никогда в этом не сомневалась, хотя муж не сказал ей на этот счет ни слова. Но дона Флор знала, знала наверняка, что ребенок для него был бы самой большой удачей, самым большим выигрышем, самой крупной ставкой. Поэтому ее так встревожило известие, принесенное доной Динорой. Ведь Гуляка и без того почти не принадлежал ей из-за своего пристрастия к игре и веселой жизни. Что же ей останется, если между ними к тому же встанет ребенок, тянущий ручки к своему отцу? Тот самый ребенок, которого она не смогла ему дать.

Сообщение доны Диноры повергло дону Флор в отчаяние. Даже дона Норма ничего не могла посоветовать. Всегда решительная и собранная, она не находила выхода из создавшегося положения и чувствовала себя растерянной.

— А почему бы тебе не сказать, что ты беременна? — Умнее она ничего не могла придумать.

— Ну и что дальше? Потом он узнает правду и будет еще хуже...

Соломоново решение приняла дона Гиза — оно было не только достойным и практическим, но и помогало справиться с другими проблемами. Дона Гиза была докой в вопросах психологии и метафизики. Сам профессор Эпаминондас Соуза Пинто почтительно снимал перед ней шляпу. «Весьма эрудированная женщина», — говорил он, а ведь профессор никогда не ошибался в расстановке знаков препинания и бесплатно корректировал еженедельник Пауло Насифе, издававшийся небольшим тиражом, но процветавший за счет объявлений.

Когда огорченная дона Флор и растерявшаяся дона Норма ввели в курс дону Гизу, та сразу же нашла выход. На своем отвратительном португальском языке она объявила, что, если Гуляка так хотел ребенка, что не побрезговал проституткой, поскольку дона Флор бесплодна, если дона Флор боится из-за этого ребенка, родившегося от другой, навсегда потерять Гуляку, чтобы сохранить мужа, ей остается только одно: принести домой этого незаконнорожденного отпрыска Гуляки и стать для него матерью.

Но в чем дело? Почему так раскричалась дона Флор, ругаясь, как американская миллионерша — сравнение принадлежало доне Гизе, которая была поражена реакцией соседки, — и клянясь, что этого никогда не случится и что она ни за что не возьмет себе ребенка другой женщины, особенно потаскухи?.. К чему этот скандал? Ведь Бразилия, по мнению американки, тем и отличается от других стран, что здесь все относятся друг к другу с сочувствием и пониманием. Замужние женщины воспитывают внебрачных детей своих мужей. Она сама знает несколько таких случаев в бедных и богатых семьях. Разве соседка дона Абигайл не воспитывает дочку своего мужа от какой-то женщины с такой же любовью, с какой воспитывает собственных четырех детей? Просто замечательно! Этим-то и понравилась Бразилия доне Гизе, поэтому-то она и приняла бразильское подданство.

Чем виноват ребенок, какой грех он совершил? Как можно оставить бедного малыша, плоть и кровь ее мужа, Гуляки, обреченным на лишения и голод, среди нищеты и пороков, не дать ему образования и других жизненных благ? К тому же разве не боится дона Флор — и не без оснований, — что Гуляка останется с матерью ребенка, чтобы быть ближе к сыну? Но если дона Флор возьмет этого ребенка к себе, чтобы воспитывать его как родного, разве не будет это самым убедительным доказательством ее любви к мужу? Ребенок, рожденный другой женщиной, навсегда свяжет Гуляку и Флор, и тогда исчезнут все ее страхи и опасения.

А если благодаря заботам доны Флор в доме будет расти здоровый, красивый ребенок, который станет для Гуляки источником постоянной радости, кто знает, может быть, это пробудит в нем ответственность, заставит его изменить образ жизни, взяться за ум и устыдиться прошлого, раз и навсегда оставив игру и женщин? Впол-

не возможно, что так и будет, примеров тому более чем достаточно.

Вдохновившись этой идеей — «до чего ж хитра гринга!» — доня Норма поддержала дону Гизу. Она так и посыпала примерами. Взять хотя бы азартного игрока и пьяницу доктора Сисеро Араужо из Санто-Амаро-да-Пурификасан. Бедная его жена, доня Пекена, совсем с ним измучилась. Но когда она родила ребенка, доктор Сисеро превратился в самого примерного мужа. А сеу Мануэл Лима, без ума влюбившийся в женщину легкого поведения... Хотя он, по правде говоря, не очень хотел ребенка, но исправился, как только вступил в брак: и не было супруга вернее его...

Одним словом, доня Гиза считала, что ребенок, в котором доня Флор видела такую угрозу своему домашнему очагу, может, будто по мановению волшебной палочки, стать ее оплотом, гарантией любви Гуляки к жене и его перевоспитания. Правда, подумала про себя доня Гиза, этот новый Гуляка лишится своего обаяния, своей загадочности и своего грубоватого остроумия.

У донь Флор словно пелена с глаз упала. Лицо ее осветилось радостью, и со словами благодарности она бросилась в объятия подруги. Они разработали подробный план действий. А это было совсем не просто. Без поддержки донь Нормы вряд ли доня Флор нашла бы в себе достаточно мужества, чтобы отправиться в квартал, где обитали падшие женщины и «самый низменный разврат», как выражались репортеры уголовной хроники, на поиски Дионизии, чтобы отобрать у нее новорожденного и усыновить его по всей форме в нотариальной конторе с соответствующими записями и свидетелями. Доня Норма, побуждаемая самыми дружескими чувствами, сразу же предложила сопровождать подругу. К тому же ей уже давно хотелось взглянуть на этот квартал и его обитательниц, а случая удовлетворить любопытство до сих пор не подворачивалось.

— Не могу же я отпустить бедняжку Флор одну в это логово! — урезонивала она Зе Сампайо, когда тот, пораженный до крайности, пытался ее отговорить.

— Я уже не девчонка, а взрослая, почтенная дама, никто не осмелится ко мне пристать. — И доня Норма посвятила в свои планы Зе Сампайо, который больше не сопротивлялся энергичной супруге: — Мы отправимся туда завтра утром. Я пойду якобы для того, чтобы на-

вестить своего крестника, внука Жоана Алвеса, а потом попрошу Жоана, чтобы он отвел нас к этой особе. Жоан же, как тебе известно, мастер капоэйры¹.

Так они и сделали. В воскресенье после мессы в церкви святого Франсиска, где дон Флор поставила украшенную цветами свечу, чтобы все сошло хорошо, они пересекли площадь Террейро и разыскали негра Жоана Алвеса, чистильщика обуви, на тротуаре рядом со зданием медицинского факультета. Вокруг него толпились ребятишки, и все они — и курчавый негритенок, и мулаты, и светлые блондины — называли его дедушкой. Они, как и еще очень многие дети, бегающие по узким и кривым улочкам между Террейро-де-Жезус и Байшадос-Сапатейрос, были его крестниками. У негра Жоана Алвеса никогда не было детей ни от жены, ни от других женщин, но он добывал своим крестникам крестных матерей, еду, старую одежду и даже буквари. Жил он в подвале тут же поблизости вместе с несколькими крестниками. Этот свирепый на вид старик, бранчливый и вздорный, слыл колдуном. Из своего подвала, откуда открывался вид на зеленую долину, негр Жоан Алвес как бы распоряжался красками и светом Бани.

— Кого я вижу! Да благословит вас господь, кума дон Норм... А как поживает сеу Зе Сампайо? Передайте ему, что я на днях зайду в его магазин купить для ребят несколько пар обуви...

Мальчишки окружили подошедших женщин. В руках дон Нормы появился кулек с карамелью. Жоан Алвес свистнул, сразу подбежало еще несколько пострелят и среди них мулатик лет четырех-пяти. Негр погладил его по голове:

— Попроси благословения у своей крестной матери, негодник...

Дона Норма благословила мальчика и дала ему монетку. Негр поинтересовался, каким добрым ветром занесло сюда куму.

— Видите ли, кум, я хочу попросить вас об одной услуге в очень деликатном деле.

— Деликатное дело не для меня, я ведь, как вы знаете, человек грубый...

— Я хочу сказать, это дело должно остаться в строгой тайне.

¹ Капоэйра — борьба, в которой допускаются удары погам, головой и даже пальцой.

— Что верно, то верно, я не болтун и не сплетник. Можете говорить, кума.

— Вы, кум, не знаете некой Дионизии? Говорят, она живет где-то здесь.

— И у вашей милости есть к ней дело?

— У меня лично нет, кум. А вот у моей подруги...

Жоан Алвес окинул дону Флор взглядом с головы до ног.

— Дело к Дионизии Ошосси?

— Наверное, к ней... Я слышала, она очень хорошенькая.

Жоан Алвес почесал свою поросшую жесткими, курчавыми волосами голову.

— Хорошенькая? Вы меня извините, кума, но вам следует выбирать выражения. Хорошенькой можно назвать белую, но не мулатку, да еще такую, как Дионизия. Таких красоток, как она, во всем мире, я думаю, найдется не больше полудюжины, и то надо еще поискать.

— У нее недавно родился ребенок...

— Тогда это она, она недавно родила и еще не вернулась к своему занятию...

Дона Флор наконец открыла рот, поинтересовавшись:

— А чем она занимается?

Жоан Алвес снова смерил ее взглядом, но на сей раз с некоторым презрением, явно пораженный ее невежеством:

— Она проститутка, сеньора, это ее занятие.

Дона Норма не хотела отвлекаться от главного:

— И вы, кум, водите с ней дружбу, знаете, где она живет?

— А почему бы мне с ней не дружить, кума? А живет она совсем рядом, на Масигале.

— Отведите нас туда, кум, моя подруга хочет потолковать с ней об одном деле...

Жоан Алвес еще раз пристально посмотрел на дону Флор и почесал голову, будто что-то в этих словах показалось ему подозрительным и не внушающим доверия.

— А почему бы ей не пойти туда одной, кума? Я покажу дом, где живет Дионизия.

— Будьте рыцарем, кум. Неужели вы допустите, чтобы женщины одни ходили по этому кварталу? А вдруг к нам пристанет какой-нибудь нахал...

Благородство Жоана Алвеса было общеизвестно.

— Ну что ж, я провожу вас, но ручаюсь, никто не позволит себе по отношению к вам никакой выходки, у нас этого не водится...

Он встал и поручил своим крестникам присматривать за ящиком и щетками. Это был стройный, крепкий негр лет пятидесяти с лишним, его курчавые волосы уже начали седеть. На шее он носил ожерелье божества Ориша, красные и белые четки божества Шанго. Только морщины под глазами говорили о его пристрастии к кашасе. Поднявшись, Жоан поинтересовался:

— А что за дело к Дно у это девицы? — В последнем слове прозвучала насмешка.

— Ничего плохого, кум...

— А иначе при всем уважении к вам, кума, я с вами не пойду... Да это ни к чему и не приведет: ее святой всемогущ.— Он коснулся земли кончиками пальцев, приветствуя божество.— Окэ аро Ошосси! Ничто не может причинить ей зло, и любое колдовство обернется против того, кто его затевает...

— Когда вы меня сведете на макумбу, кум? Я очень хочу побывать на кандомбле...

Так, беседуя, они вошли в квартал, где жила Дионизия. Поскольку было воскресенье и субботний кутеж продолжался до рассвета, улицы были пусты. Лишь у немногих дверей сидели женщины, но и они скорее наслаждались погожим утром, чем поджидали мужчин. Тишь и благодать царили вокруг.

Дона Норма почувствовала разочарование — неинтересное время выбрали они для своего визита. Сейчас этот квартал ничем не отличался от тех, где живут самые добродетельные люди. К тому же дом Дионизии находился в начале улицы.

Когда они поднимались вверх по шатким ступеням, мимо них в темноте шмыгнула огромная крыса. Отовсюду слышались голоса, кто-то тихо напевал грустную песню. На площадке четвертого этажа до них донесся запах лаванды, курящейся в глиняных сосудах,— верный знак того, что в доме новорожденный. Они пошли по коридору и остановились у одной из дверей.

Жоан Алвес постучал костяшками пальцев.

— Кто там? — откликнулся тихий, спокойный голос.

— С миром, Дно... Это я, Жоан Алвес. Тут со мной две сеньоры, они хотят с тобой поговорить. Одну из них я знаю, это моя кума Норма, достойная женщина...

— Так извините и извините за беспорядок, я еще не успела убрать...

Женщины вошли вслед за негром. В тесной комнатке стояла двухспальная кровать, покосившийся шкаф, железный умывальник с эмалированным тазом и ведром. Все сияло чистотой. На стене висело зеркало с трепачной и гравюрой, изображающая святого Бенфина, украшенная лентами. Через окно, выходящее во двор, лился солнечный свет вместе с грустной песенкой. Облокотившись на подушки, до половины прикрытая простыней, мулатка Дионизия приветливо улыбалась неожиданным гостям. Декольте ее кружевного пеньюара обнажало пышную грудь, к которой она прижимала спящего младенца — крупного и очень смуглого. В сосуде под стулом курилась лаванда, и ее ароматом пронитывалась одежда новорожденного, положенная на плетеное сиденье. Два ящика из-под керосина, покрытые шелковистой бумагой, заменяли табуретки. В заднем углу комнаты были развешаны лук и стрелы Оносси, изображение Георгия-победоносца, поражающего дракона, зеленый камень — вероятно, фетиш Иеманжи, четки из бирюзы.

— Сеу Жоан, — сказала мулатка своим спокойным голосом, — сделайте милость, снимите со стула детские вещи и положите в шкаф: я приготовила их, чтобы переодеть малыша после купания. Дайте стул этой девушке... — Она указала на дону Норму и, повернувшись затем к доне Флор, сказала с улыбкой: — А сеньора, что помоложе, пусть меня извинит, ей придется сесть на ящик.

Продолжая оставаться в кровати, она следила, как чистильщик выполняет ее распоряжения. Невозмутимо улыбающаяся, Дионизия не выказывала ни малейшего любопытства по поводу появления непрошенных гостей. Теперь было понятно, почему художник Карибэ изобразил ее в costume королевы на троне афаше.

Опередив негра, дону Норма взяла распахонку и пеленки и открыла шкаф, чтобы заодно выяснить, сколько у мулатки платьев, блузок, туфель и сандалий.

— Возьмите ящик и для себя, сеу Жоан, и садитесь.

— Я постойю, Дио, мне и так хорошо.

— Лучше разговаривать сидя и не спеша, сеу Жоан, стоя труднее договориться.

Негр, однако, предпочел встать у подоконника, заслонив собой ослепительно сияющее солнце. В комнату лилась грустная песенка:

Я в страстях — как в цепях,
я рабыня твой,
господин!

Когда дона Норма и дона Флор уселись, наступила короткая пауза. Дионизия своим приятным голосом первая нарушила молчание. Она заговорила о том, какой сегодня прекрасный день, и пожалела, что не может еще выходить на улицу:

— Трудно оставаться дома, когда умытое дождем солнышко еще радостнее сияет в листве...

Дона Норма согласилась с ней, и они стали мирно беседовать о солнце, о дожде, о лунных ночах в Итапоа, в Кабуле и неизвестно, каким образом добрались до Ресифе, где жила сестра доны Нормы, вышедшая замуж за тамошнего инженера, и где Дюо пробыла несколько месяцев.

— Больше полугода я таскалась повсюду с одним типом, который скрывался от полиции. Этот сумасброд вскружил мне голову, а потом бросил меня в Ресифе...

Они б, наверное, долго еще говорили, ибо обе любили поболтать, если бы дона Флор, услышав звон церковных колоколов, оповещавший, что наступил полдень, не встревожилась, прервав их оживленную беседу:

— Мы очень задержались, Норминья...

— Не беспокойтесь, мне очень приятно поговорить с вами...— сказала Дионизия.

— В следующий раз мы посидим подольше,— пообещала дона Норма.— А сегодня мы зашли по делу...

— Я к вашим услугам.

— У моей подруги, доны Флор, нет детей, она не может рожать, и, к сожалению, это неизлечимо.

— Знаю, это бывает, но Марилдес, одна моя знакомая, вылечилась.

— У Флор ничего не получится, врач сказал.

— Врач?! — Дионизия расхохоталась.— Врачи только и умеют, что красиво говорить да неразборчиво писать. Если барышня обратится к Пайзиньо, он ей в два счета поможет. Как, по-вашему, сеу Жоан?

Жоан Алвес поддержал ее:

— Пайзиньо сделает пассы над ее животом, и дети пойдут каждый год.

Однако дона Флор пренебрегла этим советом обратиться к знахарю, хотя тот и пользовался отличной репутацией. Она бросила взгляд на спящего младенца. Не лучше ли сразу объясниться начистоту, узнать,

действительно ли это сын Гуляки. Ребенок, такой чернокожий, совсем не похож на него. Дона Флор предпочла сразу приступить к самой неприятной части переговоров и, как все робкие люди, слишком громко и решительно сказала:

— Я пришла к вам по очень серьезному делу, хочу кое-что предложить и выяснить, не придем ли мы к соглашению.

— Так говорите, барышня, я внимательно вас слушаю.

— Мальчик...— начала дона Флор и тут же смолкла, не зная, как продолжать.

Дона Норма пришла ей на помощь:

— У вас ребенок родился всего несколько дней назад?

Дионизия взглянула на сына и улыбнулась в подтверждение.

— Так вот, моя подруга хочет узнать... Она, видите ли, дала обет, когда была при смерти, что ее первенец станет священником, если святой Бонфин ей поможет и она выживет.— Дона Норма говорила не спеша: эта история, придуманная ею накануне, ей самой не очень нравилась.— И вот бог внял ее молитвам, и она выздоровела каким-то чудом.

Мулатка слушала с любопытством, стараясь уловить связь между болезнью этой девушки, чудом святого Бонфина и ее ребенком. Дона Норма заторопилась, желая поскорее миновать щекотливую тему.

— Но разве можно выполнить такой обет, не имея ребенка? И тогда она решила усыновить чужого, воспитать его, а потом отдать учиться в семинарию. Она узнала о вашем сыне и выбрала его...

Польщенная Дионизия мягко улыбнулась, и дона Норма, поняв эту улыбку как знак согласия, пояснила:

— Она хочет усыновить вашего ребенка, оформив нужный документ в нотариальной конторе. Словом, взять его насовсем и воспитать как сына.

Дионизия молчала, прикрыв глаза. Слушала ли она дону Норму или доносившуюся издали песню?

Я хотел бы
в объятьях твоих умереть!
Лучше мне умереть,
чем терпеть.

— Лучше умереть,— прошептала она, и, когда снова открыла глаза, от прежней ее сердечности не осталось и следа: взгляд стал холодным, у рта залегли горькие

складки.— А почему?..— тихо спросила Дионизия.— Почему она выбрала моего ребенка? Почему именно его?

«Должно быть, мы причиняем ей невыносимое страдание,— подумала доня Норма.— Какая мать захочет расстаться со своим ребенком? Даже самая бедная, прозябающая в нищете, предпочтет, чтобы ей разорвали сердце».

— Кто-то сказал, что ваш ребенок здоровый и красивый... И что у вас нет средств его воспитывать...

Если бы это делалось не ради блага ребенка, если бы речь шла не о сыне Гуляки, доня Норма ни за что бы не выступила в роли посредницы и ни к кому не обратилась бы с подобным предложением. Она с трудом выдавливала из себя слова. Но действительно ли это сын Гуляки? Не следует забывать о ремесле Дионизии. Мальчик еще темнее матери, а где же белокурые волосы Гуляки? Доня Норма сделала еще одно усилие над собой: намекнула, что мальчик в новой семье не будет знать нужды.

— У вас здесь полно ребятешек, да и у моего кума Жоана Алвеса крестников хоть отбавляй, я сама крестила одного из них. И все они голодают, живут в грязи, просят милостыню, даже воруют... Моя подруга не миллионерша, но достаточно обеспечена, чтобы бедняжка не голодал, не попал в тюрьму, учился на священника и ходил в церковь...

Будто разгадав вдруг намерения доня Нормы, младенец проснулся и заплакал. Дионизия высвободила грудь и, устроив ребенка поудобнее, стала его кормить. Она слушала гостью молча, как бы взвешивая все ее доводы: мальчика окружат комфортом и лаской, он ни в чем не узнает недостатка. Конечно, матери тяжело расстаться с сыном, но только эгоистка обречет свое дитя на голод и нищету. Доня Флор добрейшей души женщина, лучше ее трудно найти.

Дионизия теснее прижала грудь к губкам уже сытого ребенка. Повернувшись к окну, где стоял Жоан Алвес, она заговорила, обращаясь к нему, будто женщины не стояли того, чтобы им отвечать:

— Видите, сеу Жоан, как обращаются с бедняками? Эта вот,— она кивком указала на дону Флор,— сама не может рожать, так разузнала, что Дионизия Ошосси, у которой здоровья больше, чем денег, родила сынишку, и сказала своей подруге: «Пойдем с ней потолкуем... Эта чумазая еще будет нас благодарить»...

Дона Норма попыталась ее прервать!

— Нет-нет, вы к нам несправедливы...

Голос мулатки звучал то ваволиованно, то равнодушно, в нем слышалась горечь:

— Но у нее не хватило мужества пойти одной, и она попросила твою куму помочь ей уговорить меня. Ребенок Дио большой и красивый, из него получится отличный падре, а мать нищая и отдаст его без слова, да еще будет довольна, что набавилась. А если не отдаст, значит, она негодяйка и настоящая шлюха. Приблизительно в таком духе она мне тут толковала, вы сами слышали, сеу Жоан. Она думает, что у бедняков нет сердца, что раз я веду эту ужасную жизнь, то не имею права воспитывать своих детей...

Дона Норма снова попыталась остановить ее:

— Не говорите так...

Мальчик перестал сосать, и Дионизия встала с постели, держа его на руках, выпрямившись во весь свой величественный рост; красивая и в ярости, она действительно смотрела королевой. Продолжая говорить, мулатка неторопливо занималась ребенком, выкупала его в эмалированном тазу, перепеленала, посыпала тальком и одела в надущенную лавандой распашонку.

— Но они ошиблись адресом, я из тех женщин, которые способны воспитать своих детей так, чтобы люди их уважали, и мне не нужна чужая милость. Пусть он не станет падре, пусть даже станет вором, все может случиться, но воспитывать его буду я сама и так, как сочту нужным. Он станет вожаком нашего квартала, с ним никто не посмеет шутить, и я не отдам его богачке, которая даже родить не смогла...

Она ласково улыбнулась ребенку и сказала ему:

— А главное, у тебя есть отец, который о тебе позаботится.

Вот тут-то Флор и взорвалась. Неожиданно расхрабрившись, она отчаянно закричала:

— Только его отец — мой муж... Ваш ребенок мне не нужен, я хочу получить ребенка своего мужа... Вы не имели права заводить от него ребенка, вы спутались с ним, это ваше дело, но право на ребенка моего мужа имею только я...

Дионизия пошатнулась, будто ее ударили в лицо:

— Вы хотите сказать, что вы замужем за ним?.. Неужели это правда?

Облегчив этой вспышкой свою исстрадавшуюся душу,

дона Флор снова сникла и безнадежным тоном проговорила:

— Да, замужем уже три года... Извините меня, но только поэтому я и решила воспитывать ребенка, раз уж сама не могу родить... Но теперь я вижу, что вы правы, сеньора, воспитывать мальчика должна его мать... Да и какой толк был бы от моего воспитания? Я пришла потому, что слишком люблю своего мужа и боялась, что он бросит меня и уйдет к ребенку. Все остальное ложь. Но после того как я вас увидела, я поняла, что — с сыном или без сына — он никогда не оставит вас, сеньора...

— Никакая я не сеньора, но клянусь здоровьем моего сына, если бы я знала, что Валдомиро женат, я не стала бы заводить от него ребенка и поддерживать с ним отношения. А ведь я собиралась бросить свое ремесло, построить домишко и жить с ним, как с мужем...

Она заканчивала одевать ребенка. Дона Норма подобрала полотенце, атмосфера в комнате несколько разрядилась.

— Клянусь, что Валдомиро — мой муж, — прошептала дона Флор, — это всем известно...

— Он никогда мне ничего подобного не говорил... — Дио взяла распашонку из рук донь Нормы и положила ребенка на кровать. — Почему? Зачем ему было меня обманывать? — Она задумалась, уже совсем успокоившись, и обратилась к доне Флор очень вежливо, даже уважительно. — Вы говорите, все знают о вашем браке, не так ли, сеньора?.. Может быть... Но почему мне никто не сказал об этом раньше? Я ведь знакома со всеми его близкими, даже с матерью...

— С матерью? Но у него нет матери, она умерла...

— Как умерла? Я знакома и с ней и с его бабушкой... Знаю его брата, Роке, столяра...

— Тогда это не мой Валдомиро!.. — обрадовалась дона Флор, весело рассмеявшись. — О, как это замечательно!.. Норминья, это же другой Валдомиро! Я готова заплакать от радости...

Дионизия Опосси, оставив ребенка на постели, закружилась в каком-то ритуальном танце. Она увлекла за собой Жоана Алвеса, не переставая благодарить свое божество: «Окэ, отец мой Опосси, аро окэ!»

— Это другой Валдомиро, мой Валдомиро не женат, у него только одна женщина — Дионизия, его мулатка Дио...

Внезапно она остановилась, взглянув на дону Флор, донна Норма взяла мальчика на руки и стала его баюкать.

— Значит, наши мужья тезки? И мой без ума от...— Она осеклась, не закончив фразы.

— ...от рулетки. Мой тоже,— закончила донна Флор.

— И вам сказали, что у меня сын от вашего мужа... Какие злые языки...

Дверь открылась, и на пороге появился плотный молодой негр, сияющий ослепительной белозубой улыбкой, с плутовским огоньком в глазах.

— День добрый...

Все еще танцуя, к нему приблизилась Дионизия. Он здесь, рядом с ней, значит, долой все страхи и сомнения. Протянув руки к донне Норме, она взяла у нее ребенка и передала его отцу.

— Вот он, мой Гуляка, шофер грузовика, отец моего сына.— И, показав на дону Норму и дону Флор, сказала:— Это кума сеу Жоана, а вторая, знаешь кто?

— Откуда мне знать?

— Жена другого Валдомиро...

— Моего тезки?

— Именно... Она думала, что ребенок у меня от ее мужа, и хотела взять его на воспитание, сделать из нашего малыша падре.— Она рассмеялась своим заразительным смехом и уже совсем спокойно продолжала:— Как вас зовут? Флор? Вот вы и будете крестной моего сына... Если хотите, я подыщу вам ребенка, своего я не отдам, он у меня один, но я могу найти то, что вам нужно...

— Будете моей кумой, донна Флор,— сказал шофер грузовика.

Дионизия передала малыша донне Флор. Птицы, порхавшие в небе, опустились на карниз архиепископского дворца.

В первый период вдовства, период печали и полного траура, донна Флор ходила вся в черном, молчаливая, двигаясь, словно в кошмаре, и без конца предаваясь воспоминаниям о своем замужестве. А вокруг нее все громче перешептывались сплетницы, под водительством доны Розилды они неотступно преследовали вдову своим

сочувствием и ехидными пересудами. Голоса их сливались в хор, поносящий Гуляку, в котором солировали дона Розилда и дона Динора, обладавшие ядовитыми, словно змеиное жало, языками.

Дона Флор, замкнувшись в своей печали, с головой погрузилась в прошлое с его радостями и огорчениями, словно хотела удержаться рядом с собой образ Гуляки, его тень, еще витающую в доме, особенно в той комнате, где они любили друг друга.

И зачем здесь околачиваются все эти кумушки? Эти соседки, знакомые, ученицы, подруги ее матери, приехавшей из Назарета, и уже совсем посторонние, вроде донь Энаиды, знакомой донь Нормы? Эта сеньора примчалась сюда с Шаме-Шаме, будто у нее не было ни мужа, ни детей, ни домашних дел, чтобы выразить соболезнования доне Флор, заодно деликатно намекнув на похождения Гуляки. Какое им до всего этого дело? Зачем беречь ее едва зарубцевавшиеся раны, заставлять ее страдать? Зачем понадобилось доне Энаиде доверительно сообщать ей с лицемерным сочувствием о своем близком знакомстве с этой злосчастной Ноэмией, ныне толстой сеньорой, женой журналиста, которая до сих пор хранит портрет Гуляки?

Дона Флор жила воспоминаниями — хорошими и плохими, — они помогли ей перенести горе, страшное отчаяние и пустоту после смерти Гуляки. Даже самые неприятные воспоминания, например, о бывшей ученице с ее нахальным смехом и бесстыдством, заставлявшие ее вновь переживать обиду и унижение, были теперь для нее своего рода горьким утешением, бальзамом, лечащим от безысходного страдания. Ибо кто в конечном итоге победил, кто выиграл в этой игре, кто остался с Гулякой? Кого он предпочел, когда однажды дона Флор, потеряв всякое терпение, предъявила ему ультиматум: или Ноэмия, или она? Пусть, если хочет, убирается с этой особой (мерзавка повсюду распустила слух, будто собирается замуж за Гуляку), но решает это скорее... Кому, отдал тогда он предпочтение?

Ноэмия пришла в ее школу изучать кулинарное искусство потому, что была помолвлена и жених хотел, чтобы его жена хорошо готовила. Он был щеголем и снобом, мнившим себя знатоком кино и литературы, вообще незаурядным эрудитом. Цитировал на память различных авторов и все на свете критиковал, одним словом, был гением, подающим надежды в журналистике.

А еще считал, что молодая хозяйка должна овладеть искусством приготовления национальных блюд: «Я хочу видеть эту мешчанку пролетаризованной». Ноэмия нашла идею жениха забавной и записалась в школу «Вкус и искусство».

Ей, происходящей из богатого аристократического семейства Грасы, казалось очень оригинальным быть невестой столь рафинированного интеллигента. Однако еще более оригинальным ей показался сумасброд Гуляка с мечтательными глазами. Когда аристократическое семейство и подающий надежды гений опохватились, Ноэмия уже обучилась кое-чему у Гуляки, посещая с ним дом свиданий Амарилдес. Поднялся шумный скандал, грозивший крупными неприятностями. К счастью, благоразумие жениха помогло ему пережить внезапное известие о падении невесты; он вышел из положения с блеском истинного дипломата: с его стороны было бы глупо из-за дурацких предрассудков терять этот сундук, набитый золотом. Однако его благородства и стремления уладить дело миром оказалось недостаточно, ибо Ноэмия не пожелала оставить свой «легкомысленный флирт». Она пошла ко всем чертям и жениха и семью, предложив Гуляке сбежать с ней куда глаза глядят. Но Гуляке этого вовсе не хотелось. Когда о его похищении стали злословить в обществе, когда доня Флор в припадке бешенства, что с ней случалось довольно редко, потребовала от него немедленного решения, он возвратил Ноэмию жениху. Этот эстет и сноб стал теперь для нее еще более привлекательным, ибо его талант увенчался рогами. Другого такого жениха не сыщешь в целом мире.

«Все это только для развлечения», — сказал Гуляка, когда, доведенная до отчаяния, доня Флор потребовала, чтобы он наконец решил этот вопрос раз и навсегда. Ему и в голову не приходило бежать с Ноэмией, с этой вбалмошной кокеткой. «Она потаскуха и к тому же еще лгунья, каких свет не видел», — заявил он.

Так зачем же эти кумушки лезут не в свое дело? Зачем доня Розилда, доня Динора, дожа Энаида, примчавшаяся сюда из своего чудесного дома на Шаме-Шаме, и все остальные ноют и жалуются, сплывшись в гнусном хоре? К чему напоминать ей о неверности Гуляки и доказывать, что хуже него мужа не было? Разве не получила она самое лучшее подтверждение его любви и преданности? Разве он не предпочел ее богачке Ноэмии, у которой был особняк в Грасе, чековые книжки и от-

крытый счет в банке — а ведь Гуляка вел крупную игру, — автомобиль с шофером, драгоценности, духи, туалеты из Рио? С кем он остался, кого предпочел, когда ему предстояло сделать выбор? Не помогли ни чековая книжка, ни комфорт, ни автомобиль, который бы повсюду возил его, ни туалеты из Рио, ни парижские духи, ни изысканные выражения — *mon cheri, mon petit coso, merde, quelle merde*¹ — на баиянском и французском языках.

Ни потерянная девственность, ни мольбы: «Я пожертвовала ради тебя своей честью», ни угрозы: «Мой отец будет преследовать тебя, засадит в тюрьму», — ничто не заставило Гуляку поколебаться. «Как тебе могла прийти в голову подобная чушь, неужели ты думаешь, что я уйду от тебя к этой потаскухе?..» И, наставив рога жениху Ноэмии, он отправился в постель с доной Флор. Какая это была ночь! Они помирились, и она простила ему все. «Это только для развлечения, а люблю я одну тебя, Флор, мой цветок базилика...»

В представлении кумушек хуже Гуляки не было на свете мужа, а дона Флор была самой несчастной женой. Поэтому ей полагалось не плакать и горевать, а благодарить бога за то, что он вовремя освободил ее от столь тяжелой ноши. Они считали дону Флор слишком чувствительной и все же осуждали дону Розилду, которая хотела видеть свою дочь радостной и веселой после смерти Гуляки. Каким бы он ни был, он был ее мужем. Однако ее чрезмерное горе, слишком глубокий траур и слишком глубокая печаль, ее окаменевшее, потерянное лицо, ее отсутствующий взгляд, обращенный в небытие, — все это было непонятно кумушкам.

И только в одном они сходились — и дона Розилда, и дона Норма, и дона Динора, и дона Гиза: дона Флор должна как можно скорее забыть беспокойные годы замужества, изгнать Гуляку из своей памяти, будто его никогда и не было. По их мнению, ее скорбь слишком затянулась. Вот почему они считали своим долгом убедить ее, что господь явил свое милосердие, освободив ее от тяжелого бремени.

Даже тети Лита, всегда прощавшая Гуляке все его выходы, откровенно удивлялась:

— Никогда бы не подумала, что она станет так долго по нему убиваться...

¹ Мой милый, мой маленький чудак, дерьмо, какое дерьмо! (Фр.)

Дона Норма ее поддерживала!

— Похоже, она никогда его не забудет... С каждым днем все сильнее ее страдания...

Дона Гиза, слышшая знатоком человеческой психологии, возражала пессимисткам:

— Это естественно... Но пройдет еще какое-то время, и она успокоится, забудет его и снова вернется к жизни...

— Разумеется...— Дона Динора придерживалась того же мнения.— Со временем она поймет, что такова была божья воля...

Однако насчет того, как лучше помочь вдове, согласия не было. Дона Норма и дона Гиза предложили не вспоминать при доне Флор о Гуляке. Остальные же под командованием неумолимой доньи Розилды — не последнее место в этой воинственной группировке занимала дона Динора — изоцрались в интригах и всячески старались убедить дону Флор в том, что теперь наконец-то она проживет спокойно и счастливо, в достатке и комфорте. Она может тихо скорбеть либо шумно жаловаться, но должна поскорее забыть прошлое. Она еще слишком молода, у нее вся жизнь впереди...

— От нее самой зависит, долго ли ей вдовствовать...— пророчествовала дона Динора, которая обладала божественным даром предвидения, и, сидя в халате у себя дома, унаследованном от испанского комендатора, гадала на картах и предсказывала будущее по хрустальному шару.

Почему, спрашивала себя дона Флор, ни одна из них ни разу не припомнила ни одного хорошего поступка Гуляки? В конце концов не одни жульнические проделки на его совести, умел он и безобидно пошутить и быть великодушным и справедливым. Почему же они говорят о смерти Гуляки с таким злорадством и только проклинают его? Впрочем, так всегда было. И прежде приходили сплетницы, чтобы сообщить какую-нибудь неприятную новость, посочувствовать бедняжке доне Флор, достойной порядочного, любящего мужа, который обеспечил бы ей счастливую жизнь. Но никто из этих кумушек ни разу не поспешил к ней, бросив все дела, чтобы сообщить о хорошем поступке Гуляки:

— Только не говори ему, что я тебе сказала... Гуляка выиграл в лотерее и все деньги отдал Норме на подарок ко дню рождения... Это, правда, еще не скоро, но он боялся истратить выигрыш и отдал заранее...

Об этом знали все кумушки, но только доня Норма была связана обещанием хранить тайну. И если бы она, продержавшись двадцать дней, не нарушила эту клятву, доня Флор так бы никогда и не узнала о благородстве своего мужа. Другие же словно в рот воды набрали — кому охота сообщать приятные новости! Ради этого никто не поспешит, не выбежит, забыв обо всем, на улицу. Вот если бы плохие... Желających посплетничать сколько угодно, ради этого люди готовы на все — оставить работу, прервать отдых, даже понести определенный ущерб. Как мы бываем счастливы, сообщив неприятную вест!

Только чистая случайность помешала доне Флор уйти навсегда из дому в тот вечер, когда Гуляка опустился до новой низости. Она даже уложила вещи и намеревалась перебраться к дяде и тетке в Рио-Вермелью, где всегда ее ждала отдельная комната. На улице собралось полно кумушек, привлеченных ее криками и плачем, они видели, как подъехал Цыган, слышали его дрожащий голос и были свидетелями того, как реагировал на все это Гуляка.

Но разве хоть одна из них рассказала доне Флор про эту сцену, передала ей слова Цыгана? Им даже в голову это не пришло! Ни одна не вступилась за Гуляку, будто они ничего не видели и не слышали. Мало того, кумушки поддержали ее решение, считая, что у нее более чем достаточно оснований навсегда порвать с мужем. Некоторые из них даже помогали ей укладывать вещи.

18

Когда Гуляка в тот вечер явился домой, доня Флор сразу поняла причину его неожиданного возвращения. И чем больше она наблюдала за ним, тем больше утверждалась в своей догадке: никогда еще он не был так скромен с ученицами. Усевшись в углу гостиной, он позволил им спокойно закончить практические занятия — приготовление торта ко дню рождения. Девушки из новой группы хихикали, не скрывая своего любопытства и желая познакомиться с мужем преподавательницы, о котором ходило столько самых противоречивых слухов. Гуляка был по-своему знаменит и пользовался репутацией человека необычного. По окончании урока, когда под восторженные возгласы был подан торт и рюмки с какао-ликером собственного приготовления — доня Флор

славилась не только своими сосисами, но и яичными и фруктовыми ликерами,— учительница не без хвастливой гордости представила мужа.

На этот раз Гуляка ни разу не пошутил, не сказав ни одной двусмысленности, никому не подмигнул. Вид у него был серьезный, даже грустный. Дона Флор хорошо знала, что это означает, и боялась этого. Если бы только она могла задержать учениц до поздней ночи, пусть даже бездельник начнет к ним приставать. Если бы она могла избежать этого неприятного разговора с мужем, который в таких случаях чувствовал себя виноватым и не смотрел ей в глаза. Но ученицы, девушки и замужние женщины, ведущие светскую жизнь, быстро выпили ликер и распрощались.

Накануне дона Лижия Олива по-королевски щедро заплатила за сласти и закуски, которые дона Флор приготовила для приема в честь знатных гостей из Сан-Пауло. Вообще говоря, выйдя замуж, она не брала подобных заказов, ограничиваясь занятиями с ученицами, но делала исключения для тех, к кому относилась с особым уважением. К числу таких дам принадлежала и дона Лижия.

Об этих дополнительных заработках Гуляка, как правило, не знал, и дона Флор откладывала их на непредвиденные расходы: дорогие покупки, на случай болезни и другие неотложные нужды. Иногда ей удавалось скопить несколько конторейсов, которые она прятала в домашних тайниках. Сбережения эти уходили также на приобретение домашней утвари и посуды, подарки ко дню рождения, на купленную в рассрочку швейную машину, а также долги Гуляке, который частенько занимал у жены по сто — двести милрейсов.

И вот, когда Гуляка, устав от беготни по городу в поисках денег, сидел в гостинной, пришел доктор Зителман Олива, человек очень важный, занимающий не один ответственный пост.

— Я пошу эти деньги с собой уже три дня... Лижия сегодня меня чуть не убила, когда узнала, что я еще не отдал их вам...

— Ну что вы, доктор, стоило беспокоиться... Такие пустяки...

— Послушайте, сеу Валдомиро,— пошутил доктор,— что вы делаете для того, чтобы ваша жена с каждым днем все больше молодела и хорошела? — Он знал дошу Флор еще девочкой и уже давно был знаком с Гулякой,

который время от времени пытался перехватить у него взаймы, впрочем тщетно, ибо доктора Зителмана не так-то легко было провести.

— Она ведет спокойную жизнь, доктор, вот в чем секрет. Такой муж, как я, не причиняет забот... Вот она и живет в свое удовольствие, ни о чем не беспокоясь...— Гуляка весело и беззаботно рассмеялся. Дона Флор тоже рассмеялась от такой наглости.

В тот день Гуляка не попросил у нее денег. Он, видимо, выиграл накануне и у него еще кое-что оставалось. Но когда к вечеру следующего дня он неожиданно появился с серьезным, почти печальным лицом и опущенным взглядом, дона Флор сразу догадалась, что привело его домой. И пока ученицы наслаждались ликером и тортом, украдкой поглядывая на молодого мужчину, дона Флор поклялась себе, что не даст ему из этих денег, предназначенных на покупку нового приемника, ни гроша. Слушать радио было любимым развлечением даны Флор: она обожала самбы и песенки, танго и болеро, юмористические программы и особенно литературные передачи. Вместе с доной Нормой, доной Динорой и другими соседками она с волнением следила за судьбой графини, влюбленной в бедного инженера. Только дона Гиза, как образованная женщина, презирала эту бульварщину.

Старый, выдавший виды приемник, принесенный в приданое доной Флор, требовал постоянных затрат, так как без конца портился, обычно в самое неподходящее время, и эти частые починки дорого обходились. Вот почему на сей раз дона Флор приняла столь твердое решение: ни за что не отдавать канонических денег. И вообще пора было положить конец этим заманкам Гуляки.

Ученицы упорхнули, несколько разочарованные: неужели тот хмурый тип, что сидел в углу гостиной, и есть муж доны Флор, слывший неотразимым соблазнителем и на шумевший своим романом с Нормой Фагундес да Сильва? Откровенно говоря, они не нашли в нем ничего привлекательного и вовсе не таким представляли его себе по тем разговорам, которые о нем велись. Наконец дона Флор осталась наедине с мужем. Сердце ее сжималось от страха. Вяло поднявшись с кресла, Гуляка подошел к столу и налил себе рюмку ликера.

— Вкусная штука, но очень опьяняет и похмелье тяжелое... Голова трещит не меньше, чем от ликера из женипапо...

Стараясь казаться беззаботным, он подошел к жене и любезно предложил отпить из его рюмки:

— Пригуби, любовь моя...

Но дона Флор отказалась, отведя его руку, которая ласково скользнула по ее затылку и груди. «Лицемер и обманщик, и все ради того, чтобы я сдалась, сначала приласкает, а потом воспользуется моей слабостью». Дона Флор вдруг вспомнила все прежние обиды и, твердо решив бороться за свой приемник, встала, с горечью спросив:

— Почему ты не говоришь прямо, зачем пришел? Думаешь, я не знаю?

Гуляка совсем сник. Он пришел потому, что ничего иного не оставалось, потому что ему нигде не удалось раздобыть ни гроша. Он вовсе не хотел этого и сам был искренне огорчен. Если бы был другой выход!

Гуляка знал, на что дона Флор копила деньги, но сеу Эдгар Витрола еще не приходил: старый приемник по-прежнему стоял в гостиной. Гуляка это увидел, едва только открыл дверь. Однако продавец мог появиться в любую минуту со своим сказочно прекрасным деревянным ящиком, отделанным под слоновою кость, с хромированными металлом. Это новейшее достижение радиотехники принимало далекие радиостанции Японии и Австралии, Аддис-Абебы и Гонконга, не говоря уже о Москве с ее столь же запретными, сколь и заманчивыми программами. Дона Флор послала сеу Эдгару записку через Камафеу, музыканта, игравшего на беримбау¹, и неразлучного приятеля Витролы.

Гуляка ехал домой сначала на трамвае, потом шел пешком. Он испытывал нетерпение и в то же время стыд. С одной стороны, ему хотелось прийти домой раньше торговца радио (и он верил, что так оно и случится), с другой — после сеу Эдгара, чтобы дома уже не было ни старого приемника, ни денег, которые Флор получила от доны Лижии за то, что после дневных занятий весь вечер простояла у плиты. Вот какое противоречие раздирало его, пока он ехал на трамвае и шел по улице, пока входил в дом и открывал дверь. Если сеу Эдгар еще не приходил, значит, предчувствие его не обмануло. А если новый приемник уже на месте, он никуда не пойдет и весь вечер просидит дома вместе с доной Флор,

¹ Беримбау — народный музыкальный инструмент.

слуху музыку и пошучивая. В таком состоянии возвращался Гуляка домой.

Почему же Эдгар не пришел раньше него? Теперь у Гуляки не было другого выхода.

— Ты думаешь, я тебя люблю только из корысти?

— Конечно, ничего другого ты не знаешь... Низкий человек! — Дона Флор выпрямилась: — Только почему ты не сказал сразу?

Стена встала между ними в этот сумеречный час, когда мрак наплывает с горизонта, окрашенного в багрово-пепельный цвет, когда все вокруг медленно угасает в меркнущих лучах.

— Раз ты этого хочешь, я не стану терять время зря. Дай мне взаймы хотя бы двести мильрейсов.

— Я не дам тебе ни гроша... Ни единого... Как тебе не стыдно просить у меня денег? Ты хотя бы раз вернул мне долг, пусть самый пустяковый? Эти деньги я отдаю только сеу Эдгару.

— Клянусь, я завтра же верну их, но они позарез нужны мне сегодня, понимаешь? Для меня это вопрос жизни и смерти! Завтра же я куплю тебе приемник и все, что ты пожелаешь... Ну хотя бы сто мильрейсов...

— Ни гроша...

— Умоляю тебя, дорогая, это в последний раз.

— Ни гроша...— твердила дона Флор.

— Послушай...

— Ни гроша...

— Лучше не зли меня! Не дашь добром, тем хуже для тебя...

Гуляка оглядел комнату, ища место, куда она могла спрятать деньги. И тут дона Флор, совсем потеряв голову, в отчаянии бросилась к старому приемнику, куда между перегоревших ламп засунула деньги. Муж кинулся к ней, но она уже крепко сжимала в руке ассигнации.

— Ты их получишь, только убив меня!..— крикнула дона Флор.

Ее крик разорвал вечернюю тишину. Всполошившиеся кумушки выскочили на улицу.

— Это Гуляка отбирает деньги у бедняжки Флор...

— Взбесившийся пес!

Гуляка словно обезумел. Его ослепила ненависть, ненависть к тому, что он делал. Схватив жену за руки, он прорычал:

— Сейчас же брось это дерьмо!

Она первая ударила его. Вырвавшись от него и боясь, что он ее снова схватит, она стукнула его кулаком в грудь, а затем вцепилась пощечину.

— Ах ты шлюха, ты мне за это заплатишь! — ревел Гуляка под крики донь Флор.

— Оставь меня, не смей меня бить, лучше убей сразу!

Тогда он оттолкнул ее, и она упала на стулья, продолжая кричать:

— Убийца, негодяй!

Он ударил ее по лицу. Раз, другой, третий. Удары эти слышали кумушки на улице и еще больше возмутились, еще больше стали жалеть дону Флор. Дона Норма распахнула двери и ворвалась в дом.

— Сейчас же прекратите, или я позову полицию.

Гуляка, казалось, не замечал ничего вокруг. Он стоял с потерянным видом, держа деньги в руках и с ужасом глядя на дону Флор, которая тихонько всхлипывала. Дона Норма подбежала к ней, а Гуляка бросился из дому. При виде его соседки шарахнулись в сторону, будто увидели исчадие ада.

Как раз в эту минуту к дому подъехало такси Цыгана. Завидев друга, Гуляка улыбнулся: разве появление Цыгана не доказывало лишний раз безошибочность его интуиции. Выйдя утром на улицу, он вдруг ощутил уверенность, что именно этой ночью сорвет банк во всех игорных домах города. Эта уверенность с каждой минутой росла, вставив его сначала пуститься на бесполезные поиски денег, а потом скрепя сердце вернуться за деньгами домой.

После того как он избил жену, уверенность мгновенно улетучилась, на душе стало пусто и тоскливо, и Гуляка уже не знал, куда девать эти деньги. Однако, увидев перед собой такси Цыгана, которое могло его сейчас же доставить к игорному столу, Гуляка снова успокоился, расценив это как еще одно бесспорное подтверждение его интуиции. Он почувствовал в руках беспокойный зуд, надо было скорее ехать. Перед ним мелькнуло поле рулетки, бегущий по нему шарик и, конечно, число семнадцать, лопатка крушья, подгребающего к нему фишки. Сейчас он думал только об игре и уже собирался сесть в такси, но Цыган вдруг выскочил из машины, снова переполошив кумушек. Глаза шофера были красны от слез, голос звучал глухо:

— Гуляка, дружище, нет больше моей старухи. Мне сказали об этом на улице. Она умерла без меня во время припадка. Говорят, звала меня перед смертью.

До Гуляки не сразу дошел смысл этих слов, но, поняв наконец, что случилось, он схватил Цыгана за руку. Не может быть! Неужели это правда?

— Добра Агнела умерла? Ты в своем уме?

— Умерла, Гуляка... Всего три часа назад.

Частенько еще холостым, да и после женитьбы, он навещал (иногда вместе с Флор) по воскресеньям доми Агнелу, жившую в Бротасе у конечной остановки трамвая. Очень полная и добродушная, она относилась к нему как к сыну, пренебрегая молодому шутке его слабости, вероятно, потому, что Гуляка как две капли воды походил на покойного Анибала Фордеала, тоже известного шута, ее любовника и отца Цыгана.

— Вылитый Анибал... И такой же беспутный...

Гуляке снова стало не по себе. На редкость неудачный день: сначала Флор с ее дурацким упрямством, теперь Цыган с известием о смерти доньи Агнелы...

— Но почему? Разве она болела?

— Ни разу не видел ее больной. Сегодня, когда я уходил после завтрака, она стирала и пела. У нее было хорошее настроение... И надо же было случиться этому именно сегодня, когда я вымачиваю последний взнос за машину. Утром мы посчитали деньги... Она отдала мне все, что ей удалось скопить за этот месяц, все до последнего милльрейса, и радовалась тому, что машина теперь станет моей.— Он замолчал, сдерживая рыдания.— Говорят, она внезапно почувствовала боль в груди, еще успела позвать меня и замертво ушла... Ужасно, что меня не было с ней в эту минуту, я платил за машину... Изидро из кафе разыскал меня на площади. Я помчался домой... Но она уже лежала холодная, с остекленевшими глазами... Вот я и приехал к тебе, ведь у меня не осталось ни гроша, и все деньги отдаю за машину... И свои и ее...

Он говорил почти шепотом, слышавши ли его кумушки. Они даже побледнели, когда Гуляка, забыв о своем предчувствии, вручил Цыгану деньги, силой вырванные у доньи Флор.

— Это все, что у меня есть...

— Поедешь со мной? Столько всяких дел...

— Отчего же не поехать?

Едва машина тронулась, кумушки направились к доне Флор. Они застали ее в спальне укладывающей чемоданы. Дона Норма пыталась ее отговорить, но кумушки не поддержали доны Нормы. Дона Флор, по их мнению, была права. Голоса возмущенных женщин слились в едином хоре.

— Что это за жизнь, зачем так мучить себя?

— Давно нужно было его бросить.

— Бить жену... Какой ужас!

Никогда бы дона Флор не поверила, что они слышали разговор Цыгана с Гулякой, если бы не сеу Вивалдо, владелец похоронного бюро, дона Флор так и не узнала бы о кончине доны Агнелы и о том, как Гуляка распорядился деньгами. Проходивший мимо сеу Вивалдо воспользовался случаем, чтобы занести ей рецепт вкуснейшего каталонского блюда из трески, которое ему довелось отведать на роскошном обеде у Табоадас, где никогда не подавали меньше восьми — десяти блюд. Увидев заплаканную дону Флор, он решил, что она опечалена вестью о смерти бедной доны Агнелы. Сеу Вивалдо сам только что узнал об этом от Гуляки и Цыгана и получил от них заказ на гроб, который собирался им продать без обычных наценок. Дона Агнела заслужила это своим трудолюбием, жизнерадостностью и прекрасным характером. К тому же сеу Вивалдо довелось однажды отведать ее фейжоаду...

Только тогда дона Динора и другие кумушки сумели объяснить поступок Гуляки, отдавшего деньги Цыгану. По крайней мере так они сказали, и можно им верить либо не верить.

Сеу Вивалдо распрощался, пообещав прийти отведать испанское блюдо, рецепт которого он достал с большим трудом, подкупив кухарку Табоадас, поскольку дона Антониэта ревниво оберегала тайны своей кухни.

Дона Флор познакомилась с доной Агнелой в то незабываемое время перед своей свадьбой, когда после обеда они отправлялись с Гулякой в укромный домик в Итапоа. Легкомысленный хозяин, днем занятый торговлей табаком, приводил туда женщин вечером и ночью. Случалось, однако, так, что через Баию проезжала блестящая карюка¹, которая располагала свободным временем лишь после обеда. Гуляка получил записку,

¹ Карюка — житель или жительница Рио-де-Жанейро.

предупреждающую его о том, чтобы он не являлся в этот день по им обоим известному адресу.

Сидя в такси Цыгана, Флор и Гуляка стали обсуждать, куда бы им поехать. В кино она не хотела, а вести в дом свиданий свою будущую жену Гуляка не мог. Навестить тетю Литу? А вдруг туда нагрянет дона Ровилда. Цыган предложил отправиться к доне Агнеле, которая уже говорила, что не прочь познакомиться с невестой Гуляки. У доны Агнелы они и провели все послеобеденное время за беседой и кофе. Дона Флор держалась очень скромно, и прачка, придя от нее в восторг, стала сочувственно наставлять девушку.

— Значит, выходишь замуж за этого сумасброда... Пусть хранит тебя бог и пусть он даст тебе терпение, а его потребуется немало. Игроки тяжелые люди, доченька. Я больше десяти лет прожила с таким же, как твой... Тоже был белокурый и голубоглазый... Игра погубила его, все промотал. Даже медальон, который остался от матери, этот сумасшедший продал. Все деньги проигрывал, наглец, кричал на меня, бил...

— Бил? — дрогнувшим голосом спросила дона Флор.

— Если сильно напивался, бил... Но только если сильно напивался...

— И вы терпели? Я бы не позволила... Ни одному мужчине...— Дона Флор вспыхнула от негодования при мысли об этом.— Никогда и никому.

Дона Агнела понимающе улыбнулась: она уже прожила жизнь, а Флор была совсем девочкой. Что она могла знать?

— Но ведь я его любила и ни о ком другом даже думать не могла. Как же мне было его бросить, оставить одного, кто бы стал о нем заботиться? Он был шофером, как и Цыган, только работал на хозяина, за проценты. Так и не сумел собрать денег на машину. Все, что я накапливала, проигрывал, занимал, где мог. Погиб он в катастрофе и оставил после себя только маленького сынишку, которого мне пришлось воспитывать одной...— Она дружелюбно взглянула на дону Флор.— Но вот что я тебе скажу, доченька... Если бы надо было начать жизнь снова, я бы опять его выбрала. После его смерти для меня не существовало других мужчин, хотя многие ухаживали за мной и даже хотели жениться. Но я любила его, доченька, а от судьбы не уйдешь.

«Я любила его, от судьбы не уйдешь...» А что оставалось доне Флор, если она тоже любила? «Что мне

делать, Норминья?» Разобрать чемоданы, одеться в черное и идти на бдение у гроба донь Агнелы. «Что мне делать, если он моя судьба, если я люблю его?»

Дона Норма, разумеется, была готова сопровождать подругу. Она знала, что там все будет как положено: слезы, рыдания, фиолетовые цветы, зажженные свечи, объятия, соблезнования, молитвы, воспоминания, рассказы о смешных эпизодах из жизни донь Агнелы, горячий кофе, бисквиты и рюмка вина на рассвете. Что может быть лучше?

— Я только переоденусь...

«Что мне делать, Норминья, ведь он моя судьба? Как же мне его бросить, оставить одного, кто будет о нем заботиться? Что мне делать, если я его люблю безмерно и без него не смогу жить?»

19

Да, без него она не могла жить. Без него померки дневной свет, и в этих мрачных сумерках она уже не различала, кто жив, а кто мертв. Гуляка нес с собой слезы и слезы, многоголосый гул друзей-игроков, стук фишек, возгласы крупье. Тогда ее воспоминания оживали, озарялись светом утреннего солнца и ночных звезд, бежали померкший в предсмертной агонии день.

Лежа без сна на железной кровати совсем одна, доня Флор шлывет на ладе воспоминаний в тихие заводи и бурные моря. В ее памяти мелькают какие-то картины, имена, фразы, обрывки мелодий, потом события обретают связь. Она хочет расервать ступившийся вокруг нее мрак, который не дает ей работать, отдыхать, жить полной жизнью. Полной, а не этой серой, горестной, вязкой, как традцепа, и душной. Как забыть, что Гуляка умер, как победить прошлое? Она не может жить без Гуляки и прошлого.

Иногда он действительно бывал таким, каким считали его доня Розилда, доня Дикера и прочие кумушки. Но зачастую они были несправедливы к нему, как, впрочем, и сама доня Флор.

Однажды он вдруг собрался в столицу. Узнав об этом в последний момент, доня Флор приготовилась к самому худшему, решив, что муж бросает ее. Она не верила, что он вернется из Рио-де-Жанейро с его яркими огнями, шумными улицами, казино и красивыми, легкодоступными

ми женщинами. Она не раз слышала прежде от Гуляки «В один прекрасный день я уеду в Рио и ни за что не вернусь обратно. Там настоящая жизнь!»

Это путешествие было чистойшей авантюрой. Мирандон решил организовать на каникулы экскурсию студентов-агрономов по учебным центрам Рио-де-Жанейро, но денег не было. Вместе с пятью своими коллегами он обегал коммерсантов Бани, и почти все они кое-что дали. Еще немного выклянчили у банкиров, промышленников, предпринимателей, владельцев магазинов, троих политических деятелей. Словом, за несколько дней удалось собрать изрядную сумму. Но тут возникло затруднение: пришлось трижды, в зависимости от того, кто из политиков жертвовал деньги последним, менять название делегации. На каком же из трех остановиться? Мирандон предложил самое простое: разделить между членами делегации собранные деньги и распустить ее, объявив потом, что они побывали во всех учебных центрах столицы. Однако пятеро коллег единодушно воспротивились: им не терпелось познакомиться с Рио, и даже, если это уж так необходимо, они готовы были посетить Агрономическую школу, галопом пробежав по ее аудиториям.

Перед самым отъездом, когда уже были получены билеты, оплаченные секретариатом земледелия штата, в силу чего делегация в четвертый раз сменила название, присвоив себе имя щедрого секретаря, у одного из шести путешественников начался приступ болотной лихорадки. Врач запретил ему ехать, а времени заменить его другим студентом или хотя бы продать билет не оставалось.

Гуляка пришел провожать Мирандона, и вдруг тот предложил:

— А почему бы не поехать тебе?

— Но я же не студент!

— Ну и что?! Не студент, так станешь студентом...

Только поторопись, пароход отходит через два часа...

Гуляка помчался домой, чтобы взять с собой белье, несколько рубашек и голубой кашемировый костюм, а Мирандон, готовый на любую жертву ради друга, пока утренняя рыдающая дену Флор.

Она не сомневалась, что теряет мужа навсегда. Не такая она дура, чтобы поверить этой басне о студенческой делегации, которая будто бы едет в столицу с учебными целями. Почему тогда ее муж, никогда не бывший студентом, оказался в ее составе? Единственным учебником Гуляки был сонник, толковавший все снови-

дения и кошмары, без которого не мог обойтись ни один игрок. Просто он тащится вслед за какой-нибудь шлюхой, чтобы окунуться с головой в омут столичного разврата. Чем больше клялся Мирандон памятью своей матери, здоровьем своих детей, тем недоверчивее относилась к этой подозрительной поездке дона Флор. Зачем кум Мирандон обманывает ее столь недостойным образом, зачем доставляет ей такое огорчение, издевается над ней? Если он не уважает ее, зачем приглашал крестить своего ребенка? Если Гуляка решил ее бросить и удрать с какой-нибудь потаскухой в Рио, пусть он, как мужчина, скажет ей правду, и нечего было посылать кума морочить ей голову. «Но ведь это правда, кума, чистая правда! Клянусь, через месяц мы вернемся». К чему вся эта комедия? Она уверена, что никогда больше не увидит мужа.

Однако он вернулся в положенный день вместе с делегацией, в существовании которой дона Флор, впрочем, уже удостоверилась, так как в ее состав входил старший сын одной ее ученицы, назвавший в своем письме Гуляка «отличным товарищем». Не только вернулся, но и привез ей в подарок отрез дорогого импортного шелка. «Повезло в рулетку», — подумала дона Флор, и все же он помнил о ней во время прогулок, кутежей, игр и попок. «Да разве я мог тебя забыть, любимая, я и поехал лишь потому, что меня попросили, делегация могла отправиться только в полном составе». Теперь Гуляка носил жилет, во всем подражал столичным жителям и без умолку рассказывал о своих впечатлениях. Во время поездки он завел немало интересных знакомых, среди которых были певец Силвио Калдас и театральная звезда Беатрис Коста.

С Силвио Калдасом его познакомил Доривал Каимми в казино на Урке, где Калдас пел. Гуляка был очарован его простотой и скромностью. «По его виду никогда не скажешь, что он знаменитость, да ты сама убедишься, когда он сюда придет. Он сказал мне, что в марте собирается в Баию, и я обещал, что ты пригостишь в его честь обед из баиянских блюд. Он понимает толк в еде», — Разумеется, дона Флор с удовольствием приготовила бы этот обед, если бы в один прекрасный день Калдас действительно приехал: она была горячей поклонницей этого певца и часто слушала его по радио.

Набросив на обнаженные плечи подаренный ей шелк, сияющая дона Флор обняла мужа. Раскаianie сделало ее

нежной: она плохо думала о Гуляке и была несправедлива к самому красивому из всех студентов...

Дона Флор так никогда и не узнала, каких усилий стоило Мирандону вырвать Гуляку из объятий Жози и водворить его на судно, которое отплывало в Баию. Жози, или Жозефина, была хористкой в «Португальском ревю» Беатрис Косты. Жози совсем потеряла голову от любви к молодому баиянцу, и он отвечал ей тем же. Они познакомились, когда делегация студентов, получив контрамарки на спектакль в «Театр Республики», отправилась после представления за кулисы, чтобы поблагодарить Беатрис и ее хористок. Гуляка обратил внимание на Жози еще на сцене, когда та изображала торговку рыбой. Окинув взглядом мнимого студента, девушка улыбнулась ему, и полчаса спустя они ужинали в соседней таверне, наслаждаясь блюдом из трески. Жози оплатила счет, как, впрочем, оплачивала все последующие. Увлеченный португалкой, Гуляка совершенно забыл о дне и часе отъезда, а Мирандон лишь с большим трудом заставил его одуматься.

— Хватит с меня того, что я утешал куму перед отъездом, больше не желаю видеть ее слезы... Если я вернусь без тебя, что с ней будет?

Обо всем этом дона Флор никогда не узнала, как не узнала о том, откуда у Гуляки взялся французский шелк. Он вовсе не покупал этот отрез в Рио, а выиграл в карты перед самым прибытием парохода в Салвадор, когда члены делегации, истратившие все деньги, стали играть на купленные в столице подарки. У одного студента Гуляка выиграл шелковый отрез, у другого — лакированные туфли и очень модный галстук-бабочку в синюю горошину. Его ставкой была великолепная цветная фотография Жози в золоченой раме; очаровательная шансонетка снялась в трусиках и бюстгальтере. На фотографии было старательно выведено: «Горячо любимому маленькому баиянцу от тоскующей Жози». Гуляка загнал этот портрет товарищу по путешествию, молодому адвокату, который мечтал поразить приятелей рассказами о своих бесчисленных победах в столице. Таким образом, Жози, сама того не подозревая, оплатила дорожные расходы Гуляки. Шелк соскользнул с плеч доны Флор, обнажив ее грудь.

Как без него жить? Вернутся ли к ней вновь солнечный свет, полуденная жара, прохладный утренний бриз, вечерний ветерок и звездное небо? Захочется ли ей

опять видеть людей? Для нее нет без него жизни, и, охваченная печалью, она погружается в удивительный мир воспоминаний, радостный и волнующий.

Кумушки помнили только плохое: их ссоры, перебранки из-за денег, ночи, когда он не являлся домой, где-то кутя, может быть с женщинами, или пропадая в игорных домах. А вот забыли те чудесные дни, когда Силвио Калдас приехал в Баию и доня Флор, хоть и сбилась с ног, не грустила ни минуты. Она и теперь во всех подробностях помнит эту неделю, доставившую ей столько радости. Для нее это был настоящий праздник, она царила в своем квартале, который гудел, как потревоженный улей. Ее дом был полон важных особ, самых уважаемых людей. Хотя Силвио остановился в Палас-отеле, весь день он проводил у Гуляки: здесь он принимал гостей и чувствовал себя как дома, а к доне Флор относился как к младшей сестре. Приходили и знакомые Гуляки: бакир Селестино, доктор Луис Эрик и дон Клементе Нигра, а также другие известные граждане Баии, они являлись не только на знаменитые на весь город обеды доны Флор, но и просто позвать певцу руку. При виде столь знатных визитеров доня Розилда могла бы умереть от разрыва сердца; к счастью, она тогда уехала в Назарет-дас-Фариньяс, где донимала невестку, ожидавшую первенца, как сообщал в письме Эйтор.

От воскресного обеда у доны Флор остались не только прекрасные воспоминания, но и газетные вырезки. Два журналиста, приятели Гуляки — Джованни Гимараэс, большой шутник и выдумщик, и негр Батиста, ценитель женской красоты и хорошей кухни, — поместили сообщения об этом обеде в своих газетах. Джованни называл «великолепным» бавкет, устроенный в честь известного певца сеньором Валдомиро Гимараэнсом, муниципальным чиновником, и его высокоуважаемой супругой доной Флорипедес Пайва Гимараэнс, чей кулинарный талант сочетается с исключительной добротой и редким воспитанием. Негр Жоан Батиста основное место отвел описанию меню: «Роскошный стол порадовал разнообразием вкуснейших блюд, среди которых не последнее место занимали деликатесы баиянской кухни; обильный десерт, пожалуй, наиболее ярко свидетельствовал в пользу нашего кулинарного искусства и непревзойденного умения сеньоры Флор Гимараэнс, супруги нашего подписчика Валдомиро Гимараэнса, одного из самых старательных и деятельных чиновников префектуры». Очевидно, обжо-

ры так наелись и были так довольны обедом, что не только превознесли до небес кушанья и гостеприимство доны Флор, но и изобразили Гуляку старательным, деятельным и равностным чиновником, что было, мягко говоря, некоторым преувеличением.

Почему бы кумушкам не вспомнить этот обед? Дом был полон гостей, столы ломились от яств. Сеньор Коккойжо, судебный чиновник, посвящавший свободные часы музыке, произнес тост, воздав хвалу золотым рукам доны Флор; поэт Элио Симоанс обещал написать сонет, воспевающий кулинарный талант «очаровательной хозяйки дома, хранительницы великих традиций баиянской кухни». А ведь кумушки толклись около дома и видели, как Силвио, взяв гитару, запел своим полным страсти, истинно бразильским голосом. Послушать его собралась целая толпа, он пел до рассвета, а гости, сидя за пивом и кашасой, заказывали все новые песни, и певец никому не отказал.

Однако самым дорогим для доны Флор воспоминанием были не похвалы ей, не сообщения в газетах, не речи и стихи и даже не пение Силвио Калдаса, от которого в гармонии слились небо и море, но поведение Гуляки в тот вечер. Он не только оплатил все расходы на обед (и откуда он добыл столько денег? Впрочем, хитрость его делала и не такие чудеса...), но и не напился, занимал гостей и показал себя радушным хозяином. А когда певец, взяв гитару, запел, сначала поблагодарив дону Флор за обед и назвав ее Флорзиньей, своей сестричкой, Гуляка сел рядом с женой и взял ее за руку. У растроганной доны Флор на глазах выступили слезы.

Как же теперь жить без него? Как привыкнуть к тому, что его нет? В вечерней газете она прочла о гастрольях певца в «Паласе» и «Табарисе», а также о его выступлении по просьбе префекта на площади Кампо Гранде, чтобы все желающие могли его услышать и петь вместе с ним. Знал ли Гуляка о приезде Калдаса и собирался ли его встречать?

Когда он несколько месяцев тому назад вернулся из Рио, имя певца не сходило у него с языка. Ни о ком другом он не говорил, то и дело напоминая, что обещал устроить обед в его честь, приготовленный самой доной Флор. Ну кто бы мог ему поверить? Знаменитость, о которой кричат заголовки газет, портреты которой украшают журнальные обложки, за неделю своих гастролей, наверно, не успеет отдать даже необходимые визиты, при-

нять приглашения всех богачей! Откуда же взять время, даже и при желании, на обед в доме бедняка? «Самые именитые особы из высшего общества дают банкеты в честь великого артиста», — писала газета. Конечно, доня Флор охотно бы приготовила обед, хоть это и нелегко, истратила бы даже все свои скудные сбережения, спрятанные в ножке железной кровати, весь свой месячный заработок и, если понадобится, наделала бы долгов, лишь бы принять в доме почетного гостя и накормить его баиянскими кушаньями. Она не сомневалась, что Гуляка действительно подружился в Рио с Силвио, ведь и тот был навсегда игорных домов. Но это еще не значит, что знаменитый певец придет к ним. Для Гуляки, впрочем, не существовало препятствий. Все для него казалось простым и легкодостижимым. Но доня Флор не разделяла его оптимизма и как-то сказала доне Норме:

— Очередная выдумка Гуляки... Надо же такое сочинить!.. Представляешь, обед в честь Силвио Калдаса!

Однако доня Норма восторженно ахнула.

— Как знать, а вдруг он придет? Это было бы великоленно!

Доня Флор согласилась бы и на меньшее.

— Я буду рада, если попаду на его концерт... Но только в хорошей компании... Иначе я вообще не пойду...

— Уж я-то пойду наверняка. Зе Сампайо как хочет, может дома сидеть, я тогда пойду с Артуром...

В вечернем выпуске последних известий радио сообщило, что первое выступление певца, назначенное на сегодня, состоится в полночь, в элегантном салоне Паласотеля, по соседству с игорными залами, а в два часа ночи он выступит в «Табарисе» перед богемой и дамами полусвета. Бедняжка Флор поняла, что в эту ночь ей нечего ждать мужа.

Она заснула и увидела странный сон, будто Мирандон, Силвио Калдас, Гуляка, ее брат, невестка и доня Розилда — в Назарет-дас-Фариньясе и доня Флор помогает беременной невестке освободиться от цепи, которой та прикована к зонту свекрови. Разъяренная доня Розилда все время добивается, почему Силвио Калдас оказался в Назарете, а тот отвечает, будто приехал только затем, чтобы спеть вместе с Гулякой серенаду доне Флор. «Я ненавижу серенады», — рычит доня Розилда. Но Силвио взял гитару, и его нежный, бархатный голос зазвучал над бухтой Реконкаво. Доня Флор улыбалась во сне, слушая протяжную, грустную песню,

Голос певца становится все громче, песня звучит все ближе, и дона Флор уже не знает, сон это или явь. Она вскакивает с постели, набрасывает халат и подбегает к окну.

На улице стоят Гуляка, Мирандон, Эдгар Коко, Карлинос Маскареньяс, бледный Женнер Аугусто из кабаре «Аракажу». И среди них Силвио. Аккомпанируя себе на гитаре, он поет для доны Флор:

...под звуки мелодии страстной,
под звон шестиструнной гитары...

Серенаде бурно аплодировала вся улица, а в воскресенье состоялся обед, о котором писали в газетах, в понедельник же Силвио пришел к ним и готовил сам. Он принес продукты, надел фартук и отправился на кухню. Оказалось, он действительно умеет готовить. В остальные дни он был так занят, что забегал лишь на минутку и тут же убегал. Зато они все вместе ходили смотреть капоэйру. И все же самым прекрасным днем был вторник, когда Силвио перед отъездом пел с трибуны на Кампо Гранде. В этот лунный вечер он пел для всех, кто собрался на площади.

Дона Флор даже не стала спрашивать мужа, будет ли он на концерте,— все эти дни Гуляка не разлучался с другом. Она лишь сказала ему, что пойдет туда с доной Нормой и сеу Сампайо, который на сей раз решил пренебречь своей вечной усталостью.

Но к немалому удивлению доны Флор, сразу после обеда к ее дому подъехало такси Цыгана с Гулякой, Силвио и Мирандоном: они прибыли за нею. «А кума?» — спросила дона Флор Мирандона. «Она с ребятами уже на площади». Пока дона Флор кончала свой туалет, приятели пошли в бар выпить по коктейлю.

Дона Флор с Гулякой сидели на местах, отведенных властям. Губернатор не явился, поскольку заболел гриппом, но к дворцу подвели трансляцию, чтобы его превосходительство с супругой могли слушать концерт. Рядом с четой Гимараэс расположились префект с женой, начальник полиции с матерью и сестрами, директор департамента просвещения, начальник военной полиции, брендмайор с семьей, доктор Жорже Калмон и другие видные особы. Дона Флор улыбнулась мужу:

— Жаль, что мама не видит... Она бы глазам своим не поверила. Мы с тобой попали в такое окружение...

Гуляка рассеялся.

— Твоя мать старая ведьма, где ей понять, что самое дорогое на свете — любовь и дружба, а все остальное чепуха, ради которой не стоило бы и жить.

Сильвио коснулся струн, и площадь восторженно загудела. Пол Сильвио Калдас, сияли в небе луна и звезды, легкий ветерок шелестел в деревьях парка, толпа притихла, и дона Флор, закрыв глаза, положила голову на плечо мужу.

Как обойтись без него, как выжить одной в пустыне, рассеять мрак, выбраться из болота? Зачем ей жизнь без него?

20

Дона Флор мечется на своей железной кровати. Ее терзает мысль, от которой разрывается сердце: никогда больше не обнимет она с жаром и с волнением своего Гуляку. словно острый нож вонзается ей в грудь и убивает все желанья, молодую радость жизни. Дона Флор лежит на железной кровати, будто самозубийца. Только воспоминания о муже поддерживают ее. Зачем она его зовет? Зачем огонь страсти жжет ее и возвращает к жизни? Все напрасно. Никогда уже не придет к ней этот дерзкий любовник, не сорвет с нее одеяло, не станет шептать безумные и прекрасные слова, которые она сейчас даже про себя не решается повторить. Не коснется больше ее груди и бедер, не станет ласкать, и не будет теперь ни бурных восторгов ярости, ни нежности, ни вздохов. Ничего не будет! Но, только вспоминая обо всем этом, она может жить.

Словно грешная душа, бродит дона Флор по холодному, мрачному дому, похожему на гробницу. От стен, черепиц и пола исходит запах плесени, кругом сырость и паутина. Могила, в которой она заживо похорошила себя и воспоминания о Гуляке. К одинокой, охваченной горем доне Флор заглянула ее подруга Норма.

— Нельзя так, Флор. Нельзя! Уже больше месяца как он умер, а ты все ходишь, будто неприкаянная. Твой дом прежде был как игрушка, а теперь стал похож, прости меня, господи, на могилу, в которую ты сама себя законала. Нельзя же так! Возьми себя в руки, перестань убиваться...

Ученицы не знали, как вести себя. Их смех и шутки звучали натянуто. Да и как поддержать былую дружескую атмосферу, которой славилась кулинарная школа «Вкус и искусство», если преподавательница улыбается через силу, словно по обязанности? В прежние времена даже миллионерша дона Мага Патернастро шутливо декламировала, стоя на пороге:

Да здравствует страсти: веселая школа
и ее ученица — молодая шутница!

Учениц становилось все больше, ибо каждая, окончив школу доны Флор, создавала рекламу своей учительнице, рекомендуя ее подругам как превосходную повариху, преподавательницу и к тому же очаровательную женщину. На ее уроках всегда было весело: шутки, смех, анекдоты, время летело незаметно. Иногда доне Флор приходилось даже кое-кому отказывать: слишком много было желающих, а она набирала всего две группы. Теперь все было по-другому: несколько девушек бросили занятия и уже распространяли слухи о закрытии школы. Что стало с когда-то веселой учительницей? Где прежние анекдоты и шутки? Теперь, когда девушки смеялись, взгляд доны Флор вдруг становился озабоченным, а лицо искажала страдательная гримаса. Кому же захочется все время вспоминать о покойнике, его место на кладбище, а рядом с живыми ему делать нечего.

Дионизия Оливесед со своим шалуном, крестником доны Флор, пришла навестить куму. Она была во всем черном, как того требовало приличие, но улыбалась, поскольку прошел уже почти месяц и она делала последний из трех траурных визитов. Печальный и горестный вид доны Флор встревожил Дионизию.

— Пора вам забыть о нем, кума, похоронили и ладно... Иначе он вас погубит...

— Но я не знаю, как это сделать. Мне только тогда и становится легче, когда я о нем думаю...

— Себерите все воспоминания о муже и похороните их глубоко в сердце. Себерите все — и хорошее и плохое, — сделайте вместе и спомейно усните...

Дона Гиза, которая зашла с книгами под мышкой и в легком легком платье, открывавшем взору веснушки на ее крепком теле, отчитала вдову:

— На что ж это похоже? И долго это будет продолжаться?

— А что я могу поделывать? Не нарочно же...

— Где твоя воля? Скажи себе: завтра я начинаю новую жизнь,— и забудь о прошлом.

Хор кумушек вторил ей:

— Теперь без этого негодяя она сможет быть счастливой... Надо бога благодарить...

Стоя во дворе монастыря, словно парящего над бескрайним зеленовато-голубым морем, дон Клементе Нигра смотрел на печальное лицо донны Флор, которая пришла ваказать панихиду.

— Дочь моя,— тихо сказал монах,— к чему такое отчаяние? Он был веселым человеком и любил смех... Глядя на него, я понимал, что самый тяжкий грех — уныние, оно отравляет жизнь. Что бы сказал Гуляка, если б увидел тебя такой печальной? Ему бы это наверняка не понравилось. Если хочешь остаться верной его памяти, радуйся жизни...

А сплетницы все твердили, собираясь на улице:

— Теперь, когда этот пес отправился в преисподнюю, она может веселиться...

Тени донны Розилды, донны Диноры, святош, пропахших ладаном, донны Нормы, донны Гизы, донна Клементе и Дионизии Опосси, улыбающейся своему сынишке, мелькали перед доной Флор. «Соберите все воспоминания о муже, кума, и похороните их глубоко в сердце».

Но плоть бунтует, ничего не желает знать. Дона Флор разумом соглашается с подругами, признает их правоту — пора перестать убиваться и ежедневно подвергать себя невыносимым мучениям. А плоть не покоряется и отчаянно призывает Гуляку. Она снова видит его соблазнительные усики, насмешливую улыбку, шрам от удара ножом, слышит дерзкие и прекрасные слова, которые он ей шептал. Она согласилась бы снова идти с ним по жизни рука об руку, даже если б он продолжал огорчать ее своими бесконечными проделками, лишь бы опять оказаться в его объятиях. Но надо жить, надо открыть двери дома, открыть свои сомкнутые уста, проветрить комнаты и выбросить из головы все, что связано с Гулякой, навсегда похоронив воспоминания о нем глубоко в сердце. Может быть, ей и удастся это. Она не раз слышала, что вдовам надлежит забыть о любви, расстаться с грешными помыслами, превратиться в засохший цветок. Вместе с покойным мужем вдова хоронит свое сердце. Только плохие жены, не любившие своих

мужей, продолжают лелеять бесстыдные мечты. Почему же Гуляка не унес с собой в могилу страсть, ее пожирающую, отчаяние, комом подступившее к горлу, ее невыносимые страдания? Она должна забыть навсегда все связанное с ним, и хорошее и плохое: дурное отношение к ней, безобразные выходки, его веселость, остроумие и благородство; забыть все, что он вдохнул в покорную дону Флор: бушующую в ней мучительную страсть и всепобеждающее желание. Но прежде она в последний раз прогуляется с ним под руку, элегантная, как в те времена, когда еще девушками они с Розалией блистали на балах у богатых буржуа, в туалетах, которые выглядели роскошными, хотя и были спиты ими самими.

Ах! То была самая прекрасная и самая страшная ночь в ее жизни. Удивительная ночь, когда она пережила страх и восторг, унижение и триумф! Длинная ночь, принесшая ей волнения и в игорном и в танцевальном зале, волнение, отчаяние и радость!

Она отправится с Гулякой в это последнее путешествие не торопясь. Шаг за шагом восстанавливая в памяти все, что происходило в ту беззвездную ночь. Из дома они вышли втроем: он, она и донна Гиза. Затем был ужин, танцы, концерт, мулатки и негритянки на эстраде, рулетка, баккара, усталость и нежность, возвращение в такси Цыгана, совсем как в прежние времена. Гуляка нетерпеливо поцеловал ее на глазах у улыбающейся донны Гизы, а потом, уже в спальне, сорвал с нее роскошное платье, которое треснуло по швам.

— Ты даже не представляешь, как ты хороша сегодня, моя любимая, я с ума схожу по тебе. Никогда еще я не желал тебя с такой силой. Сегодня я делал все, что ты хотела, а теперь ты будешь за это расплачиваться...

Дона Флор трепещет. В ту ночь горечь стала сладостью, страдание — высшим наслаждением... Покорная, как рабыня, она отдалась во власть его чувственности и прошла по всем дорогам страсти — по долинам цветов и нежных ласк, влажным темным лесам и запретным тропам, пока не был взят последний редут ее стыдливости. Тогда горечь стала сладостью, а страдание — удивительным, неповторимым наслаждением.

Произошло это в день рождения донны Флор, в декабре прошлого года, накануне рождества,

Лирическое отступление, повествующее о негра
ре Аригофе и красавце Зекито Мирабо

Гуляка проснулся поздно утром, после одиннадцати, так как всю ночь кутил и пришел домой на рассвете. Врежь, он обратил внимание на необычную типину в квартире. Разве сегодня нет занятый? Одна из учениц, стройная, хрупкая мулаточка с золотистой кожей, давно поглядывала на него, и Гуляка уже решил взять ее на прогулку, чтобы насладиться вместе красотой пустынного побережья и запахом моря. Изящная, тонкая, как тростиночка, Иеда привлекала своей молчаливой скромностью; она смиренно ждала, когда придет ее очередь. У Гуляки сейчас был роман с сентиментальной и вбалмошной Зилдой Катунда, самой хорошенькой из трех жеманниц-сестер. Однако уже чувствовалось, что скоро настанет конец их связи: красотка стала слишком требовательной, следила за каждым его шагом, даже ревновала — и надо же дойти до такой наглости! — к самой доне Флор.

Но почему все-таки нет урока, если сегодня не праздник и не воскресенье? Выйдя из ванной, он заметил, что в доме тем не менее царит праздничная атмосфера: доня Норма помогает на кухне, тетя Лита протирает мебель, Телес Порто расположился в качалке с газетами и рюмкой ликера, пахнет вкусными кушаньями. Какой же сегодня праздник?

Гуляка обоим праздничные сборища, гостей, воскресные обильные пириества. Будь у него побольше денег, он бы еще чаще созывал друзей на рабаду¹ и прочие деликатесы. Стоило ему выиграть, и он тут же заказывал фейжоаду, солонину с маниковой молочной кашей и уж обязательно в день Козьмы и Дамиана лакомился каруру, а в день святого Иоанна — канжикой². Но черт возьми, почему сегодня так вкусно пахнет из кухни? По какому поводу готовится вся эта снедь? На этот его вопрос доня Норма ответила с укором:

— И вы еще спрашиваете! Неужели не помните, что сегодня день рождения вашей жены?

— Рождение Флор? Какое же сегодня число? Девятнадцатое декабря?

¹ Рабада — блюдо, приготовленное из хвоста быка, телянка или свиньи.

² Канжика — каша из кукурузной муки.

Возмущенная соседка набросилась на него:

— Как только не стыдно!.. Хотелось бы знать, что вы купили в подарок этой святой женщине?

Увы, донна Норма, он ничего не купил и вполне заслужил упрек за свое невнимание, но разве он был похож на человека, который помнит все дни рождения и заранее выбирает подарки в магазинах? Жаль, конечно, что он упустил случай показать себя с хорошей стороны, принеся жене дорогой подарок. Дона Флор была бы так рада! Совсем как в тот раз, когда он заблаговременно вручил доне Норме крупную сумму, чтобы она купила себе хороший подарок и обязательно свои любимые духи.

Тем более жаль, что сейчас ему особенно везет — за последние пять дней он выигрывал не только в рулетку, баккара, кости, но и в подпольной лотерее. Только за два дня получил две тысячи мильрейсов.

На эти деньги Гуляка даже смог выкупить просроченный вексель, спася доброе имя поручителя, а этот хвостун с хорошо подвешенным языком не был даже его другом, просто знакомым, с которым они встречались в барах и кабаре. Кстати, именно в «Табарисе» этот тип из штата Пара согласился дать Гуляке поручительство и подписать вексель сроком на тридцать дней.

Через месяц с небольшим его вызвали к управляющему банком, куда поступил просроченный вексель. Гуляка сразу же явился, так как придерживался дальновидной тактики не портить отношений с управляющими банков и их заместителями, от которых зависела его судьба.

— Маэстро Валдомиро,— сурово сказал ему сеу Жорже Таркинио, бывший, впрочем, его приятелем,— у меня ваш просроченный вексель.

— Мой вексель? Но я никому не должен... Разрешите посмотреть...

— Пожалуйста, взгляните...

Гуляка узнал свою подпись и подпись поручителя.

— Но, сеу Таркинио, у меня есть поручитель, почему же вы обращаетесь ко мне... Поговорите с ним, он человек богатый, владелец скотоводческих ферм, плантаций, сахарного завода, имеет еще адвокатскую контору и каждый год ездит в Европу... По-моему, следует вызвать его...

— Разумеется, сначала мы обратились к нему, раз он поручитель... Однако он категорически отказался платить.

От такой наглости Гуляка вышел из себя.

— Отказался! Подумайте, сеу Таркинио, как только земля терпит всех этих бессовестных обманщиков... Шляется по кабаре, хвастается своим богатством: и земли-то у него много, и скота, и сахара, и делает он все, что заблагорассудится: в Париже, например, завел сразу трех любовниц; одним словом, послушать его, так он чуть ли не миллионер. И вот вам результат: ему верят как порядочному человеку и попадают на удочку, беря в поручители этого мошенника. Оказывается, вексель просрочен и вы вызываете меня к себе...

— Но ведь фактически вы взяли у него в долг...

— Все это так, сеу Таркинио, но скажите мне, бога ради: если этот болтун не может оплатить вексель, какого черта он предлагает мне поручительство? Должен он погасить вексель, если я не заплачу? Должен, а раз так, я был спокоен... И вот пожалуйста... Он поступил очень непорядочно... Такие вот и подрывают у башков доверие к нам. Если человек соглашается быть поручителем, значит, он готов платить, сеу Таркинио. Таких, как этот Раймундо Рейс, надо сажать в тюрьму за мошенничество.

Сеу Таркинио полагал, что нелепое возмущение Гуляка преследует одну цель: смягчить его и добиться отсрочки векселя. Каково же было его удивление, когда случилось невероятное — Гуляка вдруг вытащил из кармана пачку банкнот.

— Теперь вы понимаете, сеу Таркинио, как повредил моей репутации этот негодяй? Никогда не следует связываться с мошенниками... Ведь я всегда так тщательно выбираю себе поручителей... Ну кто бы мог подумать, что Раймундо Рейс... да, век живи, век учись...

Заплатив по векселю, Гуляка отнюдь не разорился: ему везло все эти дни как никогда. Целую неделю он кутил напрапоалу.

Но самый крупный выигрыш выпал ему накануне. Ночью Гуляке приснился сеу Сампайо, и он даже не стал заглядывать в сонник, и так было ясно, что в лотерею надо ставить на медведя. Потом выигрыш приумножился в «Табарисе». Для банкометов это был неудачный вечер: Гуляка играл осторожно, но уверенно и постоянно выигрывал. Не менее удачлив был и негр Аригоф, уже перед рассветом выигравший в рулетку девяносто шесть конторейсов за какие-нибудь десять минут.

Аригоф пришел перед самым закрытием, незадолго до того, как крупье объявил последнюю ставку. Вид у него

был понурый, поскольку он только что проиграл в ронду последние гроши. Обходя игорные залы один за другим, он забрел в «Табарис», окончив свое бурное плавание в тихой гавани.

«Табарис», это полуказино, полукабаре, действительно был своего рода тихой гаванью. Здесь выступали звезды в зените славы, и звезды уже померкшие, и еще совсем молоденькие девушки. И всем им оказывал свое покровительство администратор сеу Тито, который подбирал актеров по своему усмотрению. Актрис в годах он жалел, ибо нет ничего печальнее и трагичнее судьбы состарившейся актрисы без ангажемента. Молоденьких, если они не годились для эстрады, обучал любви в своей грязной конторе, чтобы они могли зарабатывать себе на хлеб иным способом. Ночью в «Табарис» стекалась самая разношерстная публика: и богатые посетители «Паласа», и завсегдатаи дешевых кабаков и тайных притонов — словом, все, кто хотел в последний раз попытать счастья в игре.

Аригоф пришел как раз в ту минуту, когда Гуляка, окруженный толпой зевак, показывал высокий класс в баккара. Слева от него стоял Мирандон, который время от времени выпрашивал у приятеля фишку, справа — несколько дам, в том числе и сестры Катунда. «Скорей дай мне фишку, дружище, а то сейчас закроют», — попросил Аригоф. Не отрывая взгляд от карт, Гуляка вытащил из кармана фишку, даже не посмотрев, какова ее стоимость. Фишка стоила всего пять мильрейсов, но негру больше и не требовалось. Он побежал к рулетке, поставил на 26 и выиграл. Еще дважды он ставил на это число и дважды выигрывал. Через десять минут у Аригофа было девяносто шесть конто, у Гуляки — двенадцать, не считая конто и трехсот мильрейсов Мирандона.

Аригоф, имевший манеры и замашки английского лорда, тут же заказал шесть костюмов из лучшего льняного полотна, уплатив вперед, и вернул шестьдесят мильрейсов, — он давно был должен Аристидесу Питанге, портному и страстному любителю рулетки, однако не рискующему играть. Скупость не позволяла ему делать больше одной-двух небольших ставок за вечер, и он бродил вокруг столов, переживая за других, подсказывая, на какое число ставить, радуясь чужбому везению, огорчаясь невезению.

Аристидес уже давно махнул рукой на этот долг, но, увидев, как эффектно выиграл его взыскательный, но не

расплатившийся заказчик, забыв обо всех приличиях, потребовал денег тут же, при игроках и девицах. Это было оскорбительно, однако в лице негра ничего не дрогнуло.

— Шестьдесят мильрейсов за костюм?.. А скажите, Питанга, сколько вы берете за костюм из белого льняного полотна?

— Обычного?

— Английского, самого дорогого, цвета яичной скорлупы. Самого лучшего, которое можно купить.

— Приблизительно триста мильрейсов...

Аригоф вытащил пачку банкнот в пятьсот мильрейсов каждая.

— Тут два конто... И шейте мне шесть костюмов, возьмите свои шестьдесят мильрейсов, а остальное я вам даю за то, что вы не поленились прийти и взыскать долг с клиента у игорного стола...

Швырнув портному деньги в лицо, Аригоф повернулся к нему спиной. А тот кинулся собирать кушеры под улюлюканье женщин.

Как мы уже сказали, Аригоф смотрел лордом и, как истинный лорд, не занимался ничем, кроме игры. Нищий, как Иов, этот черный, будто вакса, мастер капоэйры лишился права бывать в Палас-отеле после того, как учинил там дебош. Какой-то лохотенный папенькин сынок, на-лакавшись виски, рассмеялся при виде безукоризненно одетого во все белое Аригофа и громко крикнул: «Взгляните на эту обезьяну, сбежавшую из цирка». Зал был разгромлен, а на лице у нахала до сего дня красуется шрам от ножа.

По случаю небывалого выигрыша друзья устроили ужин под почетным председательством Шимбо. За столом были Мирандон, Робато, Анакреон, Пе де Жегэ, архитектор Лев Серебряный Язык, журналисты Курвело и Жоан Батиста, бакалавр Тибурсио Баррейрос, не считая гостеприимных хозяев заведения и букета легкомысленных прелестниц, которых по желанию сестер Катунда мы будем называть артистками. Этих «богато одаренных сестер», как именовал их в своих статьях Жоан Батиста, родила от разных отцов Жасинта Апанья-о-Баго. Старшая была почти негритянкой, младшая — почти белой, а средняя — очаровательная мулаточка. Внешне они совсем не походили друг на друга, но все трое были злыми и коварными. Пели они плохо, зато любовью занимались с истинным талантом, что и подтверждал Жоан Батиста, тративший все свои гонорары на предприимчивых сестер.

Впрочем, редактор все еще не решил, какой же из них отдать пальму первенства.

Лев Серебряный Язык и адвокат хотели привезти других сестер — сестер из Гонолулу, чтобы придать обществу еще больше блеска. Правда, сестрами они не были даже по матери и родились вовсе не в Гонолулу, как они утверждали, а в Америке. Обе были темнокожие, но сложены превосходно: хрупкая нежная Жо напоминала кошку, а быстрая мускулистая Мо — пантеру. У этих девиц с приятными голосами были свои причуды: они не принимали приглашений на прогулки, обеды, морские купания, ночные пикники, а также не садились за столик к поклонникам и не выпивали с ними. Даже банкир Фернандо Гоэс, высокий и красивый холостяк с туго набитым кошельком, у ног которого были все женщины, не мог заполучить сестер, хотя ездил в «Палас» только ради них и французского шампанского. Жо и Мо пели лирические и джазовые песенки, танцевали и никогда не разлучались; перед выходом на сцену они сидели где-нибудь в укромном уголке и, держась за руки, пили вино из одного бокала. А после выступления поднимались к себе в номер.

Ужин был роскошным, с винами и шампанским, сестры Катунда щедро одаривали всех своими талантами. За столом царил веселье, мрачным оставался лишь молодой бакалавр Баррейрос, который никак не мог пережить отказ «этих отвратительных мужеподобных» американок. Со злости он напивался, не обращая внимания на воркующую возле него толстую Карлу, предлагавшую ему в утешение любовь и поэзию. Когда был подан счет, Аригоф чуть не поссорился с Гулякой: тот хотел оплатить хоть часть ужина. Негр, в которого в этот вечер словно бес вселился, заявил, что сочтет для себя оскорблением, если Гуляка заплатит даже один мильрейс.

По редкому и счастливому совпадению как раз в ту неделю, когда Гуляке сопутствовала удача и он вполне мог сделать самый дорогой подарок жене, и пришелся ее день рождения.

— Так что вы собираетесь ей подарить? — настаивала дна Норма.

Гуляка улыбнулся:

— Что я подарю Флор? Все, что она захочет... Пусть только скажет...

Дона Норма позвала дону Флор, которая пришла из кухни, вытирая руки о передник.

— Это правда, Гуляка? Ты не шутишь?

— Говори, что хочешь...

— А ты не пойдешь на попятный? Исполнишь все, что я попрошу?

— Ты же знаешь, дорогая, уж если я обещаю...

— Тогда пойдем обедать в «Палас», — сказала дона Флор.

До сих пор Гуляка отказывался вводить ее в мир своих друзей-игроков, она была знакома только с Мирандонном, единственным, кто бывал в их доме. Некоторых приятелей Гуляки она видела мельком, остальных знала понаслышке. Даже Анакреон, которого Гуляка очень уважал, за все семь лет был у них не больше пяти-шести раз. Что же касается Аригофа, то он только однажды зашел к ним в воскресенье позавтракать. Знакомые доны Флор, соседи и ученицы были людьми порядочными, не имевшими ничего общего с беспутными приятелями ее мужа. Поэтому Гуляка никогда не соглашался брать дону Флор туда, где играют в рулетку и кости. Жена должна сидеть дома, и нечего ей, черт возьми, делать в этих подозрительных местах!

— С меня более чем достаточно сплетен, которые ходят обо мне, не хватает еще, чтобы ты там появилась.

Напрасно дона Флор убеждала мужа, что в Паласотеле собирается самое изысканное общество. Почему бы и им не поужинать в роскошном зале, не потанцевать под лучший оркестр штата, не посмотреть лучших актеров из Рио и Сан-Пауло? Там бывают дамы из самых фешенебельных кварталов Грасы и Барры, одетые по последней моде, а некоторые из них, наиболее современные, даже играют в рулетку. Игровой зал являлся как бы продолжением танцевального, ибо широкую арку между ними никак нельзя было назвать границей, отделяющей танцующих посетителей от разорения.

Дона Флор же не просила, а требовала, переходила даже к оскорблениям:

— Ты меня не берешь, потому что боишься, что я встречу там твоих потаскух...

— Я не хочу видеть тебя в этих залах...

Но ведь дона Норма ходит в «Палас» с мужем каждый раз, когда там интересная программа. Аргентинцы, хозяйка керамической фабрики, бывают там каждую субботу: ужинают, танцуют, смотрят выступления артистов. Но Гуляка не сдавался и, исчерпав все аргументы, неопределенно обещал:

— Ну хорошо, если подвернется подходящий случай...

И этот долгожданный случай наконец подвернулся. Дона Флор ушам своим не поверила, когда Гуляка, захваченный врасплох, нехотя процедил:

— Что ж, раз тебе так хочется... Как-нибудь на днях сходим.

И тут же предложил взять с собой дядю и тетку, дону Норму с Зе Сампайо, а также дону Гизу. Тетя Лита поблагодарила и отказалась: ей очень хотелось пойти, но у нее не было подходящего для «Паласа» вечернего туалета. Еще больше хотела побывать там дона Норма, однако сеу Сампайо на этот раз остался непреклонен: он очень уважает соседей и благодарит за приглашение, но, к сожалению, не может его принять, так как обычно в девять часов ложится спать, чтобы в шесть утра отправиться в свой магазин. Впрочем, в субботу или воскресенье он пойдет с удовольствием. Что же касается предложения доны Флор, чтобы дона Норма пошла в «Палас» без него, то об этом нечего и думать: он не может допустить, чтобы его жена посещала без мужа места, где пьют и играют, где, кроме порядочных людей, бывают проходимцы, не имеющие ни малейшего понятия о том, что такое уважение к женщине.

Однажды, когда его туда затащила дона Норма, которой очень хотелось послушать французского певца (никогда он не видел более женоподобного мужчину, и тем не менее женщины млели), произошел неприятный случай. Стоило сеу Сампайо на минуту отлучиться, как тут же какой-то наглец стал болтать с доной Нормой, приглашал ее танцевать, делал комплименты ее туалету, словно перед ним была дама полусвета. Сеу Сампайо только потому не проучил негодяя, что хорошо знал его семью: мать и двух сестер, достойнейших особ и постоянных его покупательниц; знал он, впрочем, и самого Зекито Мирабе, заядлого игрока, получившего среди богемы прозвище «красавец Мирабо».

Таким образом, из всех приглашенных дала свое согласие лишь учительница дона Гиза, которая очень обрадовалась возможности послушать сестер из Гонулулу и понаблюдать мир игроков с точки зрения социологии и психоанализа.

Остаток дня дона Флор провела в хлопотах: надо было с помощью доны Нормы и доны Гизы выбрать для вечера платье, перчатки, шляпу, туфли и сумочку. Она хотела быть самой красивой и элегантной в «Паласе»,

чтобы затмить всех женщин — и благородных дам в столичных туалетах, и любовниц банкиров в платьях из Парижа. Наконец-то она переступит запретный порог.

22

Когда она под руку с мужем в волнении переступила порог Палас-отеля, оркестр по странному совпадению исполнял то старое, но никогда не стареющее танго, которое они танцевали, впервые встретившись в доме майора Тиририки. Сердце донь Флор забилося еще сильнее, и она улыбнулась мужу.

— Помнишь?

Зал «Паласа» был погружен в полумрак, так как все лампы горели под аляповатыми пестрыми абажурами, но доня Флор пришла в восторг и от полумрака, и от столиков с бумажными цветами, и от этих абажуров. Гуляка огляделся, стараясь понять, что имела в виду жена: все вокруг было ему знакомо до подробностей, но к доне Флор не имело никакого отношения.

— Что ты имеешь в виду, моя милая?

— Музыку. Это то самое танго, которое мы танцевали, когда познакомились... На празднике у майора, помнишь?

Гуляка улыбнулся и направился к столику, заказанному заранее, как раз у танцевальной площадки и неподалеку от арки, через которую виднелся игорный зал.

Отсюда можно было наблюдать и за танцующими парами, и за переживаниями игроков. Сейчас танцевали всего две пары, но обе слыли лучшими исполнителями танго, и никто не решался с ними соперничать. Дамами были сестры Катунда.

Старшую — негритянку — вел высокий, романтического вида мужчина, одетый по последней моде и походивший одновременно и на киногероя и на профессионального танцора. Позже Гуляка узнал, что это Баррос Мартинс, книгоиздатель из Сан-Пауло, вероятно богатый, как все издатели. Прекрасный танцор, он безукоризненно справлялся с замысловатыми па.

Младшая сестра — белокожая — танцевала с Зекито Мирабо, тем самым красавцем Мирабо, который угодил в неприятную историю с доной Нормой. Подняв глаза к потолку и закусив губу, он время от времени первоначально проводил рукой по развевающейся шевелюре; более

гибкий, баиянец танцевал не хуже Барроса, и па его отличались большим изяществом.

Все еще улыбаясь, Гуляка протянул руку доне Флор и предложил, помогая подняться со стула:

— Давай, дорогая, покажем этим чудакам, что такое настоящее танго...

— А вдруг я разучилась? Ведь я уже давно не танцевала и чувствую какую-то скованность...

В последний раз дона Флор танцевала больше полугодом назад, когда Гуляка совершенно неожиданно согласился пойти с ней на день рождения к доне Эмине. Гуляка был отличным партнером, и дона Флор хорошо танцевала и любила танцевать. Поэтому была недовольна тем, что они редко танцевали вместе, лишь в тех случаях, когда он сопровождал ее на вечеринки к друзьям. А без мужа она и не помышляла о танцах — замужняя женщина может танцевать с другими только с согласия своего повелителя и в его присутствии. Вот и приходилось доне Флор, пока все танцевали, слушать сплетни кумушек и помогать хозяйке. Что же касается Гуляки, то он танцевал где хотел и с кем хотел: в кабаре и на балах-гафиэрах, в «Паласе», «Табарисе» и «Флозо».

Тогда, на дне рождения доны Эмины, дона Флор с Гулякой танцевали все подряд — самбы, фокстроты и раншейры. Доктор Ивес и хозяйка попытались было тягаться с ним — кто не хочет отличиться, — но скоро отказались от своей затеи. Они танцевали совсем неплохо, но, чтобы соперничать с доной Флор и Гулякой, были слишком застенчивы.

И все же одно дело — танцевать на домашней вечеринке, и совсем другое — в зале «Паласа». Тем более что танго было сложное, да еще то самое, на которое семь лет назад Гуляка пригласил ее впервые. Не опозорится ли она теперь, спустя столько времени, в этот сказочный вечер? Дона Флор не подозревала, что этот первый вечер в «Паласе» будет для нее и последним.

Только теперь, потеряв навсегда Гуляку, она поняла, как дорога для нее каждая подробность этой необыкновенной ночи: с той минуты, когда она ступила на танцевальную площадку, и до самых сладостных мгновений, когда ей пришлось расплачиваться за подарок мужа.

Два жеста Гуляки, одинаково нежные и властные, означали для доны Флор начало и конец этой сказочной ночи. Первый — когда он, улыбаясь, протянул ей руку, приглашая на танго, и второй — когда, горя от

нетерпеливой страсти, притянул к себе... Но не надо забегать вперед, она хочет заново пережить ту незабываемую ночь, каждое ее мгновение, каждую ее подробность, ее радости, страхи и наслаждение.

Рука мужа обняла ее стан, и она почувствовала, что легко движется в такт музыке. Дона Флор вспомнила себя молоденькой девушкой, молчаливой, робкой, собирающей цветы в саду тети Литы, пока прикосновение этой руки не зажгло в ее груди огонь, пока эти губы не опалили ее навсегда.

Танго было нежное и чувственное, и они казались то робкими влюбленными, то любовниками, переживающими бурную страсть. Оно напоминало им об очаровании первой встречи и первого взгляда, о первой улыбке и первом смущении, но и о долгих семи годах, полных страданий и любви тоже. Гуляка держал в объятиях целомудренную, молоденькую девушку и в то же время зрелую, пылкую любовницу. Это танго, пронизанное удивительной нежностью и томной страстью, никто еще не танцевал так, как они. Полюбоваться пришли даже заведенные игорного зала.

Издатель, блиставший в кабаре Сан-Пауло, Рио, Буэнос-Айреса, и высокомерный Зекито Мирабо вынуждены были признать себя побежденными и покинуть площадку, предоставив ее доне Флор и Гуляке.

Что это за дама танцует с Гулякой? — спрашивали все друг друга, и вскоре стало известно, что «это его жена и пришла сюда впервые». Самая грациозная из се-тер Катунда, почувствовав укол ревности, сделала пренебрежительную гримасу.

Потом они вернулись к столу и Гуляка, заказав ужин и вина, стал отвечать на вопросы доны Гизы о посетителях, однако сенсация, вызванная доной Флор, не улеглась. Вокруг нее слышался шепот, на нее бросали любопытные взгляды, словно она была дамой из высшего общества или дорогой содержанкой с самыми светскими манерами.

Дона Флор ощущала нечто вроде головокружения. Ошеломленная и счастливая, она все же не знала, что означают эти быстрые взгляды, недоуменные жесты, улыбки — симпатию или насмешку. Рассеянно слушала она мужа.

— Ему уже больше семидесяти... Он играет только в баккара и всегда делает ставку в пять конто. Как-то раз за один вечер он проиграл больше двухсот конто... Но

потом явились его дети — два негодяя сына и потаскуха-дочь со своим мужем — и стали силой тащить его отсюда. Хуже всех вела себя дочь, эта подколодная змея, она натравливала на отца братьев и рогоносца мужа... Теперь они затеяли против него судебный процесс, чтобы доказать, что старик выжил из ума и не способен больше распоряжаться своим имуществом...

Дона Гиза вытянула шею, стараясь получше разглядеть тощего как скелет старца с редкими седыми волосами. Он твердо держался, опираясь на палку. Лицо выражало волнение, а в глазах горел алчный огонь, казалось, что только он и поддерживает в старике жизнь.

— В конце концов кто заработал эти деньги? — с возмущением спрашивал Гуляка. — А дети только и умеют что тратить! Бездельники! Они, видите ли, решили собственного отца отправить в сумасшедший дом... Я бы выпорол их всех, в том числе и девчонку, а потом засадил в тюрьму.

Дона Гиза не согласилась с ним: по ее мнению, старик не смел проигрывать состояние, поскольку должен был обеспечить семью...

Лекция о тонкостях наследственного права была прервана Зекито Мирабо, который подвел к их столику издателя из Сан-Пауло, чтобы познакомить с Гулякой и доной Флор.

— Я хочу, Гуляка, представить тебе своего друга, он много слышал о тебе и видел, как ты танцуешь... Он важная персона в Сан-Пауло... — И, обернувшись к привезшему, отрекомендовал Гуляку. — Вы уже знаете о нем, это... — Присутствие донь Флор сковывало его. — Ну, в общем, мой большой друг...

Гуляка торжественно представил дам:

— Моя жена и ее подруга доня Гиза — американка, кладезь премудрости...

Дона Флор смущенно протянула кончики пальцев, словно какая-нибудь деревенщина. Издатель, почтительно склонившись, поцеловал ей руку.

— Жозе де Баррос Мартинс к вашим услугам. Поздравляю вас, сеньора, редко мне доводилось видеть танго в таком прекрасном исполнении... Это было великолепно!

Затем он поцеловал руку доне Гизе и, так как оркестр заиграл в это время самбу, спросил:

— Вы танцуете самбу? Или, как истинная американка, предпочитаете блюз?..

Гуляка сразу же сбил с издателя спесь:

— Да что вы!.. Она отплясывает самбу так, что залюбишься...

— Ну что ты говоришь...— улыбаясь, с легким укором сказала дона Флор.

Но дона Гиза даже глазом не моргнула, совсем не обидевшись, она вышла с издателем на площадку и лихо завертела своими тощими бедрами, будто в подтверждение слов Гуляки. Вдруг Гуляка помрачнел, и дона Флор сразу сообразила, почему: одна из трех мулаток, сидевших за столиком Зекито, такая хорошенькая, что невозможно было оторвать от нее глаз, тоже подошла к ним и, окинув вызывающим взглядом дону Флор, нежно проворковала, обращаясь к Мирабо:

— Дорогой, наша самба. Я жду...

Доне Флор она адресовала свое презрение, Гуляке — сердитый взгляд и ангельскую, соблазнительную улыбку Зекито:

— Пойдем, негритенок...

Дона Флор старалась не глядеть на мужа. Наступила неловкая пауза: прищулив глаза, она повернулась к танцевальной площадке, Гуляка смотрел в сторону игорного зала. Зачем ей понадобилось приходить сюда, спрашивал он себя. Он всегда так противился этому. И вот теперь, в день своего рождения, вместо того чтобы веселиться, бедняжка Флор кусает губы, сдерживая слезы. Эта ослица Зилда дорого поплатится. Гуляка наклонился к доне Флор и, взяв ее руку, шепнул с нежностью, которую нельзя было не почувствовать:

— Не будь дурочкой, дорогая. Ты сама захотела прийти сюда, но это место не для тебя, моя глупышка. Неужели ты станешь обращать внимание на здешних потаскух и их выходки? Ты пришла повеселиться со мной, так считай, что, кроме нас, здесь никого нет... Пошли к черту эту шлюху, у меня с ней ничего нет...

Дона Флор легко дала себя обмануть, потому что ей хотелось верить. Со слезами на глазах, жалобным голоском она переспросила:

— Это правда?

— Разве ты не видишь, что я не обращаю на нее внимания? Забудь о ней, любимая, эта ночь наша, ты убедишься в этом, когда мы вернемся домой... Я не пойду сегодня играть.

Мулатка проплыла мимо них в танце, прижимаясь к красавцу Мирабо, который в экстазе закатил глаза.

— Пойдем потанцуем? — предложила дона Флор.

Они танцевали самбу, пасодобль. Потом ей захотелось посмотреть игорный зал, и Гуляка, который был готов исполнить любой каприз жены, повел ее туда. Дона Гиза тоже пошла за ними своей прыгающей походкой, желая узнать все, вплоть до преисподней. Она ничего не смыслила в картах и в жизни не видела, как играют в кости.

Дона Флор молчала, как человек, проникающий в храм, куда заказан путь непосвященным. Наконец-то ей удалось попасть туда, где ее муж становился богачом и нищим, королем и рабом. Она стояла на самой границе этой ночной жизни, этого свинцового моря, за которым простирались мечты и тревоги. Залы «Паласа» были самой богатой и блестящей столицей этого мира. Его тернистые пути вели в кабаре, игорные и публичные дома, тайные притоны, грязные и мрачные убежища наркоманов, о которых дона Флор не могла слышать без содрогания. Гуляка уверенно шел по этим путям, дона же Флор лишь робко приблизилась к границам.

За стенами «Паласа», в котором, если верить рекламе, царит приятная семейная обстановка и полумрак, горят хрустальные люстры, играет первоклассный оркестр, блистают дамы из высшего общества и дорогие содержанки, в лабиринтах бедной, лишенной мишуры ночи таилась последняя правда Гуляки.

Доне Флор достаточно было быстрым шагом обойти игорный зал, и она постигла этот безумный мир, этот океан слез, причину ее горестей и страданий. Дона Гиза, напротив, шла медленно, как замороженная, вглядываясь в лица игроков, их жесты. Один из них возбужденно говорил сам с собой. Будь ее воля, учительница еще долго там оставалась бы. Но официант, с почтением относившийся к Гуляке, пришел сообщить, что ужин подан и скоро начнутся выступления артистов.

Вернувшись в танцевальный зал, они столкнулись с только что вошедшим Мирандоном. Кума в «Паласе»?.. Что за чудо! Уж не решила ли она взорвать игорный зал? Сегодня день ее рождения? Боже, как он мог забыть! Завтра же он пришлет свою жену с крестником и подарком. «Никаких подарков», — возразила дона Флор. Она была довольна сверх всякой меры подарком мужа и не желала никакого другого.

Кормили в ресторане скверно: рис был недосолен, мясо невкусное, но Гуляка был так предупредителен,

предлагая ей лучшие куски! Дона Флор позабыла о всех своих страхах.

Вдруг огни погасли и тут же снова вспыхнули; конферансье Жулио Морено объявил о начале концерта. Первыми выступали сестры Катунда: пели они неважно, зато выставляли напоказ свои груди и ляжки.

Я всю ночь напролет пропляшу
Раншейру...
Раншейру...

Дерзкая и изящная Зилда была сложена лучше остальных, эту очевидную истину дона Флор не могла не признать. Гуляка же не обращал никакого внимания на мулаток, занятый десертом. Теперь уже дона Флор потлядывала на соперницу с пренебрежением; она взяла мужа за руку, и они улыбались друг другу, пока красавицы сестры демонстрировали свои прелести то в синем, то в красном освещении.

Потом выступали сестры из Гонулулу: их печальное пение напоминало стоны черных рабов, закованных в цепи, мольбу бесправных, униженных людей. «Даже их красивые тела навевают грусть», — подумала дона Флор. Пение мулаток Катунда было как звон бубенчика, как птичья трель, как луч солнца, их тела дышали молодостью и здоровьем, песни Жо и Мо походили на вопль, полный отчаяния. Сестры Катунда танцевали, обращаясь к веселым негритянским богам, прибывшим из Африки и все еще живущим в Баие. Американские негритянки молили сурового далекого бога, их господина, которого им навязали кнутом и побоями. В пении одних звучала радость, в пении других — плач.

— Я должен покинуть тебя ненадолго, дорогая...

Гуляка встал и быстрым шагом направился в игровой зал. Вспыхнул свет, раздались аплодисменты. Дона Флор увидела, как Мо подала руку Жо, и так, взявшись за руки, они покинули эстраду. Издатель из Сан-Пауло снова ушел танцевать, Зекито Мирабо присоединился к игрокам.

Мирандон тоже хотел бы уйти с Гулякой и Мирабо, но кум оставил его развлекать дам, поэтому приходилось отвечать на idiotские вопросы учительницы.

Дона Флор заметила, как к Гуляке, стоявшему у рулетки, подошла Зилда и, встав рядом с ним, положила ему руку на плечо. Гуляка продолжал напряженно следить за шариком в ожидании торжественной и решаю-

щей минуты. Возмущенная дона Флор уже поднялась было со стула, готовая на любой скандал, на любую самую отчаянную выходку во вкусе здешних девиц. Но тут она увидела, что Гуляка, как только крупье огласил выигрыш, заметил руку Зилды, стряхнул ее со своего плеча и сказал что-то резкое. Мулатка тут же ушла с недовольным видом.

Гуляка, поняв, что дона Флор все видела, направился к ней с фишками в руках. Поеживаясь от мудреных вопросов доны Гизы, Мирандон зашивал свое невежество остатками сладкого вермута.

— Еще две-три ставки, и мы уйдем, дорогая, — шепнул Гуляка жене. — Я уже послал Цыгану записку, чтобы он ждал нас с машиной. Даю слово, мы не задержимся... — И куснул ее ухо, обдав своим жарким дыханием, словно огнем опалил.

Дона Флор вдруг вздрогнула и вздохнула. Сумасшедший! А вдруг кто-нибудь видел? Будут потом толковать о том, что ей приходится терпеть от этого разбойника!

Гуляка вернулся в игорный зал и снова занял свое место у рулетки. Он стоял, слегка ссутулившись, белокурый, с нахальными усиками и дерзкой улыбкой... Дона Флор не сводила глаз со своего Гуляки.

Сейчас она вспоминала каждую подробность этой ночи, каждый день своей жизни с ним, стараясь ничего не упустить — ни хорошего, ни плохого.

Гуляка подал ей знак, что делает последнюю ставку, такси Цыгана подождет еще несколько минут. «Никогда больше я не пойду с тобой, мой любимый, на праздник этой ночи, где капля горечи растворилась в огромном море любви». Таким он навсегда останется в ее памяти: за игорным столом, делающим ставку на свое любимое число 17. Собрав воспоминания о муже, дона Флор заперла их в своем сердце. Резко повернувшись на железной кровати, она закрыла глаза и заснула спокойным сном.

Ровно через месяц после смерти Гуляки дона Флор, отслужив панихиду, отправилась на цветочный базар на Кабесе. С того влосчастного воскресенья, когда смерть нанесла Гуляке свой удар, она второй раз выходила из дому, Первый — отслужить панихиду на седьмой день,

Дона Флор, возвращавшаяся из церкви, вызвала всеобщее любопытство. Бармен Мендес кивнул ей из-за прилавка, сеу Морейро, португалец, увидев ее, крикнул жене, возившейся на кухне: «Иди скорее, Мария, посмотри на вдову». Несколько мужчин, в том числе и щеголь-аргентинец сеу Бернабо, поклонились ей, сняв шляпу.

На углу возле мясной лавки ее приветствовала негрятка Виторина, торгующая с лотка, у порога своей аптеки фармацевт доктор Теодоро Мадурейра скорбно склонился, выражая ей свое сочувствие. Рассеянный профессор Эпаминондас Соуза Пинто, как всегда куда-то бежавший с книгами под мышкой, протянул ей руку:

— Такова жизнь, дорогая сеньора. Что поделаешь?!

Посетители бара, покупатели из магазинов, в их числе и помещик Мойзес Алвес, приехавший за пряностями для своих прославленных блюд, выходили посмотреть на дону Флор и молча ей кланялись. Резчик по дереву, друг дяди Телеса, отложил в сторону работу и сказал почтительно:

— Добрый день, Флор. Не нужна ли тебе моя помощь?

Продавцы цветов окружили ее со всех сторон. Она купила роз и гвоздик, пальмовых веток и фиалок, лилий и скабиоз.

Еще молодой, высокий и тощий негр с острым профилем и загадочным выражением лица, которого внимательно слушали механики и шоферы на стоянке такси, узнав, кто такая дона Флор и для чего она покупает цветы, подошел к ней и попросил несколько цветов. Удивленная дона Флор протянула ему букет, и он сам выбрал из него три желтых гвоздики и четыре фиолетовых скабиозы, потом вытащил бечевку из кармана пиджака и связал ею маленький букетик.

— Когда придете на могилу Гуляки, развяжите. Это для того, чтобы его эгун¹ успокоился.— И тихо добавил: — Аку або!

Негр оказался жрецом Диди, и лишь спустя много времени дона Флор узнала имя этого могущественного и славного прорицателя.

Она была в глубоком трауре, вся в черном, ибо прошел всего месяц со дня смерти мужа. Но сквозь вуаль

¹ Эгун — негрятское языческое божество.

виднелось ее лицо, на котором уже не было скорби. На нем еще можно было прочесть грусть, но не отчаяние.

Вдыхая чистый воздух этого прозрачного ясного утра, дона Флор наконец подняла свой взор от земли и вновь прозрела, увидев окружающий ее мир, озаренный светом солнца.

Дона Флор несла цветы на могилу мужа, пробираясь сквозь густую толпу прохожих, которые разговаривали, смеялись. Многие снимали перед нею шляпу, кланялись. Она с благодарностью отвечала на поклоны тем, кто хотел ее утешить. Она шла на кладбище, но жизнь снова вступала в свои права, и она возвращалась к живым, излечиваясь от своего недуга.

Конечно, это была уже не прежняя Флор, вместе с мужем ей пришлось похоронить некоторые свои воспоминания и чувства; она стала уважаемой всеми вдовой и теперь снова оживает, может ощущать тепло солнца, дуновение ветерка, смеяться и радоваться. Она смирилась,

III

О периоде менее строгого траура, об интимной жизни вдовы и ее скромности, о заботах молодой и желанной женщины и о том, как она пришла, честная и кроткая, к своему второму замужеству, когда власть покойного над нею уже стала ее тяготить

(с предсказаниями доны Диноры на хрустальном шаре)

кулинарная школа «вкус и искусство»

Жареная черепаха и другие редкие блюда

Несколько дней тому назад кто-то спросил (кажется, дона Наир Карвальо, это она любит подавать к столу самые изысканные кушанья), чем следует поразить гурмана, особенно ценящего оригинальную кухню.

Так вот, я рекомендую в таком случае подать деликатес — жареную черепаху — и сейчас продиктую вам рецепт, который мне дала дона Кармен Диас и который она долгое время хранила в тайне. Можете записать его. Если я не ошибаюсь, черепаху едят на празднике кандомбле, поскольку, как мне сказала кума Дионизия, дочь Ошосси, это — любимое блюдо божества Шанго.

Помимо черепахи, рекомендую дичь, особенно рагу из ящерицы тейю: у нее очень нежное мясо, отдающее кориандром и розмарином. Если возможно, подайте в душистых листьях зажаренного целиком кайтиту — дикого кабана, мясо которого пахнет селвой. Это поистине королевское кушанье!

Если же ваш гость пожелает еще более изысканного блюда, чего-то совершенно особенного, словом, пиши бо-

гов, тогда подайте ему красивую, молодую вдову, омытую слезами печали и одиночества, приправленную скромностью и трауром, разогретую на медленном огне запретного желанья, которое придает ей аромат греховности.

Я знаю одну такую вдову, она каждую ночь поджаривается на медленном огне и вполне поспела, чтобы быть поданной.

Жареная черепаха

(Рецепт донь Кармен Диас, который она сообщила доне Флор, и которая, в свою очередь, продиктовала его своим ученицам)

«Черепашку сдавливают с боков и таким образом умерщвляют (варварский способ), потому что голова должна остаться неповрежденной. Затем ее подвешивают за задние лапы и отрезают голову. Так она должна висеть в течение часа, пока не стечет кровь. После этого черепашку кладут на спину и отрезают ноги, но не выбрасывают их, а лишь снимают кожу. Затем потрошат, срезают мясо и извлекают яйца (если они есть), а кишки выбрасывают. Все это продельвается очень аккуратно. Затем хорошенько промывают мясо и внутренности и, вымочив все это в оливковом масле с солью, лимоном, чесноком, луком, помидорами и перцем, ставят на умеренный огонь. Жарить до тех пор, пока мясо не зарумянится как следует и не появится специфический аромат. Подавать с королевским картофелем, сваренным в недосоленной воде, или с жареной маниоковой мукой и кориандром».

1

Шесть месяцев доня Флор соблюдала строгий траур, ходила по улице и даже дома только в глухих черных платьях. Лишь чулки у нее были серые.

Вот почему ученицы — очень шумная новая группа, — увидев ее однажды утром в белой блузке с темными узорами и в ожерелье из поддельного жемчуга, со слегка подкрашенными губами, заплодировали. Однако пройдет еще полгода, прежде чем доня Флор сможет носить яркие платья, в том числе и модных цветов: небесно-лазурного, гортензии и морской воды.

Похоронив в душе все, что было связано с Гулякой, дона Флор опять стала такой, какой нарисовала ее в своих стихах богачка дона Мага Патерностро. Она еще носила черное в угоду обычаям и соседям, но уже обрела вновь свой мягкий смех, свою сердечность, свой былой интерес к жизни и трудолюбие. В ее облике сквозила задумчивая грусть, придававшая ее красоте какую-то новую прелесть, новое очарование, когда с прежним вдохновением она занялась своей школой, о которой совсем забыла.

Имени мужа она теперь даже не произносила, словно его никогда не было, словно после тяжелых и долгих раздумий она вдруг согласилась с доной Динорой и прочими кумушками, что смерть мужа принесла ей освобождение. Во всяком случае, так могло показаться со стороны.

Вернувшись тогда с кладбища, где она возложила на могилу Гуляки цветы и букетик прорицателя, дона Флор открыла окна гостиной, впустив наконец туда солнце, изгнавшее тени и призраков. Потом взяла щетку и принялась за уборку.

Дона Розилда хотела помочь ей, но уборка была генеральной и ей самой пришлось выметаться, хотя сын и невестка уже начали надеяться, что избавились от нее навсегда. Они полагали, что именно дона Флор, недавно овдовевшая и безутешная, нуждается сейчас в постоянной заботе, любви и присутствии матери. Ей, одинокой и беззащитной, охваченной горем, опытная и решительная дона Розилда будет помогать по дому и во всех тех делах, которые вдруг на нее обрушились. Кто знает, может быть, свершится чудо и они навсегда освободятся от доны Розилды. Селеста даже дала обет богородице скорбящей.

Однако их молитвы не были услышаны, видимо, святой покровитель доны Флор оказался сильнее, а может, ей помогали языческие божества кумы Дионизии. Так или иначе, Флор избавилась от доны Розилды, которая перед отъездом учинила скандал, обругав всех соседей. Она кричала, что они ее замучили и создали вокруг нее совершенно невыносимую обстановку.

В маленьком домишке дочери для доны Розилды не нашлось отдельного помещения, и она спала на раскладушке в комнате, где дона Флор занималась с ученицами. Негде было даже разложить вещи, которые она привезла с собой. У сына же дом был просторный, со всеми удобствами. Кроме того, в Назарете дона Розилда пользова-

лась определенным престижем не только как мать Эйтора — видного чиновника и второго секретаря общественного клуба, а также одного из лучших в городе игроков в гаман и шашки и прекрасного художника, она и сама могла украсить любое общество, без конца рассказывая о своих связях с самыми знаменитыми людьми столицы: Мариньо Фалконом, доктором Зителманом Оливой, доной Лижией; журналистом Насифе, доной Магой, промышленником Нилсоном Костой и своим кумом доктором Луисом Энрике, гордостью тех краев.

Здесь же, в Баие, в квартале, где живут люди небогатые либо среднего достатка, к ней не проявляли ни интереса, ни уважения, больше того, ее недолюбливали. Близкие подруги ее дочери — дона Норма, дона Гиза, дона Эмина, дона Амелия Руас, дона Жаси — самым наглым образом ставили ей в вину состояние доны Флор, до которого она будто бы ее довела своими упреками, оскорблениями и нелепой ненавистью к покойному. Они даже выдвинули ультиматум: либо она изменит свое поведение, либо уберется восвояси.

Только назло соседям дона Розилда решила продлить свой визит, несмотря на все неудобства. (Дона Жаси даже нашла для Флор служанку — свою крестницу, нераговорчивую женщину по имени София.) Однако дона Розилда заторопилась с отъездом, получив через своего кума доктора известие о том, что преподобный Валфридо Мораэс назначил ее казначейшей общества по сбору средств на перестройку собора в Назарете. В совет этого общества входили супруга судьи (председательница), супруга префекта (первая заместительница), супруга полицейского инспектора (вторая заместительница) и другие видные особы города Назарета. Дона Розилда уже давно лелеяла мечту попасть в число членов административного совета, пусть даже на самый низкий пост, и никак не ожидала столь почетного места. Видно, бог наставил падре Валфридо, который до сих пор отмалчивался, когда дона Розилда приставала к нему с просьбами.

На самом же деле священник принял это решение после долгих колебаний и сомнений. Влиятельный земляк, к которому он обратился за солидными ассигнованиями из казны штата, заявил, что поможет при условии, если дона Розилда будет назначена на какой-нибудь пост в благотворительном обществе. Осудив в душе этот шантаж, священник вынужден был уступить, поскольку очень нуждался в деньгах и без вмешательства доктора

Луиса Энрике не мог ускорить бюрократическую волокиту.

Накануне дона Гиза, с которой доктор иногда спорил о судьбах мира и несовершенстве рода человеческого, сказала ему:

— Если дона Розилда не уедет, бедняжка Флор никогда не узнает покоя и не забудется... А ей это необходимо, она в тяжелом состоянии. Любопытный случай, дорогой доктор, его можно объяснить только с помощью психоанализа. Фрейд упоминает нечто подобное...

Дона Норма, с которой она пришла, вовремя прервала подругу:

— Вы сделаете доброе дело, доктор... если отошлете эту ведьму в Назарет, у нас больше нет сил ее терпеть...

— Бедный Эйтор, бедная Селеста, бедные дети... — вздохнул доктор. Но надо было выбирать между доной Флор и супружеской четой в Назарете, над которой уже несколько лет измывалась дона Розилда, и он без колебания принес в жертву своего крестника и его симпатичную жену, хотя доктора всегда хорошо кормили в этом доме, когда он приезжал в Реконкаво.

Каждый несет свой крест, решил он; дона Флор несла его семь лет подряд, — муж был для нее тяжелым бременем. Поэтому несправедливо именно сейчас, когда она овдовела, навязывать ей дону Розилду, этот терновый венец.

После отъезда доны Розилды сплетницы почти угомонились, поскольку дона Норма и дона Гиза потребовали оставить дону Флор в покое, и та вернулась к прежней жизни, пройдя бескрайнюю пустыню одиночества. Впрочем, без мужа жизнь ее стала спокойнее — неприятности, страхи, огорчения, отчаяние ушли в прошлое, и дона Флор теперь спала крепко по ночам. Она ложилась сравнительно рано, посидев перед сном с доной Нормой и другими подругами на улице и обсудив все последние новости, радиопередачи и фильмы. В кино она ходила с доной Нормой и сеу Сампайо, доной Амелией и сеу Руасом, доной Эминой и доктором Ивесом, очень любившим ковбойские фильмы. По воскресеньям обедала у дяди и тетки: дядя Порто по-прежнему увлекался пейзажами; тетя Литта, хотя и начинала стареть, все еще заботилась о саде и котах.

Дона Флор не пожелала присоединиться к компании, собиравшейся играть в карты у доны Амелии, куда приходила даже дона Энаида из Шаме-Шаме. Заядлые кар-

тежницы всячески соблазняли дону Флор, однако та была непреклонна, вероятно потому, что покойный израсходовал весь азарт, отпущенный на их семью, не оставив ничего на ее долю. Самым ярким врагом карт был владелец керамической фабрики аргентинец сеу Бернабо, жена которого дона Нанси любила играть до безумия, но он разрешал ей только раскладывать пасьянсы.

Итак, жизнь доны Флор текла спокойно; она давала уроки двум группам и старалась занять свой досуг, насколько ей это позволяло ее нынешнее положение. Дел у нее было не так уж мало, как могло показаться с первого взгляда: они заполняли почти весь день, и доне Флор некогда было предаваться печали. К тому же приходилось, когда нельзя было отказать, брать заказы на праздничные завтраки, обеды, банкеты; в такие дни дона Флор с раннего утра пропадала на кухне. Работа эта очень утомляла ее, поскольку дона Флор была требовательна к себе, старалась изо всех сил и всегда волновалась.

Она взяла себе в помощницы шестнадцатилетнюю девушку, дочь вдовы Марии до Кармо, которая, унаследовав после смерти мужа какаоовую плантацию, поселилась вскоре после карнавала в верхней части города и вошла в компанию доны Нормы. Смуглая Марилда быстро стала подавать надежды. Она подружилась с доной Флор и не отходила от нее ни на шаг, наблюдая, как та готовит то или иное блюдо. И дона Флор с улыбкой глядела на девушку, которая носилась по дому, распевая песенки. У нее были длинные волосы и лицо, как у многих подростков в тропиках, бледное от слабости и лихорадки; если бы Гуляка был жив, не помогли бы никакие предосторожности, он никогда не считался с возрастом.

Итак, жизнь доны Флор была заполнена до предела, время летело быстро, и иногда она даже не успевала сделать все, за что бралась. После стольких хлопот и занятий с ученицами она чувствовала себя такой утомленной, что засыпала, едва только ее голова касалась подушки.

Но откуда же тогда это постоянное ощущение, будто все, что она делает, никому не нужно? Денег при ее скромности и бережливости вполне хватает, чтобы прилично жить, да еще по старой привычке откладывать. Жизнь ее спокойна и даже весела, почему же она кажется такой пустой и бесполезной?

Среди множества сплетниц, старых и молодых — ведь сплетнями можно заниматься в любом возрасте, — обитавших по соседству с доной Флор, особенно выделялась дона Динора, прославившаяся даже ясновидящей.

Мы уже встречались с нею на страницах этой книги, но ничего не рассказали о ней, и можно было подумать, что она чуть ли не второстепенный персонаж, обыкновенная сплетница. Скорее всего присутствие донны Розилды, к счастью, наконец оказавшейся в Реконкаво, лишило нас возможности уделить достаточно внимания такой выдающейся личности. Однако никогда не поздно исправить допущенную ошибку, справедливость должна возторжествовать.

Многие считали дону Динору вдовой комендатора Педро Ортеги, богатого испанского коммерсанта, отправившегося к праотцам лет десять тому назад. В действительности же она никогда не была замужем, хотя в девицах проходила недолго; очень рано она сбежала из дому ради увлекательной и в некотором смысле даже блестящей жизни, полной пикантных приключений. Однако теперь — и слава богу! — вы не найдете женщины более нравственной и более требовательной к соблюдению правил морали. Так преобразила ее счастливая встреча с испанцем, когда, достигнув сорокапятилетнего возраста, она уже стала опасаться за свое будущее, ибо больше всего на свете боялась бедности.

Дона Динора никогда не была красавицей, хотя обладала определенной привлекательностью, которой и была обязана своим успехам у мужчин. Но с годами привлекательность эта исчезла. И тут ей повезло с комендаторм. «Я вытащила билет, на который выпал крупный выигрыш» — говорила тогда дона Динора своим подругам. Испанец обеспечил ей будущее и купил домик недалеко от площади Второго июля, где она и поселилась.

Кто знает, может быть, именно из-за боязни состариться в бедности и зарабатывать хлеб на панели доне Диноре, заручившись покровительством коммерсанта, из весьма легкомысленной особы быстро превратилась в респектабельную даму и строгую блюстительницу нравов. А когда Педро Ортега отошел в мир иной, доне Диноре было уже за пятьдесят (точнее, пятьдесят три), и за восемь лет своей внебрачной связи она приобрела еще больший вкус к добродетели и к семейной жизни.

Благодарный любовник оставил своей верной и открывшей ему мир неведомых дотоле наслаждений подружке (каким болваном он был, простояв свои лучшие годы за прилавком кондитерской и зная только иссохшее тело жены, мрачной святоши) наследство: помимо дома — убежища греховных страстей, — акции и государственные облигации, а также скромную ренту, достаточную, однако, для того, чтобы обеспечить спокойную старость, которую донна Динора посвятила сплетням и интригам.

Теперь доне Диноре перевалило за шестьдесят; у нее был резкий голос, нервный смех и размахистые движения. С виду она казалась покладистой, доброй старушкой, на самом деле была «сосуд с ядом, очковая змея, украшенная птичьими перьями», как охарактеризовал ее почти поэтически Мирандон — постоянная жертва кумушек. Фразу эту он сказал журналисту Джованни Гимараэнсу при виде благочестивой вдовы — столпа морали, — которая возвращалась с обеда у доны Флор по случаю приезда Силвио Калдаса. А потом философски заключил:

— Чем беспутнее в молодости, тем лицемернее в старости. Смесь девственницы и шлюхи...

— Это страшилище? Кто она?

— Когда-то была очень известна, и тогда у нее было не только имя, но и прозвище. О ней много рассказывал Анакреон, он тоже пил из этого кувшина. Ты, наверное, слышал о ней. Ее звали Динора Великолепный Зад.

Джованни был поражен:

— Так это она? Динора Великолепный Зад, о которой столько вспоминают? Боже мой!

Так проходит слава мирская, заключили оба, наблюдая добродетель в таком отталкивающем облике: донна Динора была низкорослой, коренастой, с короткими ногами и низким задом, с большой головой... Одетая в траур, как и положено вдове, с медальоном на шее, где хранилась фотография комендатора, о котором она говорила только как о своем муже и единственном мужчине в ее жизни. Людей вроде Анакреона она считала вырожденками, и они для нее как бы не существовали, она их просто не замечала.

Донна Динора никогда не говорила ничего в лицо, а пакостила исподтишка, делая вид, будто все понимает и прощает, кому-то сочувствуя, кого-то поддерживая. Так она прослыла доброй и отзывчивой. Когда ее изобличали в интриге, она прикидывалась жертвой: хотела, дескать,

совершить доброе дело, а взамен получила черную неблагодарность.

Сеу Зе Сампайо, человек мирный, рано ложился спать, жалуясь на свои мнимые недомогания. Обычно он запасался свежими газетами и старыми журналами, которые обожал читать в постели. Заслышав пронзительный голос доны Диноры, он в ужасе затыкал уши и говорил доне Норме сдержанно, но возмущенно, как человек, который уже не в силах побороть отвращение:

— Вот шлюха, другой такой не сыщешь...

— Зачем же так зло? Она ведь в общем безобидная.

Хитрая дона Динора сумела снова улестить дону Норму даже после истории с Дионизией, когда ее престиж едва не пошатнулся. Но провести сеу Сампайо было не так просто.

— Настоящая шлюха... Постарайся, пожалуйста, чтобы она не совала нос ко мне в спальню. Скажи, что я сплю, отдыхаю... Наконец, умер...

Но разве могла дона Норма помешать такому человеку, как дона Динора? На правах друга входила она в самые уважаемые и состоятельные семьи. К беднякам же она относилась свысока, изображая покровительницу беззащитных, и держала их от себя на определенной дистанции. Она проникла в коридор и вошла в спальню.

— Разрешите, сеу Сампайо? — Он ненавидел эту огромную голову, «самую огромную в Баие», ее волосы, крашенные перекисью водорода, ее лошадиную челюсть, ее голос и фальшивую заботливость. — Опять вам не поможет, сеу Сампайо? Я всегда твержу: «У сеу Сампайо при крепком сложении очень деликатное здоровье. Чуть что, и он уже лежит в постели и пьет лекарства. Если сеу Сампайо не будет беречь себя, он в один прекрасный день умрет...» Я не устаю это повторять.

Мнительному Зе Сампайо захотелось вытолкнуть ее вон.

— Вы ошибаетесь, дона Динора, у меня железное здоровье...

— Тогда почему вы лежите в постели, сеу Сампайо, а не пойдете побеседовать с кем-нибудь. Вы такой просвещенный... Все говорят, что вы только потому не получили диплома... Ну, в общем, вы знаете, всякое болтают... Если обращать внимание... Я-то не придаю значения этой болтовне... У меня в одно ухо входит, из другого выходит...

Зе Сампайо знал, что она намекает на его молодые годы, когда он, сидя на шее у отца, вел разгульную жизнь. Отец, разозлившись, перестал давать ему деньги, заставил бросить учебу и отправил в магазин приказчиком.

— Мало ли что болтают, дона Динора, разве можно ко всему относиться всерьез...

— Вы считаете, что не надо придавать значения тому, что о нас говорят? Так? — Она таращила свои бычьи глаза, словно Зе Сампайо был оракулом и изрекал неоспоримые истины.

— Да, так... — Зе Сампайо обозлился. — Знаете что, дона Динора? Единственно, чего я хочу, — это мира и покоя... А потому я все время стараюсь образумить тех, у кого не хватает ума, но пока мне это не удается... Больше того, мне это осточертело... Если позволите...

И, взяв газету или журнал, он поворачивался к гостю спиной. «Ты, Зе Сампайо, настоящий грубиян, — говорила мужу дона Норма, которой было стыдно за него. — Как ты можешь так разговаривать с доной Динорой, ведь она такая добрая...»

Дона Динора, впрочем, не обращала внимания на слова Зе Сампайо и не считала, что ее выгоняют. Она просто меняла тему разговора:

— Вы уже слышали, что произошло с сеу Вивалдо?

Хитрая женщина! Ей все же удалось заинтересовать его. Победенный Зе Сампайо откладывал газету.

— С Вивалдо? Нет!

— Ну, так я вам расскажу... Вы же знаете сеу Вивалдо, он человек порядочный и красивый мужчина! Похож на гринго, такой румяный.

Она всегда начинала за здравие, а кончала за упокой. Сначала хвалила, а потом сообщала, кто вышел лишнего, у кого и к кому сбежал муж.

По ее словам, сеу Вивалдо, владелец похоронного бюро, осквернял надгробные плиты и гробы, собирая у себя в магазине по субботним вечерам компанию безбожников для игры в ненавистный ей покер и распивая там коньяк и можжевелевую водку.

— Безобразия, не правда ли? Он мог бы найти для этого другое место... Вы не думаете, сеу Сампайо, что игра в карты — самый большой порок?

Зе Сампайо не думал об этом и не хотел думать. Он хотел лишь немного покоя, но дона Динора продолжала трещать без умолку. Сеу Вивалдо, несомненно, честный

налогоплательщик, прекрасный муж, но если он не перестанет играть, то поставит под угрозу свою семью, как всякий игрок, рано или поздно потеряв над собой контроль. Даже если он и не проиграет жену и детей, то бросит их на произвол судьбы. Так было и с доной Флор. Пока был жив ее негодяй муж, заядлый игрок, она терпела адские муки: он с ней плохо обращался, даже бил... А теперь она свободна, может наслаждаться жизнью в свое удовольствие, без всяких забот и волнений.

— Кстати, раз уж зашла речь о доне Флор, вам не кажется, сеу Сампайо, и тебе, дорогая Норминья, что это несправедливо, когда такая прелестная и красивая женщина до сих пор считается вдовой этого проходимца? Почему бы тебе, Норминья, ее близкой подруге, не поговорить с ней! Что касается меня, то я, как гадалка-любительница, узнаю ее судьбу по звездам, хрустальному шару, да раскину на нее карты.

Любительницей дона Динора называла себя потому, что не брала за гадание деньги, она предсказывала будущее бесплатно, и только друзьям, хотя обладала редким даром предвидения. Но уж совсем поразительный нюх был у нее на всякого рода несчастья, неудачи, неприятности. Здесь дона Динора становилась пророчицей.

Разве не предсказала она за год с лишним страшный скандал, который разразился в семействе Лейте, высокомерных богачей, замкнуто живших в роскошной вилле у моря? Увидела ли она это на засаленных картах, в шаре из поддельного хрусталя или же узнала своим дьявольским инстинктом?

Едва лишь ангельски невинная Аструд, воспитанница колледжа Святого сердца приехала из Рио поселиться у сестры, как дона Динора тут же, еще безо всякой видимой причины, предсказала:

— Это плохо кончится...

Так пророчествовала она, видя девушку в автомобиле с ее двоюродным братом, доктором Франколино Лейте — сатиром Франко, как его звали в узком кругу друзей, юрисконсультум крупных отечественных и иностранных фирм, плантатором и членом совета директоров крупных предприятий, благородным и надменным господином. Сидя за рулем американского спортивного автомобиля, с трубкой во рту и косынкой на шее, адвокат даже не смотрел на прохожих. Зато дона Динора ни на минуту не выпускала его из виду и выведывала все подробности

жизни богачей из виллы через кухарок, горничных, экономок, садовника и шофера.

— Плохо это кончится, вот увидите... Когда огонь подносят к пороху...— говорила она многозначительно и вперяла взор в брата и сестру. Дону Динору не мог обмануть невинный вид ученицы колледжа.

— Эта девица с потупленными глазами просто бестыдница, она лишь выжидает подходящего случая...

Предсказание казалось настолько абсурдным, что вызвало резкую отповедь со стороны Карлоса Бастоса, молодого соседа Аструд, он вообще не любил сплетен, а может быть, был просто очарован небесным созданием.

Когда же разразился скандал, наделавший много шуму, и невинная Аструд на пятом месяце беременности была выгнана из дому разъяренной сестрой — сатир Франко к тому времени уже пресытился ею, — донна Динора отомстила романтичному Карлосу Бастосу, очевидно все еще влюбленному в Аструд:

— Убедился, дурень? Меня не обманешь... От сплетен еще никто не родил, а вот если девица себя не соблюдает...

Ничто не могло укрыться от бдительной донны Диноры с ее собачьим нюхом. В конце концов соседи стали обращаться к ней, советоваться по самым интимным вопросам, просили погадать на картах и хрустальном шаре, по которым она легко узнавала прошлое, настоящее и будущее.

Была ли она подлинным знатоком магии или же дельцанткой, лишь поверхностно знакомой с тайнами гороскопа и восточными оккультными науками, факт остается фактом: донна Динора объявила о новом браке донны Флор, едва лишь вдова отказалась от строгого траура и вернулась к скромной жизни без тревог и волнений, даже не помышляя о втором замужестве.

Донна Динора распустила слух о предстоящей свадьбе и описала внешность жениха намного раньше, чем заговорили о сватовстве, и даже раньше, чем со стороны донны Флор появился хоть какой-то интерес к суженому. Сам жених, если и питал какое-то чувство к донне Флор, то никому об этом еще не говорил, да, вероятно, и себе в этом еще не признавался. Хотите верьте, хотите нет, но донна Динора решительно заявила, что жених будет смуглым, средних лет мужчиной, высоким, крепким, благородным, с серьезным взглядом и вежливыми манерами. В правой руке он держал бутон темно-красной розы —

таким увидела его дона Динора в хрустальном шаре. Карты подтвердили правильность ее предположений и честные намерения претендента, а бубновый туз говорил о его достатке и докторском звании.

3

Принц действительно оказался смуглым, но вовсе не средних лет. И уж никак нельзя было назвать его крепким и высоким, хотя по-своему он был благороден, красив и элегантен. Словом, при всем желании он с трудом втискивался в рамки портрета будущего жениха доны Флор, которого увидела дона Динора в хрустальном шаре и о котором распустила слух на площади Второго июля, приведя воинство сплетниц в состояние чрезвычайного возбуждения.

Деликатного сложения и бледный, поэт-романтик, либо альфонс, с черными, гладко прилизанными волосами и томным взором, всегда надушенный, не то с грустной, не то с мечтательной улыбкой на устах, он был строен и изящно одет. Для описания внешности Принца подошли бы самые изысканные определения: «мраморно-бледный», «меланхолический», «с алебастровым челом и агатовыми глазами». Ему было за тридцать, хотя выглядел он немногим старше двадцати; печаль, омрачавшая его лицо, как, впрочем, и красноречие и томный взгляд, верно служили ему в его любопытной и редкой профессии. Скажем сразу, что специализировался он на вдовах, тщательно разработав тактику ухаживания и уже имея за плечами большой опыт.

Под кличкой Принца его знали среди мошенников и среди полицейских (кстати, кто возьмется определить границы, если они вообще существуют, между этими двумя внешне столь противоположными, а по существу, столь схожими мирами). Прозвали его Принцем за хорошие манеры, вежливость и некоторую надменность. В публичных домах он был известен под другим прозвищем, девицы звали его Мощами, имея в виду его бледность и худобу. Настоящее же имя Принца было Эдуардо, что касается его фамилии, то нет нужды ее здесь упоминать, так как она не играет никакой роли в истории доны Флор, ее первого и второго замужества.

К тому же сам Принц тщательно скрывал свою фамилию; полиция тоже не сочла нужным ее назвать, ко-

гда вступила в более непосредственный контакт с элегантным молодым человеком. И газеты, сообщая на своих страницах о его заключении в тюрьму, обычно непродолжительном, также не называли его фамилии, заменяя ее неопределенным местоимением «некий»: «Вчера на площади Сэ был арестован некий Эдуардо, известный в преступном мире под кличкой Принц. Он обвиняется в том, что обманул вдову Жульету Филлол, проживавшую на Барбольо, пообещав жениться на ней, чтобы получить возможность бывать у нее в доме и присвоить драгоценности и деньги доверчивой возлюбленной».

Делкатность эта объясняется уважением к семье мошенника, весьма высокопоставленной. Если власти, радио и пресса не считают нужным называть фамилию Принца, зачем нам затевать скандал и давать пищу сплетникам, обрекая на бесчестье почтенную и уважаемую семью? Вообразите, какой поднялся бы шум, если бы донна Динора и ее воинство святош узнали, кто родственники Принца! Даже далеким потомкам не удалось бы избавиться от позора пращуров, «вываленных в грязь и увязших в болоте бесчестья» (как выразился бы со свойственным ему красноречием профессор Эпаминондас Соуза Пинто). Между тем кумушек очаровали манеры и томный вид Принца. Да и сама донна Динора попыталась задним числом изменить кое-что в своем предсказании, чтобы по возможности приблизить портрет будущего жениха к внешности Принца. Вот почему всех так потрясла убийственная характеристика, которую дал ему Мирандон, явившись с женой и тремя детьми навестить свою куму дону Флор: «Этот тип настоящий подонок...»

Элегантный Принц, разгуливавший по кварталу, сразу же попал в запутанную и странную историю. Впрочем, это было для него делом привычным, иначе он и не мыслил своей жизни.

Подруги донны Флор и кумушки громко обсуждали предсказание доны Диноры, о котором сразу же узнали далеко вокруг, когда на тротуаре появился меланхоличный Принц.

Приятельницы донны Флор посмеивались, а кумушки уже настороженно озирались по сторонам, отыскивая среди прохожих описанного доной Динорой воздыхателя. Впрочем, не только кумушки, донна Гиза тоже бросала пытливые взгляды в поисках «видного мужчины средних лет». О доне Норме и говорить нечего, после похорон она больше всего на свете любила помолвки и

свадьбы. Трудно перечислить пары, которые она поженела, преодолев все трудности, устранив соперников и возникшие неполадки, а также поборов нежелание родителей. Неудачу она потерпела только с Валделоиром Рего, очень нерешительным юношей, которого сватала за соседку, милую, но уже поблекшую девицу. Впрочем, доня Норма все еще не теряла надежды отдать замуж Марию, быть может, за того же Валделоира.

Итак, подруги донь Флор и кумушки старательно искали жениха по портрету донь Диноры, которая не поспешила на подробности, рисуя его облик и характер. Она всегда так поступала, когда речь шла о чьем-нибудь женихе. Может быть, именно из-за ее многословия так трудно бывало отыскать человека, который точно бы соответствовал описанию донь Диноры. Попробуйте найти обладателя столь многочисленных качеств!

Были тщательно изучены все мужчины квартала и даже соседних кварталов, но пока не удалось найти никого подходящего. У одного было докторское звание и кое-какие сбережения, но не тот возраст. Другой был подходящего возраста, но совсем не смуглый и без докторского кольца, да и другие приметы не совпадали. И все же кумушки не уставали предлагать кандидатов, а иногда для верности сразу двоих. Доня Флор лишь улыбалась: до такой нелепости могла додуматься только доня Динора, в голове у которой одни помолвки и свадьбы. Она же и не помышляла о новом браке, тем более что еще и года не прошло после смерти мужа, а значит, не кончился траур.

К тому же за восемь месяцев вдовства она пришла к твердому решению больше не выходить замуж. Зачем ей это, если у нее есть все необходимое? Она сама зарабатывает на хлеб уроками кулинарии, у нее много подруг, и все они хорошо к ней относятся, окружают вниманием, сочувствием и заботой. Она не ощущала себя одинокой без мужчины и не думала о том, чего лишилась со смертью Гуляки. Так зачем же ей опять выходить замуж?

С грустной улыбкой, уверенная в непоколебимости своего решения, она отвергала любые попытки ухаживать за нею, равно как и предложения донь Нормы и донь Гизы, разумеется, делавшиеся из самых лучших побуждений.

Доня Гиза предлагала профессора Эпаминондаса Соузу Пинто, старого холостяка, преподававшего в частных

мужских гимназиях грамматику и посвящавшего свободное время занятиям историей. Вечно куда-то спешащий и потный, он одевался небрежно, к тому же в свои почти шестьдесят лет слыл ветреным и непостоянным; дона Флор уважала его, но если бы ей и пришлось изменить свое твердое решение, то наверняка не ради профессора, который выражался слишком правильно и напыщенно, на вкус доны Флор (не говоря уже, чтобы не показаться нескромными, о его легкомыслии). Пусть она бедная вдова, шутила дона Флор, но она еще не дошла до того, чтобы стать женой такого человека.

Подруги тоже смеялись — и дона Норма, которая тегрлась в догадках, хотя и знала весь город, и дона Амслия, у которой знакомых было не меньше, и дона Эмина, которая предлагала кандидатуру Мамеда, сирийца и своего соотечественника, антиквара и тоже вдовца, жившего по соседству, но редко бывавшего в Баие, поскольку он разъезжал по провинции, скупая источенных жучками деревянных святых, колченогие стулья, разбитую посуду из хрусталя и даже ночные горшки. Мамеда дона Флор считала еще более неподходящим для себя, чем профессора Эпаминондаса.

Даже дона Энаида не поленилась прийти из Шаме-Шаме, чтобы предложить в мужья доне Флор своего родственника, нотариуса, жившего где-то на берегах Сан-Франсиско, сорокапятилетнего, уже начинающего лысеть шатена по имени Алуизио, довольно остроумного и состоятельного. Он больше других соответствовал описаниям доны Диноры, по крайней мере так утверждала дона Энаида. И хотя у него не было докторского звания, он держал адвокатскую контору и имел много клиентов, пока не ударился, на свою беду, в политику.

В церкви он действительно не венчался, но в гражданском браке когда-то состоял. Однако не поладил с женой и разошелся с ней уже более десяти лет назад. В молодости Алуизио был масоном и безбожником и с пренебрежением относился к церковным обрядам, теперь же он был готов венчаться, если бы невеста того потребовала. А дона Флор вполне бы могла довольствоваться церковным браком, раз он заключается на глазах многочисленных свидетелей и получает божье благословение, тогда как гражданский брак — пустая формальность, совершаемая только судьей. Дона Энаида уже написала родственнику письмо, превознося красоту и доброту доны Флор. «Я еще не сошла с ума, чтобы

выходить замуж, а тем более вступать в незаконную связь. Да еще отправиться к черту на кулички, в эти малярийные края!» Дона Флор была возмущена, как это доне Энаиде, называвшей себя ее подругой, пришло в голову предложить этот позорный брак и ссылку. Это просто несерьезно, тут и думать не о чем.

У каждого претендента на руку донь Флор были те или иные черты, отвечавшие образу, созданному доной Динорой. И только Принц совсем не подходил: у него не было ни денег, ни докторского звания, не говоря уже о его возрасте, сложении и росте. Когда он вдруг стал реальностью и начал нервно прогуливаться по тротуару напротив кулинарной школы «Вкус и искусство», дона Флор сочла его поклонником одной из молоденьких учениц или любовником замужней ученицы.

Частенько она видела, как девушек доводят до школы их возлюбленные, а после занятий встречаются на углу и провожают домой. Знала дона Флор и о том, что некоторые замужние женщины ходят в школу только затем, чтобы удобнее было наставлять мужу рога, используя часы занятий для более приятного времяпрепровождения. Они пропускали уроки или же посещали те занятия, когда дона Флор диктовала рецензии, чтобы записать их в тетрадку, а потом показать дома в качестве вещественного доказательства собственного прилежания. На самом же деле половину уроков они проводили в доме свиданий.

Вот о чем подумала дона Флор при виде Принца, стоявшего в задумчивой позе у фонаря и непрерывно курившего; еще подумала дона Флор, что его возлюбленной должна быть одна из самых молоденьких девушек, потому что лицо у Принца было совсем мальчишеское.

Но дни шли, а она ни разу не видела его ни с какой из своих учениц; в самое разное время, даже поздним вечером, он стоял на одном и том же месте и смотрел на ее окна. Тогда дона Флор пришла к выводу, что между этим странным юношей и ее ученицами нет никакой связи. А если так, то к кому же обращены его взгляды, по ком он вздыхает?

Наверное, по Мариалде, поскольку девушка дольше других оставалась в школе и влюбленный, очевидно, воображал, что она сестра или племянница донь Флор: обе были смуглые, с нежной, матовой, чуть розовой кожей, какая бывает лишь от смешения крови индейца и белого.

Интересно, как относится к поклоннику Марилда: благожелательно или с пренебрежением? Девушка уже входит в возраст, года через два закончит кулинарные курсы и будет совсем готова для замужества. Марилда тоже обратила внимание на юношу, но не считала его своим поклонником. Быть может, он вздыхает по вспыльчивой Марии, или красивым дочерям доктора Ивеса, или по маленькой учительнице Балбине? Но он всегда стоит у фонаря, а оттуда видны только окна гостиной доны Флор, где Марилда засиживалась допоздна, слушая радио и читая романы для молодых девиц. Не иначе как из-за нее торчит здесь этот робкий и задумчивый упрямец.

Сквозь жалюзи дона Флор и Марилда разглядывали молодого человека. «Красивый!» — вздыхала непостоянная Марилда, уже готовая забыть о Месенасе, своем сверстнике. Элегантный юноша, соглашалась дона Флор, и совсем еще молодой, ему не больше двадцати трех — двадцати четырех лет, вполне подходящий возраст. Нужно будет разузнать о нем, выяснить, чем он занимается и где работает. Наверное, он богат, иначе не мог бы он часами торчать на улице, подпирая фонарь, напротив дома доны Флор.

Но Марилда тщетно улыбалась незнакомцу — он ни разу не ответил ей. Она выходила прогуляться на людную площадь или сидела в задумчивости на балюстраде у церкви святой Терезы, словно созданной для объяснения и любовных клятв: над головой голубое небо, внизу темно-зеленое море, рядом вековые стены храма и снисходительный дон Клементе, всегда готовый благословить поцелуй юных еретиков.

Однако Принц не последовал за ней ни на людную площадь, ни к возвышавшемуся над морем храму. Он оставался на своем посту, словно его приковали, и смотрел на окна кулинарной школы. Значит, не Марилда была предметом его страсти. Кто же тогда, если не сама дона Флор?

К такому заключению пришли подруги доны Флор и даже Марилда, хотя и была совсем юной и неопытной.

— Я думаю, он здесь из-за тебя, Флор.

— Из-за меня? Да ты с ума сошла!

Несколько дней спустя, когда вместе с доной Нормой дона Флор отправилась за покупками на улицу Чили, Принц последовал за подругами, сев в тот же трамвай. Он не выпускал сигареты изо рта и нежно улыбался

доне Флор. Дона Норма чуть не рассердилась, когда, заметив это, вообразила, что у доны Флор есть от нее секреты.

— Очень мило... Завела себе поклонника и даже ничего мне не сказала...

— Да я понятия не имею, кто он... Уже несколько дней торчит под моими окнами. В жизни не видела такого нахала! Сначала я думала, что у него роман с какой-то из моих учениц, но потом поняла, что это не так. Тогда я стала подозревать Марилду, но и здесь ошиблась. Бедняжка тоже загрустила. Не знаю, что и предполагать...

Дона Норма окинула юношу долгим, изучающим взглядом, хотя ей казалось, что посмотрела она быстро и незаметно.

— Очень красив... Только, по-моему, чересчур уж экстравагантен...— И, взглянув еще раз, заключила:— Впрочем, нет, и, откровенно говоря, он мне нравится, очень красив...

— Красив он или безобразен, меня он не интересует...

Они сошли с трамвая, молодой человек тоже. Дона Норма заметила, что он идет за ними по пятам. Сомнений больше не было. Юноша не пытался приблизиться к ним и заговорить, он только нежно улыбался и бросал томные взгляды, ни на мгновение не теряя их из виду. Если они заходили в магазин, он ждал их у дверей; если заворачивали за угол, следовал за ними; если останавливались у витрины, он останавливался у соседней. Кто же тут не догадается, в чем дело?

Теперь кумушки порознь или группами проходили мимо фонаря, чтобы посмотреть на Принца. Как он красив и какой у него несчастный вид! Он с надеждой молит о снисхождении, о ласковом взоре, улыбке. Ему сочувствовали, покровительствовали и даже старались узнать в нем жениха, увиденного доной Динорой в хрустальном шаре. Разве не был он смуглым, видимым мужчиной, а возможно, и доктором и богачом? Что же касается других примет, то, наверно, подвела близорукость гадалки, которой молодость показалась зрелостью, деликатное сложение — крепким, а бледная томность — здоровым румянцем. Кумушки полагали, что ей следовало бы еще раз посоветоваться с хрустальным шаром и картами, чтобы положить конец этим недоразумениям.

Дона Динора так и поступила, идя навстречу пожеланиям взбудораженных жителей квартала и учитывая

все возрастающие симпатию и сочувствие к Эдуардо, повелителю вдов, бросившему якорь у дома доны Флор, в своей очередной гавани, где он намеревался запастись питьевой водой и продовольствием.

Однако и хрустальный шар и карты снова показали энергичного и видного мужчину средних лет с докторским перстнем и темно-красной розой. Но поскольку, как это всегда бывает при таинственных обстоятельствах, образ жениха был окутан дымкой, дона Динора не смогла сказать точно, какой камень украшал перстень доктора, и таким образом определить его профессию. Зато с абсолютной уверенностью и некоторой жалостью к бледному юноше, вздыхавшему на углу, она заявила, что никакой он не жених, жених же явится обязательно и несколько позже.

Как ни старалась дона Динора, сидя у прозрачного хрустала и раскладывая карты, призывая себе на помощь воды Ганга и тайны тибетских храмов, ничего не выходило: силы восточной магии всячески преграждали путь Принцу Эдуардо (такому-то). Как, впрочем, и это, и жертвоприношения голубей, петухов и черного козла по заказу Дионизии Ошосси, желающей защитить свою куму от дурного глаза и злодеев. Эшу отринул галантного соблазнителя, коварного возлюбленного вдов, который похищал их одинокие сердца, а заодно и их деньги, золото, серебро и драгоценности.

4

Все восемь месяцев своего вдовства, не считая первого, полного горя и отчаяния, дона Флор провела в хлопотах самого невинного свойства. Окончание строгого траура ознаменовалось тем, что она стала навещать дядю с теткой и самых близких подруг, отдавая остальное время занятиям в школе, выполнению заказов и беседам с соседками. В июне она варила канжики, жарила целые лодносы памоний и манауэ¹, готовила ликеры. Но дом ее был закрыт для посторонних даже в дни святого Антония, святого Иоанна и святого Петра, покровителя

¹ Памонья — род пирожка из зеленой кукурузы на кокосовом молоке и сливочном масле, с корицей, анисом и сахаром, поджаривается в трубочках из кукурузных или банановых листьев, завязанных на концах; манауэ — род пирога из кукурузной муки с медом.

вдов. Мальчишки, пришедшие подакомиться канжикой, жгли костры у ее дверей, приходили также дона Нор-ма, дона Гиза и еще несколько подруг, они проводили праздничный вечер в тесном кругу, но без особого веселья. Канжику, памоньи и ликер дона Флор готовила для дяди с теткой, друзей и учениц, чтобы угостить их на празднике кукурузы.

Еще до появления Принца она стала вести менее замкнутый образ жизни. В сентябре, накануне праздника Козьмы и Дамиана, в день поминовения усопших, она сняла с себя траур. Праздник начался с утра треском хлопущек и кончился глубокой ночью головокружительным феррободо¹. Теперь двери доны Флор были открыты не только для друзей, но и для посторонних. По обычаю, она приготовила куруру и угостила кое-кого из соседей и друзей, выполнив свой долг перед покойным. Мирандон пришел с женой и детьми; Дионизия Ошосси — только с ребенком, так как муж ее возил в это время грузы между Аракажу, Менедо и Масейо.

Подруги старались расшевелить дону Флор: вытаскивали ее за покупками, приглашали в кино и в гости; она побывала на двух спектаклях с Прокопью, и оба раза смеялась до слез.

Но иногда она отказывалась от приглашений, ссылаясь на усталость, и у нее возникало какое-то неприятное ощущение, которого она не могла объяснить: будто вся эта суета, работа и даже веселье только утомляют ее, но не могут заполнить жизнь, ставшую вдруг унылой и ничемной. То была не физическая усталость, всегда благотворная, от которой она всю ночь спала крепко и непробудно, но какая-то изнурительная, изматывающая.

Правда, у нее не было сейчас никакого повода для огорчений и уныния; жизнь ее была веселой и разнообразной, как никогда раньше. Она развлекалась, у нее вновь появилось много приятных забот, и все же время от времени на нее нападала тоска, словно мимолетное облако омрачало солнечный день. У нее были дядя и тетя, которых она очень любила. Марилда, к которой она относилась как к младшей сестренке, почти как к дочери. Девушка поверяла ей свои тайны, мечты стать певицей на радио. Дона Флор гуляла, слушала все передачи подряд и читала романы для девиц, которые ей хвалила Марилда, выслушивала кумушек, предлагавших ей же-

¹ Феррободб — народный танец.

нихов. А претенденты, которыми торговали на этом невольничьем рынке, подробно описывая их достоинства и недостатки, даже не подозревали об этой забаве. Что бы они сказали, если бы узнали о сватовстве, которого вовсе не желали, тем более что все они были отвергнуты?

— Сеу Раймундо де Оливейра, это какой же? Который помогает сеу Алфредо вырезать из дерева святых? Нет уж, уволь меня, Жаси, он хороший человек, но у него слишком грустное лицо, и еще почему-то он живет в церкви... Поищи, пожалуйста, другого...

Но других она тоже отвергла. Те же, у кого красота сочеталась с деловыми качествами, — увы! — уже были женаты, и рассчитывать на них не имело смысла. Например, профессор Энрике Освалдо из Академии изящных искусств, родственник Ареалов; Шавес, щеголеватый архитектор, строивший дом неподалеку; сеу Карлитос Майя, владелец не очень солидного туристского агентства; испанец Мендес; сеу Вивалдо, хозяин похоронного бюро, и, наконец, красавец Женаро де Карвальо, по которому тайно вздыхали все девушки, ибо дона Наир даже близко не подпускала их к своему мужу.

В конце концов поскольку дона Флор высмеивала всех женихов, свахи от нее постепенно отставали и не предлагали больше новых претендентов.

Так протекала жизнь доны Флор, беаматежная и не лишенная приятных волнений, когда вдруг в начале лета, жарким декабрем, появился Принц, прочно обосновавшийся у фонаря, будто пустил в мостовую корни.

После того как дона Флор сходила за покупками с доной Нормой, не оставалось никаких сомнений насчет того, что за муза вдохновляла бледного юношу на глубокие вздохи и томные взгляды. Дона Флор сгорала от стыда, оскорбленная страстью этого наглеца, словно дала ему повод, забыв о скромности и осторожности, приличествующих вдове. Наверное, она слишком много улыбается и слишком часто выходит из дому, раз любой нахал почитает себя вправе торчать подле ее дома и пялить глаза на ее окна. Какой повор! Но что он замышляет?

Очевидно, ничего хорошего, и дона Флор вздыхала, вапирая двери и окна после того, как дона Норма посоветовала ей вести себя как можно осторожнее. Доне Норме не понравился этот бледный красавец, его юное лицо, элегантность и вкрадчивые манеры. А вдруг обе они обманываются на его счет? А вдруг у него самые лучшие намерения и вообще он человек порядочный,

заслуживающий всяческого уважения и даже руки доны Флор?

Но даже если это и так, дона Флор вовсе не намерена ни снова выходить замуж, ни удерживать у своих окон рьяного вздыхателя; она не из тех легкомысленных женщин, которые окверняют память о покойном муже, сбрасывая с себя траурное платье в доме свиданий.

Даже дона Норма старалась образумить ее. Стоит ли так возмущаться молодым человеком? До сих пор, во всяком случае, он ведет себя очень почтительно: только смотрит на нее и сопровождает на расстоянии. В конце концов дона Флор не невинная девушка, и нет ничего страшного в том, что за ней ухаживает мужчина, пускай его намерения еще и не понятны. Она красивая, одинокая женщина, почему бы ему не желать ее и не добиваться ее расположения? Судя по всему, он отдает должное ее красоте и ее достоинствам. Дона Флор не собирается выходить замуж, ну и не надо, хотя трудно согласиться с такой глупостью; сейчас не время это обсуждать, но зачем же обижать того, кто явился сюда с добрыми чувствами? Почему не отклонить его предложение в вежливой форме: «Я очень польщена и все же не настолько глупа, чтобы снова выходить замуж!»

Дона Флор только посмеивалась над угрозами подруги. Однако, вернувшись домой из магазинов и заметив, что вздыхатель, все время следовавший за ними по пятам, снова стоит у фонаря, она в негодовании захлопнула окна. Потоптавшись в нерешительности, огорченный юноша оставил свой пост.

Через щели жалюзи за этой сценой наблюдали кумушки, и все они единодушно осудили поступок доны Флор. В том числе и дона Гиза, которая случайно увидела все это. Начитанная и образованная женщина, она была слишком наивна и доверчива. «О,—сочувственно воскликнула дона Гиза при виде вызывающего поведения доны Флор,—бедный юноша пал жертвой феодальных предрассудков и отсталых взглядов!» Ее слова пролили бальзам на раны уязвленного Дон-Жуана.

Бедному юноше ничего больше не требовалось: тут же, на улице, в слезном и пылком признании он открыл свое сердце и поведал американке о своих честных намерениях, своей горячей любви и ужасном отчаянии. Он представился ей Отонизлом Лопесом, тридцатилетним холостяком, коммерсантом из Итабуны, хозяином мануфактурной лавки и владельцем небольшой какаовой

плантации. Приехал он в столицу штата немного развлечься, но, увидев дону Флор, лишился покоя, буквально обезумел от любви и не представляет себе, как будет дальше жить, если она не выслушает его. Он знает, что дона Флор — вдова и серьезная женщина, этого ему вполне достаточно, ведь и ему пора жениться. Если она бедна, тем лучше: его состояния вполне хватит, чтобы жить вдвоем, ни в чем не нуждаясь.

Мошенник сразу же очаровал дону Гизу своей учтивостью, и ему удалось вызвать ее на откровенность, выведав о доне Флор все, что его интересовало. Что дона Флор небогата, до миллионерши ей далеко, но кое-какие сбережения у нее есть, что теперь, когда умер муж, который проигрывал ее заработки, она сумела кое-что скопить и предпочитает все свои сбережения держать дома, вместо того чтобы поместить в какое-нибудь дело или положить в банк под проценты. Чрезмерно откровенная дона Гиза, любившая к тому же покритиковать чужие ошибки, назвала это проявлением отсталости и в заключение сказала: «В один прекрасный день какой-нибудь жулик пронюхает о ее деньгах и украдет их, вот чем это кончится!»

Принц возразил, что только подлец может обокрасть дону Флор, женщину, судя по всему, добрую, порядочную, бесхитростную и бескорыстную. Он же о другой жене и не мечтает. В разговоре мошеннику удалось также выведать у донны Гизы обо всех драгоценностях донны Флор: бирюзовом кольце из Франции и старинных золотых серьгах с бриллиантами — единственной дорогой вещи тети Литы, если не считать кошек, сада и мужниных акварелей. Тетя Литя никогда не надевала этих серег и, решив оставить их в наследство племяннице, отдала доне Флор на хранение, чтобы та могла их носить когда захочет, отдала, но не подарила, пока поберегая серьги на случай длительной болезни, пожара, в общем неожиданной беды. А кто в этом мире от нее гарантирован?

Кончилось тем, что дона Гиза стала поверенной в делах Принца. Она пообещала уговорить дону Флор принять и выслушать мнимого итабунца даже в том случае, если та категорически откажется от помолвки и замужества. Принцу ничего другого и не надо было: он не сомневался в своем красноречии и неотразимости, поскольку еще ни разу не потерпел поражения. Лишь бы его выслушали, помолвка тогда наверняка состоится, а

значит, денежки вдовы окажутся у него в кармане. Еще ни одна женщина не устояла перед его обаянием.

В тот вечер после уроков Марилда зажгла свет в гостиной и, включив радио, распахнула окно; настойчивого поклонника у фонаря не оказалось. Марилда позвала дону Флор и показала ей на пустой тротуар.

Вдова объяснила, что наглец убрался, поскольку получил недвусмысленный отказ. И все же изредка она бросала взгляды на улицу, в глубине души несколько разочарованная: разве это любовь, если мужчина отступает перед первым же препятствием? Взять хотя бы Педро Боржеса, когда он ухаживал за ней. Дона Флор была с ним жестока: возвращала письма, отказывалась от подарков, дерзила, а он твердо стоял на своем и даже явился к ней с обручальными кольцами. Вот это любовь! А этот ушел только потому, что она захлопнула окно...

Как бы невзначай дона Флор несколько раз подходила к окну и с удовлетворением отмечала, что ее поступок имел и положительный результат: молодой человек больше не появлялся.

Ложась в постель, дона Флор с безразличным видом пожала плечами: что ж, тем лучше. Если она действительно не собирается выходить замуж, стоит ли тогда интересоваться поклонником, чьи чувства столь недолговечны. Подобное тщеславие не украшает женщину в ее положении.

Впервые за последнее время она не заснула крепким, освежающим сном. Лежа с открытыми глазами, дона Флор размышляла. Тверда ли она в своем намерении не выходить замуж, жить спокойно и одиноко, не пускаясь в новую брачную авантюру? Разумеется! Она так решила, значит, все! И думать об этом больше не стоит, здесь нет места колебаниям. Она не сомневалась в своей стойкости и от души смеялась над подружками и кумушками, предлагавшими женихов, и доной Динорой, предсказавшей брак с видным сорокалетним мужчиной. И вдруг потеряла сон из-за какого-то болвана, который торчит на углу!

На другой день довольно рано взволнованная дона Гиза зашла к доне Флор, чтобы подробно рассказать о своем разговоре с коммерсантом из Итабуны. Она не могла прийти накануне, как собиралась, поскольку три раза в неделю по вечерам давала уроки английского ученикам, проходившим курс обучения экстерном, и очень уставала.

Невыспавшаяся дона Флор рассеянно слушала ее, преодолевая головную боль. Принять и выслушать поклонника? Но какой в этом смысл, если она решила больше не выходить замуж? Только время зря терять. Дона Гиза стала убеждать ее, взывая к благоразумию, и в конце концов уговорила пока не давать окончательного ответа. Не желая обидеть подругу, дона Флор обещала еще подумать и не прогонять вздыхателя. Потом явилась дона Норма занять дрожжей для пирога и охотно включилась в разговор. Богатый коммерсант из Итабуна? Подумайте, как можно ошибиться... Этот мезгляр оказался серьезным и солидным человеком с состоянием, отличной партией. А ведь такой худой и бледный...

— Извини, Флор, если тебе это неприятно... Но цвет его лица напоминает что-то очень неаппетитное...

Вечером Принц снова занял свой наблюдательный пост, он улыбался и смотрел прямо на окна доны Флор. Он заметил, что она несколько раз промелькнула с кокетливым бантиком в волосах, и решил, что это хороший знак. Ученицы дивились тому, что их преподавательница, обычно спокойная, так нервничает. Но это и понятно: дона Флор плохо провела ночь, у нее сильное сердцебиение и болит голова. Дона Дагмара, бойкая и красивая болтушка, очень острая на язык, лукаво заметила:

— Это вдовья мигрень, моя дорогая, но от нее есть прекрасное лекарство — замужество...

— Замужество? Упаси бог...

— Не хотите, не надо... Это лекарство можно принимать, и не состоя в браке. Одним словом, в вашем доме не хватает мужчины.— Дона Дагмара весело расхохоталась.

Вслед за ней засмеялись и остальные ученицы. Дона Флор почувствовала, что краснеет, точно воровка, застигнутая на месте преступления, или избалованная лгуныя. Неужели, забыв о достоинстве и скромности, она проговорила, что мечтает найти жениха, словно уличная девка, которая предлагает себя всем подряд? Неужели оттого, что она подшучивала над неудачливыми сватами и предсказаниями доны Дижоры, вокруг стали шептаться, будто ей не терпится лечь в постель с мужем или любовником? Но это же несправедливо! Вряд ли можно найти на свете другую вдову, столь же чистую и безупречную.

День выдался беспокойный, дона Флор избегала подходить к окнам, даже чтобы покричать доне Норме или

Марилде. Теперь она знала, что сама во всем виновата, что никогда прежде ей так не хотелось выглянуть на улицу, словно там что-то притягивало ее. Какой стыд!

Вот почему, когда донна Амелия зашла пригласить ее на французский фильм, не очень скромный и поэтому пользовавшийся успехом, она с радостью согласилась, боясь еще одной бессонной ночи. После кино донна Флор обычно засыпала как убитая. Добрые соседи не могли сейчас придумать ничего лучше, к тому же о фильме много писали в газетах и горячо спорили соседи. Донна Эмина была от него в восторге, а доктор Ивес возмущался, считая его безнравственным! Донна же Гиза прищелкивала языком от удовольствия, вспоминая некоторые сцены, например, у озера, когда обнаженные любовники обнимаются, тесно прижавшись друг к другу. Марилда даже расстроилась оттого, что ее не пустили на этот фильм, запрещенный для юношей и девушек, которым не исполнилось восемнадцати лет. Возмутительное насилие над молодежью!

Как это обычно случалось, когда они ходили куда-нибудь с сеу Руасом, они опоздали: уже показывали киножурнал, и в переполненном зале было темно. С большим трудом им удалось найти места в разных рядах. Донна Флор устроилась где-то в центре зала, рядом с парочкой, наверное, женихом и невестой, которая сидела, держась за руки и прижимаясь. Свист и улюлюканье раздались при первых же кадрах: действие происходило в кабаре на площади Пигаль. Стараясь не обращать внимания на парочку по соседству, донна Флор напряженно следила за сложным сюжетом фильма.

И вдруг почувствовала на своей шее чье-то горячее дыхание и услышала нежный голос, который отчетливо различала, несмотря на крики вокруг. Этот голос шептал ласковые слова, говорил о любви, о ее прекрасных глазах и роскошных волосах, о ее красоте так, как никогда и никто еще ей не говорил. Не надо было оборачиваться, чтобы узнать, кому принадлежал этот вкрадчивый голос, шептавший изысканные комплименты. Дыхание, напоминавшее легкое дуновение ветерка, щекотало шею доны Флор. В ушах звучала мольба и хвала ее прелести, которые сливались в приятную, тягучую песню.

Донна Флор наклонилась вперед, чтобы отдалиться от Принца, но лишь испугнула влюбленных, а Принц тоже нагнулся и продолжал свое пылкое объяснение. Однако

дона Флор не желала его слушать, как не желала видеть влюбленных по соседству, совсем забывших, где они находятся, она хотела только выскочить в сложную историю, разворачивавшуюся на экране.

Публика неистовствовала, началась знаменитая сцена у озера: полуодетую актрису обнимал гигант с безумным лицом, парочка рядом с доной Флор тоже не стеснялась... Такого неприличия ей еще не доводилось видеть!

А голос сзади молил о любви, просил разрешения хотя бы раз посетить ее, рассказать о своем положении в обществе, своих достоинствах, своих намерениях, бросить к обожаемым маленьким ножкам итабунский магазин, полный товаров, и преданное сердце, сгорающее в огне страсти.

Шеи доны Флор касалось теплое дыхание, ласковый голос нашептывал слова, прекрасные, как стихи, под крики публики на экране обнимались актеры и обнималась парочка рядом, а за спиной у себя дона Флор ощущала невидимое и волнующее присутствие мужчины, Куда было деваться порядочной и скромной вдове?

Она даже не взглянула на Принца, когда он, стоя в дверях, послал ей умоляющий взгляд. Дона Флор опустила голову и вместе с доной Амелией, возмущенной фильмом, и ее мужем, который гораздо больше возмущался безобразным поведением молодых хулиганов, прошла мимо. Уж лучше бы она не ходила, ответила дона Флор на вопрос Руасов, от криков у нее разболелась голова и она едва успевала следить за действием фильма, а тут еще рядом эти двое бесстыдников.

Уставшая после кино и после бессонной ночи накануне, дона Флор решила принять снотворное. Но и во сне ее продолжал преследовать настойчивый поклонник, его дыхание, его голос. Всю ночь ей снились удивительные, страшные сны, без начала и без конца.

5

Она видит себя на многолюдной площади, в центре хоровода, совсем как в детской игре. Хоровод состоит из претендентов на ее руку и сердце; тут и потный профессор Эпяминовдас Соуза Пинто, и антиквар Мамед, и мастер Раймундо Оливейра, вырезающий из дерева святых, и адвокат без диплома Алуизио, кум доны Энаиды,

который является то одетым с иголки чудаком, то придурковатым деревенщиной. Ведет хоровод уже известный нам коммерсант из Итабуны, состоятельный Отонизл Лопес, то есть наш дорогой Принц, некий Эдуардо, соблазнитель вдов, неутомимо прокладывающий себе путь к одинокому сердцу доны Флор и ее деньгам, которые, руководствуясь добрым вдохновением и похвальной осторожностью, она предпочитала хранить дома, вместо того, чтобы рисковать, положив в банк либо поместив в какое-нибудь дело.

И площадь, и хоровод заключены в огромный хрустальный шар, сквозь который, красуясь своими вставными челюстями, глядит дона Динора, она же дирижирует хороводом. Женихи медленно кружатся вокруг доны Флор и поют:

Ай, Флоранья, ты без пары
вышла в крут...
Где ж твой друг?

А дона Флор, по очереди рассматривая каждого жениха, отвечает:

Не войнуйте! Не оставусь
я без пары.
Вот он мой дружок-профессор!
И не старый!

При этом она изо всех сил толкает Эпимиондаса Соузу Пинто, выбирая его своим партнером, и тот очень неловко тапцует перед ней, раздраженно напевая скрипучим голосом:

Я отправился в Тороро
из ручья напиться.
Не напился — а влюбился
в смуглую вдову...

Затем профессор преподносит доне Флор все свое имущество: грамматику, экземпляр «Лузиады»¹ с карандашными пометками, Второе июля² и Ришзуэльское сражение³. Засим следуют еще несколько национальных

¹ «Лузиады» — поэма классика португальской литературы Жюиса Васа де Камойнса (1524—1580).

² 2 июля 1823 г. бразильцы освободили от иностранной оккупации город Сан-Салвадор (Баию), бывший когда-то столицей страны.

³ Ришзуэльское сражение произошло 11 июня 1865 г. в устье реки Ришзуэло между бразильскими и парагвайскими военными кораблями и закончилось победой бразильцев.

праздников, один малоизвестный генерал и корабль в бутылке («на нем мы отправимся в плавание, сеньора»). Но вот он спотыкается о собственные гамашки и сразу же исчезает вся его эlegantность, а вместе с ней и зонт. Дона Флор хохочет, видя, как он пытается сохранить равновесие. Как он смешон! Только американка, у которой не было ни такта, ни должного уважения к серьезному и напыщенному дону Пинто, могла предложить его в женихи.

И дона Флор продолжает безудержно хохотать над игривым стариком, который спотыкается и все же не оставляет своих попыток стащить с ее подвенечной фаты цветы флердоранжа, символ невинности. Прекрасная дона Флор навсегда изгоняет из хора этого претендента на ее руку.

Итак, она вновь стала невинной, лишившись, однако, скромности. Вся в белых кружевах и тафте, с фатой и флердоранжем, она кружит и кружит перед женихами, надувается ее широкая юбка и соблазняет претендентов.

Горя желанием, дона Флор предлагает себя в жены всем подряд, предлагает точно старая дева, потерявшая всякую надежду, одного за другим приглашает она женихов на таец и обещает отдать свою девственность тому, кто сумеет похитить у нее флердоранж и оборвать лепестки, но при условии, что все это будет скреплено браком. Невинная девушка не может рисковать.

Она сладко поет и танцует, откровенно покачивая бедрами, а затем вытаскивает женихов одного за другим в центр хора и предлагает себя, что-то в ней есть жалкое и отталкивающее.

Вот она берет себе в партнеры Мамеда, который танцует саракатейо, чего дона Флор никак не ожидала от такого серьезного господина. В одной руке он держит старинный серебряный канделябр, в другой — фарфоровую ночную вазу с чуть заметной трещиной и голубым пейзажем, изображающим английскую деревню, — вещь очень ценную и редкую. И то и другое он готов отдать в обмен на ее девственность, да еще четыреста пятьдесят мильрейсов обещает. Однако как он достанет до ее плеч, если руки у него заняты этими странными предметами? Дона Флор танцует вокруг антиквара, щекочет его живот, стряхивает с него пыль веков, хохочет и потешается.

Сеу Раймундо де Оливейра танцует легко. Он приносит ей в дар пророков, Библию, древних и новых святых,

священных животных: осла и рыб, а также почти одиннадцать тысяч девственниц, не считая тех трех-четырёх, уже подаренных своему хозяину сеу Алфредо. Настоящие непорочные девы, которых Раймундо отказался продать сеньору Марио Краво, архитектору Льву и инженеру Арауто Лиме, искавшим себе секретарш. Но если у сеу Раймундо столько девственниц, зачем ему еще одна? Непомерный аппетит или тайный порок? Неужели так велик его публичный дом и так обширна клиентура?

— Мой публичный дом — это все небо, дона Флор, а мне нужно лишь поцеловать ваши розовые губки. Я старый грешник, пришел из Ветхого завета и направляюсь прямо в Апокалипсис.

— Ну, так и катитесь туда! — отвечает ему дона Флор.

На смену сеу Раймундо приходит сеу Алуизио, хорошо сложенный, порядочный и достойный мужчина, хотя и немного простоватый. Он держится очень корректно и в очень изысканных выражениях просит ее руки. Почти дотянувшись до флердоранжа, он чуть не срывает другой цветок доны Флор. Но дона Флор не так глупа и не дает себя увлечь, несмотря на все уловки и вкрадчивые речи адвоката.

— Пойдем в церковь, дорогая, у меня уже все готово: и оглашение и епископское благословение, я даже исповедался и получил отпущение грехов.

— А вы не обманете меня, сеньор? Если хотите жениться, давайте оформим брак у судьи и у падре.

— Неужели вам недостаточно церковного благословения? Что стоят людские законы в сравнении с законом божьим?!

— Оставьте при себе, сеу доктор, своего падре и свою исповедь. Уж вы меня извините, но без согласия судьи вы ничего не добьетесь и не сорвете лепестков с моего цветка.

— Моя вдовушка, моя дорогая вдовушка, — нежно шепчет молодой, красивый и стройный брюнет с умоляющим и томным взглядом. Он выходит в круг, и дона Флор ощущает его теплое дыхание, от его песни у нее кружится голова:

Ну-ка, ну-ка, топни ножкой!
Ты мне нравишься!
Ну-ка, ближе стань невозможно —
не расквесишься!

Он исполняет какой-то знакомый танец так, как не танцуют даже актеры кабаре. Как же этот танец навывается? В ушах доны Флор звучит приятный голос:

Этой ночью короткой
пользуйся, вдовица.
Кто не выспится сегодня —
завтра отоспится.

На рассвете дона Флор уже не девственница, но и не вдова. Исчезли подвенечная фата и цветы невинности — флердоранж, исчезло белое одеяние невесты. На ней траурная вуаль и мантилья, в сердце грусть и отчаяние, а в руках пышная роза, темно-красная, почти черная.

А она так мечтала о белом подвенечном наряде — ведь ей так и не пришлось надеть его в свое время, к свадьбе, лепестки ее непорочности уже осыпались под дуновением бриза в Итапоа.

Можно было шутить над хлопотами подруг и кумушек, над предсказаниями доны Диноры, разыгрывая из себя недотрогу, не знавшую мужчин, кроме умершего супруга. Почему не позабавиться?!

Но к галантному молодому человеку на углу улицы, благородному Принцу, который казался совсем юным и уже успел разбогатеть, она не может так относиться... Сколько девушек вздыхают по нему, а он потерял голову от доны Флор, бедной вдовы. С преуспевающим коммерсантом из Итабуны, завидным женихом для любой девушки, тем более для вдовы, нельзя шутить. Его горячее дыхание словно растопило лед в ее сердце, вновь воскресив в нем чувства, которые она считала навсегда умершими, вновь воскресив страсть, и дона Флор лишилась покоя.

Она не может смеяться над ним, не может не замечать его присутствие, потому что он не выдумка подруг и кумушек, как остальные, а живой мужчина, стоящий у фонаря и устремивший влюбленный взгляд на окна ее гостиной. Еще немного, и он обоснуется в ее доме, обнимет ее. Когда он шел за нею по улице или согревал ее в кино своим дыханием и речами, ее решимость начинала колебаться, отступая перед потухшим было пламенем желаний.

Теперь дона Флор знает, почему, несмотря на все приятные развлечения и всю занятость, она чувствовала себя такой никчемной и опустошенной. Рядом с ней танцует молодой человек и внушает ей: выспись на рассвете. Этот танец хорошо ему знаком, его обычно

танцуют в кабаре, а не в хороводе. Но откуда знает его дона Флор?

И вдруг, забыв обо всем на свете, дона Флор срывает с лица вуаль, протягивает жениху руку, и хрустальный шар лопается:

Мне, смуглянке, быть одной
не случается.
Бледный юноша со мной
обвенчается,
благородный кавалер,
принц из сказки...

Но тут вспоминает, что это за танец, — это танго, которое она танцевала молоденькой девушкой в доме майора и семь лет спустя в Палас-отеле. Бледный молодой человек исчез вместе с хрустальным шаром и доной Динорой. Перед нею ее муж. Он в негодовании поднимает руку и дает ей пощечину. Дона Флор падает на железную кровать, и покойный муж срывает с нее вдовье платье, сыпятся лепестки флердоранжа. Он хочет видеть ее обнаженной, он не любит заниматься любовью одетыми. Ах тиран, бесцеремонный и требовательный...

Сделав над собой отчаянное усилие, дона Флор просыпается, кругом ночь, и ей становится страшно. Мяукают коты на крышах и во дворах, о, ее сон без начала и без конца, ее утраченный покой!

6

Минули долгая ночь раздумий, страха, боязнь одиночества и насмешек, мучительное желание и слезы на заре. Очень рано, едва наступил рассвет, покончивший со всеми ее сомнениями, дона Флор уселась перед зеркалом, чтобы одеться и причесаться. Она надушилась и стала примерять серьги тети Литы, а затем другие украшения и платья: ей снова захотелось стать франтихой, как в те времена, когда она жила на Ладейре-до-Алво и одевалась, как девушка из богатой семьи. К утру дона Флор уже была нарядно одета — бледный юноша не раз появлялся до завтрака. К тому же было воскресенье, и дон Клементе произносит сегодня в церкви проповедь.

К завтраку пришел Мирандон, теперь ставший редким гостем, с женой и детьми. Один из них, крестник доны Флор, преподнес ей фрукты и воротничок, искусно связанный кумой. Дона Флор очень удивилась подаркам, и тогда Мирандон ей напомнил, что сегодня девятнадца-

тое декабря, день ее рождения. Дона Флор была тронута добротой и вниманием друзей; утратив всякий интерес к праздникам, она забыла даже об этом дне. Жена Мирандона не поверила.

— Забыли? Но почему тогда вы сегодня такая нарядная с самого утра?

А Мирандон грустно сказал:

— Помните, кума? Прошел ровно год с того вечера в «Паласе», я всегда буду его помнить...

Да, прошел ровно год. И дона Флор нарядилась, причесалась, завязала в волосах бант, надела бриллиантовые серьги, надушилась самыми лучшими духами, но отнюдь не по случаю дня своего рождения, о котором нацело забыла. Зато о нем помнили ее дядя с теткой, а также дона Норма, дона Гиза, дона Амелия, дона Эмина, дона Жаси и дона Мария до Кармо. Они принесли ей в подарок туалетное мыло, духи, сандалии, отрезы.

— Ты сегодня прямо красавица, Флор, такая элегантная! — заметила дона Амелия.

— Это что! Вот в прошлом году она действительно была неотразима! — сказала дона Норма, тоже помнившая поход в «Паласе». — И получила тогда в подарок кое-что посущественнее...

— В этом году у нее подарок не хуже... — послышавшаяся вкрадчивый голос доны Марии до Кармо, известной сплетницы.

— Какой? — заинтересовалась жена Мирандона.

Дона Эмина и дона Амелия, хихикая, поведали ей новость.

— Да что вы говорите!..

— Человек он порядочный, — высказала свое мнение дона Гиза, — благородный.

Мирандон отправился в бар на Кабесу, где по воскресеньям собирались выпить виски богачи из Ильеуса во главе с фазендейро Мойзесом Алвесом. Подруги весело болтали в гостиной, пока дона Флор, надев на свое нарядное платье фаргук, готовила вместе с Марилдой праздничный завтрак.

Только днем Принц явился пожинать плоды вчерашнего посева, то есть содействия доны Гизы и пылкого объяснения в темном зале кинотеатра. Бледный от страсти и нетерпения, никогда еще он не походил так на Христа, совершающего свой мученический путь на Голгофу. Накануне Принц сказал своей любовнице, глупенькой, но грациозной девушке, на которую истратил

последние гроши, позаимствованные у очередной вдовы, вздорной толстухи доны Акброзины Аррузы:

— Сегодня я возьму эту крепость и лягу в постель с вдовицей.

Лу прижалась к чахоточной груди Мощей.

— Она так же безобразна, как и предыдущая? Или красавица?

Ревнивая Лу не понимала жесткой морали Принца, что, разумеется, было не к лицу сожительнице столь многоопытного и строгого в своих принципах профессионала.

— Я уже говорил, дорогая, красивая она или безобразная, для меня не имеет никакого значения. Неужели ты не понимаешь, что это просто сделка, финансовая операция? Меня не интересуют прелести вдовы, глупышка, главное, чтобы у нее были деньги и кое-какие бездельцы...

Первой заметила Принца дона Эмина. Она поспешила оповестить об этом дону Флор.

— Уже пришел...— сказала, усмехнувшись, вдова.

Шум голосов и беготня взволнованных женщин нарушили покой Мирандона, который благодушествовал после сытного завтрака. Заинтересовавшись, он тоже подошел к окну, где толпились соседки, и увидел на противоположной стороне улицы, у фонаря, рядом с особняком сеу Бернабо, некоего Эдуардо, известного под кличкой Принц. Он стоял в небрежной позе, чистил ногти спичкой и вежливо улыбался.

— Что здесь делают Мощи?

— Какие Мощи?

— Ну, Принц, этот мошенник и редкостный жулик...

Он хотел добавить: «повелитель вдов», но, внимательно взглянув на женщин, застывших в тягостном молчании, сразу все понял. Однако сделал вид, что ничего не заметил, и с присущей ему деликатностью продолжал, улыбаясь:

— Известный аферист; он надувает дураков сказками с выигрышных билетах, организует сбор пожертвований на несуществующие больницы, о его художествах часто пишут в газетах.

— Я никогда ему не доверяла... Достаточно взглянуть на его лицо...— заявила дона Норма.

— Наверное, он собирается обокрасть кого-то, может быть, аргентинца или еще кого-нибудь...— заключил Мирандон.

— Должно быть, аргентинца, я видела, как они разговаривали,— не моргнув глазом соврала доня Норма: она тоже была баиянкой, а значит, тактична и деликатна не меньше Мирандона.

Оставив потрясенных женщин и примолкшую дону Флор, у которой навернулась на глаза одна-единственная слезинка, поскольку подобная низость большего и не заслуживала, Мирандон будто невзначай пересек улицу и подошел к Принцу. Сквозь жалюзи, тут же закрывшие окна, женщины увидели, как он разговаривал с мошенником. Принц продолжал улыбаться, даже когда совсем запутался в объяснениях, а Мирандон энергичным жестом указал ему на спуск к Нижнему городу. Прильнув к окнам, женщины наблюдали эту короткую немую сцену.

Надо отдать должное Принцу: он умел признавать себя побежденным и никогда не лез в бутылку, глупо упорствуя и подвергая себя риску попасть в тюрьму или оказаться избитым. Не повезло ему дьявольски! Надо же было взять на прицел куму Мирандона! Он еще счастливо отделался, оставшись целым и невредимым. Принц искренне уверял, что ничего не знал о дружбе Мирандона с доной Флор, иначе бы и не зашел на эту улицу...

Даже не подняв глаз на окна доня Флор, он переменил курс и вышел в открытое море, по направлению к Ладейре-да-Прегисе. Но, не доходя до Нижнего города, увидел благочестивую вдову, направлявшуюся в церковь, в трауре и вуали, опущенной на лицо. Принц, верный своему нелегкому ремеслу, кивнул к новой гавани, миг изобразив томную улыбку и умоляющий взор.

7

Принца никогда больше не видели в тех краях, однако еще долго о нем ходили разговоры, и уж обязательно его вспоминали, когда появлялся новый претендент на руку и сердце доня Флор. Раньше она подшучивала над женихами вместе с соседками, теперь же отказывалась даже говорить на эту тему; не скрывая своего раздражения при малейшем упоминании о браке и воспринимая это как оскорбление.

Подруги и кумушки, словно заключив молчаливый договор, некоторое время вообще не касались этого большого вопроса, будто смирились с твердым решением доня

Флор остаться вдовой и никогда больше не выходить замуж. Если какая-нибудь болтливая старушка порывалась вдруг обсудить эту благодатную тему, ей тотчас напоминали о Принце, и она умолкала, словно мошенник все еще стоял у фонаря и издевался над всеми. К тому же донна Норма — пожизненная президентша квартала, особа, в общем либеральная, но в случае необходимости становившаяся неумолимым диктатором, категорически запретила всякие разговоры о браке.

Несколько недель после памятного дня рождения донна Флор не имела ни минуты покоя: соседи то и дело приглашали ее к себе, были к ней очень ласковы и внимательны. Она посмотрела почти все новые фильмы, ходила по гостям, бегала с подругами по магазинам и по окончании вечерних занятий сама придумывала, куда бы отправиться.

— Норминья, чернушечка моя, куда это ты собралась такая разодетая? И почему ничего мне не говоришь?

— На похороны, дорогая... Мне только что сообщили, что умер сеу Лукас де Алмейда, наш хороший знакомый и дальний родственник Сампайо. Внезапно, от сердечного припадка. Сампайо не захотел пойти, ты же его знаешь, а тебе я ничего не стала говорить, потому что ты не была знакома с покойным. Но если хочешь, можем пойти вместе... Похороны будут, судя по всему, богатые...

Она ходила с доной Нормой на панихиды и похороны, на дни рождения и крестины. И в печали и в радости ее подруга не теряла своей энергии, поэтому и праздники, и похороны, на которых она оказывалась, проходили удачно. Донна Норма сразу же брала в свои руки бразды правления, радовалась чужой радости, сочувствовала горю, помогала в беде, поддерживала беседу, с аппетитом ела и пила всегда в меру; когда нужно было, улыбалась, когда нужно было, плакала. В любом собрании, даже самом скучном, никто не мог сравниться с доной Нормой, немного сумбурной и жизнерадостной женщиной. «Это — колосс», — отзывалась о ней донна Эжада, «монумент», — заявлял Мирадон, ее поклонник, «святая», — считала донна Амелия, «хорошая подруга», — говорила донна Эмиля, и не только она.

— Ураган... — стонал Зе Сампайо, страдавший от слишком бурной деятельности донны Нормы.

— Второй такой женщины не сыщешь на всем свете, сеу Сампайо; вся улица считает ее своей матерью, — не соглашалась с ним донна Флор.

— Да, но мне не по силам такое количество детей, дона Флор, я от них устал...— мрачно возражал сеу Сампайо.

Несколько раз вместе с доной Гизой дона Флор посещала пресвитерианскую церковь на Кампо Гранде — американка распевала там псалмы так же вдохновенно и с тем же пылом, с каким читала Фрейда и Адлера, обсуждала социально-экономические проблемы и танцевала самбу. За эти посещения дону Флор мягко отчитал дон Кlemente, сказавший с ласковым упреком:

— Говорят, ты стала пресвитерианкой, Флор, это правда?

Пресвитерианкой? Какая чушь! Она только два или три раза заходила в их церковь с подружкой просто из любопытства и от нечего делать. У вдовы так много свободного времени, падре.

Вместе с Руасами она совершила приятную поездку на субботу и воскресенье в Алагоиньяс, родные места соседей. Побывала как-то с доной Дагмарой на занятиях гимнастикой по системе Йогов, которые проводила грациозная и миниатюрная женщина, гибкая, как пруттик. Но занятия эти совпадали по времени с занятиями в кулинарной школе, и дона Флор не смогла — хотя и очень хотела — научиться этим трудным упражнениям, которые, если верить рекламе, «делали тело ловким и упругим, а душу чистой и здоровой», «гарантировали физическую и моральную устойчивость и совершенную гармонию между душой и телом, без которой жизнь становится грязной и мерзостной». За последние месяцы дона Флор и сама убедилась: борьба духа и тела превращает жизнь в Дантов ад.

Вместе с доной Марией до Кармо они несколько раз ходили на конкурс «Молодые таланты», участницей которого была Марилда. Каждое воскресенье в течение трех месяцев девушки и юноши имели возможность состязаться за почетный титул «Новая звезда радиоконпании» и право подписать контракт. Хорошенькая Марилда с большим чувством и плохим произношением пропела парагвайскую песню, получив, впрочем, довольно высокую оценку и заняв второе место. Многообещающее начало вселило в девушку надежду увидеть осуществленными мечты о собственной программе народных песен и о своих фотографиях на обложках журналов. Единственным препятствием на ее пути была дона Мария до Кармо, презрительно морщившая нос, когда слышала обо

всем этом. С большим трудом удалось уговорить ее разрешить Марилде принять участие в конкурсе, да и согласилась она лишь потому, что знала доктора Клаудио Туюти, занимающего большой пост на радио. Нелегко было убедить ее отказаться от предрассудков, против которых казались бессильными и разумные аргументы донны Гизы, и взволнованные просьбы донны Флор. Однако, увидев дочь, выглядевшую очень эффектно у микрофона, и услышав ее голос, разнесшийся по всему городу, она залилась слезами от гордости и счастья. А затем возмутилась решением жюри, чуть не избив ведущего программу популярного диктора Силвио Ламенью, так как считала, что Марилда заслуживает первого места и не получила его только из-за того, что протекцию оказали некоему Жоану Жилберто, бездарному и безголо-сому.

Со своей кумой Дионизией донна Флор договорилась побывать на празднике Ошосси, она собиралась прихватить с собой дону Норму и дону Гизу, очень интересовавшихся подобными вещами, но ей помешала простуда. Опасения донны Флор оправдались: простуда перешла в опасный грипп. Говоря откровенно, донна Флор побаивалась всех этих кандомбле, когда на улицах полно колдовских деспашо и эбо с их зловещими чарами; как-то она даже спросила у Дионизии:

— А какова она, эта Ошум, кума Дионизия?

— Ошум — богиня рек: на вид это благочестивая сеньора, живущая где-нибудь в уединенном домике, само спокойствие. Но она может превратиться и в жеманную юную франтиху, тихую только с виду. Достаточно сказать, кума, что эта обманщица была замужем за Ошосси и за Шанго, а сейчас она покинула воды и живет на земле, снедаемая страстью.

Беготней и хлопотами старалась донна Флор до предела заполнить свою жизнь, потому что после истории с Принцем исчезли ее покой и беспечность и крепкий, освежающий сон.

После кошмара с хороводом женихов нарушилось безмятежное течение ее жизни. День за днем возрастало беспокойство, постепенно превращаясь в постоянную гнетущую тревогу.

А после вечера, проведенного в кино, к ней уже не возвращалось былое спокойствие, радость от тихого, хотя, быть может, и пустого существования, от занятий с ученицами. Только теперь стало ясно, что прежний покой

был обманчивым, как воды медленной, но коварной реки; огонь пожирал дону Флор изнутри.

Скромной вдове приходилось защищать свою честь не от бесстыжих развратников — зная ее, ни один мужчина не осмелился даже на ухаживание, — а от нахальных юнцов, которые целыми днями торчали на улице и приставали к женщинам. Но и их, как правило, сражали ее целомудрие и серьезность. И если кто-нибудь из них все же отваживался на какую-нибудь двусмысленность или сальную шуточку, то тут же, поскольку дона Флор держалась так, будто была слепа, глуха и нема, словом, как и подобает скромной и достойной женщине, раз и навсегда умолкал. Главное же то, что доне Флор приходилось защищать себя от собственных грешных мыслей и проснувшегося желания, которое пожирало ее. Она лишилась «моральной и физической стойкости», необходимой для здоровья, согласно учению йогов, «совершенной гармонии души и тела». Плоть и душа вели между собой беспощадную войну: целомудренную дону Флор жгло пламя вожделения.

Сначала сладострастные сны лишь изредка уносили ее в запретную для вдов и девственниц страну. Дона Флор в ужасе просыпалась, хваталась за сердце и шевелила пересохшими губами. Она стала бояться своих снов.

Днем, занятая ученицами и чтением романов, дона Флор легко отгоняла от себя грешные мысли, сдерживала отчаянное сердцебиение. Но как сохранить спокойствие по ночам, когда она была беззащитна перед своими сновидениями?

Потом, однако, дона Флор и днем начала задумываться, грустить, вздыхать и предаваться опасным мечтам. Стоило ей остаться одной, как даже самые невинные мысли приводили всегда к тому же: она видела себя на железной супружеской кровати, охваченную нетерпеливым и страстным желанием. Куда девалось ее вдовье целомудрие?

Теперь в своем воображении она рисовала целые сцены, в которых мешались отрывки из романов, случаи, вычитанные из газет, истории, рассказанные кумушками и воспоминания о собственной замужней жизни.

Горячее дыхание Принца обожгло ее затылок и отравило кровь, принеся невыносимые, адские муки.

Пришлось не раскрывать глупые романы для девиц, которыми зачитывалась Марилда, вздыхая над судьбой

графинь и герцогов. Даже они волновали дону Флор; в самых невинных местах она усматривала нечто пикантное, и это пикантное еще сильнее разжигало ее чувственность, и сюжет романа и его персонажи преобразались до неузнаваемости.

Так каждый день ее целомудрие подвергалось все новым и новым испытаниям. Однако те, кто видел ее во время занятий с ученицами, или в магазине с подружками, или в гостях, не могли даже представить себе, какая отчаянная борьба идет в глубине ее души, как терзается она по ночам: ведь дона Флор была одной из самых уважаемых и достойных женщин. Никто ни разу не слышал, чтобы она с интересом говорила о мужчинах. И если раньше она вместе с подружками подшучивала над женихами, то теперь не желала ни о ком знать, тем самым ставя крест на новом замужестве. Да, вряд ли в квартале, в городе и, пожалуй, в целом мире нашлась бы вдова, более целомудренная и скромная, чем дона Флор. Равных ей не было на всем белом свете. С виду кроткая и спокойная, но сжигаемая огнем как Ошум, ее божество. Ах, Дионизия, если бы ты знала, как это пламя жжет по ночам смуглое тело твоей кумы, ты распорядилась бы приготовить ей освежающую ванну либо дать мужа.

Все более беспокойной становилась дона Флор, все тревожнее делались ее сны, все мучительнее бессонные ночи. Если удавалось проспать спокойно целую ночь, дона Флор считала это за счастье. Она отдыхала лишь в начале ночи, затем являлись сновидения, уносящие ее в мир соблазнов. Но потом она лишилась и этого отдыха и почти всю ночь скрежетала зубами от невыносимых мук. «Материя преобладает над духом», — утверждал проспект, излагавший учение йогов.

Куда исчезла ее скромность? Никогда раньше она не была такой, даже мужу принадлежала только после того, как ему удавалось побороть ее стыдливость. Теперь ей иногда снилось, что она продается за деньги. Какой позор! Не раз она просыпалась и лила горькие слезы, оплакивая ту, прежнюю дону Флор, которая целомудренно заворачивалась в простыню.

Иногда она так уставала за день, что засыпала в кино или клевала носом, беседуя с подружками. Но стоило ей надеть ночную рубашку и лечь в постель, как сон пропадал. Она старалась думать о занятиях в своей школе, о том, что надо купить, о болезни соседа или

знакомого, о тете Лите, которая тоже не спала по ночам, мучаясь от астмы.

Но мысли не подчинялись ей: она старается думать о Марилде, об ее желании стать певицей и о трудностях, подстерегающих ее на этом пути, а видит перед собою бледного Принца, который нашептывает ей слова любви, красивые, как стихи.

Дона Флор знала о славе, которой пользовался ее поклонник среди женщин легкого поведения. Дионизия, ничего не слышавшая о коммерсанте из Итабуны, думала, что дона Флор читала о Принце в отделе происшествий, и рассказала ей о томном юноше по прозвищу Мощи. Благодаря своей бледной красоте, бархатному голосу, грустному взгляду и особенно выдающимся мужским качествам, если верить ценительницам, он пользовался невероятным успехом. Из-за него часто происходили ссоры, разыгрывались настоящие драмы. Однажды две красотки подрались, одну из них отвезли в больницу с ножевой раной, другую посадили в тюрьму.

И вот дона Флор видит во сне, как она замахивается ножом на Дионизию, а та издевательски смеется, смеется и остальные девицы, потешаясь над доной Флор, глупой вдовой. Разве она не знает, что томный красавец — это Принц, повелитель вдов, и что он только забирает у них деньги и драгоценности? Ему не нужна ни жена, ни любовница. А если знает, то зачем пришла сюда предлагать ему свое тело, пылающее в огне страсти. Повор! Где ее вдовье целомудрие?

Дона Флор решила принимать снотворное в надежде, что сон сморит ее. Она обратилась за советом к фармацевту доктору Теодоро Мадурейре, у которого была аптека на углу Кабесы. По мнению доны Амелии — и не только ее, — Теодоро, хоть и был аптекарем, стоил многих врачей: он отлично знал свое дело, его лекарства излечивали от любой болезни.

Бессонница, нервозность? Наверное, переутомление, а вообще ничего серьезного, поставил диагноз аптекарь и посоветовал принимать какие-то пилюли, которые снимают усталость, успокаивают нервную систему и гарантируют крепкий сон. Дона Флор может принимать их безо всяких сомнений, даже если лекарство не поможет, то и вреда от него не будет, оно не содержит наркотиков, как многие дорогостоящие современные средства, вошедшие теперь в моду. «Они очень опасны, сеньора, почти так же, как морфий и кокаин, а может быть, и еще

опаснее». Фармацевт, чрезвычайно образованный, внимательный и немного церемонный, на прощанье отвесил ей глубокий поклон и попросил обязательно сообщить о результатах.

Увы, сеу Теодоро! Она, правда, проспала всю ночь, проснувшись только, когда испуганная служанка постучала в дверь спальни перед самым началом занятий. Сон был долгий, но такой же беспокойный, как и раньше, такой же изнурительный, даже, пожалуй, мучительнее прежнего, потому что прервать его было невозможно. Промучившись всю ночь, дона Флор проснулась утром совсем разбитая. Пилюли не избавили ее от чувственных видений.

Дона Флор была в смятении. Днем, пока она занималась с ученицами и хлопотала по хозяйству, ночные кошмары отступали, но, едва она выходила в город, ее уши ловили восклицания мужчин, глаза — их жадные взгляды, и мучения начинались опять.

Никто не догадывался об ее ужасном состоянии. Все считали, что жизнь ее протекает спокойно и беззаботно, интересно и даже весело. Прежде ее муж, игрок и распутник, доставлял ей много страданий, теперь, став вдовой, дона Флор ведет себя, как и подобает женщине в ее положении: не помышляет о новом браке и романах. Ее равнодушие к мужчинам восхищало кумушек и соседей. Когда она появлялась на Кабесе, надменная и замкнутая, мужчины в баре спорили между собой:

— Порядочная женщина, красавица, молодая, а на мужчин даже не взглянет...

— Чересчур порядочная. Кто знает, может, вовсе и не от добродетели...

— А отчего же?

— От природы, просто холодная. Есть такие женщины, как мраморные статуи, они и не знают, что такое страсть, и целомудрие их совсем не заслуга. Они холодны, как глыбы льда. Дона Флор, наверное, из таких.

— А кто знает? Так или иначе, она самая порядочная вдова в городе...

Недоверчивый и высокомерный литератор продолжал настаивать:

— Ледяная глыба, я уверен. Холодна, как мраморная статуя.

Элегантно и скромно одетая, дона Флор тихо шла, обращая на себя внимание своей простой и строгой красотой. Она не гладела по сторонам, сдержанно отвечала на

дружеские приветствия резчика по дереву Алфредо, на громкое «добрый день!» испанца Мендеса, на почтительный поклон фармацевта, веселый смех негритянки Виторины, ценой невероятных усилий давалась ей эта благопристойность, эта выдержка — она была измучена бессонной ночью, которая прошла в тщетной борьбе с бунтующей плотью. Снаружи — спокойствие стоячих вод, внутри — ураган страстей.

8

— Ты была с ним слишком резка... Даже груба... — откровенно сказала дона Норма. — Энаида не зря обиделась.

Солнечным воскресным утром после дня рождения сеу Зе Сампайо подруги окружили дону Флор, которая не скрывала своего раздражения.

— Не выношу дерзостей...

— Он пошутил, а ты рассердилась... — Дона Амелия не видела в поведении доктора Алуизио ничего предосудительного.

— Если и пошутил, то неудачно...

Дона Норма выразила общее мнение:

— Ты уж извини меня, Флор, но ты недотрога. Разве можно сердиться из-за таких пустяков... Раньше ты не была такой... Я не присутствовала при этом, но, даже если он и позволил себе что-то лишнее, не стоило это принимать так близко к сердцу...

А дона Гиза разразилась целой лекцией, объясняющей поведение нотариуса из Пилон-Аркадо:

— Сеу Алуизио — типичный житель сертана, с патриархальным мышлением, он привык обращаться с женщиной, как с собственностью или домашним животным...

— Вот именно... — поймала ее на слове дона Флор. — Домашним животным... Для него женщина — все равно что корова... А он бык...

— Ты неправильно меня поняла, как и сеу Алуизио. Нельзя забывать о среде, в которой он живет: это земледельцы и скотоводы... Он самый настоящий феодал...

— Нахал, вот он кто... Только с вежливыми манерами... Берет руку, чтобы пожать, а сам щекочет...

— Норма права, Флор, ты стала недотрогой. Доктор Алуизио взял твою руку... — вмешалась дона Жаси.

— Чтобы узнать, что тебя ждет...— Дона Мария до Кармо сочла необходимым внести ясность.— И почему это каждый мошенник вызывается читать судьбу по руке?

— Ты тоже находишь, что он наглец?

— Кто, сеу... доктор Алуизио? Не знаю... А он действительно доктор?

Да, кто же он: сеу Алуизио или доктор Алуизио? Дона Мария до Кармо, сама того не желая, поставила на обсуждение важный вопрос. В тех краях, где практиковал этот адвокат без диплома, известный как один из самых красноречивых судебных ораторов, он, конечно, считался доктором. В столице же, поскольку у него не было диплома об окончании университета, он не имел права на это звание. Чтобы не поссорить сертан с городом, к нему стали обращаться и так и эдак, к удовольствию и строгих формалистов, и снисходительных либералов.

— Доктор он или нет, но зубы он умеет заговаривать, язык у него хорошо подвешен... Его не проведешь...— высказалась молчаливая до сих пор дона Эмина.

Речь шла о событиях вчерашнего вечера, который едва не кончился скандалом. Поскольку сеу Сампайо терпеть не мог банкетов и пышных праздников, доне Норме волей-неволей пришлось ограничиться обедом, на который она пригласила друзей и соседей. Скупой, но любивший поесть сеу Сампайо возражал, как обычно, предлагая пойти всей семьей в ресторан и пообедать там. Тихо, спокойно и недорого. Как и всегда, дона Норма восстала против подобной экономии, заявив, что они вполне в состоянии прилично принять своих знакомых по-американски.

Уже лежавший в постели сеу Сампайо прибег к последним аргументам, чтобы доказать, с его точки зрения, неопровержимую истину.

— У меня есть причины возражать, и немаловажные.

— Можешь их изложить, только не рассказывай мне сказок, будто продажа обуви сокращается. Я сама видела статистические отчеты...

— Речь совсем не о том... Выслушай меня внимательно и не прерывай. Во-первых, я не люблю есть стоя, предпочитаю за столом. Что за удовольствие. Все толпятся вокруг стола, а я стесняюсь, и в конце концов мне достаются объедки. Только я соберусь положить себе что-нибудь на тарелку, как оказывается, что всю закуску

уже съели, от индейки остались только крылышки. А здесь я буду хозяином, значит, подойду к столу последним и, естественно, останусь с пустой тарелкой. В ресторане — другое дело. Там мы сидим и заказываем, что нам хочется, а раз это день рождения, каждый может съесть по два блюда... — Это было трогательной уступкой семье и собственному аппетиту со стороны сеу Сампайо.

Дона Норма с трудом дослушала его до конца.

— Не будь смешным, Зе Сампайо. Во-первых, нас все приглашают на дни своего рождения...

— Но я не хожу...

— Иногда все-таки ходишь... И уж тогда ешь за пятерых... Во-вторых, не рассказывай мне, будто ты стесняешься и кладешь себе мало. На дне рождения сеу Бернабо, к которому ты пошел только потому, что он иностранец, ты съел почти половину суфле из креветок, не говоря уже о пирожках... И все от жадности...

— Да! — простонал сеу Сампайо. — У доны Нанси все очень вкусно...

— У меня тоже... В-третьих, и дома ты никогда не бабываешь себя и первым устремляешься к столу. На тебя смотреть стыдно! Называется, хозяин... В-четвертых, с моих обедов, слава богу, еще никто голодным не ушел. В-пятых, ресторанный еда...

— Довольно... — взмолился Зе Сампайо, закрываясь простыней. — Мне вредно спорить, у меня высокое давление...

Обеды доны Нормы славились своим обилием: если она приглашала двадцать человек, то готовила на пятьдесят; и не зря, потому что вся окрестная беднота приходила потом доедать остатки и допивать вино.

На этот день рождения сеу Сампайо явились почти все соседи, в том числе и чета Бернабо; дона Нанси держалась поближе к подругам, а сеу Эктор, как всегда, говорил о делах и превозносил Аргентину.

Горячий патриот своей родины, сеньор Бернабо любил сравнивать Аргентину и Бразилию, разумеется отдавая предпочтение первой с ее развитой промышленностью, природными богатствами и климатом. В Аргентине и лето, и зима, и весна, и осень не то что в Бразилии, где постоянно стоит невыносимая жара; в Аргентине образцовое железнодорожное сообщение, а в Бразилии поезда ходят без расписания; в Аргентине сочные европейские фрукты, вино, хлеб из чистой пшеницы, чудесное мясо, породистый скот, Дона Нанси приходила в ужас,

когда муж пускался в патриотические дебаты, и торопилась прервать его:

— Но, Бобо, здесь тоже много хорошего... Например, отличные ананасы...— Она их обожала и всегда боллась, как бы муж не подрался с каким-нибудь бразильским патриотом, страстным защитником своей нации.

Впрочем, такое случалось, и не однажды. Как-то сеу Шалуб, рыночный торговец, сириец по происхождению и бразилец в первом поколении, а потому рьяный националист, вышел из себя и ехидно задал вспыльчивому Бернабо бестактный вопрос:

— Если аргентинская промышленность настолько выше здешней и жизнь там такая замечательная, почему вы тогда приехали в Бразилию и открыли здесь гончарную мастерскую?

Художник Карибэ (тот, что написал портрет Дионизии Ошосси в платье королевы) пришел однажды к аргентинцу договориться насчет обжига в его печи нескольких своих изделий, но был вовлечен в спор о танго и самбе и, не выдержав, воскликнул:

— Да бросьте вы!.. Как можно жить в стране, где нет темных мулаток?.. Нет, уж увольте!

Однако на дне рождения сеу Сампайо аргентинский патриот держался весьма корректно. Он, как обычно, расхваливал Аргентину, но не забывал и Бразилию, особенно Баию, с ее радушными и добрыми жителями. Праздничный обед удался, если не считать маленького инцидента, о котором, впрочем, знали только женщины, между доной Флор и сеу Алуизио.

Дона Флор с самого начала сомневалась, стоит ли ей идти на этот обед, где будет столько приглашенных. Ведь еще не прошло года после смерти мужа; и хотя до года не хватало всего нескольких дней, вдове не следует отступать от своих суровых принципов. В противном случае на травлю нескромной вдовыкинется целая свора разъяренных кумушек.

Дона Норма посмеялась над ее опасениями: с каких это пор вдова не может пообедать у друзей. Ведь это не бал, не танцульки, а если Артур и его друзья-студенты потанцуют немного под радиолу, в этом нет ничего страшного, такое невинное развлечение отнюдь не противоречит траурному этикету, не оскорбит памяти покойного.

К тому же дона Флор весь день хлопотала, готовя угощения для этого обеда. С помощью Марилды она

сварила целый котел ватапы и вкуснейшую рыбную можеку; дона Норма занималась сладким. Так или иначе, в конце концов она решила идти на обед, но лучше бы не ходила, тогда бы не случилось с ней неприятностей.

Когда уже почти все гости были в сборе, а столы накрыты, пришла дона Энайда с подносом киндинов¹ и галстуком для сеу Сампайо. Она извинилась за мужа, который по субботним вечерам играл в покер и поэтому отказывался от всех других приглашений. Вместо него она привела сеу Алуизио, для многих — доктора Алуизио, адвоката и нотариуса с берегов Сан-Франсиско, почти холостяка, которого усиленно прочили в мужья доне Флор. Одетый в новый с иголки темный костюм, раздушенный и напудренный, он походил на манекен, несмотря на крючковатый толстый нос, блестящую лысину, живой, пронзительный взгляд. Дона Энайда не без гордости представила своего влиятельного кузена, а затем сказала:

— Я хочу, чтобы ты познакомился с доной Флор Гимараэс, самой красивой вдовой в Баие.

— Перестань, Энайда...

Доктор Алуизио склонился, чтобы поцеловать руку доны Флор, и аромат его духов ударил ей в нос.

— Дорогая сеньора, я никогда не забуду этой минуты. Кузина уже писала мне о вас, и только хорошее... Но я вижу, что ее перо не смогло передать вашей прелести, это под силу только поэту...

Он внимательно изучал ее взглядом, и дона Флор почувствовала себя раздетой. Потом в его глазах появилось одобрение, а вежливая улыбка сменилась довольным смешком.

И все это время он не выпускал ее руки из своей.

Наконец сеу Алуизио решил, что перед ним легкая и верная добыча. Его опыт провинциального Дон-Жуана подсказывал ему, что кротость и скромный вид доны Флор — одно притворство. Он знал таких женщин: почти все они лгуны, зато хороши в постели.

У себя в провинции, где женщина всецело подчинена воле мужа, своего повелителя, и живет только заботами домашнего очага, сеу Алуизио не раз читал в глубине стыдливо опущенных глаз горячий отклик на его призыв.

¹ К и н д и н — пирожное из яичного желтка, кокосового ореха и сахара.

Кто знает, не бушуют ли штормы под этой спокойной внешностью, не тлеет ли под сдержанностью и благочестием совсем еще молодой и здоровой женщины огонь страсти? Доктор Алуизио знал этих скромниц, укрывшихся в тиши своих домов и затянутых в корсет средневековой морали. Когда подворачивался случай, они с удивительной легкостью обходили все препятствия и, поборов страх, ловко наставляли рога своим деспотам, которые, случалось, пускали в ход револьвер либо кинжал.

Часы своего досуга — а их было более чем достаточно, поскольку в конторе он был не очень занят, — потариус посвящал женщинам. Он изучил их досконально, что позволило судье в Пилан-Аркадо доктору Дивалу Питомбо назвать его «тонким психологом, знатоком женской души и ценителем классической литературы». Впрочем, что касается классической литературы, он читал только бразильские романы, некоторые переводы из греческой мифологии и книги о Римской империи, в основном периода упадка. А женщин, то на них у сеу-Алуизио было чутье, и это принесло ему несколько побед, славу грозы мужей и неотразимого соблазнителя. Несмотря на лысину и крючковатый нос, он совратил не одну красотку, их не удерживали ни средневековые предрассудки, ни боязнь расплаты.

Итак, перед доной Флор стоял Казанова с берегов Сан-Франсиско и старался проникнуть в тайники ее души, прочесть ее мысли, чтобы овладеть тем, что было скрыто от других. Решив, что она отвечает его вкусу, дон Алуизио нашел ее забавной и вполне доступной. В его глазах дона Флор вовсе не была самой порядочной и добродетельной вдовой Баии, как это считали завсегда-тай бара на Кабесе и даже самые злые сплетницы, не побоявшиеся бы сунуть руку в огонь за честь доны Флор.

Кстати, о руке... Адвокат все еще держал руку доны Флор, легонько и ласково сжимая ее. Дона Флор сразу поняла, какое он составил о ней мнение, от нее не укрылось и то, что держит он ее руку с видом собственника. Наглый, самодовольный и самовлюбленный провинциал. Если сразу не осадить его, он и дальше будет вести себя так же дерзко. Нахмурившись, дона Флор резко вырвала руку. Соблазнитель из каатинги¹ сделал вид, будто ничего не случилось.

¹ Каатинга — зона лесов с низкорослыми деревьями и кустарниками.

— Разрешите, уважаемая, я признаюсь вам откровенно... Я приехал в столицу не только по делам своей конторы и повидать родственников, главное, что привело меня сюда,— это желание познакомиться с вами... Энаида в своих письмах...

Но дона Флор, воспользовавшись тем, что в это время в комнату вошла дона Дагмара, сказала доктору Алуизио:

— Если позволите... Я должна поздороваться со своей подругой...

Болтливая и несдержанная, дона Дагмара сразу же спросила:

— Кто этот лысый попугай? Очередной претендент?

— Ну что ты, дорогая... Это кузен Энаиды, некий доктор Алуизио, политический деятель из провинции...

— А! Я уже о нем слышала... Говорят, он заправляет где-то в районе Сан-Франсиско... Дай-ка мне, дорогая, чего-нибудь поесть.

В столовой было полно гостей, гремели тарелки, ножи и вилки, пустые блюда уносили в кухню, оттуда приносили новые кушанья. Праздник удался на славу: пришли коммерсанты, коллеги хозяйина и члены Клуба торговцев, родственники, соседи, подруги доны Нормы. Они расположились группами в комнатах и на веранде. Кухня тоже была забита до отказа крестниками доны Нормы и кумушками. В углу столовой, неподалеку от большого стола, виновник торжества торопливо и жадно поглощал еду, украдкой кидая тревожные взгляды на блюда с угощениями, боясь, как бы гости не съели все, прежде чем он насытится.

Зе Сампайо старался не бросаться в глаза, чтобы его не заметили и не помешали таким образом его приятно-му занятию. И все же аргентинец Бернабо, с желтыми от пальмового масла губами, подошел к нему выразить свое восхищение.

— Я давно не ел с таким удовольствием, дружище. Все приготовлено очень вкусно...

Дона Флора помогала доне Норме и кухаркам, которых прислали соседи, но, как только стало немного поспокойнее, присела на свободный стул в углу веранды и начала наблюдать за гостями: сеу Вивалдо, хозяин похоронного бюро, накладывал себе уже четвертую тарелку, доктор Ивес налегал на сладкое.

Ковыряя зубочисткой во рту, сеу Алуизио будто незначай подошел к доне Флор и прислонился к стене.

— Пир под стать римскому... — заметил он.

Дона Флор хотела промолчать, но потом решила, что у нее нет никаких оснований для такой бестактности.

— Когда Норминья устраивает обеды, она не скупится...

Сеу Алуизио поглядел по сторонам. Дона Флор продолжала смотреть на шумных гостей, и вдруг до нее донесся шепот нотариуса:

— Скажите мне, красавица...

— Что? — испугалась дона Флор.

— Как вы отнесетесь к тому, чтобы сходить полюбоваться луной на озеро Абаэтэ? Сначала выйдете вы и подождете меня на площади...

Дона Флор вскочила, словно ужаленная, и сдавленным голосом воскликнула:

— Как вы можете обо мне такое думать?

Доктор Алуизио тихонько рассмеялся, будто знал настоящую цену этому возмущению. Он привык к подобным сценам.

— Я вам предлагаю пройтись, и ничего больше...

Дона Флор не могла и слова сказать, от негодования щеки ее пылали, бешено стучало сердце. Неужели он сумел прочесть на ее лице следы ночных мучений? Чуть не бегом бросилась она в гостиную.

— Что с тобою, Флор? — спросила Марилда, заметив ее смятение.

— Не знаю, что-то с сердцем... Сейчас пройдет...

— Сядь сюда... Я принесу тебе воды...

— Не надо... я посижу с твоей матерью...

Слушая подруг, которые потешались над прожорливостью некоторых гостей, дона Флор понемногу пришла в себя. Наглое приглашение любоваться луной в черную как смоль ночь было просто издевательством. Подруги продолжали судачить, и дона Мария до Кармо сказала, что ее беспокоит чрезмерная веселость сеу Сампайо, который никогда так не вел себя во время обеда.

Когда женщины приумолкли, настойчивый кавалер с берегов Сан-Франсиско появился снова, на этот раз под руку со своей кузиной доной Энаидой, и нахально спросил:

— Найдется тут место для двоих? Или ваш разговор не для мужчин?

— А мы уже обо всем переговорили...

Дона Флор сделала вид, будто не замечает нотариуса, а тот уже через несколько минут вызвался гадать доне

Амелии по руке. Свои предсказания он пересыпал шуточками, довольно остроумными, даже доня Флор улыбнулась несколько раз. Доне Амелии он посулил путешествия и богатство. Потом наступила очередь доньи Эмины: совершенно серьезно сеу Алуизио предсказал ей, что вскоре у нее родится ребенок.

— Проклятье!.. Мало того что Анинья появилась некстати, теперь еще один...

— На этот раз мальчик... Я никогда не ошибаюсь...

Покончив с доньей Эминой, он устремил взгляд на дону Флор, словно между ними ничего не произошло. Его глаза снова стали наглыми, и кончиком языка он провел по губам с таким вызывающим видом, что доня Флор похолодела. Как далеко думает зайти этот нахал? К счастью, другие ничего не заметили. Взяв руку доньи Флор, сеу Алуизио сказал:

— Теперь ваша очередь...

— Я не верю в гаданье. Пустое это дело...

Но подружки со смехом потребовали, чтобы она подчинилась. Стоит ли упорствовать? Это может показаться подозрительным, оставалось только согласиться. Доктор Алуизио, знаток женской души, победоносно улыбнулся, уверенный в своей проницательности.

Взяв левую руку доньи Флор, он наманикюренным пальцем стал водить по ее ладони, незаметно щекоча. Но доня Флор оставалась суровой и сдержанной.

— Превосходная линия жизни... Вы проживете более восьмидесяти лет...— Затем он секунду помолчал, внимательно изучая ладонь вдовы, и продолжал: — Вас ожидают большие перемены...

— Перемены? Какие? — оживились подружки.

— В любви! Я вижу новое увлечение... Случайная встреча, страсти...

— Разрешите...— доня Флор попыталась высвободить руку.

Но сеу Алуизио не выпускал.

— Подождите... Я еще не кончил... Слушайте дальше... Господин из провинции...

Доня Флор вдруг встала и резко вырвала свою руку из рук адвоката.

— Я вам не позволяю дерзить мне...

И быстрым шагом вышла из гостиной, оставив подружек в крайнем удивлении, а дону Энаиду в страшной обиде.

— Что за выходки?.. Разве Алуизио позволил себе лишнее? Или оскорбил ее? Просто пошутил, чтобы

позабавиться... Терпеть не могу, когда люди держат себя так глупо... В конце концов, что она о себе воображает? Тоже мне принцесса!

Только нотариус оставался спокойным и даже оправдал дону Флор:

— Бедняжка... Я знаю эту нервозность, это участь всех молодых вдов: пока они не выйдут замуж, они истеричны. В провинциальных городах я не раз сталкивалась с подобными случаями... Старые девы и вдовы обижаются по всякому поводу, плачут, постоянно закатывают истерики и вообще всегда в дурном настроении. К старости некоторые из них даже сходят с ума...

Дона Мария до Кармо прервала его:

— Послушайте, доктор, я тоже вдова и в конце концов могу обидеться...

Адвокат окинул ее оценивающим взглядом: вдовушка еще неплохо выглядит, хорошая фигура, тело крепкое, не совсем в тираж вышла. Доктор Алуизио был не из тех, кто теряет время зря. Оставив дону Флор, он сказал доне Марии:

— Покажите мне, пожалуйста, вашу левую руку, я хочу кое-что выяснить...

Взяв руку доны Марии до Кармо, он пристально посмотрел ей в глаза.

— Должен я вам сказать правду или солгать?

Когда дона Флор вышла, Марилда и дона Норма последовали за ней и застали ее в слезах. Дона Норма, обращаясь к ней, повторила слова сеу Алуизио:

— Ты становишься истеричкой, Флор.

9

Дона Флор на занятиях и в мечтах

Оставьте меня в покое и не говорите мне больше о трауре и одиночестве, мое положение и без того печально. Переходим к уроку. Самое сложное и изысканное блюдо — ватапá из рыбы (или курицы), вкуснее его нет ничего в баиянской кухне. Не говорите мне, что я молодая, я вдова и умерла для любви. Итак, ватапá на десять персон.

Берем две головы гароупы, можно и другой рыбы, но это будет не так вкусно. Кладем соли, кориандра, чесноку и лука, несколько помидоров и лимонного соку.

Затем четыре полные столовые ложки лучшего прованского масла, хотите португальского, хотите испанского; говорят, греческое лучше, но я никогда его не употребляю, потому что не вижу в магазинах.

Как я поступлю, если мне подвернется подходящий жених, который вновь зажжет во мне чувства, угасшие под бременем памяти о покойном? Ах, девушки, что вы знаете о сокровенной жизни вдов! У каждой вдовы бывают грешные мысли, но порядочная вдова никогда не станет об этом говорить. Оставьте меня в покое!

Потушите рыбу во всех этих специях, а потом, налив туда чуть-чуть воды, совсем капельку, поварите. Теперь отцедите соус и оставьте его в сторону.

Что поделаться, если на моем ложе я, к сожалению, только сплю? Все имеет свои плохие и хорошие стороны. Что может быть лучше, чем спокойные, чистые сны? Что может быть лучше безмятежной и скромной жизни вдовы, забывшей о грешных желаниях? Но как быть, если ложе стало для меня раскаленной пустыней мучительных страстей? Разве вы поймете страдания вдов, томящихся на своем одиноком ложе под бременем воспоминаний о покойном муже? Вы пришли сюда научиться стряпать, и вас не интересует, какой дорогой ценой дается нам, честным вдовам, это самоотречение. Давайте лучше продолжим занятия.

Возьмите терку, два крупных кокосовых ореха и натрите их. Трите как следует, труд идет человеку на пользу (говорят, он отвлекает от дурных мыслей, но я в это не верю). Полученную массу подогрейте, прежде чем отжать молоко, — оно должно быть чистое и густое, без всяких примесей. Его тоже оставьте в сторону.

Оставшуюся массу не выбрасывайте, будьте бережливы, теперь это в моде. Массу опустите в литр кипятку, потом отожмите — получится жидкое молоко. Остатки после этого можете выбросить, они уже ни на что не годятся.

Как и вдова, надевшая маску лицемерия. Ведь недавно в некоторых странах вдов хоронят в одной могиле с мужьями. Их сжигают вместе с покойником. Пожалуй, так даже лучше — сгореть сразу и превратиться в пепел, а не тлеть на медленном тайном огне желаний под лицемерным траурным одеянием и вуалью, скрывающей греховные помыслы. Скорбь вдовы тоже никому не нужна.

Корку от черствого хлеба положите в жидкое молоко, потом пропустите через хорошо вымытую мясорубку размоченный в кокосовом молоке хлеб, земляные орехи, сушеные креветки, орехи кажу, имбирь, если пожелает заказчик, и красный перец (некоторые любят сильно наперченную ватапу́, другие предпочитают почти без перца).

Затем перемешайте все пропущенное через мясорубку и опустите в отцеженный отвар гароупы, туда же добавьте имбирь, кокосовые орехи, соль, перец, чеснок и каштан; теперь поставьте на огонь, и пусть бульон загустеет.

Ватапа́, приправленная имбирем, перцем, земляным орехом, этими возбуждающими пряностями, не действует на вас? Что я могу сказать на это? Я никогда не нуждалась в имбире и земляном орехе, для этого существовали его руки, его губы, его нежные слова и он сам, срывающий с меня простыню, чтобы осыпать безумными поцелуями. Кто теперь сорвет с меня покров стыдливости на моей вдовой постели? И откуда берется это желание, сжигающее мою грудь, если нет ни его рук, ни его губ, ни его смеха, если нет его самого? Почему оно рождается во мне? Почему возникает столько вопросов, откуда этот интерес к интимной жизни вдовы? Почему с моего лица хотят сорвать траурную вуаль, скрывающую мое нутро, где смешались целомудрие и страсть? Вдове даже говорить о таких вещах не пристало. Мое место у плиты, я должна готовить ватапу́, отмерять имбирь, земляной орех, красный перец.

Теперь влейте в бульон кокосового молока, густого и жидкого, и пальмового масла — две полные чашки. Поварите подольше на медленном огне, все время помешивая деревянной ложкой в одном направлении, иначе ватапа́ свернется. Мешайте до тех пор, пока блюдо будет совсем готово.

Мои сны измучили меня, но я не виновата, уж такая я есть — целомудренная, скромная и в то же время распутная, истеричная, взбалмошная.

Ну вот, ватапа́ и поспела. Видите, какая красота! Теперь остается только полить ее пальмовым маслом и подать вместе с акасой¹. Ваши женихи и мужья пальчики оближут!

Да, кстати, раз уж речь зашла о женихах, оповестите всех, что одна молодая вдова, довольно милая и кра-

¹ Акаса — каша из рисовой и кукурузной муки.

сивая, с матовой золотистой кожей — первоклассная повариха, очень трудолюбива и порядочна, с прекрасной репутацией, ни одна женщина на свете не может с ней сравниться, эта образцовая вдова, стыдливая как девица, познала все муки страсти, пожирающей ее.

Если найдете подходящую кандидатуру, сообщите поскорей, в любое время: утром, вечером, в полночь, на рассвете — и в любую погоду: солнечную или дождливую. Присылайте жениха немедленно, с судьей, священником и брачным контрактом, присылайте как можно скорей.

Я шлю этот призыв со всеми подводными течениями, в часы отлива и прилива, морскими и каботажными путями, потому что гавань мою трудно обнаружить — это убежище для всех потерпевших кораблекрушение скрыто от посторонних глаз. Если кто из вас услышит о холостяке, который ищет вдову, чтобы вступить с ней в брак, передайте ему, что здесь, у плиты, стоит дона Флор и готовит рыбную ватапу, сжигаемая адским огнем,

10

Однажды дона Флор не выдержала и во всем призналась доне Норме.

— Я проклята, Норминья, не хочу об этом думать и думаю все время, не хочу вспоминать и вспоминаю беспрестанно, боюсь своих снов и вижу их всю ночь. Моя воля бессильна. Я не могу совладать со своим телом, Норминья.

Брошюра об учении йогов, которую дона Флор не раз перечитывала, внушала, что «дух должен побеждать грешную плоть», но борьба эта была мучением для ее тела, бунтовавшего против целомудренной души, она нарушала спокойное течение вдовьей жизни. Воля донны Флор не могла больше управлять инстинктами. Противоречие между образцовой вдовой и молодой, жаждущей любви женщиной достигло кульминации. Этот тяжелый случай, если верить учению йогов, требовал «целной сосредоточенности и ежедневных физических упражнений».

Никакой пользы не принесли эта ученая книга и трудные упражнения, которые пышной доне Флор оказались не по силам. Пытаясь добиться равновесия между телом и духом, дона Флор в течение двух недель терзала себя самым нелепым образом. Дона Дагмара по ее просьбе показала ей различные упражнения, и дона Флор

стала терпеливо выполнять их, надеясь на успех. Подруга не скупилась на похвалы замечательной системе йогов: ей удалось похудеть на четыре килограмма. Дону же Флор постигла полная неудача, она даже не похудела. Вместо обещанных покоя и душевной гармонии она получила усталость, все тело болело и по-прежнему томилось от неудовлетворенной страсти.

Ни к чему не привели и научные изыскания доны Гизы, сыпавшей, словно профессор на кафедре, непонятными словами: комплекс, либидо, подсознание, сублимация, табу.

— Ты, Флор, полна сублимаций и комплексов, а значит, секс для тебя — табу.

Сознание или подсознание были тому виной, сублимация, комплексы или самое обычное желание, но сны ее оставались все теми же. И американка ничем не могла ей помочь, потому что положить конец сублимациям и комплексам значило опозорить себя и память покойного мужа.

Умудренная опытом, проникательная и умная от природы, дона Норма сразу поставила диагноз:

— Все из-за того, моя дорогая, что у тебя нет мужчины. Ты молода, слава богу, здорова, чего же ты хочешь? У монахишь и тех есть жених небесный, а некоторые еще и наставляют ему рога.— Дона Норма улыбнулась.— Помнишь монашку из Дестерро, которая забеременела от пекаря, а потом стала актрисой? Тогда только об этом и говорили...— Но и монахиня на театральных подмостках не могла развеселить мрачно настроенную дону Флор.

— Но, Норминья, я же вдова...— упорно повторяла она.

— Ну и что? Или ты думаешь, вдова не женщина? Вдовы, насколько мне известно, только и делают, что мечтают о мужчинах... Вот как...

— Ты сама знаешь, что я не из таких. Однажды ты даже назвала меня грубиянкой...

— Ну и что? Ты не кокетка... Но если говорить откровенно, последнее время ты раздражена и стала просто невыносима. Уже почти год ходишь во вдовах, а такая печальная, будто только вчера мужа похоронила. Раньше ты вместе с нами высмеивала женихов, теперь же стоит кому-нибудь пошутить на эту тему, и ты начинаешь злиться...

— Ты отлично знаешь, к чему привели ваши разговоры... Появился этот мошенник...

— Значит, из-за того, что этот герцог или принц торчал у фонаря, ты стала хуже монахини? Но если он и обратил на тебя внимание, то только потому, что ты лакомый кусочек. А после ухаживаний сеу Алуизио ты вообще заперлась в доме, почти никуда не выходишь, не смотришь на мужчин, будто они дикие звери... В конце концов Алуизио хотел лишь...

— Я знаю, чего он хотел.

— Оказаться у тебя в постели, дорогая... Но это же естественно... Желающих еще много найдется, они так и выютя вокруг тебя. У многих глаза загорелись...

— Неужели у меня такое бесстыжее лицо, что эти нахалы осмеливаются...

— А почему ты решила, что им обязательно нужна распутница? Хоть ты и держишься как недотрога...

— Но что мне делать, Норминья?

— Погасить огонь, моя милая... Если ты потеряла покой и сон, то только потому, что тебя жжет это проклятое пламя...

— Что ты, Норминья, клянусь тебе...

— Но разве это не так? Разве я не права?

— Значит, ты хочешь, чтобы я опозорила себя? Я не какая-нибудь распутница и не желаю заводить любовника. Я признаю только брак... Оттого, что я думаю все время об этих глупостях, мне умереть хочется со стыда... Неужели я такая легкомысленная, если ты предлагаешь мне подобные вещи...

— Не дури, ничего страшного я тебе не сказала. И нечего обижаться!

— Но ведь ты же сказала...

— Сказала и повторяю: то, что с тобой происходит, совершенно естественно и вовсе не значит, что ты легкомысленна... Наоборот... Ты серьезная и кажешься еще серьезнее, оттого что хорохоришься... Ты даже себе не представляешь, какое у тебя лицо, когда на тебя смотрит мужчина.

— А по-твоему, я должна хихикать и заигрывать с ним. Нет, лучше умереть... ты ведь знаешь, у меня никого не было, кроме мужа...

— А как же иначе?

— Но муж умер...

— Причем раньше тебя... И ничто не мешает тебе завести второго. Ты молода, Флор, тебе нет еще и тридцати...

— Исполнится в этом году.

— Ты еще девчонка... То, что происходит с тобой, не болезнь и не сумасшествие. У тебя есть только два выхода, доченька: или вступить в брак, или завести любовника. Правда, еще ты можешь уйти в монастырь. Но тогда берегись пекарей, молочников, садовников, да и священников, чтобы не наставить рога жениху небесному.

— Не шути, Норминья...

— Я не шучу, Флор. Если бы ты была легкомысленной, ты бы и в трауре могла развлекаться в свое удовольствие. Но ты не такая, значит, тебе надо выходить замуж, ничего другого не остается...

— Чувства вдовы, Норминья, подавляют угрызения совести и память об умершем муже, вдова не имеет права вспоминать о минувших ночах любви и тем более мечтать о новом муже. Все это оскорбляет память покойного.

— Страсть вдовы сильнее, нежели страсть девицы или замужней женщины, дурочка ты этакая, — энергично возразила донна Норма. — Новым замужеством ты вовсе не осквернишь памяти покойного; вдова может чтить память умершего мужа и в то же время быть счастливой с другим. Тем более если первый брак, мягко говоря, не всегда приносил ей радость...

Эта долгая, задушевная и тактичная беседа благотворно подействовала на дону Флор. Сестры и те не поняли бы друг друга лучше. Донна Флор наконец сдалась. Возможно, в жестоком споре с собой она и сама пришла бы к этому, но продолжала бы таиться от себя, если бы донна Норма не разорвала паутину предрассудков и лицемерный траур, истлевший в огне желания.

— Что толку, Норминья, если даже я соглашусь с тобой?! Кто захочет взять меня в жены? Кому охота доедать чужие объедки! Не стану же я предлагать себя всем подряд... Наверное, так и умру в одиночестве.

— Сними маску, и ручаюсь, что не пройдет и полгода...

— Какую маску?

— Ту, что у тебя на лице, маску притворной скромности и добродетели. Сними ее, начни снова смеяться, стань такой, какой была прежде, и я ручаюсь, что не пройдет и полгода...

Разговор этот состоялся несколько дней спустя после карнавала, который в этом году праздновался очень поздно, в марте, примерно через месяц после первой годовщины смерти Гуляки,

В день этого печального события дона Флор с утра отправилась с букетом цветов на кладбище, она долго плакала у могилы, надеясь обрести успокоение. И оно пришло, что случалось теперь очень редко. Дона Флор чувствовала лишь грусть, вспоминая о покойном, Глубокую грусть.

Но с карнавалом вновь вернулись ее мучения. Она слушала ту же музыку и те же песни. И вспоминала об ужасном воскресенье. Глядя в окно на ряженных, она снова видела мужа, лежащего в костюме баиянки на площади Второго июля среди обрывков серпантина и кружочков конфетти.

А когда группа, изображающая «детей моря», остановилась против кулинарной школы «Вкус и искусство» и негритянка Андреса Ошум со штандартом королевы вод в руках исполнила виртуозный танец под восторженные аплодисменты публики, запрудившей всю улицу, дона Флор разрыдалась. В эту минуту она почувствовала себя особенно одинокой. Год назад, когда тело покойного уже лежало на железной кровати, она отважилась взглянуть поверх плечей дону Нормы и дону Гизы на карнавальную толпу. Тогда в ее душе боролись жизнь и смерть. Невозможно было поверить, что смерть навсегда унесла Гулянку. Только со временем дона Флор поняла, что такое одиночество и какой пустой стала ее жизнь. В прошлом году в комнате лежал покойник, а она все же могла кинуть взгляд на карнавальную толпу. Теперь же ей было невыносимо смотреть на «детей моря», танцующих под аккомпанемент барабанов. Хотя в знак уважения к умершему шествие остановилось перед ее домом и Андреса протанцевала, покачиваясь, подобно судну на волнах, хотя все говорило о том, что память о друге, скончавшемся год назад, свято чтится, дона Флор не могла больше стоять у окна; она вновь видела перед собой обнаженное, бледное, застывшее в неподвижности тело.

Тяжело ей было видеть этот карнавал, а жить еще тяжелее. Покойник словно воспользовался шумным весельем, чтобы опять властно напомнить о себе. Страдания доны Флор стали невыносимыми, она не могла больше скрывать их. Измученная и растерянная, она не могла больше таить свои муки. Она устала и истрадалась, И все откровенно рассказала доне Норме.

Дона Норма заверила ее, что она очень скоро выйдет замуж, если захочет и если снимет с себя маску холодного безразличия. Она обратилась за поддержкой к доне

Гизе, но та мало заботилась о браке, этом нелепом и антигуманном институте, ибо хоть и читала князя Кропоткина, не могла понять разницы между анархизмом и психоанализом. В браке или вне брака, считала американка, дону Флор все равно будет мучить комплекс вины, от которого она сможет освободиться, только нарушив все табу. Не важно, что это будет — обыкновенная любовная связь или нежный роман, — важно, чтоб это случилось поскорее. Но предложение доны Гизы подходило бы лишь в том случае, если бы дона Флор была сумасшедшей или самой распущенной и легкомысленной из вдов.

Слова доны Нормы вселили надежду: она готова была держать пари, что если дона Флор перестанет ненавидеть весь мир и ходить мрачнее тучи, то через полгода наденет обручальное кольцо или в крайнем случае будет помолвлена.

Дона Гиза держать пари не стала, так как была иного мнения: почему бы доне Флор не повременить связывать себя узами семейной жизни? К чему это, когда на свете столько свободных мужчин? Да если бы она и держала пари, то проиграла бы, ибо почти всегда книжную мудрость побеждает мудрость жизни.

То ли потому, что дона Флор постепенно оттаивала и становилась более снисходительной к мужчинам, снова начав улыбаться и разговаривать то с одним, то с другим, хотя и оставалась по-прежнему скромной и учливой, то ли по чистой случайности (что более вероятно), но уже через месяц после разговора с доной Нормой и доной Гизой выявились откровенная заинтересованность и самые честные намерения доктора Теодоро Мадурейры, совладельца аптеки на углу Кабесы. Дона Динора с победоносным видом потребовала вознаграждения.

— Я же говорила еще несколько месяцев назад, когда увидела его в хрустальном шаре: солидный и приличный господин, доктор и с достатком. Разве я не оказалась права? С вас причитается, дона Флор!

— Повезло доне Флор! Отличная партия! — таково было единодушное мнение подруг и кумушек.

Трудно сказать, когда именно фармацевт заинтересовался доной Флор, никто не назовет точно час и минуту, когда началась эта любовь, любовь зрелого мужчины, равной которой не было в его жизни, мучительная и ро-

ковая, не считающаяся ни с часами, ни с календарем. Некоторое время спустя доктор Теодоро, застенчиво улыбаясь, признался доне Флор, что он давно, еще до смерти Гуляки, начал на нее заглядываться. Из маленькой провизорской в глубине аптеки он восхищенно следил, как она пересекает площадь или идет по Кабесе. «Если я когда-нибудь решусь, то возьму себе в жены только такую женщину, красивую и достойную», — размышлял он, стоя возле пробирок и склянок с лекарствами. Разумеется, это было платоническое чувство, ибо фармацевт не относился к тем мужчинам, которые способны увлечься замужней женщиной и помышлять о ней, пожирая ее алчным взглядом, или (если употребить точное и изящное выражение аптекаря, всегда умеющего смягчить самые вульгарные слова) «глазами, полными греха и вожделения».

Первой увлечение фармацевта заметила дона Эмина, которую, впрочем, мало занимали чужие дела: она не любила сплетничать и делала это только по необходимости, чтобы не отставать от подруг. По сравнению с другими кумушками дона Эмина казалась скромной и застенчивой.

Это было в начале апреля, когда студенты выходят на улицы, празднуя начало учебного года. В длинной процессии, возглавляемой старшекурсниками, шли новички. Они были обриту наголо, завернуты в простыни и связаны друг с другом веревкой, подобно рабам в древности, а в руках они несли плакаты, высмеивающие правительство, высокие цены и глупых политиков.

Выйдя из здания медицинского факультета на Террейро де Жезус, шествие пересекло весь город, направляясь к Барре. В наиболее людных местах старшекурсники, сидевшие верхом на ослах, увеселяли зевак шутовскими речами.

Жители улиц, примыкающих к площади Второго июля и Кабесе, слышав призывные звуки труб, заторопились посмотреть на процессию, и дона Флор с подругами не остались в стороне.

Дона Эмина успела заметить, что доктор Теодоро стоял за прилавком аптеки, не обращая никакого внимания ни на студентов, изображающих профессоров и общественных деятелей, ни на их шутки. Он мирно беседовал с приказчиком и кассиршей. Но как только увидел подружек, стал нервничать. Это удивило дону Эмину, и она решила понаблюдать за аптекарем. Всегда спокойный и

сдержанный, при виде подруг он торопливо встал со своего обычного места за прилавком, вежливо поклонился и громко приветствовал женщин. Но сначала (и это очень важная деталь) он вынул из жилетного кармана гребенку и провел ею по своим черным волосам, кстати сказать, без всякой надобности, поскольку прическа его под толстым слоем бриллиантина была безупречна. Спокойствие изменило аптекарю, и он засуетился, как мальчишка. «Я видела, что он надел пиджак, прежде чем поздороваться с нами», — сказала дона Эмина, стараясь найти объяснение поступкам фармацевта.

Он был в безукоризненно белой рубашке и сером жилете, толстая золотая цепь эффектно свисала из кармана, где лежали часы, тоже золотые, доставшиеся в наследство от отца, складки на брюках были идеально заглажены, туфли начищены до блеска. На пальце сверкало докторское кольцо. Словом, этот высокий мужчина производил очень приятное впечатление.

Подруги любезно ответили на его поклон; фармацевт был известным человеком в тех краях, уважаемым и принятым в лучшем обществе. По свидетельству той же доны Эмины, приметившей, как видно, все мелочи, глаза доктора Теодоро были устремлены на одну лишь дону Флор, других он будто не видел; и если в этом взгляде нельзя было прочесть вожделения, явную заинтересованность нельзя было не заметить. «Он буквально пожирал тебя глазами», — так наблюдательная дона Эмина определила поведение аптекаря в беседе с доной Флор.

Когда он уже не мог видеть женщин из-за прилавка, он вышел на улицу, а затем после недолгого колебания направился следом за подружками.

Заняв позицию недалеко от них, так что ему были видны большие часы на площади святого Петра, аптекарь старался оставаться незамеченным. Потянув за золотую цепь, он вытащил свои часы и улыбнулся точности швейцарского хронометра. Дона Норма и дона Амелия, чтобы ничего не упустить, забрались на скамейку, остальные пристроились вокруг, поднявшись на цыпочки. Укрывшись за башней с часами, доктор Теодоро с благоговением следил за каждым движением доны Флор.

Дона Эмина, продолжавшая наблюдать за ним, утверждала, что фармацевт почти не смотрел на студентов, пока первокурсники с выкрашенными в оранжевый цвет лицами исполняли танец смерти, а старшекурсники пили

пиво и газированную воду. Доктор Теодоро улыбался только тогда, когда улыбалась донна Флор, и аплодировал, если аплодировала она, не спуская с вдовы восхищенного взгляда. Донна Эмина дернула за юбку дону Норму, которая, стоя на скамейке, громко хлопала в ладоши, но та сначала не поняла, на кого ей показывает глазами подруга. Наконец, увидев фармацевта, она с изумлением воскликнула:

— Ты только подумай, вот неожиданность!..

Удивительную новость тотчас сообщили донне Амелии и донне Марии до Кармо: доктор Теодоро, спрятавшийся за башней с часами, не отрывает глаз от донны Флор. Только донна Гиза, занятая чтением плакатов первокурсников, оставалась в неведении. Она полагала, что студенческие манифестации помогают изучать общественное мнение, и пользовалась случаем. Ей на роду было написано всегда все знать и всему находить объяснение (с помощью последних достижений науки). Подруги же пока старались найти объяснение странному поведению аптекаря.

— Если бы мы сами не видели, ни за что бы не поверили...

Студенты тронулись дальше, и подруги отправились вслед за ними. Однако донна Норма, сказав, что ей надо забежать к знакомой, свернула на одну из соседних улиц. «Сейчас мы все выясним!» Какое-то мгновение доктор Теодоро колебался, стоя в нерешительности возле башни с часами, а потом зашагал небрежной походкой человека, который без определенной цели вышел прогуляться.

Донна Норма и остальные женщины рассмеялись, кроме донны Флор, ничего не замечавшей, и донны Гизы, разглагольствовавшей о «склонности молодежи ко всякого рода общественной деятельности». Когда они остановились у подъезда дома, куда донна Норма зашла на минутку, не ожидавший этого доктор Теодоро, который шел в нескольких метрах, был вынужден пройти вперед. Он избегал глядеть на подруг и притворялся, будто их не замечает, но делал это так неумело, что на него было жалко смотреть. Чувствуя на себе насмешливые взгляды подруг, он не знал, куда девать руки, и, окончательно смутившись, завернул за угол и бросился прочь чуть ли не бегом. Однако когда он проходил мимо них, донна Мария до Кармо не сдержалась и хихикнула,

— Тс-с...— одернула ее донна Норма,

— Куда это доктор Теодоро так торопится? — любопытствовала дона Флор, увидев, как тот исчез в переулке.

— Уж не хочешь ли ты сказать, притворщица, что ничего не знаешь? И не стыдно? Долго еще собираешься держать это в секрете или все же расскажешь подругам? Если, конечно, мы достойны твоего доверия!

— О чем?! Опять вы что-то выдумали... хотелось бы узнать что...

— Неужели ты станешь утверждать, будто ничего не заметила...

— Но что я должна была заметить?!

— Что доктор Теодоро влюбился в тебя...

— Фармацевт? Да вы с ума спятили! Просто сумасшедшие... С чего вы это взяли?.. Доктор Теодоро такой церемонный... Да вы смеетесь надо мной!

— Смеемся? Всю его церемонность как рукой сняло, дорогая, ходит за нами сам не свой...

Они еще долго потешались над доной Флор, пока продолжалось шествие студентов. Но когда вернулись домой, дона Норма, оставшись наедине с доной Флор, заговорила серьезно. Она тоже обратила внимание на странное поведение фармацевта; как справедливо сказала дона Флор, человек он воспитанный и никогда прежде не заигрывал с клиентками. А тут выбежал на улицу и шел за ними, а потом спрятался за башней с часами, как мальчишка. Нет, это не досужие домыслы кумушек, дона Норма не позволила бы себе такой злой шутки, ведь доктор Теодоро — человек порядочный и солидный, и, когда речь идет о нем, легкомыслие неуместно. Такую партию нельзя упускать: человек он уважаемый, подходящего возраста, обеспеченный, с ученым званием и здоровье хорошее, одним словом, лучше не сыскать.

— Неужели ты в самом деле считаешь, что он проявляет ко мне интерес? Я в это не верю! Кому охота жевать черствый хлеб, объедки с чужого стола?

Дона Норма смерила подругу взглядом и сказала, одобрительно прищелкнув языком:

— Дай бог каждому такие объедки...

Взволнованная, смущенная и сгорающая от любопытства, дона Флор и вправду меньше всего напоминала черствый хлеб. Ее молодое цветущее лицо было цвета старинной бронзы, а крепкое тело благоухало питангой. Красавица, настоящая красавица. Она побывала замужем, однако казалась аппетитнее многих девушек, кото-

рые, как правило, глупы, невежественны в любви и только и знают, что кичатся своей невинностью.

— Так что ты это брось, Флор, по таким объедкам наверняка вздыхает не один доктор Теодоро, просто мы не знаем. Ты мне вот что скажи: могла бы ты его полюбить, как тебе кажется?

Но дона Флор отказалась говорить на эту тему, пока не получит доказательств любви фармацевта, все еще считая, что дона Норма либо шутит, либо ошибается. Она не желала снова попасть в дурацкое или унижительное положение, как это уже случалось, — слишком жива была память о Принце и наглых притязаниях сеу Алуизио. Однако дона Норма продолжала дружески настаивать, и тогда дона Флор призналась наконец, что аптекарь ей, пожалуй, безразличен. Мужчина он обходительный, достойный, видный и напоминает ей одного популярного киноактера, хотя весьма отдаленно, но все же достаточно, чтобы проникнуться к нему симпатией. Кто знает, если все, что говорила дона Норма, правда, может быть, и даже наверняка, у нее в конце концов возникнет к нему чувство... Такое же, какое было к покойному? Нет, другое... Она сама стала другой, совсем не такой, какой была восемь лет назад, когда молоденькой девушкой познакомилась с Гулякой на празднике у майора и, ни о чем не думая, подарила ему свое сердце. (А чуть позже — тело.) Совсем потеряв голову, отдалась ему, едва он попросил, не ставя никаких условий, и тотчас сообщила об этом матери, которая запретила ей выходить за него замуж.

Теперь она степенная, рассудительная вдова и не допустит ни необдуманных поступков, ни поспешных чувств, простительных для девчонки, но не для тридцатилетней женщины, облаченной в траур. Если со временем она и полюбит, то чувство это будет спокойным и нежным, без юношеских порывов и бурных свиданий в укромных уголках и на лестничных площадках. Это будет зрелая, тихая, немного идиллическая любовь, как сказала дона Флор. Доктор Теодоро не был ей антипатичен, и она не испытывала к нему неприязни, даже находила привлекательным. Но это не значит, что уже пора говорить о помолвке и свадьбе и строить планы счастливой супружеской жизни.

— Ах, милая, все удастся на славу. Только ты не будь дурочкой, не сиди взаперти и не хмурься... — наставляла подругу дона Норма.

Потому что дона Флор поторонила заявить, что не собирается проявлять интереса к доктору Теодоро и вернуться перед аптекой, демонстрируя свою красоту и огромные глаза, красноречиво говорящие о том умеренном образе жизни, который она вела последний год. Этого Норминья от нее не дожидается.

— Но я не допущу, чтобы ты потеряла такую возможность...

Дона Норма долго убеждала вдову не глушить и не разыгрывать из себя ледышку. В ее положении надо либо поскорее выходить замуж, либо завести любовника и тогда уже с легкостью наставлять рога покойнику. Ибо, раз вступив на этот путь, трудно будет отказывать всем жаждущим и вечно ходить в трауре, храня верность умершему и превратившись в засушенный цветок.

Лучше уж сразу решиться выйти замуж и зажить достойно и честно, в любви и согласии, чтя светлую память о покойном муже, но не вспоминая о нем слишком часто, чтобы не обидеть его преемника. Впрочем, в последние месяцы дона Флор почти не упоминала имени умершего. Сначала оттого, что кумушки при малейшем удобном случае поносили Гуляку. Когда же подруги и соседки оставили его в покое, она погребла его образ глубоко в сердце и хранила там как редкую драгоценность. Если же кто и вспоминал о нем, то не при доне Флор. Теперь остается убрать из гостиной портрет Гуляки, улыбающегося цинично, дерзко (но к чему таить — и обольстительно). Скоро там появится портрет нового мужа, и какого — красивого, солидного, в самом расцвете сил!

Итак, нужно поскорее выходить замуж, как и подобает честной женщине, хватит томиться в одиночестве, кусать губы и скрежетать зубами, пугаться злых сплетен и предрассудков. Она, дона Норма, не позволит, чтобы дона Флор упустила такую замечательную возможность, может быть единственную, из-за какого-то ложного стыда. Нет и нет!

Вот почему сразу же после вечерних занятий, на которых дона Флор дала ученицам рецепт сладкого блюда из желатина и кокосового ореха, дона Норма зашла за ней и увела на Кабесу якобы купить цветов, будто без посторонней помощи она не смогла бы подобрать букет. К удивлению продавца, старого негра Косме до Омолу, дона Норма оставалась недовольна всем, что бы он ей ни предлагал, дело же было в том, что доктор Теодоро

исчез где-то в глубине аптеки и не показывался. Все же купив цветы, они подошли к лотку Виторины. Фармацевт не появлялся. Однако дона Норма была не из тех, кто скоро сдается,— она вошла в аптеку, затащив с собой дону Флор, и попросила у продавца пакет ваты. Дона Флор готова была провалиться сквозь землю, слушая громкие возгласы неугомонной подружки, которая явно старалась привлечь внимание.

В глубине аптеки, в маленькой провизорской за большими синими и красными, как на старинных гравюрах, бутылками, они заметили доктора Теодоро, что-то растирающего в каменной ступе. Вот он надел очки и стал тщательно взвешивать на крошечных весах микроскопические дозы порошка. Погруженный в таинство приготовления лекарств, он не замечал подруг и не слышал голоса доны Нормы, рассказывающей о происшествии, о котором недавно писали в газетах.

Оставив весы, аптекарь насыпал в пробирку растертые в порошок минералы, добавил туда двадцать капель бесцветной жидкости, и вдруг вся комната окуталась красноватым зловещим дымом.

Дона Норма, все еще не теряющая надежды, сладко проговорила:

— Обрати внимание, дорогая Флор, как доктор Теодоро похож на волшебника... Даже страшно!

Услышав имя доны Флор, доктор вздрогнул, поднял глаза, увидел среди лекарств свою богиню и почувствовал, что земля уходит из-под его ног. Ошеломленный, он хотел встать, но уронил на пол пробирку, разбившуюся вдребезги, и почти готовое лекарство (для смягчения хронического кашля доны Зезе Педрейры, старушки с улицы Форка) разлилось темным пятном на полу.

— Боже мой!..— воскликнула дона Флор.

Больше ничего не было сказано, потому что ничего особенного не случилось. Только дона Норма рассмеялась, платя за вату: уж очень комично выглядела фигура аптекаря, который привстал со стула и оцепенел, подняв вверх руку, словно в ней все еще была пробирка. Очки его сползли на нос.

Вконец смутившись, дона Флор вышла из аптеки, а дона Норма взглядом подбодрила взволнованного фармацевта. Доктор Теодоро попытался что-то сказать, но не мог вымолвить ни слова.

Дона Норма догнала дону Флор уже на углу. Теперь дона Флор наверное убедилась в том, что аптекарь

интересуется ею. Или она собирается, хотя это было бы нелепо для женщины в ее положении, и дальше искать жениха познатнее и покрасивее? Лучшей партии не найти: дипломированный доктор с настоящим аметистовым кольцом, владелец аптеки, богатый, видный, крепкий, с безукоризненными манерами, порядочный, интересный. Что еще надо?

12

Видный сорокалетний мужчина! Подруги доны Флор и кумушки тотчас узнали в докторе Теодоро того, кого увидела дона Динора в хрустальном шаре, о ком сказали засаленные карты. Состояние, ученый титул, фигура, гордая осанка, благородные манеры — все совпадало. Но как случилось, что, рыская по улицам и площадям, женщины даже не подумали о фармацевте? Ведь он был совсем рядом. Так что же это? Слепота, неточность доны Диноры в описаниях или роковое заблуждение? Пожалуй, все же своего рода затмение, которое помешало заметить его в укромном уголке аптеки, где он сидел, согнувшись над ядами, которые превращал в лекарства и продавал по умеренным ценам.

Летописец, повествующий о замужестве доны Флоры, о ее радостях и печалях, был совершенно прав, не включив доктора Теодоро в список претендентов, которых наперебой предлагали кумушки, ибо ни одна из них не вспомнила об аптекаре и даже не упомянула его имени во время приятных бесед о вдовстве доны Флор и о том, как ее развлечь. Впрочем, аптекарь мало что потерял от такой забывчивости, иначе бы он тоже приснился доне Флор в хороводе претендентов на ее руку и сердце, а значит, потерял бы уважение вдовы, показавшись в столь смешном виде.

Но как все-таки получилось, что о нем забыли? Ведь каждый то и дело видел его в аптеке у разноцветных склянок, у него все лечились, почему же его не заметили?

Да потому, что считали закоренелым холостяком, а значит, приравнивали к мужчинам женатым и даже имеющим детей. Дона Норма, которая искала жениха для анемичной Марии, своей соседки и приемной дочери, и та ни разу о нем не вспомнила. Доктор Теодоро? Этот закоренелый холостяк никогда не женится, так что не

стоит о нем говорить и попусту терять время. Даже если бы он и захотел создать домашний очаг, это было бы ему не под силу. Жаль беднягу!

Слава, укрепившаяся за аптекарем, казалась настолько прочной, что никому и в голову не пришло подшучивать над ним, как над другими холостяками. В том числе и доне Диноре, которая почти ежедневно заглядывала в аптеку и два раза в неделю обнажала перед аптекарем свою дряблую ягодицу. Так проходит слава мирская! Когда-то эти высохшие ягодицы воспевались в стихах юным романтиком Робато, вдохновение которого оплачивали богатые коммерсанты. Итак, фармацевт регулярно делал доне Диноре болезненную антиревматическую инъекцию, а ее взгляд, способный проникать в будущее, не увидел в этом смуглом господине интересного сорокалетнего мужчину из ее же гаданий. Она знала, и лучше чем кто бы то ни было, что он никогда не женится.

И не потому, что страдал каким-нибудь пороком или был женоненавистником. Упаси боже, такого подозрения ни у кого не возникало, ибо тихий, вежливый и скромный доктор Теодоро всегда был готов предоставить основательные доказательства своей мужественности, наградив пощечинами мерзавца, которому бы пришлось в голову поставить под сомнение его мужские достоинства.

Просто он был благороден, как и подобает настоящему мужчине. А кто в этом все же усомнится и потребует доказательств, пусть найдет в переулке Сапоти крепкую и опрятную мулатку Отавиану дас Дорес, или Тавинью Манемоленсию. За несколько монет она охотно оставит свою скрытность, без которой нельзя обойтись, когда имеешь таких почтенных клиентов: двоих судей, троих коммерсантов из Нижнего города, престарелого падре, профессора медицины и нашего фармацевта.

Опрятная, скромная и тихая мулатка скорее напоминала хозяйку гостеприимного дома, и именно это ее качество заставило доктора Теодоро остановить на ней свой выбор.

Каждый четверг ровно в восемь вечера доктор Теодоро переступал порог ее дома и всегда встречал там уважение и учтивость. Усевшись в кресле-качалке напротив Отавианы, вяжущей туфельки для младенца, и отхлебывая фруктовый ликер из монастыря Лапа, доктор Теодоро и мулатка вели душевную беседу, обсуждая всевозможные события и газетные новости. Общаясь с образованными господами, Тавинья приобрела определенный

нок, умела поддержать приятный разговор, а потому считалась интеллигентной женщиной: в переулке Сапоти с нею советовались по самым разным вопросам. К тому же она любила покритиковать современные нравы, отсутствие порядка и развращенную, неверующую молодежь.

Фармацевт выслушивал назидательные суждения мулатки и всегда соглашался с ними, а потом они шли в спальню, благоухающую ароматными травами, и доктор Теодоро забавлялся с Отавианой на белоснежных накрахмаленных простынях. И надо сказать, у Отавианы не было никаких оснований усомниться в его мужских достоинствах.

Доктор Теодоро оставался у нее до полуночи, иногда всхрапнув на пузатом матрасе, мягком и теплом, рядом с любезной Отавианой, охраняющей его сон. Перед уходом она угощала его мунгунсой¹, сладким рисом, канжикой, а также рюмкой ликера «для восстановления сил», как, кокетливо улыбаясь, шептала смуглянка.

Кумушки не вспомнили о фармацевте еще и потому, что знали, как он предан своей разбитой параличом матери, у которой, кроме него, никого не было на всем свете. Когда старушка слегла, доктор Теодоро, только что окончивший университет, обещал ей не жениться, пока она жива. Больше он ничем не мог доказать ей свою любовь.

Отца доктор Теодоро лишился восемнадцати лет, когда готовился к вступительным экзаменам. Он решил было оставить учебу и заняться торговлей в городке Жекиэ, где они тогда жили, став за прилавок мануфактурной лавчонки, доставшейся ему в наследство от отца, кроме долгов и воспоминаний о доброте родителя. Однако вдова, женщина с виду слабая, но энергичная, не приняла такой жертвы: ее покойный муж мечтал дать сыну высшее образование, поскольку юноша отлично учился и подавал большие надежды. Теодоро сдал вступительные экзамены, а мать взяла на себя все заботы о лавке. Только вместо медицины молодой человек стал изучать фармакологию, это позволяло кончить университет на три года раньше.

Работая с утра до ночи, вдова управлялась и по дому и в лавке, выплачивала долг и еще содержала сына.

¹ Мунгунса — лакомое блюдо, приготовленное из зерен кукурузы в сладком сиропе, иногда с молоком кокосового ореха или с коровьим молоком.

Он опять пытался бросить учебу, но мать опять воспротивилась: он должен учиться, а работать будет, только кончив университет.

На выпускном вечере, увидев сына в черной мантии, с дипломом и кольцом, бедная женщина очень разволновалась, и, когда вернулась в гостиницу, у нее произошло кровоизлияние в мозг. Каким-то чудом ее спасли, однако она навсегда осталась парализованной.

Найдя свою мать в таком тяжелом состоянии, молодой фармацевт, словно герой сентиментальной драмы, однако вполне искренне, поклялся, что будет с нею и не женится до тех пор, пока она жива. На другой же день он вернул слово Виолете Са, своей нареченной, и с тех пор не имел другой возлюбленной. Единственной отрадой в его жизни был фаягот, на котором он научился играть еще гимназистом.

Продав лавку в Жекиэ, он стал совладельцем заброшенной аптеки в Итапажипе, принадлежавшей врачу, который к старости выжил из ума и был упрятан родными в психиатрическую лечебницу. Доктор Теodoro поселился в домике неподалеку от аптеки. Он много работал и ухаживал за парализованной матерью, беспомощно сидевшей в кресле-качалке. А вечером, пристроившись рядом с нею, разучивал сольные пьесы для фаягота, чтобы хоть как-то скрасить одиночество больной.

В течение многих лет он почти не покидал своего квартала, где пользовался всеобщим уважением. Познакомившись с музыкантом Аженором Гомесом, доктор Теodoro вступил в любительский оркестр, где, кроме него, играли врачи, инженеры, адвокаты, судьи, приказчик и два лавочника. Они собирались по воскресеньям то у одного, то у другого и исполняли свои любимые сочинения.

При молодом хозяине аптека снова стала процветать, и за доктором Теodoro укрепилась слава порядочного и хорошего человека.

Немало девушек на выданье обхаживали фармацевта, но он оставался верен своей клятве и ни одну из них не обнадеежил, считая себя не вправе зря отнимать у них время. Всю свою нежность и внимание он приберегал для парализованной матери — дарил ей цветы, шоколадные конфеты, изящные сувениры и даже преподнес сонату, сочиненную маэстро в знак уважения к этой взаимной преданности: «Вечера материнской любви в Итапажипе».

Когда бывший владелец аптеки умер, доктор Теодоро разрешил все финансовые проблемы семьи, словно был ее близким родственником. Возможно, именно поэтому вдова бывшего владельца и надумала его женить на своей младшей дочери, весьма легкомысленной девице. К счастью, обет доктора Теодоро еще оставался действительным, иначе не уйти бы ему от настойчивой вдовы и ее притязаний на его свободу. Она уже обращалась с Теодоро так, точно была его тещей. Всерьез встревоженный фармацевт увидел для себя лишь один путь к спасению: изъять свою долю и раз и навсегда распроститься с этой аптекой.

Как раз в то время, когда доктора Теодоро мучил вопрос, куда вложить освободившиеся деньги, один его знакомый (уже небезызвестный нам Розальо Медейрос, который чуть было не задавил дону Розилду на улице Чили да еще обругал при этом) посоветовал обратить внимание на процветающую и выгодно расположенную аптеку, являющуюся предметом споров между наследниками. Человек, имеющий деньги, может там сделать неплохой бизнес.

Доктор Теодоро послушался совета и приобрел две из пяти долей наследства, расплатившись частично наличными, частично векселями. Таким образом, он стал компаньоном довольно солидного предприятия и собственником. Сначала ему трудно приходилось: надо было перезакладывать векселя под высокие проценты, но в этих затруднениях немалую поддержку оказал ему банкир Селестино, которому и порекомендовал фармацевта один из любителей музыкантов — доктор Венсеслау Пирес де Вейга, одинаково виртуозный скрипач и хирург. Банкир, сразу поняв, что имеет дело с серьезным человеком (а он никогда не ошибался), научил доктора Теодоро операциям с векселями, тем самым значительно облегчив его положение.

Аптекарь вел очень скромную жизнь, тратился только на сиделку для матери, на свои занятия музыкой да раз в неделю посещал Тавинью Манемоленсию. И приблизительно за год до того, как доктор Теодоро заинтересовался доной Флор, выкупил последний вексель.

Теперь доктор Теодоро стал совладельцем большой аптеки в центре города, на Кабесе. И хотя ему принадлежали лишь две пятых капитала, он был полным хозяином в деле, ибо братья не ладили между собой и пе-

реступали порог аптеки только затем, чтобы попросить денег.

Откровенно говоря, доктор Теодоро получал большую часть прибыли, поскольку своим неутомимым трудом он способствовал популярности предприятия. Впрочем, он и не сомневался, что рано или поздно сумеет приобрести остальные доли. Пока ленивые братья проматывали в кутежах остатки наследства, доктор Теодоро завоевал почет и уважение жителей всего квартала, в том числе и кумушек.

Когда уже сорокалетним холостяком он появился на Кабесе, облаченный в безупречный темный костюм, серьезный и солидный, кумушкам, которые отдали должное его знаниям, тут же стали известны малейшие подробности его жизни: то, что он кончил университет благодаря самоотверженности матери, что полюбил играть на фаготе, лишившись других развлечений по вечерам; но особенно растрогала их клятва доктора Теодоро, отказавшегося от женщин ради парализованной матери.

Дотошная донна Динора даже побывала на Итапажипе и поговорила с сиделкой, которая возила мать доктора Теодоро в кресле-каталке. После чего сыновняя преданность аптекаря получила единодушное одобрение кумушек, и они оставили его в покое.

Свыкнувшись с мыслью, что доктор Теодоро не может жениться, они не учли важной перемены, происшедшей в его жизни несколько месяцев назад: мать доктора Теодоро скончалась, освободив сына от рокового обета, которому он оставался верен более двадцати лет. Теперь он мог вступить в брак, однако кумушки по-прежнему не сплетничали о нем, поскольку за ним укрепилась слава порядочного человека.

Каково же было их изумление, когда стало известно, что аптекарь интересуется доной Флор! Ах, плут! В полной боевой готовности заняли они наблюдательные посты между аптекой и кулинарной школой «Вкус и искусство». Под перекрестным огнем их взглядов доктор Теодоро шествовал мимо окон доны Флор, которая отвечала вежливой улыбкой на низкий поклон вздыхателя. Ах, плут, ах, притворщик! Глаза сплетниц так и загорелись.

Все еще продолжая жить в Итапажипе, теперь он не терпелся на трамвай, когда закрывались двери аптеки: его уже не ожидала нетерпеливая и больная мать. Доктор Теодоро завтракал и обедал в ресторане португальца Морейры, прогуливался по Кабесе, Масизэлу, Содре — его

словно магнитом притягивал дом вдовы. Он держался на почтительном расстоянии, не досаждал своим присутствием доне Флор, но как можно оставаться скромным и сдержанным, если на каждом шагу наталкиваешься на кумушек и выслушиваешь ехидные намеки доны Диноры?

Доктор Теодоро, не умеющий лицемерить и притворяться, чувствовал себя не в своей тарелке; ситуация становилась для него невыносимой. Дона Норма заметила это.

— Жаль беднягу...

— Да... — улыбнулась дона Флор.

— Пора положить этому конец... Уж я постараюсь...

Дона Норма решила откровенно поговорить с влюбленным фармацевтом и сразу внести в дело ясность. Дона Флор не скрывала, что относится к нему с интересом, хорошо о нем отзывалась и неизменно оказывалась у окна, если он проходил мимо.

— Поговорю с ним...

— Ты что, с ума сошла. Подумает еще, что я тебя подослала, что я легкомысленная женщина и навязываюсь...

— Не глупи... И во всем положишься на меня ...

Но дона Норма так и не успела взять на себя инициативу: тем же вечером взволнованная дона Флор примчалась к ней домой. У нее в руках было несколько листов дорогой голубой бумаги с золотым обрезаем и благоухающих сандалом, которые содержали признание в любви, сделанное в самых изысканных выражениях на отличном португальском языке. Подробно описав свое финансовое положение и свои достоинства, доктор Теодоро, преисполненный самых честных и благородных намерений, выражал полную готовность положить к стопам доны Флор все, чем он располагал. Послание было пронизано самой пылкой любовью, но не выходило за рамки дозволенного.

— Он великолепен!.. — воскликнула дона Норма, жадно проглотившая письмо. — Просто чудо!

Если первый брак доны Флор был совершен наспех, без обычных в таких случаях церемоний, то второй состоялся по всем правилам и даже с некоторой помпой. Она не была обручена с Гулякой, свадьбу отпраздновали кое-как, торопясь с помощью государства и церкви

вернуть невесте если не невинность, то хотя бы доброе имя.

На этот же раз все было как положено: в типографии отпечатали приглашения на свадьбу, в газете «А тарде» поместили оповещение, где доктора Теодоро называли «нашим уважаемым и досточтимым подписчиком». Свадьба была многолюдной, с музыкой и цветами. Венчались в церкви святого Бенто, где отец Жеронимо произнес одну из своих самых красноречивых проповедей. А на гражданской церемонии судья доктор Пиньо Педрейра, как всегда, коротко, изящно и сердечно пожелал новобрачным жить в мире и согласии «под звуки божественной музыки». Сухопарый красавец судья играл на кларнете в том же любительском оркестре, что и жених.

Итак, вторая свадьба доны Флор отличалась от первой. Жених и невеста попросили дону Норму, имевшую в подобных делах опыт, заранее все предусмотреть и все продумать, и очень многие из соседей охотно вызвались ей помогать.

Доне Норме удалось даже уговорить дону Розилду помириться с дочерью и приехать на свадьбу. Приехали также брат и невестка доны Флор; не хватало только Розалии и Антонио Мораиса, который ни за что не соглашался вернуться в Баию, пока теща не отправится в ад.

На сей раз доне Розилде не к чему было придрачиться: ей понравились и свадьба и зять, который весьма приближался к ее идеалу. Хотя до принца ему было далеко, все же он был доктором, вполне обеспеченным и порядочным человеком, совладельцем одной из самых больших аптек в центре, а не каким-нибудь процелыгой вроде мужа Розалии, который зарабатывал себе на хлеб, ползая под чужими машинами, весь в масле, уже не говоря о первом муже Флорипедес, бродяге и мошеннике. Таким зятем не стыдно было похвалиться перед именитыми друзьями.

Второй брак доны Флор обошелся без ухаживаний, поскольку вдове не пристало кокетничать, гулять по улице с мужчиной и обниматься в подъездах. Подобные вольности может позволить себе невинная девушка, разумеется, если намерения возлюбленного серьезны, но не вдова.

Вот почему после того, как доктор Теодоро в благодарном и пылком послании признался доне Флор в любви, обе стороны по совету и с одобрения родственников

и друзей пришли к решению, что помолвку они, как люди степенные, используют, чтобы лучше узнать достоинства и недостатки друг друга и определить, смогут ли они жить в браке. «Дона Флор уже научена горьким опытом,— сказала сеу Сампайо его супруга, она же поверенный в делах невесты,— и не станет больше рисковать без надежной гарантии на успех».

Даже дона Норма при всем расположении к Флор не взяла на себя смелость подсказать ответ на любовное послание фармацевта, хотя и понимала как самая близкая подруга, посвященная во все тайны молодой вдовы, что брак этот разрешит все проблемы. Ответ на столь страстное и учтливое признание в любви нельзя было свести к одному слову «согласна».

Сначала следовало решить вопрос в принципе и заранее определить сроки помолвки и свадьбы, чтобы дона Флор не стала притчей во языцех, а фармацевт с достоинством вышел из глупого положения, в которое попал по своей неопытности, превратившись в посмешище для всех окрестных кумушек, повсюду следовавших за ним по пятам и следивших за каждым его взглядом и жестом.

Вот почему дона Норма пожелала выслушать мнение не только доны Гизы, женщины ученой и доброжелательной, но и сеу Сампайо, своего мужа. Сначала она хотела обратиться за советом к тете Лите и дяде Порто, поскольку мать и другие родственники доны Флор жили в Назарет-дас-Фариньяс или в Рио. Но потом они с вдовой решили, что присутствие стариков на предварительных переговорах, касающихся столь деликатных обстоятельств, не принесет пользы. Другое дело — помолвка, если она, конечно, состоится. На это торжественное событие они, несомненно, пригласят тетю Литу и дядю Порто, чтобы те сами убедились в честности намерений доктора Теодоро.

Все дела, намеченные на этот вечер, были отложены: доне Норме пришлось бежать к доне Амелии и просить ее навестить в больнице свою дальнюю родственницу, только что разрешившуюся от бремени.

— Вечно Норминья придумывает себе заботы, зачем ей понадобилось лезть со своими услугами, когда у девушки и без нее полно родственников...— ворчала дона Амелия по дороге в больницу, куда отправилась очень неохотно.

Доне Гизе тоже пришлось нарушить данное ею обе-

щание присутствовать на вечере в доме немецких друзей, где гости в полумраке и благоговейной тишине слушали музыку Бетховена и Вагнера, потягивая через соломинку прохладительные напитки. Что касается сеу Сампайо, то дона Норма еле заставила его прийти: он терпеть не мог вмешиваться в чужие дела, особенно такие деликатные, как замужество. И только потому, что дона Флор пользовалась его высочайшим расположением как честная вдова и соблазнительная красотка, он отступил от своего распорядка дня и своих принципов, чтобы быть ей полезным.

Это историческое совещание на высоком уровне (как принято теперь выражаться) началось с чтения вслух письма доктора Теодоро.

— Несомненно, он человек с тонкими чувствами, письмо мне понравилось,— заявил сеу Сампайо, и дона Флор робко заметила:

— Мне тоже так кажется... Я вообще нахожу его симпатичным...

— Симпатичным? Да это же первоклассный мужчина! — воскликнула дона Гиза, уже научившаяся байанскому жаргону.

Зе Сампайо по предложению доны Нормы уполномочили вступить от имени вдовы в переговоры с фармацевтом, объявить ему о согласии доны Флор и обсудить план дальнейших действий. Затем предложить немедленно прекратить прогулки под окнами доны Флор, вызывающие насмешки кумушек и только компрометирующие обе заинтересованные стороны, а также встретиться с дядей и теткой доны Флор, за чем последует официальная помолвка.

Тогда доктор Теодоро сможет встречаться со своей нареченной три раза в неделю: по средам, субботам и воскресеньям. По средам и субботам после обеда в ее доме, разумеется, в присутствии третьих лиц, чтобы не запятнать честь достойной вдовы. По воскресеньям же они будут завтракать у дяди с теткой и ходить в кино вместе с Сампайо или Руасами.

Нужно сказать, что дона Гиза выразила свое категорическое несогласие с такими ограничениями. Она считала это проявлением ханжества, порожденного нелепыми предрассудками и средневековыми нравами. Однако Зе Сампайо очень мудро полагал, что только так можно сохранить незапятнанным доброе имя соседки.

...Хотя все говорило о том, что доктор Теодоро человек

чести — и его поведение и высокий слог его письма, — все же следовало оградить вдову от всякого рода неожиданностей. Представьте себе, что аптекарь, посещая беззащитную дону Флор и прогуливаясь в ее обществе по городу, вдруг надумает сбежать, а ведь такое случается, и нередко, что тогда станет с ее безупречной репутацией? Из честной и уважаемой женщины дона Флор превратится в грязный сосуд, которым пользуются все, кому не лень. Ученая дона Гиза может смеяться над этими предрассудками, сколько ей угодно, но он, Жозе Сампайо, ревностно оберегающий достоинство доны Флор, считает, что...

Средневековье, феодализм, инквизиция! Где это видано, чтобы тридцатилетняя вдова, сама зарабатывающая себе на жизнь, нуждалась в свидетелях, чтобы принять у себя дома жениха, которому уже за сорок? Только в Бразилии возможна такая дикость... В Соединенных Штатах над этим бы хохотали...

Сеу Сампайо слушал американку молча, глядя ей прямо в глаза и в глубине души признавая ее правоту: действительно, все эти предосторожности — величайшая глупость, в конце концов женщина вправе распоряжаться собой по собственному усмотрению. И было бы совсем неплохо, если бы эта болтушка с передовыми взглядами решилась хоть раз осуществить на практике свои тезисы, доказать свое презрение к условностям... Куда там! Она была неприступна как скала. И возмущалась она и негодовала скорее всего только на словах. Если у нее и были любовники, то никто об этом не знал и никогда не узнает. Даже дона Динора ни разу не заметила ничего подозрительного. Слова, пустые слова, ничем не подкрепленные. Всегда улыбающаяся, американка, по-видимому, была вполне довольна своей жизнью, во всяком случае, ни одной кумушке, сколько они ни вынюхивали, не удалось напасть на след.

«Кто знает, может быть, она и впрямь святая...» — чтобы утешить себя, подумал сеу Сампайо, закрывая со вещание.

На другой день, еще раз нарушив привычный распорядок дня, сеу Сампайо пришел в обувной магазин позже обычного, поскольку должен был повидаться с доктором Теодоро, чтобы, не откладывая, выполнить возложенную на него миссию.

Разговор получился душевный, хотя поначалу оба чувствовали себя очень скованно и говорили намеками. Сеу Сампайо долго не знал, как приступить к сути, а

доктор Теодоро не понимал всех этих околичностей. Тем не менее они пришли к соглашению, поскольку коммерсант искренне желал все уладить, а фармацевт, обуреваемый страстью, готов был принять любые условия, лишь бы жениться на вдове.

Встреча состоялась в самом укромном уголке аптеки, казалось, совершенно недоступном для посторонних взглядов. Но так только казалось, ибо дона Динора, всегда бывшая начеку, заметив столь раннего визитера и его подозрительно затянувшееся пребывание в провизорской, заглянула туда будто бы для того, чтобы сделать укол, хотя ей было назначено на следующий день.

Испуг конспираторов при столь неожиданном ее появлении был настолько очевидным, что сомнений у доны Диноры не осталось ни малейших. К тому же ей удалось услышать обрывок разговора, весьма недвусмысленный.

— В таком случае, дорогой доктор, поздравляю вас. Вы оба заслуживаете...

Весть мгновенно разнеслась по окрестным улицам; дону Флор начали поздравлять еще до того, как она узнала о благополучном завершении миссии сеу Зе Сампайо, которого благодарная невеста пригласила быть посаженным отцом.

Субботним вечером в ожидании встречи доктора Теодоро и вдовы перед домом доны Флор собрались зеваки; кумушки заняли позиции у дверей аргентинца, против кулинарной школы.

Спокойно улыбающаяся дона Флор ожидала решающего визита, окруженная, как и положено в таких случаях, родственниками (дядей и тетей) и самыми близкими друзьями: доной Динорой, которую пришлось пригласить под угрозой скандала, несколькими супружескими парами, доной Марией до Кармо и Марилдой, волновавшейся так, словно невестой была она. В лучшем кресле расположился Луис Энрике, выдающийся общественный деятель и литератор, друг семьи и в некотором роде свадебный генерал. Толпа зевак на улице росла и шумела все больше.

Благодаря своему швейцарскому хронометру, доктор Теодоро появился точно в назначенное время. Расфранченный сверх всякой меры, с живым цветком в бутоньерке, он выглядел очень важной персоной, так что даже кумушки опешили. Встреченный довольно церемонно тетей Литой, он поздоровался со всеми присутствующими и направился к месту, которое ему определили согласно протоколу: на софе, рядом с доной Флор.

Дона Флор была в новом платье — прелестном, хоть и простом — и от смущения заливалась темным румянцем. Никому бы не пришло в голову, что ей больших трудов стоит побороть свое волнение, усилившееся в эти тревожные дни. Неужели конец ее мрачному трауру, ее отчаянию и одиночеству? Неужели она снова пойдет по дороге любви и счастья?

Доктор Теодоро присел на край софы, наступила пауза. Все молчали, подавленные торжественностью этой незабываемой минуты. Фармацевт оглядел гостиную, полную народа, доня Норма улыбнулась, подбадривая его. Тогда, поднявшись, он обратился к доне Флор и ее родственникам, сказав, что он был бы счастлив, «если бы доня Флор дала свое милостивое согласие обручиться с ним, а потом и сочетаться браком, если она, разумеется, решится стать его подругой на этом тернистом жизненном пути, многочисленные трудности которого, однако, покажутся ему раем, если он заручится ее поддержкой и дружбой»...

Высокопарная речь жениха была достойна бакалавра либо крупного политического деятеля; в риторике доктор Теодоро не знал равных. «Весьма и весьма достойный человек», — подумала доня Мария до Кармо, которая меньше всех присутствующих знала жениха. Между тем он продолжал распространяться о том, как он счастлив, находясь здесь, в обществе родственников, а также самых близких друзей той, что стала смыслом всей его жизни, и как жалеет, что не смогли приехать сестра и брат доня Флор, ее невестка и зять и в особенности любящая и достойная самого глубокого уважения матушка...

При этих словах доня Амелия чуть не прыснула, но прикрыла рот рукой и отвернулась, ища взглядом дону Норму или дону Эмину.

В заключение доктор Теодоро в присутствии столь высокочтимых свидетелей попросил руки доня Флор. Он выражался так изысканно, что доня Норма не могла сдержаться и захлопала в ладоши, чем вызвала негодование сеу Сампайо. Аплодировать в такую торжественную минуту?! Но доня Флор не дала затянуться неловкости: поднявшись с софы, она протянула руку своему нареченному и подставила щеку для поцелуя.

— Я согласна стать вашей женой... — сказала она, и едва жених коснулся губами ее щеки, все кинулись поздравлять их, а шумная толпа зевак ворвалась в дом и залетела на доктора Теодоро с упреками:

— Вот ведь обманщик, а прикидывался святым...

Всех пригласили к столу, уставленному закусками и сладостями, и кумушки первыми набросились на еду. Маррида и служанка обносили гостей ликерами. Их вкус и аромат показались фармацевту знакомыми, и он с улыбкой проговорил:

— Ликеры просто великолепны! Наверное, из монастыря Лапа, не так ли?

Однако предположение это было встречено смехом, а некоторые даже усмотрели в нем едва ли не оскорбление: неужели доктор Теодоро никогда не слышал о талантах доны Флор? Она ведь не только непревзойденная повариха, но и мастерица готовить ликеры, а монахини из Лапа, Дестерро или Пердоэнса варят сладенький сироп, который не идет ни в какое сравнение с ликерами вашей невесты, сеу доктор...

Аптекарь смущенно признался, что не слышал об этом, вот о кулинарных талантах доны Флор ему известно, как и о ее школе, хотя, к сожалению, еще не доводилось попробовать ее деликатесов. Теперь же придется наверстывать, и он наверняка растолстеет.

Помолвка прошла очень весело и непринужденно, и доктору Теодоро оставалось только ждать, когда он переступит порог спальни доны Флор. Мысль об этой минуте беспокоила его, поскольку его опыт интимного общения с женщинами уже давно ограничивался Отавианой, которой он платил, получая взамен приятную, неторопливую беседу, уютную обстановку, вкусную еду, ликеры и постель. Однако он разучился ухаживать, отвык от нежностей, от любви.

На прощанье донна Флор подставила жениху щеку для целомудренного (либо, как она ожидала, боязливого и робкого) поцелуя, но почувствовала, что он дрожит, когда коснулась его влажных пальцев. Она поняла, что доктор Теодоро горит желанием, как и она.

В эту ночь донна Флор грезилась только о нем. Она видела во сне смуглого гиганта, сильного и широкоплечего, который пришел и победил ее.

Затем последовали дни помолвки. Весь квартал только об этом и говорил, и, по общему мнению, аптекарь и вдова были словно созданы друг для друга.

Поначалу донна Флор предложила сыграть свадьбу через полгода, и это было одно из немногих предложений, против которых запротестовал жених. «Зачем ждать так долго, если не надо готовить приданое и нет никаких других вопросов, требующих отсрочки?» Женщины под-

держали доктора Теодоро, и дона Флор согласилась сократить срок до трех месяцев.

За эти три месяца они понемногу привыкли друг к другу и даже привязались. Долго беседуя по вечерам в присутствии доны Нормы или еще какой-нибудь подружки, они обсуждали, как лучше устроить супружескую жизнь, которую им вскоре предстояло начать.

Договорились жить в доме доны Флор не только потому, что это было удобнее для доктора Теодоро — дом находился недалеко от аптеки, — но также и потому, что дона Флор решительно была против прекращения занятий в школе, хотя доктор Теодоро и убеждал ее, что аптека приносит доход, достаточный для вполне приличного существования. Зачем же продолжать эти утомительные уроки? Но дона Флор привыкла к своим шумным, смешливым ученицам, речам и слезам при вручении дипломов, привыкла не зависеть от мужа материально. И не хотела от этого отказываться. Ни за что! Даже говорить на эту тему не желала.

Во всем остальном они пришли к полному согласию. Даже железная кровать, к которой дона Флор чувствовала тайное пристрастие, хотя и опасалась, что доктор не захочет спать там, где она спала с первым мужем, не вызвала спора. Когда они составляли список вещей, необходимых для того, чтобы обставить дом по своему вкусу (фармацевт попросил для себя небольшой письменный стол, где бы он мог поработать), и дошли до спальни, жених предложил приобрести новый матрац. Теперешние пружинные матрацы замечательны: у него есть такой, но односпальный. Что касается кровати, то ее, пожалуй, следовало бы покрасить, поскольку они все равно будут красить дом и кое-что из мебели. Вот, пожалуй, и все!

Они привыкали друг к другу, и дона Флор уже чувствовала нежность к этому спокойному и сдержанному мужчине, немного церемонному и педантичному, однако деликатному, внимательному и, без всякого сомнения, безусловно в нее влюбленному. При встрече и на прощанье (а приходил он ежедневно, ибо они очень скоро отказались от нелепых предрассудков, которые так высмеивала дона Гиза) он целовал ее: своим мясистым ртом легонько касался губок вдовы. Ей же хотелось настоящего поцелуя.

Однажды вечером они отправились в кино и, как это случалось обычно, когда они ходили с сеу Руасом, опоздали: сеанс уже начался, и в переполненном зале не удалось найти место рядом. Дона Флор и доктор Теодоро

оказались слишком близко к экрану, зато совсем одни в целом ряду и сидели, взявшись за руки. Он тихонько поцеловал ее в губы, но она ответила совсем другим поцелуем. Впервые дона Флор так целовала жениха. До обручения оставалась всего неделя, и они наконец перестали робеть и смущаться.

О таком поцелуе дона Флор мечтала ночами, в душе соглашаясь с доной Гизой: какого черта терпеть, если до свадьбы остается несколько дней! Но ни она, ни жених прежде даже не заикались об этом. Они поцеловались еще и еще раз, сжимая руки друг другу. В эту ночь дона Флор спала спокойно впервые за много месяцев.

Так честная и кроткая вдова пришла к своему второму браку. Дом ее, покрашенный масляной краской, казался новым, в гостиной сверкала люстра с подвесками, у входа была прибита блестящая табличка с названием школы. Старая мебель и несколько недавно купленных вещей, в том числе небольшой письменный стол с вращающимся креслом, были расставлены по-новому; на железной кровати (теперь она стала синей) лежал роскошный пружинный матрац.

В гостиной больше не висели цветные фотографии доны Флор и ее первого мужа, вместо них появилась фотография выпускников факультета, где учился фармацевт, в черных докторских мантиях. Юный Теодоро улыбался, глядя в объектив.

Убрать портрет покойного мужа посоветовала дона Норма и была совершенно права, но дона Флор не захотела оставлять и свой портрет, запечатлевший молоденькую и глупую девушку. Теперь дона Флор стала степенной, пышной женщиной, невестой доктора и заслуживающей настоящего счастья.

Об этом говорили все вокруг: и гости, заполнившие церковь, среди которых был банкир Селестино, опоздавший, как и на первую свадьбу доны Флор, и бесчисленные звезды в небе, и сверчки и лягушки, затянувшие свою песню, когда лунной ночью новобрачные садились в такси, чтобы ехать на берег голубого залива Баня-дос-Тодос-Сантос, где они собирались провести в тиши первые дни медового месяца. Даже дона Розилда была вынуждена признать:

— На этот раз она удачно вышла замуж и будет счастлива.

И все с ней соглашались, все без исключения.

IV

О том, как дона Флор жила со своим вторым мужем, фармацевтом и музыкантом-любителем, в покое и благополучии, без тревожений и неприятностей, блистая в обществе и слушая дружный хор соседей, твердящих ей об ее счастье

(под аккомпанемент на фаготе доктора Теодоро Мадурейры)

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ОРКЕСТР «СЫНОВЬЯ ОРФЕЯ»

имеет честь пригласить Вас и Вашу distinguished семью на вечер, посвященный шестой годовщине со дня основания оркестра. Концерт состоится в воскресенье, в 20 часов 30 минут в саду Тавейры Пиреса по адресу: Ларго да Граса, 5.

Программа

1-е отделение

1. Бергер, «Влюбленная», вальс
2. Франц Шуберт, «Военный марш»
3. Э. Жилле, «Вдали от бала», вальс
4. Франтишек Дрбала, «Сувенир», соло на скрипке — доктор Венеслау Вейга, фортепиано — Элио Баста
5. Оскар Штраус, «Мечта о вальсе», попури

2-е отделение

1. Френсис Томэ, «Простое признание»
2. Отело Араужо, «Элегия», соло на виолончели — комендантор Адриано Пирес

3. Грассиано — Валтер, «Страстное стелание»
4. Аженор Гомес, «Колыбельная Флорипедес», соло на фэготе — доктор Теодоро Мадуреира
5. Франц Легар, «Веселая вдова», попури. Партия рояля — маэстро Аженор Гомес

1

Еще раз окинув взглядом комнату и убедившись, что все в порядке, дона Фило неторопливо, как все толстяки, направилась к дверям.

— Будьте как дома, мои ангелочки... Я не стану вам желать спокойной ночи...— Она постаралась придать себе игривый вид, но улыбка получилась добродушной по-матерински. Сын доны Фило Жоан Батиста был товарищем доктора Теодоро по университету.— Знаете, сколько парочек провело здесь медовый месяц, с тех пор как мы сюда переехали? Семнадцать... Или восемнадцать... Я уже сбилась со счета...

Она улыбнулась доне Флор и подмигнула фармацевту.

— Ну, отдыхайте...— Полные щеки доны Фило затряслись от смеха, и откуда-то из глубины дома послышался недовольный голос доктора Пименты:

— Иди спать, жена... Хватит надоедать гостям.

— Я только хотела взглянуть, не надо ли им чего...

Дона Флор и доктор Теодоро остались одни в огромной спальне и тотчас почувствовали неловкость. Невольно вспоминались все те шуточки и двусмысленности, которые им пришлось выслушать в течение дня. И на гражданской церемонии и в церкви каждый считал своим долгом изощряться в остроумии. Особенно старался банкир Селестино. Такси с новобрачными уже уехало, а он все продолжал сыпать своими сальными остротами. Почему-то уж так повелось: говорить на свадьбе вдовы всякие пошлости. Даже дона Фило, женщина добрая и приветливая, решила пошутить, посоветовав аптекарю не очень усердствовать. Они молчали, боясь взглянуть друг на друга.

Доктор Теодоро подошел к большому окну, выходящему в сад, залитый лунным светом. В небе сияли звезды, доносилось кваканье лягушек, шорох крабов, в море вспыхивали стальные полоски фосфоресцирующих в темноте рыб. Ярко-синяя бабочка с золотыми пятнами описывала круги около люстры. Легкий ветерок шелестел в

листве пальм и манговых деревьев; с глухим шумом падали в болото плоды сапоти, сбитые летучими мышами, зловещими, как привидения.

Дона Флор порывисто встала — надо же было кому-то сломать разделяющий их барьер, нарушить это глупое молчание — и, подойдя к мужу, облокотилась о подоконник. Доктор Теодоро, поборов смущение, обнял ее, а свободной рукой указал на небо.

— Видишь, любимая? — сказал он, но «любимая» прозвучало как-то неуверенно, принужденно. — Это Южный Крест.

— Где, любимый?.. — громко спросила дона Флор, а потом повторила тихонько: — Любимый...

Доктор Теодоро просиял.

— Вон там...

Откуда, любимый, этот страх, это смущение? Почему ты не прижмешь меня, не поцелуешь в губы, не поведешь в постель? Разве ты не видишь, с каким нетерпением я жду, как страстно желаю тебя, не слышишь, как стучит мое сердце? На небосклоне доны Флор тоже зажглись светила, но это была другая, одной ей известная астрономия.

А доктор Теодоро, обнимая ее, размышлял над тем, как вести себя, чтобы не обидеть жену, не оскорбить ни словом, ни жестом. Будь осторожен, Теодоро, не спеши, ты можешь потерять ее навсегда, если нанесешь этому нежному созданию удар, от которого она никогда не оправится. Это жена, а не публичная женщина, которой платят за ее ремесло, не помышляя о сдержанности и приличиях. Такие существуют для разврата, а жены — для любви. А любовь, как ты знаешь, Теодоро, предполагает не только физическую, но и духовную близость. Будь осторожен, не оскверни ее! Жена требует деликатного обращения, особенно в первую брачную ночь, именно от этой ночи зависит, будет ли супружеская жизнь счастливой. Тем более что у жены был горький опыт первого замужества.

Судя по разговорам, первый брак принес ей одни страдания и унижения. Тем более ты должен быть преданным и нежным, заглушить в ее измученном сердце воспоминания о былых обидах, дать ей все, чего ей прежде не хватало, и никогда, никогда не заставить ее страдать.

Охваченные страстью, вслепую нащупывая дорогу к сердцу друг друга, они, словно отважные космонавты,

бесстрашно ринулись в небо, чтобы там найти желанный покой и близость.

Доктор Теодоро хорошо знал астрономию: он называл созвездия, планеты и кометы, размеры и число светил в галактиках. Самые яркие звезды он доставал своей большой рукой с далекого неба, клал их на маленькую ладонь жены.

В первую брачную ночь он подарил ей то, чего никогда не дарил ни один мужчина своей возлюбленной: ожерелье из сверкающих дивным светом звезд с точным описанием их веса, размера, положения в пространстве и расстояния до Земли. Он снимал эти прозрачные светила с неба и украшал ими шею доны Флор.

Большую, почти синюю звезду, что сияет в твоих волосах, дорогая, я сорвал с самого горизонта, это Венера, самая яркая из звезд, ее называют вечерней — потому что она загорается в сумерках, и утренней — потому что на рассвете она встает над морем. По латыни, любимая, ее именуют «стелла марис» — путеводной звездой мореплавателей...

То был не сухой и скучный урок космографии, но пылкое объяснение в любви, когда вместе с тайнами Вселенной открывалась тайна сердца. Украшенная звездами, дона Флор склонила голову на грудь мужа, наслаждаясь покоем и его удивительной образованностью.

— Венера, богиня любви, да? Та, что без рук? — любопытствовала она, но хотела бы сказать совсем другое: «Она озаряет своим светом нашу комнату, эта добрая звезда; не бойся, мой любимый, ты не обидишь меня, если сорвешь с меня платье, которое Розалия прислала из Рио, положишь меня на постель, одетую только мерцанием звезд, и мы с тобой вступим в сад, полный сладких плодов».

Но разве посмеет она сказать такое?

Доктор наконец отважился своей дрожащей рукой сжать посылнее ее плечо. «Да, Венера — богиня любви в греческой мифологии и бессмертное творение гениального скульптора...» Дона Флор видела, что он никак не может одним ударом разрушить разделяющую их стену. Ее муж знает очень много, он не знает только одного: как подойти к ней и как ею овладеть. Но не может же она, как бы ей того ни хотелось, взять инициативу на себя. Она уже и так почти перешла границы дозволенного. Смелей, мой Теодоро.

Однако Теодоро с трудом продвигался вперед. Подарив жене ожерелье из звезд, он положил к ее ногам все богатства мира, в том числе и нефтяные.

— Говорят, здесь залегают огромные месторождения нефти. Если бы мы стали их разрабатывать, мы превратились бы в великую нацию...

Фонтаны нефти, вышки и скважины — он все готов был отдать жене в их первую брачную ночь!

— Я слышала об этом... Дядя Порто говорил, он здесь когда-то преподавал...

Дона Флор прижалась к груди мужа. За окном стояла лунная, благоухающая жасмином ночь, а фармацевт, эрудиция которого могла сравниться только с эрудицией допы Гизы, все продолжал называть звезды, зажатившись в небе, казалось, прямо у них над головой.

— ...Вон там, над деревьями, — Три Марии из созвездия Орион...

Черная, как нефть, морская вода застыла в неподвижности. Фонари парусников, словно блуждающие кометы, неслись вдоль берегов Парагуасу, где доживают последние дни старые города и селения.

Здесь, в гавани, море спокойно, только легкий бриз слегка колыхнет ветвями хлебных деревьев. Дона Флор любит воду, песками, лодками, посеребренными лунным светом. Все вокруг дышит покоем.

А за гаванью бушует океан, свирепый и бурный, с подводными течениями, коварными приливами и отливами; в безбрежных просторах завывает ветер, гуляют штормы. Там нет приторного аромата жасмина, там остро пахнет саргассо, водорослями и устрицами, морской солью. А на побережье стоят домишки — приют незаконной любви. Но зачем об этом вспоминать?

Зачем, если так тиха эта звездная ночь, неподвижно темное море и покой царит над оробевшими супругами? Говори скорей о звездах, Теодоро, я не хочу вспоминать об умершем, который давно похоронен. Пусть светила откроют перед нами широкий, радостный путь и наша жизнь будет безмятежна, как этот залив. Дона Флор трепещет, ее глаза заволокли слезы.

— Тебе холодно, дорогая, ты дрожишь. Становится прохладно, ты можешь простудиться, схватишь грипп. Давай закроем окна. — Доктор Теодоро улыбнулся и смущенно спросил: — Ты не находишь, что пора, любимая?

Она рассмеялась и, спрятавшись за его спину, лукаво прошептала: «Здесь вы командуете, мой господин». Он

был так деликатен и добр, этот гигант, с ним дона Флор ничего не боялась. Она протянула руку своему супругу — сильному, благородному, солидному. Именно такой и был ей нужен. Но кто знает? Может быть, под этой внешней сдержанностью таятся россыпи богатств, о которых она и не подозревает?

Он закрыл окна, дона Флор помогла ему. Ночь сразу стала маленькой и уютной, оставшись у них в спальне. «Боже мой, что теперь будет?» — спрашивала себя дона Флор. Чтобы заняться чем-нибудь, она принялась убирать в шкаф одежду, свою и мужа. Возле кровати стояли две пары ночных туфель, на кровати лежали ярко-желтая пижама и кружевная, с оборками ночная рубашка — свадебный подарок, настоящий шедевр из батиста, созданный доной Энаидой, отличной белошвейкой. Дона Флор помирилась с подругой, забыв историю с нахальным самозванцем доктором Алузио.

Другое дело Теодоро — он действительно доктор, с трубкой и кольцом; дона Флор поглядывала на мужа, расхаживая по комнате и убирая вещи в шкаф. Взяв рубашку, она приложила ее к плечам: «Красиво?» Доктор Теодоро кивнул, почувствовав, как по спине у него побежали мурашки. «Будь осторожен, резкий жест или грубое слово может все безвозвратно испортить», — повторил он про себя. Эту первую неделю медового месяца в райском уголке Сан-Томэ надо быть особенно внимательным и тактичным. Здесь, у моря, они проведут прекрасные семь дней, полные блаженства, но медовый месяц должен длиться всю их жизнь.

Он очень хотел бы сказать это доне Флор, но не посмел. Почему они оба так робеют? Куда девалась близость, которая установилась между ними во время помолвки? Теперь они обвенчаны: их благословил священник и поздравил судья. Ведь до свадьбы они обменивались жадными поцелуями, охваченные страстью и желанием. Откуда же это глупое смущение? Почему они словно онемели, почему не бросились в объятия друг друга, когда остались наедине, чтобы навеки соединиться? Он хотел сказать любимой, что их медовый месяц продлится всю жизнь, но вместо этого сказал, чтобы нарушить тягостное молчание:

— Пока ты будешь раздеваться, я пойду в ванную...

И вышел, почти выбежал, схватив пижаму и ночные туфли.

Пока в ванной журчала вода, донна Флор быстро привела себя в порядок, надушилась духами «Гелиотроп», которые, как утверждала донна Дагмара, особенно подходили к ее коже. Потом накинула прозрачную батистовую рубашку с черными кружевами. Чтобы погасить блеск глаз, донна Флор стыдливо прикрыла их веками и, трепеща, легла под простыню, благоухающую невинным ароматом лаванды.

Доктор Теодоро вернулся в желтой пижаме, которая делала его еще более высоким и широкоплечим. Повесив свадебный костюм — брюки в полоску и меланжевый пиджак, — он погасил хрустальную люстру, оставив лишь мерцающий огонек лампадки.

«Он не увидит меня, когда снимет с меня рубашку». Не увидит стройного молодого тела, девичьей груди, живота, не обезображенного беременностью и родами.

Но какое это имеет значение? Он увидит ее потом, при тусклом утреннем свете, когда займется заря. Сейчас важно лишь одно: этот молодой, пылкий мужчина навсегда принадлежит ей. Ей одной. Почувствовав его рядом с собой, донна Флор закрыла глаза, сердце ее тревожно забилося.

Она представляла себе, как все произойдет: память о ночах с Гулякой еще не померкла. Однако Теодоро не стал шептать нежных, безумных слов, не попытался стянуть с нее простыню. Он положил свою голову с иссиня-черными волосами к ней на грудь и ласково поцеловал ее в щеку, а затем в губы тем самым поцелуем, какого она ждала. Пораженная донна Флор замерла и почувствовала, как рука мужа скользнула к краю батистовой рубашки. Все произошло очень быстро и очень целомудренно. Совсем не так, как представляла себе это донна Флор; молчаливые и едва ли не суровые объятия мужа оставили ее в растерянности. Подавленная случившимся, донна Флор чуть не заплакала.

Однако деликатный доктор Теодоро, хоть и не привык к обращению с порядочными женщинами, хоть и вполне искренне считал, будто чрезмерная страсть может их оскорбить, все же догадался о том, что происходит с женой. Как и с Отавианой, он решил повторить свой подвиг и, надо сказать, совершил его не без удовольствия.

На этот раз доктор Теодоро был предельно внимателен, и объятия жены доставили ему наслаждение, какого прежде он никогда не испытывал.

— Теодоро, любимый... — шептала донна Флор.

Благодарный и счастливый, доктор Теодоро поцелуями ее пылающее лицо и сказал наконец:

— Медовый месяц будет длиться всю нашу жизнь... Я всегда останусь верен тебе, дорогая, никогда не взгляну ни на одну женщину и буду вечно любить только тебя.

— Амины! — откликнулись жабы и лягушки на зали- том луной болоте.

— Я тоже,— горячо прошептала дона Флор. Она со- всем не чувствовала усталости и была готова к новым скачкам, если бы только и он захотел.

— Забавно... Когда дона Фило предлагала нам по- есть, я не был голоден. А сейчас, пожалуй, съел бы пи- рожное или что-нибудь еще.

— Хочешь, я принесу? У нее всего наготовлено: и сластей, и фруктов... Пойду посмотрю...

— Ни в коем случае...

Доктор Теодоро вдруг понял, что в нем заговорила привычка лакомиться перед тем, как уйти от Тавиньи. Но переносить в супружескую спальню привычки, при- обретенные в доме проститутки?! Упаси бог! Нежно по- целовав дону Флор, он сказал:

— Спи, дорогая, ты, должно быть, умираешь от уста- лости, день был такой утомительный.

Он чуть не добавил: «...и ночь тоже...» — но, боясь оскорбить жену столь неуместной остротой, устроился поудобнее и тут же уснул.

Дона же Флор уснула далеко не сразу. Откровенно говоря, она думала, что они не сомкнут глаз до рассве- та... Рядом с ней храпел доктор Теодоро, и этот храп очень шел этому сильному, благородному, красивому мужчине, ее мужу.

Дона Флор ласково, едва касаясь, чтобы не разбу- дить, погладила его широкую грудь, спокойное лицо. Ей хотелось прижаться к нему, заснуть в его объятиях... Но на свете нет и двух одинаковых мужчин, как утвержда- ли некоторые ее многоопытные ученицы, например, Ма- рия Антония.

— Каждый мужчина ведет себя в постели по-своему: у каждого своя манера, свои замашки. Одни знают все, другие — ничего. И все хороши, просто надо уметь их использовать — и целомудренных, и опытных, и грубых, и нежных...

Теперешний ее муж совсем не похож на первого, они во всем различны. И она должна приспособиться к его

характеру и желаниям, стать его вторым я. С первым было гораздо труднее, и все же ей это удалось. Так неужели она не добьется этого сейчас? Тем более что они располагают всем необходимым для приятной и счастливой жизни. Так считали все, и донна Флор тоже.

Аромат из сада проникал сквозь жалюзи. Там, за стеной дома, дремлет залив, замер ветер, улеглись бури и волнения, царит тишина. Их ждет спокойная жизнь без нужды, без страхов и огорчений, без страданий и обид. Наконец-то донна Флор узнает, что такое счастье.

— Теодоро...— прошептала она доверчиво.— Все будет хорошо, очень хорошо...

Хор жаб ей повторил:

— Аминь! Аминь!

А ночь сияла звездами и фонарями парусников.

2

Донна Флор всегда слыла образцовой хозяйкой и отличной преподавательницей кулинарии. Ей вполне было достаточно помощи взбалмошной и ленивой служанки и маленькой Марилды, учившейся между делом готовить. На нее никогда не жаловались ученицы, и занятия проходили спокойно, если не считать, разумеется, тех инцидентов, которые случались иногда при первом муже. А он, как уже известно, относился без всякого уважения к чужому труду и своими выходками доводил дону Флор до головной боли. И это было еще не самое страшное, потому что его шалости с ученицами кулинарной школы не всегда были безобидны.

По правде же говоря, донна Флор не имела никакого понятия о домоводстве, и полного, идеального порядка в доме, в школе да и во всей ее жизни никогда не было. Только с приходом доктора Теодоро она поняла, что в ее доме царит хаос и хозяйством она занимается безо всякой системы, как бог на душу положит.

Надо сказать, что доктор Теодоро даже не заикнулся об этом. Человек сдержанный и воспитанный, он не привык навязывать свое мнение и тем не менее постепенно, без ссор и лишнего шума добивался своего. Одним словом, наш фармацевт был из тех людей, про которых говорят, что они мягко стелют, да жестко спят.

Месяца через полтора после свадьбы их дом совершенно преобразился. Да и в самой доне Флор произо-

шли кое-какие пока еще не бросающиеся в глаза перемены: она старалась приноровиться к привычкам и характеру нового мужа.

Начал сеу Теодоро с прислуги. Когда дона Флор овдовела, она по настоятельному совету соседок наняла экономку. «Разве пристало молодой вдове оставаться одной, незащищенной перед всякими мошенниками и бродягами?» Однако ей не повезло. По рекомендации донны Жаси дона Флор согласилась взять Софию, с виду простоватую дурочку, а на самом деле очень хитрую девицу. Работала она нехотя, к своим обязанностям относилась небрежно, зная, что останется безнаказанной, потому что дона Флор не станет увольнять служанку, рекомендованную подругой. Дона Флор была недовольна этой лентяйкой и все же как-то устроивалась, жалея безалаберную Софию.

На пятый день после возвращения из Парижа доне Флор пришлось отправиться в Рио-Вермелью помочь тетке, у которой начался приступ астмы. Вечером явился доктор Теодоро навестить больную и забрать жену. Но тетка все еще чувствовала себя плохо, к тому же была пятница (а по субботам в школе занятия не проводились), и дона Флор решила остаться у стариков. Она вернулась лишь в воскресенье вечером, когда приступ прошел и тетя Лита снова могла заняться своим садом.

Отсутствие донны Флор не длилось и трех дней, но за этот короткий срок их дом стал неузнаваем: вместо Софии, грязной мулатки с глупым лицом, появилась Мадалена, женщина пожилая, но крепкая и очень опрятная. Если бы не смуглость и курчавые волосы, могло показаться, что она родственница доктора: она была такая же высокая, энергичная, обходительная в обращении и трудолюбивая.

Доктор Теодоро спокойно, но твердо объяснил жене, что был вынужден уволить Софию, поскольку она не только плохо работала, но и позволяла себе не слушаться его, строить гримасы и дерзить, когда он велел ей сделать генеральную уборку. Он не посоветовался с донной Флор, не желая беспокоить ее из-за подобных пустяков, когда она была так занята, ухаживая за больной. К тому же меры следовало принимать немедленно, ибо он не намерен выслушивать дерзости от прислуги. В ответ на его просьбу подмести нахалка хлопнула дверью и обозвала его «доктором касторкой».

Дона Флор огорчилась: ей никогда не приходило в голову прогнать Софию, несмотря на ее неряшливость и грубость. К тому же как теперь все это объяснить доне Жаси, которая ее рекомендовала? Впрочем, доктор Теодоро абсолютно прав. Не мог же всеми уважаемый человек молча сносить выходки прислуги! И все же...

— Бедняжка... — сказала дона Флор.

— Бедняжка? — удивился доктор Теодоро. — Просто нахалка, недостойная твоей доброты, дорогая... Иногда, Флор, хочешь быть добрым, а остаешься в дураках...

Что же касается доны Жаси, то это она должна принести извинения за то, что рекомендовала негодяйку, которая не только злоупотребляла доверием хозяйки, но еще имела наглость издеваться над хозяином.

Дона Флор поняла, что муж вовсе не обсуждает с ней случившееся, а просто ставит ее в известность. В доме появился настоящий мужчина, хозяин и господин, подумала она и улыбнулась. «Мой муж, мой господин». Он прав, она тоже не потерпела бы неуважения к своему мужу. «Доктор касторка», подумать, какая дерзость!

Новую экономку доктор Теодоро нанял не по рекомендации какой-то соседки, у нее на руках были хорошие отзывы, которые он вдобавок проверил по телефону. Вот это настоящий порядок!

Мадалена отличалась не только чистоплотностью, но и удивительной педантичностью: все лежало у нее на своих местах, не то что раньше, когда дона Флор не знала, где найти ту или иную вещь, которая ей вдруг была нужна.

— Марилда, ты не видела поваренную книгу? София не помнит, куда ее задевала...

Или:

— София, куда ты дела венчик? Господи, в этом доме никогда ничего не найдешь...

Доктор с присущим ему вкусом и знанием дела выбрал для всех вещей свое место и велел служанке по окончании уроков и после уборки каждую вещь класть туда, куда он наклеил бумажки, на которых затейливыми печатными буквами было написано: «хлебный нож», «яйцезрека», «пила», «ступка» и т. д., а также «радиоприемник», «ваза для цветов», «ликеры», «рубашки доктора Теодоро», «белье госпожи».

— Боже мой! — изумилась дона Флор. — Я-то думала, у меня в доме порядок... Теодоро, дорогой мой, ты совершил чудо...

— Никакого чуда, дорогая, просто тебе не хватало системы. После того как маму разбил паралич, мне пришлось взять на себя все заботы по дому, и я привык к порядку. В нашем доме порядок тем более необходим, поскольку здесь и жилое помещение и школа... Ты же сама настояла на том, чтобы продолжать занятия, хотя, по-моему, тебе следовало оставить эти изнурительные уроки... Ведь я зарабатываю достаточно...

— Мы уже говорили об этом, Теодоро, и давай больше к этому не возвращаться. Зачем зря спорить?

— Ты права, Флор, прости... Больше никогда я не коснусь этой темы, разве только ты сама захочешь. Успокойся, дорогая, поверь, я не хотел тебя огорчить...

Теперь в доме доны Флор часто слышалось «мой дорогой», «моя дорогая», здесь царили любовь и взаимная вежливость — необходимый спутник любви. Он всегда был очень любезен с женой, не сомневаясь, что и она будет ему платить тем же. Подойдя к доне Флор, доктор Теодоро поцеловал ее в щеку и извинился за то, что затронул неприятную тему.

Еще во время помолвки он предложил доне Флор закрыть школу, убедительно доказав, что и сам в состоянии дать ей все необходимое и даже некоторую роскошь.

Однако дона Флор не согласилась. Без школы она не мыслила своей жизни, привыкнув трудиться с детских лет и всегда иметь свой заработок.

Что бы она делала без собственных денег, когда сбегала от матери, а надо было покупать мебель, оформлять брачный контракт, аренду дома, вообще жить! Что бы она делала, когда вдруг овдовела? Ведь Гуляка ничего ей не оставил, кроме долгов.

Не будь школы, дона Флор оказалась бы в очень затруднительном положении. Вот почему она так ценила свою работу и те деньги, которые ей удалось скопить.

Для нее занятия в школе вовсе не были изнурительными, наоборот, приносили радость: школа помогла ей пережить одиночество, а в первые годы замужества спасла от отчаяния. Скольких замечательных подруг нашла она у плиты, подруг, чья дружба дороже всяких денег! Нет, она ни за что не откажется от школы, от своего заработка, от своей полезной профессии.

Пока доктор Теодоро был в аптеке (он отправлялся туда к восьми, приходил домой на завтрак и сиесту, а затем работал до шести вечера), дона Флор занималась

с ученицами. Да и куда бы она стала девать свободное время? Шушукаться с кумушками во главе с доной Динорой, перемывая косточки всем подряд? Или торчать в окне, словно манекен в витрине, на потеху прохожим кокетничая с мужчинами?

Может быть, кому-то и нравится выставлять себя на показ, бездельничать и выслушивать двусмысленные комплименты. На углу их улицы, например, недавно поселилась дона Магнолия, рыжеватая метиска, превратившаяся в блондинку при помощи ромашки, с родинкой на левой щеке и наглым взглядом. Она целый день проводила у окна, заигрывая с прохожими и улыбаясь, словно кукла. Тайный агент полиции, надменный и тщеславный, который жил с ней, как уверяла дона Динора и другие кумушки, вовсе не был ей мужем. У рыжей Магнолии и до него было много поклонников, и всем им без исключения она наставляла рога с похвальным постоянством.

Если дона Флор не любит сидеть у окна и сплетничать, чем же ей заняться, сеу доктор? Неужели вы не понимаете, что она гордится своей школой, ее славой и репутацией, которая приобрелась с таким трудом? А хорошая репутация своего рода капитал.

Доктор согласился, но при условии, что деньги, заработанные доной Флор, не будут идти на хозяйство, а целиком оставаться в распоряжении жены. Однако ни в коем случае он не позволит хранить эти суммы дома: в радиоприемнике или в коробке из-под обуви, за зеркалом туалетного столика или под матрасом, они не цыгане и не бедняки. Доктор Теодоро повел дону Флор в банк и открыл там на имя жены текущий счет.

— Теперь, дорогая, ты будешь получать три процента в год, а это довольно приличная сумма. К тому же тебе не надо бояться, что их украдут воры, в банке это исключено.

Но какой прок от денег, лежащих в банке, если ты не можешь на них купить что-нибудь для себя, дать милостыню? Счет в банке дона Флор воспринимала как что-то нереальное. Однако дона Норма только посмеялась над рассуждениями соседки. Пусть ее деньги накапливаются в банке, а домашние расходы оплачивает муж. Пока у нее есть текущий счет и чековая книжка, она не будет от него зависеть и кланяться, словно подаяние, на каждую булавку, платье или шляпку. Это так унижительно!

Дона Норма знала это по собственному опыту: сеу Зе Сампайо был скуп на редкость. Различными махинациями, достойными искушенного финансиста, ей удавалось выкраивать двадцать, пятьдесят, а то и сто мильрейсов, иногда же, в крайних случаях, она просто запускала руку в карман мужа, пока он спал. Таким образом, она могла приобретать кое-что для себя и удовлетворять бесчисленные просьбы кумовьев, крестников, больных, стариков, безработных, пьяниц, а также ее любимцев — мальчишек.

— Например, дорогая, у мужа день рождения, а у тебя ни гроша. Не пойдешь же ты просить у него, чтобы купить подарок? «Дай мне немного денег, Теодоро, я хочу купить тебе в подарок трусы». Представляешь? Лично я, милочка, никогда не обращаюсь с такой просьбой к Зе Сампайо.

На это дона Флор ничего не могла возразить, и все же не по душе ей было, что деньги лежат в банке, а у нее на руках лишь чековая книжка. Ее копилка куда-то исчезла, да и ей самой следовало отказаться от прежних привычек, по словам подруги, приличествующих бедной женщине, жене мелкого чиновника да еще игрока, который спускал все, что она зарабатывала, и жил на ее счет, как альфонс, или вдове, не имеющей никакой поддержки. Они не цыгане и не бедняки, сказал доктор, и дона Норма была с ним вполне согласна.

Общественное и материальное положение доны Флор изменилось. Ее нельзя было назвать богачкой, но и нищей тоже, теперь она относилась к людям среднего или немного выше среднего достатка, поднявшись до уровня своих самых зажиточных соседей — аргентинцев, владевших керамической фабрикой, доктора Ивеса с собственным врачебным кабинетом, Сампайо, имевших обувной магазин, Руасов с их завидными связями. Словом, к удовольствию доны Розилды, наконец-то получившей зятя по вкусу, приблизилась к аристократии. Сеу Вивалдо, уважаемый владелец похоронного бюро, всегда бывший в курсе финансовых дел своих друзей, утверждал, что доктор Теодоро, человек разумный, солидный и трудолюбивый, пойдет далеко.

— Еще немного, и аптека будет его...

Итак, на имя доны Флор был открыт счет в банке, и это положило начало упорядочению ее жизни вообще. Как правильно заметил фармацевт, неразбериха и безала-

берность порождают споры между супругами, а это ведет к разладу, разногласиям и ссорам.

Дона Флор находила мужа с его девизом «каждая вещь на своем месте, и всему свое время», пожалуй, чрезмерно педантичным. По ее мнению, это был единственный недостаток этого достойнейшего человека, порядочного, доброго, воспитанного и нежно любящего свою жену. Но уж лучше быть педантом, чем такой рассеянной, как дона Норма, которая всюду опаздывала.

Дона Флор смеялась, слушая, как подруга превозносит уравновешенность и аккуратность доктора: «Счастливица, таких мужей днем с огнем поискать, это подарок судьбы...» Даже дона Гиза, этот кладезь премудрости, хотя и упрекала доктора Теодоро в деспотизме, все же отдавала должное его достоинствам:

— Ты, Флорзинья, нуждаешься прежде всего в опоре, так что лучшего мужа для тебя не придумаешь.

Размеренная жизнь доны Флор и ее добропорядочного мужа, у которого все было разложено по полочкам, была в глазах соседей образцом семейного счастья.

Безмятежная жизнь, без неожиданностей, тихая и спокойная: раз в неделю, по вторникам, они посещали кино или театр; если сразу показывали несколько фильмов, пользовавшихся успехом у публики и отмеченных газетой «А тарде», они ходили дважды, но это случалось редко. На утренних сеансах они не бывали, так как доктор не выносил шумной молодежи.

Не меньше двух раз в неделю после обеда доктор Теодоро разучивал на своем фаготе вещи для субботних музыкальных вечеров. Вечера эти проходили очень оживленно и сердечно, выступалось богатое угощение с прохладительными напитками, фруктовыми соками для дам и пивом для мужчин, а иногда и кашасой, если погода была слишком холодная или слишком жаркая. Хозяйка, в доме которой собирались музыканты-любители, старалась изо всех сил. Потом гости — поклонники, исполнители и избранные друзья — рассаживались слушать музыку, наступал час искусства.

В остальные вечера они ходили в гости либо сами принимали гостей, и дона Флор, растерявшая всех своих приятелей во время первого замужества, теперь снова виделась с ними.

Два раза в месяц по определенным дням они непременно бывали у доктора Луиса Энрике, причем дона

Флор обязательно приносила детишкам что-нибудь вкусное.

Доктор Теодоро гордился своими связями с избранным обществом, собиравшимся в доме его друга, где бывали доктор Жорже Калмон, бывший секретарь штата, доктор Жайме Балеейро, адвокат Коммерческой ассоциации, историк Жозе Калазанс, преподававший в Академии, доктор Зезе Катарино, доктор Руй Сантос, политический деятель и профессор литературы, и прочие выдающиеся личности.

Доктор Теодоро был счастлив побеседовать со столь «высокими особами», выслушать их компетентное мнение по самым насущным проблемам и осторожно высказать свое. По его словам, «в этих блестящих диалогах, в этих турнирах благородных и избранных умов драгоценные идеи сверкали, как бриллианты». А доня Флор обсуждала с женами фасоны платьев, кулинарные рецепты или преступления, о которых писали газеты.

В отличие от мужа она предпочитала вечера в особняке на Грасе или у богачки донья Маги Патерностро, своей бывшей ученицы. Здесь доня Флор вела беседы о модах, светских обычаях и нравах. А это совсем не то, что перемывать косточки какой-нибудь соседке!

Прежде доня Флор с Гулякой ходили только завтракать по воскресеньям к тетке и дяде в Рио-Вермельо, обычно же шумные компании в их доме собирались экспромтом. Теперь все развлечения были продуманы и оговорены заранее. В этой размеренности и заключалось счастье, по единодушному мнению соседей и самой донья Флор.

По средам и субботам, ровно в десять часов вечера, доктор Теодоро исполнял супружеские обязанности с неизменным пылом и удовольствием.

Поначалу дону Флор, привыкшую к бурным проявлениям страсти, поражала сдержанность Теодоро. Однако природное целомудрие вскоре помогло ей привыкнуть к скромным и пунктуальным ласкам, которые были пронизаны едва ли не благоговением.

На супружеском ложе, полагал доктор Теодоро, нельзя забывать о стыдливости, любовь между мужем и женой должна быть чистой.

А доня Флор он казался птицей с огромными крыльями и мощными, как у орла или кондора, когтями, когда поднимался над ней с простыней на плечах и уносил с собой в отливающее бронзой небо.

Возвращаясь в Назарет-дас-Фариньяс после долгого пребывания в Баие, дона Розилда, внимательно следившая за супружеской жизнью дочери, высказала доне Норме свои опасения.

Со всех точек зрения доктор Теодоро превосходный зять. Но достойна ли его Флор? Дона Норма, как верная подруга, обиделась: почему же нет? Она вполне заслуживает самого красивого и богатого мужа.

Однако дона Розилда была менее снисходительна к недостаткам своей дочери. На ее взгляд, Флор не умела использовать возможности, которые наконец перед ней открылись. Не стремилась занять видное место в обществе, прибегнуть к авторитету и обширным знакомствам мужа. Если бы дочь пошла в дону Розилду, она уже давно была бы принята в лучших домах Баии, вращалась бы в самом высшем обществе. Ее представили чете Тавейра Пирес, ей целовал руку миллионер Адриано, ей любезно улыбалась дона Имакулада, самая элегантная дама города, а что толку? Почему она не использует докторский титул мужа, его деловых и музыкальных связей?

Больше того, она продолжает давать уроки кулинарии, хотя это подрывает престиж мужа (еще подумают, что он ведет разгульную жизнь либо скряга), и остается в этом убогом доме, хотя могла бы переехать в более комфортабельный и в более приличный квартал.

Пусть дона Норма ее извинит, она никого не хочет обидеть, по теперь в их квартале, за очень редким исключением, живет один простой народ. Приличных дам можно перечесть по пальцам. Разве что жена аргентинца да дона Нанси, а остальные? Ехидная дона Розилда нахально оставилась на подругу дочери.

— Остальные — сброд...

Но самым ужасным был, конечно, квартал Рио-Вермельо, где жили ее сестра с зятем. Конец света, почти предместье, где мужчины — подумать только — по воскресеньям расхаживают по улицам в пиджаках и шляпках. Дона Лаурита, жена доктора Луиса Энрике, отправившись навестить дону Литу, была шокирована этим неприличным променадом. В ее негодовании сквозило отвращение:

— Как можно жить в квартале, где даже богатые выглядят нищими...

Доктор Теодоро хотел, правда, переехать в другой дом, но Флор, этакая тупица, уперлась и ни за что не пожелала оставить свою дыру. Дона Розилда сокрушенно покачала головой.

Как-то утром дочь спросила ее:

— Мама, что это вам взбрело сказать Теодоро, будто я хочу переехать? Запомните раз и навсегда: мы оба вполне довольны нашим домом и не собираемся отсюда трогаться.

Забыв о хорошем тоне, дона Розилда презрительно сплюнула.

— Ну и живите в своем свиарнике...

— Я знаю, почему вы хотите, чтобы мы переехали: вы собираетесь поселиться у нас. Выкиньте это из головы! В гости можете приезжать когда угодно и на сколько угодно, но жить вместе с нами вы не будете. Хоть вы мне и мать, я буду откровенна: никто не сможет с вами и дня провести под одной крышей. Так что не надейтесь.

Дона Розилда пулей вылетела из комнаты, не дослушав дочь до конца. И напрасно, ибо дона Флор собиралась сообщить ей приятную новость, чтобы хоть немного смягчить свои слова. Пришлось подождать до отъезда матери, и уже на пристани допа Флор объявила, что каждый месяц будет давать ей немного денег на карманные расходы и благотворительность.

Опять провалился план доны Розилды поселиться у дочери: дона Флор не хотела этого, когда была вдовой, не захотела и сейчас, когда вышла замуж. Но если в первый раз дона Розилда обиделась и почти перестала поддерживать отношения с дочерью, то теперь она проглотила обиду — уж слишком казалась заманчивой новая жизнь дочери с приемами и светскими связями. Дона Розилда вернулась в Назарет, но ее кратковременные визиты к дочери заметно участились. Останавливаясь в Рио-Вермелье — на этих «вонючих задворках», — она с утра являлась к дочери, чтобы чесать язык с кумушками. Восьми — десяти дней для нее было достаточно, чтобы перессорить соседей, поругаться с сестрой, а потом снова отправиться в Назарет терзать сына и невестку. Теперь к многообразным занятиям доны Розилды прибавилось еще одно: она без усталости рассказывала о светских знакомствах доны Флор, превозносила до небес зятя-доктора, его ум, богатство, красоту и даже его фагот. Повествуя о концертах любительского оркестра, она с безудержным восторгом ахала и восклицала:

— Вот это настоящая музыка!..

И подчеркивала изысканность программ, в которых имена Генделя, Легара и Штрауса стояли рядом с именами местных композиторов, малоизвестных за пределами Баии, но от этого не менее талантливых. Теперь доня Розилда от всей души презирала веселые самбы и песенки и называла их не иначе, как «гадостью». Это было тонкое противопоставление любительского оркестра, в котором играли доктор Весеслау Пирес да Вейга, известный хирург, доктор Пиньо Педрейра, судья Адриано Пирес, владелец крупной торговой фирмы, имевший особняк, собственный автомобиль и супругу Имакуладу самого благородного происхождения, с лицом старой лошади и лорнетом, бродягам и мошенникам, горланящим под окнами серенады, всем этим пьяницам, забулдыгам и распутникам.

Во время первого замужества дочери (если это можно назвать замужеством) она столкнулась с этими грубиянами и бездельниками. Если же в их компанию попадал образованный человек из хорошей семьи, он становился хуже остальных. Например, доктора Валтера да Силвейра с его лоснящимся лицом доня Розилда до сих пор не может вспомнить без отвращения. В Назарете многие хвалят его как опытного и честного адвоката, пусть эти сказки слушают другие, она-то насмотрелась, как этот подлец дует в дудку.

От тех времен у доня Розилды осталось недоверие ко всем, кто любит музыку, поэтому, услышав, что зять играет на фаготе, она испугалась, что дочь снова связалась с каким-то мошенником, снова будет содержать его и его любовниц, платить его карточные долги. Она так ненавидела музыку, что даже титул доктора, о котором доня Норма, знавшая о слабостях доня Розилды, не преминула упомянуть, сообщая о помолвке, не произвел на нее никакого впечатления.

— Еще один проходимец...— ворчала доня Розилда.— Будет кутить ночи напролет и распутничать на деньги этой дурехи... Вот увидите, и этот окажется игроком. Будет жить в свое удовольствие, а она — гнуть спину. Подумаешь, фармацевт паршивый... Тоже мне, доктор...

Доня Розилда считала, что разбирается в ученых званиях, здесь у нее была своя классификация:

— Настоящий доктор — это врач, адвокат, инженер. А дантисты, фармацевты, агрономы, ветеринары — это

второй сорт, мелочь, ничтожество... Просто не хватило ума и терпения доучиться до конца...

Только в Баие, убедившись, что фармацевт является компаньоном владельцев такого солидного заведения, как аптека на углу улицы Карлоса Гомеса и Кабесы, также в его респектабельности и хороших манерах, она изменила свое мнение и уяснила разницу между классическим фаготом и народным беримбау, любительским оркестром и уличными серенадами. Зять мгновенно вырос в ее глазах. До принца ему, правда, было далеко, как и до сказочных богатств Педро Боржеса, студента из штата Парá. Но на что еще может рассчитывать бедная тридцатилетняя вдова? Довольная против собственного ожидания, доне Розилда призналась доне Норме:

— За такого и я бы вышла замуж. Благородный, солидный мужчина с прекрасными манерами! На этот раз она сделала удачный выбор. Да и пора бы... Весьма и весьма достойный сеньор!

Доктор Теодоро, как человек воспитанный, относился к доне Розилде сердечно и почтительно, называл «дорогая теща», без конца спрашивал, не нужно ли ей чего-нибудь, и приносил то таблетки от кашля, то микстуру и даже подарил зонтик, узнав, что свой старый, купленный еще при муже, она потеряла в суматохе, когда сходила с парохода.

Приехав на свадьбу, доне Розилда намеревалась пробыть у дочери всего несколько дней, но, познакомившись с зятем, переменила свое решение, тотчас сообразив, что ей сулит этот брак доны Флор. Ради такой жизни она была готова навсегда покинуть Назарет-дас-Фариньяс, благотворительное общество священника Валфридо Моранса, клуб, церковь и даже председательское место среди тамошних сплетниц.

А уж как привольно она чувствовала себя в маленьком городке! Как измывалась над невесткой, которая потеряла надежду даже на скорбящую богоматерь, остававшуюся глухой к ее мольбам и обетам. Только смерть могла освободить бедняжку. Смерть свекрови, разумеется. Добрая Селеста все чаще мечтала об этом радостном событии и поклялась себе не скупиться и отслужить панихиду так, чтобы о ней заговорили не только в городе, но и в столице штата.

Но как бы доне Розилде ни было хорошо в Назарете, с появлением нового зятя она стала предпочитать Баию и, чтобы остаться там, разработала целый план,

Прежде всего сделалась льстивой и вкрадчивой, всячески стараясь угодить фармацевту. Доктора Теодоро это поначалу растрогало, и как-то в разговоре со своим другом Розалво Медейросом он сказал, что вместе с очаровательной женой получил вторую мать, эту святую женщину.

— Что?! — Розалво не поверил своим ушам. — Это дону Розилду вы называете святой женщиной? — И он расхохотался, как дона Амелия в день помолвки. — Только вы, Теодоро, с вашей доверчивостью могли сказать такое.

Однако заблуждение доктора Теодоро быстро рассеялось: сварливость и постоянное недовольство доны Розилды всем на свете вскоре взяли верх над сладкими улыбочками и льстивыми речами, тогда зять понял причину веселого смеха доны Амелии и Розалво. Началось с того, что дона Розилда пришла к нему и заявила, что им не пристало жить в таком маленьком доме, почти лишенном удобств, и предложила переехать в более комфортабельный и просторный дом, соответствующий их положению.

Она дала понять также, что доне Флор тяжело в этом доме, который связан для нее с неприятными воспоминаниями, но она молчит потому, что не хочет докучать своему мужу.

Доктор Теодоро весьма удивился этому предложению и особенно поведению жены. Разве не сама дона Флор объявила о своем желании остаться в доме с низкой арендной платой, расположенном в двух шагах от аптеки? Разве не она говорила о том, что нет смысла менять адрес кулинарной школы, который всем известен? Да и зачем им большой дом? Зачем лишние заботы и расходы, если и тут они могут быть счастливы? Вот каковы были доводы доны Флор, пока она оставалась скромной и рассудительной невестой.

Почему вдруг такая перемена? Зачем тратить лишние силы и деньги? Зачем лезть из кожи вон? Только чтобы пускать пыль в глаза?

Дона Розилда что-то путанно толковала о престиже, о том, что надо занять положение в обществе. Для доктора Теодоро, всегда считавшегося с чужим мнением, этот аргумент был немаловажным. Что же касается доны Флор, то она не обращала внимания на подобные вещи и, еще когда они спорили о школе, сказала, что о человеке судят не по деньгам, а по делам.

— Так почему же она противоречит себе, жалуется, выражает недовольство? Доктор Теодоро внимательно выслушал тещу, но не стал обсуждать с ней этот вопрос.

— Я не знал, дорогая теща, о том, что моя супруга желает переехать, поэтому не хочу без нее говорить об этом. Могу вас заверить, однако, я сделаю все, чтобы Флор была довольна.

— Оставив дону Розилду в хорошем настроении, он ушел в аптеку. Доктор Теодоро был удивлен и огорчен. Почему Флор не поговорила с ним сама, честно и откровенно? Зачем ей понадобилось посылать к нему посредника в лице доны Розилды? Доктор Теодоро не хотел, чтобы между ним и женой существовали какие-то недомолвки. Он готов был давать ей денег, удовлетворять все ее желания, даже неразумные. Но считал, что отношения между супругами должны быть искренними. К чему посредники? Колдуя над лекарствами, доктор Теодоро недоумевал: почему дона Флор не доверяет ему? У мужа и жены не должно быть секретов друг от друга. Субнитрат висмута, аспирин, уротропин, мускатный орех — все в точных дозах, ни крупинкой больше, ни крупинкой меньше, вот что такое брак. Он решил все выяснить, и как можно скорей.

Вечером в спальне, оставшись наедине с женой, он сказал, пока она переодевалась в ночную рубашку, лежавшую в изголовье железной кровати:

— Я хотел попросить тебя об одной вещи... дорогая. — Дона Флор накрылась простыней и ждала, когда ее перед сном поцелует муж.

— О чем, Теодоро?

— Чтобы ты, когда тебе надо о чем-нибудь поговорить со мной, делала это сама, а не посылала ко мне посредников... — Голос доктора звучал печально.

Удивленная дона Флор оперлась на локоть и, повернувшись к мужу, натягивавшему пижамные брюки, спросила:

— Не понимаю, о чем ты?

— По-моему, муж и жена должны быть откровенны друг с другом, к чему им всякие хитрости и уловки...

— Объясни, пожалуйста, дорогой, в чем дело, я ничего не понимаю...

В полосатой пижаме доктор сел на кровать.

— Если ты хочешь переехать, почему ты сама не общила мне об этом?

— Я хочу переехать? Да кто тебе это сказал?

— Твоя мать, донна Розилда. Она передала мне, что тебе здесь не нравится...

Дона Флор смотрела на огорченного мужа, и ей хотелось смеяться: «Такой большой и такой глупый».

— И ты решил, что я ее подослала? Просто ты еще не знаешь, Теодоро, зато я прекрасно знаю, чего она хочет... Это не мне, а ей нужен другой дом, нужна комната, в которой она могла бы поселиться. Но упаси тебя бог пойти на это.

— Но, дорогая, если твоей матери негде жить, мы, пожалуй, могли бы...

Дона Флор едва не прыснула и, посмотрев мужу в глаза, сказала:

— Ты говорил, Теодоро, что мы должны быть откровенны друг с другом. Так скажи мне, ты бы хотел, чтобы мама жила с нами?

Доктор Теодоро не любил лгать, но не любил и обижать людей, тем более что речь шла о матери жены.

— Если она того хочет и ты согласна...

— Так знай, дорогой мой, я вовсе не согласна. Она моя мать, и я люблю ее, но жить с нею под одной крышей я не желаю. С ней не уживается ни один человек, Теодоро, ты еще не знаешь ее.— Она взяла руку мужа.— Здесь будем жить только мы с тобой. И переедем отсюда только в собственный дом. Впрочем, будет гораздо лучше, если нам удастся купить этот...

Фармацевт облегченно вздохнул. Ради донны Флор он готов был на любые жертвы, даже терпеть дону Розилду с ее сплетнями. Но к счастью, все прояснилось. Дона Флор, как всегда, проявила себя бережливой и рассудительной хозяйкой. Зато насчет донны Розилды мнение Теодоро изменилось: святая старушка показала свое истинное лицо. Неспроста, видимо, Мораис не хочет возвращаться в Баию, пока теща жива.

Однако доктор Теодоро, человек воспитанный и вежливый, сказал со свойственной ему мягкостью:

— Это у нее возрастное... Бедняжка...

Дона Флор нежно погладила руку мужа, в который уже раз удивляясь его доброте.

— Возраст тут ни при чем, любимый... Она всю жизнь такая... Хоть и нельзя говорить о матери дурно, но другой я ее не помню. Даже отец, уж на что святой был человек, и тот с трудом ее выносил. Если она поселится с нами, Теодоро, мы с тобой очень скоро рассоримся,

— Мы с тобой?! Никогда, дорогая, и ни за что...— Доктор Теодоро посмотрел на жену с нежностью.— Мы никогда не поссоримся с тобой... И никогда не станем ничего скрывать друг от друга.— Он поцеловал ее в губы.

— Никогда,— шепотом повторила дона Флор.

Доктор Теодоро улыбнулся и встал, чтобы потушить свет. Под пижамой угадывалась его кренкая фигура, широкая мускулистая спина. Закусив губу, дона Флор постаралась отогнать грешные мысли, ибо был понедельник, а педантичный доктор никогда не нарушал раз заведенного порядка. Но он был такой деликатный и внимательный и так любил ее, что согласился бы даже терпеть в своем доме дону Розилду... А за подобное великодушие можно было простить его педантичность, его пристрастие к порядку.

«И все же, Теодоро, ты не знаешь и не узнаешь никогда, что таится в глубине моего сердца».

4

Перед доной Флор открылся неведомый мир, о существовании которого она прежде не подозревала. Вступив туда под руку с мужем, она стала «изящным украшением» этого мира, как о ней справедливо писал в своем отчете о празднике у Тавейры Пиреса Силвиньо Ламенья, опытный комментатор и заведующий отделом светской хроники в «А тарде».

Никогда прежде дона Флор не слыхала о существовании мира аптекарей, недоступного и таинственного, с его особой жизнью, особым языком, особой атмосферой, пропитанной нитратами и каломелями. Вершиной этого мира было Баиянское общество фармакологов, занимавшее целый этаж в здании, где разместилось другое общество, еще более значительное: общество врачей, этой богатой и могущественной касты, наживающейся на труде других. Что бы делали врачи, спрашивали лидеры фармакологии, без нас, фармацевтов? Откуда же у них это высокомерие? Не менее спесиво держались владельцы лабораторий; почтительно заискивающие перед важными покупателями, они относились с пренебрежением к маленьким людям и своим должникам. Самыми приятными из всей этой компании, пожалуй, были коммивояжеры, путешествующие с чемоданами, полными ле-

карств, и всегда готовые рассказать последний анекдот. Эта ученая и деловая публика со своими титулами и деньгами откровенно презирала мелких служащих и продавцов, получавших мизерное жалование.

Когда-то, заходя в аптеку купить тюбик зубной пасты или кусок мыла, дона Флор не обращала никакого внимания на этот мир, пропахший лекарствами и живший своими законами.

А в этом мире трудился теперешний ее муж, чтобы своим докторским званием, своим большим опытом, приобретенным в лабораториях и за прилавком своей работоспособностью и честностью обеспечить себе прочное финансовое положение и хорошую репутацию. И то и другое было необходимо, чтобы он мог распахнуть перед доной Флор врата, ведущие в мир йода и сульфатов, а также посещать вместе с ней научные и увеселительные мероприятия Баиянского общества фармакологов: собрания, где зачитывались и обсуждались диссертации и рефераты, завтраки по случаю вступления нового руководителя на пост, либо Дня фармацевта, когда между членами общества и их семьями происходило бурное «классовое братание», по выражению доктора Феррейры, и, наконец, рождественские балы.

Дона Флор регулярно являлась на доклады и банкеты, хотя и без особого рвения. Она познакомилась с женами коллег своего мужа, кое-кому нанесла визит, кое-кого приняла у себя.

В том числе дону Себастьяну, супругу и надежную опору доктора Сильвио Феррейры, генерального секретаря общества и его главного вдохновителя. Жизнерадостную Риту, громко говорившую и заразительно смеявшуюся, супругу доктора Танкредо Виньяса, владельца аптеки «Санта-Рита». Худосочные муж и жена как нельзя лучше подходили друг другу: он беспрерывно курил, она кашляла, как чахоточная. И дону Неузу, белокурую, с живыми глазами жену Р. Маседо и К°. Компанию доктору Маседо составляли продавцы, ибо дону Неузу привлекали новички. Она их коллекционировала, давая своим возлюбленным названия самых модных лекарств: «Эликсир «Ямс» — толстому мулату, «Бромил» — хрупкому и невинному юноше, украсившему эту редкую коллекцию; «Эмульсия «Скотт» — красивому крестьянину-испанцу, румяному, как яблоко; «Дамский эликсир» — маленькому Фреазе, который помог ей поправиться после воспаления печени; «Мыло «Кабокло» — исси-

ня-черному негру, и, наконец, «Чудом медицины» она назвала галантного семинариста, приехавшего в Баию на каникулы. С ним ненасытная прелестница Неуза изменила всем аптечным продавцам, бросив вызов людям и богу.

Дона Паула, супруга доктора Анжело Косты, записалась в школу «Вкус и искусство» и обнаружила к кулинарии достаточное призвание. Доне же Боренисе пришлось отказаться от этой затеи, ибо она так и не научилась отличать филейную часть от костреца.

С одной Гертрудой Беккер, супругой доктора Фридриха Беккера, владельца нескольких аптек, который поддерживал торговые отношения с крупными иностранными фирмами и более или менее постоянно избирался президентом общества, дона Флор не завязала знакомства. Дона Гертруда не снисходила до беспокойных и жадных мелких торгашей, связанных с ее мужем только делами, и лишь раз в год являлась на рождественский бал. Сам же доктор Фридрих никогда не бывал на завтраках с лимопадом и вином из Рио-Гранде, зато не пропускал ни одного собрания в обществе, неизменно председательствовал на них и по любому вопросу высказывался последним.

Это был низенький немец с нежно-голубыми глазами, говорил он с сильным акцентом. О том, как он нажил богатство и получил звание фармацевта в немецком учебном заведении, уже владея тремя аптеками, ходили разные слухи. Доктор Фридрих обожал детей и, где бы их ни встретил, одаривал конфетами, которыми всегда были набиты его карманы.

Через два месяца после свадьбы дона Флор впервые поднялась по лестнице, ведущей в Баиянское общество фармакологов, расположенное на третьем этаже здания на площади Жезус, построенного в колониальном стиле. Второй этаж занимал спиритический центр общества Веры, Надежды и Милосердия, старого соперника фармацевтов, ратовавшего за лечение с помощью черной и белой магии, но без лекарств и инъекций.

В тот незабываемый вечер дона Флор стала свидетельницей острых дебатов, развернувшихся вокруг доклада казначая общества доктора Джалмы Нороньи «О все возрастающем потреблении лекарств, изготовляемых на промышленных предприятиях, сокращении потребления лекарств, приготовленных по рецептам, и вытекающих из этого неприятных последствиях».

Однако единства в рядах фармацевтов не оказалось. Одни были сторонниками фабричных лекарств, другие отдавали предпочтение лекарствам, приготовленным в провизорских по рецептам с подписью врача и фармацевта.

Доктор Теodoro был одним из самых ярких приверженцев второй группы. «Кому будут нужны фармацевты, если все лекарства начнут изготавливать на фабриках? А мы станем приказчиками в собственных аптеках». Этот вопрос он целую неделю готовился задать собранию.

От противоположного лагеря, отстаивавшего фабричный способ изготовления лекарств (и даже национализацию соответствующих предприятий), выступил доктор Синвал Лима, прославившийся своими открытиями в фармакологии. Кроме него, доня Флор получила возможность услышать великолепную речь знаменитого Эмилио Диниса. Хоть и он был из лагеря противников, беспристрастный доктор Теodoro отдал должное ораторскому таланту профессора.

— Настоящий Демосфен!

Но выдающиеся умы были и в группе нашего дорогого Мадурейры. Достаточно назвать доктора Антиженеса Диаса, бывшего декана факультета, автора ряда книг, восьмидесятилетнего старца, который еще находил силы утверждать:

— Лекарство, приготовленное машиной, в мою аптеку не поступит...

Прошло уже больше двадцати лет, как он оставил свою аптеку, а его сыновья закупали и продавали фабричные лекарства как представители крупных предприятий Сан-Пауло. «Старик просто выжил из ума», — твердили они.

Возможно, в словах неблагодарных сыновей и заключалась доля истины, ибо вид у старика был безумный и он то и дело беспричинно смеялся. Самыми же просвещенными и авторитетными членами этой группы были доктор Арлиндо Пессоа и Мело Нобре. Да и доктор Теodoro, о котором было бы несправедливо умолчать только потому, что он герой этой скромной хроники, мог компетентно судить о поднятом вопросе, о чем он сам и заявил доне Флор, подчеркнув еще раз важность данного собрания и добавив, что она должна считать себя счастливой, присутствуя при этих исторических дебатах.

Исторических и объективных, поскольку ни он, ни другой горячий защитник приготовления лекарств по рецептам не отказывались продавать в своих аптеках

фабричные лекарства. Разве могли они бороться с конкуренцией этих проклятых модных лекарств? Таким образом, позиция доктора Теодоро была чисто теоретической, не имеющей ничего общего с практическими требованиями торговли, ибо не всегда теория соответствует практике, в жизни часто возникают противоречия, вызванные соображениями выгоды.

Дона Флор не собиралась углублять это противоречие между теорией и практикой и согласилась с мужем, утверждавшим, что «тем более похвальна позиция тех, кто защищает изготовление лекарств по рецептам». Спор этот ее вообще мало заботил, поскольку она почти не употребляла лекарств: у донья Флор было отличное здоровье, и она не помнила себя больной (если не считать бессонницы во время вдовства).

Это был действительно памятный вечер, как и обещал доктор Теодоро и как коротко сообщили газеты. Прочитав о своем выступлении и выступлении коллег в сжатой бесцветной заметке: «в дискуссии в числе прочих приняли участие доктора Карвальо, Коста Лима, Э. Динис, Мадурейра, Пессоа, Нобре и Тригейрос», — он почувствовал некоторое разочарование. Несколько выделена была лишь речь доктора Фридриха Беккера — автор заметки похвалил его за «ясность изложения, обширные знания и логику». «Почему журналисты с таким пренебрежением относятся к самым насущным проблемам и именно для них жалеют место? — возмущался доктор Теодоро. — И в то же время целые страницы посвящают самым отвратительным преступлениям, скандальным историям кинозвезд и их бесконечным разводам, только развращающим нашу молодежь?»

Подробный отчет о собрании и обширные комментарии к дебатам поместил журнал «Бразильская фармакология» (год издания XII, номер IX, страницы 179—181), выходящий в Сан-Пауло. Финансируемый крупными предприятиями, журнал не скрывал, что защищает их интересы, и все же отдал должное «блестящему выступлению доктора Мадурейры, нашего непреклонного противника, которому мы приносим самые искренние поздравления».

Дона Флор изо всех сил старалась следить за ходом дебатов, но, откровенно говоря, ничего не могла понять. Чтобы не огорчать супруга, она внимательно слушала ораторов, однако их тезисы и формулировки были для нее не доступны.

Ее постоянно отвлекали самые неожиданные вещи: то она вдруг вспоминала забавную болтовню Марии Антонии и улыбалась во время серьезного выступления доктора Синвала Косты Лимы, то начинала думать о Марилде, которая все настойчивее и нетерпеливее рвалась петь по радио, поддавшись, как полагал доктор Теодоро, пагубному влиянию кинозвезд. Девушка совсем отбилась от рук, во всем перечила матери и завела знакомство с каким-то Освальдиño Мендонсой, работавшим на радио. Несмотря на то что мать следила за каждым ее шагом и запрещала без разрешения выходить из дому.

Когда дона Флор опомнилась, у микрофона стоял доктор Теодоро. Она попыталась понять аргументы, которыми он приводил в замешательство противников. Весь облик мужа, его серьезное лицо, сдержанная жестикация говорили о том, что он человек достойный, честно выполняющий свой долг, долг фармацевта, пусть даже вопреки собственным интересам.

Доктор Теодоро всегда честно выполнял свой долг. Накануне вечером с обычным чувством ответственности он выполнил его по отношению к жене. После разговора с Марилдой, которая устроила истерику и грозилась покончить с собой, если ей не разрешат петь на радио, дона Флор разнервничалась и осторожно дала понять мужу, что только он один может ее успокоить. К тому же была среда. Однако доктор Теодоро пошел ей навстречу лишь после недолгого колебания.

Только сейчас дона Флор поняла причину нерешительности супруга: он хотел быть в форме, поскольку на завтра ему предстояло сражение, а доктор Теодоро привык разумно распределять свои силы и свое время.

И все же он не выглядел утомленным и энергично провозглашал с трибуны не то по-латыни, не то по-французски формулы, звучавшие в ее ушах варварской тарбарщиной.

Слушая его торжественные речи на греческом и латыни среди почтительного молчания коллег, дона Флор не могла не гордиться мужем. Дона Розилда и соседки правы — он не похож на других, и она должна благодарить бога за то, что он послал ей такого мужа. Он появился как раз во время, когда она уже была готова уступить этому нахалу Принцу. Какое счастье, что до этого не дошло!

Если бы фармацевт не вышел к прилавку своей аптеки в день студенческого праздника, кто знает, что бы

с ней сейчас было. Вряд ли сидела бы она в этом зале, среди этих достойных людей, обсуждающих научные проблемы. Дона Флор содрогнулась при одной этой мысли, и ее аплодисменты доктору Теодоро выразили признательность не только за его речь. Этот всеми уважаемый человек спас ее от неминуемой гибели. Она не может не гордиться им.

Заняв свое место в президиуме, доктор Теодоро искал глазами жену, и ее ослепительная улыбка была лучшей наградой за его блестящее выступление. Дискуссия продолжалась: теперь ораторствовал доктор Нобре, речь которого, без сомнения насыщенная ценными мыслями, очень проигрывала от монотонного и невыразительного голоса.

Дона Флор изо всех сил боролась со сном, но веки ее слипались. Единственная надежда была на доктора Диниса, выдающегося оратора и автора солидного трактата «*Galenica Digitalis — communia & stabilisata*». Но ни он, ни последующие ораторы не смогли нарушить дремоты доны Флор, да и не только ее. Внушительный бюст доны Себастьяны мерно вздымался, она даже посапывала. Дона Рита время от времени начинала клевать носом, но тут же просыпалась в испуге. Дона Паула сначала героически сопротивлялась сну, но потом сдалась, положив голову на плечо мужа. Только дона Неуза выглядела свежей (если не считать темных кругов под глазами), словно не было ни духоты, ни скучных формул, — она наблюдала за юнцом, который наполнял стакан на трибуне. Мысленно она уже называла его «914», имея в виду знаменитое средство для лечения дурных болезней.

Дона Флор дремлет, ей кажется, будто голос мужа доносится откуда-то издалека. Она с трудом просыпается и снова видит доктора Теодоро на трибуне. «Я ничего не смыслю в этом, дорогой, прости меня, но я ничего не могу с собой поделать, я ведь самая обыкновенная женщина, глупая и невежественная, и все эти умные вещи не по мне».

Ее разбудили аплодисменты, дона Флор тоже захлопала, улыбнулась мужу и послала ему воздушный поцелуй. Заседание окончилось. Отмучившиеся наконец женщины подошли друг к другу, чтобы проститься.

— Доктор Теодоро был просто великолепен.. — заявила дона Себастьяна. Как она узнала об этом, если все время спала?

— У доктора Эмилио блестящий ум! — восклицала

дона Паула, повторяя то, что слышала на предыдущих собраниях.— А доктор Теодоро эрудит, каких мало!

Спускаясь по лестнице под руку с мужем, дона Флор сказала:

— Все тебя хвалят, Теодоро. Отовсюду только и слышишь восторженные отзывы. Всем очень понравилось твоё выступление.

Доктор Теодоро скромно улыбнулся.

— Коллеги слишком добры ко мне... Впрочем, может быть, я и сказал что-нибудь полезное... Как ты думаешь?

Дона Флор сжала честную руку своего ученого мужа.

— Ты был великолепен! Правда, я не все поняла, но все равно мне понравилось. Мне очень приятно, когда тебя хвалят...

Она чуть не сказала: «Я недостойна тебя, Теодоро»,— но фармацевт, знавший греческий и латынь, скорее всего не понял бы ее.

5

Если мир фармакологии был для доны Флор неожиданным открытием, то загадочный и чарующий мир музыкантов-любителей, куда ей удалось проникнуть с помощью мужчины фюгота, ее потряс.

Собрания этого изысканного общества почтенных господ с положением и университетскими дипломами, богатых торговцев и промышленников (исключение составлял приказчик Урбано, игравший на скрипке) напоминали тайные радения сектантов. «Этот возвышенный мир музыки и неземных звуков имеет своих богов и кумиров, своих верующих и своего пророка — вдохновенного композитора и дирижера Аженора Гомеса»,— писал Флавио Коста, пробовавший свое перо на страницах «О ложиста модерно», которая принадлежала Насифе, безвозмездно обучающему молодежь журналистскому ремеслу. Репортаж о музыкантах-любителях занял всю последнюю страницу газеты; в центре был помещен снимок оркестра в полном составе в саду особняка Адриано Пиреса, которому на другой день после выхода номера нанес визит сам Насифе. Он явился потолковать с хозяином о бесчисленных трудностях, неизбежно подстерегающих серьезные издания вроде его газеты. Вряд ли они могли бы существовать, если бы не поддержка людей со щедрым

сердцем и толстым бумажником, понимающих затруднения прессы.

Редактор показал номер с репортажем, сообщив, что автор его умный и талантливый юноша, но платить ему приходится дорого, и миллионер раскошелился, когда увидел себя с виолончелью среди музыкантов любительского оркестра.

Из мира фармакологии, жаропонижающих лекарств, ступок, шпателей для приготовления пилюль, фарфоровых банок с кислотами, ядами, ртутью и йодом доня Флор попала в мир трелей пиццикато, паван и гавотов, волшебных звуков виолончелей, гобоев, скрипок, кларнетов, флейт, тромбонов, ударных инструментов и рояля. Из общества донья Себастьяны, донья Паулы, донья Риты и ненасытной пожирательницы сердец Неузы она попала в общество элегантных светских дам. Банкир Селестино, вынужденный слушать эти концерты — а ведь многие представляют себе жизнь банкиров сплошным раем, — прежде и не подозревал, как они скучны и утомительны.

— Играют они плохо, но каждый из этих маньяков стоит миллионы, — обычно говорил он.

По субботним вечерам почтенные господа превращались в беззаботных детей, забывая обо всех делах и даже о своем постоянном желании заработать побыстрее и побольше. Забывали они и о социальных различиях: богатый торговец не гнушался инженера, получающего скудное жалованье, знаменитый хирург — скромного фармацевта, владелец восьми магазинов — приказчика из мелочной лавчонки.

Элегантные дамы принимали у себя жен музыкантов, нисколько не интересуясь их состоянием и происхождением, и были одинаково радушны ко всем, в том числе и к Марикоте, которая упорно твердила, что никакая она не донья, а просто сия¹ Марикота, вот и все!

Впрочем, сия Марикота очень редко ходила в гости, поскольку у нее не было туалетов и она не умела поддерживать светскую беседу с этой «паршивой знатью», как она говорила своим соседкам по улице Лапинья.

— Чего я там не видела? Вечно они толкуют о каких-то балах, приемах, завтраках и обедах... Я же как вспомню здешних ребятишек, которые никогда досыта не наедались, так меня от их обжорства тошнить начинает... А если они не говорят о еде, то рассказывают, кто с кем

¹ С и а — сокращение от «сеньора».

нутается. Можно подумать, что эти великосветские дамы только и знают, что обжираться да валяться в постели...

Возмущенная доня Марикота, вернее сиа Марикота, не скупилась на выражения:

— А сами разодеты в шелка... Пусть катятся подальше со своими гнусостями, как-нибудь обойдусь без них... Урбано ходит туда потому, что не может жить без репетиций... Будь моя воля, я бы запретила ему ходить к этим богачам, пусть бы играл здесь в баре сеу Биэ, с Манэ Сапо или сеу Бебе-э-Коспе.— И она в отчаянии разводила руками.— Но что я могу поделаться?! Жаль беднягу...

Она так часто называла его беднягой, что за сеу Урбано укрепилось это прозвище. Манэ Сапо отлично играл на свирели, а сеу Бебе-э-Коспе — на старой гармои: оба они по воскресным дням исполняли песенки и пили кашасу в баре сеу Биэ, где встречались сливки общества, живущие в окрестных переулках. Сеу Урбано тоже играл там, срывая аплодисменты, хотя местная публика отдавала предпочтение свирели и гармои. Сиа Марикота, ничего не смыслившая в музыке, ворчала всякий раз, когда ей приходилось гладить перед репетицией единственный синий костюм мужа, уже довольно старый.

— Если они не могут без него обойтись, хотя бы оплачивали гладильщицу... Бедняку от этого оркестра одни убытки и никакого прока...

Марикота не понимала, что музыка приносит ее мужу покой, позволяет забыть об остром языке жены, ее бородавках и запахе чеснока, неотделимом от Марикоты; на репетициях, разучивая ту или иную вещь, Бедняга Урбано отдыхал, впрочем, как и остальные оркестранты, именитые и богатые. Пускай одни важничали, другие держались просто, однако каждый узнавал на репетициях подлинную радость и вдохновение, перед которым отступала жалкая обыденность.

Доктор Венсеслау Вейга, известный хирург, улыбался после первых аккордов и первого бокала пива. Вся усталость, накопившаяся за неделю, проведенную в операционном зале, где он боролся за жизнь больных, иногда и тщетно, исчезала, едва раздавались мелодичные звуки скрипки.

Доктор Пиньо Педрейра, холостяк и мизантроп, забывал об одиночестве под звуки флейты, воскрешая в памяти свою первую любовь и золотистые коварные глаза,

Адриано Пирес, миллионер, банкир, директор многих фирм и предприятий, комендатор святейшего папы, скромно стоял у могучей виолончели, вознаграждая себя за несудавшиеся честолюбивые замыслы, жестокие удары судьбы, отчаянную борьбу с заказчиками, конкурентами, служащими, забыв о жажде обогащения, страхах перед ворами, о жене — надоевшей до тошноты доне Имакуладе Тавейрос Пирес. Он добродушно улыбнулся нищему приказчику, недостижимый для сиятельной доны Имакулады, а тот улыбался ему, недостижимый для сии Марикоты.

Дона Имакулада редко посещала репетиции, разумеется, по совсем иным причинам, нежели дона Марикота. Просто у нее не хватало на это времени, ибо жизнь ее была расписана по часам: на этой даме лежало множество светских обязанностей. К тому же она не выносила этих репетиций, когда одно и то же место, одна и та же вещь повторяется до бесконечности.

А сеу Адриано, если не видел перед собой угреватой физиономии жены, покрытой толстым слоем крема, ее увешанного драгоценностями дряблого бюста, ее паршивого лорнета, совершенно забывал о существовании доны Имакулады. Как, впрочем, и о своих дочерях, занятых только нарядами и балами, и зятях, ничемных бездельниках, которые проматывали его деньги, заработанные потом и кровью. На репетициях банкир отдыхал от своих миллионов, финансовых махинаций, пустоты и эгоизма окружавших его людей. У виолончели он забывал обо всем. Здесь сеу Урбано и он были равны, как, по существу, были равны благородная дона Имакулада и нищая сиа Марикота...

Оркестранты неизменно собирались по субботам, чтобы насладиться музыкой и пивом, забыть о делах и неприятностях. Хозяйка дома в середине вечера предлагала гостям обильный ужин; кроме музыкантов, обязательно приходили кое-кто из жен, друзей и поклонников. Сеу Зе Сампайо, вернувшийся однажды с такой субботней репетиции, на которой побывал, вняв настойчивым просьбам фармацевта, заявил, что там каждый может найти себе занятие по вкусу. Первое время дона Флор держалась в этом обществе несколько чопорно, однако радушие и гостеприимство покорили ее, и она заблестала там своей красотой. Утонченная, интеллектуальная музыка — впрочем, с последним, как выяснится потом, дона Гиза не согласилась, — пробуждающая самые высокие чув-

ства, стирала все материальные и социальные различия, объединяя оркестрантов в братство «Сыновья Орфея». Здесь все называли друг друга по имени, а дамы просили у доны Флор кулинарных советов. Правда, иной раз она чувствовала себя лишней, если разговор заходил на светские темы, далекие ей, поскольку она не любила бриджа и не была членом ни одного клуба. В такие минуты дона Флор искала глазами мужа, игравшего на фуготе, и улыбалась ему: непонятная ей беседа нисколько ее не тяготила.

Когда доктор Теодоро сообщил ей, что ближайшая репетиция состоится в их доме, дона Флор засуетилась: она не хотела ударить лицом в грязь и готова была истратить все имевшиеся деньги на угощение и выпивку. Муж с трудом удерживал дону Флор, желавшую доказать этим богачам, что и бедняки умеют принять гостей.

Доктор Теодоро пытался сократить масштабы пиршества, оставив в меню только сласти, закуски и пиво. Если уж дона Флор хочет доставить удовольствие маэстро, пусть приготовит мунгунсу, которую так любит сеу Аженор.

— Он это заслужил... У него для тебя сюрприз, о котором ты и не догадываешься.

Но невзирая на протесты мужа, дона Флор подала роскошный ужин и назвала полный дом гостей. На столе стояли самые лакомые блюда: акаражé и абарá, мокека из креветок в банановых листьях, косада, акаса́, земляные орехи в сахаре, фрикадельки из трески и прочие деликатесы. Уже не говоря о целом котле мунгунсы из белой кукурузы, этой пище богов! Из бара Мендеса принесли ящики с пивом, лимонадом, клубничной водой и гуаранóй¹.

Репетиция прошла очень удачно, и, хотя из жен музыкантов явились всего две — дона Елена и дона Жилда, — в комнатах было полно народу: взволнованные ученицы, соседки и кумушки (дона Динора потом чуть не умерла от несварения желудка).

Оркестр разместился в комнате для занятий, там же уселись самые почетные гости: дон Клементе, дона Гиза, дона Норма, чета аргентинцев (дона Нанси надела элегантное вечернее платье), а также доктор Ивес, по своему обыкновению старающийся показать, что он во всем

¹ Гу а р а н á — самый популярный в Бразилии прохладительный напиток, приготовляемый из ягод кустарника гуарана,

разбирается, и изрекающий прописные истины об опере и Карузо.

Взяв в руки дирижерскую палочку, маэстро Аженор Гомес сказал, что у него есть небольшой сюрприз для хозяйки дома.

В этот вечер, продолжал маэстро, впервые прозвучит его сочинение, новый романс, написанный специально в честь доны Флорипедес Пайвы Мадурейры, очаровательной супруги нашего коллеги, доктора Теодоро Мадурейры. Воцарилась тишина, смолкли смех и разговоры.

Маэстро улыбнулся — любительский оркестр давно для него стал второй семьей, знаменательные даты в жизни музыкантов он привык отмечать новыми сочинениями. Всякий раз при известии о печальном или радостном событии он чувствовал прилив вдохновения.

— «Колыбельная Флорипедес», — объявил маэстро, — соло на фаготе — доктор Теодоро Мадурейра, наш блестящий виртуоз.

Но репетиция есть репетиция, а не концерт, поэтому нелегко было уловить мелодию романса, его мягкую красоту, подобную красоте той, кому он был посвящен.

И все же дона Флор была растрогана подарком маэстро и старанием мужа. Глядя в лежавшие перед ним ноты, доктор Теодоро, весь напрягшись, вел мелодию, словно пел о своей радости, радости преуспевающего, счастливого и зажиточного владельца аптеки, у которого свой мир, своя музыка и, наконец, красивая и добродетельная жена. Поистине это был аккорд, в котором гармонично сливались переполнявшие его чувства. Смущенная и взволнованная дона Флор, потупив голову, слушала гимн в свою честь.

К счастью, наступило время перерыва, маэстро с удовольствием поел мунгунсы и даже попросил добавки; остальные тоже отдали должное вкусным блюдам, запивая их пивом, газированной водой и гуаранбой. Репетиция прошла очень удачно.

6

Рондо

Тихо и плавно вращалась дона Флор в этих двух мирах: мире фармакологии и мире любительской музыки. Она снова стала одеваться очень элегантно, не желая

быть хуже других в том избранном обществе, куда ее привело новое замужество.

Девушкой, когда донна Флор бывала в богатых домах, ее наряды неизменно отличались большим вкусом, и даже самые изящные женщины не могли с ней в этом соперничать.

Но тогда она вела другой образ жизни, у нее был другой круг друзей, другие заботы, другие обязанности. Теперь же она ходила к знакомым дамам на чашку чаю, наносила визиты, посещала репетиции оркестра и собрания Общества фармакологов. И когда донна Флор отправлялась по своим светским делам, изысканно одетая, грациозно покачивая бедрами, соседки только ахали. Она немножко располнела и в свои тридцать лет выглядела очень аппетитно.

— Хороша!..— шептал сеу Вивалдо, владелец похоронного бюро.— Налилась, округлилась... лакомый кусочек... Этот доктор ужинает по-королевски...

— Он и обращается с ней, как с королевой, ни в чем не отказывает,— подхватывала донна Динора, которая первая увидела доктора Теодоро в хрустальном шаре и потому считала своим долгом во всем его защищать.— Посмотрите, как он сложен!

Тут в разговор вмешивалась недавно поселившаяся по соседству донна Магнолия, та, что все время сидела у окна и глазела на мужчин.

— Он настоящий мужчина... Мне достаточно взглянуть, я сразу это вижу — сказывается богатая практика.

— Они очень подходят друг другу. Оба такие красивые и добрые,— подавала голос донна Амелия.— Встречали вы более удачный брак? Они просто созданы один для другого, а ведь столько времени прошло, пока они встретились...

— И как она настрадалась от первого мужа, этого чудовища, за которого так необдуманно вышла...

— Зато теперь по достоинству оценит доктора Теодоро... Может сделать сравнение...

Донна Флор никого не хотела сравнивать, она хотела жить так, как ей теперь жилось: достойно, тихо, без грубостей и скандалов. Почему ее не оставят в покое? Раньше ее жалели, теперь завидовали ее удачному замужеству, ее счастью.

Соседи внимательно следили за каждым шагом донны Флор: обсуждались ее наряды, ее знакомства в высшем обществе, новый образ ее жизни, ее визиты, прогулки и

даже предстоящие выборы в правление Общества фармакологов. Но особенно много разговоров вызвал любительский оркестр. Эта животрепещущая тема встала на повестку дня после репетиции, которая состоялась в доме доны Флор.

Дискуссии начались с ученого спора, происшедшего между доктором Ивесом — поклонником озеры, и доной Гизой — любительницей классической музыки. Не осталась в стороне и дона Розилда, приехавшая к дочери в гости. Однако волнующая история, случившаяся с молодой Марилдой, придала теоретической дискуссии чрезвычайно острый характер, обнаружив различие между поколениями отцов и детей, между старым и новым (как выразились бы современные философы).

Дона Гиза категорически возражала доктору Ивесу, относившему к классической музыке (при полной поддержке доны Розилды) вальсы, военные марши и романсы. Для доны Гизы классической была лишь бессмертная музыка Генделя, Бетховена, Баха, Брамса, Шопена и еще нескольких выдающихся композиторов, чьи творения следовало слушать в торжественной тишине, в исполнении больших оркестров, под управлением дирижеров, прославившихся на весь мир. Не каждому дано понимать эти божественные звуки. В своем пуризме и крайней нетерпимости все остальное она считала мерзостью «для тех, у кого нет достаточного музыкального образования».

Впрочем, надо сказать, что это резкое слово дона Гиза никак не относила к народной музыке, считая ее выражением пылких и чистых чувств. Она ценила самбы, модиньи, лирические песенки и румбы, и частенько можно было услышать, как она, коверкая язык, с ужасным акцентом напевает модную самбу. Зато не переносила претенциозной музыки, невыразительной и пустой, созданной на потребу мещанам, глухим к красоте вдохновенных созданий великих композиторов. Что касается доны Гизы, то она не могла равнодушно слушать их произведения в хорошей записи, сидя в полумраке в гостининой немецких друзей; в такие вечера она неизменно получала глубокое эстетическое наслаждение (а также обильную выпивку и порцию новых анекдотов).

Доктора Ивеса возмущал самонадеянный тон американки. Значит, дорогая ученая дама, «Риголетто», «Севильский цирюльник», «Паяцы», «Гуарани» бессмертного Карлоса Гомеса, который прославил Бразилию за рубе-

жом и заслужил повсюду бурные аплодисменты, не искусство? Если чудесные арии в исполнении баритонов, басов и сопрано не классическая музыка, то что же это тогда? И он принялся доказывать доне Гизе полную несостоятельность ее суждений, считая себя знатоком музыки (как, впрочем, и всего остального). Повысив голос, он с пафосом вопрошал: «Что может сравниться с хорошей опереттой вроде «Веселой вдовы», «Принцессы долларов» и «Графа Люксембурга?»»

Свое музыкальное образование доктор получил в студенческие годы, когда поехал с товарищами в Рио и ходил там по контрамаркам на галерку муниципального театра. Ему посчастливилось услышать несколько опер в исполнении неаполитанской оперной труппы. Молодой Ивес был ослеплен яркостью спектаклей, потрясен музыкой и голосами певцов. Да-да, дона Гиза, я слушал их не в записях, а со сцены: и гениального Тито Скиппу, и Галли Курчи, и Хесуса Гавириа, и Безанцони в «Травиате», «Тоске», «Мадам Батерфляй» и «Рабе» (как, впрочем, и нашего Карлоса Гомеса), я не пропустил ни одного фильма с участием Яна Кепуры, Марты Эгерт, Нельсона Эдди и Джанет Мак-Дональд. А вы, дона Гиза, видели их?

Войдя в раж, доктор Ивес напевал отрывки из наиболее популярных арий и даже исполнял балетные номера. С ним бесполезно было спорить, он был упрям и почитал себя крупнейшим знатоком оперы...

— Разве можно это назвать музыкой? — Непоколебимая в своих убеждениях дона Гиза воздела руки к небесам. — Музыка — это совсем другое, сеу доктор... Я имею в виду настоящую, серьезную музыку, искусство...

Дона Норма, к которой обратились как к арбитру, заняла нейтральную позицию.

— Я не могу об этом судить... Меня воспитали на самбах, маршах и карнавальная музыка, в ней я хорошо разбираюсь... Оперу я слышала только однажды, когда к нам приезжала труппа Биллоро-Кавалларо, но это было печальное зрелище, даже не опера, скорее отрывки из «Аиды».

— Я тоже слышал... — вставил свое слово доктор Ивес.

— Я ничего не смыслю в музыке, но с удовольствием слушаю любую, даже колокольный звон по усопшим. И по радио слушаю все, что передают: концерты, оперы, об оперетте и говорить нечего, я от нее без ума. Мне

все нравится, все доставляет удовольствие, даже когда доктор Теодоро разучивает что-нибудь на своем фаготе.

Однако дона Розилда считала святотатством сравнивать вещи, исполняемые любительским оркестром для изысканной публики, с треньканьем каких-то болванов на гитаре.

Дона Норма, без сомнения, женщина достойная и богатая, но вкус у нее слишком вульгарный... Что касается доны Гизы, которая преподает в школе только потому, что она американка, то, возможно, у себя на родине ей приходилось слышать что-то более возвышенное, нежели музыка «Сыновей Орфея». Но она, дона Розилда, очень в этом сомневается. По ее мнению, музыканты любительского оркестра были чрезвычайно благовоспитанными господами...

Дона Флор молча улыбалась и вмешивалась в спор только для того, чтобы взять под защиту репетиции любительского оркестра, которые дона Гиза называла «смертной скукой».

— Не преувеличивайте, дона Гиза...

— А разве это не так? И вообще, кто приглашает публику на репетиции?

— Они не виноваты, это я пригласила вас... А обычно к ним на репетиции приходят только те, кому это нравится. Вот когда будет концерт, я вас приглашу, и вы тогда увидите...

Но дона Гиза была настроена пессимистически.

— Концерт, что ж, это куда ни шло... И все же прости меня, Флор, но я не верю, чтобы эти дилетанты были способны на что-нибудь значительное...

Однако журналисты и музыкальные критики придерживались другого мнения. Каждое выступление оркестра по радио или в музыкальной школе встречалось восторженными похвалами. Один из критиков, некий Финеркаес, происходивший из немецкой музыкальной семьи, сравнивал «Сыновей Орфея» с лучшими любительскими оркестрами Европы, которые бразильцы даже кое в чем превосходили. Первое время по приезде из Мюнхена Финеркаес был довольно умерен в своих суждениях, однако тропики его настолько покорили, что он не пожелал больше возвращаться на холодную родину и утратил всякую сдержанность.

Еще задолго до женитьбы доктор Теодоро завел альбом, в котором собирал концертные программы, положительные рецензии, статьи об оркестре и прочие материа-

лы. Теперь заботы об этой коллекции музыкальных побед и скромной славе мужа взяла на себя донна Флор. Последнее сообщение гласило, что маэстро Аженор сочинил романс в честь супруги Теодоро Мадуреиры, подлинный шедевр, который в настоящее время разучивается для концертного исполнения. «Когда же наконец этот великолепный оркестр доставит нам удовольствие, которого с нетерпением ждут все истинные любители музыки в Баие?» — вопрошал журналист. Судя по всему, у любительского оркестра было немало верных поклонников.

Внимательно следившая за спором донна Флор совсем позабыла о том, что волновало Марилду, хотя это тоже касалось музыки. О последней ссоре между Марилдой и ее матерью донна Флор узнала от самой девушки. Ссора произошла после того, как Марилда через Освальдинью познакомилась с неким Марио Аугусто, директором небольшой радиостанции «Амаралина», и тот обещал ее прослушать, а если понравится голос девушки, заключить с ней договор на еженедельное выступление. К сожалению, Освальдинью ничего не смог для нее сделать.

Последующие события ускользнули от донны Флор. Занятая своими делами, она не всегда уделяла Марилде достаточно внимания и узнала об успехе девушки только после разыгравшейся драмы. Оказалось, что Марио Аугусто пришел в восторг от голоса и еще больше от красоты девушки и решил заключить с ней контракт на выступления в субботней программе. Оплата пока была незначительная, но на что еще могла рассчитывать дебютантка? С черновиком контракта взволнованная Марилда примчалась домой.

Но донна Мария до Кармо разорвала контракт.

— Я тебя вырастила и воспитала, чтобы ты стала порядочной женщиной, вышла замуж. И пока я жива...

— Но, мама, ты же обещала... Ты же сама сказала, что когда мне исполнится восемнадцать лет...

— Тебе еще не исполнилось...

— Каких-то трех месяцев не хватает...

— Этого не будет, пока ты живешь со мной под одной крышей! Ни за что!..

— Посмотрим...

— Что ты имеешь в виду? Говори...

— Ничего.

Донна Флор, эта добрая душа, попыталась дать Марилде дружеский совет, как-то ее утешить. Но Марилда तोпилась, близился вечер, а она не желала больше

терпеть материнскую тиранию и поэтому убежала из дому.

Собрала кое-что из одежды, пару туфель, комплект «Журнал де модиньяс», портреты певцов Франсиско Алвеса и Силвио Калдаса, сунула все в чемодан и уехала на трамвае, пока мать сидела в ванне.

Марилда отправилась прямо на радиостанцию «Амаралина». Узнав, что девушка убежала из дому и что она еще несовершеннолетняя, обеспокоенный Марио Аугусто потребовал, чтобы она немедленно уходила, так как он не желает из-за нее иметь неприятности. Марилда отправилась на поиски Освалдиньо. Из радиокompании, где его не оказалось, она пошла в контору торговой фирмы, откуда он тоже уже ушел. Затем Марилда поехала в нижнюю часть города, где у Освалдиньо была назначена встреча с его могущественными покровителями Магальяэнсами. Но и оттуда он уже ушел, возможно в студию. Марилда снова отправилась на улицу Карлоса Гомеса и, мокрая от пота, остановилась наконец у дверей радиокompании. Освалдиньо не было, но швейцар разрешил ей подождать и даже предложил стул.

Растерянная, немного испуганная, но уже начиная злиться, она просидела в вестибюле несколько часов, наблюдая за проходившими мимо известными артистами и знаменитыми певцами, среди которых был и Силвиньо Ламения с цветком в бутоньерке и огромным кольцом на мизинце. Многие, глядя на нее, удивлялись: «Кто эта хорошенькая девушка?» Швейцар время от времени улыбался ей, желая, видимо, утешить, и говорил:

— Еще не пришел, но, вероятно, скоро будет. Уже давно пора...

Около восьми, когда совсем стемнело, Марилда, едва не плача, спросила у швейцара, где бы ей выпить кофе и съесть бутерброд. «В буфете», — ответил швейцар. Там, увидя своих кумиров-певцов, она обрела новые силы и решила ждать, если понадобится, всю жизнь, лишь бы добиться осуществления своей заветной мечты и стать звездой.

Вернувшись в вестибюль, Марилда подумала: «Бедная мама, наверное, сейчас с ума сходит от беспокойства». Но к угрызениям совести все еще примешивались злость и негодование. Немного погодя кончивший свое дежурство швейцар распрощался с ней, а его сменщик сказал Марилде, что теперь вряд ли Освалдиньо вернется на радиостанцию.

— Уже слишком поздно.

Было почти половина девятого, когда какой-то беззубый тип облокотился на конторку швейцара и, уставившись на Марилду, которая с трудом сдерживала слезы, стал со смехом рассказывать об игре в «Табарисе». Так Марилда услышала, что ее друг Освалдиньо весь вечер провел за рулеткой и был превосходно настроен.

— А что это за «Табарис» и где он находится?

Беззубый усмехнулся, не сводя с нее своих нахальных глаз.

— Недалеко отсюда... Если хотите, я вас провожу...— Беззубый предвкушал скандал с истерикой и упреками. Этот Освалдиньо был сущим несчастьем для девушек.

Пока они пересекали площадь, беззубый засыпал Марилду вопросами: кто она Освалдиньо — жена, невеста или просто возлюбленная? На его взгляд, для жены она была слишком молода, для возлюбленной — чересчур серьезна. В дебрях кабаре они столкнулись с Мирандонном, который направлялся в «Палас». Скользнув по девушке равнодушным взором, он хотел было пройти мимо, но тут узнал Марилду.

— Марилда! Какое черта ты тут околачиваешься?

— А, сеу Мирандон! Как поживаете?

Мирандон слишком хорошо знал беззубого.

— Что ты тут делаешь с этой девушкой?

— Ничего... Она попросила меня...

— Прийти сюда? Не ври...— Мирандон разозлился.

Но Марилда вступилась за беззубого.

— Ты просила его отвести тебя в «Табарис»? Зачем?

Девушка все рассказала, и Мирандон отвел ее домой. Обезумевшая от горя дона Мария до Кармо рыдала, лежа в постели, и громко звала дочь. Рядом с нею находились дона Флор, доктор Теодоро и дона Амелия. Дона Норма возглавила операцию по розыску и спасению девушки, ей помогала дона Гиза.

Они вытащили сеу Зе Сампайо из постели и, несмотря на его бурные протесты, потащили с собой в пункты скорой помощи, в полицию, в морг.

Увидев дочь, дона Мария до Кармо со слезами обняла ее и расцеловала. Поплакав вместе, мать и дочь попросили друг у друга прощения. Рассерженный таким исходом, доктор Теодоро демонстративно удалился прочь, так как в отличие от доны Флор поддерживал дону Марию, когда та обещала как следует выпороть беглянку,

Дона Флор пыталась переубедить соседку, заняв сторону Марилды: ее ведь тоже хотели когда-то лечить подобным образом, но это ничего не дало. Почему дона Мария до Кармо против того, чтобы дочь стала певицей?

Да разве это дело?! Просто девичья блажь! Доктор Теодоро сочувствовал вдове: девочку надо проучить и направить на путь истинный, чтобы она уважала мать. Доктор Теодоро и дона Флор чуть не поссорились, каждый отстаивал свою точку зрения — дона Флор решительно защищала бедняжку Марилду, а доктор Теодоро считал, что для детей воля родителей должна быть священной. Однако доктор не дал спору зайти слишком далеко и взял себя в руки.

— У тебя, дорогая, своя точка зрения, и я ее уважаю, хотя и не разделяю, а у меня своя. Так останемся каждый при своем мнении. Не будем из-за этого спорить, ведь у нас нет детей.— «И не будет», мог бы добавить доктор Теодоро, поскольку еще до свадьбы дона Флор призналась ему, что бесплодна.

Так кончилась их размолвка, и оба снова занялись вдовой, которая кричала, что умрет, если дочь не найдется.

Но Марилда нашлась, и потерпевший поражение доктор Теодоро удалился. За ним последовали дона Амелия и дона Эмина. С матерью и дочерью осталась лишь дона Флор. Вопрос был решен раз и навсегда: Марилда отвоевала себе право стать певицей. Дона Флор пробыла с ними недолго; удостоверившись в том, что Марилда получила материнское благословение, она вышла в гостиную к Мирандону.

— Почему вы меня совсем забыли, кум, и не заходите? Ни вы, ни кума, чем я вас могла обидеть? Вы видите, я вас спрашиваю об этом, даже не поблагодарив за добро, которое вы сделали для доны Марии и Марилды. Почему вы не хотите со мной знаться?

— Не хочу знаться! Ну что вы говорите, кума! Если я не захожу к вам, то только потому, что верчусь как белка в колесе...

— Только поэтому? Извините меня, кум, но я вам не верю.

Мирандон посмотрел в окно на далекое прозрачное небо.

— Никто не должен вставать между мужем и женой; иногда даже тень прошлого, даже воспоминание может все испортить. Я знаю, кума, вы довольны своей новой

жизнью, своими новыми знакомыми и от души рад за вас. Вы это заслужили. А наша дружба не прекратилась оттого, что я не захожу к вам.

Он был прав, и дона Флор улыбнулась, подойдя к куму.

— Я хочу попросить вас об одной вещи...

— Ваше желание для меня закон, кума...

— Приближается день Козьмы и Дамиана...

— Как раз недавно я говорил жене: «Неужели в этом году карурú будет у кумы?»

— А что вы, кум, думаете на этот счет?

— По-моему, кума, никто не может идти сразу двумя дорогами. Не вы давали обет, давал его кум, а он похоронен.— Мирандон помолчал.— Если и вы так считаете, кума, то успокойтесь, вы не делаете ничего дурного...

Дона Флор слушала его, погруженная в собственные мысли.

— Вы правы, кум, но ведь мы отчитываемся не только перед святыми. Я не хочу нарушать обет, ваш кум отнесился к нему очень серьезно. Есть вещи, которые мы не вправе менять.

— Что же вы решили, кума?

— Я подумала, может быть, устроить карурú в вашем доме, кум? Я приду повидать мальчику, принесу все, что нужно, и сварю карурú. Приглашу только Норминью.

— Пусть будет так, кума, если вы хотите. Наш дом всегда к вашим услугам, стоит вам сказать. Если бы я твердо знал, что у меня будут деньги, я бы сам купил все, что нужно. Но кто скажет, выиграю ли я в тот вечер или проиграю? Если б это можно было знать наперед, я был бы, наверное, богачом. Так что приносите свои продукты, это надежнее.

Немного успокоившись, вернулся доктор Теодоро. Он уже слышал о Мирандоне и его подвигах в игорных домах. Мужчины поздоровались.

— Это мой кум, Теодоро, и хороший друг.

— Заходите как-нибудь к нам...— Однако приглашение доктора Теодоро было лишь любезностью, которую следовало проявлять к друзьям жены.

Мирандон ушел. Марилда с матерью обсудили завтрашний визит к сеу Марио Аугусто, чтобы окончательно договориться об условиях контракта и дебюте. Больше здесь делать было нечего.

— Пошли, дорогая...— сказал фармацевт.

И хотя было поздно, он взялся за фягот, желая отдохнуть от волнений и разочарований этого дня. Дона Флор принялась штопать манжеты и воротнички на рубашках мужа, которые он менял каждый день.

Доктор Теodoro разучивал романс, сочиненный в честь доны Флор; склонившись над шитьем, она рассеянно слушала, пытаясь разобраться в нахлынувших на нее мыслях.

Стараясь извлекать из фягота самые чистые и нежные звуки, доктор Теodoro весь отдался сложной мелодии и постепенно успокоился: в конце концов какое ему дело до того, как воспитывает дона Мария до Кармо свою непослушную дочь? Он не моралист, который все подвергает критике, и было бы смешно ссориться со своей милой женушкой, такой красивой и доброй, из-за нелепых переживаний посторонних людей! Последняя нота, чистая и гармоничная, затрепетала в воздухе.

Дона Флор не воспитывалась на высоких творениях Баха и Бетховена, которым дона Гиза внимала в полумраке немецкой гостиной. Она привыкла к народным мелодиям и серенадам под аккомпанемент гитары, кавалиньо, беримбау и свирелей. Но теперь приходилось учиться слушать гобой, тромбоны, виолончели и фягот, забыть ту, игную музыку, вспоминая о которой она становится невнимательной и рассеянной. Под звуки фягота она должна похоронить память о иных мелодиях, о ином времени, иной жизни.

7

Добивались доктора Теodoro только две женщины. Во всяком случае, о других дона Флор ничего не знала и готова была дать голову на отсечение, что других женщин в жизни доктора не было.

Одна из этих двух, столичная соблазнительница Миртес Роша де Араужо, осталась разочарованной. Правда, ненадолго; эта отважная женщина не стала терять время на бесплодные сетования и только удивленно пожалала плечами.

Миртес была женой банковского служащего, которого перевели из Рио-де-Жанейро в Баию с повышением в должности и окладе. Как-то в разговоре с подругами она призналась, что страдает в этой глухомани, привыкнув к свободной и разгульной жизни в столице. Не имея ни

детей, ни каких-либо забот, там она постоянно заводила знакомства среди молодых людей, причем без всякого риска. Но где в Баие найти таких мужчин и такую надежную квартиру для свиданий, как у доны Фаусты?

Инес Васкес дос Сантос, патриотку Баии, оскорбило такое презрительное отношение к ее родному городу. Почему Миртес так отзывается о Баие, не зная ее? Баия совсем не отсталая деревня.

Уж кто-кто, а Инес с полным знанием дела могла утверждать подобное. Укромные квартирки, бунгало, затерянные среди высоких пальм на безлюдном побережье! Да это же мечта! Что касается молодых людей, то и их более чем достаточно!

С мечтательным видом покусывая губы маленькими зубками, Инес принялась вспоминать о своих похождениях. Особенно ей запал в душу один прощелыга и игрок, в решающие моменты державшийся, как настоящий рыцарь! Любвеобильная Инес призналась подруге:

— Вот что я тебе скажу, девочка, до сих пор я не встретила мужчины, который мог бы с ним сравниться.

Инес великодушно дала исчерпывающую информацию и даже адрес. Кулинарная школа «Вкус и искусство», между Кабесой и площадью Второго июля. Преподавательница, его жена, очень милая женщина и недурна собой. Миртес запишется в школу, занятия помогут убить время, а красавец обязательно заметит ее.

Только пусть она не забудет рассказать потом все в подробностях и поблагодарить подругу. Инес не сомневалась в успехе дела, приятного для всех партнеров, в том числе и мужа Миртес: кончив кулинарную школу, она сможет подавать ему самые изысканные баийские блюда. Преподавательница в школе отличная, мастер своего дела, золотые руки.

А дона Флор даже не подозревала о шапнях покойного мужа с этой Инес, серьезной, худощавой женщиной. Впрочем, будь разочарование Миртес не таким глубоким, дона Флор, возможно, так и не узнала бы об этой измене Гуляки. Но теперь дону Флор, жену солидного, степенного человека, все это мало трогало. Одним романом больше, одним меньше — какая разница!

Миртес вскоре разыскала школу. Дона Флор попыталась уговорить ее подождать до начала занятий новой группы, поскольку нынешняя уже научилась готовить самые сложные кушанья.

Но Миртес не желала ждать, ей было некогда. Она сказала, что скоро должна вернуться в Рио — здесь, в Баие, она ненадолго, и у нее не будет больше случая научиться готовить хотя бы несколько блюд на пальмовом масле, которые обожает ее муж. Наивная дона Флор пообещала заниматься с ней дополнительно.

Однако научить Миртес так ничему и не удалось, ибо в школе она не задержалась. Не увидев мужа преподавательницы в первые два дня, она на третий спросила про него у одной из учениц, и та сказала, что доктор в часы уроков обычно бывает в аптеке. В аптеке? Эта сумасшедшая Инес, уделив слишком много времени определенным достоинствам баиянца, ни слова не сказала о том, чем он занимается в остальное время.

Но случилось, что в тот же день доктор Теодоро зашел домой за какими-то деловыми бумагами. Тысячу раз извинившись, он торжественно и важно проследовал мимо учениц.

— Кто это? — спросила Миртес.

— Доктор Теодоро, муж доны Флор. Не успела я вам сказать, что в эти часы он редко бывает дома, а он тут как тут... Собственной персоной...

— Это муж преподавательницы?

— А чей же еще?

Еще раз извинившись перед ученицами, хозяин дома вернулся в аптеку. Миртес покачала головой, еще больше растрепав свои волосы, выкрашенные под платину (последний крик моды); либо Инес сошла с ума, либо что-то случилось. Наверное, преподавательнице надоели измены мужа и она его прогнала, если только он не удрал с другой женщиной. Как бы там ни было, этот муж доны Флор, по мнению Миртес, сухарь и зануда, совсем не походил на того, о ком говорила Инес. Он не обратил внимания на ее волосы и прошел мимо, словно ее тут и не было. Этот идиот не годится даже в мужья, судя по всему, он сентиментален и за измену будет мстить по старинке: с помощью пистолета и ножа.

Больше она не вернулась в школу, даже не сочтя нужным объясниться с преподавательницей. Еда Миртес вообще не интересовала, она хотела оставаться худой, сохраняя тип женщины-вамп.

Наведя справки, Миртес узнала о смерти любовника Инес и о новом браке вдовы с этим слепцом. Ибо только слепец мог остаться равнодушным к ее красоте и платиновым волосам.

Дона Флор узнала о подробностях этой забавной истории от своей подруги Энаиды, которая, в свою очередь, дружила с Инес Васкес дос Сантос; дошла до нее и патетическая фраза Миртес Роши де Аражус:

— Представляете, роман с покойником!.. Только этого мне не хватало...

Чтобы познакомиться с доктором Теodoro, «этим скучным ничтожеством», она жгла пальцы о плитку доны Флор, обучаясь жарить креветки. Недурно!

Дону же Магнолию, все время сидевшую у окна, эту вульгарную кокетку, напротив, привлекала серьезность доктора, придававшая ему в ее глазах какую-то своеобразную прелесть. Эта дама была врагом всякого единообразия, и, если Миртес помышляла только о легкомысленных юнцах, Магнолия не ограничивала себя строгими канонами. Сегодня шатен, завтра блондин, порывистый юноша сменял уравновешенного пятидесятилетнего мужчину. Кому нужны блюда всегда с одной и той же приправой? Дона Магнолия была эклектиком.

По меньшей мере четыре раза в день «великолепный сорокалетний мужчина» шествовал из дома в аптеку и обратно, мимо окна, где дона Магнолия восседала в пеньюаре, чуть прикрывавшем ее пышную грудь. Мальчишки из ближайшей гимназии изменили свой обычный маршрут, чтобы любоваться роскошными формами доны Магнолии. И она благосклонно взирала на маленьких поклонников: в своей гимназической форме они были очень милы. «Пусть приучаются грешить», — назидательно изрекала дона Магнолия, еще больше распахивая пеньюар.

Вдыхали гимназисты, вдыхали окрестные ремесленники, приказчики, рассыльные, и молодые вроде Роке из рамочной мастерской и старые вроде Алфредо, торгующего деревянными святыми. Приходили и издалека, только для того, чтобы взглянуть на чудо, о котором уже разнеслась молва. Даже нищий слепец, пересекавший раскаленную на солнце улицу, вдруг остановился.

Божественное видение в окне настолько его поразило, что он забыл об опасности быть разоблаченным и, сняв темные очки, устоялся на соковища, принадлежавшие полицейскому агенту. Если б его тотчас схватили и засадили в тюрьму по обвинению в мошенничестве, он и тогда не пожалел бы о своем поступке.

И только доктор Теodoro, важно шествуя в своем белом костюме, всегда при галстукe, не обращал никакого

внимания на прелести доны Магнолии. Вежливо склонив голову, он снимал шляпу и желал ей доброго дня или доброго вечера, оставаясь безразличным к усилиям красавицы, поставившей себе целью прельстить этого истукана, который хранил оскорбительную для нее верность супруге. Только он, смуглый красавец и, без всякого сомнения, настоящий мужчина, не проявлял ни волнения, ни восторга при виде ее пышного бюста. Но это уж слишком! Возмутительное равнодушие, оскорбление, которое нельзя снести!

— Он однолюб,— уверенно заявляла дона Динора, хорошо знавшая интимную жизнь доктора.— Он не станет обманывать жену, ибо не обманывал даже Тавинью Манемоленсию, женщину легкого поведения, но с постоянной клиентурой.

Дона Магнолия, однако, верила в свое обаяние.

— Запомните мои слова, дорогая хиромантка: мужчин-однолюбов не существует, уж мы-то с вами это знаем. Посмотрите в свой хрустальный шар, и, если он не врет, вы увидите там доктора в постели, а рядом с ним вашу покорную слугу Магнолию Фатиму.

Неужели на доктора не производят никакого впечатления ее глаза с поволокой, ее воркующий голос, ее грудь под кружевным пеньюаром? Дона Магнолия улыбнулась, у нее в запасе было еще одно неотразимое оружие, и она его немедленно пустит в ход, перейдя в наступление.

И вот однажды знойным вечером, когда неподвижный воздух навевал мечты о легком бризе, приятной истоме и колыбельных песнях, дона Магнолия переступила порог аптеки с коробкой, в которой лежали ампулы. Предпринималась еще одна попытка соблазнить святого Антония. Легкое платье отнюдь не скрывало того, чем щедрая природа в избытке наградила дону Магнолию.

— Доктор, вы можете мне сделать укол?

В накрахмаленном белоснежном халате доктор Теодоро казался еще выше и важнее, ни дать ни взять ученый. Дона Магнолия с легкой улыбкой протянула ему свою коробку.

— Одну минутку...— сказал доктор Теодоро, положив коробку на стол.

Дона Магнолия не спускала с него глаз, с каждой минутой доктор Теодоро нравился ей все больше. Хорошо сложен, сильный, мужественный, и возраст подходящий. Она вздохнула. Доктор поднял глаза на соседку:

— У вас что-нибудь болит?

— Ах, сеу доктор!..— И она улыбнулась, давая понять, что страдает не от физической боли.

— Инъекция? — Доктор Теодоро изучал рецепт, приклеенный к коробке.— Хм... Комплекс витаминов... для поддержания равновесия... Новое лекарство... Но какого равновесия, сеньора? — Он любезно улыбнулся, хотя считал пустой тратой времени и денег все эти впрыскивания.

— Нервного, сеу доктор. Я так чувствительна, вы себе представить не можете.

Доктор Теодоро пинцетом выудил из кипятка иглу и осторожно втянул жидкость в шприц, он не торопился, всему свое время. Изречение, висевшее над рабочим столом, четко выражало его основной принцип: «Место для каждой вещи, и каждая вещь на своем месте». Дона Магнолия прочла и хитро взглянула на доктора: важный мужчина и как уверен в себе!

Намочив в спирте ватку, он поднял шприц:

— Засучите рукав...

Дона Магнолия возразила лукаво:

— Не в руку, доктор...

Тогда доктор Теодоро задернул занавеску, и она открыла его взору еще одно свое сокровище, куда более роскошное, чем то, что выставлялось в окне.

Укола дона Магнолия не почувствовала, у доктора Теодоро была легкая рука; только ватка, смоченная в спирте, приятно холодила кожу. Капелька скатилась по бедру, и дона Магнолия снова вздохнула.

А доктор Теодоро снова ошибся, спросив:

— У вас что-нибудь болит?

Придерживая подол, чтобы похвастать ляжками, дона Магнолия взглянула ему прямо в глаза:

— Неужели вы ничего не понимаете?

Но доктор Теодоро действительно ничего не понимал, и тогда, уже начиная злиться, она опустила подол и сквозь зубы процедила:

— Вы и в самом деле, должно быть, слепы, если ничего не замечаете.

Ее полуоткрытый рот и остекленевшие глаза навели доктора Теодоро на мысль, что он имеет дело с сумасшедшей. А дона Магнолия, растерявшись от такой невиданной тупости, заключила:

— Да вы и вправду размазня!

— Но, сеньора...

Она кокетливо коснулась щеки светила фармакологии и выложила ему все без обиняков:

— Неужели вы не видите, глупый, что я влюблена, что я без ума от вас? Неужели это так трудно заметить?

Дона Магнолия двинулась на аптекаря, чтобы заключить его в свои объятия. Даже ребенок не ошибся бы в ее намерениях, если бы увидел эти плотоядные губы, этот томный взгляд. Но доктор сказал тихо и строго:

— Уходите!

— Мой прекрасный мулат!

— Убирайтесь! — Доктор отвел ее жадные руки; он был тверд в своих принципах. — Сейчас же вон отсюда!

Величественный в своей непоколебимой стойкости, со шприцем в руках, в белом халате, негодующий доктор походил на изваяние — символ торжества добродетели над пороком. Но оскорбленная дона Магнолия не испытывала ни малейшего раскаяния, ее взор блистал гневом и яростью.

— Хам! Скопец! Ты мне заплатишь за это, слюнтяй! — И она выскочила из аптеки как опаренная.

Бедной доне Магнолии, жертве аптекарского равнодушия и непредвиденных обстоятельств, поистине не повезло, так как месть ее привела к самым неожиданным последствиям и полному провалу всех ее планов. Оскорбленная и разгневанная, она пожаловалась тайному агенту, будто «этот вонючий козел фармацевт» пытался делать ей бесстыдные предложения, говорил непристойности и приглашал ее, всем известную своей скромностью, поехать с ним любоваться луной на берег океана. Такого наглеца надо проучить, дать ему несколько увесистых затрещин и, может быть, даже засадить ненадолго в кутузку да отлупить там линейкой по рукам, чтоб научился уважать чужих жен.

Она молчала до сих пор, не желая огорчать его жену, эту достойную женщину. Но сегодня он перешел все границы... Она зашла в аптеку сделать укол и была вынуждена спасаться бегством...

Тайный агент молча выслушал ее, и дона Магнолия, хорошо его знавшая, заметила, как исказилось от злобы его лицо: аптекарь дорого заплатит за нанесенное ей оскорбление, уж на ночь-то его упрячут в тюрьму.

Но в тот же вечер полицейский повздорил со своим коллегой при дележе нескольких мильрейсов, полученных от лотерейных маклеров. В запальчивом диалоге, ко-

тому предшествовала драка, любовник донь Магнолии обозвал товарища мошенником и услышал в ответ фразу, заставившую его остолбенеть: «Лучше быть мошенником, чем рогоносцем, как ты, любезный». В доказательство коллега перечислил недавние похождения донь Магнолии, а потом сообщил, что пятеро их сослуживцев, не считая инспектора, по очереди украшали рогами лоб своего уважаемого товарища. Если б ему пришло в голову на каждый рог повесить по лампочке, можно было бы осветить полгорода, и хотя агент и не мошенник, но все равно позорит полицию. После сказанного они снова подрались.

Защитив свою честь кулаками, агент позже все же помирился с коллегой, от которого, как и от некоторых других, получил исчерпывающую информацию. Слышал ли он о Мессалине? Не слышал? Нет, это не проститутка, была такая в древние времена... Так вот, по сравнению с доной Магнолией эта Мессалина непорочная девственница...

Разгневанный агент поклялся отомстить своей любимой, выкрикивая угрозы, которые, впрочем, очень напоминали угрозы донь Магнолии фармацевту:

— Шлюха! Ты мне за это заплатишь!

Скептически выслушал он жалобы донь Магнолии, не перебивал ее, а потом, отхлестав по щекам, потребовал откровенных признаний.

Бил агент умело и с удовольствием, а поэтому доня Магнолия рассказала все, что было и чего не было, в том числе и случаи, не имеющие никакого отношения к полицейскому, под конец же она выложила всю правду о том, как обстояло дело с доктором Теодоро, хотя не обошлась без комментариев: здоровенный мужик, но, судя по всему, не все у него в порядке, впервые ей повстречался такой чурбан.

На улице меж тем собралась толпа, привлеченная криками и руганью, доносившимся из дома тайного агента. Кумушки одобряли полицейского, доня Магнолия, как они долагали, получила свое, жаль только с опозданием. Гимназисты же вздрагивали от каждого удара по этому нежному, соблазнительному телу, которое снилось им по ночам.

Доня Флор и доня Норма проникли в дом тайного агента, остальные же предпочитали выражать свое сочувствие или негодование на улице, не желая связываться с полицейским.

— Сеу Тияго, да что же это такое? Вы хотите убить несчастную? Оставьте ее,— закричала дона Норма.

— Она вполне заслуживает того, чтобы я ее прикончил, шлюху проклятую...— откликнулся агент, нанося последние удары.

— Бедняжка... А вы чудовище!..— воскликнула дона Флор, склонившись над Магиолией.

— Бедняжка? — Полицейский не мог перенести такую несправедливость.— А хотите знать, что эта бедняжка выдумала насчет вашего мужа?

— Моего мужа?

— Она рассказала мне, будто доктор приставал к ней и даже пытался изнасиловать сегодня в аптеке. А когда я ее прижал, она призналась, что все это ложь, что она просто хотела стравить нас и чтобы я с ним посчитался. На самом деле это она приставала к нему, а он не поддавался, и это еще не все, что я сегодня услышал. Знаете, сеньора, меня считают «позором полиции»!— сказал он мрачно.

Собираясь в кино тем же вечером, дона Флор сказала с улыбкой доктору Теодоро, когда пудрилась перед зеркалом:

— Оказывается, господин доктор, вы пристааете к пациенткам, которые приходят к вам делать уколы... И даже хотели изнасиловать дону Магиолию...

Взглянув на жену, доктор Теодоро понял, что она шутит, а дона Флор и не могла отнестись к этой истории всерьез. Как она ни старалась проникнуться благодарностью к верному мужу, ей никак не удавалось отделаться от забавной картины, которая возникала перед ней: доктор Теодоро стоит со шприцем в руке, а грудастая Магиолия пытается его поцеловать. Разумеется, муж ее человек на редкость порядочный и деликатный. Но что поделаешь, если эта история представляется ей скорее смешной, чем героической?

— Сумасшедшая!.. Неужели она могла подумать, что я оскверню свою аптеку, изнасиловав ее?

— Это не было бы насилем, дорогой, ведь она сама к тебе пришла...

Понизив голос — он всегда немного стеснялся касаться подобных тем,— доктор Теодоро сказал:

— Разве я могу смотреть на других женщин, если у меня есть ты, дорогая?

Не было на свете более верного и нежного мужа.

Дона Флор подставила ему губы, и доктор Теодоро поцеловал ее.

— Спасибо, Теодоро, я тебе верю.

На улице, у подъездов домов, за аперитивом в баре Мендеса — повсюду мужчины обсуждали последние события, пока дона Магнолия, укрывшись у родителей, принимала соленую ванну, а тайный агент напивался кашасой.

Однако сеу Вивалдо, владелец похоронного бюро, поставил вопрос ребром: мужчина доктор Теодоро или не мужчина? И не только потому, что Магнолия во всеуслышание заявила о его странной холодности; если уж говорить откровенно, сам сеу Вивалдо считал, что только евнух может устоять перед прелестями Магнолии. Поэтому он и сомневался в мужественности фармацевта. Но Мойзес Алвес, какаовый плантатор, взял аптекаря под защиту.

— Евнух? Бесстыдная ложь! Просто он человек серьезный, отвечающий за свои поступки. А ты хотел, чтобы он согрел в аптеке?

Однако сеу Вивалдо был настроен критически.

— Как можно отказаться от такой красотики?! Подумаешь, в аптеке... Да если бы она пришла ко мне в «Цветущий рай», я бы устроился с ней в первом же попавшемся гробу...

Так или иначе, все единодушно порешили: мужчина он или нет, ему следовало не прогонять ее, а назначить свидание.

— Бог дает орехи тому, у кого нет зубов...

Отголоски этих горячих дискуссий, подогретых пивом и кашасой, дошли до ушей доны Флор, как похвалы подруг и соседок.

— Если бы все мужья были такими, мы бы жили спокойно...

Дона Флор, возмущившись клеветой на мужа, сказала Марии Антонии, своей бывшей ученице и сплетнице, которая пришла ее навестить только для того, чтобы позлорадствовать:

— Если кто-нибудь захочет убедиться в том, что он настоящий мужчина, он сумеет доказать это.

— Правда? — рассмеялась Мария Антония, довольная подобной шуткой.

Дона Флор тоже рассмеялась. Хоть ей и досаждали эти пересуды, история с доной Магнолией по-прежнему ее развлекала.

Через несколько дней утром к ней зашла Дионизия Ошосси со своим толстым бутузом, чтобы получить благословение крестной. Последнее время она приходила редко и на этот раз рассказала доне Флор о своих огорчениях: ее муж завел любовницу. Разъезжая повсюду на грузовике, он связался с какой-то особой в Жоазейро. Дионизия отправилась к соблазнительнице, после того как получила анонимное письмо, подняла там страшный шум и пригрозила прогнать изменника. Но это была, конечно, только угроза, какой мужчина не грешит на стороне? Она была очень расстроена, даже похудела и лишь теперь немного успокоилась: муж не только порвал с той женщиной, но и вообще перестал ночевать в Жоазейро.

Дона Флор утешила ее: всем женщинам приходится страдать от подобных вещей. Сама дона Флор не так давно узнала об измене, которая рангла ее в самое сердце.

— Неужели и доктор? Даже он? Значит, никому не удается избежать этой участи...

— Кто? Теodoro? Нет, кума Дионизия, Теodoro — это исключение, которое лишь подтверждает правило... Он человек порядочный, за него я готова голову положить на плаху...

И тут дона Флор неожиданно для себя чуть не призналась Дионизии, что история с доной Магнолией огорчила ее гораздо меньше, чем старая связь Инес Васкес дос Сантос с Гулякой, о которой только теперь она узнала. Стоило доне Флор подумать о Миртес, как перед нею возникла тощая притворщица Инес, эта лицемерка, эта потаскуха.

8

Романс разучивался около шести месяцев, пока наконец требовательный маэстро не признал исполнение безупречным. Кстати сказать, в данном случае он был особенно требователен как автор сочинения, посвященного красоте и доброму сердцу доны Флор, «Колыбельная Флорипедес» стала его любимым творением.

Каждую субботу вечером в любую погоду оркестр собирался на репетицию произведения для предстоящего концерта у Тавейры Пиреса.

Последние месяцы прошли мирно, без особых происшествий, за исключением, пожалуй, дебюта Марилды пе-

ред микрофоном радиостанции «Амаралина» — самой молодой и самой популярной станции, — который разволновал весь квартал. Можно было подумать, что все эти люди дебютировали вместе с девушкой, такое волнение вдруг их охватило.

Дона Норма возглавила шумную толпу, направившуюся к «Амаралине» в этот праздничный день. Соседи собрали внушительную сумму на подарок дебютантке и через сеу Самуэла дас Жойас, торговца драгоценностями и прочими товарами, а так же контрабандой, приобрели отличные ручные часики современной, оригинальной формы, с гарантией на шесть месяцев. «Швейцарские, на семнадцати камнях и почти даром», — заявил сеу Самуэл, давая понять, что продает их, только желая сделать приятное своей постоянной клиентке доне Норме.

Однако сеу Сампайо, которому вечером показали покупку, установил, что старый торговец снова надул дону Норму, как надувал уже двадцать лет и будет надувать их всегда до последнего дня их жизни, и если первой суждено умереть доне Норме, Самуэл, обязательно всучит ей контрабандные святые дары...

Часы оказались вовсе не швейцарскими и не на семнадцати камнях; они были сделаны в Сан-Пауло, но были неплохие. «Пора покончить с пренебрежительным отношением к отечественной промышленности, она ничуть не хуже любой другой», — заключил патриотически настроенный сеу Зе Сампайо.

В день дебюта, как и следовало ожидать, с доной Марией до Кармо случился нервный припадок: она увидела дочь перед микрофоном, да еще диктор объявил, что ее голос нежней, чем у тропической птички. Дона Флор тоже пустила слезу: она питала к Марилде материнскую нежность, многое сделала, чтобы та стояла здесь, у микрофона, и даже повздорила из-за нее с доктором Теодоро. Своим успехом Марилда была обязана всем соседям, но прежде всего доне Флор, которая к тому же наготовила всяких сластей и отнесла к Марилде, где в знаменательный вечер даже открыли бутылку шампанского — подарок Освальдиньо. Дебют молодой певицы был отмечен критикой и слушателями.

Другим важным событием была неожиданная поездка донь Гизы в Соединенные Штаты, поездка вызвала много всяких толков. Даже доня Динора, всегда все знавшая наперед, не предвидела, что в Нью-Йорке

скончается некий мистер Шелби, оставив наследство доне Гизе. Кто был этот господин и почему он завещал свое состояние преподавательнице английского языка, уже столько лет живущей в Бразилии? Об этом не успели расспросить дону Гизу, поскольку она уехала, никому ничего не сказав и ни с кем не простившись.

Об умершем и его богатстве ходили самые противоречивые слухи. Говорили, будто мистер Шелби был когда-то мужем доны Гизы, а может быть, и ее старой привязанностью. Вариантов было много, но в одном сходились все: дона Гиза получила в наследство от американского миллионера колоссальное состояние, к тому же в долларах, а не в каких-то милльрейсах.

Однако все эти слухи были опровергнуты, когда авиапочтой пришло письмо доне Норме; прежде чем распечатать конверт, дона Норма долго изучала иностранные марки и знакомый почти мужской почерк.

Дона Гиза сообщала о своем возвращении в Баию, о том, что побывала на могиле двоюродного брата («Пусть рассказывает кому-нибудь другому! Он был ее мужем или любовником!» — судачили на улице и в барах ку-мушки) и уладила все дела. Она действительно получила наследство как единственная родственница, но наследство состояло из старого автомобиля, личных вещей покойного и нескольких акций ближневосточных нефтяных компаний. Дона Гиза все это распродала, и врученных денег ей едва хватит, чтобы оплатить расходы на поездку. Еще двоюродный брат оставил породистую таксу, Монсенёра, с которой она скоро появится на улицах Баии, после того как оформит бумаги, чтобы ввезти собаку в Бразилию.

За последние шесть месяцев два этих события, пожалуй, были единственно достойными хроники двух замужеств доны Флор. Остальное время доны Флор занимали репетиции, собрания в Обществе фармакологов, занятия с ученицами, визиты к родственникам и друзьям, посещения кино и любовь... по средам и субботам.

Правда, репетиции дона Флор уже не посещала с прежним постоянством, однако не скучала на них, как некоторые жены музыкантов, даже не скрывавшие этого. Она была верной подругой мужа, а значит, разделяла его взгляды и привязанности, но время от времени все же позволяла себе пропустить репетицию, ибо только люди, влюбленные в музыку, способны в монотонном повторении мелодии обретать покой и наслаждение.

Реже стала она бывать и на собраниях Общества фармакологов, где защищались диссертации и велись дебаты по разным вопросам. К чему себя насиловать? Чтобы бороться весь вечер со сном, пытаться вникнуть в суть речей и под конец, сдавшись, погрузиться в дремоту? Дона Флор уснула даже в тот вечер, когда доктор Теодоро защищал свою спорную диссертацию «О замене химических препаратов органическими средствами при лечении от бессонницы». А между тем в этот знаменательный вечер на карту была поставлена научная репутация доктора. Дискуссия шла до глубокой ночи, и, когда взволнованный и счастливый муж взял ее под руку, дона Флор, проснувшись от аплодисментов, едва не попросила у него извинения за то, что спала, словно ей дали лошадиную дозу снотворного...

— Мой дорогой...— только и пролепетала она.

Но доктор Теодоро был так возбужден, что не заметил ее заспанного лица.

— Спасибо, дорогая. Какая победа!

Он раз и навсегда разделался со снотворными, выполнив свой долг гражданина и фармацевта, хотя по-прежнему продавал эти опасные яды, получая неплохой доход, поскольку снотворные были в моде. Доктор Теодоро, образованный и честный фармацевт, был в то же время владельцем процветающей аптеки и не чувствовал от этого никакого неудобства, ибо добросовестно следовал как морали ученого, так и морали торговца.

Но самым важным событием, которое нашло отражение в печати, обсуждалось в самых высоких сферах и взволновало всех портных, был концерт любительского оркестра «Сыновья Орфея» в особняке Тавейры Пиреса, виртуозно игравшего на виолончели.

Не хватит слов, чтобы должным образом описать этот праздник искусства. Если кто-нибудь пожелает узнать о нарядах дам, об их красоте и элегантности, мы посоветуем посмотреть подшивку газеты, издаваемой Таваресом, где был помещен репортаж блестящего Сильвиньо Ламенья, знатока светской жизни. Что касается самого концерта, то все интересующиеся могут ознакомиться со статьями критиков Финеркаеса и Жозе Педрейры либо отчетом Элио Басто, мастера на все руки, не только музыканта, но и любителя изящной словесности. Дона Розилда в своем Назарете вырезала из газет все места, где расхваливалось прекрасное исполнение на фаготе романса Аженора Гомеса, одного из лучших номеров концерта.

В тот вечер дона Флор чувствовала себя на седьмом небе, ибо поднялась она на самую высокую ступень социальной лестницы и была замечена благодаря «изящному орнаменту, которым парижский портной украсил ее платье из ржавого муара, затмившее туалеты многих дам», как писал Силвиньо. На концерте присутствовал весь цвет баиянского общества: политические деятели, финансисты, интеллигенция, архиепископ, начальник полиции, а также утонченные снобы, очищающие карманы богатых родственников.

На улицах, соседних с площадью Второго июля, приглашение получил лишь сеу Зе Сампайо, коллега Пиреса по Коммерческому клубу и его старый товарищ по колледжу. Однако Зе Сампайо не захотел идти.

— Ради бога, оставьте меня в покое, у меня болит селезенка... Иди одна, Норминья, если хочешь...

Конечно, дона Норма пошла, но не одна, а с доной Флор и доктором. («Как можно было пренебречь таким приглашением? На это способен только мой муж, этот дикарь и отшельник!»)

Комендадор Перес сказал доне Имакуладе:

— Я хочу, чтобы вечер прошел как можно лучше... Не надо скупиться...

И дона Имакулада не поскупилась. Пусть характер у нее был не из приятных, но надо отдать должное — она умела устраивать приемы. Был приглашен архитектор Жилбербет Шавес, весьма недешево оценивший свои услуги для оформления сада, где будет играть оркестр.

— Не стесняйся в расходах,— сказал комендадор архитектору,— я хочу, чтобы все было сделано как следует и со вкусом. Трать сколько надо.— Обычно прижимистый комендадор, если нужно было пустить пыль в глаза, широко открывал свой кошелек.

Маэстро Шавес истратил целое состояние, зато и результат получился ошеломляющий: в сказочном саду был выстроен маленький амфитеатр, поражавший смелостью замысла, не привычной для Баии: «Жилбербет (запомните: Жилбербет, а не Жилберто или Жилберт, как произносят некоторые нувориши) явил во всем блеске свое ультрасовременное дарование» (еще одна цитата из Силвиньо, и наверняка не последняя).

Дона Флор, войдя в сад, остолбенела от восторга, а дона Норма только и смогла выговорить:

— Вот это да!

Хозяева встречали гостей; донна Имакулада в туалете, выписанном из Европы, с лорнетом в руках, комендадор в смокинге и крахмальной сорочке с жестким воротничком. При виде доктора Теодоро с фэготом его лицо расплылось в счастливой улыбке.

— Джайший Теодоро! Я не дождусь, когда мы сядем играть...

Дона Имакулада протягивала кончики пальцев для поцелуя мужчинам и для легкого рукопожатия женщинам с таким видом, будто гости пришли просить у нее благословения.

— Ну и страшила! — шепнула донна Норма, увидев комендадоршу с лорнетом.

Но донна Флор сочла нужным сообщить, что донна Имакулада — глава миссионерского общества и очень печется о язычниках. Доктор Теодоро получил от нее однажды письмо с просьбой оказать материальную поддержку католическим миссиям в Азии и Африке.

Вскоре пришел Бедняга Урбано в новом смокинге, сшитом на деньги комендатора, комендадор не мог оставить оркестр без скрипача в столь торжественный вечер. Дома над Урбано потешалась жена, и, придя на вечер, он старался укрыться между деревьями, чтобы не попадаться на глаза гостям. Доктор Теодоро увел Урбано в амфитеатр, и они оставили там свои инструменты.

Концерт был назначен на половину девятого, но только в десятом часу маэстро Аженору Гомесу удалось собрать музыкантов и начать программу.

Гости, выпивавшие в залах и в саду, не спешили, поэтому комендадору пришлось взять микрофон и сзывать их:

— Концерт начинается, занимайте места, прошу побыстрее...

Никто не посмел ослушаться: призыв хозяина звучал как приказ. Шум тотчас стих, кавалеры и дамы заняли места, но кое-кто остался на ногах в надежде улизнуть. Публика выглядела очень элегантно: смело декольтированные женщины были увешаны драгоценностями, кавалеры в смокингах, маэстро во фраке. Дона Флор и донна Норма уселись в первом ряду, недалеко от донны Имакулады и архиепископа-примаса, которого, если верить слухам, собирались вскоре возвести в кардинальский сан.

Маэстро Аженор Гомес очень волновался, хотя ему уже давно было пора привыкнуть выступать в концертах. Но вот он взмахнул дирижерской палочкой.

Первое отделение концерта публика прослушала внимательно и часто аплодировала. Были сыграны марш Шуберта и мелодия Дрдлы, соло на скрипке блистательно исполнил доктор Венеслау Вейга, вызвав бурю оваций и восторженные возгласы некоторых ценителей, например, доктора Итазила Бенисио, тоже врача и артиста. Счастливый маэстро Гомес вытирал пот со лба.

В перерыве гости, как голодные звери, набросились на изысканные закуски, и дона Флор с доной Нормой впервые попробовали икру.

Доне Флор икра, о которой она так много слышала, понравилась, хотя и показалась не совсем привычной на вкус. Дона же Норма, сделав гримасу, призналась подружке, что ей гораздо больше нравится шампанское и она уже выпила два бокала.

Появился доктор Теодоро под руку с Беднягой, которого он силой притащил к столу, и дона Флор положила ему на тарелку всякой закуски, не забыв и об икре.

На второе отделение концерта гостей удалось собрать с большим трудом... Наконец любители музыки заняли свои места, но их оказалось гораздо меньше, чем любителей поесть и выпить. Комендадор, однако, дал знак начинать, маэстро взмахнул палочкой, и оркестр заиграл «Простое признание».

После этого настала очередь соло на виолончели, которое исполнял комендадор Адриано Пирес. Вот когда воцарилась настоящая тишина: даже в буфетной и на кухне замерли слуги и официанты, получившие строжайший наказ от хозяйки не двигаться и не говорить, пока будет играть хозяин.

А комендадор Адриано Пирес, этот сухарь и миллионер, забыл обо всем на свете и вдруг стал самым обыкновенным человеком.

Его наградили долго не смолкавшими аплодисментами; сеу Адриано, указывая на маэстро и оркестрантов, благодарно кланялся. Кричали «браво!», «бис!», и не только знатоки, особенно усердствовал биржевой спекулянт Алирио де Алмейда, который ничего не смыслил в музыке, зато находился в полной зависимости от комендатора.

Бедняга правильно потом говорил, что номер комендатора нужно было сделать последним, так как после него большинство приглашенных покинули сад и отравились пить и болтать.

Те, кто не осмелился уйти, слушали невнимательно, а некоторые, все же набравшись храбрости, извинялись перед соседями и устремлялись в дом к столам с едой и питьем.

«Сыновья Орфея», однако, не замечали этого бегства, продолжали играть с прежним вдохновением. Ценители же музыки были раздосадованы этим хождением и перешептыванием. А когда доктор Теодоро, устремив глаза на жену, начал свое соло на фаготе, доне Флор пришлось шикнуть на сидевших сзади. Дона Имакулада тоже обернулась и взглянула через лорнет; этого было достаточно, наступила тишина, больше ни один человек не осмелился подняться!

Звуки фагота парили над садом, слетали на иссиня-черную голову доны Флор.

А дона Флор, полузакрыв глаза, слушала романс и думала о том, как много ей дал ее добрый муж. Вот она сидит там, куда даже не мечтала попасть, — в саду самого аристократического дома Баии, а рядом с нею восседает его преосвященство господин архиепископ-примас в своей пурпурной мантии, подбитой горностаем.

Теодоро дал ей покой и уверенность, окружил комфортом, ввел в великосветское общество. А сейчас извлекает из тощего фагота страстную мелодию любви. Разве можно желать лучшего мужа?

Когда раздались аплодисменты, дона Норма взглянула на подругу: по щеке доны Флор скатилась слеза. Добрая соседка улыбнулась, тоже гордясь успехом доктора.

— Доктор Теодоро играл божественно...

Сама дона Имакулада снизошла до похвалы:

— Ваш муж выступил очень удачно...

Как только замерли последние звуки попури из «Веселой вдовы», в большом зале для приемов начались танцы. Но в саду все еще поздравляли дирижера и оркестрантов. Дона Флор забыла вытереть слезу, и доктор Теодоро, догадавшись о волнении жены, почувствовал себя вознагражденным за шесть месяцев репетиций.

Из дома пришли за Элио Басто, который играл на рояле все танцы. Там уже танцевали вояску. Доктор Теодоро предложил уходить — было уже за полночь, — но дона Норма попросила остаться на пять минут, ей хотелось выпить еще бокал шампанского.

Она выпила два и в такси весело смеялась, сама не зная чему. А дона Флор сидела, взяв руку мужа в свою. Они обсудили, как прошел концерт и праздник, и

сошлись на том, что все было великолепно, стол богатый и изысканный, комендадор, наверное, истратил на все это много денег.

— Слишком много... — сказал доктор. — Даже икра была... Настоящая, русская...

Немного опьяневшая донна Норма лукаво взглянула на доктора Теодоро.

— И вам, доктор, икра понравилась?

— Я слышал, что это деликатес, но попробовал сегодня впервые, не терять же было такой случай, когда-то еще удастся отведать. Однако признаюсь откровенно, донна Норма, я не распробовал как следует... Какой-то странный у нее вкус...

— Странный? — Донна Норма рассмеялась. — Я тоже так считаю. А некоторые находят его приятным.

Сжав руку мужа, донна Флор тихо сказала:

— Мне все очень понравилось — и музыка и как ты играл, Теодоро.

— Лучше не умею... Ведь я только любитель.

А зачем лучше? Кто она такая, чтобы требовать лучшего? Что она положила на чашу брачных весов, чтобы уравновесить состояние, образование, воспитание и достоинство своего супруга? Ровным счетом ничего. Она, земная и обычная, каких много, и такая незначительная по сравнению со своим возвышенным и ученым Теодоро.

Ожидавший трамвая Бедняга Урбано видел, как они проехали мимо. В руках он держал скрипку и пакет с гостинцами для сии Марикоты.

9

Профессор Эпаминондас Соуза Пинто любил афоризмы, выражавшие, на его взгляд, вековую мудрость и неколебимые истины.

«Счастье не имеет истории, а счастливая жизнь не становится романом», — ответил Эпаминондас Шимбо, этому влиятельному родственнику Гуляки, когда тот спросил его о донне Флор, которую не видел с того памятного карнавала.

— Она снова вышла замуж и счастлива... Примерно год назад соединила свою судьбу с доктором Теодоро Мадурейрой...

— А больше ничего с ней не случилось?

— Насколько мне известно, ничего... — Профессор не упустил случая: — Как справедливо гласит народная мудрость: счастье не имеет истории...

Да, в счастливом существовании доны Флор и доктора Теодоро поистине не случилось ничего, что заслуживало бы описания, и мы не станем удлинять эту и без того внушительную хронику лишними подробностями о спокойных буднях их семейной жизни.

Сама дона Флор в своих письмах к сестре Розалии писала через год после свадьбы, что ничего значительного в ее жизни не происходит.

Она подробно рассказывала о родственниках и соседях, с которыми Розалия уже заочно познакомилась: тетя Лита все болеет, дядя Порто состарился, дона Розилда почти безвыездно сидит в Назарете, Марилда делает успехи на радио, и ее обещали записать на пластинку. Потом следовала забавная история о доне Норме, которая во вторник отказалась идти на крестины, намеченные на субботу, потому что к субботе, по ее подсчетам, непременно умрет один ее знакомый и, использовав уик-энд, можно будет устроить грандиозные похороны. Дона Гиза привезла из Нью-Йорка собаку, длинную, «как колбаса», а ей, доне Флор, — красивую брошку. «Представь, Розалия, эта сумасшедшая американка подарила Теодоро рубашку, всю разарисованную голыми женщинами! Воображаю доктора в этом наряде! Он, конечно, как человек воспитанный, вежливо поблагодарил и не рассердился, но я сразу же убрала эту рубашку на самое дно ящика с бельем, подальше от его глаз, чтобы он не влился на Гизу, ведь она хотела сделать ему приятное». Дона Динора болеет и не выходит из дому, «страдающая от ревматизма и оттого, что узнает обо всем из вторых рук!» Приходится гадать на картах, и от злости она предсказывает всем одни несчастья. Даже ей, доне Флор, она заявила, что никогда еще счастье не длилось вечно. Ну есть ли на свете другая такая ненавистница?!

Вот, пожалуй, и все, больше рассказывать не о чем, ничего интересного в ее жизни не происходит, все по-прежнему. Теодоро собирался купить дом, в котором они живут, но один из владельцев аптеки решил продать свою долю и переехать в Рио. Тогда Теодоро посоветовался с ней и объяснил, что, купив эту долю, он станет старшим компаньоном. Дом же они все равно приобретут при первой возможности. У хозяина нет другого выхода, ибо арендная плата до смешного мала.

По правде говоря, доктор уже решил, как ему поступить, и если спрашивал совета у доны Флор, то делал это просто из такта. «Время идет, а доктор ничуть не меняется, все такой же деликатный и обходительный. Я могу сказать наперед, что он будет делать в то или иное время дня, что скажет в том или ином случае».

Но если жизнь доны Флор текла так размеренно и безмятежно, каких перемен она могла ждать и как могла отнестись к предсказанию какой-то гадалки, прикованной к постели, которая любила прорицать больше, чем комендадор Адриано Пирес играть на виолончели?

Больше того, дона Флор и не возражала бы, если б что-нибудь неожиданно нарушило монотонность ее счастливых дней. «Грешно говорить так, сестра, при моей нынешней жизни и после всего, что я перенесла, но от однообразия устаешь, даже если это счастье. Мне все завидуют, а я очень часто тоскую, сама не знаю почему... Наверное, у твоей сестры дурной характер и она не умеет ценить то, что даровано ей судьбой, а значит, не заслуживает спокойной жизни и хорошего мужа».

Как-то в воскресенье дона Флор пошла к мессе в церковь святой Терезы, где читал проповедь дон Клементе, и после службы заглянула в ризницу, чтобы пригласить священника на празднование первой годовщины их брака с доктором Теодоро. Собственно говоря, ничего особенного не намечалось, просто соберутся близкие друзья на рюмку ликера. Заодно отпразднуют и назначение аптекаря на должность второго казначея в новом правлении баиянского Общества фармакологов.

— С удовольствием приду поздравить вас с годовщиной счастливого и примерного брака, благословенного господом...

Дона Флор удалилась, а падре, в душе которого все еще оставались сомнения в полезности собственной проповеди, радостно улыбнулся: вот чье сердце не знает бурь, вот кто доволен жизнью и поможет ему избавиться от мрачных мыслей.

Дона Флор задержалась в коридоре перед статуей святой Клары, так странно сочетавшейся с вырезанным из дерева ангелом: наглое и простодушное выражение его лица живо напоминало доне Флор легкомысленного Гуляку.

Бедная святая, даже ее добродетель не могла устоять перед дерзким взглядом соблазнителя, она готова была отдать свою честь, свою жизнь, уже обещанное спасе-

ние, сменить рай на ад. Да и чего стоят рай и жизнь без ада?

Перед этой оригинальной скульптурой дона Флор простояла довольно долго, а храм, этот корабль из камня и извести, подняв паруса, плыл по облакам в голубые небесные просторы.

10

Дона Флор постаралась, чтобы их маленький праздник удался. Этим торжеством завершился первый год «счастливой жизни двух родственных душ», так изящно и точно выразился доктор Силвио Феррейра, генеральный секретарь баианского Общества фармакологов, подняв свой бокал за «досточтимого второго казначея и его уважаемую супругу дону Флор, олицетворяющую собой редкую добродетель и достоинство».

Дона Флор сказала дону Клементе, что у них будет узкий круг, но, переступив порог, падре увидел, что дом полон народу. Авторитет доктора Теодоро и симпатия, которую все испытывали к доне Флор, собрали на этот интимный праздник самых разных людей: руководителей фармацевтического общества, оркестрантов любительского оркестра, торговцев, учениц кулинарной школы, не говоря о старых друзьях хозяйки: богачке доне Маге Патерностро и докторе Луисе Энрике. Даже не успев поздравить супругов, дон Клементе поторопился обнять этого «маститого ученого», только что удостоенного премии за «Историю Баии», «представляющую не только научную, но и художественную ценность» (см. статью Жунота Силвейры «Книги и авторы» в газете «А тарде»).

После яркой и образной речи доктора Феррейры, доктор Венсеслау Вейга исполнил две арии на скрипке. Ему аплодировали, как и молодой певице Марилде Рамосандраде, хотя она и пела под аккомпанемент одного Освальдиньо, отбивавшего ритм на барабане.

В этом импровизированном концерте участвовал и доктор Теодоро, он исполнил национальный гимн, вызвав бурю восторга.

Гости закусывали, выпивали и веселились. В гостинной обосновались мужчины, женщины — в соседней комнате, несмотря на решительные протесты донны Гизы, которая считала подобное разделение отголоском средневековья. Она и еще две-три дамы рискнули присоединиться к

мужскому обществу, где пили пиво и рассказывали анекдоты, чем и заслужили осуждение со стороны доны Диноры, хотя все еще и страдавшей от ревматизма, что, впрочем, не мешало ей на всех набрасываться.

— Эта Мария Антония — развратница... Полезла к мужчинам, чтобы слушать всякие пакости... Да еще поатачила с собой дону Алису и дону Мизету... Об американке я не говорю... Посмотрите, как эта бесстыжая вытягивает шею, чтобы лучше слышать...

Зато дона Неуза Маседо и К^о вела себя на редкость примерно. Скромно сидя среди женщин, она с серьезным видом внимала семнадцатилетнему Рамиро, сыну аргентинца, владельца керамической фабрики. Если бы не она, юноше не с кем было бы разговаривать, так как молодежь атаковала Марилду, умоляя ее спеть, а ему не терпелось рассказать кому-нибудь о своих рыболовных успехах.

— Я поймал рыбу так килограмм на пять.

— О, — воскликнула дона Неуза, — неужели? А что вы еще поймали? — Она обдумывала, какое бы прозвище дать отважному рыболову. Пожалуй, «Рыбий жир». Глаза Неузы загорелись.

Между тем аргентинец, отец юноши, столкнулся в дверях с сеу Вивалдо, владельцем похоронного бюро «Цветущий рай», и по своему обыкновению завел разговор. Бернабе отметил элегантность туалета доны Флор, который вызвал зависть у всех присутствующих дам.

— Ничто не красит женщину так, как богатство... Посмотрите, как изящна и прелестна дона Флор...

Сеу Вивалдо посмотрел, а, кстати сказать, он очень любил смотреть на женщин с пышными формами.

— Она всегда была прелестна, хотя красавицей ее нельзя назвать, что верно, то верно. А теперь расцвела и стала еще привлекательней, и деньги тут ни при чем... Все дело в возрасте, мой дорогой, а дона Флор сейчас в самом соку. Не могу понять тех, кому нравятся девчонки, ну какое может быть сравнение с дамой в расцвете лет, особенно когда у нее распускают шнуровку...

— А какие глаза!.. — поддержал аргентинец, который, видимо, тоже был ценителем женской красоты.

Глаза, разбивающие мужские сердца, сейчас были устремлены вдаль, словно дона Флор предавалась сладостным мечтам. Дорого бы дал сеу Вивалдо, чтобы узнать, почему дона Флор стала такой задумчивой. Она ходила из комнаты в комнату, приветливо беседовала с гостями,

как и следует хозяйке дома, но делала это машинально.

Сеу Вивалдо положил руку на руку аргентинца: не деньги делают женщину красивой, сеу Бернабо, а ласковое обхождение, покой. Это выражение глаз, это покачивание бедрами говорит о том, что дона Флор счастлива.

Странное выражение... Когда-то он уже видел этот потерянный взгляд, будто погруженный в самую глубину сердца? Сеу Вивалдо не без усилий вспоминает: во время бдения у гроба Гуляки. С тем же отсутствующим видом, с каким принимает сегодня поздравления, принимала она тогда соболезнования, будто не замечала вокруг слез, как не замечает сейчас праздничного веселья. Красота доны Флор, понял вдруг сеу Вивалдо, совсем особая, и к ней нельзя подходить с обычной меркой.

В комнате, где собрались женщины, обсуждалась теперешняя супружеская жизнь доны Флор. Жены фармакологов и музыкантов из любительского оркестра мало знали о ее первом браке. А для кумушек не было большего удовольствия, чем сравнивать обоих мужей доны Флор. И ни пикантные анекдоты, которые рассказывали мужчины (а такие бесстыдницы, как Мария Антония, хохотала), ни песни и романсы Марилды, певшей в кругу дам и поклонников, успевших влюбиться в девушку, не могли оторвать их от этого приятного занятия.

Итак, первый брак доны Флор был сущим адом. Только теперь можно в полной мере понять, каким несчастием, какой ошибкой было это замужество. Сколько пережила бедняжка из-за этого чудовища, игрока и распутника, он даже бил ее.

— Какой кошмар! — Дона Себастьяна прижала руки к полной груди.

Сколько выстрадала дона Флор! Ей приходилось работать, чтобы содержать дом, да еще оплачивать долги мужа, который был игроком, то есть страдал пороком, обходящимся дороже прочих. Так что теперешнему счастью доны Флор предшествовали горе и унижения.

Дона Флор слушает эту болтовню, а взгляд ее рассеянно устремлен вдаль. Дона Гиза хохочет над анекдотами, дона Норма упивается пением Марилды, и некому сказать доброго слова о покойном.

Около полуночи ушли последние гости. Дона Себастьяна, потрясенная рассказом о семилетнем мучении хозяйки дома, прикоснулась щекой к щеке доны Флор и участливо сказала:

— Слава богу, сейчас все переменялось, вы заслужили это счастье...

Восходящая звезда Марилда, ослепляя своей красотой студентов, запела на прощание ту самую серенаду, которую пел когда-то доне Флор Гуляка и которая ушла с ним в могилу.

Довольный вечером, доктор Теодоро пошел проводить своих коллег, обсуждавших влияние музыки на лечение некоторых болезней. Доктор Венсеслау Вейга и доктор Силвио Феррейра отстаивали различные точки зрения, и, чтобы дослушать спор до конца, доктор Теодоро довел друзей до трамвая.

Дона Флор осталась одна, и ей вдруг захотелось уйти куда-нибудь подальше от стола, уставленного бутылками, от беспорядка в комнатах, от голосов, доносившихся с улицы, от фэгота, молчаливо стоявшего в углу. Она пошла в спальню и зажгла свет.

— Ты? — сказала она нежно и ничуть не удивившись, будто ждала увидеть его здесь.

На железной кровати, обнаженный, как в тот вечер после карнавала, лежал Гуляка и, улыбаясь, манил ее рукой. Дона Флор тоже улыбнулась, да и разве можно было устоять перед этим негодником, перед его простодушным и откровенным взглядом. Даже святой Кларе это не удалось, а уж о доне Флор и говорить нечего.

— Любимая... — услышала она незабываемый ленивый голос.

— Почему ты пришел именно сегодня?

— Потому что ты меня позвала и так настойчиво, что я не мог не прийти... Я здесь, моя дорогая. — И, приподнявшись, он взял ее руку.

Притянув дону Флор к себе, он поцеловал ее, но она успела отвести губы.

— Нет, нет! Ты с ума сошел!

— Но почему?

Дона Флор присела на край кровати, а Гуляка томно растянулся, словно хвастаясь своим красивым телом, которое так любила дона Флор. Она не видела его целых три года, и он ничуть не изменился за это время, совсем такой, как был раньше.

— Ты все такой же, а я вот расплнела.

— Ты даже не представляешь, как ты красива... Ты похожа на мясистую сочную луковку, тебя так и хочется укусить... Этот негодяй Вивалдо прав... Как он пялил на тебя глаза!..

— Убери руку, Гуляка, и перестань говорить чепуху... Сеу Вивалдо ни о чем таком не думает, он всегда относился ко мне с уважением... Сейчас же убери руку...

— Почему, дорогая?.. Почему я должен ее убрать?

— Ты забыл, Гуляка, что я замужняя женщина? Того мой муж может меня касаться.

Гуляка насмешливо подмигнул.

— А кто же я, по-твоему? Ведь я и есть твой муж! И к тому же первый, у меня преимущество...

Дона Флор не подумала об этом и не сразу нашла, что ответить.

— Не говори ерунды...

На улице послышались твердые шаги доктора Теодоро.

— Он идет, Гуляка, уходи!.. Я очень рада, что увидала тебя... Это было чудесно.

Но Гуляка несколько не смутился и не собирался уходить.

— Уходи, сумасшедший, сейчас он откроет двери!

— А почему, собственно, я должен уходить?

— Что я ему скажу, когда он тебя увидит?

— Глупая... Ничего он не увидит, только ты можешь видеть меня.

— Но он ляжет в кровать...

Гуляка с сожалением пожал плечами.

— Этого я не могу ему запретить, но если потесниться, мы поместимся и втроем...

На этот раз дона Флор не на шутку рассердилась.

— Ты что же это обо мне думаешь? Кто тебе дал право обращаться так со мной? Да как ты смеешь? Забыл, что я порядочная женщина...

— Не сердись, моя радость... Ты же сама меня поввала...

— Я только хотела повидать тебя, поговорить...

— Но мы же не успели...

— Вернешься завтра, тогда и поговорим...

— Я не могу так просто уходить и приходиться... Или ты думаешь, это все равно что съездить в Санто-Амаро или в Фейру-де-Сант-Ана? По-твоему, мне достаточно сказать: «Я поехал, скоро вернусь?» Нет, дорогая, раз уж я здесь, я обоснуюсь надолго.

— Но ради бога не в спальне, не в кровати! Послушай, Гуляка, даже если он тебя не увидит, я умру от стыда, зная, что ты тут, рядом. Я так не могу.— В голосе донья Флор послышались слезы.

— Ну хорошо, я лягу в гостиной, а завтра все обсудим. Но сначала поцелуй меня.

Они слышали, как доктор моется в ванной: оттуда доносился шум воды. Дона Флор подставила щеку.

— Э... нет, моя радость... Только в губы, иначе я не уйду...

Доктор вот-вот будет в спальне... Что оставалось делать? Пришлось подчиниться тирану.

— Ах, Гуляка...— только и сказала дона Флор, жадные губы закрыли ей рот. О, этот поцелуй!

Гуляка вышел обнаженный и красивый. Золотистый пушок покрывал его руки и ноги, на груди курчавились светлые волосы. А дона Флор никак не могла опомниться после его поцелуя.

— Вечер удался на славу, дорогая,— сказал доктор Теodoro, войдя в спальню.— Все было отлично, и еды, и питья вдоволь. Вот это я люблю — каждая мелочь преискусно...— И он стал переодеваться за изголовьем кровати.

— Да, все сошло хорошо, Теodoro.

По случаю торжественной даты дона Флор решила надеть ту рубашку, которая была на ней в их первую брачную ночь в Парипе: с тех пор она ни разу ее не надевала. Взглянув в зеркало, она убедилась в том, что красива и желанна, и захотела, чтобы Гуляка увидел ее.

— Я пойду выпью воды, Теodoro.

Боясь, что Гуляка заснул после утомительного пути, и стараясь не разбудить его, она прошла по коридору на цыпочках. Ей хотелось лишь взглянуть на него, коснуться его лица и, если он не заснул, показать ему хотя бы издалека свою прозрачную рубашку.

Дона Флор вошла в гостиную как раз в ту минуту, когда Гуляка поспешно покидал ее. Сердце донны Флор сжалось: значит, обиженный Гуляка решил уйти и она снова остается одна.

Что ж, может, это и к лучшему. Порядочная женщина не должна смотреть на другого мужчину, когда муж ждет ее в постели. Она повидала Гуляку и рада этому. А он ушел. Наверное, так лучше.

Дона Флор направилась в спальню. Но почему он так торопился? Почему решил вдруг уйти, если попасть сюда ему было нелегко? Ушел ли он навсегда или еще вернется?

V

Об отчаянной борьбе между духом и плотью, о странных и невероятных событиях, которые возможны только в городе Баия, хотите верьте, хотите нет...

(в сопровождении африканских барабанов и шутовой песенки Эшу «Только закрыл я дверь и снова велел открыть»)

кулинарная школа «вкус и искусство»

Что едят и чего не любят божества Ориша

(Со слов Дионизии Ошосси)

Шанго любит черепаху и баранину.

Эрива, богиня источников, терпеть не может кашасу и курицу.

Для Огуна готовьте козла и петуха.

Ошун предпочитает блюда с бататом, луком и креветками. В качестве гарнира к козлятине — кукурузную муку с пальмовым маслом и пчелиный мед.

Ошосси, божество наиболее почитаемое, крайне привередлив. В лесу он охотится на вепря, а рыбу ест только очищенную, не выносит батата и белой фасоли.

Воинственной богине Янсан, презирающей смерть, не следует подавать салат-латук или сапоты, она любит акаражé.

Фасоль с кукурузой любит Ошумара, а Нанан — хорошо приправленное карурú.

Доктор Теодоро поклоняется Ошале, как все серьезные и вежливые люди. Когда он важно шествует в своем белом костюме, с фаготом в руках, он напоминает Ошолуфана, самого великого из всех богов, который лю-

бит батат и белую фасоль. Ошале не выносит никаких приправ, не употребляет соли и терпеть не может оливкового масла.

Говорят, что божеством Гуляки был Эшу. Но даже если Эшу и дьявол, так что из этого? Возможно, это Люцифер, падший ангел, который оделся в огонь и пошел против бога.

Эшу ест все, что попадется, но пьет только чистую кашасу. Ночью Эшу бродит у перекрестков, чтобы выбрать самую трудную, самую уязвкую, самую неудобную дорогу. Это все знают, ибо все Эшу озорники.

А самый озорной — Эшу Гуляки.

1

Скоро крупье объявит последнюю ставку, уже близок рассвет, и все устали. Мадам Клодетта ходит от игрока к игроку и с мольбой протягивает руку. В ее голосе уже нет игривых ноток. Самолюбия у нее тоже нет, остался лишь страх, страх перед голодом. Она не говорит больше с парижским акцентом: «mon cheri», «mon petit», «mon chou», — а только шамкает беззубым ртом, умоляя дать ей фишку хотя бы в пять мильрейсов. Не для того чтобы сыграть, а чтобы выменять ее на деньги и быть назавтра сытой.

Если бы ей удалось проникнуть в казино, обманув бдительность швейцара или растрогав его, она, конечно, поставила бы эту фишку и, может быть, выиграла, а значит, уплатила за нору в грязном доме на Пеллуриньо, где она живет вместе с мышами и отвратительными черными тараканами, которые заползают к ней в постель. Каждое утро ее будят крики и ругань Федоренто, управляющего сеньоры Имакулады Тавейры Пирес, владелицы этого и многих других домов, населенных беднотой, доход от которых идет на благотворительность.

Впрочем, у нее была слабая надежда добиться отсрочки на день или на два, если Федоренто придет к ней и ей удастся его убажить. Но о ласках Федоренто даже мадам Клодетта, так низко опустившаяся, думала со страхом.

Сейчас ей было около семидесяти, если не семьдесят. Почти лысая, беззубая, слепая, она, разумеется, уже не могла заниматься своей профессией. Мадам Клодетта приехала в Баию в расцвете сил и красоты и, хоть ей то-

гда было сорок, выглядела она на двадцать пять. До этого она уже побывала в Буэнос-Айресе, Монтевидео, Сан-Пауло, Рио. Но о своем блестящем и бурном прошлом она сохранила лишь очень смутные воспоминания, ибо роскошь и богатство миновали, не оставив никакого следа в ее жизни.

Начав с шикарной гостиницы «Европа» на Театральной площади, где какаовые полковники бросали к ее ногам пятисотмилльрейсовые бумажки, после долгих блужданий она оказалась у грязных канав Жулиана и Пилара. Но потом и там для нее не стало места. Она теснилась в жалких комнатухах и голодала. А по вечерам бродила в самых темных закоулках, предлагая себя за гроши. Однажды какой-то негр пожалел ее и почти ласково сказал, дав монетку:

— Иди лучше к своим внукам, бабка, ты уже никуда не годишься...

Но у нее не было ни внуков, ни родственников, ни друзей — никого. Ей нечего было надеть: от ее элегантных платьев остались лишь жалкие тряпки. Она распродала все, что имела. Последнюю дорогую вещь — бирюзовое кольцо — которое мадам Клодетта долго хранила, она продала лет десять назад, а может быть, и больше (мадам Клодетта уже давно потеряла счет времени) одному легкомысленному, но галантному кавалеру за очень приличную цену.

Стоя сейчас у рулетки, когда делалась последняя ставка, мадам Клодетта, у которой не было ни фишек, ни денег, ни надежды, вспоминала Гуляку. Был ли он в выигрыше или в проигрыше, везло ему или не везло, он никогда не забывал дать ей хотя бы одну фишку в десять тестанов.

Если б Гуляка был жив, он бы наверняка дал ей хоть одну фишку, продав которую она смогла бы съесть бифштеке с фасолью и купить пачку сигарет. Да еще улыбнувшись своей дерзкой улыбкой, сказал бы: «К вашим услугам, мадам, всегда к вашим услугам», — а она ответила бы: «Merci, топ chou». Но, к сожалению, он умер молодым, кажется, во время карнавала, если ей не изменяет память.

Как раз в ту минуту, когда она вспоминала о Гуляке, случилось нечто невероятное: крупье, который принимал ставку, вдруг хрипло вскрикнул и разжал руки — груда разноцветных фишек рассыпалась по полу.

Игроки бросились подбирать их, началась свалка,

мужчины и женщины ползали по ковру, выхватывая друг у друга фишки, и только мадам Клодетта, словно оцепенев, продолжала стоять на месте. Наконец крупье пришел в себя и собрал уцелевшие фишки.

Вдруг мадам Клодетта почувствовала, как чья-то рука опустила ей за декольте перламутровую фишку в пятьсот мильрейсов: этой суммы с избытком хватит на то, чтобы заплатить за комнату и обедать две недели.

«Я к вашим услугам, мадам, всегда к вашим услугам». Ей показалось, что она слышит этот дерзкий, насмешливый голос. «Merci, mon chou», — машинально ответила она по старой привычке и направилась к кассе получить деньги. Голодная, измученная мадам Клодетта была не в силах искать объяснение случившемуся. Наверное, игрок добрее сунул ей за пазуху одну из украденных фишек. Но кто бы он ни был, она поблагодарила его: «Merci, старина».

2

Дона Флор проснулась и сразу же вскочила: доктор Теодоро уже принял ванну, побрился и начал одеваться.

— Я проспала все на свете.

— Ты, должно быть, до смерти устала, дорогая, это вполне естественно. Шутка ли сказать, приготовить закуску, принять гостей, занимать их... Тебе надо отдохнуть. Почему бы тебе еще не полежать немного, завтрак мне подаст служанка...

— Полежать? Но ведь я не больна...

Дона Флор быстро встала: по утрам она всегда готовила кофе и кускус¹, только она могла сделать тесто по вкусу мужа — легкое и пышное.

Она нисколько не устала после вчерашнего праздника, она устала от бессонной ночи, как в прежние времена, когда напряженно прислушивалась к шагам на улице. К тому же она беспокоилась, не заметил ли Теодоро некоторой странности в ее поведении, когда они остались наедине: хотя была не среда и не суббота, дона Флор надела прозрачную ночную рубашку с кружевами.

— Какое приятное воспоминание, дорогая, — сказал доктор. — Есть даты, которые нельзя не отметить, и прости меня, если я сегодня нарушу наш календарь... — Тео-

¹ Кускус — клецки из рисовой или кукурузной муки.

доро и тут проявил деликатность, какая женщина не оценила бы этого?

Дона Флор согласилась, но чувства ее были в смятении. Ее губы все еще хранили пряный вкус поцелуев Гуляки, и поэтому поцелуй доктора показался ей пресным. Словом, эта ночь очень напоминала ночь в Париже; донна Флор была так же скованна, и мужу не сразу удалось преодолеть ее сдержанность.

Рано утром, когда первый робкий луч лег на стены комнаты, донна Флор услышала далекие шаги и заснула тяжелым сном, словно ей дали снотворного.

Надев домашние туфли и халат в цветах поверх ночной рубашки, она причесалась и пошла на кухню. Но, проходя через гостиную, заметила Гуляку, растянувшегося на диване в своей бесстыдной наготе. Пришлось разбудить его, прежде чем заняться кускусом (из кухни уже доносился аромат кофе, сваренного служанкой). Когда донна Флор дотронулась до плеча Гуляки, он, открыв один глаз, проворчал:

— Дай мне поспать, я ведь только пришел...

— Но тебе нельзя спать в гостиной...

— Это почему?

— Я уже говорила: мне неудобно...

Он сделал недовольный жест.

— А я-то при чем?.. Оставь меня в покое...

— Опять ты за свое... Ну пожалуйста, Гуляка, прошу тебя!

Он снова открыл глаза и лениво улыбнулся.

— Ну хорошо, глупышка, пойду в спальню... Мой коллега уже вышел оттуда?

— Коллега?

— Да, твой доктор... Разве мы оба не мужья тебе? А значит, коллеги, моя милая...— Он лукаво посмотрел на нее.

— Немедленно прекрати свои шуточки!..

Она произнесла это громко, и тут же из кухни раздался голос служанки:

— Вы что-то сказали, донна Флор?

— Сказала, что сейчас приду готовить кускус...

— Не сердись, любимая...— Гуляка встал.

Он протянул руку и хотел схватить дону Флор, но она уклонилась от его объятий.

— Ты с ума сошел...

В коридоре мужчины встретились, и, глядя, как они проходят один мимо другого, донна Флор почувствовала

нежность к ним обоим, столь непохожим, столь разным. «Коллеги», — вспомнила она и усмехнулась, но тут же спохватилась: «Боже, я становлюсь такой же бесстыдной, как Гуляка». А тот подмигнул ей с видом заговорщика и показал доктору язык. Дона Флор рассердилась. Нет, она не станет терпеть его хулиганские выходки, пора бы ему научиться вести себя в приличном доме.

Чисто выбритый доктор, уже надевший жилет и пиджак, ласково сказал ей:

— Мы сегодня немножко припозднились, дорогая...

«Боже мой, кускус...» — ахнула Флор и побежала на кухню.

3

К концу занятий утренней группы дона Флор вдруг совершенно ясно почувствовала, что Гуляка здесь, хотя пока не видела его.

Дона Флор никак не могла привыкнуть к тому, что только она одна его видит, и поэтому, обнаружив совершенно голого Гуляку около стола, пришла в ужас, но, тут же вспомнив, что ученицы его, слава богу, не видят, успокоилась.

Ученицы продолжали смеяться и шутить, не подозревая, что среди них мужчина, который оценивающим взглядом рассматривает самых хорошеньких девушек. Гуляка опять взялся за свое: как и раньше, явился мешать доне Флор и приставать к ученицам. Кстати, он еще должен рассказать ей, что у него было с этой кривлякой Инес Васкес дос Сантос.

С самым веселым и беззаботным видом он, пританцовывая, трижды обошел вокруг Зулмиры Симоэнс Фагундос, величественной креолки с роскошными бедрами и пышной грудью, личной секретарши могущественного магната сеньора Пеланки Моуласа.

Оценив по достоинству бедра Зулмиры, Гуляка решил выяснить, насколько упруга ее грудь, казавшаяся отлитой из бронзы. Для этого он поднялся в воздух и, перевернувшись кверху ногами, заглянул за декольте красотки.

Дона Флор буквально онемела от ужаса: она еще никогда не видела Гуляку парящим в воздухе, однако он чувствовал себя там так же непринужденно, как на земле, и даже еще непринужденнее, ибо мог принять любую позу, даже висеть вниз головой.

Ученицы, правда, не могли его видеть, но вероятно, ощущали что-то необычное, так как были слишком возбуждены, то и дело смеялись, болтали и дурачились. Дона Флор разъярилась: Гуляка перешел всякие границы.

Так оно и было, ибо, не удовлетворившись осмотром, он сунул руку за декольте, чтобы выяснить, из чего все-таки сделаны эти дивные творения природы...

— Ой! — испугалась Зулмира. — Меня кто-то трогает...

Дона Флор, совсем потеряв голову от подобной наглости, крикнула:

— Гуляка!

— Кто? Что с вами? Что вы сказали? — Удивленные ученицы окружили Зулмиру и дону Флор. — Что случилось, донна Флор? Что с тобой, Зулмира?

Зулмира кокетливо вздохнула.

— Мне показалось, что кто-то схватил меня за грудь...

— Было больно?

— Нет... Скорее приятно...

Дона Флор взяла себя в руки, зато Гуляку вспугнул ее тревожный возглас.

4

В тот день Гуляка несколько раз насмешливо повторил:

— Посмотрим, кто окажется сильнее... Ты со своим доктором и своей гордостью или я...

— С чем?

— Со своей любовью...

Это был прямой вызов. Дона Флор чувствовала себя уверенно, заручившись накануне обещанием Гуляки не применять силу, к тому же она вообще была не из робкого десятка и ничем не рисковала: кто прошел через ад вдовства, устояв против всех соблазнов, не боится угроз.

— Честь для меня превыше всего...

Гуляка рассмеялся.

— Ты рассуждаешь, как твой доктор, любимая. Ты очень смешна и старомодна, точно какой-нибудь профессор...

Теперь настала ее очередь смеяться,

— Так я и есть профессор, ведь я начала преподавать в школе еще до того, как познакомилась с ним и с тобой. Кстати, меня как преподавательницу очень ценят...

— Нечего хвастаться, кухонная профессорша...

— По-твоему, я стала тщеславной? Я изменилась?

— Ты никогда не переменишься, моя любимая. Твое единственное достоинство — добродетель. Но однажды мне удалось ее победить, думаю, удастся и теперь... Какой бы ты профессоршей ни была, в постели ты моя ученица. И я явился, чтобы завершить твоё обучение...

Так, шутя и смеясь, они проговорили почти до обеда. Дона Флор нисколько не сомневалась, что Гуляке никогда не сломить ее упорства, упорства честной и верной жены. Одно дело неопытная девушка, захваченная первым чувством, другое — много испытавшая женщина, знающая цену горя и радости. Гуляка ничего от нее не добьется. Однако он не верил в стойкость доны Флор.

— Ты будешь моей в самый неожиданный для тебя момент. Как и тогда... И знаешь почему?

— Почему?

И этот нахал объяснил:

-- Потому что любишь меня и даже не подозреваешь, что сама того хочешь...

Какое коварство, какая самонадеянность! Но дона Флор оставалась тверда в своем решении бороться с соблазном.

— На этот раз у тебя это не пройдет... только зря потеряешь время...

Ясный, тихий вечер начался тревожно.

Когда после занятий вечерней группы дона Флор вышла из ванной в бюстгальтере и трусиках и села перед зеркалом причесываться, откуда-то сверху послышался одобрительный возглас. Между тем, прежде чем отправиться в ванную, она убедилась, что оба ее мужа отсутствуют. Доктор все еще был в аптеке, Гуляка после того как напугал Зулиму, больше не появлялся.

А теперь он сидел на шкафу и болтал ногами. В полумраке комнаты казалось, будто он выточен из того же дерева, что и ангел в церкви святой Терезы. Нескромный взгляд Гуляки с ее мокрых плеч медленно скользнул вниз.

— Боже мой! — прошептала дона Флор и схватила халат, чтобы накинуть на себя.

— К чему это, любимая? Разве я не знаю тебя всю от волос до ножек?

Его обнаженное тело легко оторвалось от шкафа и опустилось на новый пружинный матрац.

— Да он мягкий, как облако! Поздравляю, дорогая, с удачной покупкой.

Гуляка лениво растянулся, на его губах появилась вовущая, томная улыбка. Дона Флор, стараясь держаться в тени, наблюдала за ним.

— Иди ко мне, Флор, ложись рядом, давай немножко позабавимся на этом превосходном матраце...

Все еще сердясь за его нелепую шутку с Зулмирой, дона Флор ответила резко:

— Тебе мало того, что ты натворил? Так ты еще спрятался, чтобы наблюдать за мной? Я вижу, ты не стал вежливее за это время, а мог бы...

— Иди сюда, любимая...

— И он еще смеет звать меня к себе! Ты думаешь, я совсем потеряла стыд?

Но Гуляка был настроен миролюбиво.

— Ну что ты злишься, дорогая? Что я такого сделал? Подумаешь, решил немножко ознакомиться со сложением девушки, но только из любопытства. Мне хотелось узнать, из чего сделано это чудо, принадлежащее Пеланки Моуласу.— Он рассмеялся, а затем, понизив голос, снова попросил: — Иди сюда, моя хорошая, ну хоть сядь рядом со своим муженьком, раз уж ты боишься лечь. Давай немного поболтаем, ты ведь сама сказала, что нам нужно поговорить.

— Если я сяду, ты прибежешь к силе...

— Ах! Если бы я мог... Если бы я мог прибегнуть к силе, разве я стал бы терять время на уговоры! Силой, милая, я никогда не буду добиваться твоей любви, заруби это себе на носу...

— Тебе запретили взять меня силой?

— Запретили? Кто? Ни бог, ни черт не могут мне ничего запретить. Неужели ты этого не поняла, прожив со мной семь лет?

— Тогда в чем дело?

— А раньше я когда-нибудь прибегал к силе? Хотя бы раз?

— Никогда...

— Просто я давно поклялся себе, что никогда ни одну женщину не возьму силой. Я, милая, хочу получать

только то, что мне дают по доброй воле. Разве может доставить удовольствие то, что отобрано насильно?

Пристально взглянув на нее, он улыбнулся.

— Ты мне отдашься сама, прекрасная Флорзинья, и я с ума схожу в ожидании этой минуты. Но только когда ты этого захочешь. Я не желаю, чтобы к нашей любви примешивалась ненависть.

Она знала: все, что он говорит,— чистая правда. И наконец решилась присесть на край кровати. Гуляка лежал рядом и внимательно наблюдал за ней. Дона Флор немного успокоилась, однако прежняя ее уверенность в себе была поколеблена. Стоило ей присесть на кровать, как Гуляка стал ласково гладить ее. Она тотчас с возмущением поднялась.

— Ты просто обманщик... Я думала, ты умеешь держать слово... А ты тут же дал волю рукам...

— Ну и что? Я только немножко тебя погладил. Послушай, дорогая, если я сказал, что не применю силу, это вовсе не значит, что я вообще не буду добиваться тебя. Всякий раз, как я смогу тебя погладить, я буду гладить, когда смогу поцеловать, поцелую. Да, моя Флор, я сделаю все, чтобы ты мне отдалась, и поскорее, потому что я слишком изголодался по тебе за это время.

Итак, ее честь и достоинство под угрозой: Гуляка признался, что пустит в ход свое обаяние и свою хитрость.

— Я не скрываю, Флор, что буду тебя искушать, и, когда твой доктор меньше всего будет подозревать об этом, он окажется с рогами. И по-моему, они ему очень пойдут.

Ну нет, хоть ее первый муж известный донжуан и умелый соблазнитель, на сей раз ему не удастся овладеть доной Флор. Ему не удастся ни покорить, ни обмануть ее, честную женщину, которая не станет позорить ни своего имени, ни имени Теодоро. Дона Флор приняла вызов и снова уселась на край кровати.

— Не смей так говорить, Гуляка, это нехорошо. Ты должен с уважением относиться к моему мужу... Оставим эти пустые разговоры и давай потолкуем серьезно. Если я тебя и звала, как ты утверждаешь, то только для того, чтобы повидать тебя, когда мне становится особенно тоскливо. У меня и в голове не было никаких глупостей. Почему ты так плохо думаешь обо мне?

— Я? Разве я когда-нибудь говорил это?

— Семь лет я была твоей женой, а ты слонялся по

улицам, торчал в игорных домах, валялся в постели со всеми шлюхами Баии, да еще путался с девушками и замужними женщинами... Кстати, раз уж об этом зашла речь, я только недавно узнала, что у тебя был роман с этой чохоточной Инес, которая училась у меня в школе...

— Инес? Это такая тощая? — Гуляка, немного порывшись в памяти, вспомнил стройную Инес Васкес дос Сантос с хищной мордочкой.

— Помню, помню, кожа да кости... Неужели ты расстроилась из-за этого пустякового флирта? Случайная встреча и, скажу прямо, не из лучших. К тому же это было так давно, стоит ли ворошить прошлое?

— Ах, прошлое? Но я-то об этом узнала совсем недавно... Натерпелась я стыда! Ты умер, я снова вышла замуж, а мне продолжают рассказывать о твоём распутстве. Поэтому я и позвала тебя, мне хотелось кое-что выяснить. А ты вообразил бог знает что...

— Но, дорогая, как бы там ни было, я здесь, и ничего плохого не случится, если мы с тобой немного побалуемся. Надо пользоваться возможностью. Ты ведь тоже этого хочешь, а обо мне и говорить не приходится.

— Ты хорошо знаешь, я не из таких женщин, которые обманывают своих мужей. Семь лет ты издевался надо мной, унижал меня... Все соседи возмущались...

— И ты обращаешь внимание на этих сов?

— Другая давно бы бросила тебя, наставила тебе рога, опозорила. А я терпела, потому что я, слава богу, порядочная женщина, я ни разу не взглянула на другого мужчину, пока ты был жив...

— Знаю, дорогая...

— А если знаешь, почему хочешь, чтобы я обманула Теодоро, моего мужа, достойного, хорошего человека? Он носит меня на руках, никогда мне не изменял. Никогда, Гуляка. Однажды даже... — Дона Флор умолкла на полуслове.

— Что даже, милая? — вкрадчиво спросил он. — Расскажи...

— За ним увивается немало женщин, но он не замечает их...

— Немало, говоришь? По-моему, ты преувеличиваешь, дорогая, разве что Магнолия, первая шлюха Баии. Во всей этой истории он вел себя страшно глупо. Где это видано, чтобы солидный мужчина, доктор, испугался женщины, как мальчишка, только что «караул» не

вакричал. Просто позор... Ты знаешь, как его прозвали после этого? Доктор Клизма...

— Перестань, Гуляка. Не смей насмеяться над моим мужем, не смей... Я его очень люблю, очень ценю его отношение ко мне и никогда не опозорю...

— Но ты ведь первая затеяла этот разговор, моя птичка. Ответь мне, но только правду: кого ты больше любишь? Меня или его?

Он положил голову на грудь доны Флор, и она нежно перебирала его волосы. Каверзный вопрос Гуляки ее смутил.

— Я не стану его обманывать, он этого не заслуживает...

На лице Гуляки блуждала невинная, почти детская улыбка. Дона Флор коснулась волос на его груди, и тогда он с уверенностью сказал:

— Я не сомневаюсь, что меня ты любишь больше.

— Нет, ты этого не достоин...

Рука доны Флор касается шрама от ножа: ей нравится гладить этот шрам, напоминающий о драке после бегства Гуляки из колледжа. Ах, Гуляка, как он легкомыслен и как красив!

Слабый ветерок проникает в комнату, заставляя дрожать свет и вечерние тени.

— Я очень тосковал по тебе, дорогая, тоска давила мне грудь, словно сырая земля. Я хотел прийти к тебе, когда ты впервые позвала меня, но меня держал мокан, который дал тебе Диди. Только теперь я от него освободился... Потому что ты позвала меня по-настоящему, я действительно тебе нужен...

— Я тоже все это время тосковала по тебе... Хотя я и мучилась с тобой, когда ты умер, я тоже чуть не умерла...

Доне Флор вдруг захотелось смеяться, а может быть, и плакать — она сама не понимала. От ласковых рук Гуляки, от головы, лежащей на ее груди, исходило тепло, и не хотелось шевелиться. Красивая белокурая голова! Дона Флор медленно наклонилась к лицу Гуляки, он поднял свое и вдруг поцеловал ее в губы.

Дона Флор поспешила вырваться из его объятий, почувствовав, что теряет власть над собой.

— Ах, боже! Боже!

Она не смела хотя бы на минуту поддаться страсти, допустить хотя бы малейшую оплошность, если не хотела, чтобы дьявол ее одурачил,

Насвистывая, Гуляка поднялся и пошел рыться в ящиках шкафа. То ли из любопытства, то ли чтобы не мешать доне Флор собрать остатки ослабевшей воли и решимости.

5

Когда доктор пришел обедать, дона Флор уже полностью овладела собой, твердо решив остаться верной мужу, сохранить незапятнанным его имя и его репутацию. «Я никогда не запятнаю твое имя и не наставлю тебе рога, Теодоро, уж лучше умереть».

Нужно было противостоять обольщениям Гуляки, не идти навстречу его постыдным домогательствам, иначе, как писал автор брошюры об учении йогов, чистые чувства и честь окажутся поруганными.

Если Гуляка и впредь захочет с нею видеться, то ей следует поддерживать с ним чисто платонические отношения, никаких других дона Флор не могла себе позволить.

Она не скрывала и даже не пыталась скрыть своего чувства к покойному мужу, который ввел когда-то глупую девчонку в новый мир радостей и страданий. Это было странное чувство, не совсем понятное даже самой доне Флор.

Она была счастлива видеть этого разбойника, была счастлива говорить с ним, охотно смеялась его шуткам, ее сердце снова сжималось, как в те бессонные ночи, когда она прислушивалась к шагам по тихой улице. Однако теперь их отношения скорее напоминали нежную дружбу без прежних ссор, без бурных вспышек страсти. Ах, вот где таится опасность! Здесь легче всего попасть в западню!

Сейчас, когда она снова замужем и счастлива с Теодоро, их отношения с Гулякой должны быть целомудренными, а их бесстыдная страсть должна превратиться в платоническую, возвышенную влюбленность. Только ее второй муж, доктор Теодоро, теперь имеет право на ее любовь — по средам и субботам. Для Гуляки же остается время сна, единственно свободное от супружеского счастья время, и как знать, может быть, счастье доны Флор в какой-то степени зависит от этих снов?

Если бы Гуляка согласился на нежное платоническое чувство, его присутствие доставило бы ей радость,

внесло бы приятное разнообразие в ее размеренную жизнь, скрасив монотонность, которая теперь стала для доны Флор неотделимой от счастья. Вот что изрек по этому поводу Мирандон, уже известный вам философ и моралист:

— Счастье — штука довольно скучная, она быстро приедается.

Если же Гуляка не захочет ограничиться невинными отношениями, дона Флор расстанется с ним навсегда, порвет духовную связь, ибо даже она, эта связь, может стать грешной и украсить рогами светлое чело ее благородного мужа.

Успокоившись и приняв твердое решение, дона Флор, посасывая мятную лепешку, чтобы заглушить пряный вкус поцелуя Гуляки, встретила доктора Теодоро, как обычно, ласково. Она взяла у него пиджак и жилет и принесла легкую пижамную куртку. Обедая, работая за письменным столом или играя на фাগоте, доктор всегда надевал пижамную куртку — так он чувствовал себя свободнее.

За столом дона Флор заметила, что супруг ее чем-то озабочен. Он почти не говорил, ел вяло даже свои любимые кушанья — филе с жареной маниоковой мукой и яйцами, язык и перец. Доктор был явно чем-то обеспокоен, и дона Флор, как и положено хорошей жене, встревожилась.

Лишь когда они пили кофе, доктор Теодоро наконец заговорил, хотя и с трудом:

— Я хочу посоветоваться с тобой, дорогая, насчет одного важного дела, касающегося нас обоих...

— Я слушаю, дорогой...

Доктор Теодоро, не зная, как начать, снова умолк. Нерешительность мужа еще больше встревожила дону Флор, которая забыла о собственных волнениях.

— Что-нибудь случилось, Теодоро?

Он взглянул на нее и откашлялся.

— Мне хотелось бы знать твое мнение, давай решать, что для нас будет выгоднее.

— Боже мой, да что случилось? Умоляю, говори скорее, Теодоро...

— Дело в том, что... Словом, дом продается...

— Какой дом? В котором мы живем?

— Да. Ты знаешь, я скопил денег на покупку этого дома, как ты хотела. Но деньги понадобились на другое...

— Знаю... Ты имеешь в виду аптеку...

— ...Подвернулась возможность приобрести еще один пай, который фактически делал меня владельцем аптеки... Я не мог поступить по-другому...

— Ты правильно сделал, иначе и нельзя было. Я сама сказала тебе тогда, что дом мы купим потом.

— Так-то оно так... Но дело в том, дорогая, что теперь объявлено о продаже дома и почти за бесценок...

— Но ведь они должны отдать нам предпочтение.

— Это верно, но...

Оказывается, владелец дома занялся разведением скота и, истратив крупную сумму на покупку бычков и телок, решил продать дом. И хотя дона Флор была его давним и аккуратным арендатором, она лишилась всех привилегий, поскольку в свое время отказалась от покупки, когда сделка уже была заключена и оставалось только оформить бумаги. Хозяин не мог ждать, пока доктор Теодоро скупит все пай в своей аптеке. Деньги ему были нужны немедленно. Какой ему прок от дома, если арендная плата столь мизерна? Гораздо выгоднее разводить зебу, мясо которых очень ценится. Продажу дома хозяин поручил отделу недвижимости банка, где директором был его друг Селестино. Желающие приобрести дом наверняка найдутся, цена весьма умеренная.

Селестино по телефону срочно вызвал доктора Теодоро к себе в банк. Изложив суть дела, он посоветовал приобрести дом, более выгодной сделки не придумаешь; сумасбродный приятель продает дом едва ли не даром, ему, видите ли, понадобились деньги на партию скота.

— Когда его затея лопнет, маэстро Теодоро, страдает не один хороший человек... Но мой банк не отпустит ни гроша на эту аферу... Покупайте дом и не раздумывайте.

Португалец был прав, у доктора Теодоро безумная затея с разведением телят тоже не вызвала доверия. Но где достать необходимую сумму? Совсем недавно он истратил все свои сбережения на приобретение пая в аптеке да еще взял в банке того же Селестино деньги под краткосрочные векселя.

Банкир знал аптекаря как человека надежного, да и сам доктор никогда не пошел бы на риск, не имея полной уверенности в том, что сможет в нужные сроки погасить долг. Селестино улыбнулся: подумать только, дона Флор, эта добрая, скромная женщина, искусная повара, взяла себе в мужья двух совершенно разных мужчин. Разве предложил бы он деньги взаймы Гуляке, как

предлагал сейчас аптекарю. Тот готов был подписать что угодно, лишь бы получить несколько мильрейсов на игру в рулетку.

— Достаньте часть суммы, нужной для покупки, а остальное я дам вам под залог дома. Вот смотрите...

И, взяв карандаш, Селестино произвел подсчет. Пусть доктор добудет несколько конторейсов, остальное его не должно беспокоить, он получит долгосрочную, льготную ссуду под низкие проценты. Предложение португальца было поистине великодушно, и он еще присовокупил, что знает дону Флор со времен ее первого брака, не раз пробовал приготовленные ею деликатесы и всегда относился к ней с почтением. Впрочем, не меньше он уважает и доктора Теодоро как человека порядочного и прямого. Остался неупомянутым разве только покойный Гуляка, разумеется, по соображениям такта. Однако, вспомнив плута, Селестино снова любезно улыбнулся второму мужу доны Флор и продлил срок ссуды еще на шесть месяцев.

— Я очень благодарен вам за ваше предложение и никогда не забуду вашей щедрости, мой благородный друг, но, к сожалению, в настоящее время у меня совсем нет денег и взять их негде. Мне очень жаль, Флорипедес так мечтала купить этот дом, но ничего не поделаешь...

— Флорипедес...— пробормотал Селестино и подумал: какое нелепое имя.— Скажите, сеу доктор, вы дома тоже так зовете свою жену?

— О нет, дома я зову ее Флор, как и все. Впрочем...

— Ну и славу богу...— Селестино жестом остановил доктора: время банкира — деньги.— Так вот, мой дорогой, насколько мне известно, на счету доны Флор, или доны Флорипедес, как вы ее зовете, лежит приличная сумма, более чем достаточная на приобретение дома.

Доктор и не помышлял о деньгах жены.

— Но ведь это не мои деньги. Она их заработала, и я не имею права их касаться...

Банкир опять вскинул взгляд на фармацевта, сидевшего перед ним; он знал, что Гуляка брал деньги жены на игру, иногда отнимал насильно, говорят, даже бил ее...

— Ненужное благородство, мой доктор, вполне достойное глупцов вроде вашей милости...— Изысканная вежливость португальца сменилась откровенной грубостью.— Вы просто осел и напоминаете мне аристократов, которые, имея роуль, дробят камни... Скажите, ка-

кой прок от денег доны Флор, лежащих в банке? Она хочет обзавестись собственным домом, а вы, уважаемый, разводите здесь антимию и упускаете единственную возможность. Разве в брачном контракте у вас не оговорена общность имущества?

Доктор Теodoro проглотил и «глунца» и «осла», ибо хорошо знал португальца и был ему многим обязан.

— Не знаю, как и сказать ей...

— Советую сделать это в постели, лучшего места для обсуждения деловых вопросов с женой не существует. Я даю вам двадцать четыре часа сроку. Если завтра в это же время вы не явитесь, я продам дом тому, кто даст больше... А теперь я должен работать...

И все же не в постели, а за столом, за вечерним кофе, доктор Теodoro рассказал доне Флор о своем разговоре с банкиром, опустив, разумеется, его грубости.

— По-моему, тебе не следует трогать эти деньги.

— А что мне с ними делать?

— Они должны пойти на твои расходы... Личные...

— О каких расходах ты говоришь, Теodoro, если ты мне не даешь тратить из этих денег ни единого гроша? Даже матери посылаешь ты и еще сердисься, если я возражаю. Я только и делаю, что отношу деньги в банк и всего несколько раз брала оттуда совсем немного тебе на подарки. Так зачем мне эти деньги? Разве что долежатся до моих похорон...

— Не говори глупостей, дорогая... Но согласись, я, как муж, обязан...

— А почему я не могу участвовать в покупке дома? Или ты не считаешь меня своим другом? Значит, потвоему, я гожусь только на то, чтобы прибирать в комнатах, чинить и гладить твою одежду, готовить и ложиться с тобой в постель? — Дона Флор негодовала. — Выходит, для тебя я лишь служанка и наложница?

Потрясенный столь неожиданной вспышкой жены, доктор Теodoro не нашелся что ответить и застыл с ложкой в руке. Дона Флор немного успокоилась.

— Если ты меня уважаешь, ты должен разрешить мне участвовать в покупке дома...

Пожалуй, за все время их совместной жизни доктор Теodoro еще ни разу не был так растроган. Всегда сдержанный, он горячо воскликнул:

— Ты ведь знаешь, Флор, как я тебя люблю! В тебе вся моя жизнь! Неужели ты в этом сомневаешься?!

— Если ты действительно считаешь меня своей женой,— решительно сказала донна Флор,— ты завтра пойдешь к Селестино, а если ты этого не сделаешь, я сама к нему пойду...

Доктор Теодоро крепко обнял дону Флор, и та прижалась к мужу. Потом, не разнимая объятий, они уселись на софу, в эту минуту донна Флор испытывала к мужу почти страстную нежность.

— Ты самая разумная, самая достойная, самая красивая из всех женщин...

— О нет, мой Теодоро, я совсем не самая красивая...— И, пристально взглянув в добрые, счастливые глаза мужа, она добавила:— Но клянусь тебе, дорогой, я постараюсь быть самой разумной и самой достойной.

Она подставила доктору губы, только ее муж, благородный доктор Теодоро имел право на ее любовь и ее ласки.

В гостиной уже стало совсем темно, и Гуляка, наблюдавший за этой сценой, с недовольным видом провел рукой по волосам и вышел на улицу.

6

После этого разговора между доной Флор и доктором Теодоро события стали разворачиваться быстро.

В городе происходило такое, от чего пришли в изумление даже те, кто самым непосредственным образом был связан с чудесами и магией: ясновидящая Аспазия, каждое утро прибывающая с Востока к воротам Кармо, где она слыла единственным знатоком телекинеза; знаменитый медиум Жозета Маркос, известная своей близостью к потустороннему миру; Архангел Михаил де Карвальо, хозяин лавки чудес в переулке Калафате; доктор Наира Сака с дипломом Университета Юнитера, которая могла излечить магнетизмом любую болезнь; мадам Дебора с Вышки Скорбящих, хранительница секретов тибетских монахов, постоянно беременная от духовного общения с живым Буддой и умеющая предсказывать выгодные браки, а также выигрышные номера в лотерее; не говоря уже о старом Теобальдо Багдадском Принце.

Впрочем, не только эти просвещенные лица были потрясены, смятение царило и среди тех, кто держал тай-

ны Баии в своих руках, среди тех, кто создал ее и хранит уже долгие годы,— среди негритянских святых и богов.

Дона Флор тоже не сразу поняла, что происходит. И только Пеланки Моулас, со своим калабрийским чутьем, сообразил в чем дело, на это ему понадобилось всего несколько дней. Сначала этот бесстрашный и не знающий жалости бандит из Калабрии, этот гангстер, этот отчаянный игрок испугался и послал своего шофера Аурелио, пользовавшегося его полным доверием, к матери Отавии Киссимби, жрице конголезского божества, а сам отправился к философу-мистiku и астрологу Кардозо. Только он, по мнению Пеланки, мог спасти его королевство и его престиж.

Ибо Пеланки Моулас был государем самой могущественной державы — зеленых карточных столов и рулетки. Каждый вечер из всех игорных домов его люди приносили ему крупный куш. Редкие заведения ускользали от алчного взора Пеланки, разве что «Три герцога» да притон Паранагуа Вентуры, над остальными же он распростер свои крючковатые когти, отполированные личной маникюршей.

Даже подпольная лотерея составляла часть его владений, и только ему позволяла полиция собирать дань с обитателей этой страны. И если бы кто-нибудь по неведению отважился конкурировать с ним, дремлющие власти тотчас строго наказали бы наглеца: *dura lex, sed lex!*¹

Во всем штате Баия не было более могущественного человека даже среди военных, даже среди епископов и жрецов. Власть Пеланки Моуласа ничем не была ограничена. Он был полновластным хозяином самой богатой державы, на службе которой стояла огромная армия крупье, кассиров, банкометов, подставных игроков, маклеров, шпионов, агентов полиции. Своими подачками он содержал чиновников, государственных служащих, полицейских, занимался благотворительностью и жертвовал на строительство церквей.

Чего стоили по сравнению с ним губернатор и префект, генералы и архиепископы? Не было на земле силы, способной утратить Пеланки Моуласа, уже немолодого итальянца с любезной улыбкой и холодным взглядом,

¹ Суров закон, но закон! (лат.)

вечно курящего сигары в мушкетерке из слоновой кости и читающего Виргилия и Данте, ибо, кроме игры, он признавал только поэзию и мулаток.

7

Негр Аригоф ходил словно в воду одушевленный. Все началось приблизительно месяц назад, когда он, сбегая по лестнице дома, где снимал комнату, неожиданно наткнулся на сверток. Когда он разорвал пакет, оттуда выпалились мука, черные куриные перья, ритуальные листья, две медные монеты и ключья его еще довольно нового вязаного галстука. Галстук сразу навел Аригофа на верный след: это Заира решила отомстить ему, недобросив эбо.

Как-то вечером в «Табарисе», где было полным полно народу, Аригоф, забыв о рыцарских мажерах, дал ей пару затрепчин, чтобы она научилась вести себя как следует и не испытывала больше его терпения. Заира была магаметанкой, но соблюдала языческие обряды.

Тот, кто приготовил для Заиры этот колдовской сверток, наверняка хорошо разбирался в листьях, а главное, был способен на любую подлость. Теперь ни одно заклинание не сможет ему — негру перестало везти в игре. Он уже заложил свои лучшие вещи: кольцо из настоящего серебра, золотую цепочку с брелоками из слоновой кости, часы, купленные у белокурого матроса и, возможно, украденные из карманы богача. Часы были так красивы, что испанец из Сэте, понимающий в драгоценностях, которому Аригоф принес их заложить, даже присвистнул при виде этой изящной вещицы и предложил еще пятьсот мильрејсов, если негр задумает их продать.

Эта ведьма Заира засушила его судьбу. Озабоченный Аригоф размышлял, где же другая часть его галстука. Наверное, привязана к ноге какого-нибудь кабокло вместе с его фотокарточкой, той самой, где он улыбался, показывая золотой зуб. Аригоф подарил ее когда-то бессердечной любовнице и теперь рисовал себе, как она протыкает булавкой его лицо, чтобы каждое утро гасла его добрая звезда.

Он уже вринял ванну, настоянную на листьях, за него молилась Эпифания де Югун, но листья засыхали, едва касались тела Аригофа, — столь велика была сила колдовских чар Заиры.

Негр шел по улице Чили, размышляя над превратностями судьбы. Он только что покинул ресторан и направлялся к Терезе. Валдомиро Линс пригласил его пообедать после злополучного вечера в притоне Зезе, где негр проиграл последние гроши. Со злости Аригоф съел за один присест завтрак, обед и ужин. Приятель удивился:

— Что с тобой, Аригоф?

— Уж и не знаю, доведется ли мне еще когда-нибудь поесть, — мрачно ответил негр.

— Да что с тобой, ты болен?

— Хуже, братец. Мою судьбу привязали к ногам кабукло. Прямо не представляю, что и делать.

И он рассказал о своем несчастье: невезение преследует его уже целый месяц — играл ли он в кости, в карты или рулетку. Игроки стали избегать его, боясь, что колдовство распространится и на них.

— Никак не могу избавиться от этого невезения, братец...

Откровенно говоря, Аригоф надеялся, что Валдомиро Линс, человек обеспеченный и добрый, посочувствует ему и одолжит немного денег на игру. Но надежды негра не оправдались. Валдомиро ограничился советом: от невезения, считал он, можно избавиться только одним способом — какое-то время не играть. Пусть ослабеет сила колдовства, да и самому Аригофу надо успокоиться. Если же он будет упорствовать, то останется без гроша и заложит последние штаны. Он, Валдомиро Линс, никогда не искушает судьбу и однажды более трех месяцев не прикасался к картам, игральным костям и фишкам.

Поднимаясь по улице Чили, Аригоф размышлял о том, что друг его, пожалуй, прав: он не станет упорствовать, а лучше навестит Терезу, эту белую красотку, к которой он питал страсть, и которая, кстати сказать, была причиной ревности Заиры. Растянувшись на кровати рядом с Терезой и потягивая кашасу, он забудет о своих неудачах. Ничего другого ему не оставалось. Валдомиро Линс был прав и, как человек опытный, дал хороший совет.

Аригоф не сразу взял курс к дому Терезы; не в его привычках было оставлять поле боя, даже если он знал, что обречен на поражение. Он вспомнил о Гуляке, своем верном и незаменимом друге, который, к несчастью, умер. Вот кто наверняка бы помог ему!

Как тогда в «Табарисе», когда Гуляка, которому в тот вечер везло, дал ему фишку и Аригоф за несколько минут выиграл девяносто шесть конто, чего с ним никогда не случалось. А потом тут же заказал полдюжины костюмов, бросив в лицо портному несколько кредиток в пятьсот мильрейсов. Да, то была незабываемая ночь!

Странно, но стоило ему вспомнить Гуляку, как он вдруг совершенно явственно услышал насмешливый голос друга:

— Куда девалась твоя хваленая храбрость, негр? Ты же знаешь, выигрывают только упорные. Давно ты стал слушаться Валдомиро Линса? Разве ты не был игроком высокого класса, когда он пришел играть впервые?

Аригоф даже остановился посреди улицы, настолько живым показался ему голос Гуляки, прозвучавший в его ушах. Луна, поднявшаяся над морем, посеребрила Баию.

— Оставь пока свою белую клячу, трусливый негр, неужели ты испугался колдовства? И не касайся белой женщины, пока не кончится полоса невезения.

Неугомонный Гуляка и сам всегда верил в самые невероятные приметы и продолжал улыбаться, даже если ему не везло. А вдруг, подумал Аригоф, он видит меня сейчас и знает, как мне не везет, знает, что я заложил золотую цепочку, серебряное кольцо и часы?

— Куда девалось твое мужество, негр?

Валдомиро Линс, этот осторожный и опытный игрок, посоветовал ему не искушать судьбы и спрятаться пока в постели у любовницы, такой белой и такой образованной: Тереза знала наизусть все реки Китая, все вулканы и вершины Анд. При таком невезении только безумец мог отправиться к карточному столу.

— Иди, размазня, я тебе обещаю выигрыш...— снова прозвучал голос Гуляки.

Аригоф оглянулся; ему даже почудилось, что его коснулось дыхание Гуляки и еще будто старый друг взял его за руку и повел в «Абайшадиньо».

— Я никогда не отступал перед опасностью...— ответил негр.

И пока Тереза ждала его, жуя шоколадные конфеты, Аригоф без гроша в кармане вошел в зал «Абайшадиньо» и сел за карточный стол.

Банкомет Антонио Дединьо готовил для игры новые колоды, и по унылым лицам игроков можно было догадаться, что они проигрывают. Аригоф сразу увидел, что

тут нет никого, у кого бы он мог раздобыть денег. Объявив, что в банке сто конто, Антонио Дединьо выложил на стол даму и короля.

— Дама... — услышал Аригоф голос Гуляки.

Но где взять денег? Рядом с Аригофом сидел не знакомый ему господин в белом костюме, судя по виду, заведомо игорных домов. Наверное, богатый провинциал. Аригоф вытащил из галстука булавку в виде пронзенного сердца, подарок Терезы. Испанец из Сэте отказался принять ее в залог, заявив, что она лишь позолочена, а бриллианты на ней фальшивые.

Тем не менее Аригоф обратился к соседу:

— Одолжите мне одну фишку, уважаемый, любую, и пусть эта вещьца останется у вас в залог. Долг я вам верну, мое имя Аригоф, меня здесь все знают.

Франт протянул ему фишку в сто мильрейсов.

— Оставьте свою булавку при себе, если выиграете, вернете долг. Желаю удачи.

Только Аригоф поставил на даму, больше никто не захотел рисковать. Первая же карта оказалась дамой, и Аригоф выиграл. Дединьо снова открыл две карты, и снова выпали дама и король. Аригоф опять поставил на даму.

Антонио Дединьо вытянул карту из колоды: опять была дама. Аригоф продолжал ставить на даму, вместе с ним поставил мужчина в белом костюме. Постепенно у стола собирались любопытные. Антонио Дединьо снова открыл даму, на этот раз она оказалась червонной, и Аригоф вспомнил о Терезе.

Двенадцать раз выпадали дама и король, двенадцать раз выигрывал Аригоф. Теперь не только мужчина в белом костюме, но и другие игроки делали ставки на ту же карту, что и негр, снимавший в каждый кон три конто — максимальную ставку.

Бледный как смерть Антонио Дединьо приготовил новые колоды. Теперь за ним наблюдала не только взволнованная толпа зрителей, но и старший по залу Лулу. Игроки в баккара и рулетку тоже собрались у стола, где сидел Аригоф.

Из новой колоды Антонио Дединьо опять вытащил даму и короля, руки его дрожали. Аригоф улыбнулся: он победил невезение с помощью Гуляки, одолел колдовство, заставил удачу вернуться к себе. Если только существует потусторонний мир, если души умерших летают по небу, как утверждают компетентные лица, Гуляка, наверное, смотрит сейчас на него и гордится подвигом

своего друга Аригофа, отважного негра, поборовшего невезение и колдовские чары.

Но, к счастью, Гуляка, был здесь же, в зале, рядом с Аригофом, и, когда негр после сложных расчетов решил поставить на короля, он опять услышал слова друга, прозвучавшие как приказ:

— Ставь на даму, сукин сын!

И Аригоф, подчиняясь какой-то неведомой силе, снова поставил на даму.

Сжав зубы, чтобы сдерживать дрожь, Антонио Дединьо вытащил карту: дама! Послышались возгласы, нервные смешки; все больше народу собиралось вокруг стола.

Управляющий Жилберто Кашорран, похожий на собаку-ищейку, с недоверчивым видом уселся рядом с Лулу. Он решил разоблачить это жульничество, но и при нем дама продолжала выигрывать, банк в сто конто был снят.

В полной растерянности Антонио Дединьо повернулся к хозяину, ожидая его распоряжений, но Кашорран лишь взглянул на него, ничего не сказав, и банкومت, распечатав новые колоды, тщательно их перетасовал.

— В банке сто конто...

Снова дама и король! Воцарилась гробовая тишина. Теперь все хотели ставить на даму, люди приходили прямо с улицы и из «Табариса», где уже стало известно об игре Аригофа, но и новый банк продержался недолго.

По распоряжению Жилберто Кашоррана Лулу помчался к телефону. В зале поднялся невообразимый шум.

— Я ухожу, иначе, боюсь, сердце не выдержит, — заявил господин в белом. — Я играю больше десяти лет и всякое повидал, но такое вижу впервые и отказываюсь верить своим глазам.

Аригоф хотел вернуть ему фишку и пригласить на ужин к Терезе, но господин отказался.

— Боже сохрани! Больше всего на свете я боюсь колдовства, так что оставьте при себе свои фишки, а я пойду выкуплю свои, пока они не исчезли.

Лулу вернулся, и вскоре в зале появился пожилой, весьма солидный креол в очках — профессор Максимо Салес, помощник и доверенное лицо Пеланки Моуласа.

Когда Лулу позвонил ему, Моулас отказался поверить в эту невероятную историю, решив, что Лулу снова стал пить и теперь даже в рабочее время. Положив свою усталую голову на теплую грудь Зулмиры Симонс Фагундес, он наслаждался покоем, но все же послал на вся-

ний случай Максимо Салеса в игорный дом Кашоррана.

— Если этот Лулу пьян, немедленно гоните его в шею. И доложите мне о результатах...

Едва профессор Салес успел понять, что происходит за карточным столом, и убедиться в полной невинности Лулу, как банк в сто конто снова был снят.

Антонио Дединьо, вытирая пот с побледневшего лица, умоляюще взглянул на сидевшее перед ним трио. Он должен кормить и воспитывать детей, куда же он денется, если только и умеет, что играть в карты! Все трое недоверчиво смотрели на него, а Максимо Салес прошипел: «Продолжайте». В синем костюме, в очках, с рубиновым кольцом на пальце, Максимо Салес выглядел почтенным профессором, посевшим на научном поприще. Все так его и называли, хотя разбирался он только в азартных играх. Зато знал их досконально.

С видом жертвы Антонио Дединьо приготовил новые колоды, и опять все повторилось, словно в кошмаре. Максимо Салес, задав несколько вопросов Кашоррану и Лулу, дыхание которого было чистым, как дыхание ребенка, пошел звонить шефу.

Вот почему Пеланки Моулас вскоре появился в зале вместе с Зулмирой. Толпа расступалась перед ним, чтобы он собственными глазами мог увидеть, как испаряются его деньги. Банк в сто конто опять был снят.

Величественным жестом Пеланки Моулас отстранил Антонио Дединьо и осмотрел распечатанные колоды: двенадцать королей лежали внизу. Профессор Максимо, ищейка Жилберто и старший по залу обменялись понимающим взглядом. Антонио Дединьо, хоть и не чувствовал за собой никакой вины, знал, что обречен. Пеланки Моулас с холодным бешенством посмотрел сначала на банкмета, затем на трех своих подчиненных и алчную толпу вокруг стола, замершую в восторге. Впереди, рядом с горой фишек, сидел негр Аригоф: Гималайская вершина, как называла его Тереза; он широко улыбался.

Пеланки Моулас тоже улыбнулся Зулмире, стоявшей позади него, сам приготовил новые колоды и объявил так, будто читал стихи:

— В банке двести конто.

Но хотя он и был Пеланки Моулас, неограниченный властелин игорных домов, судьба не переменилась, под-

чиняясь уже каким-то сверхъестественным силам. Банк был снят, едва началась игра, и снова двенадцать королей лежали вместе.

Бросив карты, Пеланки Моулас что-то пробормотал, а Жилберто Кашорран громко объявил:

— На сегодня игра кончена...

Аригоф удалился под гул восторженных возгласов, за ним последовали поклонники и дамы, не страдавшие от излишней скромности. Получив в кассе деньги, Аригоф накупил шампанского и отправился к Терезе, белой красотке, любительнице географии. Его так и распирало от гордости и тщеславия: он победил невезение, колдовство и злые чары магометанки Заиры.

Пеланки Моулас напряженно размышлял над случившимся. Лулу только разводил руками, а Жилберто Кашорран был полностью согласен с Максимо Салесом: тут не обошлось без жульничества. Потерпевший крушение Дединьо молча ожидал приговора.

— Сначала нужно выяснить, что же все-таки произошло, — торжественно заявил профессор.

Пеланки Моулас пожал плечами: пусть они занимаются расследованием, вызывают, если нужно, полицию, у него своя опасность: калабриец верил в чудеса, связанные с поусторонним миром.

Зулмира Симознс Фагундес, его секретарь и фаворитка, вдруг кокетливо засмеялась.

— Ой, меня кто-то щекочет, Пекито! Что за чудеса! Будто привидение... — Пеланки Моулас перекрестился.

8

Эти суматошные дни были заполнены беготней. Усталые и взволнованные, доктор Теодоро и доне Флор носились из одного конца города в другой, из банка в нотариальную контору, из нотариальной конторы в муниципалитет. Доне Флор пришлось отпустить учениц до конца недели, доктор Теодоро почти не показывался в аптеке. Со всей лузитанской прямотой Селестино объявил доне Флор:

— Если вы действительно хотите купить дом, бросьте на несколько дней свои дурацкие занятия. Иначе дело не выгорит.

Появился еще один претендент, и, если б не банкир, сделка вряд ли состоялась бы. Теперь оставалось лишь

подписать купчую, которую в нотариальной конторе обещали подготовить через несколько дней. Задаток прежде всего хозяину уже был внесен деньгами, снятыми со счета доны Флор.

За эти дни, опираясь на твердую и сильную руку мужа, она обошла полгорода, домой заходила только чтобы поесть и поспать, но сон не приносил столь желанного отдыха. Мешал Гуляка, который, едва она появлялась, был тут как тут и с каждым разом держался все нахальнее, склоняя ее изменить Теодоро.

— То есть как изменить? — удивлялся хитрец. — Разве не я твой законный муж? И кто это может обвинить жену в измене с собственным мужем? Ведь ты поклялась мне в верности перед судьей и падре. А платонический брак, моя дорогая, — это какая-то нелепость...

Все эти доводы он шептал нежным голосом: Гуляка знал, чем можно смутить дону Флор.

— Разве мы поженились не для того, чтобы любить друг друга? Так в чем же дело?

Дона Флор еще чувствовала на своей руке руку доктора, слышала запах его пота — они, словно замыленные лошади, обегали весь город, оформляя бумаги на покушку дома. И вместо того чтобы отдыхать, приходилось быть в напряжении, ни на секунду не забывая, какая опасность ей грозит. Сама того не замечая, она поддавалась очарованию медоточивого голоса, млела от прикосновения коварных пальцев. А когда спохватывалась, уже была в объятиях Гуляки. Дона Флор силой вырывалась из его рук: нет, нет, она ему не отдастся, ни за что!

Правда, кое-что в эти хлопотливые дни она ему все-таки позволила. Но так ли невинны были эти мимолетные ласки?

Однажды вечером, придя домой после беготни по городу (доктор задержался в аптеке), дона Флор сняла платье, сбросила туфли и чулки и растянулась на железной кровати. Стояла тишина, легкий ветерок бродил по пустому дому. Дона Флор вздохнула.

— Устала, любимая? — Гуляка лежал рядом с ней.

Откуда он взялся?

— Ты даже не представляешь как... Чтобы получить какую-нибудь бумажку, надо потратить полдня... Кто мог подумать?

Гуляка коснулся ее лица.

— Но ты довольна, дорогая...

— Мне всегда хотелось иметь собственный домик...

— А я всегда мечтал подарить его тебе...

— Ты?

— Не веришь? Впрочем, у тебя есть для этого основания... И все же знай, что самым большим моим желанием было подарить тебе домик. Должен же я был хоть однажды выиграть столько, чтобы хватило на покупку... Я даже тайком от тебя кое-что предпринял, да не успел... Ты мне не веришь?

Дона Флор улыбнулась.

— А почему я должна тебе верить?

Почувствовав на своем лице дыхание Гуляки, она попыталась высвободиться из его объятий.

— Пусти меня...

Но он попросил, чтобы она позволила ему положить голову на грудь, и только.

— Поклянись, что ты не...

— Клянусь...

Руки Гуляки ласково гладили ее лицо, волосы, и от этих прикосновений проходила усталость. Утомленная дома Флор скоро заснула.

Проснувшись она уже в сумерках, когда пришел доктор Теodoro.

— Ты спала, дорогая? Совсем измоталась, бедняжка... И деньги свои истратила, а тут еще эта беготня по городу...

— Не говори глупостей, Теodoro...— Дона Флор стыдливо прикрылась простыней.

Она искала взглядом Гуляку, но не увидела его. Наверное, ушел, заслышав шаги доктора. Неужели он ревнует ее к Теodoro? Дона Флор улыбнулась. Хотя Гуляка и отрицал это, у нее были причины для подобных подозрений.

Доктор Теodoro надел пижамную куртку. Встав с кровати, дона Флор набросила халат.

— Много было хлопот, дорогая.— Муж взял ее руки в свои.— Но мы не зря побегали, зато у нас собственный дом. Теперь я не успокоюсь до тех пор, пока не внесу в банк всю сумму, которая лежала на твоём счету.

Обняв жену за талию, доктор Теodoro повел ее в столовую, где уже ждала дома Норма, которой не терпелось узнать, как обстоят дела с покупкой дома.

— Вы вежете на влюбленных голубков...— сказала соседка, и доктор, смутившись, отошел от жены.

На другой день утром дона Норма забежала к доне Флор посоветоваться насчет платья и, взглянув на ее обнаженную шею, усмехнулась.

— Вы ведете себя слишком откровенно, даже вызывающе...

— Не понимаю тебя.

— Я же видела вчера, как вы с мужем вышли из спальни, тесно прижавшись друг к другу!

— Ты имеешь в виду Теодоро? — испуганно спросила дона Флор.

— А кого же еще? Неужели доктор отступил от своих правил... Хотя понимаю, вы решили отпраздновать покупку дома...

— Что за разговор, Норминья!.. Какие глупости...

— Ах, моя милая, меня не обманешь, достаточно взглянуть на твою шею. Я и не подозревала, что наш доктор вампир...

Дона Флор побежала к зеркалу: иссиня-багровые следы поцелуев покрывали шею с правой стороны. Какой ужас!

Ах, этот тиран Гуляка, этот безумец... Еще и сейчас чувствуя нежное прикосновение его губ, дона Флор не могла на него сердиться. Она сама разрешила ему целовать шею, после того, как он ее заверил, что больше ничего себе не позволит. Убаюканная его поцелуями, она заснула. Ах, безобразник!

Чтобы скрыть синяки, дона Флор надела блузку с высоким воротом. Доктор Теодоро не должен видеть эти багровые следы от чужих губ. Его ласки никогда не были такими бурными. Дона Флор вернулась в столовую.

— Ради бога, Норминья, не вздумай подшучивать над Теодоро... Ты ведь знаешь, какой он застенчивый...

— Разумеется, я ни слова не скажу доктору, но, Флорзинья, не станешь же ты отрицать, что он отступает от своих правил... Может быть, он и был когда-то застенчивым, моя милая, но не теперь... Он стал совсем как Гуляка, который разве что на улице не занимался любовью.

Дона Флор услышала смех и почувствовала, что Гуляка где-то рядом. К счастью, дона Норма не видела его: плут парил в воздухе, играя с голыми женщинами; он был в рубашке, которую привезла в подарок доктору дона Гиза. Рубашка доходила Гуляке только до пояса.

— Успокойся, дорогая! Я не делаю ничего плохого. Позволь только, я оставлю руку там, где она есть, и буду гладить тебя. Но что с тобой? — Рука Гуляки целомудренно коснулась округлых бедер доны Флор, но, едва молчаливое согласие было получено, она скользнула дальше, захватывая новые позиции.

Ласками, поцелуями, нежными словами и взглядами, смехом, остроумными выдумками, жалобами и кокетством осаждал Гуляка неприступную, как казалось доне Флор, крепость, разрушал стену ее стыда и достоинства: с каждым наступлением незавоеванных участков оставалось все меньше.

Гуляка занимал все новые рубежи, сдавались бастиины, сраженные силой или хитростью, и, когда дона Флор спохватилась, только один редут — последний — еще не пал под натиском врага. Она и не заметила, как он овладел почти всей территорией.

Дона Флор хотела отругать его за ужасные синяки на шее, но Гуляка обнял ее, стал шептать нежные слова, посмеиваться над ее стыдливостью, а потом легко укусил за ухо, и по всему телу доны Флор пробежала дрожь.

Надо было немедленно покончить со всем этим, ведь мало похожим на невинную дружбу, которую дона Флор считала возможной между собой и Гулякой. Оценив всю меру опасности, угрожавшей чести ее супруга, дона Флор преисполнилась решимости. Кто это видел, чтобы у жены было два мужа?

Сидя на софе, дона Флор обдумывала, как бы ей по деликатней поговорить с Гулякой, чтобы он не обиделся. Ведь она сама его позвала. Как вдруг рука Гуляки приподняла край ее платья.

— Гуляка!

Дона Флор вскочила, охваченная яростью, Гуляка тоже вспылил, и между ними произошла неприятная сцена. Он не ожидал такого резкого отпора со стороны доны Флор, полагая, что завоевал ее полностью.

— Немедленно убери руку и не прикасайся больше ко мне... Если хочешь меня видеть и разговаривать со мной, держись на расстоянии, запомни, мы с тобой только друзья... Сколько раз тебе повторять, что я честная женщина и очень счастлива со своим мужем...

— Ответ Гуляки прозвучал насмешливо:

— Твой муж — самое обыкновенное ничтожество и болван... Тоже мне мужчина! Тупица и размазня!

— Теодоро умница и в отличие от тебя, пустомели, образованный человек...

— Очень может быть, но знаний его хватает только на то, чтобы приготовить микстуру. В любви же он невежда, в этом я уверен... Достаточно на него взглянуть...

Дона Флор была возмущена до предела, такой Гуляка ее еще никогда не видел.

— Ты глубоко заблуждаешься, уж я-то знаю об этом лучше тебя. Он настоящий мужчина! Ты ему в подметки не годишься...

Гуляка только презрительно фыркнул.

— Оставь меня в покое, ты мне не нужен... И не смей больше до меня дотрагиваться...

Дона Флор твердо решила, что не позволит ему огненным ни «невинных» поцелуев, ни ложиться рядом с собой, чтобы было «удобнее разговаривать». Она порядочная женщина и верная супруга.

— Зачем же ты тогда меня позвала?

— Я уже тебе говорила, что совсем не для этого... и теперь жалею...

Позднее, оставшись одна, дона Флор ругала себя за то, что была с ним слишком резка. Гуляка ушел из комнаты обиженный, с низко опущенной головой. Когда он явится вечером, она ему все объяснит по-хорошему. Дерзкий и взбалмошный, Гуляка все же должен понять ее щекотливое положение и не переступать границ дозволенного.

Обычно по вечерам, покончив с домашними делами, дона Флор принимала ванну и ложилась на несколько минут отдохнуть. Гуляка обязательно укладывался рядом с ней, и они беседовали о самых различных вещах. А пока они говорили, Гуляка незаметно прижимал ее к груди, пытался поцеловать. Если же дона Флор вырывалась, он принимался рассказывать о тех местах, откуда явился, и дона Флор, охваченная любопытством, забывала обороняться.

— Какой кажется оттуда земля, Гуляка?

— Она совсем голубая, моя милая.

— А бог какой из себя?

— Бог толстый.

— Убери руку, ты не держишь слова...

Гуляка смеялся, и дона Флор чувствовала это горячее дыхание с запахом перца, напоминавшее ей о легком ве-

терке и морских волнах, ах, Гуляка, бесстыдный обманщик..

В тот день, однако, дона Флор ждала его напрасно, Гуляка не пришел. Дона Флор ворочалась в постели, терзаемая тоской и сомнениями. А вдруг Гуляка оскорбился и ушел? Неужели никогда больше она его не увидит?

Дона Флор вздрогнула. Как она будет жить без него? Без его выходов, шалостей, без его ласк?

И все же придется привыкать к этому, если она хочет остаться порядочной женщиной. Это единственный выход из создавшегося положения. Ей будет тяжело, но что делать? Надо первать с Гулякой раз и навсегда, иначе у нее когда-нибудь не хватит сил сопротивляться и случится непоправимое. Дона Флор прекрасно понимала, к чему затеивает Гуляка все свои разговоры, она уже слабела в этой опасной и сладостной борьбе.

Как противостоять дальше хитрому Гуляке? Удалось же ему убедить ее в том, что все эти поцелуи и объятия совершенно безобидны и отнюдь не угрожают бесчестьем ни ей, ни доктору Теодору.

Гуляка снова, как в прежние времена, хотел усыпить ее все той же колыбельной песенкой, протяжной и нежной. Малейшая неосторожность со стороны донны Флор, и ее честь, как и честь ее ображаемого мужа, будет запятнана. А по отношению к доктору это было бы величайшей несправедливостью.

Да, другого выхода нет: Гуляка должен вернуться туда, откуда пришел. Конечно, дона Флор будет страдать, но что поделать? Она ему все же объяснит по-хорошему: «Прости, любимый, но больше я не могу так жить. Прости меня за то, что я тебя назвала. Я сама во всем виновата, а теперь прощай, оставь меня в покое...»

В покое? Или в отчаянии? Как бы там ни было, она останется порядочной женщиной, сохранившей верность своему мужу.

Гуляка не появился ни в спальне, пока она отдыхала, ни в столовой. Обычно он приходил к обеду и строил гримасы, а дона Флор кусала губы, чтобы не рассмеяться. Иногда Гуляка танцевал в рубашке донны Гизы, иногда становился за стулом доктора и пальцами делал ему режик, дона Флор еще сдерживалась, чтобы не обругать его.

Дона Флор прождала его до самой ночи, но Гуляка так и не появился. Теперь у нее уже не оставалось со-

инений в том, что он обиделся. Гуляка всегда был гордым и самолюбивым. Боже мой, неужели он не захотел даже проститься?

10

Гуляка исчез в среду утром, и дона Флор провела весь день в растерянности и тревоге, хотя и понимала, что только его уход может спасти ее от неминуемой беды.

Кстати о среде: в последнее время доктор Теодоро начал замечать некоторые перемены в своей жене, она стала более пылкой и забывала порой о своей обычной сдержанности. Подобные доказательства растущей любви, разумеется, не могли не радовать доктора, который тоже все больше любил дону Флор, если это только было возможно.

Однажды он даже нарушил строгое расписание; это случилось в тот день, когда была завершена покупка дома. Счастливое событие, с точки зрения доктора, было достаточным для этого поводом.

Возможно, так же считала и дона Флор. Хотя трудно сказать, что больше повлияло на нее — покупка дома или поцелуи Гуляки. Она и сама этого не понимала и не могла разобраться в противоречивых чувствах, охвативших ее. Но так или иначе, а доктор стал подумывать о том, что, пожалуй, стоит раз в полмесяца нарушать заведенный порядок.

Итак, в среду, после ссоры с Гулякой, дона Флор была растерянна и взволнованна. Впрочем, ее утешала мысль, что настал конец ее мучениям, когда она металась между двумя мужьями, обладающими одинаковыми на нее правами, не знала, как вести себя, и даже иногда путала их. Кто скажет, сможет ли она теперь вернуться к прежней спокойной и размеренной жизни?

Однако едва она оказалась с доктором Теодоро на супружеском ложе, в ее ушах раздался издевательский смех Гуляки, заставивший ее вздрогнуть. В первый момент дона Флор обрадовалась, что он здесь, значит, не ушел навсегда, как она опасалась. Но едва она увидела его сочувствующее, насмешливое лицо, как ее охватила злость.

— И это ты называешь любовью? Черт знает что такое, милая! Я никогда не наблюдал ничего более бездар-

ного... На твоём месте я бы лучше попросил у него склянку микстуры — по крайней мере излечивает кашель, да и приятнее... Говорю тебе, более печального зрелища я не знаю...

Дона Флор хотела ответить Гуляке подобающим образом, но не успела.

11

Пока дона Флор сражалась за свою честь, за благополучие своего семейного очага, рушилась империя Пеланки Моуласа.

Со дня сотворения мира никто не видел ничего подобного. Случалось, кому-нибудь везло, и отчаянный игрок снимал банк, однако было это крайне редко. Бывало и жульничество, но и ему рано или поздно приходил конец.

Против Пеланки Моуласа восстали карты, кости, рулетка. Тот, кто следил в эти дни за тем, что происходило в его казино, отказывался верить своим глазам. Профессор Максимо Салес многое повидал на своём веку: и как умирают от разрыва сердца, сорвав банк, и как кончают с собой, проигравшись, а потому всегда и всему находил объяснение. Скептик, он твердо стоял на земле и имел ясный, холодный ум. Он продавал билеты подпольной лотереи в Порто-Алегре, содержал притон в Манаусе, был крупье в Рио, подставным игроком в Ресифе, банкометом в Масейо, так что все шулерские трюки были ему известны.

— Итак, профессор, что вы скажете? Что дало ваше расследование? — спросил его Пеланки, глаза которого сверкали от бешенства.

Ничего конкретного Максимо Салес сообщить не мог и вынужден был признать, что ошибся. Кости и карты были осмотрены самым тщательным образом, но это ничего не дало. Полицейские агенты во главе с инспектором, очень сведущим в азартных играх, с пристрастием допросили служащих, невзирая на занимаемые ими посты, возраст, даже на близость к хозяину. Допрашивали и Домингоса Пропалато, молочного брата Пеланки. Только Зулмира не подверглась этому унижению, хотя профессор, зная об их отношениях с хозяином, не исключал ее виновности.

— Вот увидите, эта особа состоит в шайке.

Максимо полагал, что только шайка, очень ловкая и хорошо организованная, могла проделывать подобное, только шулерам международного масштаба под силу такое — у местных жуликов не хватило бы на это ни ума, ни опыта. Только европейские или американские специалисты, например, могли два вечера подряд снимать банк в баккара на одном и том же столе. Старый Анакреон заработал на этом целое состояние. Да и другие не остались в стороне, к удачливому игроку присоединилась куча народу. По мнению профессора Максимо, Анакреон тоже был членом шайки.

Банк в «Табарисе» метал лучший банкومت города, а может быть, и всего севера Бразилии — Домингос Пропалато, молочный брат Пеланки Моуласа. Они родились в одной деревне почти одновременно, и мать Домингоса вскормила своей пышной грудью будущего миллионера. Способный убить и умереть за брата, Пропалато был вне всякого подозрения. Против него играл старый Анакреон. Субъект более чем сомнительный.

Откуда хотя бы у него взялись деньги? Всем было известно, что у старика нет ни гроша, последнее время он торговал билетами подпольной лотереи.

Правда, старик был опытным игроком, задолго до того, как Пеланки Моулас основал свою империю в Баие, он блистал в подпольных притонах, где редко кто мог сравниться с ним. Шли годы, одно поколение сменялось другим, а старый Анакреон, переживший и взлеты и падения, не изменял рулетке, картам и костям.

Молодые люди, которые когда-то ходили за ним по пятам, давно бросили игру и превратились в серьезных и уважаемых людей. Один из друзей его юности — Биттенкур, — став крупным инженером, занял пост директора Управления по водоснабжению. Биттенкур предложил приятелю место с приличным окладом, но расстроганный Анакреон, со слезами обняв Биттенкура, отказался:

— Я гожусь только для игры...

Некоторые же, и, к счастью, таких было немного, получив высокие должности или женившись на богатках, старались не вспоминать о временах далекой юности. Другие умерли совсем молодыми, и Анакреон часто думал о них: о веселом остряке Жу, красавце и богаче Дивалдо Миранде, о толстяке Росси, компанейском парне, любителе танцев и выпивки, о незабвенном Гуляке, сумасброде и выдумщике,

Вот кто был молодцом! Даже мертвый, он не мог снести того, что старый Анакреон впал в нищету. Прискившись вдруг ему, когда Анакреон задремал после скудного завтрака, Гуляка велел отправиться в «Табарис» и там играть два дня подряд за столом Домингоса Пропалато. Но где взять денег? Позаимствовал немного у Раймуиндо, хозяина кафе, пока того не было — не станет же этот добряк поднимать шум из-за нескольких мильрейсов, — Анакреон дал себе слово вернуть долг с процентами на следующий же день.

Опытный игрок, Анакреон, никогда не пренебрегал ни снами, ни предчувствиями, тем более что совет исходил от такого верного друга, как Гуляка.

Потом произошло то, что нам уже известно, — сенсация в «Табарисе». Впервые за всю свою долгую службу Домингос Пропалато потерял самообладание, а совсем растерявшийся Максимо Салес помчался за Пеланки Моуласом.

Сам Анакреон никогда не видел ничего подобного, но он не собирался обсуждать во всеулышание этот вопрос, совет друга следовало уважать и хранить в тайне. Человек с широкими взглядами, Анакреон верил в свою счастливую звезду, для него не существовало ничего невозможного в картах и костях.

Пеланки же Моулас, едва войдя в зал, заметил в глазах Домингоса Пропалато панический страх. Сов рядом с молочным братом, он услышал отчаянный шепот, провучавший для него смертным приговором:

— Dio cane, Pessihicciol! Siamo fututi! ¹

Пропалато, словно марионетка, перевернул карту; снова выиграл Анакреон.

42

«Sono fregato, sono fututo!» ² — повторил Пеланки Моулас, когда настал черед Мирандона.

Из всех друзей Гуляки Мирандон был единственным, кто, несмотря на все невзгоды, сохранил жизнерадостность и по-прежнему проводил вечера за игрой.

Однажды воскресным утром, когда Мирандон возился со своими птичками, он вдруг совершенно явственно

¹ Это дьявол, Пекичо, мы пропали! (ит.)

² Меня надули, я пропал! (ит.)

услышал голос Гуляки: «Сегодня вечером, в «Паласе», 17».

Мирандон никогда не забывал своего лучшего друга, но в тот день у него было такое чувство, будто Гуляка стоит где-то здесь рядом и посвистывает, чтобы птички запели.

Мирандон собирался на завтрак к негритянке Андре-зе, которая обещала приготовить сарапател. По дороге к ней и за столом, покрытым белой скатертью, голос друга продолжал напоминать Мирандону о том, что вечером он должен поставить на 17. 17 было счастливым для Гуляки числом, но Мирандону оно никогда не приносило выигрыша.

За три года, прошедшие после смерти Гуляки, Мирандон несколько раз ставил свои скудные гроши на 17 и всегда проигрывал. Но если приятель хочет, сегодня он поставит на 17, для Гуляки он не пожалел бы и большего.

Но как это сделать, если у него, как назло, не было ни гроша в кармане, а из всех гостей Андресы только Робато Фильо мог дать в долг. Однако Робато, подняв бокал с пивом, прочел в честь Гуляки оду Годофредо, денег же у него, к сожалению, не оказалось.

Наевшись до отвала, Мирандон тщетно бродил по городу в надежде раздобыть хоть несколько мильрейсов. Тогда он мог бы рискнуть, хотя его любимым числом было 3 или 32. А ставить на 17, по его мнению, было все равно что бросать деньги на ветер. Но он сделает это в память о своем друге. И все же где добыть деньги в воскресенье? Все на футболе или в кино, на улице ни души. Несколько пессимистов, которых он случайно встретил, отказались помочь ему испытать судьбу.

Когда уже не оставалось никакой надежды, Мирандон вспомнил о своей куме доне Флор. Он еще ни разу не обращался к ней с такими просьбами и брал у нее деньги только на лечение детишек да на ремонт крыши, когда владелец дома проявил себя как человек мелочный и бездушный.

— Протекает крыша? Капает на детей? А мне какое дело, сеу Мирандон? Пусть хоть вас всех зальет, пусть хоть крыша обвалится, мне-то что? Вы теперь сами должны обо всем заботиться, мой друг. Уже больше шести лет я не получаю от вас денег. Я даже забыл, как они выглядят...

А вдруг он наткнется на доктора Теодоро? После свадьбы доны Флор Мирандон только раз навестил ее,

не желая докучать своим присутствием фармацевту, которому наверняка неприятно было видеть Мирандона, столь живо напоминавшего Гуляку, разумеется не внешностью.

Но сейчас у Мирандона не было иного выхода: если он не потревожит куму, придется отказаться от игры.

— Смотрите, кто к нам пожаловал...— сказала донна Гиза доне Флор, они обе сидели в креслах, стоящих на тротуаре.

«Боже мой, неужели Мирандон тоже видит его?» — испугалась донна Флор, заметив рядом с кумом совершенно голого Гуляку.

Но Мирандон, к счастью, не видел Гуляки. Поздоровавшись с доной Флор и доной Гизой, он осведомился, как поживает доктор.

— Очень хорошо. Он на заседании Общества фармакологов...

— А я и не подозревал, что ты одна дома...— сказал Гуляка, но его услышала только донна Флор, которая оставила его слова без внимания.

Донна Гиза посидела еще немного и вскоре распрощалась, сказав, что ей нужно исправлять домашние задания по английскому. Мирандон уселся в освободившемся кресле.

— Ради бога, кума, простите, что я вас побеспокоил, но дело в том, что мне очень нужны...

— Кто-нибудь заболел?

Мирандон чуть было не сказал, что у сына поднялась температура, нужно вызвать врача и купить лекарства. Но зачем напрасно волновать куму, если она и так даст денег?

— Нет, кума, у нас все здоровы... Мне для игры...

— Слава богу, кум.

И вдруг Мирандон решил рассказать все начистоту.

— Его голос совсем такой, какой был при жизни. Кума, он велел мне обязательно сегодня играть.

Донна Флор видела, как Гуляка уселся на подоконник и усталился на нее своими бесстыжими глазами. Она старалась не смотреть в его сторону, но против воли ее взгляд скользил по белой гладкой коже Гуляки, его белокурым волосам, яркому рту, шраму от ножа.

— Сколько вам нужно, кум?

— Немного...

Донна Флор пошла за деньгами, Гуляка последовал за ней и в спальне, схватив ее в объятия, поцеловал. Бед-

вяжка дона Флор не могла даже прикрикнуть на него из-за кума, который ждал за дверью.

— Ах, Гуляка...— только и простонала она и, совсем потеряв стыд, сама подставила губы.

Гуляка потащил ее к кровати, пытаясь раздеть. Если бы не шаги кума в соседней комнате, дона Флор, может быть, и забыла в этот миг о том, что она порядочная женщина и верная жена. Но она все же взяла себя в руки и вырвалась из объятий Гуляки.

— Ты с ума сошел! Ведь здесь твой кум...

— Он за дверью...

— Там все слышно... Оставь меня, бесстыдник!

Дона Флор пригладила волосы, привела себя в порядок и, выйдя из спальни, протянула Мирандону смятую в потной руке бумажку.

— Спасибо, кума, не знаю, как вас и благодарить. Если я не выиграю сегодня, то не выиграю никогда больше, я в этом убежден. У меня такое чувство, будто кум где-то рядом и принесет мне удачу.

Уже выходя на улицу, Мирандон рассмеялся.

— Только он хочет, чтобы я ставил на семнадцать, но я поставлю на три и тридцать два. Я еще с ума не сошел! Однажды, кума, я ставил на тридцать два четыре раза подряд и все четыре раза снимал банк. Представляете?

— Идиот!

— Вы слышали, кума? Слышали, что он сказал? Это же его голос!

Дона Флор, совсем обессилов, едва пролепетала:

— Не обращайтесь внимания, кум, иногда он и со мной говорит...

Мирандон не стал вникать в ее слова. В этот день вообще все шло кувырком, и бессмысленно было искать объяснение происходящему. Да и вечер наступил как-то внезапно, без заката и сумерек. Часы Мирандона показывали, что пора торопиться.

— Прощайте, кума, завтра я отдам вам долг...

— Не надо, кум. Если выиграете, купите конфет для мальчиков и подарите им от меня...— Помолчав, дона Флор добавила: — И от кума.

Она почувствовала на своей щеке поцелуй Гуляки, нежный, как дуновение ветерка.

— До свидания, любимая... Ночью я приду и непременно вытащу тебя из постели... Жди меня... Обязательно жди...

В этот воскресный вечер залы «Паласа» были переполнены. Оркестр играл фокстрот, и среди танцующих Мирандон узнал аргентинца Бернабо и дошу Нанси. Обменяв в кассе сто мильрейсов на фишки, он положил в карман две помельче для Гуляки, остальные же разделил поровну: половина для трех, половина для тридцати двух.

Подойдя к столу, Мирандон улыбнулся круше Лоуренсо Манде-Ваке, своему старому знакомому, и ловко бросил одну фишки на 3, другую на 32. Но фишки упали на 17 как раз в тот момент, когда Лоуренсо объявил игру.

Раумеется, выиграло 17. И потом выигрывало весь вечер, пока в полночь под предлогом неисправности в рулетке Пеланки Моулас не приказал прекратить игру.

В уютной квартирке Зулмиры, блаженствуя на ее роскошной груди, Пеланки Моулас слушал отчет профессора Максимо Салеса о том, что осмотр стола рулетки ничего не дал; и в этот раз никакого жульничества не было обнаружено.

— Я так и знал... — престоная несчастный король.

В этой квартире, известной лишь немногим, великий человек, которому подчинялся весь город, скрывался от назойливых посетителей. С утра до ночи они осаждали его контору, каждый со своим делом. Кому были нужны деньги на постройку церкви, кому на покупку колоколов, кому на благотворительность, кому на приюты для престарелых или исправительные колонии для детей. Журналисты и политики желали за его счет спасти родину, христианскую цивилизацию и режим от подрывных элементов и безбожников, литераторы лезли с проектами новых журналов и рукописями. Пеланки каталась посылать их всех подальше, но вместо этого он вытаскивал бумажку в двадцать или пятьдесят мильрейсов, в зависимости от того, кто перед ним стоял — молодой гений или маститый поэт. К нему обращались реформаторы, католики, протестанты — словом, все, кто боролся с падением нравов, анархией, коммунистической опасностью, свободной любовью, отступлением от правил португальской грамматики и слишком открытыми купальными ко-

стюмами. Прибегали к его помощи и Ассоциация матерей, борющаяся против алкоголя, проституции и азартных игр, Общество помощи миссионерам в Океании, Общество борцов с неграмотностью, возглавляемое майором Косме де Фариа, Карнавальный клуб веселых смуглянок Кабулы, больные всеми на свете болезнями, слепые, хромые, калеки, не говоря уже о сумасшедших и профессиональных попрошайках. Сейчас это тихое пристанище было для Пеланки единственным местом, где исчезал охвативший его панический страх.

Не желая признать себя побежденным, Максимо Салес предложил смелый и простой план: переделать рулетку таким образом, чтобы шарик никогда не смог попасть на 17. Трюк старый, как и сама игра, но иначе они не смогут обнаружить мошенничества. Домыслы Пеланки насчет черной магии Максимо продолжал считать нелепостью и по-прежнему стоял на своем: сообщая с крупье и некоторыми игроками в городе действует шайка иностранных шулеров.

Какая там шайка, *sono fregato, sono fututo!* Пеланки не верил в ее существование, по его мнению, все обстояло гораздо хуже: желая его разорить, враги прибегли к помощи сверхъестественных сил.

Тем более что в жизни Пеланки всякое бывало и многие имели основания его ненавидеть, проклинать его и мстить за его жестокость. Сейчас у него было такое ощущение, будто его загнали в угол, он не видел путей к спасению от злых чар.

Пеланки не боялся людей, не знал жалости к врагам. Но этот гангстер, дитя прогресса, прятался под одеяло при первом ударе грома, а яркие вспышки молнии превращали его в суеверного крестьянского мальчишку из нищей итальянской деревушки.

— *Maledetto, sono stregato!*¹

— Вот увидите,— ответил ему Максимо Салес, который был вольнодумцем и скептиком, боялся только людей и не верил в загробный мир,— мы выведем их на чистую воду. Я знаю, что подобные трюки запрещены, мне это не по вкусу, так же как и вам. И все же я предлагаю прибегнуть к этому крайнему средству, потому что на обман надо отвечать обманом. Если и после нашей операции шарик остановится на семнадцати — а вы, сеньор, прекрасно знаете, что это невозможно,— я согла-

¹ Проклятье, я околдован! (ит.)

путь с вами, что здесь замешан дьявол, и тогда мы обратимся к негритянским жрецам.

Пеланки Моулас пожал плечами: если Максимо нуждается в лишних доказательствах, пусть делает, что считает нужным, только помнит об осторожности.

— Я сам этим займусь, можете не беспокоиться.

— И только на один вечер...

— Согласен.

Потирая руки, Максимо отправился выполнять свою деликатную миссию, которая Пеланки Моуласу казалась заранее обреченной на провал. Настало время отдать свое состояние и свою судьбу в более надежные руки, чем руки Максимо и полиции: объяснение происходящему способен найти лишь Кардозо и Са, обладающий сверхъестественной способностью проникать в загадки потустороннего мира, узнавать прошлое и будущее, которое вершится в лучезарных небесах и в черных пропастях.

Зулира тоже не сомневалась, что все это проделки дьявола. Накануне она промолчала, не желая огорчать и без того расстроенного Пеланки, но едва кончилась игра в «Паласе», кто-то невидимый дотронулся до ее груди, а потом — о, ужас! — уцпинул за бедро.

— Посмотри, Пекито...

Она подняла халат: на бронзовой коже красовался багровый синяк — последнее и решающее доказательство козней нечистого.

— Assidentel! ¹ — воскликнул калабриец.

15

Итак, за минувшие годы Гуляка ничуть не изменился.

— Ночью я приду, чтобы вытащить тебя из постели. Жди...

Будто донна Флор была распутной девкой и могла отдаться другому, пока муж спит сном праведника.

Донна Флор смотрит в его честное, благородное лицо, слушает его спокойное дыхание и ее охватывает нежность: нет на свете мужчины лучше Теодоро. И пора ей раз и навсегда покончить с колебаниями, недостойными порядочной женщины.

¹ Черт возьми! (ит.)

Лучше подождать Гуляку в гостиной, так надежнее; если Гуляке и удастся обнять ее, все же это случится не в той комнате, где спит муж. Не в силах совладать со своей грешной плотью, донна Флор все же опасалась, что не сможет устоять. Ее воля слаба, едва появлялся Гуляка, голова кружилась, она чувствовала себя в полной власти соблазителя. Донна Флор уже не была хозяйкой своего тела, которым все больше завладевал Гуляка.

Правда, она еще не отдалась ему, но, возможно, лишь потому, что в последние дни Гуляка почти не показывался; его снова захватили игра и легкомысленные развлечения. Так было и в тот вечер. Твердо обещав прийти, он не сдержал своего слова и остался в казино. А может быть, и в веселом заведении. Донна Флор ходит по гостиной, отгирывает окно, выглядывает на улицу и считает минуты.

Все его клятвы и пылкие признания — ложь! Донна Флор ждет его, а он забыл о ней ради игры. Но может быть, он еще придет после закрытия казино?

Однако казино уже закрыли — донна Флор хорошо знает, до какого часа оно открыто, уже не первый год она поджидает Гуляку. Где он бродит, почему опаздывает, почему забыл о своем обещании? Почему злоупотребляет ее терпением, почему не приходит, если обещал, а она его ждет вопреки здравому смыслу, забыв о чести, женском достоинстве, о своем супружеском счастье и любимом муже? Почему она хочет только одного — увидеть Гуляку? Почему он сумел внушить ей это желание?

Утром на занятиях донна Флор так нервничала и была так рассеяна, что едва не уронила рисовый пудинг. До нее доносился взволнованный голос Зулмиры Симонс Фагундес:

— Это какое-то колдовство, девочки, я с ума схожу от страха... Помните, как-то на днях мне показалось, будто кто-то коснулся моей груди? Так вот, эта история продолжается...

Девушки бросились на нее с вопросами:

— Неужели? Не может быть! Рассажай...

— Вчера вечером я была в «Паласе»...

— Да ты каждый день бываешь там!..

— Это входит в мои обязанности.

— Хотела бы я иметь такие обязанности...

— Рассказывай, Зулмира...

— Так вот, вчера вечером я со своим хозяином была в «Паласе», и там произошло нечто невероятное: шарж рулетки все время останавливался на семнадцати...

Дона Флор затаила дыхание.

— Вдруг я почувствовала, как кто-то свежа коснулся моей груди, а потом, — она понизила голос, — ущипнул за бедро...

— Невидимка? Что за фантазия! — усомнилась сеньора, которая давно высохла и поэтому мало верила в чудеса.

— Не верите? Пожалуйста, могу показать.

Зулмира задрала юбку, обнажив бедро, способное внушить зависть даже самым пышным дамам: на коже явно виднелся уже немного побледневший след от пальцев Гуляки. Дона Флор молча вышла из комнаты.

Настроение у нее было испорчено, и все же она продолжала его ждать. Гуляка не пришел, не явился он и на следующую ночь. Обманщик и лицемер! Дона Флор ждет его, а он преспокойно торчит в казино и щиплет Зулмиру. Притворщик, вероломный и бездушный циник! Муки донь Флор кончились, осталась только грусть.

16

Тщеславие и высокомерие были чужды профессору Максимо Салесу, свои успехи он скромно объяснял поговоркой: «С мошенником может справиться только еще больший мошенник». Как человек образованный, он был подлинным гуманистом.

Хватит с него этих разговоров о потустороннем мире, злых чарах и колдовстве. Достаточно было проделать над рулеткой небольшую операцию, и колдовство рассеялось; теперь жульничество стало очевидным, оставалось только раскрыть главаря шайки и расправиться с ним. Ни о чем не подозревавший крупье Лоуренсо Мав-де-Вака не переставал удивляться: накануне выпадало только 17, сегодня же это число ни разу не выиграло.

Лицо Пеланки Моуласа просветлело. Сверхъестественные силы не отступили бы перед трюком Салеса, значит, они здесь ни при чем. Максимо сорвал с этой истории покров таинственности, и теперь уж могущественный Пеланки доберется до виновников, заставит их с лихвой заплатить за наглое мошенничество и особенно за тот ма-

лодушный страх, который все это время грыз его душу. Сидя между Зулмирой и Домингосом Пропалато, Пеланки снова улыбался игрокам своей обворожительной улыбкой.

Тем временем Мирандон спал в прекрасном розовом будуаре Карлы. Накануне, когда Пеланки Моулас, уже почти не владевший собой, приказал прекратить игру, крупье Лоуренсо Ман-де-Вака и Домингос Пропалато вздохнули с облегчением, так же как и Мирандон, растерянно сидевший перед горой фишек, принесенных выигрышем, в котором было что-то устрашающее.

Пока выигрывало 17, Мирандон испытывал смешанное чувство ликования и в то же время ужаса: в этом необыкновенном везении было что-то нечистое. Все ему казалось подозрительным и странным: и голос Гуляки, неотступно преследовавший его с самого утра, и беседа у доны Флор, в которой покойный друг тоже принимал участие, и фишки, которые упали на 17, хотя он бросил их на 3 и 32. Среди вечера Мирандон еще раз из любопытства решил поставить на свои любимые числа, однако фишки снова упали на 17. Так кто же он — игрок или игрушка в руках судьбы?

Выйдя из «Паласа», новоиспеченный миллионер с тревожным сердцем направился к гостеприимному дому Карлы — самому подходящему месту для тех, кто хочет отпраздновать выдающееся событие или избавиться от душевных мук. Он доверил свой капитал толстой и честной итальянке, велел, разумеется, истратить на праздник сколько потребуется. Мирандон боялся, опьянев, лишиться денег, вокруг него, словно пчелы вокруг меда, уже вились женщины и угодливые дружки. А он собирался закатить грандиозную попойку, чтобы утопить в вине все свои недоумения.

Пир длился до утра, а наиболее выносливые из гостей — литераторы Робато Фильо и Аурео Контрейрас (как всегда, с цветком в петлице) и журналист Жоан Батиста — остались завтракать вкуснейшей фейжоадой, к которой подали кашасу и молодое вино. Только позавтракав, Мирандон наконец свалился, и девушки унесли его неподвижное тело на носилках. Затем Мирандона раздели, опустили в теплую ванну, надушили и уложили на кровать с пышным матрацем, в будуаре, обитом розовым атласом и предназначенном для самых почетных клиентов.

Наиболее чувствительные гости, в том числе и Мирандон, весь вечер не могли избавиться от ощущения, будто кто-то распоряжается на их веселом празднике. Иначе как объяснить, например, то, что толстая Карла вдруг решила исполнить танец семи вуалей?

Да и у Максимо Салеса, этого скептика и рационалиста, было такое впечатление, будто за ним наблюдают, когда он и Домингос Пропалато возились с рулеткой. Иногда он даже оглядывался по сторонам, словно искал неизвестного свидетеля своих многотрудных дел.

Около полуночи Мирандон, спавший мертвым сном после бурного дня и обильной выпивки, вдруг снова услышал тот же голос: сначала не очень отчетливо, затем совершенно ясно. Гуляка приказывал ему немедленно вернуться в «Палас» и снова ставить на 17 и только на 17!

Открыв глаза и увидев только темноту, Мирандон, помертвевший от страха, нырнул под одеяло и закрыл уши подушкой. Накануне в самый разгар веселья Анакреон спросил у него: «Ты тоже слышал голос Гуляки? Второго такого друга не сыщешь. Даже после смерти он нас не забывает».

Мирандон не хотел слышать этот голос, но он звучал все настойчивее. Все ясно, его околдовали, эгун овладел им. Надо скорее сходить на кандомбле матери Сеньоры, чтобы очистить свое тело и умиловить божество жертвоприношением.

Но и сквозь подушку проникал властный и уже угрожающий голос Гуляки. И тогда Мирандон, не найдя ничего лучшего, стал звать на помощь, всполошив весь дом. Попросив извинения у уважаемого судьи, который на этот раз задержался дольше обычного, добрая Карла пошла успокоить перепуганного гостя. И когда она обняла Мирандона, прижав его к своей необъятной груди, тот поклялся ей душою своей матери и счастьем своих детей, что никогда больше не будет играть и никто ни на земле, ни в небесах не заставит его еще хотя бы раз коснуться фишек.

Когда зазвонил телефон, Джованни Гимараэнс спал сном праведника. После женитьбы он привык ложиться и вставать рано, что было, по мнению его супруги, очень

полезно для здоровья и для карьеры, особенно если в молодости человек вел разгульную жизнь, достойную самого сурового порицания.

Журналист Джованни Гимараэнс за очень короткое время изменился, как говорят, до неузнаваемости. И все благодаря браку с женщиной, обладающей твердым характером и не желающей мириться с пороками и внутренним правом мужа. Джованни по-прежнему оставался веселым сочинителем всяких небылиц, интересным собеседником, всегда готовым обсудить городские новости. Но и только. К удивлению многих, этот неисправимый кутила и игрок совершенно остепенился.

Еще не так давно родители Джованни, встревоженные слухами, дошедшими до их поместья, послали в Баию племянника, сборщика податей, известного своими строгими принципами, узнать, чем занимается их блудный сын. Сборщик податей остановился на холостяцкой квартире Джованни и, чтобы лучше справиться со своей деликатной миссией, целую неделю повсюду сопровождал двоюродного брата. Возвратившись, он уверенно поставил диагноз: «Неисправим!»

Джованни проматывал все свое жалованье и деньги, которые присылали родители, в игорных притонах и других злых местах, появляясь на службе только в дни зарплат. Он не вылезал из долгов, носился с какими-то подозрительными идеями, а поэтому ни престиж журналиста, ни острый ум, ни обаяние, привлекавшее к нему все новых друзей, не могли его спасти.

Вернувшись в свою контору, к богу и семье, двоюродный брат возмущался упорством Джованни, который считал, что только законченный болван может отказаться от всех этих удовольствий, в том числе от главного из них — грациозной Заза.

— И не надейтесь... Джованни словно помешался... Вряд ли он когда-нибудь исправится...— говорил сборщик налогов рыдающим родителям.

Но он исправился. Когда родители потеряли всякую надежду и смирились со своей участью, Джованни вдруг влюбился, а через два месяца сыграл свадьбу. Некоторым жалели невесту: «Бедняжка проклянет день, когда дала согласие выйти замуж за этого сумасшедшего».

Так говорили те, кто судил о девушке по ее смиренному виду и скромным манерам. Однако братец из сертана, снова приехавший в Баию через полгода после свадьбы, только покачал головой и поспешил к Заза, на-

десять уговорить ее уехать с ним в деревню, чтобы ближе познакомиться с сельской жизнью.

Джованни не появлялся больше в игорных домах и в веселых компаниях. Раз в два месяца он играл в подпольной лотерее, вот и все, а красивых женщин видел только на экране. Он стал почтенным, уважаемым чиновником и примерным семьянином, и, когда он шествовал по улице рядом с женой, держа за руку маленькую Людмилу, нельзя было на растрогаться при виде этого семейства.

Вместе с лысиной у него появились консервативные взгляды, патриархальные наклонности и мечта заняться сельским хозяйством, — словом, еще один муж вернулся в лоно общества и семьи.

Итак, Джованни спал, когда раздался телефонный звонок. Вскочив с постели, он, еще не совсем проснувшись, схватил трубку.

— Джованни? — спросили на другом конце провода.

— Я. А кто говорит?

— Гуляка. Сейчас же беги в «Палас» и ставь на семнадцать, играй без опаски, дело верное, я ручаюсь. Только скорей...

— Сейчас иду.

Стараясь не шуметь, Джованни быстро оделся. Хорошо еще, что жена спала и не надо было ничего объяснять: на это времени у него не было. Он выскочил из дому, забыв взять с собой ключи и бумажник с деньгами и документами. На углу подвернулось такси, и, только когда подъехали к «Паласу», Джованни обнаружил, что у него с собой ни гроша.

— Забыл бумажник...

— Ничего, сеу доктор... Я потом получу с вас...

Джованни узнал Цыгана, а вот себя, Джованни Гимараанеса, он не узнавал. Черт побери, что ему понадобилось в «Паласе» в час ночи? Его разбудил телефонный звонок, и Гуляка велел ему ставить на 17. Но ведь Гуляка умер несколько лет назад, еще до того, как он, Джованни, женился. Наверное, это сон, галлюцинация.

Пусть так, но раз уж он приехал сюда, тайком удрав из дому, за что ему не забежать забучки, остается только воспользоваться советом, полученным по телефону. Вдохнув свежий ночной воздух, Джованни вновь почувствовал себя свободным и стал подниматься в игорный зал.

Несмотря на поздний час, в зале было полно народу, особенно около рулетки. Джованни шумно приветствовали.

— Рады тебя видеть, давненько ты здесь не появлялся...

— Ба, кого я вижу!

Подойдя к Пеланки, журналист спросил:

— Могу ли я взять у вас в долг? Я так торопился, что забыл бумажник и чековую книжку...

— Сколько угодно... Касса к вашим услугам.

— Много мне не нужно, я только хочу убедиться в правильности предзнаменования. Мне приснилось будто я должен поставить на семнадцать.

— Семнадцать?

На лице Максимо Салеса появилась торжествующая улыбка, а сердце Пеланки Моуласа забилося от страшного предчувствия. Джованни написал расписку и, взяв фишки, поставил сразу две на 17.

— Сегодня это число ни разу не выиграло,— сказал кто-то.

— Игра сделана...— раздался голос Лоуренсо Ман-де-Вака.

Шарик закружил по полю рулетки, тщетно стремясь к 17.

Максимо Салес сиял, Пеланки Моулас застыл, весь напрягшись.

— Черное. Семнадцать! — объявил Лоуренсо Ман-де-Вака.

Субботний вечер, монотонный дождь навевает тоску. Тяжело остаться наедине со своими грустными мыслями. Но даже это доне Флор не удалось.

Надев плащ и взяв зонт, доктор Теодоро ушел на репетицию к доктору Венсеслау. Дона Флор извинилась: у нее мигрень, и она не расположена вести беседу о последних модах и светских новостях; разумеется, она не призналась, что попросту скучает на репетициях оркестра. Напротив, выразила сожаление, что не сможет послушать еще раз медленный вальс «Вздохи при луне на Миссисипи» маэстро Аженора Гомеса; сочиненный в честь донь Гизы, с которой автор в последнее время по-дружился.

Дона Гиза зашла пригласить дону Флор на капоэйру в районе Амаралины: любопытная американка всегда все знала. Дона Флор отказалась, опять сославшись на то, что чувствует себя совсем разбитой. То же сказала она доктору Ивесу и доне Эмине, которые позвали ее в кино. Дона Норма предложила сыграть в карты.

— Пойдем, сыграем в биску, поболтаем.

— Спасибо, Норминья. Но у меня нет настроения, иначе я пошла бы с Теодоро. Пришлось ему отправиться одному...

— Я видела, как он шел к трамвайной остановке мрачный, будто на похоронах. Он очень любит тебя, Флор.

Плохо она поступила, не пойдя с мужем на репетицию: Теодоро просил совсем немного в обмен на свою любовь и преданность. Тогда как другой... Нет, не надо думать об этом дьявольском наваждении. Почему так устроено женское сердце? Почему ей захотелось остаться одной? Ведь для доктора Теодоро не было большей радости, чем играть на фаготе для своей жены. А она осталась дома в надежде, что придет тот, другой, забыв наконец о своей рулетке.

Да, осталась, но только для того, чтобы высказать ему все, прогнать его, раз и навсегда с ним порвать. Так ли? А может быть, для того, чтобы сказать ему: «Я твоя, Гуляка, я не могу больше ждать»? Так что же она ему скажет? Затянувшаяся борьба духа или плоти совсем обессилила бедную женщину.

Из соседнего дома доносится голос Марилды, поющей любовную песню, молодая радиозвезда собирается замуж. Официальное предложение, правда, еще не сделано, потому что жених, богатый какаовый плантатор, требует, чтобы она бросила радио и пела только для него! Но Марилде не так-то просто было пробиться к микрофону и очаровать город своим маленьким мелодичным голоском, так почему она должна так дорого платить за брак? Марилда приходила советоваться с доной Флор, но та не могла разобраться в своих затруднениях, не то что в чужих. Ее цельную натуру раздирали противоречия, разум говорил одно, обуреваемая желанием плоть — совсем другое.

Доктор Теодоро ушел в дождь, прикрыв фагот плащом. Для него на этом свете существовали только Флор и музыка. Ради жены и ради музыки этот образцовый муж, если бы понадобилось, пожертвовал аптекой и доходами, фармакологией и репутацией.

А тот, паут и Бродяга, мечтал обесчестить ее во второй раз: не дажсе ради этого не жертвовал ни одной минутой своего времени. Он и в первый раз ни в чем не отказал себе, ничем не поступился ради донь Флор, отдавая ей лишь крохи своего внимания. «Жди, я скоро вернусь». А сам так и не вернулся. Коварный обманщик!

Опустившись перед донь Флор на колени, Марилда спрашивала:

— Скажи, Флорзишка, что мне делать? В пении вся моя жизнь, а мама говорит, что главное — выйти замуж, иметь семью, мужа, детей, а все остальное — девичьи капризы. А ты как думаешь?

Дона Флор думала, что ей сказать Гуляке: «Уходи, проклятый, я хочу быть честной и счастливо жить со своим мужем», — или: «Обними меня и поцелуй, ибо твой поцелуй стоит любого счастья»? Почему нельзя любить только одного? Почему нужно разрываться между двумя мужчинами и бороться со своими чувствами?

— Ты сама должна выбрать между карьерой и браком.

— Но почему? Неужели я не могу выйти замуж и продолжать петь, если я люблю его и люблю пение? Почему я должна от чего-то отказываться, если мне нравится и то и другое? Скажи, почему?

Действительно, почему, доня Флор? Но вот раздается голос жениха, Марилда поднимает свое красивое лицо и убегает. Дона Флор провожает ее взглядом и вдруг видит Гуляку, который приближается к девушке.

— Гуляка?! С Марилдой?! Нет, нет, ни за что!

Смелся, он опускается к ногам донь Флор, оставив Марилду, обнимает ее колени и кладет на них голову.

— Оставь меня в покое... — говорит доня Флор рассерженно.

— Почему ты меня гонишь, любовь моя? За что ты на меня все время алишься?

Он еще шаркает! Будто и не обещал ей прийти, будто не просил его ждать. Она же спала ночами, тревожилась и получила от бесстыдника всего одну встречу — сны на Бедре Зулмидры. А теперь он удивляется!

— Но ты же сама сказала, что не хочешь меня больше видеть! Вот я и пошел немного развлечься с Пеланки. Это было так забавно, я чуть-чуть со смеху не умер!..

— С Пеланки или с его секретаршей?

— Ревнуешь, чернушка? Я решил не надоедать тебе, пока ты не соскучишься и не станешь молить бога, чтобы я вернулся, потому что тебе уже давно хочется быть моей...

— Кто это тебе сказал? Какая ложь! Я честная женщина, так что убери свои руки.

Губы обжигали поцелуями ее кожу, впивались в ее рот. Тело донья Флор охвачено томлением, она готова сдать последние рубежи и тянется к Гуляке, забыв о Зулмире. Силы ее тают, доне Флор все труднее защищать от посягательств Гуляки свою честь. Ах, если бы она могла позвать кого-нибудь на помощь! Гуляка торопится, скоро начнется игра, и вот доня Флор в его объятиях.

— Можно войти?

Дионизия Ошесси переступила порог.

— Что с тобой, кума? Ты такая бледная...

Спасение пришло внезапно, и доня Флор едва слышно пробормотала:

— Сам бог послал тебя, кума Дионизия. Только ты можешь мне помочь. Садись рядом.

— Да что с тобой, кума? Ты вся дрожишь...

Доня Флор взяла руки Дионизии в свои.

— Кто-нибудь мне должен помочь освободиться от Гуляки, прогнать его. Последнее время он не дает мне покоя, я жежу сама не своя, остатки воли потеряла.

— Помоювый куме?

— Устрой, кума, чтобы он вернулся обратно, иначе случится что-то ужасное... Не знаю, как тебе это объяснить, но он хочет забрать меня с собой, вот только сейчас, перед твоим приходом, он пытался увести меня, дал мне какое-то зелье, и я чуть было не пошла... Если так будет продолжаться, он меня в конце концов уведет...

Чтобы не закричать, Дионизия закрыла рот рукой.

— Ах, кума, надо скорее что-нибудь предпринять. Я поговорю с отцом Диди, хорошо, я знаю, где он находится. Не каждому под силу справиться с эгуном, для этого нужен священный песок.

— Дядя? — Доня Флор вспомнила худого негра с цветочного базара, который дал ей мокан на могилу Гуляки. — Иди, кума, иди скорее, если кто и может меня спасти, то только он. Иначе я пропама, случится непоправимое.

— Пойду сию же минуту...

Дионизия выбежала, она была бессильна перед могущественными божествами, однако твердо решила спасти жизнь кумы: непоправимое значит смерть, что же еще? Скорее, Дионизия, беги по извилистым, узким дорогам до врат царства Ифа, там, на перекрестке, ты найдешь жреца.

— Отец мой,— обратилась к нему Дионизия, поцеловав руку,— покойник хочет увести мою куму, спаси ее, верни эгуна в его царство.— И она рассказала все, что знала.

А в эту минуту, весь промокший, возвратился домой доктор Теодоро. Из-за дождя репетиция не состоялась. Он выпил глоток ликера — профилактика против простуды,— надел пижамную куртку и, взяв фাগот, исполнил для доны Флор самые лучшие вещи из своего репертуара. Слушая музыку, дона Флор постепенно успокоилась, тревога ее улеглась, и она уже не казалась себе бесчестной, легкомысленной женщиной. Тебе больше нечего опасаться, Теодоро, я тебя люблю и только тебе принадлежу, только тебе. Не может одно сердце вместить сразу двоих, я велела половину оторвать и теперь сижу здесь, твоя достойная и верная жена, и слушаю, как ты играешь на фাগоте.

В другом конце Баии меж тем зажгли костры, и озаренный их заревом жрец играл на трубах, пока молилась Дионизия, дочь Ошосси. Взревела буря, загрохотал гром, погасли огни, море яростно заволновалось, и боги, прискакавшие на молниях и зарницах, дали свое согласие, только Эшу сказал: «Нет».

19

Моулас Кардозо и Са получил записку Пеланки на кладбище, куда он пришел, как всегда в день своей смерти, на собственную могилу. Скончался он в 1886 году в богатом особняке на Корредоре да Витория, и звали его тогда Жоаном Перейрой. По покойному была отслужена пышная панихида, на похороны с плакальщицами явилась толпа масонов и богатых оптовиков, а также губернатор провинции.

Могилы Кардозо и Са были разбросаны по всему свету: он был похоронен в одной из египетских пирамид, в вечных снегах Альп, которые покорял с армией Ганнибала, в песках аравийской пустыни, по которой скакал

на гнедом коне. Во Франции было по крайней мере две его могилы и столько же в Италии; он умирал в Испании от пыток святой инквизиции, был алхимиком и еретиком, нищим монахом и кардиналом, торговал финиками в Египте во времена Рамзеса II, изучал звезды Восточного полушария еще до рождения Христа, ибо был тогда известным математиком.

Только в Баие у него было две могилы: в негритянской церкви Пассо и в церкви на острове Итапарика, где его убили в сражении с голландцами в 1638 году, когда он был красивым, ловким и легкомысленным тридцатитрехлетним офицером его величества короля Португалии — Франсиско Нунесом Мариньо д'Эса, поклонником хороших индианок.

Для описания всех этих жизней, полных подвигов и любовных походов, понадобилось бы несколько томов, и все же худому как скелет Антонио Мелшиадесу Кардозо и Силве (Кардозо и Са для избранных), скромному архивариусу муниципалитета и маэстро оккультных наук, удалось совместить в своей персоне богатейший опыт и разносторонние знания людей, живших в разные эпохи.

— Я приехал за вами, сеньор Кардозо, хозяин велел во что бы то ни стало привезти вас. Его ограбили... — сказал Аурелио, шофер Пеланки.

— Знаю, я тебя ждал...

— Знали, что я приеду?

Мудрец рассмеялся в ответ громко и раскатисто, ибо не было на свете человека веселее и счастливее его.

— А ты как думаешь, Аурелио? Я знаю все — тайное и явное...

Но Аурелио не собирался углубляться в эту тему — одно присутствие Кардозо и Са приводило его в замешательство. Сидя рядом с шофером, маэстро все время с кем-то здоровался.

— Добрый вечер, бригадир.

Какой бригадир? А вон там, у моря, он наслаждается вечерней прохладой. Где, сеу Кардозо? Аурелио никого не видит. А не каждому дано видеть, мой дорогой.

— Мое почтение, сеньора, целую ножки.

Тоже не видишь? Очень элегантная дама в шляпке с перьями и платье со шлейфом, когда-то была знаменитой красавицей. Из-за нее погубили себя двое юношей в расцвете сил. А сейчас все трое гуляют по берегу моря,

милу беседуют и смеются. Значит, ты слеп, раз не можешь увидеть столь блестящую особу.

— Боже меня спаси и помилуй, суе Кардозо...

Маэстро снова хохочет, улица полна призраков, шофер напряженно ведет машину: ему не нравится такой седок.

— Значит, с игрой у Пеланки дела обстоят неважно? — вдруг заинтересовался Кардозо.

— И это вам известно? — изумляется шофер.

Но вот Кардозо отворачивается, пряча лицо от белокурой девушки спортивного вида, которая направляется к пляжу. Оказывается, это Жанна д'Арк, а Кардозо и Са не кто иной, как французский кардинал Пьер Кошон, папский легат, чья трусливая рука подписала смертный приговор девственнице. Теперь ему повсюду мерещатся невинные глаза и чистый профиль его жертвы.

— Я был двуличным и легкомысленным подлецом...

Пеланки. Можлас с нетерпением поджидал в доме Зулмиры человека, который один на всем свете мог объяснить необъяснимое.

— Вы задержались, суе Кардозо...

— Я всегда прихожу вовремя.

Он поздоровался с Зулмирой, щеголявшей в развевающихся прозрачных одеждах. Когда-то Кардозо и Са хорошо ее знал: во главе амазонок скакала она по долинам на горячем коне. Грудь у нее по-прежнему великолепна, но, к сожалению, теперь Зулмира ее прячет, подумал маэстро Кардозо, несмотря на свою бесплотность, весьма и весьма неравнодушный к земным соблазнам.

— Я вас разыскиваю уже два дня...

— Должен ли я вас успокоить или решить какое-то затруднение? — Глаза маэстро устремились куда-то вдаль, взгляд стал напряженным.

— Осечка с рулеткой, не так ли?

Пеланки повернулся к Зулмире, как бы говоря: «Он все знает». Не секрет, что весь город обсуждал то, что произошло в «Паласе», слухи, очевидно, дошли и до квартала, где Кардозо обитал в нищете со своей женой и пятью детьми (он никогда не брал денег за труды). Но чтобы узнать о чем-нибудь, маэстро совсем не обязательно было слышать, он никогда не доверял сплетням.

— Сегодня утром, уходя из дому, я сказал себе: «Пеланки придет за мной, он попал в тяжелое положение и нуждается в моей помощи».

— В очень и очень тяжелое... Они хотят меня доко-
нать, Кардозиньо, свести со мной счеты...

Пеланки рассказал о чудесах в казино, а Кардозо, сидя против него, спокойно слушал и кивал головой то ли в подтверждение каких-то своих мыслей, то ли уже придя к определенному выводу. При этом, скромно ско-
сив глаза, маэстро отнюдь не бесстрастно взирал на бед-
ро Зулмиры, которое виднелось сквозь прозрачную
ткань пеньюара. Очевидно, греховная картина совсем не
мешала мудрецу подниматься на вершины духа, а мо-
жет, даже ласкала его утомленный взор.

Когда Пеланки закончил рассказ, Кардозо и Са все
стало ясно, загадка была решена, а ответ готов:

— Это марсиане...— твердо заявил он и рассмеялся
своим громоподобным смехом, будто речь шла о какой-
то забавной шутке, от которой не страдал ежедневно
карман Пеланки.

— Марсиане? Какие марсиане?.. Не обманывайте
меня, сеу Кардозо! Я вам верю и хочу знать правду.
При чем тут марсиане? Я не сомневаюсь, что это мои вра-
ги и что тут не обошлось без колдовства. Никто не ви-
дел этих самых марсиан, и неизвестно, существуют ли
они вообще. А колдовство существует, и злые духи, и
сглаз...

— Не видел тот, кому не дано видеть... Я же утвер-
ждаю: это марсиане!.. А враги и колдовство здесь ни при
чем... Марсиане очень любопытны, особенно их интере-
сует техника. А поскольку они наделены высшим разу-
мом, для них не существует ни везения, ни невезения...

— Марсиане на Земле? — вмешалась в разговор Зул-
мира, обожавшая всякие новости.— И давно?

— Первые марсиане высадились давно, но лишь три
человека присутствовали при этом...

— И вы были одним из них?

Кардозо скромно улыбнулся.

— Скоро они себя покажут, человечество ждет вели-
кие потрясения...— Он снова расхохотался.— Но пока
они невидимы, и только избранные...

— Раз вы их видите, сеньор, то скажите, как они вы-
глядят? Они красивы? — прервала маэстро Зулмира.

— В сравнении с ними мы отвратительные твари.

Девушка была озадачена.

— По-вашему, сеу Кардозо, получается, что это
именно они щипали меня? Значит, они тоже этим зани-
маются?

— Чем именно? — Кардозо захотел узнать подробности, и встревоженная жертва межпланетного хулиганства поведала о том, что с нею было.

— Я показывала эти синяки Пекито, а также женщинам в школе доны Флор. Дона Флор так разволновалась, что чуть в обморок не упала.

Жаль, Зулмира не показала их ему, Кардозо и Са, неужели он не внушает ей доверия? А без обследования in loco¹ (как говорил кардинал Кошон) нельзя прийти к определенным выводам.

— Не думаю, чтобы это были марсиане. Они лишь способствуют передаче мыслей на расстоянии.

«И только-то. Вот растяпы...» — подумала Зулмира, возвращаясь к маникюру. Пеланки же все еще был во власти сомнений.

— А если это не они?

— Положитесь на меня, я все выясню...

Пеланки верил в ум и проницательность Кардозо и Са, однако дело было слишком сложным и лишняя консультация не помешает. Например, с матерью Отавией.

Кардозо и Са набивал трубку, глядя куда-то за горизонт, и голос его доносился, словно издадалека:

— Марсиане очень меня уважают, всего четыре дня назад я побывал с ними на Марсе, обошел всю планету, у них там один город весь из серебра, другой — из золота... Рыбы летают по воздуху, на дне моря растут цветы...

Куда-то исчезли бедра Зулмиры, ее пышная грудь в кружевах, вместе с лучом света он прибыл на Марс. «Маэстро в транс», — почтительно прошептал Пеланки, а Зулмира расправила кружева на пеньюаре.

20

Врата ада открылись, и мятежный ангел пересек порог спальни доны Флор, сверкая бесстыдными глазами, пылая устами, зовущими к поцелую. Если даже святая не устояла перед этим взглядом, этим обольстительным смехом, могла ли устоять дона Флор? Где ты, кума Дионизия со своим ожерельем Ошосси и с эбо? Скорее, Дионизия, поторопись вернуть дьявола в его царство вечной ночи. Иначе дона Флор не отвечает больше за свои по-

¹ На месте (лат.).

ступки. Ее незапятнанная репутация в опасности: завтра честное имя доны Флор, символ добродетели, будет втоптан в грязь. Она покроет себя позором и будет мучиться угрызениями совести, на нее будут показывать пальцем, смотреть с презрением.

Дона Флор охвачена желанием и тревогой, она готова принять гнусное предложение Гуляки и в то же время готова биться за свою честь смело и непреклонно. Какая же из них истинная? Та, что не подпускает Гуляку к себе, или та, что медленно, шаг за шагом идет ему навстречу? Тишина. Дождь стучит по крыше...

Полуденная мигрень, головокружение, приход Дионизии, концерт на фаготе — все это кажется таким далеким! Вечерняя битва измеряется уже не часами, а минутами, отпор, потом опять желание, мучительное, необоримое. Доктор в ванной готовится к скромному и радостному, субботнему празднику. Дона Флор спокойно и покорно ожидает его. И вдруг этот хитрец снова устраивается у нее в ногах и приказывает:

— Сегодня ты не ляжешь с этим дерьмом, я запрещаю! Иначе подниму страшный шум.

Какая нелепость! Какое безрассудство! Но странно устроено человеческое сердце — дона Флор почему-то рассмеялась, вместо того, чтобы возмутиться и прогнать наглеца.

— Ты ревнуешь к нему? Ну и на здоровье!

— Я хочу тебя, любимая, — ответил он, растягиваясь на кровати. — Я слишком долго ждал... Подумать только, я завоевываю свою законную жену, с которой спал семь лет! Но больше я терпеть не намерен. Ревновать тебя к этому Доктору Касторке? А что мне с ним делить? Он женился на тебе, он твой муж и, по-моему, совсем неплохой, вот только в любви ничего не смыслит. Итак, я отдаю ему должное, однако пусть он меня простит: придется ему сегодня потерпеть, а развлекать тебя буду я. Я-то знаю толк в этом деле.

— Ждать придется тебе и, предупреждаю, довольно долго.

Лаская дону Флор, ее господин все больше и больше завладевал ею, своей рабыней, свободной лишь на словах. Так было и раньше. Гордость и целомудрие донны Флор всегда отступали перед Гулякой — ее мужем и повелителем. Да и чего стоят все эти приличия, если он ради нее вернулся из небытия, откуда, как известно, никто никогда не возвращался.

— Я был словно связан по рукам и ногам и лишь с большим трудом вырвался к тебе, моя любимая. Ты позвала меня, и я явился, пройдя сквозь огонь и лютую стужу, а ты отказываешь мне. Почему?

— Ах, Гуляка...

— Почему ты так со мной обращаешься? Хватит, моя милая. Или сегодня, или никогда. Когда придет этот таракан, скажи ему, что ты плохо себя чувствуешь.

— Ни за что! Я порядочная женщина и не стану изменять своему мужу, сколько раз тебе об этом говорить?

Появился доктор в чистой пижаме, благоухая душистым мылом. Приятное открытое лицо, добрая улыбка.

— Прости меня, Теодоро, но сегодня я себя неважно чувствую, что-то нездоровится. Отложим на завтра, если ты не возражаешь.

Доктор обеспокоился. Дона Флор еще днем жаловалась на недомогание. Может быть, простудилась? Надо измерить температуру, принять лекарство.

— Нет, нет, дорогой, не беспокойся, завтра я буду совершенно здорова и к твоим услугам...— нежно шепнула дона Флор.

«Куда девались мой стыд и гордость, мое достоинство?»— спрашивала себя дона Флор, признательно целуя в щеку встревоженного супруга. Но доктор Теодоро продолжал настаивать: она должна принять хотя бы что-нибудь успокаивающее, чтобы как следует выспаться. И едва он вышел за лекарством, дона Флор оказалась в объятиях Гуляки.

— Сумасшедший! Пусти меня, он сейчас вернется...

— А он совсем неплохой парень,— заключил Гуляка.— Знаешь, дорогая, он мне все больше нравится... Ты отлично устроилась: он будет о тебе заботиться, а я — тебя развлекать.

Доктор принес кувшин со свежей водой, два стакана и маленькую склянку с лекарством.

— Выпей каплю двадцать валерьянки на полстакана воды и сейчас же уснешь.

Теодоро тщательно отсчитал капли, налил в стакан воды. Но кто поменял стаканы, когда доктор на мгновение отвернулся? Гуляка или дона Флор? И как фармацевт мог не почувствовать специфического вкуса валерьянки? Чудо? Что ж, одним чудом будет больше, это уже не играет никакой роли и никого не удивит. А может, ни-

кто стаканов не менял, просто дона Флор не выпила валерьянки, а доктор заснул, убаюканный монотонным стуком дождя по крыше, успев только поцеловать жену.

— Вот и все...— сказал Гуляка.— Теперь мы остались с тобой вдвоем, моя любимая...

— Только не здесь...— взмолилась дона Флор, тотчас забыв о своем втором муже.— Пойдем в гостиную...

Открылись врата рая, раздалась аллилуйя. Обнаженную дону Флор пронзает огненное копьё: во второй раз Гуляка лишает ее чести — теперь чести замужней жепщины, хорошо, что другой у нее нет, он бы взял и ее. А потом они помчались по росистым лугам навстречу утренней заре.

Никогда дона Флор не испытывала такой страсти, она горела, словно в лихорадке. Ах, Гуляка, если ты так изголодался, то что же говорить мне, когда все это время я сидела на строгой диете, без соли и сахара, став целомудренной супругой почтенного и умеренного Теодоре? Что мне моя репутация, мое честное имя? Моя добродетель? Целуй меня своим пылающим ртом с запахом лука, сожги в своем огне мое целомудрие, разорви своими шпорами мою стыдливость.

А Гуляка шептал ей о том, как она красива, как он любит ее вот такую, дерзкую, о том, что он никогда не забудет их встречи.

— Помнишь, как я впервые коснулся тебя? Карнавальное шествие пришло на берег, и ты прижалась ко мне...

— Ты обнял меня и провел рукой, вот так...

Он повторил это движение, и дона Флор вспомнила все до мелочей.

— Твой живот цвета бронзы, твои груди, точно ананасы. Ты расцвела, Флор, стала еще роскошней, твоё тело сладостно. Я целовал многих женщин, но ни одна не может сравниться с тобой, клянусь тебе, Флор... Ты словно сделана из меда, перца и имбиря.

Сумасшедший Гуляка, тиран, пламя и легкий ветерок, Ты больше не уйдешь от меня, а если уйдешь, я умру от горя. Даже если я буду умолять тебя уйти, не уходи; даже если я тебе велю, не покидай меня...

Я буду счастлива без тебя, я это знаю; с тобой я знаю только несчастье, бесчестье и страдание. Но даже и счастливой я не могу без тебя жить. Ах, это не жизнь, не оставляй меня!

В воскресенье можно поспать подольше. Когда доня Флор проснулась, дождь все еще шел. Она увидела склоненное над нею обеспокоенное лицо доктора.

— Хорошо спала, дорогая? — Он положил ей руку на лоб. — Жара нет...

Доня Флор улынулась, потягиваясь. Какой у нее хороший муж, какой заботливый! Она обвила его шею руками и нежно поцеловала.

— Я прекрасно себя чувствую, Теодоро. Все прошло.

Доной Флор овладела какая-то ленивая истома, ей хочется еще поваляться в постели, чувствуя рядом преданного Теодоро. Никаких забот, мягкий матрац, дождь шестит по крыше. Доктор Теодоро ласково обнимает жену.

— Не хочется вставать, дорогой...

— А почему бы тебе не полежать? Вчера ты плохо себя чувствовала, лежи сегодня подольше. Хочешь, я принесу тебе кофе?

Какой он милый!

— Я полежу, но только с тобой, если ты будешь рядом.

Доктор Теодоро, бесхитростный, как мальчик, несмотря на свое положение, знания и возраст, смущенно рассмеялся.

— Но если я останусь с тобой, я за себя не поручусь...

Доня Флор кокетливо взглянула на мужа и уткнулась лицом в подушку.

— Придется рискнуть, Теодоро...

Простыня сползла, обнажив грудь доня Флор и бедра цвета старой бронзы.

— Ты, наверное, неспокойно спала, дорогая, смотри, кровоподтеки...

Доня Флор съежилась, сердце ее замерло.

— Где?

— Вот... Бедняжка моя...

Губы их встретились, и доня Флор вздрогнула: чистый и пылкий поцелуй Теодоро доставил ей неожиданное удовольствие. Дождь, теплая постель и объятия неисключенного мужа, которые вдруг так взволновали ее. И это среди бела дня. Какой стыд! Какое наслаждение! «Он будет о тебе заботиться». И только? Каждый мужчина по-своему хорош, говорила Мария Антония, ее бывшая

ученица, надо только уметь к нему подойти. Робость Теодоро, его смущение восхищали дону Флор.

— Ты у меня в долгу, дорогой...

— Я? — удивился доктор, этот большой и глупый ребенок.

Такой широкий лоб, а что за ним скрывается? Дона Флор ласково провела ладонью по лбу мужа и негромко рассмеялась.

— Вчера ты ускользнул от меня...

— Будь справедливой, Флор, уж если кто ускользнул...

— Ну, если дело во мне, я готова платить, потому что не люблю долгов.— И дона Флор лукаво прикрыла руками свое смеющееся лицо.

Ничего другого фармацевт и желать не мог. Он даже изменил своей обычной серьезности.

— Так я получу с процентами...

Однако дона Флор сорвала простыню, которой педантичный Теодоро по обыкновению хотел прикрыть свою страсть, и заключила супруга в объятия. На всю жизнь запомнил он дождливое утро этого благословенного воскресенья, святого праздника любви, небывалых восторгов.

Потом дона Флор свернулась клубочком и с довольной улыбкой крепко заснула под монотонный шум дождя.

22

Ничто не изменилось, было обычное воскресенье, такое же, как и все. И дона Флор была такая же, как обычно. Она испытала муки ада и не сомневалась теперь, что наступит конец света, но ничего подобного не случилось. У каждого из нас бывают в жизни такие сюрпризы...

Аптека в тот день была открыта, и доктор поторопился к своим клиентам. Вот почему, когда дона Флор вышла из спальни, мужа уже не было дома. Но ей в это утро не удалось поскучать в одиночестве.

Опять явились Марилда, которая никак не могла сделать выбор между замужеством и пением, и рыдающая дона Мария до Кармо. Соседки единодушно высказались в пользу замужества, кроме донья Гивы. Но экстравагантную американку никто не слушал: то, что хорошо для Соединенных Штатов, плохо и даже опасно для Брази-

лии. Дона Гиза не только защищала развод, но громко заявила в споре с доной Жаси и доной Энайдой, что девственность — это просто устарелое понятие и вредна для здоровья. В сумасшедших домах, по ее утверждению, было полно девственниц.

Соседки же отстаивали банальный взгляд, будто замужество — это единственная цель, к которой должна стремиться женщина, созданная богом, чтобы заботиться о доме и муже, рожать детей и примерно их воспитывать. Возглавляла эту воинственную группу доня Мария до Кармо, мечтавшая, по ее словам, видеть свою дочь хорошо устроенной.

— У девочки должна быть семья, а радио — дело ненадежное.

Тут кумушки вошли в раж. Еще бы! Множество опасностей подстерегает певиц и артисток, да и вообще эта публика очень легкомысленна, утверждала доня Динора, известная нам как суровая блюстительница чистоты нравов. С годами она становилась все непримиримее в борьбе с распущенностью. Едва заходила речь о какой-нибудь артистке, она буквально загоралась. А всех директоров, певцов, музыкантов называла подлецами и донжуанами, которые только и ждут, как бы вцепиться в новую жертву.

Каково же было изумление Марилды, когда вдруг доня Флор в это прекрасное утро посоветовала ей послать старомодного жениха ко всем чертям и остаться на радио, где ей обещали вскоре повысить жалованье. Доня Мария до Кармо, увидев, что дочь воспряла духом от этой неожиданной поддержки, обрушилась на дону Флор:

— Вы так говорите потому, что она не ваша дочь... Можно подумать, что вы нам враг...

Спор разгорелся, соседки опять не остались в стороне, но доня Флор стояла на своем:

— У вас просто устарелые взгляды...

Перепадка закончилась истерикой доны Марии до Кармо, которая никак не могла решить, что лучше: успех на радио или обеспеченный прочный брак. Однако доня Флор удалось склонить большинство на свою сторону.

— Пускай этот жених командует в аду, времена рабства уже кончились... — подвела итог доня Норма.

Доня Флор пошла на кухню готовить завтрак — в те воскресенья, когда аптека работала, они не ходили в гости к тетке и дяде в Рио-Вермелье. Здесь-то ее и заста-

ла Дионизия Ошоесси, которая явилась за деньгами. Уже было все готово к свершению обряда, и хоровод поджидал ее, чтобы танцевать весь вечер и всю ночь, но дел еще оставалось много: для жертвоприношений надо было купить одного барана, двух коз, дюжину петухов, шесть аягольских кур, десятки метров материи. Дионизия показала длинный список, напечатанный карандашом на бурой оберточной бумаге. Всюду были проставлены цены плюс двадцать мильрейсов для Оссаина, чтобы он открыл лесные дороги, где бродит Эшу.

Но что это? Дона Флор в отличном настроении, чем-то очень довольна и выглядит совсем иначе, нежели вчера. Может быть, Дионизия напрасно велела жрецам не скупиться на расходы?

Нет, нет, дона Флор сама просила ее об этом, так что спасибо за заботы и хлопоты. Однако сейчас уже все страхи повади, хорошо ли, плохо ли, но все разрешилось.

— Покойник не беспокоит тебя больше?

Дона Флор смущенно улыбнулась.

— Наверное, я перестала его бояться.

Как же теперь быть? Ночью и на рассвете животных приносят в жертву, перед каждым божеством поставят большую миску с ритуальной едой. Остановить это уже невозможно, надо идти до конца. Даже если кума освободилась от страха, это только поможет ей сохранить спокойствие духа. Деньги жрецы уже истратили, а боги напились горячей крови животных и съели свои любимые куски мяса, они надели на себя оружие, украсились эмблемами, и крик Янсан уже разнесся по лесу. Теперь дона Флор может быть уверена, что покойник никогда больше не потревожит ее.

Дона Флор отсчитала деньги и, добавив еще немного, поблагодарила Дионизию за ее тяжелый труд, потом пригласила позавтракать курицей в темном соусе, свиным филе в коньяке и сладким пирогом. Но Дионизия торопилась вернуться на жертвенную площадку, где под грохот барабанов Ошоесси требовал свою любимую лошадь.

По воскресеньям, после того как доктор прибегал завтракать (если он наспел, не различая вуса, лишь бы скорее вернуться в аптеку, оставленную на мальчишку-раскатыльного), дона Флор передевалась и невзирая на протесты мужа шла вместе с ним в аптеку. Там она тоже становилась за прилавок и помогала отпускать лекарства, нарядная и элегантная, словно на приеме у миллионерши доны Маги. Патерностро или комендадорши Има-

кулады Тавейры Пирес. Ее красота и изящество предназначались только доктору Теodoro, и, понимая это, он чувствовал себя вознагражденным за воскресные дежурства.

Так было и на этот раз: грациозная и очаровательная, дона Флор блистала в бирюзовом перстне, подаренном Гулякой. Обычное воскресенье, та же аптека, те же клиенты. Теodoro и она, дона Флор. Никто не указывает на нее пальцем, никто ничего не заметил, никто не обвиняет ее в прелюбодеянии, даже дона Динора, ехидная прорицательница. То же солнце, тот же дождь (теперь мелкий, моросящий), те же разговоры, а она-то думала, что наступит конец света, что сердце ее не выдержит, но все осталось по-прежнему. Мы часто так обманываемся...

Отпуская клиента, доктор Теodoro улыбнулся ей из-за прилавка, и дона Флор, улыбнувшись ему в ответ, посмотрела на его лоб: рогов не намечалось. Что за глупости, дона Флор, что за нелепая комедия?

Между нею и доктором ничего не изменилось, а приятное воспоминание о сегодняшнем утре придавало какую-то интимность этому их дежурству в аптеке. Но было и другое воспоминание — о ночи в гостинице, и доне Флор уже хотелось вновь видеть этого сумасброда, тирана и хитреца. Наверное, он придет, когда доктор, утомленный работой, заснет сном праведника.

Дона Флор, как и подобает примерной жене, помогает своему второму мужу, и вдруг ее охватывает тревога. Кума Дионизия сказала, что Гуляка никогда больше не станет ее беспокоить. Боже мой, неужели?!

23

Мать Отавия Кизимби заставила Пеланки и Зулмиру принять ванну из листьев, потом положила на перекрестках перья принесенных в жертву петухов, защитив Пеланки со всех четырех сторон, и велела ждать результатов. Но властелин игорной империи уже торопился к другим прорицательницам.

К основидящей Аспазии он явился, едва та успела облачиться в свои несколько поношенные одежды. И хотя пророчица была равнодушна к звону золота, отрешившись от земных благ, на этот раз она не отказалась от денег — работа обещала быть трудной.

Хрипло бормоча что-то неразборчивое и иногда вскрикивая, она установила контакт с потусторонним миром. Вид бьющейся, словно в припадке, Аспазии был не из приятных, и профессор Максимо Салес хотел уйти, но Пеланки не позволил. Он стоял, вцепившись в дрожащую руку Зулмиры, которая стала интересоваться сверхъестественным после того, как кто-то невидимый соблазнился ее грудью и бедрами.

Наконец, изрыгая ругательства и вытаращив глаза, жрица Востока вернулась на бrenную землю. Когда она увидела Пеланки, из ее тощей, как доска, груди вырвался крик. За изнурительную работу она попросила еще денег. К тому же судьба Пеланки оказалась такой темной, что без свечей в ней невозможно было разобраться. Аспазия положила деньги в ящик, зажгла свечи, и только тогда ее всепроникающий взор различил врагов.

— На обочине дороги вижу троих, и все трое желают вам зла...

— Ах! — простонал Пеланки. — Скажите мне, signora mia ¹, как они выглядят...

Аспазия молчала, словно разглядывая этих троих, а Пеланки ее торопил:

— Один лысый, да? Другой толстяк, а третий...

— Пусть она сама скажет про третьего... — вмешался Максимо Салес. — В конце концов кто тут пророчица?

Аспазия, хоть и была в трансе, метнула испепеляющий взгляд в сторону грубияна, мешавшего ее сложной работе. И еще говорят, что она даром получает деньги! Она опять застонала, укусила себя за руку, ударила по голове. Нет, нелегко ей достаются деньги Пеланки!

— Первый, — объявила она утробным голосом, — лысый.

— Тоже мне новость... — проворчал Максимо.

— Второй — толстый, очень толстый...

— А третий? — поинтересовался Максимо.

— Третьего я еще не различаю, он во мраке...

Пеланки прорвало:

— Это он, он всегда прячется, maledetto! ² Посмотрите, нет ли у него усов и не перебит ли нос...

Аспазия словно не слышала его, погруженная в таинственное созерцание.

— Теперь вижу: у него усы и... сломанный нос...

¹ Моя синьора (ит.).

² Проклятый! (ит.)

— Так я и знал, это братья Страмби! — воскликнул Пеланки, а потом спросил, что он должен сделать, чтобы убрать их со своего пути.

За их изгнание из Баи на самый дальний Восток утомленная Аспазия потребовала значительную сумму. Пеланки уже вынул было бумажник, но Максимо Салес, этот скептик, снова сунул нос не в свое дело и потребовала, чтобы Аспазия сбавила цену.

Итак, Аспазия помогла ему избавиться от Страмби, но не от невезения в игре, и Пеланки продолжал свой скорбный путь по гадалкам и прорицательницам.

Жозета Маркос, как констатировал Максимо Салес, была хотя бы красива и молода и составляла счастливое исключение среди этих пугал. Неужели жрицы оккультных наук, спрашивал себя профессор, обязательно должны быть безобразны, а их храмы грязны и зловонны. Или тайны всегда дурно пахнут? Скептик Максимо пришел к выводу, что потусторонний мир, судя по всему, не отличается чистотой.

Жозета Маркос, стройная, опрятная блондинка, приняла их в гостиной, где стояли вазы с цветами и пепельницы. Выслушав гостей, она оставила их со своим мужем, ее помощником, и отправилась в специальную комнату. Муж Жозеты, Маркос, тоже молодой и приятный на вид мошенник, сказал им, что Жозета берет за услуги совсем немного, ровно столько, сколько нужно на восстановление ее здоровья (а лекарства теперь такие дорогие!), которое восстанавливается после каждого сеанса. Организм его жены, и без того слабый, крайне испурен спиритизмом. Пеланки, возмативший на Жозету все свои надежды, не поскунился, и Маркос спрятал гонорар в карман.

В соседней комнате с фиолетовыми занавесками царил почти полная темнота. Вся в белом, Жозета улеглась в кресло, а Маркос велел всем четверым — Пеланки, Зулмире, Домингосу Пропалато и Максимо — взяться за руки. Едва они это сделали, как маленькая лампа, единственная в комнате, погасла.

Потом зазвенели колокольчики, послышался визг, похожий на мяуканье, и какое-то мерцание озарило комнату. Зулмира истерически вскрикнула. Пеланки же онемел, а Пропалато, сжав зубы, дрожа и обливаясь потом. Все эти чудеса означали, что явился брат Ли У, китайский мудрец из династии Минов. Однако неисправимому Салесу опять потребовалось внести взнос, и он

заявил, что Ли У здесь ни при чем и все эти фокусы проделывает Маркес. Впрочем, вряд ли стоит считаться с мнением человека, который ни во что не верит, и если мы его излагаем, то лишь ради объективности нашей хроники.

Жозета меж тем что-то лепетала, может быть, на китайском, но, скорее всего, на португальском, потому что при известном усилии отдельные слова удавалось понять. Мудрец Ли У полагал, что причиной всех несчастий Пеланки была женщина, которую Пеланки в свое время обманул и которая не могла ему это простить.

— Блондинка или шатенка?

— Шатенка, красивая, лет двадцати пяти...

— Двадцати пяти? Да ей было около сорока! Я ни в чем не виноват! Пожалуйста, скажите китайцу, что я не виноват...

Ее звали Анунсиата, и казалась она невинной девушкой, но только казалась. А Пеланки было тогда всего семнадцать... Решив расчитаться с изменницей, он схватился за нож. От тюрьмы его спасло только то, что он был несовершеннолетним, Анунсиата же утдела в больницу и поклялась отомстить ему, живая или мертвая. Теперь, спустя столько лет, она, очевидно, привела свою угрозу в исполнение.

Пеланки никогда не раскаивался в своем поступке: его женщина должна принадлежать только ему, и Зулмира старалась держаться в темноте, подальше от беды.

Китайский мудрец согласился освободить Пеланки от проклятий Анунсиаты, материальную сторону вопроса взялся уладить Маркес, посредник между духами и живыми людьми. Исчезла Анунсиата со шрамами на лице и на шее, однако невезение в игре продолжалось.

Архангел Михаил де Карвальо, закутанный в какую-то простыню и в тюрбане, действовал быстро и решительно: взяв руки Пеланки в свои, он посмотрел ему в глаза. Пеланки преследует неумолимый враг, которому калабриец когда-то нанес оскорбление и который недавно окончился. Всевидящий архангел сразу его обнаружил.

— Он стоит у вас за спиной.

Все невольно сделали шаг вперед, даже Максимо Салес на всякий случай отшел от двери.

— Вы говорите, он недавно умер?

— Да. Вы поссорились из-за женщины...

Пеланки понял, что архангел имеет в виду Джиогенеса Рибаса, у которого он отбил жену, уже немолодую

мулатку со следами былой красоты. Оскорбленный Диоженес угрожал Пеланки кинжалом, хозяин же игорных домов по наущению мулатки, которую муж изводил своей ревностью, велел шайке наемных бандитов избить Рибаса. Выйдя из больницы, Диоженес Рибас куда-то пропал, и Пеланки лишь случайно узнал, что он умер в страшной нищете. Мулатка вскоре надоела Пеланки, и он обменял ее на двести пятьдесят картонных колод. Своим мечом архангел обратил в бегство Диоженеса, жалкого рогоносца, и взял за это совсем немного, ибо никогда не наживался на горе ближнего. Рогоносец убрался, но невезение в игре лишь усиливалось.

Доктор Наир Саба, сорокалетняя женщина-врач с университетским дипломом, страшная как смерть, лечила больных магнетическими пассами. За сходную цену она немедленно обнаружила по меньшей мере шестерых врагов Пеланки и тут же всех их уничтожила, заодно вылечив Пеланки от язвы двенадцатиперстной кишки, а Пропалато — от хронического ревматизма. Но невезения в игре она не сломила.

Шестидесятилетней Деборе, одетой в лохмотья, по мнению Максимо, не стоило и гроша давать: она утверждала, что уже более тридцати лет беременна Апокалипсисом, была постоянно пьяна и постоянно простужена. Дебора обнаружила некую Кармозину, старую любовь Пеланки, которую он когда-то безжалостно бросил, поскольку не терпел тощих и некрасивых женщин. Деборе стоило немалых трудов спровадить эту особу, и удалось это благодаря нескольким глоткам водки, налитой в пузырьки из-под микстуры. Она предложила Пеланки несколько способов угадывать выигрыши в подпольной лотерее, тем не менее невезение продолжалось.

Единственный, кто отказался от гонорара, был Теобалдо Багдадский Принц, одетый в белое, высохший восьмидесятилетний старик с пристальным взглядом голубых глаз и добрым лицом. Он не обнаружил ни видимых, ни невидимых врагов, а если и обнаружил, то сохранил это в тайне. Дотронувшись до плеча Пеланки, он сказал:

— Только Маэстро Абсурда может вас спасти. Только он и никто больше.

— А где я могу его найти?

Теобалдо Багдадский Принц, который уже более двадцати лет предвещал конец света, за что его сажали в

тюрьму и сумасшедший дом, однако не сломили, объявил:

— Там, где меньше всего ожидаешь...— Сказав это, он закрыл глаза и погрузился в сон.

На квартире Зулмиры в одиночестве, столь необходимым для мыслителя, Кардозо и Са обдумывал детали своего плана: он уже назначил встречу с марсианами, среди которых у него были друзья.

— Ну как? — спросил он Пеланки.

Усталый и подавленный, король рулетки пожал плечами.

— Не знаете, где я могу найти Маэстро Абсурда? Вы слышали о нем?

— Вы хотите встретиться с Маэстро Абсурда? — Раскат громкого хохота потряс гостиную.

— И как можно скорее!

— Он здесь, перед вами.

— Вы? Так поторопитесь же! Если это продлится еще неделю, я пропал.

— Поторопитесь, Кардозиньо, — умоляюще подержала Зулмира.

Маэстро Абсурда улыбнулся интимному обращению секретарши.

— Будьте спокойны, сейчас все уладим.

«Какой у него орлиный, зоркий взгляд», — подумала Зулмира.

24

На обед дона Флор и доктор Теодоро пришли под руку. Немного передохнув, доктор должен был вернуться в аптеку, по воскресеньям она была открыта до десяти вечера.

— Бедняжка... — посочувствовала мужу дона Флор.

— А ты ложись сегодня пораньше, вчера тебе нездоровилось.

Дона Флор была рада, что кончилась наконец мучительная, раздравшая ее борьба между духом и плотью. Ее беспокоило только одно — вдруг Гуляка не вернется? Что она тогда будет делать?

Но он явился, едва только доктор вышел за дверь — в плаще и с зонтом, потому что снова начался проливной дождь.

— Ты бледен, устал и осунулся. Это оттого, что ты опять не спишь, играешь, ведешь бурную жизнь. Тебе

нужно отдохнуть, любимый,— сказала донна Флор после первых объятий.

В лице у Гуляки не было ни красноты, ни улыбки.

— Устал? Немного. Ты не представляешь, как я смеялся над Пеланки.

— Ты собираешься уходить? Не останешься со мной на ночь?

— Наша ночь — сейчас. Потом, дорогая, придет другой твой муж.

Донна Флор вспыхнула.

— Нет. Нет! Теперь я никогда не смогу ему принадлежать. Никогда, Гуляка! Неужели ты этого не понимаешь?

Гуляка довольно улыбнулся.

— Не говори так, любимая. Тебе нравится быть честной и серьезной женщиной, я знаю, но зачем себя обманывать? Он тоже твой муж и имеет на тебя такое же право, как я. И знаешь, он мне все больше нравится... Я говорил тебе, что мы прекрасно уживемся втроем...

— Гуляка!

— Что, моя милая!

— Значит, тебя не трогает, что я наставляю тебе рога с Теодоро?

— Разве он годится для рогов? — Гуляка провел рукой по своему бледному лбу. — И он и я твои законные супруги. Только он, дурак, мало тобой занимается. А нашу любовь, милая, если хочешь, можно назвать естественной, но она законна, так же как и его любовь. Разве я не прав? Мы оба твои мужья. Так кто же кого обманывает? Ты, Флор, обманываешь нас обоих, зато себя ты больше не обманываешь.

— Себя?

— Я так тебя люблю. — Его вкрадчивый голос отзывается в сердце донны Флор. — Для того чтобы обнять тебя, я преодолел небытие и явился сюда. Но не требуй, чтобы я был одновременно и Гулякой и Теодоро, это выше моих сил. Я могу быть лишь самим собой и давать тебе только любовь, остальное даст тебе он: собственный дом, верность, уважение, деньги и положение в обществе. Без всего этого ты не можешь быть счастливой, но ты не можешь быть счастливой и без моей любви, порочной, изменчивой и пылкой, хотя она и заставляет тебя страдать. Моя любовь так велика, что, и уйдя из этого мира, я все равно существую, я снова тут.

Я пришел, чтобы опять наполнить твою жизнь радостью, страданием и наслаждением, но не затем, чтобы все время быть при тебе, как твой теперешний супруг, который хранит тебе верность и делает все в точно определенное время: ходит в гости, в кино и ласкает тебя. Нет, любимая, я не похож на своего благородного коллегу, я существую для того, чтобы зажигать твои потаенные желания и страсти. Он же заботится о твоей добродетели, о твоей чести, о твоём благополучии. Он — твой день, я — твоя ночь. Мы оба твои мужья, твои два лица, твое «да» и твое «нет». Ты можешь быть счастливой только с нами обоими. Когда я был у тебя один, я давал тебе только любовь и ты страдала! С ним ты ни в чем не испытывала недостатка, но страдала еще больше. Сейчас ты достигла гармонии, Флор, такой ты и должна остаться.

Тела их горели.

— Скорее, любимая, скорее, ночь коротка, и мне скоро пора возвращаться к моей беспутной жизни, а потом наступит время твоего второго мужа, моего компаньона и собрата. Для меня — твоя страсть, твое тайное желание, твое блаженство, для него — остатки твоей любви, заботы о тебе и о твоей добродетели. Это замечательно — я, ты и он. Лучше нам ничего не придумать, все остальное — обман и лицемерие. Почему ты не хочешь этого понять? Ты думаешь, я пришел тебя обесчестить, а между тем я спасаю твою честь. Скажи мне, только откровенно, что случилось бы, если бы не пришел я, твой законный муж? Ты завела бы себе любовника и запятнала свое доброе имя. Помнишь Принца, некоего Эдуардо, известного под кличкой Мощи? Или ты уже забыла, как он торчал под фонарем, а ты пряталась за жалюзи? Если бы я не послал тогда Мирандона, ты, несмотря на траур, изменила бы моей памяти. А сейчас, моя дорогая, не думай ни о чем, настал час любви, и нам ничто не должно мешать.

— Гуляка-вутаник, Гуляка-еретик и тиран, я готова.

На смуглой бархатной груди Зулмиры возлежал Кардозо и Са...

Кардозо и Са? Нет ли тут ошибки? Увы, так оно и было, на смену Педанки Моуласу, королю игры и под-

польной лотереи, который распоряжался судьбой правительств и Зулмиры, несколько поспешно пришел Маэстро Абсурда и наслаждался теперь этим чудом природы, хотя и мог показаться на первый взгляд почти лишенным плоти.

Как удалось Кардозо и Са добиться столь высокой чести? Очень просто — он прибег к самому обычному попрошайничеству. Пока Пеланки занимался решением своих проблем, ведя переговоры с марсианами, в том числе с Гениальным Вождем — жестоким и прославленным диктатором, которого дотопе не видел ни один человек, наш Кардозо слезно умолял Зулмиру, заискивал перед нею, льстил. И старый как мир способ дал свои плоды. Сначала лишь из научной любознательности он упрашивал показать следы, оставленные пальцами невидимок на «великолепных бедрах амазонки». Зулмира отнекивалась, говоря, что следы уже исчезли. Но Кардозо и Са непременно нужно было ознакомиться со случившимся *in loco*.

Когда же он добился своего, спешить не стал (поспешность — враг науки) и был вознагражден — бедра превзошли все его ожидания. Зулмира лишь смущенно улыбалась. Ведь Кардозиньо и мужчиной трудно было считать, настолько он был далек от всего земного.

— Они напоминают мне горы Марса, — констатировал знаток Вселенной.

Удовлетворив свою любознательность в отношении этой части тела Зулмиры, Кардозо, большой ценитель женской красоты, из чисто эстетических побуждений попросил открыть его взору грудь. Воспитанная Пеланки в культе красоты и поэзии, Зулмира не могла отказать столь учливой просьбе, лишенной каких-либо низменных целей.

Маэстро Кардозо и Са желал лишь взглянуть на эти «шедевры Творца», но эстетическое наслаждение оказалось столь сильным, что он тут же потерял голову. Если этот почти бесплотный дух поддался земным соблазнам, что же говорить тогда о Зулмире, обычной смертной женщине? И неизбежное случилось. К тому же будь Пеланки Моулас пощедрее, он бы вознаградил должным образом нашего астролога за его непосильные труды, отдав ему Зулмиру, освободив ее, таким образом, от должности секретаря и оставив за собой лишь приятную обязанность оплачивать весьма значительные расходы этой великолепной девы. Ибо Маэстро Абсурда сдержал сло-

во, спася состояние калабрийца, который раз и навсегда избавился от невезения, путаницы, внесенной в игру марсианами.

Так это или иначе, но именно в эти дни Джованни Гимараэнс покинул поле сражения. Он сделал это последним.

Первым был Анакреон. Как-то вечером этот седовласый патриарх направил стопы в притон Паранагуа Вентуры, где играли только краплеными картами. Он хотел снова кинуть вызов судьбе, ибо не считал настоящей игрой свои выигрыши. Судите сами: ты берешь фишку, ставишь на определенное число и выигрываешь. Где же тут острые ощущения, где удовольствие? Чем он мог прогневить бога?

Разве это игра?! Игра — это когда ты рискуешь, вступишься из-за проигрыша, радуешься удаче, напряженно следишь за сумасшедшим бегом шарика рулетки. А сейчас Анакреон даже не смотрел на него, шарик послушно останавливался у числа, на которое он ставил. То же и в картах и в костях. Чем он заслужил такое наказание? Старый Анакреон привык играть честно, риск был для него наслаждением. А теперь? Боже, какой позор! Но судьба послала ему Паранагуа Вентуру.

— Мое заведение не казино Целанки, — сказал тот. — У меня не разгуляешься.

Оба рассмеялись. У Вентуры везения было недостаточно, требовалось еще мужество и острый глаз, иначе обыграют в два счета. Но Анакреон в тот вечер не боялся жульничества: ему было важно избавиться от везения, которое приносило только деньги, но не удовольствие. Такова уж была его натура.

Аригоф тоже после нескольких дней небывалого выигрыша отправился в «Три герцога», где шла настоящая игра. Несколько дней он пользовался этими деньгами — правду говорят, что легкий заработок портит человека. Вот и Аригоф забросал Терезу подарками: купил ей певчую птицу, порывался даже платить за ее квартиру и за покупки.

Однако Тереза воспротивилась этим новшествам, заявив, что Аригоф ставит ее в дурацкое положение, что у нее есть гордость и честь, которую она будет защищать. Подарки еще куда ни шло, но платить за ее квартиру? Это уже чересчур! Она сама в силах содержать свой дом и своего негра. Так Аригоф благодаря Терезе вовремя увидел разверзшуюся перед ним пропасть,

поняв вдруг, что ходил в казино не ради игры, а ради денег. Что ж это с ним стало? Тогда он и отправился в «Три герцога», а Тереза снова вернула ему свое расположение.

Что касается Мирандона, то мы уже знаем, какую клятву он дал. Он по-прежнему вел распутную жизнь, любил женщин, кутил, но никогда больше не играл. Он не хотел испытывать судьбу.

Джованни Гимараэс, теперь крупный чиновник и фазендейро, вернувшись в «Палас», не стал, однако, как прежде, заядлым игроком. Сначала он решил, что, сколько ни проживет, будет ставить на 17, а деньги вкладывать в земли и пастбища для скота. Однако жена и знакомые осудили его за возвращение к игре, и обаятельный, хотя и консервативно настроенный журналист предпочел рулетке семью и банковский кредит. Джованни не пошел в притон «Три герцога» или в логово Паранагуа Вентуры, он отправился в свою супружескую постель и опять стал рано ложиться. Несомненно, у него на это были серьезные причины, совсем иные, нежели у Анакреона и Аригофа.

Теперь понятно, как развивались события, пока Маэстро Абсурда, достигнув соглашения с марсианами, невинно развлекался с амазонкой.

Победа Кардозо и Са отнюдь не поколебала материалистических убеждений упрямого Максимо Салеса. Он стоял на своем: судя по всему, этот мнимый безумец и есть глава шайки, а Зулмира его сообщница. Они давно знают друг друга, давно находятся в преступной связи, а этот старый рогоносец Пеланки ничего не замечает. Другого объяснения происшедшему Салес не находил.

Удивительный, необыкновенный Кардозо и Са, Кардозиньо, кто бы мог подумать, что он так опытен в любви? Он знал даже, как любят на других, более цивилизованных планетах, в других галактиках. И с удовольствием преподавал эту приятную науку своей прилежной и любознательной ученице.

— Как же они любят друг друга на Сатурне, Кардозиньо? Если у них нет рта, то как же они целуются? Если у них нет рук, то как они обнимаются...

Маэстро Абсурда раскатисто хохотал.

— Сейчас я тебе покажу...

Зулмира опасалась, как бы Пеланки не стало известно об их духовной привязанности, мистической близости их родственных душ. Ведь он увидит низкую измену,

там, где были лишь научное любопытство и эстетическое наслаждение.

— А что, если Пекито сейчас войдет и увидит нас? Он может убить, однажды он поклялся...

— Я сделаю руками вот так, и мы станем невидимы,— успокоил ее Маэстро Абсурда и приступил к описанию некоторых обычаев обитателей Нептуна.

26

Дона Флор склонилась над лицом Гуляки, которое становилось все более бледным и измученным.

— Что с тобою, любовь моя?

— Устал...

Еле слышимый голос, потухший взгляд, исхудавшие руки.

Дона Флор приписывала все это той беспорядочной жизни, которую вел Гуляка. Какой организм вынесет такое непосильное напряжение?

Когда-то его считали сильным и здоровым, а он свалелся в самый разгар карнавала, танцуя в костюме бабянки. Смерть наступила мгновенно. Сердце красивого и веселого молодого мужчины оказалось совершенно изношенным. Когда, растолкав ряженных, прибежала дона Флор вместе с доной Нормой и доной Гизой, она увидела на лице покойного улыбку. Рядом, словно в почетном карауле, стоял Карлиньос Маскареньяс в костюме цыгана, его несравненное кавакиньо молчало; смерть пришла на площадь, звеня бубенцами, ослепляя мишурой нарядов.

А сейчас она подкрадывается постепенно. Сначала Гуляка бледнел и худел, потом стал вялый, почти провратный, какой-то бесплотный, словно таял на глазах.

Мать появилась неожиданно, с большими чемоданами. Вероятно, намеревалась долго гостить. Доктор Теодоро принял этот удар молча и, как человек воспитанный, встретил тещу вежливо: «Всегда рады вас видеть у себя».

С годами дона Розилда ожесточилась еще больше и, едва приехав, тут же стала кричать на весь дом:

— Твой братец тюфяк и размазня! Жена вертит им как хочет, и я отсюда больше не уеду!

«О господи, дай мне терпение...» — молилась дона Флор, а доктор Теодоро потерял всякую надежду. Перед столь чудовищной угрозой у него было только два вы-

хода: либо отравить тещу, но для этого у него не хватит мужества, либо ждать чуда, но в наше время чудес, как известно, не бывает. Однако тут доктор Теодоро глубоко заблуждался, и в этом ему очень скоро предстояло убедиться.

Менее чем через сутки после приезда дона Розилда неслась на пароход так, будто кто-то кусал ее за пятки. Может, это был Сатана или Люцифер, а может, Вельзевул, Демон или Черт, кто знает, но вероятнее всего, самый страшный из всех дьяволов, который, к несчастью, стал когда-то ее зятем. Он таскал дону Розилду за волосы, а один раз даже сшиб с ног, шептал ей ругательства, грозил падавать оплеух и пинков.

— В вашем доме водятся привидения! Моя нога больше сюда не ступит...— заявила она, укладывая чемоданы.

«Чудо свершилось, значит, чудеса еще существуют...» — смиренно подумал доктор, считая себя недостойным такого благодеяния.

— Этот шалопаи хотел меня убить...— прокричала дона Розилда на прощание.

— Она выжила из ума...— поставил диагноз доктор Теодоро.

Дона Флор улыбнулась, но не стала возражать, а только подмигнула Гуляке, который, стоя в дверях, хохотал. С каждым днем он делался все прозрачнее, дона Флор могла даже видеть сквозь него.

— Ах, любимый, ты таешь на глазах...

Впервые у Гуляки не было сил для объятий, он был смущен и растерян. Куда девалась его страсть, его дерзость?

— Меня уводят отсюда, дорогая... Может быть, я не нужен тебе больше? Ведь пока ты меня любишь, пока я тебе нужен, пока ты думаешь обо мне, я буду здесь, с тобой. Что ты сделала, Флор?

Дона Флор вспомнила про эбо. Хорошо, что кума Дионизия предупредила ее. Она сама во всем виновата, сама обратилась к жрецам, умоляя взять Гуляку обратно в царство смерти.

— Это колдовство...

— Колдовство? — Голос Гуляки еле слышался.

Она рассказала ему все, что произошло в субботний вечер: когда она уже была в его объятиях, по ее поручению Дионизия Ошосси обратилась к Диди, и тот взялся за дело.

— Что ты натворила, Флор, мой цветок?

— Я хотела спасти свою честь...

Однако это не помогло: Гуляка оказался сильнее заклинаний Диди. Дона Флор хотела все отменить, но было уже поздно, кровь пролилась, жертвоприношения были сделаны.

— Ты меня отсылаешь туда, откуда я явился, и я должен уйти. Моя сила — это твоё желание, моё тело — это твоё страсть, моя жизнь — это твоё любовь, если ты меня разлюбила, я исчезаю... Прощай, Флор, я уйду, всё кончено.

27

Исчез Гуляка — жертва в схватке богов, добыча заклинаний.

Это твой последний шанс, дона Флор, твоё последняя возможность спасти честь и добродетель, столь важные для тех, кто тебя окружает. У тебя ещё остается лазейка: эбо, заказанный Дионизией и изготовленный Диди, хотя не так-то легко колдовством спасти нравственность, добродетель и устои цивилизованного общества. Но что делать, если нет другого выхода? Самое главное, дона Флор, ты восстановишь свою честь перед богом и перед своей совестью, сама придешь с повинной. К счастью, перед людьми тебе не в чем оправдываться, потому что они ничего не знают о твоём дурном поступке.

Если ты дашь Гуляке уйти, ты быстро забудешь эти безумные ночи, они покажутся тебе сном, бредом, галлюцинацией или просто пустыми мечтами в часы праздности. Ты ни в чем не виновата, дона Флор, и будешь жить в мире со своим мужем и своей совестью. Это твой последний шанс, забудь Гуляку, докажи, что ты честная женщина!

Что ты делаешь, дона Флор, и хватит ли у тебя сил для этого? Зачем освобождать его из небытия?

Но без его любви я не смогу жить. Лучше умереть вместе с ним.

28

Город парил в воздухе, когда часы показали одновременно полдень и полночь и началась война святых: все жрецы, собравшиеся похоронить мятежного Гуляку и

его любовь, ополчились на Эшу, который один защищал выходца с того света. Молния, гром, буря, скрежет железа и кровь, черная кровь. Встреча произошла на последней дороге, на перекрестке бытия с небытием. Из вод океана вышла Йеманжа в голубом, на ее длинных волосах пена, серебряный хвост опутан зелеными водорослями и темными спрутами. Металлическим веером она отогнала ветры смерти, армия рыб приветствовала ее на своем немом языке...

Леса склонились перед охотником Ошосси, который утром скакал на вепре, ночью — на белой лошади, а на рассвете — верхом на Дионизии, самой красивой из его дочерей, самой любимой. И где бы он ни проезжал, все живое умирало.

Огромная змея Ошумарэ поползла по мосту радуги, за ней ползли другие змеи — гремучие и жарараки. Конец радуги вонзился в Гуляку, но тот устоял, и навстречу ему вышла прекрасная девушка. Эшу трезубцем проткнул радугу, и Ошумарэ свернулась кольцом, засунув хвост себе в пасть...

Тогда выступила Омолу со своей жуткой армией болезней: черной оспой, проказой, трахомой, — и наслала на Гуляку чахотку и чуму, а затем лишила его зрения и слуха.

С серебряным копьём в руке своей танцующей походкой прошествовал Ошала. Перед ним все склонились. Потом появилась Янсан, повелительница мертвецов, богиня войны. От ее крика все онемели, и сердце Гуляки разорвалось.

Жрецы шли сомкнутыми рядами, бряцая оружием, шли против Эшу на последнюю, решительную схватку.

И тут все смешалось и перепуталось: по морю плавали дома, маяк Барры и замок Униона; Морской форт оказался на Площадке Жезуса, в садах вырастали рыбы, на деревьях зрели звезды. Часы Дворца показали страшный час. Встала заря из комет, а луна упала на роци манговых деревьев, влюбленные подобрали ее и в ней отразились их поцелуи.

Законы и предрассудки защищала армия под командованием доны Диноры и Пеланки Моуласа. Любовь и поэзию защищал Кардозо и Са, возлежащий на груди Зулмиры. Ему помогал Дьявол, и в двадцать два часа тридцать шесть минут рухнули порядок и феодальные традиции. Все, что уцелело от прежней морали, выставили в музей.

Однако крик Янсан поверг людей в смертельный страх. От Гуляки остался лишь серый дымок, кучка пепла и сердце, разбитое в сражении. Только и всего. Настал конец Гуляке и его страстям. Где это видано, чтобы покойник предавался любви на железной кровати?

В схватке наступил перелом. Эшу дрался из последних сил, окруженный со всех сторон,—пути к отступлению были отрезаны. Гуляка снова лежал в своем дешёвом гробу, в своей глубокой могиле. Прощай, Гуляка, прощай навсегда!

И вдруг по воздуху пронеслась женская фигура. Это, прорвавшись сквозь самые страшные запреты, преодолев расстояние и лицемерие, летела донна Флор. Её стон заглушил крик Янсан как раз в ту минуту, когда Эшу уже катился вниз по склону, а поэт сочинял эпитафию для Гуляки. На земле разгорелся костёр, в котором спородело время лжи.

29

В ясное, прохладное воскресное утро завсегдаги бари Мендеса на Кабесе смотрели, как по улице идет нарядная донна Флор, под руку со своим мужем. Супруги направлялись в Рио-Вермелью, где тетя Лита и дядя Порто ожидали их завтракать. Скромно опустив глаза, как и подобает серьезной замужней женщине, донна Флор отвечала на приветствия.

Сеу Вивалдо, оглядев дону Флор, заключил:

— Никогда бы не подумал, что Доктор Касторка окажется таким притким...

— Да, этот фармацевт многим даст сто очков вперед...— вмешался торговец святыми Алфредо.

— Вы только взгляните, как она хороша, просто прелесть! Лакомый кусочек, ничего не скажешь, и, судя по всему, очень довольна жизнью. У нее вид женщины, которая завела себе любовника...

— Не говорите глупостей! — вступился за дону Флор Мойзес Алвес, проматывающий состояние какаовый плантатор.— Если и есть в Баие честная женщина, так это донна Флор.

— А я разве возражаю? Я просто хочу сказать, что этот доктор только прикидывается святошей. Я преклоняюсь перед ним — никогда не думал, что он справится с такой красоткой.— И, восхищенно глядя на дону Флор,

сеу Вивалдо добавил: — Посмотрите только на ее бедра! Такое впечатление, будто кто-то их гладит... Счастливец этот доктор...

Идя под руку со счастливецом мужем, донна Флор нежно улыбается. Ах, этот Гуляка, летает вокруг нее и ласково касается ее груди и бедер, словно легкий утренний ветерок! В это светлое воскресное утро донна Флор идет по улице, довольная обоими своими мужьями.

На этом кончается история донны Флор и двух ее мужей, рассказанная во всех подробностях, история веселая и грустная, как сама жизнь. И история эта, хотите верьте, хотите нет, действительно произошла в Баие, где невероятное ни у кого не вызывает удивления. А если вы сомневаетесь, спросите у Кардозо и Са, он скажет вам, правда это или нет. Найти его можно на Марсе или в бедных кварталах города.

СОДЕРЖАНИЕ

Старые моряки. (Роман) Перевод Юрия Калугина . .	7
Дона Флор и два ее мужа. (Роман) Перевод Юрия Калугина	219

Амаду Ж.
А 61 Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 2. Старые моряки; Дона Флор и два ее мужа: Пер. с португ./Сост. И. Тертерян.— М.: Худож. лит., 1987.— 639 с.

В том включены романы «Старые моряки, или Чистая правда о сомнительных приключениях капитана дальнего плавания Васко Москово де Араган» и «Дона Флор и два ее мужа», относящиеся к баиянскому циклу, первый рассказывает о приключениях капитана дальнего плавания Васко Москово де Араган, никогда не ступавшего на палубу корабля, другой — о нравственности и любви.

А $\frac{4703000000-186}{028(01)-87}$ подписное

ББК 84.7Бр

ЖОРЖИ АМАДУ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

Редактор *Л. Бреверн*. Художественный редактор *Ю. Коннов*. Технический редактор *Е. Полонская*. Корректоры *Т. Калинина*, *И. Филатова*

ИБ № 4572

Сдано в набор 17.07.86. Подписано в печать 25.01.87. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типогр. №1. Гарнитура «обыкновенная». Печать высокая. Усл. печ. л. 33,6. Усл. кр.-отт. 33,6. Уч.-изд. л. 37,14. Тираж 100 000 экз. Изд. № УП-2108. Заказ № 238. Цена 4 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП. Москва, Б-78, Ново-Васманная, 19.

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

4p. 20к.